C 41/186

С 41/186

ПЕРЕПИСКА ЦИЦЕРОНА

КАКЪ ИСТОЧНИКЪ ДЛЯ ИСТОРІИ

ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ

ОТЪ НАЧАЛА СТОЛКНОВЕНІЯ ПОСЛѢДНЯГО СЪ СЕНАТОМЪ ДО ЕГО СМЕРТИ.

Павла Ардашева.

МОСКВА.

1890.

С 41/186

ПЕРЕПИСКА ЦИЦЕРОНА

КАКЪ ИСТОЧНИКЪ ДЛЯ ИСТОРІИ

ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ

ОТЪ НАЧАЛА СТОЛКНОВЕНІЯ ПОСЛѢДНЯГО СЪ СЕНАТОМЪ ДО ЕГО СМЕРТИ.

Non ut architectus, sed ut faber.
(Cic. ad Div. IX, 2.)

ГОСУДАРСТВ... ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛІОТЕКА СССР ИМ. В. И. ЛЕНИНА

Павла Ардашева.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1890.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
31715-49

ОТЪ АВТОРА.

Считаю необходимымъ предупредить моихъ читателей, что предлагаемая книга представляетъ собою «плодъ недолгой науки» автора, проще говоря, его студенческую работу. Это будетъ, слѣдовательно, только дѣло простой справедливости, если они не будутъ требовать отъ ученической работы того, чего были бы въ правѣ ожидать отъ работы ученой въ собственномъ смыслѣ. Недостатокъ эрудиціи и отсутствіе ученой техники, невыработанность методологическихъ пріемовъ и нетвердость критическаго такта,—все это не могло не отразиться на предлагаемомъ сочиненіи, какъ это сознаетъ и авторъ, хотя— читатель отдастъ ему справедливость—онъ сдѣлалъ, съ своей стороны, все, что было въ его силахъ, чтобы, по возможности, ослабить тѣ недостатки, избѣжать которыхъ ему не удалось. Ограниченность ученыхъ средствъ автора, естественнымъ образомъ, отразилась прежде всего на той сторонѣ работы, которая всего болѣе предъявляла на нихъ запросъ: критическая сторона, какъ и слѣдовало ожидать, вышла наиболѣе слабою. Сознавая свою слабость въ этой области, авторъ предпочиталъ дѣйствовать болѣе несмѣло, чѣмъ опрометчиво; вслѣдствіе этого, онъ старался больше ставить вопросовъ, чѣмъ разрѣшать; болѣе старался отмѣчать данныя, чѣмъ дѣлать незрѣлые выводы,—болѣе собирать строительный матерьялъ, чѣмъ строить зданіе. «Non ut architectus, sed ut faber» было его девизомъ, которому онъ строго старался слѣдовать, и который—надѣюсь—предохранилъ его отъ соблазна возводить эфемерныя постройки.—Болѣе, быть можетъ, удалось автору овладѣть матерьяломъ въ литературномъ смыслѣ. Но и здѣсь опытный взглядъ читателя замѣтитъ мѣстами слѣды той борьбы, которую неопытному автору приходилось вести съ собственнымъ матерьяломъ, и изъ которой ему, быть

можетъ, не всегда удавалось выходить побѣдителемъ. Неумѣнье оріентироваться въ обширномъ матерьялѣ, увлеченіе мелочами и неспособность создать цѣльную картину,—все это—увы!—слишкомъ хорошо извѣстно самому автору, чтобы не вынести отсюда того печальнаго убѣжденія, что легче сознавать недостатки своей работы, чѣмъ избѣжать ихъ, - легче видѣть, чѣмъ устранить. Надѣюсь, однако, что читатель тѣмъ охотнѣе проститъ молодому автору всѣ эти недостатки, чѣмъ менѣе будетъ имѣть поводовъ отказать ему въ любви къ своему дѣлу или заподозрить его добросовѣстность. Наконецъ, читатель можетъ убѣдиться, по крайней мѣрѣ, что авторъ извлекъ изъ своего матерьяла все, что можно было изъ него извлечь для его задачи, – собралъ всѣ данныя, какія только можно было найти разбросанными на всемъ протяженіи переписки Цицерона для исторіи Цезаря. Въ этомъ собственно—центръ тяжести настоящей работы, и тутъ, по крайней мѣрѣ, смѣю думать, автору удалось достигнуть болѣе или менѣе положительныхъ результатовъ: тутъ не требовалось ни эрудиціи, ни ученой техники,—достаточно было интереса къ предмету да кое-какой литературной сноровки. Эту, именно, сторону, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду и Факультетъ, который счелъ возможнымъ взять на себя иниціативу изданія настоящаго труда, и которому авторъ считаетъ пріятнѣйшимъ долгомъ выразить свою глубокую признательность за то просвѣщенное содѣйствіе, которое онъ оказалъ ему, предупредительно снабдивъ его необходимыми пособіями для предпринятаго имъ пересмотра и исправленія настоящаго труда.

Москва, 28 дек. 1889 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Характеристика переписки Цицерона какъ литературно-историческаго памятника.

*
* *

Школьное знакомство съ Цицерономъ у насъ такъ поставлено, что мы болѣе привыкли представлять его себѣ въ видѣ тома «тейбнеровской библіотеки», чѣмъ въ видѣ живой личности; съ его именемъ въ нашемъ представленіи гораздо ближе, по «ассоціаціи идей», стоитъ латинская стилистика, чѣмъ его историческая роль. О личности Цицерона мы знаемъ обыкновенно ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы посмѣяться надъ его любословіемъ, тщеславіемъ, трусостью и т. д. Что до исторической роли, то представленіе о ней у насъ обыкновенно исчерпывается тѣми сухими и отрывочными свѣдѣніями, которыя намъ сообщены были въ школѣ въ видѣ комментаріевъ къ одной—двумъ изъ его рѣчей. Разумѣется, что мы знаемъ также «изъ Иловайскаго» о подавленіи Цицерономъ катилинарнаго заговора и даже припомнимъ знаменитое когда-то, теперь опошленное и кажущееся потому болѣе забавнымъ, чѣмъ внушительнымъ, «quousque tandem.» Этимъ обыкновенно исчерпываются наши представленія о Цицеронѣ, личность котораго для насъ настолько же заслонилъ тейбнеровскій томъ, насколько стилистика—его историческую роль. А тутъ еще эти злополучныя extemporalia, всегда далекія отъ своего идеала, успѣли сдѣлать для насъ почти ненавистнымъ самое имя Цицерона, какъ синонимъ «мертвой латыни» и «классическаго» педантизма. Трудно найти другое историческое имя менѣе популярное среди нашего «образованнаго общества». Образованный человѣкъ, если онъ не спеціалистъ историкъ или филологъ,

считаетъ за особенное счастіе ничего не знать о Цицеронѣ, кромѣ того, что онъ вынесъ изъ гимназіи, т.-е. что это всѣмъ классикамъ классикъ и, слѣдовательно, главный виновникъ всѣхъ стилистикъ, отравлявшихъ его существованіе въ теченіе гимназическаго курса. Попробуйте среди «образованныхъ людей» заговорить о Цицеронѣ,— вы вызовете лишь снисходительную улыбку и озадаченное пожатіе плечами: дескать, какъ это можно интересоваться подобнымъ вздоромъ, который и безъ того успѣлъ набить зубы за школьной скамьей... Не знаютъ, и потому не хотятъ знать. Это тѣмъ прискорбнѣе, чѣмъ болѣе въ порядкѣ вещей; ибо недостаточно быть невѣждой для того, чтобы жаждать знанія... Не наша вина, если школьное изученіе древности у насъ такъ поставлено, что, не давая настоящаго знанія, оно убиваетъ въ то же время и всякій интересъ къ нему...

А между тѣмъ, трудно найти во всей древности болѣе живую, болѣе многостороннюю и болѣе интересную личность, чѣмъ Цицеронъ, жизнь и дѣятельность котораго полны столько же глубокаго драматизма, сколько самаго захватывающаго историческаго интереса. Это была одна изъ тѣхъ живыхъ и богато одаренныхъ натуръ, которымъ удается сохранить интеллектуальный интересъ и нравственную чуткость среди окружающей пошлости и нравственнаго огрубѣнія, и, что еще важнѣе, — сохранить молодое сердце и юношескую пылкость души до старческихъ сѣдинъ. Рѣдкое и въ наше время, подобное явленіе представляется уже совсѣмъ исключительнымъ въ суровые вѣка отдаленнаго прошлаго. Цицеронъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей древности, знакомясь съ которыми мы чувствуемъ, что понимаемъ ихъ гораздо лучше, имѣемъ съ ними гораздо болѣе общаго—въ идеалахъ, воззрѣніяхъ, въ симпатіяхъ и антипатіяхъ—, чѣмъ ихъ современники; ихъ точно по ошибкѣ забросила судьба въ суровые вѣка далекой древности, между тѣмъ какъ настоящее ихъ мѣсто—въ нашемъ вѣкѣ. Если вы хотите познакомиться съ этой интересной личностью, если вы хотите знать *живаго* Цицерона, ищите—и найдете его въ его перепискѣ, которую съ рѣдкою любезностью сохранила намъ судьба.

Читайте переписку Цицерона,—она откроетъ вамъ внутренній міръ этой живой, многосторонней, гуманной, богато одаренной личности Вы найдете въ немъ много роднаго; вы увидите, какъ бли-

зокъ къ вамъ этотъ человѣкъ, отдѣленный отъ васъ пространствомъ девятнадцати вѣковъ. Вы подружитесь съ нимъ безъ вѣдома для васъ; вы невольно полюбите этого человѣка, не смотря на то, что будете имѣть много поводовъ на него сердиться, иногда даже негодовать; это, правда, помѣшаетъ ему сдѣлаться вашимъ героемъ, но не помѣшаетъ вамъ сдѣлаться его пріятелемъ.

I.

Но мы пишемъ не біографію и не характеристику Цицерона. Переписка его важна и интересна для насъ другой своей стороной, той, именно, стороной, значеніе которой хорошо умѣли оцѣнить уже его современники. Одинъ изъ нихъ, извѣстный біографъ Корнелій Непотъ, состоявшій въ личномъ знакомствѣ съ Цицерономъ [1]) и написавшій хвалебную біографію его задушевнаго друга Аттика, говоритъ о письмахъ Цицерона къ послѣднему, что, прочитавши эти письма, нѣтъ уже надобности въ чтеніи «связной исторіи» (historia contexta): до такой степени полно раскрываютъ они современную исторію [2]). Въ этомъ отношеніи переписка Цицерона представляетъ собою, можно сказать, неисчерпаемый источникъ. Это настоящій кладъ для историка, кладъ настолько богатый, что трудно даже опредѣлить сразу размѣры его цѣнности, какъ трудно исчерпать его содержаніе. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ нельзя его считать ни исчерпаннымъ, ни вполнѣ оцѣненнымъ.

Что касается первой задачи, то историки уже давно черпаютъ полною рукою изъ этого поистинѣ неизсякаемаго источника. Знаменитая въ свое время, нынѣ почти забытая, книга Middleton'a (Life of Cicero въ двухъ том., вышла въ половинѣ прошлаго столѣтія) обязана своимъ богатымъ и занимательнымъ содержаніемъ почти исключительно перепискѣ Цицерона. Въ болѣе близкое къ намъ время, извѣстный авторъ шеститомной «Исторіи Рима въ періодъ перехода отъ республики къ имперіи» (вышла въ тридцатыхъ го-

[1]) Переписка Цицерона съ Корн. Непотомъ не сохранилась, но мы имѣемъ цитаты изъ нея у Макробія, Saturn. II. 1. 14, Присціана, VIII. 4. 17., Светонія, Caes. 55. и Амміана Марцеллина XXI. 16. 13. [2]) Corn. Nep. vita Att. XVI.

дахъ), Друманнъ, не написалъ бы и половины, еслибы также не черпалъ полною рукою изъ того же богатаго источника. То же можно сказать о новѣйшемъ трудѣ Меривеля (The fall of the Roman republic, London 1859.). Возьмите, наконецъ, какое угодно изъ современныхъ сочиненій по римской исторіи — Дюрюи, Моммсена, Петера—, вездѣ вы найдете, что цѣлыя главы, касающіяся внутренней исторіи послѣднихъ лѣтъ римской республики, построены почти исключительно на томъ матерьялѣ, который даетъ переписка Цицерона, ибо иначе эти главы бы совершенно отсутствовали.

Наконецъ, въ послѣднее время этотъ замѣчательный и интересный памятникъ нашелъ себѣ достойнаго изслѣдователя въ лицѣ талантливаго французскаго ученаго Гастона Буасье, счастливымъ образомъ соединившаго въ себѣ французское остроуміе съ нѣмецкою добросовѣстностью, литературный талантъ съ эрудиціей спеціалиста. Благодаря этому рѣдкому соединенію двухъ въ отдѣльности вовсе нерѣдкихъ качествъ, г. Буасье является не только солиднымъ изслѣдователемъ, но и занимательнымъ популяризаторомъ.

Единственное изъ его сочиненій, переведенное на русскій языкъ, какъ разъ относится, именно, къ занимающему насъ предмету: это— «Цицеронъ и его друзья» (Москва, 1880 г., переводъ со 2-го изд.; первое изд. Paris 1865.). Этому сочиненію, представляющему блестящій образчикъ того, какъ можно пользоваться такимъ матерьяломъ, какъ переписка Цицерона, мы отъ души желаемъ распространенія среди русской образованной публики, воспитанной на школьномъ «Цицеронѣ»; послѣдней знакомство съ нимъ доставитъ, быть можетъ, болѣе пользы, чѣмъ французамъ, для которыхъ оно писано, или нѣмцамъ, которые перевели его для себя, разумѣется, гораздо ранѣе насъ. Мы не говоримъ уже о томъ удовольствіи, которое доставляетъ чтеніе этой живо и увлекательно написанной книги. Авторъ, разумѣется, счелъ бы долгомъ рекомендовать книгу г. Буасье своимъ читателямъ, еслибы не былъ увѣренъ, что она уже имъ знакома. Но само собою разумѣется, что послѣдняя также мало можетъ замѣнить непосредственное знакомство съ самой перепиской, какъ и предлагаемое сочиненіе, которое можетъ лишь служить комментаріемъ къ ней, какъ сочиненіе г. Буасье—иллюстраціей. Необходимо самому читать переписку, чтобы получить представленіе о томъ высокомъ наслажденіи, которое заключается въ непосредственномъ

созерцаніи этой великой исторической сцены, которую открываетъ предъ нами переписка, позволяя намъ окинуть ее однимъ взглядомъ съ высоты девятнадцати вѣковъ. Она не только развертываетъ предъ нами эту сцену, не только приподнимаетъ скрывающій ее занавѣсъ; она, кромѣ того, приближаетъ ее къ намъ, или вѣрнѣе—насъ къ ней, приближаетъ на такое разстояніе, что заставляетъ насъ забыть о длинномъ рядѣ долгихъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ нея; заставляетъ насъ самихъ принимать участіе въ жизни тѣхъ историческихъ лицъ, въ кругъ которыхъ она насъ вводитъ, переживать вмѣстѣ съ ними тѣ великіе и мелкіе вопросы, которые ихъ занимаютъ; тѣ чувства и идеи, которыя ихъ воодушевляютъ; тѣ радости и печали, которыя ихъ волнуютъ... Читатель, знакомый съ исторіею этого времени лишь изъ систематическихъ руководствъ и пріученный послѣдними держаться въ извѣстномъ почтительномъ отдаленіи отъ этихъ великихъ событій и великихъ людей, которые такъ поражали его своей грандіозностью и, такъ сказать, недоступностью, и очутившійся вдругъ въ ихъ кругу, лицомъ къ лицу съ этими Цезарями, Помпеями, Цицеронами, которые до сихъ поръ представлялись ему такими чуждыми и, если можно такъ выразиться, отвлеченными,— читатель, говорю я, невольно поддается тому опьяняющему впечатлѣнію, о которомъ говоритъ Нибуръ, знавшій, быть можетъ, какъ никто другой, цѣну «этого дивнаго наслажденія — жить полною жизнью (lebendig zu weben) въ прекраснѣйшемъ прошедшемъ.» Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь прекрасныя слова г. Буасье, въ которыхъ онъ столько же кратко, сколько краснорѣчиво, формулируетъ историческое значеніе переписки Цицерона. Чтеніе ея, говоритъ онъ, «ставитъ насъ среди самаго разгара событій и даетъ намъ возможность слѣдить за ними день за днемъ. Не смотря на отдѣляющіе насъ отъ нихъ восемнадцать (?) вѣковъ, намъ кажется, что они происходятъ у насъ предъ глазами, причемъ наше положеніе имѣетъ еще ту исключительную выгоду, что эти событія находятся настолько близко отъ насъ, что мы можемъ видѣть ихъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и настолько далеко, что можемъ судить о нихъ безпристрастно.» [1])

Никто до г. Буасье не освѣтилъ такъ глубоко значенія переписки Цицерона, какъ онъ сумѣлъ это сдѣлать въ сжатомъ очеркѣ,

[1]) По 1 фр. изд. р. 2.

который онъ предпосылаетъ своему сочиненію [1]). И до него многіе и почтенные ученые занимались и по своему увлекались этимъ памятникомъ, принадлежащимъ столько же исторіи литературы, сколько исторіографіи. Переводили на родной языкъ, комментировали. Въ предисловіяхъ къ этимъ многочисленнымъ переводамъ и комментаріямъ всѣ они въ одинъ голосъ, хотя и на разные лады, говорятъ о важномъ историческомъ значеніи заинтересовавшаго ихъ памятника, но обыкновенно все дѣло ограничивается при этомъ нѣсколькими общими замѣчаніями и болѣе или менѣе краснорѣчивыми фразами, выражающими въ сущности одну и ту же мысль, именно, вышеприведенную мысль, высказанную еще Корн. Непотомъ. Собственно, это даже и не мысль, а скорѣе—впечатлѣніе, высказанное въ формѣ мысли. Г. Буасье первый попытался дать себѣ отчетъ въ этомъ впечатлѣніи. Онъ не только сдѣлалъ удачный опытъ воскресить по даннымъ переписки личность Цицерона и нѣкоторыхъ изъ его друзей въ одинъ изъ самыхъ полныхъ захватывающаго интереса историческихъ моментовъ, но и попытался объяснить тѣ неоцѣненныя для историка свойства этого историческаго памятника, которыми онъ такъ блестяще сумѣлъ воспользоваться, не только какъ ученый, но и какъ истый художникъ. Онъ не только воспользовался этимъ богатымъ кладомъ для того, чтобы, по примѣру своихъ предшественниковъ, черпать изъ него полною рукою, но и захотѣлъ объяснить себѣ, какъ и откуда явился этотъ кладъ, и что за причины такого его богатства. Мы не будемъ здѣсь повторять тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришелъ въ этомъ случаѣ г. Буасье, и которые, быть можетъ, уже знакомы нашимъ читателямъ. Въ слѣдующей главѣ мы попытаемся дополнить то, что болѣе или менѣе ускользнуло отъ вниманія г. Буасье, а также сдѣлать кое-какія его ворки по поводу нѣкоторыхъ его замѣчаній.

II.

Г. Буасье пишетъ подъ живымъ, не остывшимъ впечатлѣніемъ отъ чтенія переписки Цицерона, а потому, естественно, впадаетъ въ преувеличенія и односторонность при оцѣнкѣ историческаго значенія обворожившаго его памятника. Мы привели выше его слова не по-

[1]) Ib. p. 1—28.

тому, чтобы въ нихъ заключалась глубокая научная истина, а потому, что они вѣрно передаютъ то впечатлѣніе, которое производитъ на читателя «съ тонкимъ чувствомъ»—von hellem Korfe, какъ выражается Виландъ, ея чтеніе. Но будучи вполнѣ вѣрны какъ *впечатльнія*, слова эти не совсѣмъ точны какъ *мысль*. Невѣрность и односторонность этой мысли выступаетъ еще рельефнѣе въ связи съ предшествующими строками. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, мы находили здѣсь (въ перепискѣ) исторію болѣе живую и болѣе правдивую, нежели въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, написанныхъ съ спеціальною цѣлью—познакомить насъ съ нею. Что мы могли бы узнать больше отъ Азинія Полліона, Тита Ливія или Кремунція Корда, еслибы они до насъ сохранились? Они сообщили бы намъ свои личныя мнѣнія; но мнѣнія эти въ большинствѣ случаевъ подозрительны: они исходятъ отъ людей, которые не хотѣли или не могли говорить всю правду,—которые писали при императорскомъ дворѣ, какъ Титъ Ливій, или которые, подобно Полліону, надѣялись заслужить прощеніе за свою измѣну, говоря какъ можно болѣе дурнаго о тѣхъ, кому они измѣнили. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы принимать уже готовыя мнѣнія, лучше составитъ свое собственное, что дѣлаетъ для насъ возможнымъ чтеніе переписки Цицерона. Оно ставитъ насъ среди самаго разгара событій и т. д.» [1])

Спору нѣтъ, что данная эпоха несравненно живѣе и въ извѣстномъ смыслѣ правдивѣе представляется въ перепискѣ Цицерона, чѣмъ въ позднѣйшихъ «систематическихъ исторіяхъ» (historiae contextae). Но правда ли то, что переписка Цицерона устраняетъ совершенно потребность въ другихъ, хотя бы и позднѣйшихъ, источникахъ, для знакомства съ исторіей данной эпохи? Правда ли то, что мы не должны сожалѣть объ утратѣ сочиненій Азинія Полліона и Тита Ливія? Правда ли то, что мы бы ничего не узнали изъ нихъ новаго, кромѣ ихъ личныхъ мнѣній? Правда ли, наконецъ, то, что одной переписки Цицерона достаточно для того, чтобы «составить себѣ собственное мнѣніе»?..

Для того, чтобы имѣть право утверждать первое, г. Буасье нужно было бы прежде доказать возможность конструировать исторію данной эпохи исключительно на основаніи того матерьяла, который

---

[1]) p. 2.

даетъ переписка. Въ невозможности этого убѣдился бы самъ г. Буасье, еслибы попытался написать исторію Рима—мы не говоримъ уже за всѣ тѣ 25 лѣтъ, которыя обнимаетъ собою переписка Цицерона (686—711)—, но хотя бы просто за одинъ единственный годъ, только на основаніи одной переписки! Дѣло въ томъ, что если, съ одной стороны, переписка подкупаетъ насъ свѣжестью и, такъ сказать, непосредственностью извѣстій, живостью событій, въ которыя она насъ вводитъ, то, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ вида того, что, за исключеніемъ очень немногихъ случаевъ, она даетъ все-таки только обрывки, хотя бы и живыхъ, событій, обрывки которые срастаются въ одно живое тѣло только при помощи тѣхъ данныхъ, которыя мы почерпаемъ изъ другихъ источниковъ, т. е., главнымъ образомъ, изъ позднѣйшихъ историковъ, которые, къ тому-же, имѣютъ для насъ несравненно меньшую цѣну, чѣмъ имѣли бы Титъ Ливій и Азиній Полліонъ, которыми мы, правда, и теперь пользуемся, но уже изъ вторыхъ рукъ; да и за то еще должны благодарить судьбу, что она сохранила для насъ эти, хотя и далеко менѣе цѣнные, но все-таки драгоцѣнные источники, и не оставила насъ съ одной перепиской Цицерона, которая, къ тому же, сама утратила бы тогда значительную долю того значенія, которое имѣетъ теперь, благодаря тѣмъ драгоцѣннымъ указаніямъ, которыя мы находимъ у этихъ такъ третируемыхъ г. Буасье историковъ,—указаніямъ, которыя помогаютъ намъ ориентироваться въ перепискѣ, помогаютъ привести въ порядокъ разрозненныя данныя, соединить разбросанные осколки въ одно цѣлое, и, такимъ образомъ, уясняютъ многое, что иначе осталось бы для насъ темнымъ и непонятнымъ. Ниже мы увидимъ, что относительно многихъ историческихъ фактовъ, и въ томъ числѣ нѣкоторыхъ фактовъ первостепенной важности, переписка даетъ или только отрывочныя и неясныя указанія, намеки, или даже и вовсе никакихъ указаній не даетъ. Объясняется это, какъ увидимъ, отчасти этой «обрывочностью» извѣстій, сообщаемыхъ перепиской; съ другой стороны, присутствіемъ болѣе или менѣе значительныхъ пробѣловъ въ ней, такъ что утвержденіе г. Буасье, что переписка «даетъ намъ возможность слѣдить за событіями *день за днемъ*», нуждается въ существенной оговоркѣ.

Наконецъ, изъ приведенныхъ словъ г. Буасье можно было бы заключить, что переписка передастъ намъ историческіе факты вполнѣ

въ ихъ объективномъ видѣ, безъ всякой примѣси субъективнаго элемента, безъ того, что называется окраской, однимъ словомъ, что въ перепискѣ историку не приходится имѣть дѣла съ «личными мнѣніями», которыя г. Буасье считаетъ почему-то исключительною принадлежностью «систематическихъ сочиненій». Опять-таки эти неосторожныя слова слѣдуетъ приписать тому увлеченію, которымъ вообще характеризуется отношеніе нашего автора къ своему предмету. Ни же мы убѣдимся въ томъ, что историку, берущемуся за изученіе писемъ Цицерона, приходится выдерживать не меньшую борьбу съ «съ личными мнѣніями», чѣмъ въ «систематическихъ сочиненіяхъ». Если г. Буасье серьезно полагаетъ, что «собственное мнѣніе» гораздо легче составить по одной перепискѣ, не прибѣгая къ помощи другихъ источниковъ, то мы бы предложили ему составить такимъ путемъ «собственное мнѣніе», напримѣръ, о личности Цезаря. Мы не знаемъ, какъ бы поступилъ въ этомъ случаѣ г. Буасье; но, во всякомъ случаѣ, ему пришлось бы тогда выбирать одно изъ двухъ: или отдаться всецѣло своему источнику и усвоить себѣ то представленіе о личности Цезаря, какое проводится въ письмахъ Цицерона, другими словами, принять его воззрѣнія безъ всякой критики; или же отнестись критически къ послѣднимъ и попытаться составить себѣ болѣе самостоятельное представленіе. Но что бы сталъ дѣлать г. Буасье въ этомъ послѣднемъ случаѣ, еслибы не имѣлъ подъ собой болѣе или менѣе твердой почвы въ другихъ источникахъ, слѣдовательно, главнымъ образомъ, въ позднѣйшихъ историкахъ, т.-е. еслибы онъ не имѣлъ другихъ данныхъ для провѣрки цицероновскихъ воззрѣній и представленій, кромѣ данныхъ самой же переписки?... Въ такомъ случаѣ ему оставался бы одинъ единственный путь, скользкій путь догадокъ, субъективныхъ гипотезъ и комбинацій. Однимъ словомъ, въ результатѣ получилось бы одно изъ двухъ: или прямо ложное, анти-историческое представленіе въ первомъ случаѣ, или гипотетическое, субъективное въ послѣднемъ. Только опираясь на провѣренныя критикой данныя всей совокупности источниковъ, можно было бы составить себѣ «собственное мнѣніе» о Цезарѣ, свободное въ большей или меньшей степени отъ субъективныхъ воззрѣній и болѣе или менѣе близкое къ исторической истинѣ.

Итакъ, очевидно, г. Буасье, съ одной стороны, преувеличиваетъ значеніе переписки Цицерона, какъ историческаго источника, съ дру-

гой—впадаетъ въ односторонность. Преувеличеніе заключается въ томъ, что, по его словамъ, переписка даетъ полную исторію современной эпохи; односторонность заключается въ томъ, что онъ противополагаетъ ее позднѣйшимъ историкамъ, какъ источникъ несравненно болѣе цѣнный и дѣлающій какъ бы совсѣмъ излишними послѣднихъ. Кто дастъ себѣ трудъ, хотя поверхностно, ознакомиться съ предлагаемымъ сочиненіемъ, тотъ убѣдится въ односторонности подобнаго взгляда. Утверждать, что переписка можетъ замѣнить собою историковъ, такъ же непозволительно, какъ и обратное утвержденіе. Это такъ же странно, какъ утверждать, что для письма достаточно одного пера, и что оно можетъ замѣнить собою чернила, или наоборотъ. Въ томъ-то и дѣло, что, *какъ историческій источникъ, переписка Цицерона имѣетъ свою особую область значенія*, служитъ, такъ сказать, свою особую службу въ дѣлѣ исторической реконструкціи. Центръ тяжести ея историческаго значенія лежитъ совершенно въ другой сферѣ, нежели у другихъ источниковъ; сущность ея значенія заключается не въ конкурренціи, не въ борьбѣ за существованіе съ прочими историческими памятниками, а въ томъ взаимодѣйствіи съ послѣдними, въ результатѣ котораго только и является возможною историческая реконструкція данной эпохи: и та и другіе такъ же одинаково необходимы для послѣдней, какъ одинаково необходимы для картины краски и полотно. Дѣло вовсе не въ томъ, что переписка даетъ, такъ сказать, дневникъ событій, «день за днемъ», по выраженію г. Буасье,—что совершенно неправда; въ этомъ отношеніи она далеко уступаетъ историкамъ, которые собственно и даютъ фактическую канву исторіи, historiam contextam. Правда, что и въ этомъ отношеніи переписка даетъ цѣнныя указанія, но, тѣмъ не менѣе, тутъ ея значеніе совершенно второстепенное; сущность же ея исторической цѣнности заключается въ томъ, что она освѣщаетъ намъ ту сторону современной исторіи, которую оставляютъ совершенно въ тѣни историки. Обыкновенно они подробно передаютъ внѣшнюю исторію, подробно разсказываютъ о сраженіяхъ, переговорахъ, тріумфахъ, но мало интересуются внутреннею политическою жизнью данной минуты. Больше сравнительно можно найти въ этомъ отношеніи у Діона Кассія, отчасти у Аппіана; но, вопервыхъ, сообщаемыя ими свѣдѣнія по этому предмету крайне недостаточны. Если они и занимаются этой стороной, то ровно настолько, насколько это необходимо для

драматизма, который они стараются внести въ свой разсказъ. Интересъ ихъ, поэтому, сосредоточивается главнымъ образомъ на отдѣльныхъ личностяхъ, играющихъ ту или другую роль на исторической сценѣ; они пользуются всякимъ удобнымъ моментомъ, всякимъ сколько-нибудь драматическимъ положеніемъ лица въ извѣстный моментъ для того, чтобы вложить въ его уста подходящую къ случаю *сочиненную* рѣчь. Понятно, что эти рѣчи, которыя у древнихъ историковъ часто замѣняютъ собою главы по внутренней исторіи въ современныхъ сочиненіяхъ, имѣютъ не болѣе цѣны, чѣмъ всякая болѣе или менѣе искусная поддѣлка. Цѣнность ихъ еще болѣе падаетъ вслѣдствіе того наблюденія, что этимъ историкамъ, какъ слишкомъ позднимъ и притомъ грекамъ, не достаетъ часто правильнаго пониманія римской дѣйствительности отдаленнаго прошлаго. Вслѣдствіе этого, и безъ того скудныя данныя этой категоріи теряютъ значительную долю своей исторической цѣнности. *Вотъ здѣсь то и цѣнна переписка Цицерона*, цѣнна тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе замѣнима. Можно сказать, что ея значеніе начинается тамъ, гдѣ кончается значеніе другихъ источниковъ; она какъ разъ покрываетъ собою тотъ пробѣлъ, который оставляютъ послѣдніе. Она проливаетъ яркій свѣтъ на внутреннюю политическую жизнь Рима во время «заката республики», по живописному выраженію Цицерона. Она даетъ намъ яркую характеристику современныхъ партій и ихъ взаимныхъ отношеній; а если мы вспомнимъ, что въ борьбѣ партій заключалась въ это время суть политической жизни Рима, то значеніе переписки станетъ для насъ еще осязательнѣе. Она даетъ намъ часто возможность вскрыть внутреннія причины тѣхъ событій, внѣшнюю исторію которыхъ сообщаютъ намъ историки. Она даетъ намъ возможность проникнуть во внутреннюю жизнь партій, въ ихъ идеалы и стремленія. Въ этомъ отношеніи она не только дополняетъ историковъ, но и позволяетъ, опираясь на твердую почву, устранить то часто наивное и совершенно неисторическое освѣщеніе фактовъ, по которому они представляются результатомъ личныхъ мотивовъ и личныхъ счетовъ тѣхъ или другихъ личностей: а съ такого именно рода освѣщеніемъ намъ приходится нерѣдко встрѣчаться у историковъ. Переписка Цицерона гораздо глубже раскрываетъ внутреннія отношенія и проливаетъ много свѣта на эту сторону исторіи, въ особенности письма самого

Цицерона, представляющія въ общемъ краснорѣчивую profession de foi ихъ автора, могутъ служить прекрасной иллюстраціей политическаго міросозерцанія и стремленій той партіи, дѣятелемъ которой былъ Катонъ, а публицистомъ Цицеронъ, т.-е. партіи ортодаксальныхъ республиканцевъ, которую не совсѣмъ точно называютъ оптиматской партіей.

III.

Итакъ, *значеніе переписки Цицерона, какъ историческаго источника, основывается на томъ, что она имѣетъ свою спеціальную область, которую она преимущественно освѣщаетъ, и въ которой не можетъ быть замѣнена другими источниками.* Это не значитъ, однако, чтобы, помимо этой спеціальной области, она была лишена всякаго значенія,—чтобы относительно другихъ сторонъ исторіи она не могла намъ ничего сказать новаго или важнаго. Если нельзя утверждать, чтобы она дѣлала излишними прочіе источники, то столько же мало можно утверждать и противное. Ея значеніе въ этомъ отношеніи не такъ безусловно и всеобъемлюще, какъ это можно было бы заключить изъ словъ г. Буасье; тѣмъ не менѣе, оно все-таки очень важно.

Вопервыхъ, изъ нея можно извлечь массу данныхъ чисто фактическихъ, которыхъ мы не находимъ въ остальныхъ источникахъ, а которыя, между тѣмъ, служатъ часто очень важнымъ дополненіемъ къ послѣднимъ. Такъ, переписка даетъ много цѣнныхъ указаній относительно первыхъ двухъ мѣсяцевъ гражданской войны, дополняющихъ въ этомъ отношеніи разсказъ какъ позднѣйшихъ историковъ, такъ и самого Цезаря. Таковы свѣдѣнія о ресурсахъ Цезаря и Помпея наканунѣ войны [1]), о настроеніи римскаго общества и итальянскаго населенія въ этотъ моментъ [2]); уцѣлѣвшія письма Помпея къ Домицію наканунѣ и во время осады Корфинія Цезаремъ [3]) не только уясняютъ многое въ этомъ дѣлѣ, бывшемъ какъ бы прообразомъ Фарсала, но освѣщаетъ также и общіе планы Помпея и т. д.

---

[1]) 307. ad Att. VII. 13.—298, 6. ad Att. VII. 7.—309. 3. ad Att. VII. 15.

[2]) 296. ad Att. VII. 5.—297. ad Att. 6.—298. ad Att. VII. 7.

[3]) 336. ad Att. VIII. 12. B. C. D.

Она же даетъ возможность дополнить тотъ списокъ причинъ пораженія Помпея при Фарсалѣ, который можно извлечь изъ прочихъ источниковъ [1]). Но главное значеніе переписки въ этомъ отношеніи заключается не столько въ этихъ отдѣльныхъ указаніяхъ, сколько въ цѣломъ рядѣ данныхъ одной категоріи, почти совершенно игнорируемыхъ историками, а между тѣмъ чрезвычайно важныхъ для исторической реконструкціи. Это *данныя хронологическія*. Правда, что эти хронологическія указанія касаются по большей части мелкихъ фактовъ, не имѣющихъ самостоятельнаго историческаго значенія; но, взятыя въ цѣломъ, эти мелкія указанія получаютъ важное значеніе. При помощи этого матерьяла становится возможнымъ возстановить ту хронологическую послѣдовательность, хронологическую нить, которая у историковъ оказывается часто настолько спутанною, что труднымъ становится уразумѣть историческую послѣдовательность событій. Особенно ощутительно выступаетъ это затрудненіе при сравненіи изложеній различныхъ историковъ. Читая повѣствованіе объ одномъ и томъ же рядѣ фактовъ у разныхъ историковъ, выносишь совершенно различное впечатлѣніе, и это зависитъ не всегда отъ одного только различія въ пріемахъ разсказа и въ освѣщеніи фактовъ, но иногда исключительно отъ неясности хронологической послѣдовательности передаваемыхъ событій. Историкъ точно полагаетъ, что онъ исполнилъ свой долгъ, если назвалъ имена консуловъ того года, событія котораго онъ намѣревается излагать; дальнѣйшія хронологическія указанія онъ считаетъ излишними; онъ даже не считаетъ необходимымъ строго соблюдать въ своемъ разсказѣ хронологическую послѣдовательность событій въ предѣлахъ одного и того же года. Благодаря такому небрежному отношенію историковъ къ этой сторонѣ историческаго повѣствованія, сплошь и рядомъ приходится наталкиваться на такіе примѣры, какъ у Діона Кассія [2]), гдѣ событія имѣвшія мѣсто послѣ Фарсальской битвы [3]), трактуются какъ предшествовавшія ей. Въ подобныхъ случахъ переписка, съ своими мелкими, но многочисленными хронологическими указаніями, дастъ въ руки историку прекрасный и надежный коррективъ. Для примѣра укажемъ на одно мѣсто въ запискахъ Цезаря [4]), гдѣ онъ—намѣрен-

[1]) 446. ad Div. IX. 6.—324, 2. ad Div. XV. 15.—452, 2. ad Div. VII. 3.—438, 2. ad Div. V. 21.—304. ad Att. XI. 9. [2]) XLII. 11. [3]) B. Alex. 42—47. [4]) Caes. b. civ. I. 30—32.

но ли или по небрежности—перепуталъ хронологическую послѣдовательность двухъ событій: занятія Сициліи Куріономъ и возвращенія Цезаря въ Римъ (705 г.). Переписка даетъ возможность не только констатировать эту путаницу, но и возстановить дѣйствительную хронологическую связь между этими событіями, связь какъ разъ идущую въ разрѣзъ съ повѣствованіемъ Цезаря [1]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что переписка Цицерона является не только цѣннымъ историческимъ источникомъ, но и важнымъ критическимъ подспорьемъ. Сравнивая, сопоставляя ее съ историками, мы имѣемъ возможность провѣрять ихъ извѣстія и, въ случаѣ нужды, пользоваться ею для исправленія послѣднихъ; говоря коротко, *переписка служитъ не только существеннымъ дополненіемъ къ прочимъ источникамъ, но также и чрезвычайно важнымъ коррективомъ.* Въ послѣдующемъ изложеніи мы сдѣлаемъ нѣсколько попытокъ приложить къ частнымъ случаямъ эту сторону переписки. Главнымъ же образомъ намъ придется воспользоваться ею для критической оцѣнки относящихся къ нашей задачѣ записокъ современниковъ (Цезаря и др.), съ точки зрѣнія ихъ исторической достовѣрности.

Но и помимо этого критическаго и конструктивнаго значенія, нѣкоторыя хронологическія данныя переписки не лишены и самостоятельнаго историческаго значенія, какъ напр., дата (вѣроятная) перехода черезъ Рубиконъ. [2]) Хорошіе результаты въ этомъ отношеніи получаются иногда изъ комбинаціи данныхъ переписки съ данными другихъ источниковъ. Мы приведемъ два примѣра.

1) Дата паденія Корфиніи (сдача Доминія). Въ запискахъ Цезаря [3]) мы читаемъ, что, послѣ взятія Корфиніи, онъ простоялъ тамъ *семь дней.* А въ одномъ изъ писемъ Цицерона [4]) находимъ указаніе, что Цезарь оставилъ Корфиній въ Фераліи, т. е. *22 февр.* (705 г.). Итакъ, 22 февр. есть седьмой день послѣ взятія Корфиніи. Слѣдовательно Корфиній взятъ *16 февр.*

2) Дата бѣгства Помпея изъ Брундузія. Изъ переписки [5]) намъ извѣстно, что Цезарь подступилъ къ Брундузію *9 марта* (705 г.)

---

[1]) 382, 3. ad Att. X. 16.—359. ad Att. IX. 18. См. ниже, данн. противор. § 3. [2]) См. Хрон. табл. [3]) B. C. I. 23. [4]) 338, I. ad. Att. VIII. 14. [5]) 354. ad. Att. IX. 12 и 13 extr. и 355. ad Att. IX. 14.

и тотчасъ же приступилъ къ осаднымъ работамъ. Цезарь въ своихъ «комментаріяхъ» пишетъ, [1]) что «послѣ того какъ онъ потратилъ цѣлыхъ *девять дней* на осадныя работы, возвратились въ Брундузій корабли, отвезшіе одну часть войска съ консулами въ Диррахій». Итакъ, возвратившись изъ Диррахія, флотъ Помпея причалилъ къ Брундузію на девятый день, считая съ 9 марта, т. е. *17 марта*. Принимая во вниманіе ту крайнюю поспѣшность, съ какой Цезарь производилъ осадныя работы, имѣвшія цѣлью совершенно запереть Помпея въ Брундузіѣ, естественно думать, что послѣдній также спѣшилъ скорѣе убѣжать оттуда. Очень вѣроятно, поэтому, предположеніе, что онъ въ тотъ же день посадилъ на суда свое войско и бѣжалъ изъ Брундузія. Навстрѣчу этому предположенію идетъ изъ переписки указаніе, категорически подтверждающее первое. Именно, Маціи и Требаціи въ письмѣ къ Цицерону [2]) съ дороги (изъ Капуи) сообщаютъ ему въ видѣ слуха, что «Помпей со всѣмъ войскомъ оставилъ Брундузій *17 марта*».

IV.

Одно изъ самыхъ цѣнныхъ достоинствъ переписки Цицерона, какъ историческаго памятника, заключается въ томъ, что *она представляетъ собою самый чистый изъ всѣхъ источниковъ*, какіе мы имѣемъ для даннаго времени,—чистый въ томъ смыслѣ, что въ немъ мы не находимъ того мутнаго осадка, который часто препятствуетъ отчетливо отличать историческую правду отъ тѣхъ наростовъ и искаженій, которыя такъ часто приходится наблюдать, въ особенности у позднѣйшихъ историковъ, получавшихъ свои свѣдѣнія изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, да кромѣ того, еще изощрявшихъ нерѣдко свое реторическое краснорѣчіе и пытавшихъ силу своего поэтическаго творчества на историческомъ матерьялѣ. Въ перепискѣ Цицерона, въ этихъ письмахъ людей, которые были не только свидѣтелями, но большею частію и участниками тѣхъ событій, о которыхъ они пишутъ,—и преимущественно, конечно, въ письмахъ самого Цицерона—мы слышимъ непосредственный, живой отголосокъ этихъ событій. Эти люди, которые такъ глубоко заинтересованы въ томъ, что вок-

[1]) B. C. I. 27. [2]) 356 ad. Att. IX. 15. A. Также хрон. таб.

ругъ нихъ происходитъ, и спѣшащіе передать другъ другу, посредствомъ этихъ по большей части краткихъ epistolae, каждую послѣднюю новость,—пишущіе подъ непосредственнымъ, не улегшимся впечатлѣніемъ только что происшедшаго,—они не заботятся ни о красотѣ слога, ни о занимательности изложенія, еще менѣе помышляя о томъ, чтобы изукрасить фактъ; пишущій знаетъ, что его адресатъ не нуждается въ искусственномъ возбужденіи интереса къ тому, о чемъ онъ и безъ того ждетъ не дождется узнать. Вотъ почему и вотъ въ какомъ смыслѣ можно назвать переписку чистымъ источникомъ. Но только въ этомъ смыслѣ, потому что нельзя сказать вообще, чтобы она была во всѣхъ отношеніяхъ, безусловно чистымъ источникомъ, не нуждающимся въ критическомъ фильтрѣ. Если она свободна отъ тѣхъ наростовъ, которые у позднѣйшихъ историковъ являются помимо ихъ личной воли, въ силу ихъ фактической зависимости отъ своихъ источниковъ; если, далѣе, она свободна отъ тѣхъ сознательныхъ и преднамѣренныхъ искаженій, которыя являются результатомъ личнаго реторическаго и поэтическаго творчества историковъ, то это еще не значитъ, чтобы исторической критикѣ нечего было дѣлать въ перепискѣ. И здѣсь историку необходимо быть постоянно на сторожѣ и подъ часъ пускать въ дѣло хирургическій ножъ исторической критики.

Прежде всего, ему приходится здѣсь считаться съ тѣмъ элементомъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ необходимо бываетъ устранить, хотя, съ другой стороны, какъ увидимъ, ему обязана переписка значительною долею той цѣнности, которую она имѣетъ, какъ историческій источникъ. Мы разумѣемъ *субъективный элементъ въ перепискѣ*. Уже въ силу того одного обстоятельства, что авторы переписки были вмѣстѣ съ тѣмъ и сами не только заинтересованными платонически въ тѣхъ событіяхъ, о которыхъ они пишутъ, но нѣкоторые изъ нихъ, особенно самъ Цицеронъ, были прямо въ нихъ замѣшаны лично: уже въ силу одного этого обстоятельства, они, естественнымъ образомъ, не могли относиться безпристрастно, объективно, къ происходившему вокругъ нихъ; въ своихъ письмахъ они, такъ сказать, вторично переживаютъ тѣ событія, о которыхъ пишутъ. Затѣмъ, если мы примемъ во вниманіе историческій моментъ; если мы припомнимъ, что это было время самаго разгара политической борьбы, время наибольшаго обостренія партійныхъ противо-

положностей и наивысшаго напряженія политическихъ страстей,— для насъ ясно станетъ, что они и не могли иначе относиться къ современнымъ событіямъ, не могли иначе писать о нихъ, чѣмъ это мы въ дѣйствительности находимъ, т. е. давая большой просторъ своему чувству, своимъ симпатіямъ и антипатіямъ, своимъ политическимъ страстямъ, то восторгаясь и впадая въ тонъ панегирика, то негодуя и протестуя, впадая въ топъ сатиры, памфлета. Не вездѣ, разумѣется, встрѣчаемъ мы, именно, такое, *страстное* отношеніе къ тому, что для нихъ составляло животрепещущій и жгучій вопросъ, а для насъ теперь—не болѣе, какъ историческій фактъ; но *субъективное* отношеніе—вездѣ. Въ какой бы уголокъ переписки мы ни заглянули, всюду, гдѣ только дѣло касается политической злобы дня, всюду видна та или другая субъективная точка зрѣнія, то или другое субъективное воззрѣніе, та или другая партійная тенденція. По этому, то́, что даетъ намъ переписка исторически-фактическаго, мы получаемъ не въ видѣ сырья, а до извѣстной степени уже переработаннымъ, перевареннымъ субъективною мыслью пишущаго, освѣщеннымъ тою или другою идеей, окрашеннымъ тою или другою тенденціей.

Необходимо имѣть въ виду *двойственное значеніе этого субъективнаго элемента въ перепискѣ.* Съ одной стороны, разумѣется, для историка, задача котораго прежде всего анализировать историческій матерьялъ, для того чтобы отдѣлить, нейтрализовать субъективный элементъ отъ того, что собственно составляетъ чистый фактическій матерьялъ,—для него, конечно, прежде всего важно войти именно въ эту точку зрѣнія, понять и усвоить ее, — усвоить, разумѣется, не для того чтобы стать на нее, но для того чтобы стать выше ея, для того чтобы, такъ сказать, эмансипироваться отъ вліянія этого субъективнаго элемента.

Но въ томъ-то и громадная разница и вмѣстѣ неизмѣримое преимущество переписки предъ другими источниками, что этотъ субъективный элементъ имѣетъ въ ней совершенно другое значеніе для историка, чѣмъ въ послѣднихъ. Здѣсь онъ имѣетъ не одно только отрицательное значеніе, но также и положительное; здѣсь онъ представляетъ не только критическій интересъ, но также и интересъ историческій въ тѣсномъ смыслѣ: это уже не исключительно предметъ критическаго анализа, это вмѣстѣ съ тѣмъ и предметъ исто-

рическаго изученія. Причина ясна. Авторы писемъ въ то же время сами историческія лица. Субъективный элементъ получаетъ, такимъ образомъ, объективное значеніе, и то, что представляетъ собственно актъ субъективной жизни извѣстнаго лица, получаетъ значеніе объективнаго историческаго факта. Если, напримѣръ, Діонъ Кассій даетъ пристрастную характеристику Цицерона, то задача историка въ этомъ случаѣ—выдѣлить субъективный элементъ, внесенный древнимъ авторомъ въ эту характеристику, и устранить его, какъ элементъ посторонній, чуждый, затемняющій историческую правду. Совсѣмъ другое дѣло, когда мы встрѣчаемся, положимъ, въ письмахъ Цицерона съ пристрастной характеристикой, напр., Цезаря, Помпея, съ пристрастной оцѣнкой и субъективнымъ освѣщеніемъ тѣхъ или другихъ событій. Въ этомъ случаѣ историку также важно выдѣлить субъективный элементъ, но не для того, чтобы устранить его совершенно, какъ помѣху исторической правдѣ, а для того, чтобы воспользоваться имъ, какъ цѣннымъ историческимъ матерьяломъ, который можетъ служить къ освѣщенію и дополненію остальныхъ историческихъ данныхъ; историку важно возстановить то или другое событіе; но для него важно также знать и то, какъ смотрѣли на него, какъ относились къ нему современники, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые сами играли въ немъ ту или другую роль. Мы привели въ примѣръ Цицерона, потому что переписка выясняетъ, главнымъ образомъ, его взгляды и отношенія. Но нужно, кромѣ того, имѣть въ виду, что взгляды Цицерона представляютъ собою интересъ для историка не потому только, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ историческихъ дѣятелей эпохи, но также и потому, что онъ представляетъ собою органъ одной изъ двухъ главныхъ политическихъ партій въ это время; поэтому высказываемые имъ взгляды, помимо того спеціальнаго значенія, какое они имѣютъ для выясненія его исторической роли, получаютъ и значеніе болѣе общее.

Повторяемъ, тѣмъ и цѣнна переписка, какъ историческій источникъ, что то, что у историковъ, особенно позднѣйшихъ, только затемняетъ и искажаетъ историческую истину, въ первой служитъ, напротивъ, къ ея раскрытію и освѣщенію; то, что изъ послѣднихъ приходится выметать, какъ сорные плевелы, то въ первой остается только собирать, какъ цѣнную пшеницу, въ житницу...

Тѣмъ не менѣе, и въ перепискѣ историку приходится встрѣчаться съ *элементами чисто отрицательнаго свойства*; и здѣсь иногда приходится ему имѣть дѣло съ искаженіями, извращеніями, неточностями, однимъ словомъ, съ историческою ложью. Эта послѣдняя встрѣчается не только въ видѣ безсознательной, такъ сказать, случайной, но также и въ видѣ сознательной, преднамѣренной лжи.

Къ первой категоріи относятся *ложные слухи*, которые, хотя и не часто, но проникаютъ въ переписку наряду съ точными извѣстіями. Большею частію, ложь обнаруживается въ этомъ случаѣ изъ данныхъ самой же переписки, которыя иногда позволяютъ даже возстановить фактическую истину. Въ другихъ случаяхъ приходится прибѣгать къ помощи другихъ источниковъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, около 20 февраля 705 г. въ письмѣ къ Аттику [1]) Цицеронъ сообщаетъ слухъ, что Афраній, разбивъ Требонія въ Испаніи, идетъ съ большимъ войскомъ въ Италію. То обстоятельство, что изъ переписки (какъ и изъ другихъ источниковъ) мы не видимъ, чтобы Афраній вскорѣ послѣ этого явился въ Италію съ войскомъ, даетъ поводъ заподозрить точность этого извѣстія. А если справимся съ «комментаріями» Цезаря [2]), то узнаемъ, что Афраній въ это время не только не разбивалъ Требонія, а, напротивъ, самъ былъ вытѣсненъ послѣднимъ изъ Пиринеевъ и принужденъ отступить къ Илердѣ, слѣдовательно, удалиться еще отъ Италіи.

Другой примѣръ. 12 марта того же года Цицерону было доставлено письмо съ извѣстіемъ, что Помпей отплылъ изъ Брундузія 4 марта [3]). Между тѣмъ изъ другаго мѣста переписки [4]) мы узнаемъ, что еще 6—8 марта Помпей находился въ Брундузіѣ. Ясно, что то былъ ложный слухъ [5]). Нѣсколько дней спустя Цицеронъ получилъ новое извѣстіе о томъ же предметѣ, по которому выходило, что Помпей оставилъ Брундузій 12—13 марта [6]). Въ этомъ случаѣ, для констатированія неточности и возстановленія истины, необходимымъ оказывается воспользоваться совмѣстно и данными переписки, и данными «комментаріевъ» Цезаря. Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы сдѣлали, въ видѣ примѣра, попытку установить точную дату этого событія, именно, 17 марта [7]).

---

[1]) 326,7. ad Att. VIII. 3. [2]) B. C. I 37—38. [3]) 347. ad Att. IX. 6. [4]) 352,3. ad Att. IX. 11. [5]) См. ниже. [6]) 355,3. ad Att. IX. 14. [7]) См. выше стр. 18—19.

Но кромѣ ложныхъ слуховъ, историку приходится имѣть дѣло въ перепискѣ также и съ явленіями *лжи сознательной*, преднамѣренной, разсчитанной на извѣстныхъ соображеніяхъ. Съ явленіями этого рода приходится встрѣчаться, главнымъ образомъ, въ письмахъ самого Цицерона, въ письмахъ къ тѣмъ лицамъ, съ которыми ему не всегда удобно было говорить всю правду. Таковы его письма къ Аппію Клавдію, къ Цезарю, къ Помпею и нѣкоторымъ другимъ.

Письма къ Аппію (предшественнику Цицерона по управленію Киликіи) представляютъ единственный въ своемъ родѣ и неподражаемый образецъ искусства пользоваться даромъ слова, для того чтобы скрывать свои мысли. Здѣсь Цицеронъ лжетъ на каждомъ шагу, съ тонкостью дипломата, съ виртуозностью артиста. По пріѣздѣ въ Киликію, на мѣсто своего назначенія, онъ спѣшитъ подѣлиться съ Аттикомъ своими впечатлѣніями. Онъ не находитъ достаточно словъ, для того чтобы описать то по истинѣ плачевное положеніе, въ которомъ онъ нашелъ провинцію [1]). «Со всѣхъ сторонъ несутся стоны и плачъ несчастныхъ городовъ», доведенныхъ до полнаго разоренія его предшественникомъ (Аппіемъ Клавдіемъ), который оставилъ въ провинціи слѣды «не человѣка, а какого-то чудовища». А къ самому этому «чудовищу» въ то же время пишетъ [2]), что нашелъ его провинцію въ наилучшемъ видѣ, за что и благодаритъ его, Аппія. Нужно, затѣмъ, видѣть, какъ накануне свадьбы своей дочери Тулліи съ Долабеллой [3]), который какъ разъ въ это время собирался начать процессъ противъ Аппія [4]), Цицеронъ въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ увѣряетъ послѣдняго въ ложности слуховъ о его намѣреніи породниться съ Долабеллой [5]). «Да я разорвалъ бы давнишнюю связь съ человѣкомъ, который началъ бы враждовать противъ тебя, не только что сближаться вновь».

Подобнымъ же духомъ дипломатической лжи вѣетъ, въ большей или меньшей степени, отъ большей части писемъ Цицерона къ Цезарю во время гражданской войны,—гдѣ увѣренія въ дружбѣ и заявленія преданности и лояльности сталкиваются часто съ совершенно противоположными заявленіями въ интимной перепискѣ, въ особенности, конечно, въ письмахъ къ Аттику [6]). Аналогичное явле-

---

[1]) 208. ad. Att. V. 16. [2]) 205. ad Div. III. 5. [3]) 275. ad Div. III. 12. [4]) 212. ad Div. VIII. 6. [5]) 261,5. ad Div. III. 10. [6]) См. объ этомъ въ гл. объ отн. Циц къ Цез., отдѣлъ шестой.

ніе приходится наблюдать также въ письмахъ Цицерона къ болѣе или менѣе вліятельнымъ цезаріанцамъ; какъ на примѣръ, можно указать на письма къ Корнифицію [1]). Какъ увидимъ ниже [2]), въ этихъ письмахъ Цицеронъ высказываетъ о Цезарѣ мысли и сужденія, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыя мы находимъ въ одновременныхъ съ ними письмахъ къ Аттику.

Большею частію, впрочемъ, вліяніе этой преднамѣренной лжи, ограничивается тѣсною сферою *отношеній* и не простирается на *факты* въ собственномъ смыслѣ; но ниже намъ придется, тѣмъ не менѣе, встрѣчаться и съ этимъ, сравнительно болѣе рѣдкимъ, но за то и болѣе рѣзкимъ видомъ «дипломатической лжи». Укажемъ нѣсколько примѣровъ.—Сравнительно болѣе безобидный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ письмо Цицерона къ Тирону отъ 29 января 705 г. [3]), гдѣ мы встрѣчаемся съ очевидно преднамѣреннымъ искаженіемъ фактовъ изъ вполнѣ понятныхъ субъективныхъ мотивовъ, хотя на этотъ разъ и болѣе почтенныхъ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ [4]). Затѣмъ, можно привести примѣръ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ, именно, въ письмѣ къ Аттику [5]), Цицеронъ утверждаетъ одинъ фактъ, между тѣмъ какъ въ одновременномъ почти письмѣ къ Помпею [6]) утверждается фактъ совершенно противоположный [7]). Но можно указать и еще болѣе рѣзкій примѣръ, гдѣ уже не два противоположныхъ факта встрѣчаются, а одинъ и тотъ же фактъ въ одномъ случаѣ (въ цѣломъ рядѣ писемъ къ Аттику и въ одномъ письмѣ къ Помпею [8]) утверждается, въ другомъ (въ письмѣ къ Цезарю [9]) категорически отрицается. Изъ первыхъ мы узнаемъ, что Цицеронъ, хотя и противъ своего желанія, но уступая давленію со стороны Помпея и «общественнаго мнѣнія», принужденъ былъ принять активное участіе въ военныхъ приготовленіяхъ противъ Цезаря (накануѣ войны). По порученію Помпея, онъ дважды ѣздилъ въ Капую, для того чтобы руководить тамъ наборомъ новобранцевъ. Правда, мы не видимъ, чтобы эти поѣздки Цицерона имѣли какіе-нибудь существенные результаты; но, по крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Помпею [10])

---

[1]) 641. ad Div. XII. 17.—646. ad Div. XII. 18. [2]) См. гл. объ отн. Циц. къ Цез. въ 6-мъ отдѣлѣ. [3]) 310. ad. Div. XVI. 12. [4]) См. гл. о фактич. данн. во 2-мъ отдѣлѣ. [5]) 326 ad. Att. VIII. 3. [6]) 334 ad. Att VIII. 11. B. 3. [7]) См. гл. объ отн. Циц. къ собво 2-мъ отд. [8]) 334. [9]) 314, 4. ad. Att. VII. 17. [10]) 334.

онъ утверждаетъ, что все порученное ему, имъ исполнено въ точности, согласно съ его, Помпея, желаніями. Но такъ какъ Цицеронъ, склонившись на сторону Помпея, не желалъ въ то же время ссориться съ Цезаремъ, то послѣднему онъ пишетъ [1]), что «не бралъ на себя ни набора, ни другаго какого-либо порученія, а живетъ себѣ спокойно въ своихъ кампанскихъ помѣстьяхъ».

До сихъ поръ мы отмѣтили въ общихъ чертахъ положительныя и отрицательныя стороны занимающаго насъ историческаго памятника. Необходимо теперь ознакомиться съ нимъ нѣсколько ближе, съ его объемомъ, составомъ, съ его происхожденіемъ и краткой исторіей.

V.

Переписка Цицерона,—въ томъ видѣ, какъ она до насъ дошла, состоитъ приблизительно изъ 900 писемъ и обнимаетъ собою періодъ въ 25 лѣтъ (686—711). По составу своему она не представляетъ собою сколько-нибудь непрерывнаго и однороднаго цѣлаго.

Переписка лишена хронологической непрерывности; въ ней встрѣчаются пробѣлы. Разумѣется, что, если переписка тянется изо дня въ день мѣсяцъ—два, а затѣмъ прекращается на нѣсколько дней, то это еще нельзя считать за пробѣлъ; но мы разумѣемъ такіе пробѣлы, когда переписка прерывается уже не на нѣсколько дней, а на нѣсколько мѣсяцевъ, или даже лѣтъ. Такихъ пробѣловъ насчитывается въ перепискѣ нѣсколько. Первый и въ то же время самый большой пробѣлъ падаетъ на 690—691 годы, за которые мы не имѣемъ ни одного письма. Затѣмъ переписка безъ замѣтныхъ перерывовъ идетъ вплоть до конца 702 г. и послѣ небольшаго перерыва начинается снова съ апрѣля слѣдующаго года (наканунѣ отъѣзда Цицерона въ Киликію). Слѣдующій пробѣлъ, восьмимѣсячный, приходится на вторую половину 705 г. и начало слѣдующаго (съ 11 іюня—моментъ бѣгства Цицерона изъ Италіи—до февраля 706 г.). Далѣе, мы не имѣемъ ни одного письма за промежутокъ времени съ 15 іюля 706 г. до 4 ноября того же года. Менѣе значительные пробѣлы—между янв. и мартомъ 709 г. и между началомъ сент. и концомъ окт. того же года.

---

[1]) 314, 4. ad Att. VII. 17. См. гл. объ отн. Циц. къ соб.во 2 отд..

Итакъ, переписка не непрерывна. Затѣмъ, какъ мы сказали, она неоднородна. Неоднородность эта, вопервыхъ, чисто количественная, выражающаяся въ неравномѣрномъ распредѣленіи матерьяла на всемъ протяженіи переписки. За иные промежутки времени мы имѣемъ письма изо дня въ день, даже по нѣскольку писемъ въ одинъ день; за другіе по одному, по два въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе этого, напр., за первое полугодіе 705 года мы имѣемъ 85 писемъ, и за 11 лѣтъ, съ 686 до 696, тоже 85 писемъ.

Далѣе, неоднородность переписки обусловливается различіемъ въ характерѣ самыхъ писемъ, входящихъ въ ея составъ. Вся переписка дѣлится на три серіи: 1) письма Цицерона къ Аттику, *ad Atticum libri XVI*; 2) переписка съ разными лицами, такъ наз. *ad Familiares*, какъ ихъ называютъ поклонники латинской «элеганціи», или *ad Diversos libri XVI*, какъ озаглавливаютъ другіе, предпочитающіе выражаться болѣе точно, чѣмъ красиво; наконецъ, 3) письма Цицерона къ брату Квинту, *ad Quintum fratrem libri III* [1]). Въ составъ нашей части переписки входятъ только письма двухъ первыхъ категорій, за исключеніемъ одного, не имѣющаго для насъ никакого значенія, письма къ Квинту; поэтому мы будемъ говорить только о первыхъ двухъ категоріяхъ.

Какъ можно съ перваго взгляда видѣть, это—чисто внѣшнее дѣленіе; тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы оно не имѣло и болѣе глубокаго значенія. Что до переписки съ Аттикомъ, или, точнѣе, писемъ къ Аттику, то они занимаютъ въ перепискѣ такое же исключительное положеніе, какое самъ Аттикъ занималъ въ жизни Цицерона. Вопервыхъ, письма къ Аттику идутъ по всему двадцатипятилѣтнему періоду, который обнимаетъ переписка, и по объему составляютъ болѣе, чѣмъ вся остальная переписка. Но важно то, что эти письма и по характеру своему составляютъ совершенно особую группу, которая имѣетъ извѣстную цѣльность, единство.

---

[1]) Что до писемъ, озаглавленныхъ ad Brutum libri II, то, вопреки мнѣнію г. Буасье, въ послѣднее время общій голосъ какъ исторической, такъ и филологической критики склоняется къ отрицательному рѣшенію вопроса о ихъ подлинности. Желающихъ обстоятельнѣе познакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаемъ къ кропотливому изслѣдованію Begher'a, давшаго себѣ трудъ познакомиться съ исторіей этого вопроса и подвергнуть его пересмотру въ своей диссертаціи de Ciceronis, quae ad Brutum feruntur, epistolis, Harburg, 1876. Желающіе могутъ найти тамъ же подробныя указанія на литературу предмета.

Совершенную противоположность въ этомъ отношеніи представляетъ другая большая серія писемъ, ad Diversos. Эта группа писемъ состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ, совершенно различныхъ по характеру и относящихся къ различному времени, переписокъ или просто случайныхъ писемъ. Сюда входятъ, вопервыхъ, письма самого Цицерона къ его многочисленнымъ корреспондентамъ, которыхъ въ уцѣлѣвшей перепискѣ можно насчитать около сотни. Этихъ писемъ громадное большинство. Гораздо менѣе писемъ къ Цицерону отъ нѣкоторыхъ изъ его корреспондентовъ, среди которыхъ особенное вниманіе обращаютъ на себя немногія сохранившіяся письма Цезаря и Помпея. Наконецъ, есть здѣсь письма, собственно уже не принадлежащія къ перепискѣ Цицерона, письма, писанныя не Цицерономъ и не къ Цицерону. Таковы письма Цезаря къ Оппію и Бальбу, Помпея къ Доминію, Д. Брута къ Кассію, Брута и Кассія къ Антонію, Лепида ad senatum populum plebemque romanam. Этихъ писемъ, впрочемъ, ничтожное меньшинство.

Мы говорили о различныхъ *перепискахъ*, входящихъ въ составъ этой серіи писемъ; но здѣсь необходимо сдѣлать оговорку. Собственно говоря, мы имѣемъ *одну* только переписку въ буквальномъ смыслѣ, т. е. болѣе или менѣе связный рядъ писемъ съ обѣихъ сторонъ: это—переписка Целія съ Цицерономъ во время проконсульства послѣдняго въ Киликіи. Переписка эта, не смотря на свои незначительные размѣры имѣетъ тѣмъ бо́льшую цѣнность въ историческомъ отношеніи, что Целій былъ, очевидно, оставленъ Цицерономъ въ Римѣ въ качествѣ спеціальнаго корреспондента, который долженъ былъ сообщать ему о каждой сколько-нибудь выдающейся новости изъ области политическаго міра и римскаго большаго свѣта. Ниже намъ придется много пользоваться этимъ цѣннымъ источникомъ для изображенія внутренней политической жизни Рима въ послѣдніе полтора года предъ гражданской войной.

Итакъ, вотъ—единственная *переписка* въ собственномъ смыслѣ. Встрѣчаются, правда, часто и отъ другихъ корреспондентовъ отвѣтныя письма къ Цицерону, какъ-то отъ Сер. Сульпиція, Марцелла, Лукцея, Куріона, Долабеллы, Лепида, наконецъ, Цезаря и Помпея, также одно письмо Катона; но, вопервыхъ, эти отвѣтныя письма имѣются въ крайне ограниченномъ количествѣ—по два, по три, даже по одному;—кромѣ того, они разсѣяны по разнымъ мѣстамъ пере-

писки; такъ что ихъ можно назвать скорѣе отрывками, фрагментами не дошедшихъ до насъ переписокъ; частію же это просто случайныя письма. Большею же частью мы имѣемъ только рядъ писемъ Цицерона къ извѣстному лицу безъ отвѣтныхъ писемъ.

Однимъ словомъ, эта часть переписки—ad Diversos—представляетъ собою до крайности пестрый и хаотическій конгломератъ большею частію случайно и механически связанныхъ между собою писемъ. Пестрота и хаотичность этой переписки обусловливается въ значительной степени крайнею неустойчивостью самаго состава корреспондентовъ. Контингентъ ихъ постоянно мѣняется; а при томъ огромномъ количествѣ лицъ, съ которыми велъ переписку Цицеронъ въ теченіе двадцати лѣтъ [1]), эта неустойчивость служитъ причиною того, что все время переписка не можетъ, такъ сказать, войти въ постоянное русло, по которому бы она могла течь болѣе глубокой и ровной струей.

При всемъ томъ, переписка не лишена извѣстнаго единства, сообщающаго ей извѣстную цѣльность. Не говоря уже о томъ внѣшнемъ единствѣ, которое обусловливается личностью Цицерона, вокругъ которой группируется и отъ которой исходитъ вся переписка,—помимо этого внѣшняго единства, она не лишена и извѣстнаго единства внутренняго. Письма къ Аттику, представляющія собою, какъ выше мы сказали, довольно однородное цѣлое и составляющія бо́льшую половину всей переписки, взятой вмѣстѣ, представляютъ собою, въ полномъ смыслѣ, ядро послѣдней, не только по своему составу, но также и по содержанію. По богатству и исторической цѣнности послѣдняго, письма къ Аттику стоятъ неизмѣримо выше всей остальной переписки, взятой вмѣстѣ; къ нимъ, вѣдь, собственно и относятся приведенныя нами выше слова Корн. Непота. Данныя остальной переписки въ большинствѣ случаевъ собственно и получаютъ значеніе только въ связи съ письмами къ Аттику, то какъ ихъ дополненіе, то какъ комментарій, то какъ простая варіація; послѣднія, въ свою очередь, также служатъ не только дополненіемъ и объясненіемъ къ первымъ, но часто и прекраснымъ коррективомъ. Конечно, здѣсь, какъ вездѣ, также приходится считаться съ отдѣльными исключеніями; есть цѣлые болѣе или менѣе значительные отдѣлы переписки, гдѣ

---

[1]) Сохранившаяся переписка ad Diversos начинается только съ 692 г.

переписка съ другими лицами, наоборотъ, представляетъ главную историческую канву, а письма къ Аттику играютъ второстепенную роль. Съ такимъ, именно, случаемъ придется намъ имѣть дѣло въ самомъ началѣ нашего отдѣла переписки. Но подобные случаи настолько исключительны и, такъ сказать, эфемерны, что сущности дѣла измѣнить не въ состояніи; и во всякомъ случаѣ, можно сказать, что письма къ Аттику представляютъ собою настолько же органическій центръ переписки, насколько личность Цицерона—внѣшнее средоточіе ея. Въ этомъ смыслѣ переписка, взятая въ ея цѣломъ, не лишена извѣстнаго единства, извѣстной цѣльности.

VI.

Далеко не одинаковую историческую цѣнность представляетъ переписка на всемъ своемъ протяженіи; здѣсь мы постоянно встрѣчаемся съ рѣзкими колебаніями и крутыми переходами. За извѣстный промежутокъ времени мы находимъ въ перепискѣ болѣе или менѣе полную исторію даннаго историческаго момента, за другой узнаемъ очень мало, или даже совсѣмъ ничего (тамъ, гдѣ встрѣчаются пробѣлы). Причины этого столько же многочисленны, сколько разнообразны. Вопервыхъ, тутъ много значитъ количество самого матерьяла. Выше мы отмѣтили крайнюю неравномѣрность въ количественномъ распредѣленіи матерьяла переписки на всемъ протяженіи обнимаемаго ею періода. Разумѣется, что большая разница, имѣемъ ли мы двадцать или только два письма въ мѣсяцъ. Но, съ другой стороны, эта количественная разница имѣетъ очень условное значеніе, такъ какъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ быть парализована обратнымъ отношеніемъ качественнымъ. Важно качество, важно содержаніе писемъ, ихъ характеръ. Если вообще переписка Цицерона представляетъ богатый источникъ историческихъ свѣдѣній, то въ частности можно насчитать массу писемъ, не имѣющихъ никакого историческаго значенія, представляющихъ, съ точки зрѣнія историка, простой балластъ. Помимо отдѣльныхъ писемъ, для примѣра можно указать на цѣлыя категоріи подобныхъ исторически безсодержательныхъ писемъ: таковы письма Цицерона къ своимъ семейнымъ; таковы рекомендательныя письма, которыя Цицеронъ раздавалъ щедрою ру-

кою многочисленнымъ своимъ кліентамъ (за одинъ 708 г. мы имѣемъ около 40 такихъ писемъ). Понятно, что двадцать такихъ писемъ ничего не стоятъ противъ двухъ, даже противъ одного письма исторически-содержательнаго. Итакъ, важенъ вопросъ о степени исторической содержательности писемъ въ различные моменты времени. И въ этомъ отношеніи опять-таки мы наблюдаемъ постоянныя колебанія: одно время преобладаютъ письма богатыя историческими данными, въ другое—главную роль играетъ «балластъ».

И здѣсь сказывается вліяніе многихъ и разнообразныхъ обстоятельствъ. Важенъ, вопервыхъ, вопросъ о личности пишущаго. Понятно, что письмо имѣетъ тѣмъ большую историческую цѣну, чѣмъ вліятельнѣе была роль его автора въ исторіи. Въ этомъ отношеніи даже мало содержательное, въ историческомъ смыслѣ, письмо Цезаря можетъ имѣть для историка бо́льшую цѣну, чѣмъ болѣе содержательное письмо какого-нибудь Целія.

Важенъ, затѣмъ, вопросъ о томъ, въ какихъ условіяхъ находится корреспондентъ относительно тѣхъ событій, которыя представляютъ для насъ историческій интересъ: является ли онъ очевидцемъ этихъ событій, какъ напр., Целій въ Римѣ наканунѣ гражданской войны, или Цицеронъ въ Италіи въ первые мѣсяцы послѣ Рубикона; или же онъ находится вдали отъ театра событій; въ этомъ послѣднемъ случаѣ важно, имѣетъ ли онъ постоянный источникъ извѣстій съ театра событій, какъ это видимъ на примѣрѣ Цицерона въ 703—4 годахъ, имѣвшаго постояннаго корреспондента въ Римѣ въ лицѣ Целія; или же довольствуется случайными извѣстіями изъ вторыхъ-третьихъ рукъ, или просто слухами: въ такомъ, именно, положеніи видимъ того же Цицерона въ 707 г. въ Брундузіѣ [1]). Много зависитъ, далѣе, отъ личности адресата. Большая разница, пишетъ ли, напр., Цицеронъ въ данную минуту къ Аттику, или къ Теренціи: первому онъ будетъ писать о числѣ войскъ у Цезаря, о настроеніи сената и планахъ Помпея; послѣдней—о своемъ здоровьѣ, объ Эскулапѣ и банномъ тазѣ.

Важно, затѣмъ, въ какомъ положеніи находится въ данную минуту адресатъ, т. е. нуждается ли онъ еще въ тѣхъ извѣстіяхъ, которыя

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ ниже, въ предв. замѣч. къ 4 отд.

интересны теперь для насъ въ историческомъ отношеніи. Если, напр., Цицеронъ въ 708 г. пишетъ изъ своей захолустной Астуры къ Аттику, находящемуся въ данную минуту въ Римѣ, то понятно, что мы не найдемъ въ его письмахъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ это время въ Римѣ.

Многое зависитъ также отъ субъективнаго настроенія пишущаго; важно, чѣмъ онъ болѣе всего занятъ въ настоящую минуту; что̀ его болѣе всего интересуетъ: то ли, что теперь представляетъ для насъ историческій интересъ, или же интересуютъ его болѣе другіе вопросы, которые историческаго интереса для насъ не представляютъ,—какъ то: частные интересы, семейныя дѣла, личные счеты и отношенія и т. д. Въ 705 г., напр., мы видѣли Цицерона всецѣло поглощеннымъ политическимъ интересомъ, и потому въ письмахъ его въ это время преобладаютъ такія темы, которыя представляютъ для насъ историческій интересъ. Напротивъ, въ слѣдующемъ году преобладающую роль въ его письмахъ получаютъ темы, не имѣющія ничего общаго съ политическою злобою дня, и потому мало интересныя для историка.

Важно, наконецъ, какую цѣль преслѣдуетъ пишущій: имѣетъ ли онъ въ виду простое сообщеніе новостей, фактовъ, или обсужденіе фактовъ извѣстныхъ какъ ему самому, такъ и его адресату; или же, наконецъ, просто имѣетъ въ виду какую-нибудь постороннюю цѣль, не имѣющую ничего общаго ни съ новостями, ни съ сужденіями о нихъ (таковы вышеупомянутыя рекомендательныя письма, literae consolatoriae, также оправдательныя, увѣщательныя и т. под.). Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть прямыя фактическія извѣстія, во второмъ—косвенные намеки, въ послѣднемъ — случайныя указанія; хотя это еще не значитъ, чтобы письма этихъ двухъ послѣднихъ категорій имѣли меньшую историческую цѣнность сравнительно съ первыми; это было бы только въ томъ случаѣ, еслибы все значеніе переписки, какъ историческаго источника, исчерпывалось одними фактическими свѣдѣніями; но, какъ мы выше сказали, центръ тяжести ихъ лежитъ совершенно въ другой области.

Такъ какъ всѣ отмѣченныя условія до крайности измѣнчивы и случайны, то понятно, что и историческая содержательность переписки подвержена постояннымъ колебаніямъ.

VII.

Неоцѣненное достоинство занимающаго насъ памятника заключается въ томъ, что здѣсь историку не приходится опасаться на каждомъ шагу подлога, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ съ письмами, дошедшими къ намъ изъ древности. Даже и съ подлинными письмами приходится часто быть осторожнымъ, потому что въ числѣ ихъ оказываются нерѣдко письма *сочиненныя* самимъ авторомъ, какъ напримѣръ. въ перепискѣ Плинія. Ничего подобнаго нѣтъ въ перепискѣ Цицерона: это все не только подлинныя письма, но и не сочиненныя для публики, а написанныя для тѣхъ, къ кому они адресованы, по разнымъ поводамъ, или даже вовсе безъ особенныхъ поводовъ, какъ письма къ Аттику, представляющія собою какъ бы постоянную бесѣду Цицерона съ его другомъ, бесѣду, которая часто не имѣетъ никакого другаго повода, кромѣ внутренней потребности поговорить, подѣлиться мыслями съ тѣмъ, кого онъ самъ называетъ своимъ alter ego, и который былъ едва ли не единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ Цицеронъ всегда говорилъ по душѣ, откровенно.

Какимъ же, однако, образомъ эта частью интимная, частью дѣловая переписка сдѣлалась достояніемъ публики?

Во-первыхъ, уже въ самой перепискѣ мы находимъ указанія на то, что нѣкоторыя изъ писемъ Цицерона, хотя и написанныя къ извѣстнымъ лицамъ и по частнымъ поводамъ, предназначались имъ самимъ для распространенія въ публикѣ, подобно тому, какъ въ наше время печатаются въ газетахъ или брошюрахъ «открытыя письма», съ тою, впрочемъ, разницею, что въ этихъ послѣднихъ адресатъ служитъ только предлогомъ или заголовкомъ, между тѣмъ какъ письма Цицерона, хотя и предназначенныя для опубликованія, все-таки прежде всего писались для адресатовъ и доставлялись имъ. Другія письма распространялись въ публикѣ благодаря нескромности адресатовъ, что иногда не обходилось безъ хлопотъ для ихъ словоохотливаго автора, какъ это случилось съ однимъ изъ его писемъ къ Цезарю [1]).

---

[1]) Объ этомъ будетъ ниже.

Затѣмъ, изъ той же переписки намъ извѣстно, что въ послѣдніе годы самъ Цицеронъ носился съ мыслью объ изданіи своей переписки и началъ было даже заниматься, съ помощью своего вѣрнаго Тирона, собираніемъ своихъ писемъ. По этому случаю онъ пишетъ къ Тирону [1]): «Вижу, что̀ ты предпринимаешь. Хочешь также и свои письма соединить въ сборникъ». Нѣсколько позднѣе, въ половинѣ 710 года, въ отвѣтъ на сообщеннос Аттикомъ желаніе Корн. Непота имѣть письма Цицерона, послѣдній пишетъ къ своему другу [2]): «Собраніе моихъ писемъ еще не составлено; впрочемъ, у Тирона есть до семидесяти штукъ. Кромѣ того, надо кое-какія взять у тебя. Нужно ихъ просмотрѣть, исправить. Тогда уже можно будетъ ихъ издать». Но наступившія въ это время смуты, въ которыя волей-неволей пришлось втянуться Цицерону, а потомъ послѣдовавшій вскорѣ трагическій конецъ его, прервали начатое дѣло. Такъ что первое собраніе писемъ вышло только послѣ его смерти [3]). Намъ кажется совершенно праздным̀ тотъ вопросъ, изъ-за котораго не мало было споровъ, и до сихъ поръ продолжаютъ спорить нѣмецкіе сочинители латинскихъ диссертацій [4]): вопросъ о томъ, кто былъ издателемъ переписки Цицерона: Аттикъ или Тиронъ? Намъ представляется даже невѣроятнымъ то предположеніе, которое собственно лежитъ въ основаніи этого спора, предположеніе, что одинъ изъ этихъ двухъ задушевныхъ друзей Цицерона, изъ которыхъ одинъ былъ его alter ego, другой — правой рукой, а подчасъ и головой, что одинъ изъ нихъ оставался совершенно безучастнымъ къ дѣлу, имѣвшему такое близкое отношеніе къ памяти одинаково близкаго и дорогаго имъ обоимъ человѣка. Дѣйствительно, если сопоставить и взвѣсить аргументы, приводимые представителями двухъ противоположныхъ взглядовъ, то въ результатѣ съ полною очевидностью обнаруживается то, чего не хотятъ видѣть диспутанты, т. е. что въ изданіи переписки Цицерона принимали одинаково дѣятельное участіе оба его друга. Мы не будемъ подробно входить въ этотъ вопросъ, имѣющій для насъ лишь условное значеніе, и ограничимся самыми краткими и общими указаніями. Изъ приведенныхъ выше цитатъ видно, что Тиронъ при жизни Цицерона былъ правою ру-

---

[1]) 661. ad Div. XVI. 17. [2]) 749. ad Att. XVI. 5. [3]) Срв. Nake, Hist. crit. Cic. epp., p. 30. [4]) Кромѣ Nake, см. также Leighton, Hist. crit. Cic. epp. ad fam.

кою въ дѣлѣ собиранія писемъ. До іюля 710 года ему удалось ихъ собрать до 70 штукъ, причемъ Тиронъ имѣлъ въ виду собрать въ отдѣльный томъ также свои письма. Было бы въ высшей степени странно предполагать, что по смерти Цицерона онъ оставитъ дѣло, начатое имъ при жизни послѣдняго, столько же по его желанію, сколько по собственному побужденію. Намъ извѣстно, что посмерти своего господина и друга онъ поселился въ Путеоланѣ [1]) и здѣсь, въ сельской тиши, занялся пересмотромъ и собираніемъ сочиненій Цицерона. Такъ, онъ приготовилъ второе изданіе его рѣчей [2]), составилъ сборникъ его острот въ трехъ книгахъ [3]) и т. д. Нѣтъ ничего естественнѣе, если онъ продолжалъ въ это время заниматься и собираніемъ переписки Цицерона.

Что до Аттика, то еще при жизни Цицерона между ними установились отношенія, какъ между авторомъ и издателемъ. Аттикъ содержалъ книжную оффицину, гдѣ искусные переписчики—рабы загибали деньгу своему господину на сочиненіяхъ его друга. Разумѣется, что въ это время, когда не существовало литературной собственности, не знали и авторскаго гонорара. Издательское усердіе свое Аттикъ простиралъ иногда до того, что выпускалъ въ свѣтъ сочиненія своего друга, не спросившись даже предварительно его согласія. Но то, что въ наше время повело бы къ судебному процессу, здѣсь ограничивалось лишь дружескими упреками [4]). И опять-таки странно было бы предположить, что Аттикъ отказался послѣ смерти Цицерона отъ столь выгоднаго для него «права», которымъ онъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ пользовался при его жизни.

Такимъ образомъ, очень возможно предположить, что Тиронъ больше принималъ участія въ собираніи и редактированіи писемъ, чѣмъ Аттикъ, роль котораго въ этомъ дѣлѣ ограничивалась издательскою дѣятельностью въ тѣсномъ смыслѣ, хотя нельзя не признать, что онъ оказалъ извѣстное вліяніе и на выборъ писемъ, по крайней мѣрѣ отрицательное: очевидно, онъ не позволилъ Тирону включить въ сборникъ свои письма къ Цицерону; иначе мы бы имѣли *переписку* Цицерона съ Аттикомъ въ собственномъ смыслѣ, а не одинъ только рядъ писемъ перваго къ послѣднему.

---

[1]) 782,7. ad Div. XVI. 21. Также Hieron. Eusch. chron. Ol. 194,3. Срв Lieghton, p. 42—43. [2]) Quintil. X. 7, 31. [3]) ib. VI. 3, 5. [4]) 613. ad Att. XIII. 21.

Откуда и какимъ образомъ были собраны эти письма, изданныя Аттикомъ при сотрудничествѣ Тирона? Частію указанія самой же переписки, частію общія соображенія позволяютъ отмѣтить нѣсколько источниковъ.

Всего трудпѣе было, конечно, собрать письма самого Цицерона, который велъ переписку больше чѣмъ со ста лицами. Помимо того, что не всѣ, конечно, письма, написанныя Цицерономъ въ теченіе 25 лѣтъ къ столь многочисленнымъ лицамъ, могли сохраниться въ цѣлости до того момента, когда было предпринято изданіе его переписки,—помимо этого, нечего и говорить, какъ трудно было потомъ собрать тѣ уцѣлѣвшіе остатки этой переписки, которые находились теперь въ столькихъ рукахъ. Особенно трудно было, конечно, достать письма, относившіяся къ болѣе раннему времени. Два только корреспондента представляли въ этомъ случаѣ счастливое исключеніе: это Аттикъ и Тиронъ, бывшіе сами издателями переписки и имѣвшіе въ своихъ рукахъ, особенно первый, массу писемъ Цицерона. Что до писемъ къ другимъ лицамъ, то, кромѣ, быть можетъ, незначительнаго количества доставленныхъ издателямъ самими адресатами, многія изъ нихъ можно было найти по смерти Цицерона въ его кабинетѣ, благодаря его счастливой привычкѣ оставлять у себя копіи съ болѣе важныхъ изъ своихъ писемъ [1]). Многія изъ его писемъ обязаны своимъ сохраненіемъ другому обыкновенію его—посылать къ Аттику копіи съ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ; такъ, онъ отправлялъ копіи съ своихъ писемъ къ Бруту и Кассію [2]), къ Долабеллѣ [3]), къ Антонію [4]), къ Планку [5]).

Что касается до писемъ прочихъ корреспондентовъ къ Цицерону, то главнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ служилъ, конечно, домашній архивъ Цицерона, имѣвшаго рѣдкое въ наше время обыкновеніе хранить полученныя письма. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ могли оказаться даже въ двухъ экземплярахъ, благодаря тому, что съ нѣкоторыхъ изъ нихъ Цицеронъ посылалъ копіи къ Аттику, какъ напр., съ двухъ писемъ Помпея, полученныхъ имъ въ февралѣ 705 г.[6]).

Но выше уже было замѣчено, что, кромѣ писемъ самого Цицерона и писемъ къ нему, есть въ дошедшемъ до насъ собраніи и нѣ-

---

[1]) 639. ad Div. VII. 25.—351. ad Att. IX. 10.—594 ad Att. XIII. 6.—Quintil. II. 12. Срв. Leight. p. 39. [2]) 699. ad Att. XIV. 17.—586. ad Att. XIII. 3. [3]) 699. ad Att. XIV. 17. [4]) 693. ad Att. XIV. 13. [5]) 738. ad Att. XVI. 16. [6]) 344. ad Att. VIII. 11.

которое количество писемъ, писанныхъ не къ Цицерону и не Цицерономъ. Какимъ образомъ могли эти письма попасть въ собраніе переписки Цицерона? По всей вѣроятности, они также были найдены издателями въ его кабинетѣ, куда они могли попасть путемъ аналогичнымъ тому, которымъ, напр., письма Цицерона къ Долабеллѣ и къ Антонію попадали въ руки Аттика, т. е., вообще, какимъ образомъ письма одного лица къ другому попадали въ руки къ третьему. Цицеронъ также могъ получать отъ своихъ друзей копіи съ полученныхъ ими отъ другихъ лицъ писемъ; напримѣръ, въ 706 г. онъ получаетъ отъ Антонія копію съ письма, полученнаго послѣднимъ отъ Цезаря [1]).

Легко видѣть, что многія письма были обязаны своимъ сохраненіемъ лишь счастливой случайности, и слѣдовательно, vice versa, многія письма должны были пропасть тамъ, гдѣ такая случайность отсутствовала.

Что касается времени изданія переписки, то, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, здѣсь возможны только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Довольно твердо можно установить только одно: что переписка издана уже по смерти Цицерона. Очень вѣроятно предположеніе, что она была издана не позднѣе 720 года. Именно, въ этомъ году писалъ Корн. Непотъ свою біографію Аттика [2]), гдѣ въ 16 й главѣ онъ говоритъ о «шестнадцати томахъ писемъ Цицерона къ Аттику, изданныхъ въ свѣтъ». Изъ того, что Непотъ не упоминаетъ объ остальной перепискѣ, было бы, по крайней мѣрѣ, поспѣшно заключать, что послѣдняя въ это время не была издана, какъ это дѣлаетъ Leighton [3]). Корн. Непоту, пишущему біографію Аттика, и незачѣмъ было говорить объ остальной перепискѣ, не имѣвшей никакого отношенія къ его задачѣ. Но и Leighton находитъ, что до 725 года была уже издана вся переписка [4]).

Излишне говорить о томъ, какой животрепещущій интересъ представляла изданная переписка для современниковъ. Для ближайшихъ современниковъ она проливала новый свѣтъ на событія, происходившія на ихъ глазахъ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ отъ ея чтенія, они предъугадывали, подобно Корн. Непоту, то громадное значеніе, которое будетъ она имѣть для отдаленнаго будущаго, какъ истори-

---

[1]) 400. ad Att. XI.7. Срв. Leighton, p. 39. [2]) Nake, p. 36. [3]) p. 34. [4]) p. 35.

ческій памятникъ. Затѣмъ, ближайшее поколѣніе, люди первыхъ дней имперіи, съ жаромъ читали переписку, въ которой они находили яркую исторію послѣднихъ дней республики и живыя характеристи ея послѣднихъ могикапъ. О распространенности и популярности переписки можно судить по множеству цитатъ у писателей этого времени, также и у позднѣйшихъ [1]). По этимъ цитатамъ можно видѣть, что интересъ къ этому памятнику жилъ въ римскомъ обществѣ до тѣхъ поръ, пока было живо само это общество, т. е. до начала среднихъ вѣковъ. Съ наступленіемъ этого роковаго для классической древности періода, перепискѣ Цицерона пришлось раздѣлить участь большинства литературныхъ памятниковъ древности. Они были забыты, затеряны, и только изрѣдка можно встрѣтить ссылки на нее у писателей начала среднихъ вѣковъ [2]). Наконецъ, въ срединѣ среднихъ вѣковъ пропадаютъ всякіе слѣды этого когда-то столь распространеннаго памятника, подобно тому, какъ уходитъ глубоко въ землю заколдованный кладъ, для того чтобы выйти наружу, когда пробьетъ урочный часъ. Этотъ урочный часъ пробилъ въ пору возрожденія забытой древности. Тогда въ числѣ первыхъ памятниковъ, извлеченныхъ на свѣтъ Божій изъ пыли монастырскихъ архивовъ и библіотекъ, была и переписка Цицерона. Честь этого открытія принадлежитъ тому, кого по справедливости называютъ патріархомъ гуманистовъ. Въ 1345 г. Франческо Петрарка нашелъ въ Веронѣ, въ библіотекѣ одного монастыря, старинную рукопись (X в.), содержащую въ себѣ письма Цицерона къ Аттику, къ брату Квинту и—подложныя—къ Бруту [3]). Остальная переписка т. е. та серія писемъ, которая озаглавливается ad Familiares или ad Diversos, была открыта имъ позднѣе, между 1350—1374 годами, но во всякомъ случаѣ не позднѣе 1374 г., ибо въ этомъ году умеръ Петрарка [4]).

Первое время находка эта оставалась личнымъ достояніемъ Петрарки, который ограничился тѣмъ, что списалъ рукопись для себя, и только послѣ его смерти его ученый другъ Колюччіо издалъ ее впервые во Флоренціи, бывшей въ то время центромъ гуманизма (1390 г.) [5]). Съ этихъ поръ находка Петрарки начала быстро

---

[1]) Nake, p. 38—39. [2]) Nake, p. 39. [3]) Leighton, p. 6. [4]) ib. p. 10. [5]) ib. p. 11.

распространяться въ массѣ рукописей, пока, наконецъ, въ 1467 г. было сдѣлано первое печатное изданіе (editio princeps) [1]).

Что до распредѣленія писемъ, то первые издатели, а вслѣдъ за ними и позднѣйшіе держались строго рукописной традиціи, т. е. съ раздѣленіемъ всѣхъ писемъ на четыре неравные по объему отдѣла, 1) ad Atticum въ 16 книгахъ, 2) ad Diversos въ столькихъ же кн. 3) ad Quintum fratrem въ трехъ и 4) ad Brutum въ двухъ (неподлинныя). Въ этомъ раздѣленіи мы не замѣчаемъ никакого строго проведеннаго принципа, т. е., наприм., письма не распредѣлены строго ни по именамъ адресатовъ, ни по времени, ни, наконецъ, по содержанію, хотя всѣ эти три критерія, несомнѣнно, оказали свое вліяніе на это распредѣленіе.

Что до перваго, то онъ проведенъ строго только въ трехъ отдѣлахъ: первомъ, третьемъ и четвертомъ. Во второмъ его вліяніе замѣтно только въ нѣкоторыхъ книгахъ, именно: въ *третьей* (все письма къ Аппію), въ *восьмой* (письма Целія къ Цицерону), въ *четырнадцатой* (письма къ Теренціи) и въ *шестнадцатой* (къ Тирону). Въ остальныхъ книгахъ господствуетъ полнѣйшій хаосъ въ этомъ отношеніи, при чемъ не только въ одну и ту же книгу соединены письма къ разнымъ лицамъ и отъ разныхъ лицъ, относящіяся къ различному времени (особенно пестротой состава отличаются книги 5, 10, 13 и 15[1], но даже письма къ одному и тому же лицу часто разбросаны по разнымъ книгамъ; такъ, письма къ Цезарю встрѣчаются въ 7 и въ 13 кн., къ Требонію—въ 10 и 15, къ Кассію въ 12 и 15, къ М. Марцеллу въ 4 и 13, къ Минуцію Терму во 2 и 15, къ Мунацію Планку въ 10 и 13, къ Сульпицію въ 4 и 13, къ Тиціо въ 5 и 13 [2]).

Затѣмъ, что касается втораго принципа, хронологическаго, то замѣтны лишь слабыя попытки сохранить хронологическую послѣдовательность въ распредѣленіи писемъ. Сравнительно болѣе послѣдовательно проведенъ этотъ принципъ въ письмахъ къ Аттику, по крайней мѣрѣ въ порядкѣ книгъ, такъ какъ въ порядкѣ писемъ въ предѣлахъ одной и той же книги хронологическая послѣдовательность часто перепутана. Что до писемъ ad Diversos, то тутъ, большею частію, господствуетъ полнѣйшій безпорядокъ. Въ 5 книгѣ, напримѣръ, соединены письма слѣдующихъ годовъ: 692. 693. 697. 698.

---

[1]) Hofmann, Ausg. d. ausgew. Briefe v. Cic. S. 7. [2]) Срв. Leighton, p. 22—23. Nake, p. 2—3.

705. 707. 709., въ седьмой: 697. 699. 700. 703. 708. 709. 710., и т. д.

Наконецъ, идея распредѣленія по содержанію отразилась только на одной книгѣ, именно, на тринадцатой, гдѣ собрано около 80 исключительно рекомендательныхъ писемъ, относящихся къ различному времени.

Легко понять, какое затрудненіе представляетъ подобное распредѣленіе для историческаго изученія этого памятника. Тѣмъ не менѣе, издатели долго продолжали держаться рукописной традиціи; да, кажется, первое время и не придавали особеннаго значенія этому неудобству, такъ какъ интересовались перепиской Цицерона болѣе какъ литературнымъ памятникомъ, чѣмъ какъ историческимъ. Но въ послѣднее время, съ возрожденіемъ историческаго интереса къ нему, явилась настоятельная потребность въ такомъ изданіи переписки Цицерона, которое бы облегчало изученіе его какъ историческаго памятника. Въ отвѣтъ на эту потребность явились изданія съ новымъ распредѣленіемъ писемъ, независимо отъ рукописной традиціи, въ строго хронологическомъ порядкѣ. Таковы изданія Шютца и Биллербека. Къ сожалѣнію, намъ не удалось достать прекраснаго изданія Tyrrel'я (Dublin 1873 г.), такъ какъ его нельзя было найти въ продажѣ, а второе изданіе еще не вышло, когда мы работали надъ настоящей книгой (теперь оно печатается); такъ что намъ пришлось пользоваться нѣсколько устарѣвшимъ изданіемъ Биллербека, по которому и сдѣланы всѣ ссылки.

Въ заключеніе не лишне будетъ задаться вопросомъ: что̀ эта переписка, которою мы теперь пользуемся и которую имѣемъ въ массѣ изданій, тождественна ли она съ тѣмъ собраніемъ, которое было издано Аттикомъ и Тиропомъ по смерти Цицерона? Достаточно перелистовать переписку, изданную въ хронологическомъ порядкѣ, и видѣть многочисленные и часто необъяснимые пробѣлы въ ней, чтобы придти къ предположенію, что та переписка, которую мы имѣемъ въ своихъ рукахъ, далеко не представляетъ *всего* посмертнаго собранія писемъ Цицерона. Предположеніе это находитъ себѣ массу подтвержденій въ свидѣтельствахъ позднѣйшихъ писателей, какъ-то Свѣтонія, Плутарха, Тацита, Квинтиліана, Макробія, въ особенности же Нонія. Изъ этихъ свидѣтельствъ оказывается, что большая часть переписки, изданной Аттикомъ и Тиропомъ, не дошла до

насъ. Желающихъ наглядно убѣдиться въ этомъ мы отсылаемъ къ 11 тому полнаго собр. соч. Цицерона Байтера и Кайзера, гдѣ на 38—50 стр. собраны всѣ сохранившіяся у позднѣйшихъ писателей отрывки изъ не дошедшихъ до насъ писемъ. Въ этихъ отрывкахъ встрѣчаемъ ссылки на *вторую* книгу писемъ къ Корн Непоту, на *третью*—къ Цезарю, на *третью*—къ Пансѣ, на *девятую* къ Гирцію, на *девятую* — къ Бруту, на *вторую* — къ Аксію и друг. Можно думать, что дошедшая до насъ переписка составляетъ лишь меньшую половину первоначально изданнаго собранія [1]).

VIII.

Такъ какъ наша задача имѣетъ спеціальный характеръ; такъ какъ она имѣетъ своимъ предметомъ не исторію римскую вообще, а исторію Цезаря, то въ дополненіе къ тому, что было сказано выше объ общемъ значеніи переписки Цицерона. какъ историческаго источника, слѣдуетъ прибавить въ частности, что, такъ какъ въ перепискѣ, уже въ силу ея общаго характера, существенную роль играетъ элементъ индивидуальный; такъ какъ въ ней интересъ историческій вертится, главнымъ образомъ, вокругъ личностей, то переписка Цицерона представляетъ собою матерьялъ не только для исторіи событій, но и для исторіи личностей, игравшихъ роль въ этихъ событіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ бывшихъ часто и корреспондентами Цицерона; даже болѣе того, можно сказать, что она представляетъ собою матерьялъ *не столько* для исторіи событій, *сколько* для исторіи личностей. Въ частности, для даннаго періода (703—709 г.), когда Цезарь игралъ совершенно исключительную роль въ римской исторіи, былъ, такъ сказать, центромъ всей исторической жизни, переписка представляетъ особенно богатый матерьялъ, именно, для исторіи Цезаря. Можно, не рискуя впасть въ преувеличеніе, сказать, что за данный періодъ переписка Цицерона даетъ не менѣе для исторіи Цезаря, чѣмъ для исторіи самого Цицерона. Между тѣмъ какъ до 703 года имя Цезаря лишь изрѣдка встрѣчается въ перепискѣ, и то болѣе или менѣе случайнымъ образомъ, начиная съ 703 года письма начинаютъ пестрѣть его именемъ, которое съ тѣхъ поръ уже

---

[1]) Срв. Nake, p. 10—11.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

не сходитъ съ страницъ переписки, даже со смертью его носителя. Личность Цезаря и связанные съ нею вопросы становятся съ 703 г. и уже до самаго конца переписки ея господствующимъ интересомъ. Историкъ долженъ чувствовать особенную признательность судьбѣ, которая сохранила для самаго знаменательнаго періода въ исторіи Цезаря такой драгоцѣнный и незамѣнимый памятникъ. Замѣчательно, что переписка достигаетъ наибольшей своей оживленности, именно, за эти семь лѣтъ 703—709: на нихъ падаетъ бо́льшая половина всей сохранившейся до насъ переписки.

Для того, чтобы лучше оріентироваться въ матерьялѣ—обширномъ по своимъ размѣрамъ, не однородномъ по составу и разнообразномъ по содержанію—, мы нашли цѣлесообразнымъ раздѣлить его на нѣсколько отдѣловъ. Основаніемъ для дѣленія послужили намъ нѣкоторыя свойства самаго матерьяла, подлежащаго нашему изученію.

Это, вопервыхъ, *пробѣлы* въ перепискѣ, которые кладутъ естественныя грани между предшествующими и послѣдующими отдѣлами ея, въ особенности же такіе большіе пробѣлы, какъ въ 705—706 гг.— между іюнемъ перваго и февралемъ послѣдняго года; или въ 706 г.— между іюлемъ и ноябремъ.—Второе основаніе заключается въ различіи внѣшнихъ условій, *обстановки*, въ которой, происходитъ переписка въ различное время, и которая, какъ мы выше видѣли, оказывала существенное вліяніе на историческую содержательность и вообще на направленіе переписки. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, замѣчается рѣзкое различіе между перепискою 703—704 гг. и перепискою слѣдующаго 705 г. Въ первомъ случаѣ Цицеронъ находится все время внѣ Италіи, а именно: въ первой половинѣ 703 г. на пути въ Киликію, во второй половинѣ 704 г.— на обратномъ пути въ Римъ; все остальное время (одинъ годъ)— въ своей провинціи. Въ это время онъ одинаково удаленъ и отъ римскаго и отъ галльскаго театровъ событій. Но съ начала 705 г. мы видимъ его уже въ Италіи. Это было какъ разъ наканунѣ и въ началѣ гражд. войны, первыя дѣйствія которой разыгрались на почвѣ Италіи: слѣд. въ это время Цицеронъ, въ противоположность предшествующему періоду, находился у самаго очага событій. Такимъ образомъ, само собою подсказывается раздѣленіе переписки 703—705 гг. на два отдѣла: переписку 703—704 гг. и переписку 705 г. Переписка 703—704 гг. пусть будетъ *первымъ отдѣломъ*.

Далѣе, переписка 705 г. отдѣляется отъ переписки 706 г. естественною гранью—большимъ пробѣломъ—съ іюня 705 г. до февр. 706 г. Кромѣ того, въ 706 г. существеннымъ образомъ измѣняется и обстановка переписки. Въ 705 г. Цицеронъ все время находится въ Италіи: съ февр. 706 г. мы видимъ его въ Эпирѣ. Слѣд. между перепискою 705 г. и перепискою 706 г. лежитъ двойная грань Это будутъ *второй и третій отдѣлы.*

Но третій отдѣлъ будетъ простираться не на весь 706 г., такъ какъ съ начала второй половины его начинается новый значительный пробѣлъ (съ іюля до ноября). И здѣсь, какъ въ предъидущемъ случаѣ, пробѣлъ совпадаетъ съ перемѣною въ обстановкѣ переписки: исходнымъ пунктомъ ея становится уже не эпирскій лагерь Помпея, а Брундузій, что означаетъ удаленіе Цицерона отъ всѣхъ театровъ современныхъ событій (Рима, Александріи и Азіи).

Такимъ образомъ, съ ноября 706 г. можно начинать *четвертый отдѣлъ.* Конецъ его и начало слѣдующаго опредѣлится моментомъ новаго перемѣщенія исходной точки переписки въ концѣ 707 г.—изъ Брундузія въ Римъ.

Слѣдующая затѣмъ подобная же перемѣна въ обстановкѣ переписки (переселеніе Цицерона изъ Рима въ Астуру), совпадающая съ новымъ, на этотъ разъ, впрочемъ, незначительнымъ, перерывомъ переписки—между янв. и март. 709 г., обозначитъ собою грань между *пятымъ* и *шестымъ отдѣлами.*

Во второй половинѣ 709 г. происходитъ новое перемѣщеніе центра переписки—изъ Астуры въ Римъ—,перемѣщеніе, которое опять совпадаетъ съ небольшимъ перерывомъ въ перепискѣ—между нач. сент. и конц. окт. Эта двойная грань опредѣлитъ конецъ шестаго и начало *седьмаго отдѣла* (онъ же и послѣдній)—до февр. 710 г. включительно, т. е. до кануна смерти Цезаря.

Итакъ, входящая въ нашу задачу переписка очень удобно дѣлится на слѣдующіе семь отдѣловъ:

1. Съ мая 703 г. до конца 704 г.
2. Съ января до іюня 705 г.
3. Съ февраля до іюля 706 г.
4. Съ ноября 706 г. до конца 707 г.

5. Съ начала 708 г. до января 709 г.
6. Съ марта до начала сентября 709 г.
7. Съ конца окт. 709 г. до февр. 710 г.

Случайнымъ образомъ, грани намѣченныхъ нами отдѣловъ совпадаютъ съ болѣе или менѣе замѣтными гранями въ исторіи Цезаря, что въ высшей степени удобно для систематическаго обозрѣнія историческихъ данныхъ переписки. А именно. Начало *перваго* отдѣла (моментъ удаленія Цицерона изъ Рима въ провинцію) совпадаетъ приблизительно съ началомъ разрыва между Цезаремъ и сенатомъ. Начало слѣдующаго, *втораго*, отдѣла совпадаетъ съ началомъ гражданской войны. Начало *третьяго* отд. также совпадаетъ приблизительно съ началомъ военныхъ дѣйствій Цезаря въ Эпирѣ, а конецъ—съ канономъ Фарсальской битвы. Начало *четвертаго* отд. почти совпадаетъ съ началомъ Александрійской войны, а *пятаго*—Африканской. Начало *шестаго*—съ битвой при Мундѣ. Начало *седьмаго* (послѣдняго)—съ послѣднимъ возвращеніемъ Цезаря въ Римъ, а конецъ—съ кануномъ его смерти.

Совпаденія эти имѣютъ для насъ то удобство, что, давая намъ возможность сообразоваться съ свойствами памятника, они избавляютъ насъ въ то же время отъ необходимости кромсать, какъ попало, историческіе факты Но, повторяемъ, съ нашей точки зрѣнія, это—чисто случайныя совпаденія, и мы нимало не думаемъ придавать нашему раздѣленію на отдѣлы значенія историческихъ періодовъ, которые, съ точки зрѣнія нашей задачи, не имѣютъ никакого смысла: это просто случайные промежутки времени, имѣющіе значеніе и смыслъ только для разсматриваемаго нами историческаго матерьяла, а никакъ не для исторіи Цезаря. Съ нашей же точки зрѣнія, съ точки зрѣнія переписки, какъ историческаго матерьяла, это раздѣленіе на отдѣлы находитъ свое оправданіе не только въ этихъ внѣшнихъ и болѣе или менѣе случайныхъ фактахъ, каковы пробѣлы и перемѣны во внѣшней обстановкѣ переписки,—но также и въ самомъ содержаніи, въ самыхъ свойствахъ того матерьяла, который входитъ въ границы того или другаго отдѣла. Ниже, при детальномъ разсмотрѣніи каждаго отдѣла въ частности, мы увидимъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свои характерныя отличительныя свойства, свои, такъ сказать, индивидуальныя черты, отличающія его отъ другихъ отдѣловъ. Здѣсь

мы коснемся лишь той стороны нашего матерьяла, относительно которой различіе между отдѣлами можетъ быть выражено наглядно, въ цифрахъ. Мы разумѣемъ степень оживленности или напряженности переписки въ предѣлахъ каждаго изъ памѣченныхъ нами семи отдѣловъ (разумѣя подъ напряженностью среднее число писемъ въ мѣсяцъ). Такимъ образомъ:

1. Первый отдѣлъ: *Май 703.—Дек. 704.*
   Число мѣсяцевъ: 20.
   Число писемъ: 117.
   Среднее число: 6.

2. Второй отдѣлъ: *Янв.—Іюнь 705.*
   Число мѣсяцевъ: 6.
   Число писемъ: 85.
   Среднее число: 14.

3. Третій отдѣлъ: *Февр.—Іюль 706.*
   Число мѣсяцевъ: 6.
   Число писемъ: 9.
   Среднее число: 1,5.

4. Четвертый отдѣлъ: *Нояб. 706.—Дек. 707.*
   Число мѣсяцевъ: 13.
   Число писемъ: 36.
   Средне число: 3.

5. Пятый отдѣлъ: *Янв. 708—Янв. 709.*
   Число мѣсяцевъ: 13.
   Число писемъ: 97.
   Среднее число: 7,5.

6. Шестой отдѣлъ: *Мартъ—Сент. 709.*
   Число мѣсяцевъ: 7.
   Число писемъ: 113.
   Среднее число: 16.

7. Седьмой отдѣлъ: *Окт. 709.—Февр. 710.*
Число мѣсяцевъ: 5.
Число писемъ: 17.
Среднее число: 3,5.

Принявъ за единицу напряженность переписки третьяго отдѣла, всѣ отдѣлы можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ нисходящей прогрессіи:

1. *Шестой отдѣлъ: 10,5.*
2. *Второй отдѣлъ: 9.*
3. *Пятый отдѣлъ: 5.*
4. *Первый отдѣлъ: 4.*
5. *Седьмой отдѣлъ: 2,5.*
6. *Четвертый отдѣлъ: 2.*
7. *Третій отдѣлъ: 1.*

Отношеніе *maximum*'а къ *minimum*'у = 10,5.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Данныя переписки для исторіи Цезаря.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Переписка съ мая 703 г. до конца 704 г.

Отъ момента удаленія Цицерона изъ Рима до возвращенія въ Римъ.
(Отъ момента разрыва между Цезаремъ и сенатомъ до начала гражданской войны).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

За 20-мѣсячный періодъ, обнимаемый настоящимъ отдѣломъ переписки, мы имѣемъ 117 писемъ, изъ которыхъ только 15 не принадлежатъ Цицерону. Изъ 102 писемъ Цицерона 40 приходится на долю Аттика; остальныя 62 письма адресованы къ слѣдующимъ лицамъ:

1.	Къ	Аппію Клавдію.....	11 писемъ.
2.	»	Целію Руфу	8 »
3.	»	Тирону	8 »
4.	»	Силію.....	5 »
5.	»	Минуцію Терму.....	4 »
6.	»	Катону	3 »
7.	»	Марцеллу младшему...	3 »
8.	»	Меммію	3 »
9.	»	Эмилію Павлу.....	2 »
10.	»	Канинію	2 »
11.	»	Целію Кальду.....	2 »

12. къ Кассію, 13. Крассипеду, 14. Куріону, 15. Курцію, 16. К. Марцеллу старшему, 17. М. Марцеллу, 18. Нету, 19. Тицію, 20. Волюмнію, 21. Теренціи—по *одному* письму и, наконецъ, 22. *два* оффиціальныя донесенія сенату.

Изъ 15 писемъ не Цицерона 14 принадлежатъ Целію Руфу и одно Катону, всѣ они адресованы къ Цицерону.

Все это время, какъ мы сказали, Цицеронъ находится внѣ Рима. Именно, этотъ 20-мѣсячный промежутокъ съ мая 703 г. до конца 704 г. можно раздѣлить, по мѣсту пребыванія Цицерона, на слѣдующіе три періода:

1) *Съ мая до конца іюня 703 г.* Цицеронъ находится въ пути—изъ Рима въ Киликію. Именно, мы видимъ его послѣдовательно: 10 мая въ Pompejanum'ѣ [1]) и въ Trebulanum'ѣ [2]); 11 мая въ Беневентѣ [3]), 15—въ Венузіи [4]), 18—въ Тарентѣ [5]), гдѣ онъ три дня гоститъ у Помпея; [6]) 20-го отправляется въ Брундузій, куда и пріѣзжаетъ 22-го [7]), гдѣ живетъ почти до половины іюня [8]). 15 числа мы видимъ его уже въ Акціумѣ [9]), а десять дней спустя въ Аоинахъ—25 іюня, гдѣ опять останавливается до 6 іюля, когда снова пускается въ путь—[10]) и на шестой день, миновавъ Кеосъ, Гіаръ и Скиросъ, причаливаетъ къ Делосу. [11]) 22 іюля мы видимъ его уже въ Эфесѣ; пять дней спустя, 27-го, въ Tralles'ѣ [12]), откуда чрезъ четыре дня достигаетъ наконецъ Лаодикеи πρὸς τῷ Λύκῳ, перваго города своей провинціи, 31 іюля [13]), день, съ котораго долженъ быть считаться годъ его проконсульства въ Киликіи [14]). Все это время Цицеронъ не перестаетъ вести оживленную переписку съ своими друзьями, оставшимися на родинѣ, преимущественно съ Аттикомъ и Целіемъ Руфомъ; мы имѣемъ его письма, датированныя послѣдовательно изъ Pompejanum'а, Trebulanum'а, Беневента, Венузіи, Тарента, Брундузія, Акціума, Аоинъ, Делоса, Эфеса, Tralles'а и, наконецъ, Лаодикеи.

2) *Съ конца іюня 703 г. до конца іюля 704 г.*—время проконсульства Цицерона въ Киликіи, время самой напряженной дѣятель-

---

[1]) 185. ad Att. V. 2. [2]) 186. ad Att. V. 3. [3]) 187. ad Att. V. 4. [4]) 188. ad Att. V. 5. [5]) 189. ad Att. V. 6. [6]) 190. ad Att. V. 7. [7]) 191. ad Div. III. 3. [8]) 194. ad Div. III. 4. [9]) ib. [10]) 200. ad Att. V. 12. [11]) ib. [12]) 205. ad Div. III. 5. [13]) 207. ad Att. V. 15. [14]) ib.

ности его въ качествѣ администратора и полководца и вмѣстѣ— время самой оживленной переписки.

3) *Съ начала августа до конца 704 г.*—время обратнаго путешествія Цицерона изъ провинціи въ Римъ, съ болѣе или менѣе продолжительными остановками, какъ и прежде, въ Эфесѣ [1]), въ Лаодикѣ [2]), и др. Переписка продолжается съ прежнею регулярностью.

Переписка настоящаго отдѣла очень мало еще проникнута интересомъ къ тому, что мы называемъ исторіей Цезаря; въ этомъ заключается существенное отличіе настоящаго отдѣла отъ слѣдующаго, гдѣ, какъ мы увидимъ, главную роль въ перепискѣ играютъ уже темы прямо относящіяся къ исторіи Цезаря; гдѣ личность Цезаря и вопросы, имъ поднятые, являются, такъ сказать, центральнымъ объектомъ всей переписки, который отодвигаетъ на задній планъ всѣ другіе вопросы. Здѣсь, напротивъ, на первомъ планѣ стоятъ вопросы, не имѣющіе ничего общаго съ исторіей Цезаря; особенно въ письмахъ самого Цицерона, въ длинномъ рядѣ часто длинныхъ писемъ, читатель встрѣчается съ множествомъ самыхъ разнообразныхъ темъ, изъ которыхъ часто ни одна не имѣетъ никакого отношенія къ занимающему его вопросу. Личность Цезаря стоитъ здѣсь еще вполнѣ на заднемъ планѣ и, такъ сказать, въ тѣни; особенно въ началѣ отдѣла—тамъ даже имя Цезаря почти не встрѣчается, а если и встрѣчается, то такъ, «между прочимъ». Въ мартѣ, напр., Цицеронъ пишетъ громадныхъ размѣровъ письмо къ Аттику (изъ Лаодикеи) [3]), и что же? всего только одинъ разъ, и то вскользь, упоминается имя Цезаря! Объясняется это, съ одной стороны, конечно, тѣмъ, что въ это время Цезарь не успѣлъ еще, какъ говорится, надѣлать шума, не успѣлъ еще заставить говорить о себѣ; съ другой, тѣмъ, что въ это время у Цицерона былъ и безъ того большой избытокъ темъ, интересовъ и дѣлъ. Отправляясь изъ Рима въ свою далекую провинцію, онъ первое время ни о чемъ не думалъ, какъ только о своей «тяжкой разлукѣ съ свѣтомъ, съ форумомъ, съ Римомъ,

---

[1]) 281. ad Att. VI. 8. [2]) 282. ad Att. VII. [3]) 252. ad Att. VI. 1.

съ домомъ, съ друзьями» [1]). По собственному выраженію, онъ «сгоралъ отъ тоски по Риму» [2]) и ничего другаго не желалъ, какъ того, «чтобы эта его тоска продолжалась, по крайней мѣрѣ, не болѣе года» [3]). Поэтому его въ это время всего болѣе занимаетъ вопросъ о томъ, чтобы ему не было пророгировано на второй годъ это «противное» проконсульство [4]). Эта идея, этотъ мотивъ становится главной темой его переписки за время его продолжительнаго пути изъ Рима въ Киликію. По пріѣздѣ въ провинцію началась для него новая дѣятельность администратора и полководца,—дѣятельность, которая поглощала у него весь досугъ и все вниманіе [5]). А потомъ, къ концу проконсульства, вмѣстѣ съ «пресыщеніемъ провинціей»—*satietas provinciae* [6]), возникаетъ жажда «славы» и «хвалы» [7]), «награды за свою доблесть» [8]), т. е., выражаясь болѣе конкретно, желаніе или идея тріумфа, идея, которая теперь такъ же всецѣло овладѣваетъ душой Цицерона, какъ прежде «тоска по Риму» [9]).

Подобное же явленіе представляютъ намъ и письма главнаго римскаго корреспондента Цицерона, Целія, находившагося, слѣдовательно, у самаго очага политической жизни. И въ его письмахъ, опять-таки преимущественно въ письмахъ, относящихся къ началу отдѣла, личность Цезаря далеко не играетъ первенствующей роли, которая отдается часто на долю темъ, касающихся разныхъ частныхъ отношеній и, такъ сказать, семейныхъ новостей, носящихъ нерѣдко характеръ пересудовъ и сплетней: тотъ-то съ тѣмъ-то затѣваетъ скандальную тяжбу, тотъ-то женится, тотъ-то развелся, того-то дважды накрыли въ пикантномъ обществѣ и т. д. Само собой понятно, что выборъ темъ характери-

---

[1]) 207,1. ad Att. V. 15. [2]) 198,1. ad Att. V. 11. Срв. 135,1. ad Div. VII. 6. [3]) 284,1 ad Att. V. 1. Срв. 210. ad Div. VIII. 5.—198,1. ad Att. V. 11.—220. ad V. 19.—252. ad Div. II. 11.—231. ad Div. III. 56.—207,1. ad Att. V. 15.—133,1—3. ad Div. VII. 5. [4]) 207,1. ad Att. V. 15.—199. ad Div. II. 8.—185. ad Att. V. 2.—195. ad Att. V. 9.—198. ad Att. V.—201. ad Att. V. 13.—196,3. ad Att. V. 10. [5]) 221. ad Div. III. 8.—252,14. ad Att. VI. 1.—250. ad Att. V. 21. [6]) 255,1. ad Div. II. 11. [7]) 264. ad Att. VI. 3. Срв. 284,6. ad Att. VII. 1. [8]) 277. ad Div. XII. 13. Срв. 250,5. ad Att. V. 21. [9]) 276,4. ad Att. VI. 6.—281,5. ad Att. VI. 8.—278,2. ad Div. XV. 6.—284,6—8. ad Att. VII. 1.—293,5. ad Att. VII. 2.—298,4. ad Att. VII. 7.—Срв. 252. ad Att. VI. 1.—267. ad Div. VIII. 11.—273. ad Div. II. 15.—274. ad Div. XV. 11.—277. ad. Div. III. 13.—281. ad Att. VI. 8.—238. ad Div. XV. 4.—249. ad Div. III. 9.

зустъ отчасти личность корреспондента; но самый фактъ преобладанія въ данномъ отдѣлѣ переписки тѣмъ посторонннхъ для исторіи Цезаря остается, тѣмъ не менѣе, общей отличительной чертой даннаго отдѣла.

Но необходимо при этомъ сдѣлать ту оговорку, что фактъ этотъ неодинаково отчетливо выраженъ на всемъ протяженіи переписки даннаго отдѣла; гораздо рѣзче онъ выступаетъ въ началѣ, когда имя Цезаря блистаетъ почти полнымъ своимъ отсутствіемъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и чаще встрѣчаемся съ именемъ Цезаря, вниманіе пишущихъ—какъ Цицерона, такъ и Целія—все болѣе и болѣе начинаетъ сосредоточиваться на Цезарѣ, на начинающейся у него распрѣ съ сенатомъ. Къ концу переписки Цицеронъ начинаетъ уже, если не предугадывать, то, по крайней мѣрѣ, предчувствовать смутно предстоящія осложненія; а въ самомъ концѣ, т. е. наканунѣ гражданской войны, мы уже встрѣчаемся въ перепискѣ съ довольно явственными намеками на возможность гражданской войны [1]).

Итакъ, переписка настоящаго отдѣла далеко еще не проникнута тѣмъ интересомъ, который вскорѣ завоевалъ себѣ первое мѣсто въ перепискѣ, и средоточіемъ котораго былъ Цезарь. Это одна изъ причинъ сравнительной скудости историческаго содержанія обширнаго по объему отдѣла переписки. Но необходимо также при этомъ принять во вниманіе и внѣшнюю обстановку, въ которой происходитъ переписка. Все это время, какъ мы видѣли, Цицеронъ находится вдали отъ Италіи, отъ Рима, гдѣ въ данную минуту завязывается узелъ тѣхъ событій, которыя скоро разыграются въ почти всемірную драму, и центральную роль въ которой придется играть Цезарю. Слѣдовательно, въ письмахъ Цицерона, составляющихъ, какъ мы видѣли, громадное большинство всего количества писемъ даннаго отдѣла, мы и не можемъ искать собственно фактическихъ извѣстій по исторіи Цезаря; главное, что мы найдемъ въ нихъ по этой части, это — данныя для характеристики внутренней политической жизни Рима и, главнымъ образомъ, для характеристики отношеній Цицерона къ политическимъ партіямъ и ихъ вождямъ. Судя по имѣющимся въ наличности

[1]) 295,2. ad Att. VII. 4.—300. ad Att. VII. 9. Срв. 284,3. ad Att. VII. 1.

письмамъ Цицерона, онъ велъ въ это время очень оживленную переписку съ Римомъ, именно, съ Аттикомъ, до начала 704 г., когда послѣдній уѣхалъ въ Эпиръ [1]); съ Аппіемъ Клавдіемъ и, наконецъ, съ Целіемъ. Къ сожалѣнію, до насъ дошли одни только письма послѣдняго. Всего болѣе приходится пожалѣть объ утратѣ писемъ Аппія, который все это время жилъ въ Римѣ и, какъ корреспондентъ, не оставался, повидимому, въ долгу у Цицерона. Во всякомъ случаѣ, отъ Клавдія, игравшаго видную роль въ республикѣ, мы бы могли ожидать бо́льшаго, чѣмъ отъ такого безвѣстнаго молодаго человѣка, столько же легкомысленнаго, сколько непроницательнаго, какимъ заявилъ себя въ своихъ письмахъ Целій. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ въ письмахъ Цицерона къ Аппію, письма этого послѣдняго были посвящены главнымъ образомъ, именно, политической злобѣ дня, которая въ это время начинала уже связываться тѣсно съ именемъ Цезаря; по словамъ Цицерона, Аппій писалъ ему «о римскихъ дѣлахъ» [2]), объ «общемъ политическомъ положеніи минуты» [3]), о «силахъ государства» [4]), о «водительствѣ Помпея»—*Pompei ductus* [5]) и т. д.

Тѣмъ не менѣе, уцѣлѣвшія 14 писемъ Целія за этотъ періодъ представляютъ собою все-таки самый цѣнный историческій матерьялъ изъ всего даннаго отдѣла; они заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, ядро всѣхъ историческихъ свѣдѣній, которыя можно извлечь изъ даннаго отдѣла переписки.

ФАКТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ.

Ближайшимъ поводомъ къ столкновенію между Цезаремъ и сенатомъ послужилъ, какъ извѣстно, довольно запутанный и доселѣ не вполнѣ распутанный правовой вопросъ, состоявшій изъ двухъ взаимно переплетавшихся вопросовъ: во-первыхъ, вопроса о срокѣ проконсульскихъ полномочій Цезаря въ Галліи и, во-вторыхъ, вопроса о правѣ или, точнѣе, привилегіи Цезаря выставить заочно свою кандидатуру на консульство (на 705 годъ). Въ нашу задачу не входитъ разборъ этого спорнаго вопроса, послужившаго пред-

---

[1]) 250,1. ad Att. V. 21. [2]) 222,9. ad Div. III. 8. [3]) 265,4. ad Div. III. 11. [4]) ib. [5]) ib.

метомъ особаго спеціальнаго изслѣдованія Моммсена [1]), тѣмъ болѣе, что въ перепискѣ мы находимъ на этотъ счетъ лишь довольно смутныя и отрывочныя указанія. Для насъ важно лишь отмѣтить этотъ вопросъ, какъ исходную точку тѣхъ пререканій между Цезаремъ и сенатомъ, которыя дебатировались въ теченіе полутора года въ стѣнахъ курій, для того чтобы потомъ получить свое окончательное рѣшеніе на поляхъ Фарсала и Тапса.

Переписка даетъ возможность установить довольно точно хронологическій моментъ, когда этотъ вопросъ впервые былъ выдвинутъ на сцену. Это было въ *іюнѣ 703 г.* Уже въ письмѣ Цицерона отъ *10 мая* [2]) мы слышимъ глухіе намеки на начинающуюся въ сенатѣ агитацію противъ Цезаря. Зато письмо Целія къ Цицерону, находившемуся въ это время (въ концѣ мая) на пути въ свою провинцію, Киликію, даетъ уже гораздо болѣе опредѣленное указаніе касательно этого предмета. «Марцеллъ, пишетъ Целій *25 мая* [3]), до сихъ поръ не внесъ никакого предложенія во вопросу о галльскихъ провинціяхъ; именно, онъ отложилъ это до 1 іюня». Итакъ, *1 іюня 703 г.*—вотъ тотъ моментъ, съ котораго начинается походъ противъ Цезаря со стороны сената.

Привелъ ли Марцеллъ въ исполненіе свое намѣреніе, изъ переписки не видно. Но лично за себя онъ уже объявилъ войну Цезарю и открылъ уже противъ него походъ, если не въ куріи и не въ комиціяхъ, то, по крайней мѣрѣ, на базарной площади. Мы находимъ, впрочемъ, только намекъ на тотъ эпизодъ, который передаетъ Плутархъ [4]), именно, какъ Марцеллъ, изъ ненависти къ Цезарю, приказалъ наказать розгами одного изъ жителей транспаданскаго муниципія Novum Comum, которымъ Цезарь даровалъ право римскаго гражданства [5]). Но если переписка не даетъ никакихъ указаній относительно предположеннаго Марцелломъ засѣданія 1 іюня, то мы находимъ небезынтересныя свѣдѣнія о засѣданіи сената въ храмѣ Аполлона *22 іюня*. Эти свѣдѣнія проливаютъ яркій свѣтъ, съ одной стороны, на отношеніе къ данному вопросу одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой исторіи, Помпея; съ другой стороны, вообще на взаимное положеніе партій въ Римѣ въ данную минуту и на отношеніе ихъ

---

[1]) Die Rechtsfrage zwischen Caesar etc. въ Abhand. d. histl.-phil. Gesellsch. in Breslau. 1858. [2]) 185. ad Att. V. 2. [3]) 192. ad Div. VIII. 1. [4]) Caes. 29. [5]) 198. ap Att. V. 11.

къ тому же вопросу. «Когда, пишетъ Целій къ Цицерону 1 авг. [1]), сенатъ имѣлъ засѣданіе въ храмѣ Аполлона 22 іюля, и происходилъ докладъ о жалованьѣ легіонамъ Помпея, послѣднему былъ предложенъ вопросъ относительно легіона, который былъ уступленъ Помпеемъ Цезарю [2]): чьимъ долженъ считаться этотъ легіонъ, и для какой цѣли его отбираютъ у Цезаря. «Легіонъ, отвѣчалъ Помпей, находится въ Галліи, но—принужденъ былъ прибавить Помпей — я отзову его обратно, хотя и не сейчасъ, чтобы не дать повода (своимъ противникамъ) глумиться надъ этой мѣрой и хвастаться ею, какъ своей побѣдой». Затѣмъ былъ сдѣланъ ему вопросъ относительно преемника Цезарю». Помпей, видимо, неохотно заявилъ о своемъ намѣреніи, или, вѣрнѣе, о своей готовности отозвать обратно ссуженный Цезарю легіонъ. Значитъ, въ это время онъ не думалъ еще объ окончательномъ разрывѣ съ Цезаремъ,—по крайней мѣрѣ, не желалъ этого разрыва. Но онъ «*вынужденъ былъ*» сдѣлать такое заявленіе. Целій не объясняетъ, *почему* вынужденъ былъ Помпей къ такому отвѣту: чѣмъ, или кѣмъ вынужденъ? Это ясно, однако, и безъ объясненій. Помпей и *не могъ* дать другаго отвѣта, если не хотѣлъ скомпрометировать себя въ глазахъ озлобленнаго уже противъ Цезаря сената съ его органами въ родѣ Марцелла. Отсюда, вѣроятно, и эта нерѣшительность Помпея и эта двусмысленность въ положеніи его относительно сената, которая болѣе ясно обнаружится нѣсколько позднѣе. Помпей, видимо, старается отодвинуть насколько возможно дальше роковой моментъ окончательнаго рѣшенія вопроса. Онъ, точно, старается убѣжать, спрятаться отъ него, скрыться отъ тѣхъ вопросовъ, которыми осыпаютъ его со всѣхъ сторонъ, какъ только онъ показывается въ куріи. Онъ бѣжитъ изъ Рима, онъ уѣзжаетъ въ Аримининъ къ своимъ легіонамъ [3]), гдѣ мы видимъ его еще около двухъ мѣсяцевъ спустя, въ концѣ сентября [4]), и дѣло откладывается снова, откладывается на этотъ разъ до *13 августа* [5]) (Цицеронъ находится въ эту минуту въ Лаодикеѣ, куда прибылъ 31 іюня [6]). Но пришелъ августъ и прошелъ августъ, а дѣло стояло по прежнему, ни на шагъ не подвигаясь впередъ; вопросъ «о провинціяхъ» по прежнему оставался открытымъ, и въ

[1]) 206,4. ad Div. VIII. 4. [2]) Caes. B. G. VI. § 1. [3]) 206,4. ad Div. VIII. 4. [4]) 220. ad. Att. V. 19. [5]) 206,4. ad Div. VIII. 4. [6]) 297. ad Att. V. 15.. См. хрон. таб.

концѣ августа Целій писалъ къ Цицерону [1]): «Спорамъ относительно галльскхъ провинцій я не предвижу конца».

Итакъ, при всемъ своемъ враждебномъ настроеніи противъ Цезаря, сенатъ страдаетъ тѣмъ же недугомъ, что и Помпей, — нерѣшительностью. Марцеллъ не можетъ собрать сенатъ въ надлежащемъ составѣ для рѣшенія спорнаго вопроса, конечно, потому-что многіе сенаторы *не рѣшаются* выступить открыто противъ Цезаря, такъ какъ ясно было для всѣхъ, что постановленіе по вопросу о провинціяхъ, разъ оно состоится, не можетъ быть иначе, какъ направленнымъ прямо или косвенно противъ Цезаря.

Какъ бы то ни было, дѣло, затѣянное по иниціативѣ Марцелла еще въ первой половинѣ года, отложенное, затѣмъ, до 1 іюня, выдвинутое на первый планъ 22 іюля, назначенное, наконецъ, къ новому разсмотрѣнію на 13 августа, было теперь снова отложено *до 1 сентября* [2]). Но эти постоянныя отсрочки, ни къ чему не приводившія, могли только внушить постороннему наблюдателю скептицизмъ относительно скораго рѣшенія вопроса. Дѣйствительно, какъ прошло 13 августа, такъ же прошло и 1 сентября—безъ всякаго результата: и послѣ 1 сентября вопросъ оставался такимъ же открытымъ, какъ и до 1 іюня. «До сего дня, пишетъ Целій 2 сентября [3]), вопросъ не подвинулся ни на волосъ. Какъ можно предвидѣть, онъ останется открытымъ до слѣдующаго года». Наступаетъ какъ бы періодъ полнаго застоя, какого-то оцѣпенѣнія и вмѣстѣ—полнѣйшей неизвѣстности относительно ближайшаго будущаго интересующаго всѣхъ вопроса. Мало того. Изъ-за вопроса о провинціяхъ Цезаря грозила остановиться вся машина провинціальнаго управленія. Изъ-за того, что не знали, какъ быть съ Цезаремъ, медлили посылать и въ прочія провинціи новыхъ проконсуловъ, для того чтобы не показалось, что для Галліи, т. е. для Цезаря, дѣлается исключеніе [4]). Очевидно, оптиматы чувствовали себя безсильными предъ этимъ вопросомъ. И они были, повидимому, приготовлены къ возможности рѣшенія его на дѣлѣ въ смыслѣ противномъ ихъ желаніямъ, т. е. къ возможности того, что Цезарь, не дожидаясь рѣшенія его со стороны сената, самъ отвѣтитъ на него совершимся фактомъ, т. е. удержитъ за собой провин-

---

[1]) 210,2. ad Div. VIII. 5.—211,2. ad Div. VIII. 9. [2]) 211. ad Div. VIII. 9 [3]) ib. [4]) ib.

цію и войско, помимо и противъ желанія сената. Они готовы были даже, очевидно, помириться съ этой перспективой, лишь бы только по внѣшности не казаться побѣжденными. Они хотѣли, по крайней мѣрѣ, замаскировать свое пораженіе, въ случаѣ еслибы имъ не удалось вытянуть Цезаря изъ его провинціи, замаскировать тѣмъ, что тогда *всѣ* провинціи можно было бы объявить пророгированными ихъ проконсуламъ.

Съ своей стороны, сенатъ, впрочемъ, до сихъ поръ ничѣмъ не заявилъ пока своей инпціативы въ этомъ вопросѣ, ибо, какъ пишетъ Целій [1]), въ эту минуту «*всего ждали отъ того, кому вверено руководство дѣлами республики*», т. е. отъ Помпея, который, съ своей стороны, какъ мы видѣли, всего менѣе склоненъ былъ предпринимать что-либо prorpio motu и на свой страхъ.

Тѣмъ не менѣе, въ это время начинается уже замѣтный поворотъ въ исторіи злополучнаго вопроса. Начинается болѣе энергическая агитація со стороны оптиматовъ противъ Цезаря. Самъ Помпей начинаетъ высказываться болѣе открыто и рѣшительно противъ своего недавняго союзника. Онъ уже не считаетъ болѣе нужнымъ *прятаться*, какъ дѣлалъ до сихъ поръ, и открыто заявляетъ свой протестъ противъ намѣренія Цезаря добиваться консульства, не оставляя своей провинціи и, слѣдовательно, не распуская своего войска [2]). Правда, Помпей позволяетъ себѣ высказываться въ такомъ духѣ только въ частныхъ разговорахъ и даже высказывается при этомъ противъ оффиціальнаго объявленія подобнаго протеста, въ видѣ сенатскаго декрета [3]); но послѣ того сдержаннаго и нерѣшительнаго, почти боязливаго, поведенія, какого до сихъ поръ держался Помпей, уже одного этого было слишкомъ достаточно для того, чтобы поощрить противниковъ Цезаря къ болѣе рѣшительнымъ, если не дѣйствіямъ, то, по крайней мѣрѣ, рѣчамъ и предложеніямъ въ сенатѣ. Такъ, Сципіонъ Метеллъ вноситъ предложеніе о томъ, чтобы было назначено засѣданіе сената на 1 марта слѣдующаго 704 года, для окончательнаго рѣшенія вопроса о провинціяхъ [4]). Предложеніе это не осталось безъ послѣдствій. Послѣ многочисленныхъ дебатовъ по поводу этого вопроса въ сенатѣ, послѣ болѣе и менѣе всесторонняго

---

[1]) 210. ad Div. VIII. 5. [2]) 211,5. ad Div. VIII. 9. [3]) ib. [4]) ib. и 222. ad Div. VIII. 8.

обсужденія его pro и contra, и послѣ того какъ истинный образъ мыслей Помпея касательно этого предмета пересталъ быть тайной, наконецъ, въ засѣданіи *30 сентября* былъ принятъ цѣлый рядъ постановленій, въ основаніи которыхъ лежало вышеупомянутое предложеніе Сципіона. Письмо Целія [1]), относящееся къ октябрю 703 г., въ которомъ онъ сообщаетъ Цицерону объ этомъ засѣданіи и состоявшихся на немъ постановленіяхъ, имѣетъ двойную историческую цѣнность, такъ какъ, не говоря уже о важности заключающихся въ немъ данныхъ, оно заключаетъ въ себѣ чрезвычайно любопытный въ историческомъ отношеніи документальный памятникъ. Целій приводитъ въ своемъ письмѣ копію съ протокола упомянутаго сенатскаго засѣданія 30 сентября. Протоколъ этотъ, заключающій въ себѣ четыре декрета, мы приводимъ въ дословномъ переводѣ, подъ текстомъ [2]).

---

[1]) 223. ad Div. VIII 8. [2]) „30 сент. въ храмѣ Аполлона присутствовали Л. Домицій Кн. Агенобарбъ, Кв. Метеллъ Сципіонъ, Л. Виллій, Аппалъ К. Сентимій Квирина, К. Луцій Гирръ, К. Скрибоній Куріонъ, Л. Аттей Капитонъ, М. Эпій Терентина.

По предложенію консула М. Марцелла касательно провинцій, сенатъ постановилъ, чтобы консулы Л. Павелъ и К. Марцеллъ, какъ только они вступятъ въ отправленіе своей должности, 1 марта, которое имѣетъ быть въ годъ ихъ консульства (704), внесли бы предложеніе въ сенатъ касательно консульскихъ провинцій. Предложеніе это не можетъ быть сдѣлано ранѣе 1 марта, равно какъ не могутъ быть соединены съ нимъ другія предложенія. Сенатъ долженъ собираться и дѣлать постановленія даже въ комиціальные дни. Консуламъ предоставляется право пригласить на засѣданіе, въ которомъ будетъ обсуждаться этотъ вопросъ, сенаторовъ изъ числа трехсотъ судей. Если что представится нужнымъ предложить на усмотрѣніе народа (т. е. центуріатъ-комицій) или плебса (т. е. трибутъ-комицій), то консулы Сер. Сульпицій и М. Марцеллъ, преторы и народные трибуны могутъ обращаться къ народу и плебсу по собственному своему усмотрѣнію; если же они этого не сдѣлаютъ, тогда должны сдѣлать таковое предложеніе народу или плебсу преемники ихъ по магистратурѣ".

(Никто не протестовалъ).

„30 сент. въ храмѣ Аполлона присутствовали и т. д. По поводу предложенія консула М. Марцелла относительно провинцій, сенатъ постановилъ, чтобы никто изъ тѣхъ, кому принадлежитъ право интерцессіи, не препятствовалъ ни предложеніямъ, которыя дѣлаются сенату, ни сенатскимъ декретамъ; если кто будетъ препятствовать, сенатъ будетъ разсматривать его поступокъ, какъ дѣйствіе направленное противъ республики.

Въ случаѣ, еслибы кто сталъ интерцедировать настоящему постановленію, сенатъ постановляетъ, чтобы этотъ сенатъ-консультъ былъ подписанъ, какъ senatus auctoritas, и чтобы объ этомъ было представлено сенату и народу".

(Протестовали народные трибуны К. Целій, Л. Виницій, П. Корнелій, К. Папса).

„Далѣе, сенатъ постановляетъ относительно солдатъ, находящихся въ войскѣ Це-

Легко замѣтить, что всѣ эти постановленія носятъ на себѣ уже яркій отпечатокъ разгорѣвшейся партійской борьбы, разыгравшихся политическихъ страстей, которыя такъ и пробиваются сквозь наружную оболочку сдержаннаго по формѣ оффиціальнаго документа. Первое изъ нихъ, сдѣланное по предложенію М. Марцелла, есть въ сущности не что иное, какъ повтореніе или воспроизведеніе въ законодательной формѣ первоначальнаго проэкта Сципіона. Третье постановленіе есть уже шагъ, прямо направленный противъ Цезаря и довольно недвусмысленно обличающій затаенныя опасенія сената насчетъ «солдатъ Цезаря». Этимъ постановленіемъ сенатъ дѣлаетъ первую попытку стать между Цезаремъ и его войскомъ. Но всего характернѣе второе постановленіе, заключающее въ себѣ попытку обезпечить безпрепятственность имѣющихъ состояться 1 марта 704 г. постановленій и направленное спеціально противъ дружественныхъ Цезарю трибуновъ. Этимъ постановленіемъ заранѣе объявляется, хотя и косвенно, о томъ, какого характера будутъ эти постановленія: такого, что противъ нихъ слѣдуетъ ожидать протеста со стороны преданныхъ Цезарю трибуновъ Особенно любопытно, говоримъ мы,

---

заря, а именно: относительно тѣхъ, которые выслужили законный срокъ или имѣютъ право на отпускъ послѣдствіе другихъ уважительныхъ причинъ,—чтобы на нихъ было обращено особенное вниманіе, и чтобы дѣло ихъ было тщательно изслѣдовано.

Въ случаѣ если бы кто сталъ интриговать настоящему сенату-консульту, сенатъ постановляетъ, что онъ долженъ быть подписанъ, какъ senatus auctoritas, и что объ этомъ должно быть доложено въ установленномъ порядкѣ".

(Протестовали трибуны К. Целій и К. Панса).

„Наконецъ, сенатъ постановляетъ относительно провинціи Киликіи и восьми остальныхъ преторскихъ провинцій, которыми управляютъ бывшіе преторы въ качествѣ пропреторовъ, — чтобы изъ числа тѣхъ, которые были преторами, но ни въ какой провинціи не были облечены imperium'омъ, тѣ, которымъ, въ силу постановленія сената (702 г.), слѣдовало бы быть отправленными въ провинціи въ качествѣ пропреторовъ, — чтобы они были отправлены въ провинціи по жребію. Въ случаѣ несоотвѣтствія наличнаго числа кандидатовъ съ числомъ преторскихъ провинцій, должны быть отправлены въ провинціи бывшіе преторы ближайшей коллегіи (т. е. слѣдующаго года); если же и послѣ этого не окажется достаточнаго количества лицъ, тогда всѣ бывшіе преторы, которые не были въ провинціи, послѣдовательно должны быть присоединяемы къ прежнимъ, до тѣхъ поръ пока не получится требуемое число.

Если кто будетъ интриговать этому сенатъ-консульту, онъ долженъ быть подписанъ, какъ senatus auctoritas".

(Протестовали трибуны К. Целій и К. Панса).

это постановленіе, служащее превосходнымъ комментаріемъ къ первому, а также и тотъ параграфъ перваго постановленія, который касается комиціальныхъ дней. Оба эти постановленія, если взглянуть на нихъ съ юридической точки зрѣнія, представляются актами административнаго произвола, а такъ какъ они происходятъ на почвѣ политическихъ отношеній, то ихъ по всей справедливости можно назвать революціонными, такъ какъ они идутъ въ разрѣзъ съ установившимся правомъ, съ традиціей. Традиція запрещала засѣданія сената въ dies comitiales; сенатъ постановляетъ, чтобы засѣданія происходили и въ эти запретные дни. Далѣе, трибуны имѣли безусловное право интерцессіи, въ этомъ и заключалась сущность той tribunicia potestas, которая и представляла собственно raison d'être самаго института: сенатъ, такъ сказать, однимъ почеркомъ пера уничтожаетъ это право и заранѣе объявляетъ врагами республики тѣхъ изъ трибуновъ, которые захотѣли бы воспользоваться этимъ своимъ правомъ. Другими словами, сенатъ идетъ противъ того самаго принципа, который лежитъ въ его основаніи, противъ принципа традиціи и законности, т. е. онъ сходитъ самъ съ той почвы, которая дастъ ему силу и значеніе и представляетъ его естественную позицію, и вступаетъ на почву чуждую, на почву своихъ противниковъ,— хочетъ бороться противъ нарушителей традиціонной законности нарушеніемъ этой самой законности. — Яркой иллюстраціей къ этому замѣчанію служатъ записки Цезаря, гдѣ мы видимъ, какъ онъ воспользовался этимъ и подобными промахами своихъ противниковъ, всюду выставляя ихъ — и часто не безъ основанія — нарушителями права, а себя его защитникомъ.

Все это свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, объ жесточеніи и озлобленіи сенатской партіи противъ Цезаря, вообще о томъ, что борьба политическая получила уже довольно острый характеръ; съ другой стороны, о томъ, что сенатъ предвидѣлъ до извѣстной степени тѣ затрудненія, съ которыми придется ему встрѣтиться на пути къ осуществленію своихъ плановъ, и въ то же время не чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы быть въ состояніи побороть ихъ, не прибѣгая къ исключительнымъ и прямо незаконнымъ мѣрамъ. Наконецъ, нельзя не видѣть здѣсь доказательства рѣшимости сената дѣйствовать энергически противъ Цезаря

и довести начатое дѣло до конца, во что бы то ни стало. Можно сказать, что если этимъ актомъ сенатъ еще не объявилъ Цезарю войны, то уже открылъ походъ противъ него.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, и Помпей, какъ мы видѣли, начинаетъ выходить изъ своего прежняго сдержаннаго поведенія относительно Цезаря. Онъ уже не боится открыто высказываться противъ Цезаря и высказываться въ такомъ же точно духѣ, какъ и сенатъ, т. е. становится къ послѣднему въ отношенія безусловной солидарности. Солидарность эта выражается, вопервыхъ, въ томъ, что Помпей признаетъ также *1 марта 704 г.* рѣшительнымъ срокомъ, когда относительно Цезаря можно будетъ уже «не колебаться», какъ онъ выражается на своемъ дипломатически-темноватомъ языкѣ [1]). Вовторыхъ, солидарность Помпея съ сенатомъ выражается въ томъ, что первый также высказывается противъ возможной въ этомъ вопросѣ интерцессіи со стороны трибуновъ, хотя и съ другой точки зрѣнія. Съ точки зрѣнія сената, протестъ трибуновъ въ данномъ случаѣ долженъ считаться незаконнымъ, какъ дѣйствіе, направленное противъ *республики*. Сенатъ, видимо, старается избѣжать въ своемъ выраженіи potius odiosum. Помпей высказывается смѣлѣе: трибуны—агенты *Цезаря*; протестъ трибуновъ есть, поэтому, актъ неповиновенія сенату со стороны Цезаря [2]).

Такой рѣшительный поворотъ въ поведеніи Помпея «подѣйствовалъ въ высшей степени ободряющимъ образомъ на людей», какъ пишетъ Целій [3]), т. е., очевидно, на «людей», которые составляли ядро агитаціи противъ Цезаря и которые были виновниками постановленія 30 сентября, однимъ словомъ, на тѣхъ, кого Цицеронъ называетъ рѣже *optimates*, чаще *boni*. Послѣднее замѣчаніе Целія чрезвычайно характерно для взаимныхъ отношеній между Помпеемъ и оптиматами въ данную минуту; оно даетъ возможность проникнуть въ истинный смыслъ этого союза между той и другой сторопой. Что связывало ихъ между собою? Насколько можно судить по тому, что намъ уже извѣстно изъ переписки, и что мы узнаемъ еще нѣсколько позднѣе, едва ли вражда къ Цезарю не была единственною связью, единственнымъ интересомъ, который соединялъ воедино стремленія обѣихъ сторонъ. Ни солидарности

---

[1]) 223,9. ad Div. VIII. 8. [2]) ib. [3]) ib.

идей, ни—тѣмъ болѣе—какой-либо платонической симпатіи между ними мы не видимъ и слѣда. Напротивъ, не нужно особенной проницательности, для того чтобы замѣтить тутъ присутствіе, уже въ самомъ началѣ, болѣе или менѣе скрытаго антагонизма, который потомъ все болѣе и болѣе пробивается наружу. Однимъ словомъ, въ основаніи этого союза между сенатской партіей и Помпеемъ лежалъ *политическій компромиссъ*, менѣе всего—принципіальная солидарность; это была коалиція двухъ политическихъ силъ противъ третьей, противъ Цезаря. Оптиматамъ нужно было освободиться отъ Цезаря, а этого они не могли достигнуть иначе, какъ только съ помощью Помпея [1]). Помпей, съ своей стороны, также хотѣлъ отдѣлаться отъ Цезаря, какъ опаснаго соперника, но не для того, чтобы освободить отъ него «республику», а для того, чтобы стать самому на мѣсто Цезаря, сдѣлаться для оптиматовъ вторымъ Цезаремъ. Совершенно категорически говоритъ объ этомъ Плутархъ [2]). Но въ дальнѣйшей перепискѣ мы найдемъ гораздо болѣе обстоятельное и несравненно болѣе краснорѣчивое развитіе этой мысли, чѣмъ у Плутарха [3]).

Но и теперь уже, не смотря на эту внѣшнюю солидарность во взаимныхъ отношеніяхъ между Помпеемъ и оптиматами, нетрудно замѣтить въ нихъ извѣстную холодность и даже натянутость. Это была искусственная и потому эфемерная дружба—типъ политической дружбы, основной принципъ которой — недовѣріе. Оптиматы не довѣряютъ Помпею. Они постоянно зондируютъ его, стараются *выпытать* его образъ мыслей относительно того или другаго вопроса, ищутъ случая вызвать его на объясненіе. Такъ было въ извѣстномъ уже намъ засѣданіи 22-го іюля. Припомнимъ, какъ тамъ Помпея «вынуждали» сказать, чего бы ему вовсе не хотѣлось высказывать. То же самое видимъ въ засѣданіи 30-го сентября. Его со всѣхъ сторонъ осаждаютъ вопросами — одинъ другаго щекотливѣе. Вопервыхъ, пожелали освѣдомиться, какого мнѣнія Помпей относительно права интерцессіи трибуновъ. Объ этомъ рѣчь была уже выше. Но затѣмъ, въ томъ же засѣданіи,

---

[1]) 210,1. ad Div. VIII, 5. [2]) Caes. 28. [3]) Изъ этого видно, что современники хорошо понимали эту оборотную сторону медали, которую та и другая изъ заинтересованныхъ сторонъ старалась тщательно замаскировывать.

передъ нимъ былъ поставленъ ребромъ вопросъ еще болѣе щекотливый. «А что́, спрашивали Помпея,—что́, если Цезарь захочетъ быть консуломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать при себѣ войско?» На предложенный вопросъ Помпей отвѣчалъ вопросомъ же: «А что̀, если сынъ мой захотѣлъ бы ударить меня палкою?».. [1]) Очевидно, оптиматы хотѣли, съ одной стороны, вывѣдать истинный образъ мыслей Помпея по отношенію къ Цезарю; съ другой стороны, ставя предъ нимъ этотъ и подобные ему щекотливые вопросы въ такой вызывающей формѣ, они хотѣли его поймать на удочку, заставить его высказать больше, чѣмъ можно было ожидать отъ собственнаго его почина, быть можетъ, даже заставить его произнести то слово, которое уже носилось въ умахъ, но котораго никто еще не рѣшался произнести въ слухъ: «война»!.. Если они были на это, то, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, они промахнулись. Помпей тоже держалъ ухо востро. Боялся ли онъ, считалъ ли то преждевременнымъ, или просто не хотѣлъ произнести этого слова, какъ бы тамъ ни было, онъ, какъ мы видѣли, искусно уклонился отъ прямаго отвѣта. Вопросъ былъ: «что́, если Цезарь откажется повиноваться сенату?» Ясно, что прямой отвѣтъ могъ быть только одинъ: «война»! Своей фразой, похожей на тѣ фразы, которыя въ наше время раздаются въ парламентахъ изъ устъ министровъ въ отвѣтъ на запросы оппозиціонныхъ депутатовъ, Помпей, какъ мы сказали, искусно уклонился отъ прямаго отвѣта, но въ то же время онъ далъ понять, какъ онъ самъ смотритъ на этотъ вопросъ, и, слѣдовательно, чего слѣдуетъ ожидать отъ него, Помпея, въ случаѣ возможнаго неповиновенія Цезаря распоряженіямъ сената. Ибо что въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ сказать Помпей своей фразой? Едва ли возможно согласиться съ Целіемъ и съ тѣми, которые, по его словамъ, раздѣляли его мнѣніе, и которые поняли эту фразу Помпея въ томъ смыслѣ, что нечего опасаться подобнаго шага со стороны Цезаря, и отсюда сдѣлали заключеніе, что Цезарь готовъ удовольствоваться однимъ изъ двухъ: *или* удержать за собой провинцію съ войскомъ и, въ такомъ случаѣ, отказаться отъ притязанія на консульство, *или же* добиваться послѣдняго и тогда отказаться отъ провинціи [2]). Помимо того, что

---

[1]) 223, 9. ad Div. VIII. 8. [2]) ib.

послѣдствія показали несостоятельность догадки Целія, трудно предположить, чтобы Помпей имѣлъ въ виду сказать, именно, то, что усмотрѣлъ въ его фразѣ Целій и тѣ homines, которымъ, по его словамъ, эта фраза доставила большое удовольствіе [1]). Едва ли можно думать, чтобы Помпей серьезно вѣрилъ въ невозможность или, по крайней мѣрѣ, до такой степени невѣроятною считалъ возможность такого шага со стороны Цезаря, шага, который, по всѣмъ видимостямъ, не долженъ былъ представлять ничего неожиданнаго, тѣмъ менѣе — невѣроятнаго. Скорѣе можно думать, что эта фраза, если только она точно, безъ прикрасъ, передана такимъ любителемъ краснаго словца, какъ Целій, сказана была съ злостною цѣлью—выставить Цезаря въ возможно ненавистномъ свѣтѣ. Помпей какъ бы говоритъ: «возможно, что Цезарь ослушается сената; но если онъ это сдѣлаетъ, то знайте, что вотъ онъ какой гнусный человѣкъ!..» Съ другой стороны, въ этой фразѣ можно усмотрѣть и другую заднюю мысль. Быть можетъ, Помпей хотѣлъ дать намекъ относительно того, какъ онъ намѣренъ поступить съ Цезаремъ въ такомъ случаѣ; ибо ясно, чего заслуживаетъ человѣкъ, отважившійся на такое гнусное дѣло, какъ покушеніе на своего отца. Въ общемъ же, Помпей, несомнѣнно, хотѣлъ этой фразой подчеркнуть свою солидарность съ сенатомъ.

Самъ по себѣ фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ это время въ Римѣ уже плохо вѣрили въ возможность принудить Цезаря оставить провинцію посредствомъ сенатскаго распоряженія. О войнѣ еще не было рѣчи, но произнесенно уже было то слово, отъ котораго до войны былъ всего одинъ шагъ. «А что, если Цезарь не захочетъ повиноваться распоряженіямъ сената? что тогда?..» Этотъ вопросъ, какъ мы видѣли, не только уже носился въ умахъ, но былъ уже формулированъ и громко во всеуслышаніе произнесенъ публично, въ сенатѣ; а отвѣтъ самъ собой подсказывался...

Между тѣмъ, Цезарь не забывалъ той истины, которую его противники постигли лишь впослѣдствіи, путемъ горькаго опыта и цѣною неоднократныхъ пораженій, постигли притомъ слишкомъ поздно, потому что это было уже послѣ Фарсала. Тогда они,

---

[1]) ib.

ударяя себя въ грудь и грустно попуривъ голову, повторяли: «да, мы потеряли время, а оно-то и имѣетъ рѣшающее значеніе въ войнѣ»... [1]) Цезарь не терялъ напрасно времени, которое, какъ мы видѣли, такъ услужливо предоставлялъ сенатъ въ его распоряженіе. Не оставляя своей провинціи и продолжая свою неутомимую дѣятельность въ этой созданной имъ обокъ съ римской республикой военной монархіи, онъ въ то же время не спускалъ глазъ съ Рима и подготовлялъ себѣ тамъ почву для предстоящей рѣшительной борьбы съ враждебной коалиціей. Переписка не дѣластъ насъ, впрочемъ, свидѣтелями этой дѣятельности Цезаря, не дастъ намъ возможности присутствовать при самомъ процессѣ этой дѣятельности; она знакомитъ насъ только съ нѣкоторыми изъ ея результатовъ. Самымъ блестящимъ изъ нихъ было пріобрѣтеніе Куріона. Переписка даетъ намъ возможность оцѣнить вполнѣ всю важность достигнутой въ этомъ отношеніи Цезаремъ побѣды. Въ то время, когда, по иниціативѣ М. Марцелла, сенатъ въ засѣданіи 30-го сентября, на которомъ присутствовалъ также и Куріонъ [2]), принималъ одну за другой мѣры, направленныя прямо или косвенно противъ Цезаря, мы не видимъ Куріона въ числѣ протестующихъ. Значитъ, въ то время онъ былъ еще правовѣрнымъ оптиматомъ-помпеянцемъ. Иначе, впрочемъ, едва ли бы и сдѣлали его трибуномъ. Повидимому, онъ и получитъ трибунатъ, именно, за свой «патріотизмъ», который позволялъ оптиматамъ возлагать на него большія надежды, какъ на будущаго бойца противъ Цезаря. Когда въ іюлѣ 703 г. Куріонъ выступилъ въ качествѣ кандидата на трибунатъ на мѣсто прежняго трибуна Сервія [3]), Целій, сообщая объ этомъ обстоятельствѣ Цицерону, писалъ о немъ между прочимъ [4]): «какъ можно надѣяться, какъ слѣдуетъ желать, и какъ доказываетъ все его (Куріона) поведеніе, онъ предпочтетъ держать сторону сената и патріотовъ; теперь, по крайней мѣрѣ, у него только и рѣчей, что объ этомъ». Говоря о Куріонѣ, Целій противополагаетъ его «противникамъ его трибунства Леліямъ и Антоніямъ и другимъ того же пошиба людямъ», т. е. цезаріанцамъ [5]). Куріонъ возбуждалъ въ оптиматахъ такія па-

---

[1]) 421, 2. ad Div. XV. 15. (Письмо Цицерона къ Кассію въ авг. 707). [2]) 223. ad Div. VIII. 8. [3]) 206, 2. ad Div. VIII. 4. [4]) ib. [5]) ib.

дежды относительно собственной личности, вопервыхъ, тѣмъ, что, какъ говоритъ Целій [1]), онъ, Куріонъ, не принадлежалъ къ числу тѣхъ «низкихъ людей» (*infimi homines*), которыхъ Цезарь «вербовалъ въ свою клику разными подачками», такъ, съ другой стороны, и тѣмъ, что *Цезарь питалъ къ нему личную непріязнь* [2]). Еще въ октябрѣ (703 г.) Целій былъ въ восторгѣ отъ Куріона и наивно вѣрилъ, что послѣдній «готовится къ битвѣ не на животъ, а на смерть противъ Цезаря» [3]).

Быть можетъ, оптимизмъ Целія относительно Куріона, помимо его непроницательности, объясняется отчасти еще тѣмъ чисто личнымъ мотивомъ, относительно котораго, быть можетъ незамѣтно для себя, проговаривается невоздержный на языкъ Целій. Фраза, которую онъ прибавляетъ вслѣдъ за заявленіемъ о политической лояльности Куріона: «Куріонъ со мною чрезвычайно обходителенъ» [4]), эта фраза въ устахъ такого человѣка, какъ Целій, можетъ также служить къ объясненію этого оптимистическаго ослѣпленія. Какъ бы то ни было, послѣдній ни мало не сомнѣвался въ благонадежности Куріона въ это время. И въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ Цицерону (въ Киликію), отъ 18 нояб. 703 г. [5]), Целій съ увѣренностью высказывается о Куріонѣ, что, какъ онъ, Целій, предвидитъ, «Куріонъ будетъ агитировать въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны — къ ущербу Цезаря, съ другой — къ выгодѣ Помпея». Но если Целій готовъ былъ видѣть въ Куріонѣ нерушимую стѣну сенатской партіи, то другіе смотрѣли на это дѣло болѣе скептически, какъ это видно изъ примѣра Цицерона, отъ проницательности котораго не ускользнуло, хотя и не обнаружившееся еще явно, измѣнничество Куріона. Очень характерно въ этомъ отношеніи письмо Цицерона къ послѣднему, писанное имъ въ лагерѣ при Пиндениссѣ, въ концѣ 703 г. [6]), въ которомъ онъ поздравляетъ Куріона съ полученіемъ трибунства. Здѣсь, среди самыхъ изысканныхъ и, повидимому, искреннихъ изъявленій дружбы и благорасположенія, уже ясно слышится, хотя и слабая, нотка недовѣрія и опасенія за постоянство и вѣрность Куріона. Цицеронъ не сомнѣвается—такъ пишетъ онъ—въ благоразуміи Куріона, въ его лояльности и т. д. Но ни отборные ком-

[1]) ib. [2]) ib. [3]) 223, 10. ad Div. VIII. 8. [4]) ib. [5]) 225. ad Div. VIII. 10. [6]) 227. ad Div. II. 7.

плименты, щедрою рукою разсыпанные на протяженіи довольно длиннаго письма, ни артистически подобранныя выраженія не въ состояніи скрыть затаенныхъ сомнѣній и опасеній Цицерона относительно разныхъ «постороннихъ вліяній», которыя легко могутъ совратить молодаго человѣка съ праваго пути и увлечь въ какія-нибудь необдуманныя предпріятія. Необходима особенная бдительность для того, чтобы устоять твердо на своемъ мѣстѣ среди столь быстро смѣняющихся событій, среди такой измѣнчивости людскихъ мнѣній, среди этой запутанности настоящаго и неизвѣстности будущаго, среди всей этой сусты и всевозможныхъ козней [1]). А заключительныя слова письма, слова увѣщанія, обращенныя къ Куріону, о томъ, «чтобы онъ былъ защитникомъ законовъ и сенатскихъ постановленій», быть можетъ, противъ желанія Цицерона, уже прямо выдаютъ его неувѣренность въ Куріонѣ, неувѣренность въ томъ, будетъ ли онъ дѣйствительно «защитникомъ законовъ и сенатскихъ постановленій»... При всемъ томъ, однако, и Цицеронъ одно время до такой степени былъ введенъ въ заблужденіе искусной тактикой Куріона [2]), что готовъ былъ вѣрить въ его лояльность. «Вижу, пишетъ онъ къ Аттику въ апрѣлѣ 704 г. [3]), что, благодаря настойчивости Куріона, вопросъ о провинціяхъ будетъ замятъ». Такъ понялъ Цицеронъ тактику Куріона, заключавшуюся въ томъ, чтобы тормозить вопросъ, не давать Марцеллу возможности провести свои предложенія [4]), т. е. Цицеронъ принялъ, какъ доказательство лояльности, то, что въ сущности было актомъ измѣны. Въ этомъ случаѣ проницательный Цицеронъ раздѣлялъ заблужденіе непроницательнаго Целія.

Какъ бы то ни было, Цицеронъ оставался при своемъ оптимистическомъ заблужденіи насчетъ Куріона вплоть до апрѣля 704 г., когда, наконецъ, онъ получилъ письмо Целія съ категорическимъ извѣстіемъ о «дезертирствѣ» Куріона [5]). Для Цицерона, впрочемъ, это не было неожиданностью, какъ можно заключить изъ вышесказаннаго, и какъ онъ самъ теперь заявляетъ, въ отвѣтъ на письмо Целія. «Кто бы могъ ожидать этого, кромѣ меня?»

---

[1]) ib. [2]) См. Dio XL. 61. [3]) 256,6. ad Att. IV. 2. [4]) Dio XL. 61. App. II. 27. [5]) 257,3. ad Div. II. 13.

пишетъ онъ [1]). Между тѣмъ, какъ это ни поразительно, Целій, все время находившійся у самаго очага событій, до послѣдняго дня, даже до той самой минуты, когда, наконецъ, Куріонъ открыто заявилъ о своей солидарности съ Цезаремъ, даже не подозрѣвалъ козней обворожившаго его своею «обходительностью» трибуна. До послѣдней минуты онъ все ждалъ, что вотъ-вотъ онъ начнетъ громить Цезаря, и не видя ничего подобнаго, принималъ это за простое бездѣйствіе со стороны Куріона [2]). «Нашъ Куріонъ съ своимъ трибунствомъ стоитъ на точкѣ замерзанія», писалъ Целій всего за нѣсколько часовъ, быть можетъ, минутъ, передъ тѣмъ, какъ Куріонъ открыто заявилъ о своемъ «дезертирствѣ». Въ томъ же самомъ письмѣ, въ концѣ, Целій дѣлаетъ приписку [3]): «Относительно Куріона я написалъ, что онъ стоитъ на точкѣ замерзанія. Теперь онъ уже разогрѣлся: горячится и и кипятится. Съ непостижимымъ легкомысліемъ перебѣжалъ онъ на сторону народа изъ-за того, что потерпѣлъ фіаско съ своимъ предложеніемъ объ интеркаляціи». Цицеронъ не нуждался, конечно, въ подобномъ наивномъ объясненіи измѣны Куріона, которая, къ тому же, вовсе не была для него неожиданностью. Очевидно, Целій чистосердечно принялъ за причину то, что было собственно только поводомъ для Куріона къ открытому разрыву съ своей партіей. Но всего любопытнѣе въ данномъ случаѣ то въ высшей степени характерное для Целія обстоятельство, что онъ понялъ Куріона только тогда, когда оканчивалъ свое письмо, между тѣмъ какъ еще ни мало не подозрѣвалъ истиннаго положенія вещей, когда писалъ первую половину письма. Нельзя удержаться отъ улыбки, читая это наивное объясненіе, которое приводитъ Целій въ оправданіе своей близорукости. Дѣло въ томъ, пишетъ онъ, что Куріонъ «еще не сдѣлалъ этого (т. е. не объявилъ еще открытаго разрыва съ оптиматами), когда я писалъ первую часть этого письма». Это было въ январѣ 704 г.; Цицеронъ же получилъ письмо Целія съ этимъ извѣстіемъ только въ апрѣлѣ [4]).

Относительно подобной же «измѣны» консула Павла мы находимъ менѣе точныя указанія. Въ ноябрѣ 703 г. Целій пи-

[1]) ib. [2]) 242,3. ad Div. VIII. 6. [3]) ib. [4]) 257,3. ad Div. II. 13. Срв. 252. ad Att. VI. 1.—256. ad Att. V. 2.—267. ad Div. VIII. 11. — 262. ad Div. II. 19 и др.

салъ Цицерону [1]), что Павелъ также горячо агитируетъ противъ Цезаря, какъ и Куріонъ. Но, вѣдь, Целій точно также могъ ошибиться относительно Павла, какъ онъ ошибся относительно Куріона; заявленіе Целія, поэтому, никакъ нельзя принимать за доказательство того, что Павелъ дѣйствительно оставался въ это время вѣрнымъ своей партіи. Первый намекъ на его измѣну, какъ на совершившійся фактъ, встрѣчаемъ въ письмѣ Цицерона къ Аттику (въ Эпиръ), писанномъ въ іюнѣ 704 г. [2]) (т. е. полгода спустя послѣ вышеупомянутаго письма Целія). «Сюда, пишетъ онъ, доносятся дурныя вѣсти о Куріонѣ и Павлѣ». Сопоставленіе Павла съ Куріономъ устраняетъ всякое недоразумѣніе относительно свойства этихъ «дурныхъ вѣстей». Но, вонервыхъ, мы не знаемъ, насколько была свѣжа эта сообщаемая Аттику Цицерономъ новость (въ послѣдній разъ передъ этимъ онъ писалъ къ Аттику въ апрѣлѣ; новость, сообщаемая имъ въ настоящемъ письмѣ, писаномъ въ іюнѣ, могла случиться вскорѣ послѣ перваго письма, т. е. въ апрѣлѣ или маѣ) [3]); съ другой стороны, страннымъ представляется то обстоятельство, что Целій, такъ много писавшій о Куріонѣ, ни разу не упоминаетъ объ «измѣнѣ» Павла. Неясно также то, была ли эта измѣна Павла фактомъ одновременнымъ съ измѣной Куріона, или же первый былъ уловленъ Цезаремъ позднѣе послѣдняго [4]). Вообще же видно, что Цезарь дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи крайне осторожно и аккуратно. Целій, для котораго не было тайной обыкновеніе Цезаря «вербовать себѣ друзей разными подачками» [5]), въ данномъ случаѣ даже не подозрѣвалъ ничего подобнаго; онъ не заподозрилъ подкупа даже тогда, когда «дезертирство» Куріона сдѣлалось ужъ для него фактомъ несомнѣннымъ [6]).

Итакъ, между тѣмъ какъ Цезарь обдѣлывалъ свои дѣла въ Римѣ безъ шума, его противники не столько занимались дѣломъ, сколько шумѣли. Они суетились, волновались, горячились и негодовали противъ Цезаря, измышляя ему разныя каверзы, ревниво обсре-

---

[1]) 225. ad Div. VIII. 10. [2]) 261,4. ad Att. VI. 3. [3]) 246. ad. Att. VI. 2. [4]) Что до историковъ, то у нихъ также не находимъ опредѣленныхъ указаній по этому вопросу. Показанія Светонія (Caes. 29) и Плутарха (Caes. 29) говорятъ въ пользу перваго предположенія; остальные, Dio. XL, 60 и 63; B. Gall. VIII, 52; App. II, 26, въ пользу послѣдняго. [5]) 206. ad Div. VIII. 4. [6]) 242,5. ad Div. VIII. 6.

гая отъ него все, чѣмъ онъ, по ихъ мнѣнію, такъ или иначе могъ воспользоваться въ своихъ видахъ. Характернымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ можетъ служить одинъ эпизодъ, съ которымъ насъ знакомитъ письмо Целія отъ 18 ноября 703 г. [1]). Вопросъ шелъ объ ager Campanus. Помпей опасался, чтобы Цезарь не воспользовался имъ для надѣла землей своихъ солдатъ. И вотъ Помпей хлопочетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь лишить Цезаря подобной возможности, — какъ-нибудь устроить такъ, чтобы ager Campanus «не достался Цезарю въ нетронутомъ видѣ».

Между тѣмъ, главный вопросъ, вопросъ о провинціи и кандидатурѣ Цезаря, отложенный, какъ мы видѣли, до 1 марта 704 г., оставался въ полнѣйшей неподвижности. Самый рьяный противникъ Цезаря, М. Марцеллъ, и тотъ сложилъ подъ конецъ свое оружіе, молчаливо передавая его своимъ преемникамъ по консульству. Целій, привыкшій прежде писать Цицерону объ энергіи и горячности, съ которою Марцеллъ агитировалъ противъ Цезаря, теперь жалуется на его вялость и бездѣйствіе, до такой степени, что его поведеніе сдѣлалось почти тождественнымъ съ поведеніемъ Сер. Сульпиція [2]), того самого, который потомъ, въ началѣ гражданской войны, отправилъ своего сына на службу къ Цезарю [3]).

Было бы, однако, большою ошибкой видѣть въ этомъ сравнительномъ бездѣйствіи правительственныхъ органовъ признакъ умиротворенія или ослабленія политической борьбы. Въ томъ же письмѣ, въ которомъ говорится о вялости и бездѣйствіи консуловъ, мы находимъ указанія, устраняющія всякую мысль о подобномъ умиротвореніи. Изъ этого письма видно, что достаточно было возникновенія сравнительно незначительнаго вопроса, для того чтобы улегшіяся, повидимому, партійныя противоположности снова всплыли наружу. Такъ, именно, и случилось въ концѣ 703 г., когда силою вещей былъ выдвинутъ на сцену парѳянскій вопросъ. *Otium Parthicum* [4]), котораго желалъ и вымаливалъ у судьбы Цицеронъ въ первой половинѣ 703 г. [5]), и о которомъ имѣлъ возможность говорить, какъ о наличномъ фактѣ во второй половинѣ того же года [6]) (во время своего проконсульства въ Кили-

---

[1]) 225,4. ad Div. VIII. 10. [2]) ib. 3. [3]) 360. ad Att. IX. 19. [4]) 201. ad Att. V. 11. [5]) 195. ad Att. V. 9. [6]) 208,4. ad Att. V. 16.

кіи),—это otium было далеко не прочно. Уже въ началѣ сентября Цицеронъ пишетъ Аттику [1]), что Парояне, подъ предводительствомъ Пакора, перешли Эвфратъ. Въ Римъ это тревожное извѣстіе принесли письма Цицерона [2]) и Кассія, намѣстника Сиріи [3]), который настоятельно просилъ сенатъ прислать ему подкрѣпленій. Возникъ, такимъ образомъ, вопросъ о томъ, кого послать противъ Парянъ. И тутъ-то начинаются разногласія, раздоры и нескончаемые споры, въ которыхъ политическіе, партійные интересы переплетаются съ чисто личными мотивами. Одни требовали, чтобы былъ отправленъ Помпей [4]). Это были, вѣроятно, приверженцы Цезаря, для которыхъ, какъ нельзя болѣе, было желательно удаленіе Помпея изъ Рима, которое бы болѣе или менѣе развязало имъ руки. Другіе, которымъ такая комбинація представлялась невыгодною—очевидно, сенатская партія—, возражали, что не слѣдуетъ удалять Помпея изъ Рима [5]). Третьи, въ свою очередь, настаивали на томъ, чтобы былъ отправленъ Цезарь съ своими легіонами [6]). Это были, очевидно, тѣ же самые оптиматы, видамъ которыхъ столько же соотвѣтствовало удаленіе Цесаря изъ его провинціи, сколько было нежелательнымъ для нихъ удаленіе Помпея изъ Рима. Въ числѣ тѣхъ и другихъ были, быть можетъ, и люди, дѣйствовавшіе не изъ партійныхъ мотивовъ, но люди, желавшіе предотвратить междоусобную войну и видѣвшіе въ отсылкѣ одного изъ соперниковъ въ отдаленную провинцію послѣднее средство предотвратить возможность «гражданскаго кровопролитія». Въ пользу этого предположенія говоритъ письмо Целія къ Цицерону [7]). Были, далѣе, такіе, которые стояли за то, чтобы послать консуловъ [8]). Это были, вѣроятно, тѣ же самые люди, о которыхъ сейчасъ шла рѣчь,—люди принадлежавшіе къ той немногочисленной партіи «*настоящихъ*»—въ отличіе отъ «*такъ называемыхъ*» — «патріотовъ»-республиканцевъ, къ которымъ причисляетъ себя Цицеронъ, и которымъ были одинаково чужды планы и стремленія какъ Цезаря, такъ и Помпея; для этихъ людей долженъ былъ представляться въ ненавистномъ свѣтѣ каждый актъ, который имѣлъ поставить одного изъ нихъ—Цезаря или Помпея—

---

[1]) 214,1. ad Att. V. 18. [2]) ib. [3]) 225,1. ad Div. VIII. 10. [4]) 255. ad Div. VIII. 10. [5]) ib. [6]) ib. [7]) 280. ad Div. VIII. 14. [8]) 225. ad Div. VIII. 10.

въ то или другое исключительное положеніе, какимъ дѣйствительно и было бы до извѣстной степени это назначеніе того или другаго изъ нихъ защитникомъ государства, помимо законныхъ, традиціонныхъ защитниковъ — консуловъ. Наконецъ, сами консулы составляли особую партію въ этомъ вопросѣ, партію, которою, если вѣрить Целію [1]), руководили не какія-нибудь политическія соображенія, а мотивы чисто личнаго, эгоистическаго характера. По словамъ Целія, они, подъ видомъ скромности, а на самомъ дѣлѣ изъ лѣности и трусости, не желали идти на войну и, изъ опасенія, чтобы сенатъ не пришелъ къ рѣшенію послать ихъ противъ Пароянъ, они старались затягивать дѣло и не созывали сенатъ, такъ что, по выраженію Целія, консулы «оказались не особенно усердными слугами республики» [2]).

Можно видѣть отсюда, какъ мало было единодушія даже внутри отдѣльныхъ партій, не говоря уже объ ихъ взаимномъ примиреніи. Видно и то, насколько личные и узко-партійные интересы заслоняли собою интересы государственные. Любопытно, что спорный вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ, да, кажется вскорѣ о немъ и забыли за партійными раздорами; по крайней мѣрѣ, изъ дальнѣйшей переписки видно, что онъ оставался нерѣшеннымъ даже еще въ апрѣлѣ слѣдующаго, 704 года [3]).

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о Цезарѣ въ концѣ 703 г. Предсказаніе Целія сбылось: вопросъ остался открытымъ въ наслѣдство слѣдующему году и его магистратамъ.

Выборы новыхъ магистратовъ (на 704 г.), имѣвшіе мѣсто въ іюлѣ 703 г. [4]), происходили уже подъ живымъ вліяніемъ этого вопроса и обострившихся вокругъ него партійныхъ отношеній. Видно это изъ того, что новые магистраты, по крайней мѣрѣ главные изъ нихъ, принадлежали къ числу противниковъ Цезаря. Переписка даетъ довольно опредѣленныя указанія въ этомъ смыслѣ относительно консуловъ, К. Марцелла и Павла, и одного изъ трибуновъ, Куріона. За принадлежность двухъ первыхъ къ ожесточенной противъ Цезаря партіи «патріотовъ» ручается уже та не-

---

[1]) ib. [2]) ib. [3]) 250,3. ad Att. V. 21. [4]) 206. ad Div. VIII. Можно опредѣлить точнѣе. Такъ какъ въ засѣданіи сената 22 іюля упоминается въ числѣ присутствовавшихъ *Paulus cos. design.*, то слѣд., выборы имѣли мѣсто *до 22 іюля*.

скрываемая радость, тотъ восторженно-ликующій тонъ, какимъ пропикнуты письма Цицерона къ К. Марцеллу [1]), къ его родственнику М. Марцеллу [2]) (конс. 703 г.) и къ Павлу [3]), — все поздравительныя письма, написанныя по случаю выбора въ консулы перваго и послѣдняго. Относительно Павла, кромѣ того, мы видѣли выше изъ письма Целія, что въ 703 г. онъ также усердно ратовалъ противъ Цезаря, какъ и Куріонъ. Что до этого послѣдняго, то мы уже видѣли, до какой степени правовѣрнымъ «патріотомъ» слылъ онъ у оптиматовъ въ то время, и какія надежды возлагались на него, какъ на будущаго застрѣльщика сенатской партіи въ предстоявшей борьбѣ противъ Цезаря. Насколько общее было это убѣжденіе, ошибочность котораго вскорѣ такъ блистательно доказалъ Куріонъ, можно видѣть изъ того единодушія, съ которымъ сходились одно время въ этомъ убѣжденіи столь мало похожіе другъ на друга люди, какъ Цицеронъ и Целій.

Наступленіе новаго года и вступленіе во власть новыхъ магистратовъ ни мало не измѣнило, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, сущности дѣла. Полнымъ застоемъ и затишьемъ въ политической жизни ознаменовалось начало новаго года. Въ первый мѣсяцъ новые консулы ничѣмъ не успѣли заявить своей дѣятельности, кромѣ постановленія о латинскихъ феріяхъ [4]). Куріонъ, отъ котораго ожидали многаго (въ это время еще не было обнаружено его измѣнничество), также мало оправдывалъ общія ожиданія, такъ какъ не выказывалъ ни малѣйшаго желанія распинаться за Помпея противъ Цезаря [5]). Однимъ словомъ, если вѣрить Целію, въ эту минуту въ Римѣ былъ полный застой въ дѣлахъ и затишье въ политической жизни. «Ты просто не можешь себѣ представить, пишетъ онъ къ Цицерону въ январѣ 701 г. [6]), до чего мы опустились, и до какой степени въ застоѣ всѣ дѣла. Еслибы не мои постоянныя битвы съ лавочниками и водовозами (съ которыми Целію приходилось имѣть дѣло, какъ эдилу), государство окончательно впало бы въ спячку». Это, дѣйствительно, было затишье, «затишье передъ бурей», хотя до «спячки» отсюда было еще далеко. Не было даже и полнаго затишья, какъ вынужденъ

---

[1]) 215. ad Div. XV. 7—216. ad Div. XV. 8. [2]) 217. ad Div. XV. 9. [3]) 218. ad Div XV. 12. [4]) 243,3. ad Div. VIII 6. [5]) ib. [6]) ib. 5.

признаться и Целій въ концѣ того же письма. Борьба политическая не потухала, она продолжалась по прежнему и въ эту минуту вступала въ новый фазисъ, который ознаменовался фактомъ «дезертирства» Куріона, а затѣмъ и Павла.

Первымъ шагомъ Куріона, послѣ заявленія открытаго разрыва съ оптиматами, было внесеніе имъ въ сенатъ двухъ законопроектовъ: *lex viaria* и *lex alimentaria* [1]). Первый изъ этихъ законопроектовъ выдаетъ свою анти-оптиматскую тенденцію уже однимъ своимъ сходствомъ съ аграрнымъ закономъ Рулла [2]), который въ свое время возбудилъ противъ себя такую бурю въ сенатской партіи, и противъ котораго такъ ратовалъ Цицеронъ въ своихъ *orationes agrariae* въ 691 г.

Второй законопроектъ—о даровой раздачѣ хлѣба—, законъ, вызывающій въ памяти имена Гракховъ, Сатурнинова, Клодіевъ, уже весь дышетъ политической страстью, политической борьбой.

До насъ доносится въ перепискѣ, особенно въ письмахъ самого Цицерона, отдаленное эхо того переполоха, который произвело среди оптиматовъ измѣнничество Куріона. «Сенсаціонная новость» [3]) эта, по собственному сознанію Цицерона [4]), глубоко потрясла и опечалила его; опечалила не столько потому, чтобы онъ предвидѣлъ отсюда какую-нибудь серьезную опасность для «республики», сколько потому, что перешли на сторону Цезаря люди, принадлежавшіе къ партіи, которой членомъ считалъ Цицеронъ и себя [5]). Онъ еще болѣе бы опечалился и смутился духомъ, еслибы могъ предвидѣть, что ему еще не разъ придется быть свидѣтелемъ подобнаго измѣнничества людей ему близкихъ и единомышленныхъ и даже самого Помпея, въ котораго онъ въ настоящую минуту вѣритъ, какъ въ нерушимую стѣну республики [6]).

Не менѣе также должны были тревожить оптиматовъ въ Римѣ, чѣмъ Цицерона въ провинціи, и внушать имъ опасенія и тревоги, тѣ бурныя сцены въ народномъ собраніи [7]), которыми теперь сопровождались смѣлыя предложенія «отчаяннѣйшаго изъ трибуновъ», какъ называетъ Куріона В. Патеркулъ.

Цицеронъ, зорко слѣдившій изъ своей отдаленной провинціи за всѣмъ, что происходило въ Римѣ, очень хорошо понималъ, чего

---

[1]) ib. [2]) 264,4. ad Att. VI. 3. [3]) ib. [4]) ib. [5]) См. ниже главу объ отношеніяхъ Цицерона къ Помпею. [6]) 263,1. ad Div. II. 12. [7]) 250,3. ad Att. V. 21.

слѣдовало опасаться. Слѣдовало опасаться *государственнаго переворота—res novae* [1]). Цицеронъ всего боится; но онъ еще не говоритъ объ опасности войны; онъ боится пока только переворота, предчувствуетъ его, но не предвидитъ, какую форму приметъ онъ въ дѣйствительности. Цицеронъ очень хорошо понималъ и то крайне затруднительное, почти безвыходное положеніе, въ которомъ очутился при этомъ сенатъ, особенно въ виду необходимости послать въ концѣ концовъ кого-нибудь противъ Парѳянъ. Сенату приходилось выбирать между Помпеемъ, отпустить котораго онъ не рѣшался въ виду угрожавшаго переворота, и Цезаремъ, которому онъ всего менѣе желалъ оказать подобную «честь». Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось дѣло Цицерону, и намъ кажется, что мы можемъ въ этомъ случаѣ положиться на его проницательность. Любопытно, что Цицеронъ не шутя опасался, чтобы сенатъ, занятый «распутываніемъ этого узла, не забылъ бы вовсе о существованіи провинцій и объ угрожающихъ имъ опасностяхъ» [2]).

Приведены ли были въ исполненіе постановленія сената 30 сентября, мы не знаемъ. Въ частности, мы не находимъ въ перепискѣ никакихъ указаній на то, чтобы 1 марта (704 г.) было засѣданіе, посвященное спеціально вопросу о Цезарѣ. Можно, однако, почти съ увѣренностью сказать, что это предполагавшееся засѣданіе не состоялось. Иначе трудно было бы объяснить это молчаніе и Целія и самого Цицерона о такомъ животрепещущемъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что въ перепискѣ между Цицерономъ и Целіемъ за мартъ и апрѣль (704 г.), гдѣ бы слѣдовало ожидать извѣстій касательно этого предмета, не замѣчается никакого перерыва, никакого пробѣла [1]). Но есть и болѣе положительныя дан-

---

[1]) ib. [2]) Стоитъ только просмотрѣть имѣющіяся на лицо письма (за эти два мѣсяца) Цицерона и Целія другъ къ другу. За мартъ мы вовсе не имѣемъ ни одного письма. Затѣмъ, письмо Цицерона къ Целію отъ 4 апрѣля (255. ad Div. II. 11) не заключаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ, по которымъ бы можно было считать его отвѣтомъ на какое-нибудь письмо Целія—сохранившееся или утраченное; напротивъ, есть признаки, которые прямо указываютъ на то, что письмо это представляетъ собою самостоятельное посланіе, а никакъ не отвѣтъ. Далѣе, письмо Цицерона, относящееся къ концу того же мѣсяца (257. ad Div. II. 13) есть отвѣтъ на имѣющееся въ наличности письмо Целія, датированное января 704 г. (242. ad Div. VIII. 6.), какъ это видно изъ 257,3. ad Div. II. 13. Наконецъ, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія, возьмемъ еще слѣдующее затѣмъ письмо Цицерона къ Целію, относящееся уже къ

ныя, говорящія въ пользу того предположенія, что назначенное на 1 марта (704 г.) засѣданіе не состоялось. «Я потрясенъ, пишетъ Цицеронъ въ іюнѣ (704 г.) [1]), извѣстіями о положеніи дѣлъ въ Римѣ: эти бурныя народныя собранія, эти бурныя сцены во время праздника Минервы (19 марта)» и т. д. Эти извѣстія, полученныя Цицерономъ неизвѣстно отъ кого [2]), относятся какъ разъ къ марту (704 г.). Если Цицеронъ захотѣлъ объяснить, какія, именно, извѣстія получилъ онъ, которыя его «потрясли» («эти бурныя собранія, эти бурныя сцены». .), немыслимо допустить, чтобы онъ умолчалъ при этомъ о засѣданіи 1 марта, которое, еслибы только оно состоялось, было бы, конечно, не менѣе бурно, чѣмъ тѣ народныя собранія; оно не могло бы быть иначе, какъ бурнымъ, какъ предполагалъ и самъ Цицеронъ, съ внутреннимъ волненіемъ ожидавшій этого роковаго дня [3]). Итакъ, приходится остановиться на предположеніи, что проэктированное засѣданіе 1 марта не состоялось. Было ли оно отложено и состоялось позднѣе, или же такъ и не состоялось, неизвѣстно. Можно только гадательно предположить, что выраженіе Цицерона «*molestae Quinquatrus*» [4]) въ вышеприведенномъ письмѣ къ Целію относится къ сенатскому засѣданію, въ которомъ обсуждался вопросъ о Цезарѣ; если это вѣрно, то, слѣдовательно, засѣданіе, предположенное на 1 марта, состоялось не ранѣе лишь 19 марта. Какъ бы то ни было, но въ первой половинѣ 704 г. «вся политическая борьба, по словамъ Целія [5]), сосредоточивалась вокругъ одного вопроса, вопроса о провинціяхъ.»

Роль Помпея въ этомъ дѣлѣ теперь уже окончательно выяснилась. Съ сенатомъ онъ—душа въ душу (по наружности, по крайней мѣрѣ), съ Цезаремъ—открытый врагъ. Онъ съ жаромъ под-

---

іюню 704 г. (263. ad Div. II. 13). Оно, безъ всякаго сомнѣнія, не есть отвѣтъ на какое-либо письмо Целія; ибо Цицеронъ жалуется въ немъ на то, что онъ „до сихъ поръ не получаетъ писемъ отъ него, Целія, касательно *этихъ дѣлъ*“. Подъ „этими дѣлами“, по контексту рѣчи, можно подразумѣвать только событія въ Римѣ, относящіяся къ началу 704 г. до марта включительно (ib. 1). Итакъ, Целій не писалъ къ Цицерону ни разу въ промежутокъ времени съ марта до іюня (704 г.) включительно.

[1]) 263. ad Div. II. 12. [2]) Целій, какъ мы видѣли, въ это время не писалъ къ нему; Аттикъ же былъ въ эту минуту въ Эпирѣ. Вѣроятнѣе всего, что отъ Аппія Клавдія, письма котораго не сохранились. [3]) 255,1. ad Div. II. 11. [4]) 263. ad Div. II. 12. [5]) 267,3. ad Div. VIII. 11.

держиваетъ всякое предложеніе въ сенатѣ, направленное такъ или иначе противъ Цезаря. Теперь онъ заодно съ сенатомъ настаиваетъ на томъ, что *13 ноября* (704 г.) должно быть крайнимъ срокомъ полномочій Цезаря, и послѣ этого онъ долженъ быть немедленно отозванъ изъ провинціи [1]). Очевидно, Помпей рѣшилъ примѣнить на дѣлѣ свои прежнія соображенія относительно того, какъ слѣдуетъ поступить съ Цезаремъ послѣ 1 марта. Мы видѣли, что послѣ 1 марта онъ считалъ возможнымъ уже «не колебаться» относительно Цезаря. Объявленіемъ срока полномочій Цезаря (13 ноября) Помпей сдѣлалъ теперь первый шагъ въ этомъ направленіи. Тѣмъ не менѣе, онъ все еще не отказывается окончательно отъ прежней тактики скрытности и лицемѣрія; онъ все еще пытается, вопреки всякой очевидности, увѣрить всѣхъ въ своемъ нейтралитетѣ относительно Цезаря и сената; старается увѣрить, что его воодушевляетъ не соперничество и личная вражда противъ Цезаря, а единственно чувство справедливости и уваженіе къ законности [2]). По его словамъ, вся вина за существующія несогласія и борьбу падаетъ на Куріона, который, по его словамъ, своими происками раздуваетъ вражду и сѣетъ раздоры [3]). Впрочемъ всѣ эти дипломатическія увертки не могли уже никого ввести въ заблужденіе относительно истинныхъ побужденій и цѣлей Помпея; онѣ были уже чересчуръ прозрачны, настолько прозрачны, что не укрылись даже отъ такого недалекаго наблюдателя, какъ Целій. По мнѣнію послѣдняго, истинные мотивы поведенія Помпея заключались вовсе не въ чувствѣ справедливости или въ любви къ республиканской свободѣ, за которую онъ, по собственнымъ словамъ, готовъ былъ умереть,—а въ *соперничествѣ съ Цезаремъ* [4]). Помпей боялся, чтобы Цезарь не сдѣлался консуломъ, удержавши въ то же время и провинцію. Вотъ, по мнѣнію Целія, настоящій мотивъ, который руководитъ всѣмъ поведеніемъ Помпея [5]).

Какъ бы то ни было, объявленіе срока Цезарю было первымъ рѣшительнымъ шагомъ противъ него со стороны враждебной коалиціи, шагомъ, который знаменуетъ собою новый фазисъ въ исто-

---

[1]) ib. [2]) ib. Нѣсколько позднѣе, именно, когда уже запахло войной, Помпей объявилъ себя защитникомъ свободы (300,4. ad Att. VII. 9). [3]) ib. [4]) ib. [5]) ib.

рія роковаго вопроса. Никогда еще партійныя противоположности не обострялись до такой степени, какъ въ данный моментъ. Насколько былъ рѣшителенъ шагъ, сдѣланный Помпеемъ, настолько же былъ рѣшителенъ встрѣченный имъ отпоръ. «*Куріонъ*, пишетъ Целій въ томъ же письмѣ, *рѣшился допустить все, что угодно, только не это*; онъ даже оставилъ на время другія свои затѣи».

Вслѣдствіе такого оборота дѣлъ, вопросъ обострился до крайней степени. Целій представляетъ положеніе дѣла въ эту минуту такимъ образомъ. «Если, говоритъ онъ [1]), оптиматы слишкомъ ужь станутъ пасѣдать на Куріона, Цезарь въ самомъ сенатѣ найдетъ себѣ защитниковъ; если же, напротивъ, — а это гораздо вѣроятнѣе — будутъ бояться интерцессіи, *Цезарь будетъ продолжать оставаться въ Галліи, сколько ему будетъ угодно*». То и другое было одинаково мало утѣшительно для оптиматовъ, для «нашихъ», какъ называетъ ихъ въ это время Целій,—которые все еще не желали, или, вѣрнѣе, боялись доводить дѣло до крайности и все еще не теряли надежды придти къ желанному результату «безъ рѣшительной борьбы» [2]). При такомъ настроеніи оптиматовъ, положеніе сената было довольно фальшивое. Не думая серьезно о рѣшительныхъ мѣрахъ, чувствуя, напротивъ, инстинктивный страхъ предъ всѣмъ, что напоминаетъ о «рѣшительной борьбѣ», онъ заявляетъ въ то же время самыя крайнія притязанія, онъ упорно и съ жаромъ протестуетъ противъ всякихъ уступокъ Цезарю, противъ всякой сдѣлки съ нимъ; онъ единодушно отвергаетъ предложеніе М. Марцелла о томъ, что слѣдуетъ войти въ переговоры съ трибунами по вопросу о Цезарѣ [3]). Целій, сообщая это извѣстіе, не объясняетъ, что́ именно имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ Марцеллъ. Но изъ одного мѣста позднѣйшей переписки, именно, изъ письма Цицерона, писаннаго наканунѣ гражданской войны [4]), гдѣ онъ высказываетъ неудовольствіе по поводу угрожавшей войны и, припоминая недавнее прошлое, осуждаетъ сенатъ за то, что онъ своимъ безтактивнымъ отказомъ на предложеніе Марцелла уничтожилъ послѣднюю возможность мирнаго исхода изъ того затруднительнаго положенія, въ какое онъ былъ поставленъ въ данную минуту обострившимся до крайности во-

---

[1]) ib. [2]) ib. [3]) 272,2. ad Div. VIII. 13. [4]) 298,5. ad Att. VII. 7.

просомъ о Цезарѣ,—изъ этого письма мы можемъ заключить, что Марцелломъ имѣлось въ виду *полюбовное соглашеніе, сдѣлка съ дружественными Цезарю трибунами*, съ цѣлью мирнаго разрѣшенія кризиса. Это предложеніе, какъ сказано выше, было отвергнуто подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Какъ бы въ pendant къ этому отрицательному рѣшенію, было принято вмѣстѣ съ этимъ угрожающее постановленіе противъ «того, кто не передаетъ ни войска, ни провинціи» [1]). (Въ іюнѣ). Быть можетъ, сенатъ, «возлагавшій всѣ надежды на того, кому вручена была верховная власть въ государствѣ», [2]) надѣялся, что одного имени Помпея, особенно въ соединеніи съ авторитетомъ сената, достаточно будетъ для того, чтобы придать надлежащую силу этимъ угрозамъ и принудить Цезаря къ повиновенію [3]). Ниже мы увидимъ, что таково, именно, было мнѣніе Цицерона.

Самымъ горячимъ оппонентомъ сената въ вопросѣ о Цезарѣ былъ Куріонъ. По крайней мѣрѣ, всякій разъ какъ въ перепискѣ заходитъ рѣчь объ оппозиціи сенатскимъ постановленіямъ или предложеніямъ, направленнымъ противъ Цезаря, мы встрѣчаемся прежде всего съ именемъ Куріона. Такъ было, напр., въ вышеприведенномъ случаѣ, когда Куріонъ «рѣшился допустить все, что угодно, только не постановленіе» относительно срока проконсульства Цезаря. Въ извѣстномъ смыслѣ Помпей, быть можетъ, былъ не совсѣмъ не правъ, когда указывалъ на Куріона, какъ на «разжигателя смуты». Недаромъ всѣ историки (за исключеніемъ только самого Цезаря), начиная В. Патеркуломъ и кончая Д. Кассіемъ, съ такимъ единодушіемъ характеризуютъ Куріона самыми рѣзкими чертами. Это былъ человѣкъ, который совмѣщалъ въ себѣ съ знатностью происхожденія убѣжденія самаго отчаяннаго демагога [4]), бурную отвагу съ острымъ умомъ [5]) и съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ [6]) самое циническое безстыдство [7]). Этотъ *«геніальный негодяй»* [8]), и *«отчаяннѣйшій изъ трибуновъ»* [9]), умѣвшій, какъ никто другой, нравиться толпѣ [10]), былъ, по словамъ В. Патеркула, однимъ изъ первыхъ, кто «подложилъ подъ зданіе рес-

---

[1]) ib. 2. [2]) 210. ad Div. VIII. 5. [3]) Срв. 272,2. ad Div. VIII. 13. [4]) Vell. II, 48. Suet. Caes. 29. Dio XL, 60. [5]) Vell. ib. Dio ib. [6]) ib. [7]) Vell. ib. [8]) Vell. ib.: *homo ingeniosissime nequam.* [9]) Suet. ib.: *violentissimus tribunorum.* [10]) ib.

публики факелъ гражданской войны». Легко понять, насколько разжигающимъ образомъ должна была дѣйствовать оппозиція такого человѣка, который вносилъ въ политическую борьбу всю страстность своей необузданной натуры. Неудивительно поэтому, если оппозиція Куріона настолько ожесточила и озлобила сенатъ противъ Цезаря, что, наконецъ, самъ Марцеллъ могъ показаться, въ сравненіи съ нимъ, либеральнымъ и снисходительнымъ, какъ это случилось, напр., въ упомянутомъ іюньскомъ засѣданіи, когда, какъ мы видѣли, было единодушно отвергнуто сравнительно умѣренное предложеніе Марцелла.

Непосредственно слѣдующее затѣмъ письмо Целія къ Цицерону (въ сентябрѣ 704 г.) [1]) рисуетъ намъ картину политическаго состоянія Рима въ данную минуту, т. е. во второй половинѣ 704 г., картину, которая для внимательнаго наблюдателя открываетъ уже часть завѣсы, отдѣляющей близкое будущее. Мы видимъ, какъ постепенно народъ и комиціи проникаются духомъ политической борьбы вокругъ вопроса о Цезарѣ, и какъ въ ту минуту, когда сенатъ открыто объявилъ себя врагомъ Цезарю, форумъ объявляетъ войну противникамъ послѣдняго. Однимъ изъ симптомовъ этого обостренія отношеній между комиціями и сенатомъ является, напр., понесенное въ это время сенатской партіей пораженіе на выборахъ въ авгуры, причемъ побѣдилъ одинъ изъ наиболѣе горячихъ приверженцевъ Цезаря, М. Антоній, между тѣмъ какъ Домицій, кандидатъ сенатской партіи, потерпѣлъ пораженіе [2]).

Что собственно до Цезаря, то представляемыя перепискою данныя на этотъ счетъ съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуютъ, что онъ, съ своей стороны, также не желалъ доводить дѣло до войны и считалъ возможнымъ мирный выходъ изъ существующихъ затрудненій. Уже одно то обстоятельство, что онъ предпринялъ въ это время постройку роскошной виллы въ окрестностяхъ Ариціи, на которую тратилъ огромныя деньги [3]), не говоритъ въ пользу воинственнаго настроенія Цезаря въ эту минуту. Еслибы онъ дѣйствительно желалъ войны или хотя бы просто былъ только убѣжденъ въ ея неизбѣжности, нечего и говорить,

---

[1]) 280. ad Div. VIII. 14. [2]) ib. Срв. Billerbeck, B. II. S. 273. [3]) 252,25. ad Att. VI. 1.

что онъ не сталъ бы тратить на дорого стоющія постройки деньги, необходимыя для войны. Но гораздо яснѣе выступаетъ это *миролюбивое* настроеніе Цезаря въ томъ шагѣ его, о которомъ сообщаетъ Целій въ сентябрѣ 704 [1]), именно, въ предложеніи, сдѣланномъ со стороны Цезаря Помпею, относительно рѣшенія спорнаго вопроса. По словамъ Целія, Цезарь предложилъ Помпею порѣшить дѣло тѣмъ, чтобы тотъ и другой изъ нихъ одновременно распустилъ свои легіоны [2]). По справедливому мнѣнію Целія, это былъ единственно возможный мирный исходъ, потому что Цезарь не могъ считать себя безопаснымъ, распустивши свое войско, еслибы при этомъ Помпей удержалъ при себѣ свое войско [3]). Но, повидимому, эта примирительная попытка Цезаря не встрѣтила себѣ сочувствія съ противной стороны. Помпей настаивалъ на прежнемъ своемъ требованіи и рѣшился, по словамъ Целія [4]), не допускать Цезаря до консульства иначе, какъ на условіи предварительной передачи провинціи и войска.

Какой же, спрашивается, возможенъ былъ отсюда выходъ? Не требовалось большой проницательности, чтобы отвѣтить на подобный вопросъ. Въ первый разъ тутъ произнесено было это роковое слово: «война!» Въ томъ же письмѣ Целій пишетъ, что нельзя поручиться за миръ даже въ теченіе еще одного года. «Чѣмъ болѣе, говоритъ онъ, приближается этотъ моментъ, когда долженъ быть рѣшенъ роковой вопросъ *(13 ноября?)*, тѣмъ яснѣе становится опасность». «Такъ-то эта дружба, этотъ ненавистный союзъ привелъ въ концѣ концовъ даже не къ скрытой враждѣ, а прямо къ открытой войнѣ!..» Положимъ, что Целій поторопился нѣсколько съ своимъ восклицаніемъ: войны еще не было. Тѣмъ не менѣе, война была близко, и въ этомъ отношеніи предчувствіе не обмануло Целія. «Ты желаешь, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, знать мое мнѣніе относительно ближайшаго будущаго; вотъ оно: если одинъ изъ нихъ (т. е Цезарь или Помпей) не уйдетъ воевать съ Парѳянами, нужно ожидать *большой смуты, единственнымъ концомъ которой будетъ жестокое и насиліе. И тотъ и другой приготовились къ войнѣ* и духомъ и войскомъ [5]).

---

[1]) 280. ad Div. VIII. 14. [2]) ib. [3]) ib. [4]) ib. [5]) Относительно Помпея послѣднее было не совсѣмъ точно, какъ увидимъ ниже.

Еслибы это могло случиться безъ опасности для тебя, я бы желалъ, чтобы ты былъ свидѣтелемъ великаго и занимательнаго (sic!) зрѣлища, которое готовитъ намъ судьба!..» Эти слова писаны въ сентябрѣ. Мы видѣли, что въ это время Целій не считалъ возможнымъ поручиться за миръ даже на одинъ годъ. Война началась въ началѣ слѣдующаго года; значитъ, предсказаніе Целія оправдалось, даже скорѣе, чѣмъ онъ предполагалъ.

Итакъ—война! И римскій міръ готовится раздѣлиться на два враждебные лагеря. Продолжительная политическая борьба настолько уже опредѣлила и выяснила партійныя отношенія, что не трудно было заранѣе сказать, кто будетъ въ одномъ лагерѣ, кто въ другомъ. Целій и дѣлаетъ попытку въ этомъ смыслѣ. Онъ пытается впередъ опредѣлить контингентъ того и другаго лагеря. «Въ предстоящей распрѣ, какъ я вижу, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, Помпей будетъ имѣть на своей сторонѣ сенатъ и судей; къ Цезарю примкнутъ всѣ тѣ, которые живутъ въ страхѣ *(предъ судомъ?)* и которые (*вслѣдствіе долговъ?*) не видятъ выхода изъ своего затруднительнаго положенія». Разумѣется, что этому опредѣленію нельзя придавать бо́льшаго значенія, чѣмъ значеніе простой схемы, могущей имѣть притязаніе лишь на приблизительное соотвѣтствіе съ фактами дѣйствительности, которые вообще, какъ извѣстно, трудно поддаются всякимъ схематическимъ опредѣленіямъ. Тѣмъ болѣе это нужно имѣть въ виду въ данномъ случаѣ, когда самые факты являются еще дѣломъ будущаго. Поэтому, если вѣрно, что эта, такъ сказать, пророческая схема и оправдалась въ дѣйствительности, то вѣрно и то, что послѣдняя представляла многія исключенія съ этой точки зрѣнія, такъ какъ приводимыя Целіемъ категоріи далеко не исчерпываютъ собой всей наличности существующихъ отношеній, которыя должны были имѣть рѣшающее вліяніе на присоединеніе къ тому или другому лагерю. По Целію выходитъ какъ будто, что въ Римѣ въ это время не было никого, кромѣ сенаторовъ и «судей», съ одной стороны, и несостоятельныхъ должниковъ и людей съ запятнанной репутаціей, съ другой. Въ дѣйствительности, разумѣется, было не такъ, т. е. были въ Римѣ и такіе люди, которые не подходили ни подъ одну изъ приводимыхъ Целіемъ категорій, и присоединеніе которыхъ къ тому или другому лагерю опредѣлялось совершенно иными мо-

тивами, не имѣвшими ничего общаго съ чувствомъ страха предъ судомъ или желаніемъ скрыться отъ кредиторовъ. Да и самъ Целій представляетъ собственною личностью одинъ изъ примѣровъ такихъ людей, не укладывающихся въ рамки начерченной имъ схемы: онъ и не сенаторъ, и не судья, и ничего такого не сдѣлалъ, за что бы могъ опасаться кары правосудія, не причисляетъ онъ себя, повидимому, и къ числу людей, жаждущихъ отдѣлаться отъ кредиторовъ. Мотивы, которыми онъ намѣренъ руководствоваться въ выборѣ себѣ партіи, совершенно особые. Любопытно наблюдать на примѣрѣ Целія, какіе элементы играли подъ часъ роль въ этой политической борьбѣ. Целій подходитъ къ вопросу не съ теоретической, принципіальной, а съ чисто практической стороны. Онъ смотритъ на дѣло чрезвычайно просто—ни съ политической точки зрѣнія, ни съ нравственной, ни съ юридической какой-нибудь, а съ чисто утилитарной, съ точки зрѣнія личной выгоды. Въ нѣсколькихъ строкахъ Целій развиваетъ на этотъ счетъ цѣлую теорію, которая и въ наше время не считается еще устарѣлою. «Пока, говоритъ онъ [1]), политическая борьба ведется безъ помощи оружія, слѣдуетъ присоединяться къ партіи, на сторонѣ которой правое дѣло; какъ скоро дѣло дошло до войны — слѣдуетъ предпочитать ту, на сторонѣ которой сила, и считать за самое лучшее то, что всего безопаснѣе». Философія, обличающая не особенно высокій уровень гражданской честности; но достойно легкомыслія и близорукости Целія то, что онъ могъ серьезно думать, что Цицеронъ способенъ былъ раздѣлять подобный образъ мыслей. «Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ Целій, впереди еще достаточно времени для того, чтобы взвѣсить силы той и другой стороны и сообразно съ этимъ избрать себѣ партію». Такова та программа, которой намѣренъ слѣдовать Целій въ виду возможной гражданской войны. Мы знаемъ, что Цицерону всегда былъ чуждъ подобный гражданскій цинизмъ; какъ бы ни былъ онъ склоненъ къ компромиссамъ въ извѣстныхъ случаяхъ, все же для него всегда стоялъ на первомъ планѣ вопросъ о нравственномъ и гражданскомъ долгѣ. Тѣмъ не менѣе, примѣръ Целія едва ли слѣдуетъ считать единичнымъ, исключительнымъ явле-

[1]) ib.

нiемъ; скорѣе въ немъ можно видѣть представителя цѣлаго класса людей въ тогдашнемъ римскомъ обществѣ, которые точно также относились къ данному вопросу.

Дополненіемъ и поправкой къ вышеприведенной схемѣ Целія можетъ служить то, что́ говоритъ Цицеронъ относительно того же предмета три мѣсяца спустя, когда можно было говорить объ этомъ уже не въ формѣ догадокъ и предположеній, а въ формѣ положительныхъ наблюденій. По наблюденію Цицерона, на сторонѣ Цезаря находятся «всѣ осужденные или заслуживающіе осужденія и безчестія; всѣ люди съ запятнанной репутаціей, почти вся молодежь; вся эта отчаянная чернь съ своими идолами—трибунами, въ томъ числѣ и Кассіемъ [1]), наконецъ, всѣ тѣ, что утонули по уши въ долгахъ: этихъ оказывается гораздо больше, чѣмъ онъ, Цицеронъ, предполагалъ» [2]). Легко видѣть, что наблюденія Цицерона подверждаютъ въ главныхъ пунктахъ то, что за три мѣсяца передъ этимъ было высказано въ видѣ догадки Целіемъ; но въ то же время первыя доказываютъ и недостаточность и поверхностность послѣдней. Наблюденія Цицерона открыли иныя категоріи приверженцевъ Цезаря, кромѣ разнаго рода преступниковъ и неоплатныхъ должниковъ. Это, вопервыхъ, *городской плебсъ* и, вовторыхъ, *римская молодежь*, т. е., разумѣется, знатная римская молодежь, та самая, однимъ изъ блестящихъ представителей которой служитъ Целій, блистательнымъ образомъ подтвердившій на собственномъ примѣрѣ вѣрность этого послѣдняго наблюденія Цицерона. Эти поправки, внесенныя въ «пророческую схему» Целія фактическими наблюденіями Цицерона, представляютъ уже въ совершенно иномъ свѣтѣ какъ составъ партіи Цезаря, такъ и ея значеніе. Оказалось, что она состоитъ далеко не изъ однихъ подонковъ общества, какъ это можно было бы заключить изъ приведенныхъ нами выше словъ Целія; что она гораздо глубже и шире захватываетъ римское общество, чѣмъ это представлялъ себѣ послѣдній, и что во всякомъ случаѣ, при данныхъ обстоятельствахъ, она, по совершенно вѣрному замѣчанію Цицерона [3]), «*представляетъ собою силу опасную для противной партіи*».

---

[1]) Относительно Кассія Цицеронъ ошибся точно такъ же, какъ относительно Куріона только въ обратномъ смыслѣ. [2]) 294,5. ad Att. VIII. 3. [3]) ib. 5.

Между тѣмъ событія все болѣе и болѣе оправдывали предчувствія Целія; видимо, дѣло клонилось къ тому, чего всего болѣе опасался и страшился Цицеронъ,—къ междоусобной войнѣ. Натянутость въ отношеніяхъ между сенатомъ и Помпеемъ, съ одной стороны, и Цезаремъ, съ другой, росла по мѣрѣ того, какъ приближался роковой моментъ—13 ноября—день, который, какъ мы видѣли, съ обоюднаго согласія сената и Помпея, былъ объявленъ послѣднимъ срокомъ проконсульскихъ полномочій Цезаря [1]). Дѣло принимало уже совсѣмъ недвусмысленный оборотъ. Если сенатъ не скрывалъ болѣе своихъ враждебныхъ видовъ относительно Цезаря, то и послѣдній, съ своей стороны, не считалъ уже нужнымъ особенно церемониться съ сенатомъ и открыто заявлялъ о своемъ твердомъ рѣшеніи *не распускать войска ни въ какомъ случаѣ* [2]). Цицеронъ очень хорошо сознавалъ всю роковую важность подобнаго рѣшенія для ближайшаго будущаго, на которое взиралъ, поэтому, со страхомъ, ибо ясно было, что, разъ Цезарь рѣшился въ своемъ неповиновеніи сенату опереться на войско, приходилось дѣйствовать противъ него войскомъ же. Вотъ почему такое подавляющее впечатлѣніе произвели на Цицерона «цезаріанскіе ужасы»—*terrores caesariani*, о которыхъ онъ услышалъ отъ Батонія [3]). И другіе тревожные симптомы подтверждали опасенія Цицерона. Тотъ же Батоній передавалъ ему, что «заодно съ Цезаремъ вновь назначенные (на 705 г.) преторы, народный трибунъ Кассій и консулъ Лентулъ [4]). Помпей собирается выѣхать изъ Рима». Недаромъ Цицерону начинаютъ мерещиться «великія опасности для республики» [5]). Дѣла, дѣйствительно, принимали опасный оборотъ, съ точки зрѣнія друзей Помпея и «республики», въ родѣ Цицерона, ибо, какъ они сами понимали, имъ «предстояло имѣть дѣло съ человѣкомъ, который былъ способенъ на все отважиться и обладалъ всѣми средствами борьбы» [6]). А отъ этого, именно, человѣка зависѣло теперь, по мнѣнію Цицерона, рѣшеніе вопроса о томъ, быть или не быть войнѣ [7]). «Одно только, пишетъ Цицеронъ къ Аттику въ половинѣ декабря 704 г. [8]), одно

---

[1]) 267. ad Div. VIII. 11. [2]) 281, 2. ad Att. VI. 8. [3]) ib. [4]) Послѣдствія показали неточность этихъ извѣстій. [5]) 282, 5. ad Att. VI. 9. [6]) 294. ad Att. VIII 3. [7]) 295, 2. ad Att. VII. 4. [8]) ib. 3.

только меня утѣшаетъ, это — убѣжденіе, что человѣкъ, которому сами враги присудили вторично консульство,—которому судьба дала великую силу, — что онъ не дойдетъ до такого безумства, чтобы довести дѣло до крайности. Но разъ онъ уклонится съ того пути, который подсказывается ему благоразуміемъ, я съ трепетомъ жду такихъ событій, которыя описать не хватитъ духу». Напрасно, однако, аппелировалъ Цицеронъ къ благоразумію Цезаря, когда съ противной стороны не заявляли ни малѣйшей готовности къ мирному рѣшенію спора. *Распря между Цезаремъ и сенатомъ*, незамѣтнымъ образомъ, *превратилась теперь въ борьбу между Цезаремъ и Помпеемъ, при чемъ послѣдній играетъ роль зачинщика.* Мы имѣемъ возможность сослать въ данномъ случаѣ на слова самого Цицерона, который говоритъ, что Цезарь уже наканунѣ войны все еще не отказывался отъ примирительныхъ попытокъ. О Цезарѣ и его людяхъ онъ говоритъ [1]): «*Эти люди употребили всѣ усилія къ тому, чтобы добиться своей цѣли, не доводя дѣла до войны*». Въ устахъ Цицерона, друга помпеянцевъ (въ данную минуту), это свидѣтельство о противникахъ, что они не желали войны, должно имѣть особый вѣсъ для насъ. Изъ словъ того же Цицерона узнаемъ, что Помпей, напротивъ, менѣе всего былъ настроенъ въ миролюбивомъ духѣ. «Насколько могъ я усмотрѣть изъ разговора съ Помпеемъ, пишетъ Цицеронъ къ Аттику во второй половинѣ декабря (704 г.) [2]), *у него нѣтъ даже и желанія мира*». Напротивъ, мы встрѣчаемъ категорическія завѣренія въ томъ, что, по крайней мѣрѣ въ это время, война была для Помпея дѣломъ окончательно рѣшеннымъ, и что если онъ все еще велъ переговоры съ Цезаремъ и отъ имени сената предлагалъ ему условія въ видахъ якобы полюбовнаго рѣшенія спорнаго вопроса, то дѣлалъ это только для вида, т. е. не потому, чтобы желалъ дѣйствительно мира, а для того, чтобы не повредить себѣ въ общественномъ мнѣніи, чтобы послѣ имѣть возможность отклонить отъ себя отвѣтственность за начало междоусобной войны, сложивъ ее на Цезаря. *25 декабря* Цицеронъ имѣлъ свиданіе съ Помпеемъ, съ которымъ, какъ онъ пишетъ къ Аттику [3]), провелъ четыре часа въ разговорѣ о политической злобѣ дня. И вотъ что

---

[1]) ib. [2]) 299. ad Att. VII. 8 [3]) ib.

вынесъ онъ изъ этой четырехчасовой бесѣды съ Помпеемъ. «Мнѣ показалось», говоритъ онъ [1]), «что Помпей не только что не желаетъ мира, а просто даже боится его». И вотъ почему не желаетъ Помпей мира. «Онъ убѣжденъ, что, *если Цезаръ получитъ консульство, хотя бы и распустивши предварительно войско, все равно, и тогда должны неизбѣжно послѣдовать смуты въ республикѣ*». Такова была будто бы мысль, высказанная Помпеемъ [2]). Другими словами, Помпей считалъ Цезаря опаснымъ соперникомъ даже въ консульской тогѣ, безъ войска, и не хотѣлъ поэтому допустить его до нея, а добивался, очевидно, того, чтобы окончательно уничтожить его, какъ политическую силу. Но еще въ письмахъ болѣе ранняго времени можно найти уже болѣе или менѣе ясные намеки на то, что́ здѣсь высказывается уже въ совершенно категорическихъ выраженіяхъ. Еще за двѣ недѣли до этого, *10 декабря*, Цицеронъ также имѣлъ разговоръ съ Помпеемъ относительно политическаго положенія минуты [3]). И тогда уже Помпей не скрылъ отъ Цицерона своего убѣжденія въ «неизбѣжности войны и невозможности примиренія». То, что мы узнали изъ бесѣды Цицерона съ Помпеемъ 25 декабря, позволяетъ намъ проникнуть въ истинный смыслъ этой фразы о неизбѣжности войны и безнадежности мира. Если Помпей говорилъ 10 декабря: «война неизбѣжна», то это значитъ только то, что онъ уже тогда рѣшилъ въ душѣ довести дѣло до войны. Правда, Помпей пытается при этомъ свалить всю вину за «отчужденіе» на Цезаря [4]); но вышеприведенныя категорическія заявленія Цицерона, который, быть можетъ, болѣе, чѣмъ всякій другой, былъ въ это время преданнымъ другомъ Помпея, а также еще болѣе рѣшительныя заявленія его въ томъ же смыслѣ въ позднѣйшей перепискѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно воинственности настроенія Помпея въ данную минуту, т. е. наканунѣ войны. Отчасти, повидимому, настроеніе это искусственно подогрѣвала въ Помпеѣ та часть «патріотовъ», дышащую негодованіемъ характеристику которыхъ мы читаемъ въ позднѣйшихъ письмахъ Цицерона. Это были, по его словамъ, люди «утонувшіе по уши въ долгахъ» [5])

---

[1]) ib. 5. [2]) ib. 4. Срв.300, 3. ad Att. VII. 9. [3]) 295. ad Att. VII. 4. [4]) ib. [5]) 452. ad Div. VIII. 3.—470. ad Div. VI. 6.

и надѣявшіеся «въ междоусобной войнѣ поправить свое состояніе и удовлетворить своимъ страстямъ» [1]); они были «жадны до чужаго добра и кровожадны даже на словахъ» [2]); они заранѣе дѣлили будущую добычу [3]) и объявляли врагами тѣхъ, кто не хотѣлъ раздѣлять ихъ хищническихъ вожделѣній [4]). Они не знали предѣловъ своей наглости [5]) и называли трусомъ всякаго, кто не раздѣлялъ ихъ убѣжденія, что «лучше вовсе разрушить республику, чѣмъ довольствоваться ослабленной» [6]), и грозили проскрипціями всякому, кто не пойдетъ за ними [7]). При такомъ положеніи дѣлъ вообще и, въ частости, при такомъ настроеніи Помпея и его приверженцевъ, нечего было и думать, конечно, о примиреніи, и Цицеронъ слишкомъ большія возлагалъ надежды на свое личное вліяніе, если серьезно думалъ, при помощи его, предотвратить угрожавшую войну; если думалъ, что «бесѣдой наединѣ» можно внушить Помпею желаніе мира [8]), а Цезаря «*уговорить*» — «передать провинцію и войско» [9]). Впрочемъ, мы не видимъ, чтобы самъ Цицеронъ очень настаивалъ на этой мысли. Какъ ниже увидимъ, самъ онъ находился въ эту минуту до извѣстной степени подъ обаяніемъ Помпея, этого «храбраго, опытнаго и авторитетнаго мужа» [10]), и, слѣдовательно, находился въ извѣстномъ смыслѣ самъ подъ вліяніемъ послѣдняго. Благодаря, быть можетъ, этому вліянію, Цицеронъ, ненавидѣвшій войну всѣми силами души, вскорѣ, какъ увидимъ ниже, самъ проникся подобнымъ же воинственнымъ настроеніемъ.

Но если, какъ мы выше видѣли, Помпей рѣшился на войну и даже въ душѣ желалъ ея,—значитъ, онъ считалъ себя достаточно приготовленнымъ въ военномъ смыслѣ, достаточно сильнымъ не только для того, чтобы противостать Цезарю, но и побѣдить его Переписка даетъ указанія, что такъ, именно, и было въ дѣйствительности. Въ упомянутой выше бесѣдѣ Цицерона съ Помпеемъ 25 дек. послѣднимъ была высказана между прочимъ слѣдующая мысль: [11]) «Въ случаѣ если Цезарь будетъ настолько безуменъ, что задумаетъ силой добиваться того, чего теперь требуетъ на

---

[1]) 470,6. ad Div. VI. 6. [2]) 452,2. ad Div. VII. 3. [3]) 398,6. ad Att. XI. 6. [4]) ib. [5]) 350,3. ad Att. IX. 9. [6]) 597. ad Div. VI. 21.—516. ad Div. IV. 14.—424. ad Div. XV 15.—352. ad Att. IX. 11. [7]) 398. ad Att. XI. 6. [8]) 284,5. ad Att. VII. 3. [9]) 300. ad Att. VII. 9. [10]) 299,4. ad Att. VII. 8. [11]) Ib.

словахъ, то онъ, Помпей, *ни во что не ставитъ этого человѣка и вполнѣ полагается на свои войска и войска республики*». Поразительна здѣсь не столько оптимистическая увѣренность Помпея въ своихъ силахъ и это высокомѣрно-пренебрежительное отношеніе къ Цезарю, сколько то, что Цицеронъ, въ другихъ случаяхъ обнаруживающій часто такую проницательность и такое трезвое пониманіе дѣйствительности, находитъ въ этомъ пустозвонномъ хвастовствѣ чуть ли не верхъ политической мудрости!.. [1]).

Въ концѣ дек. въ Римѣ имѣлъ мѣсто эпизодъ, о которомъ разсказываетъ Цицеронъ въ цитированномъ уже нами письмѣ, [2]) эпизодъ, наглядно показывающій, до какой степени напряженности дошла въ эту минуту натянутость между Помпеемъ и Цезаремъ. Болѣе горячія головы изъ числа друзей Цезаря въ Римѣ, въ родѣ М. Антонія, не уступали въ воинственности Помпею, и въ то время какъ Цезарь высчитывалъ шансы на миръ, объявили войну Помпею на форумѣ. Въ такомъ, именно, родѣ была произнесенная 21 дек. на форумѣ М. Антоніемъ рѣчь противъ Помпея. Цицеронъ говоритъ, что онъ имѣлъ въ рукахъ экземпляръ этой рѣчи. Онъ не передаетъ ея содержанія, но изъ той отрывочной характеристики ея, которую онъ даетъ въ нѣсколькихъ словахъ въ упомянутомъ письмѣ, можно заключить, что это не была обыкновенная политическая рѣчь, но была зажигательная, мятежная рѣчь, заключавшая въ себѣ не только нападки, не только простую полемику противъ Помпея, но и прямыя угрозы, угрозы оружіемъ, междоусобной войной—*terror armorum*. Въ этой рѣчи, по словамъ Цицерона, «были собраны всѣ обвиненія, какія только можно было сдѣлать противъ Помпея, начиная съ его юношескихъ лѣтъ». Въ заключеніе всего, какъ было сказано, Антоній взывалъ даже къ оружію. Любопытенъ отвѣтъ Помпея на эту рѣчь. Онъ чрезвычайно характеренъ, если только Цицеронъ точно передаетъ слова Помпея, полученныя притомъ изъ вторыхъ—третьихъ рукъ (такъ какъ въ это время Цицеронъ не былъ еще въ Римѣ). Нужно замѣтить, что рѣчь Антонія, хотя и направленная противъ Помпея, была въ сущности шагомъ навстрѣчу послѣднему. Какъ мы видѣли, Помпей боялся не войны, а мира. Антоній грозилъ оружіемъ, грозилъ войной, которая для Помпея уже была

[1]) Ib. [2]) Ib.

дѣломъ рѣшеннымъ. Угроза Антонія отвѣчала, слѣдовательно, на затаенное желаніе Помпея. Она не могла быть, поэтому, ни неожиданностью, ни непріятностью для послѣдняго; она была даже на руку Помпею, такъ какъ облегчала ему задачу — устранить отъ себя отвѣтственность за грядущую войну, сложивъ ее на своихъ противниковъ: на угрозу Антонія ему легко было указать, какъ на вызовъ со стороны Цезаря. Дѣйствительно, мы видимъ, въ этомъ, именно, смыслѣ и воспользовался Помпей поступкомъ Антонія. Онъ воспользовался имъ точно также, какъ незадолго передъ тѣмъ воспользовался предложеннымъ ему вопросамъ о возможности вооруженнаго отпора со стороны Цезаря. Онъ воспользовался имъ, если не для того, чтобы опровергнуть нападки Антонія, возстановить свою опороченную репутацію, то для того, по крайней мѣрѣ, чтобы скомпрометировать Цезаря въ общественномъ мнѣніи, выставить своего соперника врагомъ республики и аспирантомъ на тираннію. «Что думаешь ты, сказалъ будто бы Помпей, сдѣлаетъ онъ (т. е. Цезарь), если *завладѣетъ республикой*, когда послѣдній квесторъ его (т. е. Антоній), человѣкъ ничтожный, промотавшійся фатъ, отваживается говорить такія рѣчи?..»

При такой обостренности политическихъ отношеній въ Римѣ, становятся понятными высказываемыя Цицерономъ опасенія «еще бо́льшихъ смутъ съ наступленіемъ новаго года» [1]). Теперь, въ концѣ дек., наконецъ и онъ, всего болѣе хлопотавшій о мирѣ и еще не далѣе, какъ нѣсколько дней назадъ, мечтавшій о роли примирителя,—говоритъ уже о войнѣ, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ, рѣшенномъ, [2]) въ которомъ, если что еще остается нерѣшеннымъ, такъ это единственно вопросъ о времени, когда начнется война. [3]) Но и этотъ вопросъ не представлялъ уже въ данную минуту большихъ трудностей, и обладая нѣкоторой долей проницательности, можно было дать на него приблизительно вѣрный отвѣтъ, какъ это и дѣлаетъ Цицеронъ. Хотя онъ и заявляетъ, что «время, когда вспыхнетъ война, зависитъ отъ случайности», [4]) тѣмъ не менѣе, высказываетъ свои соображенія на этотъ счетъ. «*Начнетъ же онъ* (Цезарь), говоритъ Цицеронъ, [5]) *войну или въ ту минуту, когда мы будемъ къ тому наименѣе подготов-*

---

[1]) 292, 3. ad Div. XVI. 9. [2]) 300, 2. ad Att. VII. 9. [3]) Ib. [4]) Ib. [5]) Ib.

лены, [1]) *или немедленно послѣ того, какъ друзья его потерпятъ пораженіе съ своими требованіями* о предоставленіи Цезарю права, которое дано ему извѣстнымъ изданнымъ въ его пользу закономъ (*Lex Vatinia*). *Предлогомъ же къ объявленію войны будетъ выставлено или одно только то обстоятельство, что не исполнены его требованія, или же будетъ присоединенъ къ этому еще и другой предлогъ, въ случаѣ если какой-нибудь народный трибунъ, который, за противодѣйствіе сенату или возбужденіе толпы, подвергнется цензурѣ или будетъ отрѣшенъ сенатомъ отъ должности, — убѣжитъ къ нему* (*Цезарю*), *объявивъ себя насильно изгнаннымъ*». Замѣчательно, что Цицеронъ предугадалъ даже эту подробность относительно бѣгства трибуновъ и значеніе этого акта, какъ повода (хотя бы только номинально) къ войнѣ со стороны Цезаря.

Мы ничего не знаемъ изъ переписки о дѣятельности Цезаря въ это время, въ виду приближающейся междоусобной войны. Да, кажется, и вообще въ Римѣ мало знали о томъ, что творится въ Галліи. Если и доходили какія извѣстія, то, вѣроятно, большею частію въ видѣ слуховъ. [2]) Таковы, напр., были слухи, о которыхъ сообщаетъ Целій Цицерону въ маѣ 703 г., [3]) о томъ, что, какъ одни передавали, Цезарь въ одномъ неудачномъ дѣлѣ будто бы потерялъ кавалерію; по другимъ,—что онъ съ седьмымъ легіономъ потерпѣлъ пораженіе и отрѣзанъ отъ остальнаго войска въ Белловакѣ. [4]) Слухи, выдававшіе свою несостоятельность уже самымъ фактомъ разногласія; во всякомъ случаѣ они были преждевременны. [5]) Указаніе на подобный же ложный слухъ находимъ въ письмѣ Цицерона изъ Лоинъ, отъ 15 окт. 704 г., [6]) о томъ, что будто бы Цезарь идетъ съ четырьмя легіонами занять Плаценцію (н. Piacenza) [7]). Письмо, въ которомъ объ этомъ говорится, есть отвѣтъ на письмо Целія, въ которомъ послѣдній сообщалъ объ этомъ слухѣ; слѣд., слухъ этотъ распространился въ Римѣ приблизительно въ концѣ сентября. Но изъ Плутарха [8]) мы знаемъ, что Цезарь, стоявшій въ это время въ Цизальпинской

---

[1]) Страннымъ диссонансомъ звучатъ эти слова Цицерона послѣ той выраженной имъ нѣсколькими мѣсяцами ранѣе увѣренности въ „силахъ республики“, которую онъ раздѣлялъ съ Помпеемъ. [2]) 192, 4. ad Div. VIII. I. [3]) Ib. [4]) Ib. [5]) См. B. G. VIII. [6]) 282. ad Att. VI. 9. [7]) Ib. [8]) Caes. 32.

Галліи, оставилъ главныя свои силы за Альпами, а при себѣ имѣлъ «не болѣе 300 всадниковъ и 5.000 пѣхоты», т. е. какъ разъ одинъ легіонъ.—Вотъ и все, что мы можемъ узнать изъ переписки о томъ, что творилось и происходило въ это время въ Галліи.

О томъ, что происходило въ Римѣ наканунѣ взрыва междоусобной войны; о томъ что тамъ дѣлали, говорили и думали въ виду надвигавшейся грозы, мы узнаемъ изъ переписки, правда, тоже не очень много, но во всякомъ случаѣ достаточно, для того, чтобы составить себѣ общее представленіе объ этомъ предметѣ. Прежде всего, мы узнаемъ, что въ Римѣ уже успѣли привыкнуть къ мысли о возможности гражданской войны, и случись она въ эту минуту, въ концѣ 704 г., она бы ни для кого не была неожиданностью. Помимо единичныхъ примѣровъ Цицерона и Целія, которые, какъ мы выше видѣли, были вполнѣ приготовлены къ этому факту,—помимо этихъ единичныхъ примѣровъ, свидѣтельствуетъ о томъ уже тотъ фактъ, что слухи, подобные вышеприведеннымъ, находили себѣ почву въ Римѣ. Агитаціи *противъ* Цезаря въ куріи и *за* Цезаря на форумѣ, агитація, отголоски которой мы встрѣчали выше, въ письмахъ Целія и отчасти Цицерона,—входитъ въ эту минуту въ новый фазисъ. Отъ нескончаемыхъ словопреній, отъ грозныхъ, но безплодныхъ филиппикъ противъ «врага республики», оглашавшихъ до сихъ поръ стѣны куріи, переходятъ наконецъ къ дѣлу, «начинаютъ, какъ пишетъ Цицеронъ къ Аттику, [1]) заниматься приготовленіями противъ Цезаря». Въ чемъ однако состояли эти приготовленія, для насъ неясно, потому что, кромѣ пустозвонныхъ рѣчей и хаотической суетливости, мы ничего не замѣчаемъ въ это время со стороны сената. О дѣйствительныхъ приготовленіяхъ мы узнаемъ не ранѣе, какъ въ началѣ слѣдующаго года, но объ этомъ—ниже. Ясно одно, что положеніе дѣлъ въ данную минуту было далеко не таково, чтобы внушить «патріоту» добрую увѣренность относительно будущаго. «Что до республики, пишетъ Цицеронъ къ Аттику въ дек. 704 г., [2]) то я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе начинаю опасаться за нее». Къ такому безотрадному заключенію привели Цицерона наблюде-

[1]) 929, 4. ad. Att. VII. 8. [2]) 296. ad Att. VII. 5.

нія надъ состояніемъ римскаго общества въ данную минуту. [1]) «Дѣло въ томъ, продолжаетъ онъ, [2]) что *между патріотами нѣтъ того единодушія*, которое имъ приписываютъ», и въ которомъ Цицеронъ полагаетъ всю силу республики. [3]) Отсутствіе единодушія и зачатки раскола обнаруживаются главнымъ образомъ въ томъ, что нѣкоторая доля — и довольно значительная доля — той части римскаго общества, которая, съ точки зрѣнія Цицерона, отличалась преимущественно патріотическимъ образомъ мыслей, т. е. оптиматы, boni, которые до сихъ поръ представляли какъ бы одну партію подъ предводительствомъ Помпея, — теперь значительная доля этой части общества начинаетъ обнаруживать диссидентскія стремленія, выражающіяся въ отрицательномъ отношеніи къ Помпею, къ его образу дѣйствій въ виду предстоящей войны. «Сколько всадниковъ, говоритъ Цицеронъ съ грустью, [4]) скольких сенаторовъ пришлось мнѣ встрѣчать, которые *осуждали каждый шагъ Помпея*, въ особенности же его отъѣздъ изъ Рима». (Помпей выѣхалъ изъ Рима ок. 10 дек.) [5]) Очевидно, что это была та часть оптиматовъ, которые не раздѣляли воинственнаго настроенія Помпея и склонны были къ примиренію съ Цезаремъ, хотя бы для этого пришлось уступить ему. Это толкованіе подсказывается тѣмъ, что́ мы читаемъ въ непосредственно слѣдующемъ затѣмъ письмѣ Цицерона къ Аттику: [6]) «Я не нашелъ, говоритъ онъ, почти ни одного, кто бы не считалъ за лучшее уступить Цезарю въ его требованіяхъ, чѣмъ доводить дѣло до войны». Значитъ, въ средѣ оптиматовъ не только была извѣстная часть мирно настроенныхъ людей, но эта часть, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, представляла собою даже большинство. Итакъ, если даже эта принципіально враждебная Цезарю часть римскаго общества далеко не удовлетворяла цицероновскому идеалу патріотизма; если, въ виду всѣми ожидаемой войны съ Цезаремъ, Помпей не могъ вполнѣ разсчитывать на активное содѣйствіе ея, то остальная часть общества внушала друзьямъ Помпея и друзьямъ «республики», которыхъ на время соединила общая опасность, еще бо́льшія сомнѣнія и опасенія. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ

---

[1]) Въ это время Цицеронъ былъ, правда, еще не въ Римѣ, но все-таки въ Италіи и близко къ Риму. [2]) Ib. [3]) 148. 12—13, 17. ad Div. I. 9. [4]) 296. ad Att. VII. 5. [5]) 295. ad Att. VII. 4. [6]) 297. ad Att. VII. 6.

Аттику, относящемся къ концу 704 г., [1]) Цицеронъ подробно разбираетъ этотъ вопросъ. Анализируя результаты своихъ наблюденій и размышленій, онъ приходитъ къ безотрадному выводу, роковымъ образомъ оправданному дальнѣйшей исторіей, а именно: что *въ предстоящей борьбѣ между Цезаремъ и республикой, у послѣдней вовсе не оказывается защитниковъ среди римскаго народа*, ибо ни одинъ изъ существующихъ въ наличности классовъ римскаго общества, начиная правящими классами и кончая посслянами-земледѣльцами, не оказывается, по наблюденію Цицерона, обладающимъ въ достаточной мѣрѣ тѣми качествами, которые бы давали ему право на наименованіе «патріотовъ» — boni—въ истинномъ смыслѣ. Вопервыхъ, заслуживаютъ ли этого титула тѣ, которые, такъ сказать, присвоили себѣ монополію патріотизма, т. е. оптиматы,—тѣ самые оптиматы, по винѣ которыхъ провинціи остаются безъ правителей?.. [2]) Такъ ставитъ вопросъ Цицеронъ. Изъ вышеприведеннаго письма [3]) мы уже видѣли, что еще раньше Цицеронъ негодующимъ тономъ указывалъ на недостатокъ патріотизма среди представителей этого класса, но тогда онъ еще не ставилъ вопроса такъ круто. На рѣшительный вопросъ слѣдуетъ не менѣе рѣшительный отрицательный отвѣтъ. (Цицеронъ не находитъ, однако, возможнымъ высказать такое смѣлое положеніе даже въ интимномъ письмѣ (къ Аттику) безъ болѣе или менѣе подробной мотивировки. Онъ считаетъ нужнымъ подтвердить свое черезчуръ ужъ радикальное мнѣніе ссылкой на факты недавняго прошлаго. «*Куріонъ*, говоритъ онъ, [4]) *пересталъ бы настаивать на своей оппозиціи, еслибы съ нимъ заблаговременно вошли въ соглашеніе, но объ этомъ сенатъ и слышать не хотѣлъ; и вотъ теперь, благодаря этой безтактности, Цезарь остается безъ преемника*». Очевидно, Цицеронъ имѣетъ въ виду извѣстное предложеніе Марцелла о переговорахъ съ трибунами, отвергнутое сенатомъ.) Переходя, затѣмъ, къ слѣдующему изъ наиболѣе вліятельныхъ классовъ, къ всадникамъ, которые, въ качествѣ откупщиковъ, банкировъ и ростовщиковъ, держали въ своихъ рукахъ капиталы страны, Цицеронъ приходитъ къ еще болѣе пессимистическому выводу относительно пат-

---

[1]) 298. ad Att. VII. 7. [2]) ib. 5. [3]) 297. ad Att. VII. 6. [4]) 298, 5. ad Att. VII. 7.

ріотизма и республиканской лояльности этихъ капиталистовъ, «никогда не отличавшихся твердостью политическихъ убѣжденій, *нынѣ же никому такъ не преданныхъ, какъ Цезарю*». Ничего добраго не предвѣщали и наблюденія надъ остальною частью общества, именно, надъ самымъ многочисленнымъ классомъ, который собственно и несъ на своихъ плечахъ всю силу и могущество «римскаго народа», т. е. классомъ поселянъ-земледѣльцевъ. Что же они? спрашиваетъ Цицеронъ. Отвѣтъ, который онъ даетъ на этотъ вопросъ, заслуживаетъ съ нашей стороны особеннаго вниманія. Это не выводъ, подсказанный тѣми или другими партійными тенденціями, тѣми или другими политическими страстями: это—фактъ, чрезвычайно вѣрно подмѣченный тонкимъ и наблюдательнымъ человѣкомъ, — фактъ тѣмъ болѣе важный, что онъ совершенно упущенъ изъ виду древними историками, а между тѣмъ онъ освѣщаетъ въ исторіи Цезаря многое, что иначе оставалось бы темнымъ и непонятнымъ. Не возлагаешь ли ты надежды на поселянъ? спрашиваетъ Цицеронъ, только что проѣхавшій всю Италію—отъ Брундузія до Тибра, — видѣвшій собственными глазами всѣхъ этихъ поселянъ и слышавшій собственными ушами ихъ разговоры. «На поселянъ? которые *ничего болѣе не желаютъ, какъ мира? Или не думаешь ли ты, что ихъ пугаетъ перспектива монархическаго режима? ихъ, которые никогда не отказывались отъ него, лишь бы только имъ былъ обезпеченъ миръ?..*» [1])

Итакъ, ни одинъ изъ существующихъ въ наличности классовъ римскаго общества не удовлетворяетъ цицероновскому идеалу патріотизма. Вотъ окончательный итогъ наблюденій и размышленій Цицерона: «Если, говоритъ онъ, [2]) мы будемъ искать патріотовъ, какъ цѣлыя сословія, то мы ихъ не найдемъ: я не знаю ни одного такого сословія; если есть патріоты, то это единичныя личности».

Послѣднее письмо Цицерона въ 704 г., писанное въ послѣднихъ числахъ дек. [3]), проникнуто уже все страстнымъ чувствомъ близкой, неизбѣжной войны, чувствомъ, которое, кажется, самъ начинаешь ощущать, читая эти отрывистыя, недоговоренныя фразы, невольно выдающія внутреннюю тревогу автора; эти лаконическіе

---

[1]) ib. [2]) ib. [3]) 300. ad Att. VII. 9.

вопросы, не нуждающіеся въ отвѣтахъ; эти односложныя восклицанія, страстно-воинственный тонъ которыхъ не въ состояніи однако заглушить невольно пробивающейся элегически-грустной нотки, той, которая впослѣдствіи, какъ ниже увидимъ, давала главный тонъ настроенію Цицерона. Теперь, впрочемъ, она едва слышна. Въ общемъ же Цицеронъ сохраняетъ въ данную минуту твердый и самоувѣренный тонъ человѣка, который ничего не страшится, который готовъ на все и съ полнымъ самообладаніемъ (котораго такъ часто не достаетъ ему впослѣдствіи) обсуждаетъ и рѣшаетъ «политическую проблему», πρόβλημα πολιτικόν [1]), для разрѣшенія которой мѣсяцъ спустя Цезарь перешелъ Рубиконъ. «Такъ какъ, разсуждаетъ Цицеронъ, необходимъ какой-нибудь выходъ изъ кризиса, то слѣдуетъ рѣшиться на одну изъ слѣдующихъ возможныхъ мѣръ: или уступить Цезарю въ его требованіяхъ относительно заочной кандидатуры на консульство съ правомъ удержать войско; или попытаться уговорить (sic!) его передать провинцію и войско и тогда уже добиваться консульства; или, въ случаѣ упорства съ его стороны, устроить выборы, не обращая вниманія на его притязанія, т. е. позволить ему оставаться въ провинціи, но исключить при этомъ изъ числа кандидатовъ на консульство; или же, въ случаѣ если онъ попытается воспрепятствовать этому при помощи трибуновъ, не выходя однако изъ спокойно-сдержаннаго положенія,—объявить interregnum; или, наконецъ, *если онъ, изъ-за того, что его требованія будутъ отвергнуты, приведетъ войско,—сражаться противъ него оружіемъ (sic!)*» [2]). Увлекшись чрезчуръ ужъ животрепещущимъ вопросомъ, Цицеронъ забываетъ, что стратегическіе вопросы выходятъ изъ сферы занимающей его «политической проблемы», и начинаетъ строить планы не только оборонительной, но даже и наступательной войны противъ Цезаря,—планы столько же простые и смѣлые въ теоріи, сколько фантастическіе на практикѣ,—планы, заключающіеся ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, чтобы «или удержать за собой Римъ, или же, въ случаѣ наступательнаго движенія Цезаря, окружить послѣдняго (sic!), преградивъ къ нему доступъ остальной арміи» [3]). Очевидно, что самоувѣренность

---

[1]) ib. 2. [2]) ib. [3]) ib.

«*мужа храбраго, опытнаго и разсудительнаго*» [1]), т. е. Помпея, сообщилась въ значительной мѣрѣ и «*философу*», какъ самъ себя называетъ Цицеронъ [2]). Этимъ вліяніемъ только и можно объяснить это легкомысліе, съ которымъ онъ разсуждаетъ о томъ, что слѣдуетъ «*удержать Римъ*» и «*окружить Цезаря*», наканунѣ всеобщей паники и повальнаго бѣгства изъ Рима. Дѣйствительно, нужна была извѣстная доля ослѣпленія, для того чтобы строить подобные планы въ такую минуту, особенно, когда собственныя же наблюденія подсказывали Цицерону мысли и предположенія совершенно иного свойства. Послѣ всѣхъ этихъ стратегическихъ разсужденій, Цицеронъ въ концѣ концовъ находитъ все-таки себя вынужденнымъ признать всю шаткость подобныхъ блестящихъ въ теоріи, но далекихъ отъ дѣйствительности проэктовъ; ибо, какъ самъ онъ сознается, «если дѣйствительно война неизбѣжна, то время, когда ее придется начать, будетъ зависѣть всецѣло отъ случая, планъ—отъ обстоятельствъ». [3]). А что война будетъ, это для Цицерона вопросъ окончательно рѣшенный; онъ оканчиваетъ свое письмо [4]) напутствіемъ, обращеннымъ къ Помпею: «Итакъ, въ добрый часъ—или побѣдить, или умереть за свободу!...»

ОТНОШЕНІЯ ЦИЦЕРОНА КЪ ЦЕЗАРЮ.

Не безъинтересно и не безполезно, въ видахъ болѣе яснаго представленія объ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю за данный періодъ, прослѣдить вкратцѣ, на основаніи данныхъ той же переписки, предшествующую исторію этихъ отношеній, хотя—нужно замѣтить—матерьялъ, даваемый для нея перепиской, крайне скуденъ; что и естественно, такъ какъ до начала гражданской войны Цезарь далеко не играетъ такой роли въ жизни Цицерона, какъ послѣ этого.

Впервые мы встрѣчаемся въ перепискѣ съ именемъ Цезаря въ началѣ 693 г.; оно упоминается по совершенно случайному поводу, именно, по поводу извѣстной скандалезной исторіи съ Клодіемъ въ домѣ Цезаря [5]). Но имя Цезаря здѣсь ничѣмъ еще не выдѣ-

---

[1]) 299. ad Att. VII. 8. [2]) 455,2. ad Div. IX. 17. [3]) 300,4. ad Att. VII. 9. [4]) ib. [5]) 16,3. ad Att. I. 12.—18,3. ad Att. I. 13.

ляется изъ ряда другихъ случайныхъ именъ, встрѣчающихся на страницахъ переписки,—не выдвигается впередъ, не отмѣчается болѣе или менѣе ясно выраженными симпатіями или антипатіями, какъ впослѣдствіи. Но и послѣ этого Цезарь все еще такъ мало интересуетъ Цицерона, что мы не встрѣчаемъ его имени въ письмахъ послѣдняго въ продолженіе $1^1/_2$ года, съ начала 693 г. до іюня 694 г., когда мы снова встрѣчаемся съ именемъ Цезаря, опять въ письмѣ къ Аттику [1]). Здѣсь впервые Цицеронъ выходитъ изъ своего равнодушнаго, безучастнаго отношенія къ Цезарю. Это было наканунѣ тріумвирата, когда Цезарь начиналъ уже играть замѣтную роль въ политической жизни Рима, начиналъ входить въ силу въ «республикѣ». «Вѣтры дуютъ благопріятные для Цезаря», говоритъ въ приведенномъ письмѣ Цицеронъ. Послѣднему, который никогда не былъ равнодушенъ къ судьбамъ «республики», нельзя было поэтому болѣе оставаться равнодушнымъ къ Цезарю.Цезарь становился *силой*, которая могла дѣйствовать или на пользу или во вредъ республикѣ; съ этой силой приходилось поэтому такъ или иначе считаться. Вліяя на послѣднюю, можно было уже вліять до извѣстной степени на судьбу республики въ томъ или другомъ направленіи; тотъ, кто сумѣлъ бы направить эту силу въ хорошую сторону, оказалъ бы тѣмъ самымъ добрую услугу республикѣ. Такъ, именно, смотритъ Цицеронъ въ эту минуту на Цезаря, и такова, именно, его мысль относительно «услуги республикѣ»: онъ думаетъ оказать эту услугу, «*сдѣлавши Цезаря болѣе хорошимъ*» [2]). Но если Цицеронъ находитъ нужнымъ «улучшить» Цезаря въ интересахъ республики, значитъ, онъ считаетъ его недостаточно «хорошимъ» для послѣдней; значитъ, онъ недоволенъ направленіемъ Цезаря; значитъ, онъ считаетъ это направленіе не соотвѣтствующимъ интересамъ республики. Здѣсь мы присутствуемъ при первомъ зарожденіи того принципіальнаго антагонизма между Цицерономъ и Цезаремъ, который составляетъ господствующій мотивъ всей дальнѣйшей исторіи ихъ взаимныхъ отношеній.

Замѣчательно, что заключеніе тріумвирата не повліяло, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, на измѣненіе отношеній Цицерона къ Цезарю въ дурную сторону. Даже больше того. Какъ ни на-

---

[1]) 26,6. ad Att. II. 1. [2]) ib.

радоксаленъ этотъ фактъ, но письма самого же Цицерона не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно того, что въ моментъ возникновенія и первыя минуты соществованія тріумвирата *Цицеронъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ тріумвирами* и, въ частности, съ Цезаремъ [1]). Мало того, Цицеронъ чуть ли даже себя не причислялъ къ этому, какъ онъ выражается, «союзу» [2]); по крайней мѣрѣ, онъ совершенно сходнымъ образомъ говоритъ объ отношеніяхъ Красса къ Помпею и о своихъ отношеніяхъ къ послѣднему и къ Цезарю [3]); незамѣтно ни малѣйшей доли того отрицательнаго отношенія, какое намъ пришлось отмѣтить немного выше въ его отношеніяхъ къ Цезарю. Быть можетъ, это было слѣдствіемъ бо́льшаго личнаго сближенія Цицерона съ Цезаремъ, сближенія, шагъ къ которому, быть можетъ, сдѣлалъ самъ же Цезарь. Таковъ, по крайней мѣрѣ, повидимому, смыслъ заявленія Цицерона о томъ, что «Цезарь намѣренъ пользоваться его, Цицерона, совѣтами» [4]). Цицеронъ по самой натурѣ своей былъ слишкомъ чутокъ къ подобнаго рода лестнымъ для его самолюбія заявленіямъ, слишкомъ дорожилъ ими, чтобы не забыть ради нихъ извѣстныхъ принципіальныхъ разногласій.

Вслѣдъ затѣмъ имя Цезаря снова исчезаетъ со страницъ переписки и появляется опять только полгода спустя, въ іюнѣ слѣдующаго 695 года—годъ консульства Цезаря, наканунѣ отправленія его въ Галлію [5]). За этотъ промежутокъ времени отношенія между Цицерономъ и Цезаремъ не потерпѣли, повидимому, никакихъ измѣненій и продолжали сохранять, по крайней мѣрѣ по наружности, дружественный характеръ. Цицеронъ получилъ даже въ это время отъ Цезаря «чрезвычайно любезное приглашеніе—занять при немъ должность легата» [6]). Но что эти хорошія отношенія были только результатомъ *личнаго* сближенія, а не принципіальнаго, не политической солидарности, это видно изъ письма Цицерона, относящагося приблизительно къ тому же времени [7]). Цицеронъ получилъ отъ тріумвировъ предложеніе принять на себя почетное посольство въ Александрію, къ Птоломею Авлету [8]). Можно подозрѣвать, что это предложеніе было дипломатическимъ

---

[1]) 28,3. ad Att. II. 3. [2]) ib. [3]) ib. [4]) ib. [5]) 44. ad Att. II. 18. [6]) ib. Срв. 45,3. ad Att. II. 19. [7]) 31. ad Att. II. 5. [8]) ib. Срв. Billerb. B.I. S. 153.

маневромъ со стороны тріумвировъ, попыткой удалить деликатнымъ образомъ неудобную для нихъ затѣй личность Цицерона. Какъ отнесся послѣдній къ этому предложенію? Высказывая въ приведенномъ письмѣ свое желаніе «повидать Александрію и Египетъ, пользуясь въ то же время удовольствіемъ находиться подальше отъ этихъ надоѣвшихъ ему людей», Цицеронъ знаменательно прибавляетъ, что принять подобное предложеніе въ *это* время и отъ *этихъ* людей было бы равносильно «отступленію отъ собственныхъ принциповъ». (Впослѣдствіи Цицеронъ, какъ ниже увидимъ, гораздо менѣе стѣснялся подобными соображеніями). И тогда—«что́ скажутъ наши оптиматы» и «прежде всего Катонъ»? [1])

Изъ этого можно видѣть, что дружба Цицерона съ Цезаремъ строго ограничивалась сферою личныхъ отношеній, въ области же политическихъ отношеній первый оставался по прежнему въ принципіальномъ антагонизмѣ съ послѣднимъ, какъ и съ другими тріумвирами. Страхъ предъ тѣмъ, что̀ скажутъ оптиматы, что̀ скажетъ Катонъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ данномъ случаѣ Цицеронъ стоялъ на одной почвѣ съ ними. (Впослѣдствіи, какъ ниже увидимъ, эта солидарность съ оптиматами послужила однимъ изъ главныхъ мотивовъ враждебнаго отношенія Цицерона къ Цезарю накапунѣ гражданской войны [2]). Правда, это принципіально-враждебное отношеніе къ тріумвирамъ Цицеронъ высказываетъ не особенно настойчиво; онъ, видимо, старается избѣгать касаться этого предмета прямо, то прибѣгая къ иносказательнымъ выраженіямъ, то высказывая свою мысль въ формѣ каламбура или тонкаго намека; но эти каламбуры, эти намеки и аллегоріи большею частью настолько прозрачны, настолько недвусмысленны, что не могутъ оставлять никакого сомнѣнія относительно истинныхъ взглядовъ и отношеній Цицерона къ данному вопросу. Особенно рельефно высказывается это въ тѣхъ эпитетахъ, которыми надѣляетъ онъ тріумвировъ. Такъ, въ томъ же 695 г. онъ пишетъ къ Аттику [3]). «Я понимаю твою любовь къ Дицеарху. Это свѣтлая голова и ужъ конечно несравненно лучшій гражданинъ, чѣмъ эти наши ἀδικαίαρχοι». Каламбуръ, очевидно, по адресу «*неправо властвующихъ*» тріумвировъ. Въ этомъ же родѣ, но уже въ болѣе

[1]) ib. Срв. 284,4. ad Att. VII. 1. [2]) 284,1. ad Att. VII. 1. [3]) 36,4. ad Att. II. 12.

враждебномъ духѣ, встрѣчаемъ выраженіе въ другомъ письмѣ изъ этого же времени [1]), гдѣ Цицеронъ высказываетъ свою мысль въ формѣ намека столько же прозрачнаго, сколько рѣзкаго. Характеризуя «молодаго Куріона», Цицеронъ, между прочимъ, отмѣчаетъ, какъ наиболѣе характерную черту его политической физіономіи, то, что онъ «безпредѣльно

Гордыхъ царей ненавидитъ»...,

Аттикъ, къ которому писано цитированное письмо, не нуждался, разумѣется, въ дальнѣйшихъ коммептаріяхъ со стороны Цицерона, для того чтобы понять смыслъ этого намека. Нетрудно понять его и намъ, въ связи съ вышеприведенными выраженіями, касающимися того же предмета, а еще болѣе—въ связи съ тѣмъ, что находимъ немного ниже, именно въ письмѣ Цицерона къ Аттику въ маѣ 695 г. [2]). Здѣсь впервые онъ называетъ то слово, которое, какъ увидимъ ниже, играло потомъ такую видную роль въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю (отчасти и къ Помпею), и съ которымъ часто придется намъ встрѣчаться въ позднѣйшей перепискѣ: это слово—*тираннія*. «Нѣтъ ничего, говоритъ Цицеронъ [3]), что̀ бы не внушало страха и опасній: явно подготовляется тираннія». Въ одномъ изъ не дошедшихъ до насъ писемъ этого времени онъ говоритъ, что «Цезарь во время своего консульства утвердилъ тираннію (*regnum*), о которой помышлялъ еще будучи эдиломъ» [4]). Какъ на признакъ тираническихъ замысловъ тріумвировъ, Цицеронъ указываетъ, вопервыхъ, на «легкомысленный» аграрный законъ, который тріумвиры имѣли въ виду провести чрезъ трибуна Флавія [5]); вовторыхъ, на «это внезапное заключеніе родственныхъ узъ» [6]), т. е. на женитьбу Помпея на дочери Цезаря Юліи (обстоятельство, которому всѣ древніе историки придаютъ важное значеніе). Интересно, что только теперь и притомъ такое сравнительно второстепенное обстоятельство, какъ женитьба Помпея, впервые возбудило въ Цицеронѣ подозрѣнія относительно тираническихъ замысловъ тріумвировъ, между

---

[1]) 34,1. ad Att. II. 8. [2]) 43. ad Att. II. 17. Срв. 40,1. ad Att. II. 14. [3]) 43. ad Att. II. 17. [4]) Suet. Caes. 9. [5]) 23,6. ad Att. I. 18.—24,4. ad Att. I. 19.—42,3. ad Att. II. 16.—43,1. ad Att. II. 17. [6]) 23,6. ad Att. I. 18.

тѣмъ какъ вначалѣ, какъ мы видѣли, онъ совершенно благодушно отнесся къ тріумвирату и даже наивно считалъ себя членомъ этого «союза». Какъ бы то ни было, этотъ фактъ, въ связи съ «легкомысленнымъ» аграрнымъ закономъ, служитъ, по мнѣнію Цицерона, яснымъ доказательствомъ тираническихъ замысловъ тріумвировъ. Замѣчательно, что уже въ это время Цицеронъ, какъ бы предугадывая недалекое будущее, высказываетъ мысль о возможности вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла республики со стороны Цезаря [1]). По обыкновенію своему, Цицеронъ увлекается и, отдавшись вполнѣ пессимистическому теченію своихъ мыслей, предупреждаетъ самыя событія. Онъ уже готовъ оплакивать «гибель республики» [2]) и торжество тиранніи [3]); ибо, какъ онъ выражается въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ, «*Цезарь одинъ въ это время былъ сильнѣе, чѣмъ вся республика*» [4]). Деспотизмъ грозитъ полнымъ уничтоженіемъ свободы не только частныхъ лицъ, но и магистратовъ [5]), ибо «нѣсколько человѣкъ захватили всю власть въ государствѣ» [6]). Однимъ словомъ, «деспотизмъ задушилъ республику» [7]). «Мы скованы», говоритъ Цицеронъ, [8]) «по рукамъ и ногамъ», и тутъ же прибавляетъ съ горечью: «и мы не пытаемся даже бороться, но предпочитаемъ оставаться рабами [9]), лишь бы только насъ не гнали и не убивали». Однимъ словомъ, «нельзя себѣ представить ничего болѣе жалкаго, болѣе безнадежнаго, чѣмъ то положеніе, въ которомъ находится республика» [10]), и если остается еще какая надежда, то только въ возможности несогласій между тріумвирами [11]). (NB.: значитъ, Цицеронъ уже тогда предвидѣлъ возможность этихъ несогласій). Въ другомъ мѣстѣ [12]) онъ открыто высказываетъ свое неудовольствіе противъ тріумвировъ, «мстительность и деспотизмъ» которыхъ онъ самъ испыталъ, и которые, «изъ-за личной вражды къ Катону, погубили самую республику». Не меньшую ненависть питаетъ Цицеронъ къ тріумвирамъ и за тѣ демагогическія тенденціи, которыя онъ усматриваетъ въ ихъ дѣйствіяхъ. «Эти демагоги (*ро-*

---

[1]) 42,2. ad Att. II. 16. [2]) 47,1. ad Att. II. 21. Срв. 125,3. ad Div. I. 8. [3]) 51,2. ad Att. II. 25. [4]) 300,3. ad Att. VII. 9. [5]) 44,2. ad Att. II. 18. [6]) 120. ad Q. fr. II. 9. [7]) 47,1. ad Att. II. 21. Срв. 140,3. ad Q. fr. II. 15. [8]) 44,1. ad Att. II. 18. [9]) Срв. 109,1. ad Att. IV. 6. [10]) 51,2. ad Att. II. 25. [11]) 33,3. ad Att. II. 7. [12]) 47,1. ad Att. II. 21.

pulares isti)» говоритъ онъ [1]), «научили шикать даже мирно настроенныхъ людей».

Итакъ, отношенія Цицерона къ Цезарю въ данное время (то же самое, впрочемъ, увидимъ и относительно позднѣйшаго времени) нельзя выразить одной формулой; приходится различать въ нихъ двѣ стороны—личную и принципіальную,—которыя не только не гармонируютъ между собою, но находятся подъ часъ въ прямомъ противорѣчіи. Лично дружественный съ Цезаремъ, Цицеронъ является его противникомъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Какъ политическій дѣятель, Цезарь былъ для него «*дурнымъ гражданиномъ*» [2]) съ одной стороны, съ другой—«*незаконнымъ властителемъ*» — ἀδικαίαρχος [3]), узурпаторомъ, который метитъ въ тиранны [4]) и ведетъ себя, какъ «надменный царь» [5]), самовластно [6]).

Таковы были отношенія Цицерона къ Цезарю наканунѣ отправленія послѣдняго въ Галлію. Удаленіе его съ политической арены, на которой онъ представлялся Цицерону въ антипатичномъ свѣтѣ, ступевало, повидимому, раздѣлявшія ихъ принципіальныя противоположности и тѣмъ самымъ способствовало дальнѣйшему личному сближенію ихъ между собою. Содѣйствовало этому, кажется, и наступившее вскорѣ охлажденіе между Цицерономъ и оптиматами. [7]) Таково, по крайней мѣрѣ, то впечатлѣніе, которое вынесетъ читатель изъ писемъ Цицерона за это время. Ни одной отрицательной ноткн не встрѣчаетъ онъ въ тѣхъ многочисленныхъ замѣчаніяхъ и отзывахъ о Цезарѣ, которые разсѣяны на громадномъ пространствѣ переписки этого періода (966—702 гг.), начиная съ удаленія Цезаря въ Галлію и вплоть до того момента, когда возникъ роковой вопросъ, послужившій сигналомъ къ гражданской войнѣ. Но теперь мы на каждомъ шагу встрѣчаемся въ письмахъ Цицерона съ такими подъ часъ восторженными изъявленіями дружественныхъ чувствъ къ Цезарю, что приходится предположить, что первый совершенно забылъ о прежнемъ Цезарѣ, аспирантѣ на тираннію и кандидатѣ въ цари-деспоты.

---

[1]) 45,2. ad Att. II. 19. [2]) 26,6. ad Att. II. 1. [3]) 36,4. ad Att. II. 12. [4]) 43,1. ad Att. II. 17. [5]) 34,1. ad Att. II. 8. [6]) 44,2. ad Att. II. 18. [7]) 42,2. ad Att. II. 16. [8]) 42, 2. ad Att. II. 16.

Прежняя дружба представляется незначительной и холодной, въ сравненіи съ этими горячими изъявленіями дружбы, которыя такъ щедро разсыпаетъ Цицеронъ въ своихъ письмахъ этого времени. Онъ, съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и гордости, говоритъ: «нашъ Цезарь», [1]) «другъ Цезарь», [2]) и себя называетъ «цезаревымъ другомъ». [3]) Онъ съ восторгомъ говоритъ объ этой дружбѣ, [4]) объ этомъ «усладительномъ союзѣ съ Цезаремъ»; [5]) онъ въ восхищеніи отъ «той любви, которую питаетъ къ нему Цезарь». [6]) Цицеронъ желаетъ, чтобы и другъ его велъ дружбу съ Цезаремъ, [7]) и радуется, когда узнаётъ, что братъ его (Квинтъ) также пользуется расположеніемъ Цезаря. [8]) Теперь Цицеронъ и думать позабылъ о той «мстительности и деспотизмѣ», на который онъ еще недавно жаловался относительно Цезаря; теперь онъ говоритъ, напротивъ, о «*благородствѣ его характера и образа дѣйствій*». [9]) Однимъ словомъ, прежняго антагонизма не остается и слѣда, и Цицеронъ становится, напротивъ, горячимъ поклонникомъ Цезаря. «Онъ мой герой, этотъ Цезарь, говоритъ Цицеронъ съ эмфазой въ письмѣ къ своему брату, [10]) съ которымъ онъ, конечно, не имѣлъ причинъ лицемѣрить. Въ знакъ особеннаго своего уваженія и расположенія, онъ посвящаетъ Цезарю одну изъ своихъ поэмъ. [11]) Онъ благодаритъ брата Квинта, какъ за истинно братскую услугу», за то, что тотъ совѣтовалъ ему «всей душой быть преданнымъ Цезарю». [12]) Въ 698 г. мы видимъ Цицерона въ роли такого же защитника Цезаря и блюстителя его интересовъ, какимъ пять лѣтъ спустя былъ Куріонъ; именно, въ вопросѣ о пророгаціи Цезарю проконсульства въ Галліи онъ горячо ратуетъ въ пользу Цезаря. [13]) Около этого же времени Цицеронъ выдалъ свою дочь Туллію за нѣкоего Красспипеда, горячаго приверженца Цезаря. [14]) Въ 700 г., когда, особенно со смертью Юліи, началось охлажденіе между Цезаремъ и Помпе-

---

[1]) 145, 1. ad Div. VII. 10. [2]) 149, 14. ad Att. IV. 16. [3]) 148, 7. ad Div. I. 6. [4]) 148, 4. ad Div. I. 9. Срв. ib. 21 — 149. ad Att. IV. 16. [5]) 157, 3. ad Att. IV. 18. [6]) 154, ad Q. fr. III. 5—6. Срв. 115. ad Q. fr. II. 15.—117. ad Att. IV. 17.—145. ad Att. VII. 10. [7]) 136. ad Div. VII. 7. [8]) 146. ad Q. fr. III. I. Срв. ib. 20. [9]) 158. ad Q. fr. III. 8. [10]) 134, 1. ad Q. fr. II. 13. [11]) 159. ad Q. fr. III. 9. [12]) 140, 2. ad Q. fr. II. 5. [13]) 93. ad Div. I. 7. Срв. de prov. cons. 17 sq.; pro Balbo 61. [14]) 102, 2. ad Q. fr. II. 4.

емъ, и когда въ Римѣ начали раздаваться первые голоса противъ Цезаря, [1]) Цицеронъ выступилъ открыто его защитникомъ, [2]) рискуя навлечь на себя неудовольствіе оптиматовъ, расположеніемъ которыхъ онъ дорожилъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что послѣдніе укоряли его за это, какъ за «измѣнничество прежнему дѣлу», [3]) такъ что Цицеронъ счелъ нужнымъ потомъ оправдываться предъ своими друзьями въ своемъ поведеніи относительно Цезаря. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи длинное посланіе его къ Лентулу, [4]) въ которомъ Цицеронъ представляетъ подробную апологію своего образа дѣйствій вообще и по отношенію къ Цезарю въ частности.

Но нужно замѣтить, что эти отношенія были, быть можетъ не столько самостоятельнымъ результатомъ личной симпатіи Цицерона къ Цезарю, сколько отвѣтомъ на ту дружбу, или, по крайней мѣрѣ, изъявленія дружбы, которыя первый встрѣчалъ со стороны послѣдняго. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ вопросъ о томъ, насколько искренни были эти изъявленія; мы ограничиваемся только установленіемъ самаго факта, насколько онъ выясняется изъ данныхъ переписки.—Цицеронъ встрѣчалъ со стороны Цезаря не только изысканно-любезное, предупредительное, [5]) но и почтительное [6]) отношеніе. Въ искренности подобнаго отношенія Цицеронъ нисколько не сомнѣвался; онъ былъ увѣренъ, что онъ дѣйствительно «дорогъ Цезарю», [7]) и въ его почтительномъ и предупредительномъ обращеніи видѣлъ выраженіе дѣйствительной дружбы и уваженія. Нужно видѣть, съ какимъ увлеченіемъ говоритъ Цицеронъ о томъ, какъ къ нему расположенъ, какъ его любитъ Цезарь [8]). «Это единственный изъ молодыхъ людей, пишетъ онъ о послѣднемъ къ брату, [9]) кто меня любитъ настолько, насколько бы я самъ желалъ». «А какъ онъ обходится съ моимъ Квинтомъ, Боже мой! пишетъ онъ къ Аттику [10]). Если-бы ты зналъ, какими онъ осыпаетъ его милостями, какими по-

---

[1]) 148. ad Div. I. 9. [2]) 148, 12. 18. 19. ad Div. I. 9. [3]) ib. 17. [4]) 148. ad Div. I. 9. [5]) ib. [6]) 150. ad Div. VII. 17. [7]) 142. ad Att. IV. 15. [8]) 140. ad Q. fr. II. 15.—145. ad Div. VII. 10.—149. ad Att. IV. 16.—154. ad Q. fr. III. 5—6.—148. ad Div. I. 9.—142. ad Att. IV. 15.—144. ad Q. fr. II. 16.—150. ad Att. IV. 18.—141. ad Q. fr. II. 15. [9]) 154, 4. ad Q. fr. III. 5—6. [10]) 157, 3. ad Att. Div. VII. 17.—157 ad Att. IV. 18.

честями, какимъ благоговѣніемъ! не иначе, какъ еслибы я былъ императоромъ!..»

Если Цицеронъ вѣрилъ въ искренность этой дружбы Цезаря, то и послѣдній, съ своей стороны дорожилъ дружбой Цицерона и радъ былъ такому его настроенію по отношенію къ себѣ. Это видно, между прочимъ, изъ письма самого Цезаря къ Бальбу. «То, что ты пишешь въ своемъ письмѣ, пишетъ Цезарь, [1]) относительно Цицерона, я не совсѣмъ понялъ; но насколько можно догадываться, дѣло идетъ о томъ, чего можно было бы скорѣе желать, чѣмъ ожидать». По контексту письма Цицерона, въ которомъ приводится этотъ отрывокъ изъ письма Цезаря, не трудно понять, что послѣдній говоритъ въ этомъ отрывкѣ о дружбѣ къ себѣ Цицерона, дружбѣ, представляющейся ему чѣмъ-то крайне желаннымъ, хотя и трудно достижимымъ.

Что до Цицерона, то его дружба къ Цезарю, помимо того, что она отвѣчала собственному его внутреннему настроенію, была, кромѣ того, и выгодна для него, какъ это и самъ Цицеронъ не скрываетъ; напр., въ письмѣ къ брату, въ концѣ 700 г. [2]), онъ говоритъ прямо, что «немаловажныя выгоды получаетъ онъ, Цицеронъ, изъ близости своей къ Цезарю». Какъ бы поясняя свою мысль, онъ прибавляетъ: «*Въ благоволеніи лучшаго и могущественнѣйшаго мужа вижу я самый надежный оплотъ неприкосновенности нашей чести и достоинства*» [3]). Въ другомъ мѣстѣ та же мысль выражается въ еще болѣе восторженномъ тонѣ: «Взгляни на эту мою дружбу съ Цезаремъ, пишетъ онъ къ Аттику, [4])—дружбу, которая меня такъ утѣшаетъ. Вѣдь это единственная доска, на которой я спасаюсь отъ кораблекрушенія».

Цицеронъ велъ въ это время оживленную переписку съ Цезаремъ, которая, къ сожалѣнію, не сохранилась, за исключеніемъ одного лишь письма Цицерона (въ мартѣ 700 г.), [5]) которое, къ тому же, не можетъ служить типическимъ экземпляромъ этихъ дружескихъ писемъ, такъ какъ названное письмо есть собственно рекомендательное письмо, данное Цицерономъ своему другу Требацію. Но на существованіе дружеской и, повидимому, довольно

---

[1]) 132, 4. ad Q. fr. II. 12. [2]) 158, 1. ad Q. fr. III. 8. [3]) Срв. 148. ad Div. I. 9. [4]) 157, 3. ad Att. IV. 18 [5]) 133. ad Div. VII. 5.

оживлённой переписки между Цицерономъ и Цезаремъ въ это время указываютъ многія изъ писемъ Цицерона, преимущественно къ Аттику. Въ маѣ 700 г. онъ сообщаетъ Требацію, [5]) что онъ получилъ отъ Цезаря «чрезвычайно любезное письмо». 5 іюня ему снова доставлено письмо Цезаря «полное заявленій дружбы и преданности» [1]). Въ августѣ того же года онъ сообщаетъ брату, [2]) что Цезарь еще ранѣе писалъ ему о томъ впечатлѣніи, которое произвела на него присланная ему Цицерономъ поэма. Съ обычной своей «любезностью» [3]) Цезарь писалъ: «Я не знаю ничего лучшаго даже въ греческой литературѣ». Вскорѣ послѣ того, въ сентябрѣ, мы опять читаемъ въ письмѣ Цицерона къ брату, [4]) что онъ снова получилъ отъ Цезаря «въ высшей степени любезное письмо». Даже въ Британіи Цезарь не забываетъ о своемъ римскомъ «другѣ» и спѣшитъ сообщить ему о своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ [5]). Среди военныхъ трудовъ въ этой отдаленной странѣ онъ продолжаетъ поддерживать переписку съ послѣднимъ. 24 окт. того же года Цицеронъ снова получаетъ письмо отъ Цезаря, въ которомъ послѣдній сообщаетъ ему о дальнѣйшемъ ходѣ своихъ предпріятій [7]).

Цицеронъ, съ своей стороны, также не оставался въ долгу у Цезаря и, какъ самъ о себѣ говоритъ, «усердно писалъ къ нему» [8]), при чемъ называлъ его въ своихъ письмахъ «мой Цезарь» [9]). Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ личному сближенію между ними, укрѣпленію ихъ взаимной дружбы, и тѣ принципіальныя противоположности, которыя до сихъ поръ обусловливали недовѣрчивое и даже враждебное отношеніе къ Цезарю со стороны Цицерона, теперь мало по малу отходятъ совершенно на задній планъ, сходятъ со сцены, ни одного слова, ни малѣйшаго намека на существованіе ихъ не находимъ въ перепискѣ на всемъ протяженіи даннаго періода; время, когда Цезарь былъ для Цицерона «незаконно-властвующимъ» «тиранномъ», какъ будто исчезло безслѣдно изъ памяти

---

[1]) 139. ad Div. VII. 8. [2]) 140. ad Q. fr. II. 15. [3]) ib. Срв. 159. ad Q. fr. III. 9. [4]) 140. ad Q. fr. II. 15.—146. ad Q. fr. III. 1. [5]) 146. ad Q. fr. III. 1. [6]) ib. Письмо Цезаря отъ 1 сент. было получено Цицерономъ въ Римѣ 27 сент. [7]) 154. ad Q. fr. III. 5—6. [8]) 145. ad Div. VII. 10. Срв. 146. ad Q. fr. III. 1. 139. ad Div. VII. 8. [9]) 133. ad Div. VII. 5.

Цицерона. Въ одномъ мѣстѣ послѣдній называетъ Цезаря даже *vir optimus* [1]). Если мы припомнимъ, что значитъ на языкѣ Цицерона vir bonus, vir optimus, для насъ ясно станетъ, какая глубокая перемѣна произошла въ немъ, въ его отношеніяхъ къ Цезарю.

Говоря объ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю за этотъ періодъ, необходимо сдѣлать одну оговорку. А именно: всѣ данныя относительно этого предмета, часть которыхъ нами приведена въ предшествующемъ изложеніи, *относятся почти исключительно къ одному 700 году.* Ни ранѣе, съ 696 по 699 гг., ни позднѣе, съ 701 по 702 гг., мы не находимъ въ перепискѣ почти никакихъ указаній ни вообще на отношенія между Цицерономъ и Цезаремъ, ни въ частности, на существованіе между ними переписки за эти годы. Мы не беремся объяснить этотъ не совсѣмъ понятный для насъ фактъ (сравнительная скудость переписки названныхъ годовъ имѣетъ въ данномъ случаѣ лишь условное значеніе). Замѣтимъ только, что въ отмѣченный періодъ времени главную роль въ жизни Цицерона играетъ Помпей, о которомъ, поэтому, очень много и часто говорится въ письмахъ Цицерона за это время [2]).

Что до послѣдующаго промежутка времени, 701 — 702 гг., то отсутствіе интересующихъ насъ данныхъ за этотъ періодъ легко объясняется изъ крайней неполноты сохранившейся переписки за эти два года. Мы вовсе не имѣемъ за это время писемъ къ Аттику, т. е. наиболѣе цѣнной части переписки; письма же къ другимъ лицамъ составляютъ въ общемъ ничтожное количество. Именно, за 701 г. мы имѣемъ шесть писемъ Цицерона къ Куріону, столько же къ Требацію и одно къ Сестію; за 702 г. — всего четыре письма: къ Фадію, къ Аппію, къ Тицію и къ М. Марію — по одному. Ничего нѣтъ удивительнаго, если въ этихъ послѣднихъ четырехъ письмахъ, посвященныхъ къ тому же исключительно частнымъ дѣламъ и интересамъ, мы не встрѣчаемъ ни разу даже имени Цезаря. Такого же характера и первыя тринадцать писемъ (за 701 г.); но въ нихъ мы встрѣчаемся, по край-

---

[1]) 158, 1. ad Q. fr. III. 8. [2]) См. слѣдующую главу.

ней мѣрѣ, съ именемъ Цезаря, именно, въ трехъ мѣстахъ [1]). Одно изъ этихъ мѣстъ можетъ служить свидѣтельствомъ того, что отношенія Цицерона съ Цезаремъ, выясненныя перепиской 700 г., продолжались безъ измѣненій и въ слѣдующемъ году. Это, именно, то мѣсто, гдѣ Цицеронъ, въ письмѣ къ Требацію, [2]) высказываетъ свое удовольствіе по поводу того, что онъ, Требацій, сдѣлался «близкимъ человѣкомъ къ Цезарю». Что въ 702 г. эти отношенія не измѣнились, объ этомъ можно заключить изъ того, что въ началѣ слѣдующаго года мы застаемъ ихъ такими же, какъ и въ 700—701 гг.

Тѣмъ не менѣе, 703 г. открываетъ собою уже новую эпоху въ исторіи отношеній Цицерона съ Цезаремъ, такъ сказать, переходную эпоху, которая раздѣляетъ два существенно противоположные момента, примыкая своимъ началомъ къ одному изъ нихъ, а концомъ сливаясь незамѣтно съ началомъ слѣдующаго момента, начинающагося послѣ 703 г. и отчасти даже съ конца этого года, когда эти трогательныя заявленія дружбы, столь многочисленныя въ перепискѣ 700 г., смѣняются открытой и непримиримой враждебностью. Въ началѣ 703 г. мы встрѣчаемъ еще изрѣдка проблески этой угасающей дружбы, но затѣмъ они все становятся рѣже и слабѣе; начинаютъ прорываться враждебныя потки, которыя идутъ crescendo по мѣрѣ приближенія къ концу года, и, наконецъ, въ самомъ началѣ слѣдующаго (704) года получаютъ рѣшительное преобладаніе и опредѣляютъ такимъ образомъ новое направленіе въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю, представляющее рѣшительный контрастъ съ предшествующимъ. Эта постепенная, но коренная метаморфоза совершается въ тѣснѣйшей связи съ исторіей самого Цезаря и обусловливается, именно, ходомъ этой послѣдней. 703 г. былъ временемъ зарожденія того злополучнаго вопроса, о которомъ шла рѣчь въ началѣ предъидущей главы. Параллельно съ возникновеніемъ и развитіемъ этого вопроса, совершается и этотъ постепенный переворотъ въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю. Разъ вопросъ принялъ форму спора между Цезаремъ и сенатомъ, Цицерону, какъ «на-

---

[1]) 167, 2. ad Div. VII. 11.—171, 1. ad. Div. VII. 13. — 177, 1. ad Div. VII. 14.
[2]) 177, 1. ad Div. VII. 14.

тріоту»-республиканцу по убѣжденіямъ и симпатіямъ, который видитъ въ сенатѣ носителя идеи «республики» и, слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ олицетвореніе «отечества» (которое въ представленіи Цицерона отождествлялось съ «республикой»), нельзя было не стать въ рѣшительную оппозицію по отношенію къ Цезарю. Но разъ онъ вступилъ на этотъ путь, эта, вначалѣ сдержанная, чисто принципіальная оппозиція, по мѣрѣ развитія и обостренія распри между сенатомъ и Цезаремъ, по мѣрѣ того какъ разыгрывались политическія страсти, которыя естественно начали примѣшиваться къ этому спору,—постепенно превратилась въ непріязненное и непримиримо-враждебное отношеніе. Такимъ образомъ, первоначальное чисто принципіальное разногласіе, не мѣшавшее до этого существованію *личныхъ* добрыхъ отношеній между Цезаремъ и Цицерономъ, теперь не только заглушило совершенно эти послѣднія, но и породило совершенно противоположныя *личныя* же отношенія, т. е. рядомъ съ принципіальнымъ антагонизмомъ и подъ его вліяніемъ, возникла и *личная* ненависть, ненависть Цицерона къ *личности* Цезаря. Такова въ общихъ чертахъ исторія этой глубокой метаморфозы въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю, насколько она раскрывается въ перепискѣ.

Уже въ первой половинѣ 703 г. (тогда уже былъ поднятъ, какъ мы видѣли выше, вопросъ объ отозваніи Цезаря изъ провинціи) мы наблюдаемъ замѣтное охлажденіе къ Цезарю со стороны Цицерона, хотя еще и безъ всякихъ признаковъ враждебности. Дѣло ограничивается пока тѣмъ, что имя Цезаря встрѣчается въ письмахъ Цицерона уже безъ всякихъ сопутствующихъ выраженій дружбы, столь обычныхъ въ предшествующей перепискѣ. Очевидно, что послѣдній въ эту минуту не былъ еще настолько настроенъ противъ Цезаря, чтобы говорить о немъ въ непріязненномъ тонѣ, но не чувствовалъ уже и прежней симпатіи къ нему, не ощущалъ въ себѣ ни потребности, ни достаточной силы чувства для прежнихъ восторженныхъ заявленій дружбы. Въ одномъ изъ писемъ къ Аттику Цицеронъ пишетъ въ это время: «Благодаря твоему вліянію, *я всегда содѣйствовалъ Цезарю въ его стремленіяхъ, и я не раскаиваюсь въ этомъ*». Изъ этой фразы видно, какъ Цицерону все еще не хочется признаться самому себѣ, что теперь для него Цезарь

уже не то, чѣмъ былъ ранѣе; онъ какъ будто все еще хочетъ увѣрить себя, вопреки собственному чувству, въ своей дружбѣ къ Цезарю; но одинъ уже этотъ холодный тонъ фразы достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что прежнія восторженно-дружескія отношенія уже миновали. Вообще Цицеронъ, видимо, избѣгаетъ въ это время высказываться слишкомъ прямо о Цезарѣ—ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ: быть можетъ, потому, что послѣ своихъ черезчуръ ужъ восторженныхъ выраженій дружбы къ нему въ прежнихъ письмахъ, онъ не рѣшался взять сразу слишкомъ диссонирующую ноту, сразу объявить войну человѣку, который еще такъ недавно открыто былъ признаваемъ имъ своимъ задушевнымъ другомъ. Но *косвеннымъ* образомъ эти отношенія съ достаточною ясностью обнаруживаются уже изъ того факта, что съ самаго момента возникновенія распри между Цезаремъ и сенатомъ, Цицеронъ сталъ безусловно на точку зрѣнія послѣдняго.

Въ слѣдующемъ, 704 г., эти отношенія начинаютъ принимать уже болѣе опредѣленную форму и болѣе рѣзкое выраженіе въ перепискѣ. Въ концѣ іюля Цицеронъ пишетъ къ Целію [1]), въ отвѣтъ на его письмо: «Положеніе республики меня серьезно озабочиваетъ. Желаю всего лучшаго Куріону, но еще болѣе желаю, чтобы *Цезарь не сошелъ съ пути чести*». Послѣдняя фраза невольно приводитъ на память подобныя же слова Цицерона о Цезарѣ, сказанныя десять лѣтъ тому назадъ: «Что если я сдѣлаю Цезаря болѣе хорошимъ (гражданиномъ)? развѣ это не будетъ добрая услуга республикѣ съ моей стороны?...» [2]) Итакъ, тогда Цицеронъ считалъ полезнымъ въ интересахъ республики исправить, «улучшить» Цезаря; теперь онъ желаетъ, чтобы послѣдній не совратился съ праваго пути, т. е. съ того пути, который указывается интересами республики. Это желаніе невольно выдаетъ въ Цицеронѣ уже нѣкоторую неувѣренность, нѣкоторое сомнѣніе относительно республиканской лояльности Цезаря. Значитъ, въ его головѣ носится уже смутно идея о Цезарѣ, какъ о врагѣ республики, по крайней мѣрѣ potentialiter.

---

[1]) 273,2. ad Div. II. 15. [2]) 26,6. ad Att. II. 1.

Это недовѣрчивое отношеніе къ Цезарю, недовѣріе къ его гражданской честности, какъ ее понималъ Цицеронъ, развивается въ возрастающей прогрессіи. Въ концѣ года онъ уже не только сомнѣвается, а уже вовсе не вѣритъ въ нее, въ эту гражданскую честность Цезаря. Въ одномъ изъ писемъ къ Аттику въ это время онъ называетъ послѣдняго «человѣкомъ сумасброднымъ и на все способнымъ» [1]).

Но, не смотря на такой пессимистическій взглядъ Цицерона относительно Цезаря, враждебности къ нему со стороны перваго все еще пока незамѣтно. Нѣсколько дней спустя онъ пишетъ къ Аттику [2]): «Одно только меня утѣшаетъ, это—убѣжденіе, что человѣкъ, которому сами враги присудили второе консульство,—которому судьба дала великую силу,—что онъ не дойдетъ до такого безумства, чтобы довести дѣло до крайности. Но разъ онъ уклонится съ того пути, который подсказываетъ ему благоразуміе, я въ ужасѣ жду такихъ событій, описывать которыя не хватитъ духу». Итакъ, Цицеронъ относится еще довольно терпимо къ Цезарю, онъ отдаетъ ему справедливость, признаетъ за нимъ извѣстныя личныя достоинства; но, съ другой стороны, онъ, видимо, уже плохо вѣритъ въ «благоразуміе» Цезаря и не скрываетъ своихъ подозрѣній относительно аггрессивныхъ замысловъ послѣдняго противъ «республики». Мало по малу это первоначально недовѣрчивое отношеніе переходитъ уже въ чисто враждебное. Нѣкоторое время, впрочемъ, Цицеронъ какъ будто колеблется выступить въ роли противника и врага Цезаря. «Противъ Цезаря?... Но гдѣ тогда эти скрѣпленныя клятвою обѣщанія? И развѣ не я же самъ помогъ ему тогда добиться привилегіи заочной кандидатуры на консульство, склонивъ, по его просьбѣ, трибуна Целія, на его сторону?...» [3]) Приведенныя слова Цицерона въ письмѣ къ Аттику относятся къ октябрю 704 г. Въ Цицеронѣ говоритъ чувство долга, долга дружбы, связывающей его съ Цезаремъ,—дружбы, закрѣпленной «клятвенными обѣщаніями» и актами недавняго прошлаго.

Но кромѣ этого, Цицерону нужно было еще побѣдить въ себѣ чувство личной симпатіи, личной привязанности къ Цезарю (ко-

---

[1]) 294,5. ad Att. VII. 3. [2]) 295,3. ad Att. VII. 4. [3]) 284,4. ad Att. VII. 1.

торая до сихъ поръ могла мирно уживаться съ таковою же привязанностью къ Помпею). «Видишь ли, пишетъ Цицеронъ къ Аттику въ томъ же письмѣ, что по твоей милости я привязался къ одному, какъ къ человѣку, которому я обязанъ благодарностью за оказанныя мнѣ имъ услуги, къ другому, какъ къ человѣку сильному и вліятельному». «А благодаря своей услужливости и предупредительности, я привелъ къ тому, что ни одному изъ нихъ (т. е. Цезарю и Помпею) никто такъ не дорогъ, какъ я. Это я имѣлъ въ виду и былъ убѣжденъ, что *дружба съ Помпеемъ не заставитъ меня грѣшить противъ республики, а будучи въ дружбѣ съ Цезаремъ, мнѣ никогда не придется воевать съ Помпеемъ*: такъ тѣсна была ихъ дружба». Это положеніе, въ которомъ очутился Цицеронъ, благодаря неожиданному стеченію «независящихъ обстоятельствъ», представляется со стороны даже нѣсколько въ комическомъ свѣтѣ; но нужно было быть на мѣстѣ Цицерона, чтобы понять весь трагизмъ его положенія.

Для колебаній однако не было времени, и Цицеронъ, рѣшивъ, что «лучше потерпѣть пораженіе съ однимъ, чѣмъ побѣдить съ другимъ» [1]), нашелъ, что ради этого можно пренебречь «скрѣпленными клятвой обѣщаніями», которыя до сихъ поръ смущали его совѣсть. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ снаряжается въ походъ противъ своего недавняго друга и, въ качествѣ защитника отечества, ополчается противъ новаго врага «республики» и «патріотовъ». Въ этомъ, именно, смыслѣ начинаетъ онъ съ этого момента трактовать Цезаря. Онъ до такой степени входитъ въ свою новую роль *защитника республики* противъ Цезаря, что начинаетъ даже обсуждать мѣры, какія, по его мнѣнію, слѣдуетъ принять противъ послѣдняго [2]), ибо «долгъ и честь» — такъ думаетъ Цицеронъ — призываютъ его защищать республику противъ Цезаря [3]). При этомъ онъ до такой степени становится на точку зрѣнія оптиматовъ, что начинаетъ даже отождествлять себя съ ними; говоря о нихъ, онъ выражается: «мы». *Мы* должны принять мѣры противъ замысловъ этого новаго Цинны [4]). «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ [5]), кто̀ можетъ сказать съ увѣренностью, что̀ будетъ,

[1]) ib. Срв. 294,2. ad Att. VII. 3. [2]) 299. ad Att. VII. 7. [3]) 294. ad Att. VII. 3. [4]) 298. ad Att. VII. 7. [5]) ib.

когда дѣло дойдетъ до войны? но одно всѣмъ извѣстно, это то, что, если патріоты будутъ побѣждены, Цезарь ничуть не будетъ гуманнѣе Цинны въ истребленіи знати, ни умѣреннѣе Суллы въ конфискаціи имуществъ богатыхъ гражданъ». Можно удивляться, что Цицеронъ могъ до такой степени ошибаться относительно Цезаря; могъ до такой степени *не понимать* его, онъ—такъ близко *знавшій* Цезаря и обладавшій рѣдкою проницательностью!... Единственно, чѣмъ можно объяснить эту странность, это—вліяніемъ духа борьбы и политическихъ страстей, которое успѣло уже коснуться и разсудительнаго «философа» Цицерона.

Если недавно еще послѣдній увѣрялъ своего друга, что нимало не раскаивается въ томъ, что содѣйствовалъ Цезарю въ его стремленіяхъ, то теперь онъ безпощадно осуждаетъ и себя, и оптиматовъ, и Помпея за прежнее поведеніе относительно Цезаря, которому они своими послабленіями до такой степени дали усилиться, что онъ сдѣлался опаснымъ для республики [1]). Цицеронъ горячо негодуетъ теперь на то, что не были приняты ранѣе репрессивныя мѣры противъ Цезаря. «Если теперь хотятъ защищать республику, то отчего не защищали ее противъ этого человѣка тогда, когда онъ былъ консуломъ?» съ жаромъ восклицаетъ Цицеронъ [2]), забывая, что онъ самъ былъ тогда первымъ радѣтелемъ этого приводившаго его въ восторгъ «молодаго человѣка»... Теперь это излюбленная мысль Цицерона, къ которой онъ возвращается всякій разъ, какъ рѣчь заходитъ о Цезарѣ или о «республикѣ». Къ ней же возвращается онъ, развивая ее съ удвоенной энергіей, впослѣдствіи, послѣ Фарсальской битвы. Онъ негодуетъ на тѣ непростительныя, по его мнѣнію, послабленія, которыя были въ разное время сдѣланы самимъ же сенатомъ, именно, на два главныхъ послабленія: вопервыхъ, на пророгированіе Цезарю проконсульства, вовторыхъ, на предоставленіе ему права заочной кандидатуры на консульство [3]). «И почему *только теперь* пришла намъ въ голову мысль—бороться противъ него? Вѣдь, *тогдашнее зло ничуть не больше того, которое заключалось въ нашей пророгаціи ему втораго пятилѣтія или въ дарованіи ему привилегіи искать заочно консульства. Тогда мы дали ему оружіе, для того*

[1]) 294. ad Att. VII. 3. [2]) 294,4. ad Att. VII. 3. [3]) 298. ad Att. VII. 7.

чтобы теперь сражаться противъ вооружоннаго» [1]). «Слѣдовало бороться противъ него тогда, когда онъ не былъ еще въ силѣ» [2]). А теперь уже «поздно затѣвать борьбу противъ того, кому мы (NB.: *мы*) въ продолженіе десяти лѣтъ помогали усиливаться противъ насъ самихъ» [3]). «Для чего, для чего пророгировали ему проконсульство!» [4]) «Благодаря всему этому, онъ до такой степени успѣлъ усилиться, что вся надежда на сопротивленіе противъ него лежитъ на одномъ гражданинѣ (т. е. Помпеѣ), который, съ своей стороны, сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибы не далъ ему усилиться, чѣмъ противодѣйствовать ему теперь, когда онъ уже до такой степени усилился» [5]). Это, какъ мы сказали, одна изъ излюбленныхъ мыслей Цицерона,—что корень всего зла заключается именно въ этихъ прежнихъ послабленіяхъ Цезарю со стороны людей, власть имѣющихъ. «Въ этомъ источникъ всѣхъ золъ»—*horum omnium fons unus est.*

Къ концу года (704), особенно въ послѣдній мѣсяцъ, это враждебное настроеніе Цицерона по отношенію къ Цезарю усиливается съ поразительной быстротой. Еще не дальше, какъ въ серединѣ дек., при всей своей враждебности къ послѣднему, онъ все-таки не чуждъ былъ еще примирительныхъ идей. «Миръ необходимъ», говоритъ онъ въ это время [6]). Нужно, во что бы то ни стало, сохранить миръ, хотя бы для этого пришлось сдѣлать уступки Цезарю [7]). Цицеронъ готовъ даже самъ принять активное участіе въ дѣлѣ примиренія, которое онъ считаетъ и желательнымъ и возможнымъ; онъ хочетъ употребить все свое вліяніе на Помпея, чтобы склонить его къ примиренію съ Цезаремъ [8]). (Въ этомъ отношеніи Цицеронъ кореннымъ образомъ расходится съ Помпеемъ. Послѣдній такъ же «боится мира», какъ первый—войны. Въ этомъ сказывается глубокое различіе въ точкахъ зрѣнія Помпея и Цицерона. Первый не желаетъ *мира*, потому что боится потерять преобладающую роль въ государствѣ [9]); послѣдній не желаетъ *войны*, потому что боится гибельныхъ послѣдствій отъ нея для республики [10])). Но вскорѣ въ Цицеронѣ берутъ верхъ

---

[1]) 297. adAtt. VII. 6. [2]) 298,6. ad Att. VII. 7. [3]) 296,4. ad Att. VII. 5. [4]) 294. ad Att. VII. 3. [5]) ib. [6]) 294,4. ad Att. VII. 5. [7]) ib. 5. [8]) 294,3. ad Att. VII. 3. Срв. ib. 3. [9]) 299. ad Att. VII. 8—300. ad Att. VII. 9. [10]) 296. ad Att. VII. 5. Срв. 298. ad Att. VII. 7.

тенденціи непримиримыя. Объявивъ, что *causa illa* (i. e. Caesaris) *causam non habet* [1]), онъ, всего нѣсколько дней спустя послѣ вышеприведеннаго письма, трактующаго о безусловной необходимости мира, сѣтуетъ на то, что «ему не удалось встрѣтить почти никого, кто бы не считалъ за лучшее сдѣлать требуемыя Цезаремъ уступки, чѣмъ доводить дѣло до войны» [2]). Онъ находитъ теперь эти требованія Цезаря настолько дерзкими и нахальными, что они превосходятъ все, что только можно себѣ представить въ этомъ родѣ [3]).

Эта принципіальная перемѣна въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю не осталась безъ вліянія, какъ слѣдовало ожидать, и на личныя его отношенія къ послѣднему. Дружба кончается, какъ извѣстно, тамъ, гдѣ начинается недовѣріе; вмѣстѣ съ недовѣріемъ и враждебностью къ Цезарю, какъ политическому дѣятелю, возникаетъ и развивается въ Цицеронѣ и личное недовольство и недовѣріе къ нему, какъ къ человѣку. Какъ на одинъ изъ симптомовъ этой перемѣны въ настроеніи Цицерона относительно Цезаря, можно указать на слѣдующій фактъ. Цицеронъ, который ранѣе не находилъ достаточно словъ для выраженія своего восторга по поводу «дивной и невѣроятной щедрости» къ нему Цезаря [4]), теперь находитъ, что послѣдній вовсе не былъ такъ щедръ по отношенію къ нему, Цицерону, какъ онъ того заслуживалъ, въ особенности если принять въ соображеніе «не знающую мѣры щедрость его (Цезаря) по отношенію къ другимъ» [5]). Отсюда можно видѣть, что Цицеронъ настолько уже увлекся враждебнымъ настроеніемъ противъ Цезаря, какъ своего политическаго противника, что потерялъ уже способность относиться къ нему справедливо, какъ къ частному человѣку. (Ранѣе мы видѣли, что принципіальный антагонизмъ не мѣшалъ Цицерону отдавать ему справедливость, какъ человѣку). Этою же неспособностью къ справедливому, объективному отношенію объясняется и то оскорбительное для Цезаря подозрѣніе, которое высказываетъ Цицеронъ относительно послѣдняго въ письмѣ къ Аттику [6]). Цицеронъ опасается тайныхъ интригъ противъ себя со стороны Це-

---

[1]) 294,5. ad Att. VII. 3. [2]) 297,1. ad Att. VII. 6. [3]) 300,1. ad Att. VII. 9. [4]) 148,18. ad Div. I. 9.—150,2. ad Div. VII. 17. [5]) 294,3. ad Att. VII. 3.

заря. «Какъ бы, говоритъ онъ, Цезарь не подстроилъ какую-нибудь каверзу относительной моей почести (т. е. тріумфа) чрезъ своихъ трибуновъ». Мы знаемъ, что подобная мелочная мстительность—свойство мелкихъ душъ—не была въ характерѣ Цезаря.

При всемъ томъ Цицеронъ не желалъ и даже боялся открытаго разрыва съ Цезаремъ и хлопоталъ о поддержаніи хорошихъ отношеній съ нимъ, по крайней мѣрѣ по наружности, тщательно избѣгая, съ своей стороны, всего, что́ бы могло повредить этимъ отношеніямъ. Тѣ отношенія, характеристику которыхъ мы только что изложили на основаніи интимной переписки Цицерона, были въ извѣстномъ смыслѣ секретомъ, тайной, въ которую были посвящены лишь немногіе близкіе ему люди, но которую онъ тщательно скрывалъ отъ постороннихъ взоровъ. Это только въ интимной перепискѣ громилъ онъ «тиранна» и объявлялъ войну Цезарю, публично же, на глазахъ людей и самого Цезаря, онъ велъ себя совершенно иначе. Тамъ, въ письмахъ къ близкимъ друзьямъ онъ позволялъ себѣ высказывать все, что ему приходило на умъ, писалъ то, что думалъ: здѣсь, при публикѣ, онъ не высказывалъ *всего*, что думалъ, и *такъ*, какъ думалъ. Тамъ было—что на умѣ, то и на языкѣ; здѣсь стояла на первомъ планѣ политика, политическій разсчетъ. Цицеронъ не хотѣлъ ссориться съ Цезаремъ [1]). Онъ хотѣлъ, оставаясь принципіальнымъ антагонистомъ послѣдняго, сохранить въ то же время «его благоволеніе», «при помощи болѣе или менѣе искусной тактики» [2]). Разъ Цицеронъ поставилъ себѣ такую задачу, ему было, конечно, неудобно высказывать слишкомъ громко свои взгляды на Цезаря, такъ какъ это всего менѣе отвѣчало бы видамъ «искусной тактикѣ», а «философъ» Цицеронъ былъ въ то же время и слишкомъ тонкій дипломатъ, для того чтобы допустить подобную «безтактность». Но такъ какъ, съ другой стороны, Цицеронъ ставилъ на первомъ планѣ «долгъ и честь», отъ которыхъ онъ рѣшился (черезчуръ смѣлое рѣшеніе!) «не отступать ни на іоту», [3]) то ему нельзя было въ то же время отказаться и отъ обязанности «защищать республику» (противъ Цезаря), ибо таково, по его мнѣнію, требованіе «долга и чести».

---

[1]) 284. ad Att. VII. 1. [2]) ib. [3]) 294, 11. ad Att. VII. 3.

Какимъ же образомъ находитъ онъ возможнымъ примирить требованія долга съ требованіями «искусной тактики»? Выходъ изъ этой коллизіи онъ находитъ въ томъ, что, если онъ и позволяетъ себѣ выступать иной разъ въ роли защитника республики, то дѣлаетъ это «безъ рѣзкости»—*languidius*—и настолько осторожно, что, не безъ основанія, боится получить отъ Помпея упрекъ въ потворствѣ Цезарю [1]). Къ сожалѣнію, Цицеронъ не объясняетъ, въ чемъ заключалась эта «защита республики»; зато мы очень хорошо узнаёмъ изъ его интимной переписки, сколько усилій было имъ потрачено на то, чтобы скрыть отъ посторонннхъ взоровъ, а всего болѣе отъ взоровъ своего политическаго противника, «благоволеніемъ» котораго онъ дорожилъ, свой истинный образъ мыслей относительно Цезаря. По возвращеніи своемъ изъ Киликіи (въ ноябрѣ 704 г. [2]), Цицеронъ долгое время оставался внѣ Рима, подъ предлогомъ тріумфа, на который онъ заявлялъ притязаніе, какъ побѣдитель при Пинденпссѣ [3]). Но это было именно только предлогомъ; на самомъ же дѣлѣ Цицеронъ не являлся въ Римъ, для того чтобы избѣжать необходимости высказаться такъ или иначе о своихъ отношеніяхъ къ волновавшему всѣхъ вопросу и его виновнику, «попасть въ самую бездну вопроса», по собственному выраженію Цицерона [4]). Онъ откровенно признается Аттику, что въ сущности онъ даже радъ тому, что вопросъ о тріумфѣ затянулся, ибо это даетъ ему въ руки благовидный предлогъ не являться въ Римъ [5]). Если мы припомнимъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ энтузіазмомъ рвался Цицеронъ изъ провинціи въ Римъ, для насъ ясно станетъ, до какой степени не хотѣлось ему высказаться открыто относительно Цезаря. Онъ находитъ, что единственно возможная разумная политика въ данную минуту есть политика выжидательная. И мысль эту онъ высказываетъ въ формѣ до крайности рѣзкой, даже нѣсколько циничной. «Предоставимъ глупцамъ высказаться первымъ», говоритъ онъ въ письмѣ къ Аттику [6]). Онъ не скрываетъ своей досады на тѣхъ, которые пытались или имѣли намѣреніе его «зондировать»—*sententiam elicere* [7]). «А всетаки постараются вывѣдать мой образъ мыслей!» [8]) Неподдѣльная досада, которая звучитъ въ этой фразѣ,

[1]) ib. [2]) 292. ad Div. XVI. 9. [3]) 227. ad Att. V.—284. ad Att. VII. 1. [4]) ib. [5]) ib. [6]) ib. 5. [7]) ib. [8]) ib.

показываетъ, до какой степени не хотѣлось Цицерону выдать свою тайну, высказать открыто свой образъ мыслей относительно Цезаря.

ОТНОШЕНІЯ ЦИЦЕРОНА КЪ ПОМПЕЮ.

О Помпеѣ Цицеронъ говоритъ уже «нашъ другъ» [1]) еще задолго до того, какъ завязались у него подобныя же отношенія съ Цезаремъ. Это было въ 689 г. Дружескія отношенія Цицерона съ Помпеемъ продолжаются и въ слѣдующихъ годахъ. Такъ, въ 692 г. мы имѣемъ дружеское письмо Цицерона къ Помпею, [2]) а въ слѣдующемъ (693) году, въ письмѣ къ Аттику, который былъ также въ хорошихъ отношеніяхъ съ Помпеемъ, [3]) Цицеронъ говоритъ о немъ: [4]) *nobis amicissimus*, или въ другомъ письмѣ: [5]) *noster Magnus*. Притомъ нужно замѣтить, что дружба эта была болѣе полная, чѣмъ позднѣе завязавшаяся дружба съ Цезаремъ. Если одно время Цицеронъ и былъ съ Цезаремъ лично въ дружественныхъ отношеніяхъ, то онъ всегда былъ его противникомъ въ сферѣ политическихъ отношеній и принциповъ. Дружба съ Помпеемъ, напротивъ, покоилась не только на личной симпатіи или на разсчетѣ, но и на принципіальной солидарности. Впослѣдствіи, наканунѣ гражданской войны, когда многія прежнія отношенія Цицерона, въ томъ числѣ и отношенія его съ Помпеемъ, были болѣе или менѣе глубоко поколеблены, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Аттику, [6]) вспоминая о своей прежней дружбѣ съ Помпеемъ, говоритъ: «*Я былъ убѣжденъ, что дружбой съ Помпеемъ я оградилъ себя навсегда отъ возможности погрѣшить противъ республики*». Значитъ, Цицеронъ смотрѣлъ тогда на Помпея, какъ на опору республики, какъ на своего политическаго единомышленника,—не сомнѣвался въ его лояльности, въ его «*аристократизмѣ*», [7]) какъ его понималъ Цицеронъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи взглядъ Цицерона на Помпея былъ діаметрально противоположенъ взгляду на Цезаря, котораго онъ считалъ нужнымъ «исправить» въ интересахъ республики. Ту же мысль высказы-

---

[1]) 16,2. ad Att. I. 1. [2]) 12. ad Div. V. 7.. [3]) 18,4. ad Att. I. 13. [4]) 16,2. ad Att. I. 12. [5]) 21,12. ad Att. I. 16. [6]) 284. ad Att. VII. 1. [7]) 19,2. ad Att. I. 14.

ваетъ Цицеронъ въ письмѣ къ Помпею, въ 692 году [1]), въ которомъ онъ заявляетъ о своемъ желаніи быть съ нимъ въ дружбѣ личной и политической. Вспоминая впослѣдствіи объ этомъ времени, Цицеронъ пишетъ Лентулу (въ 700 году): [2]) «Да, я любилъ Помпея, любилъ не только по чувству благодарности за оказанныя имъ услуги, но и изъ личной симпатіи и изъ постояннаго, такъ сказать, убѣжденія».

Но послѣдовавшія вскорѣ затѣмъ (въ 694 г.) неудовольствія между Помпеемъ и сенатомъ и, какъ результатъ ихъ, переходъ Помпея на сторону демократіи и затѣмъ союзъ его съ Цезаремъ (тріумвиратъ), не остались безъ вліянія на отношенія Цицерона къ Помпею. Мы видимъ въ Цицеронѣ полное разочарованіе относительно послѣдняго. Онъ готовъ видѣть въ Помпеѣ пустаго человѣка, которому чужды всякія высокія стремленія и широкіе планы, [3]) и который гораздо болѣе занятъ своей *togula picta* [4]), чѣмъ республикой,—политическаго авантюриста, который изъ тщеславныхъ видовъ заискиваетъ у народа, *популярничаетъ* [5]). Цицеронъ иронически говоритъ о Помпеѣ, что этотъ πολιτικὸς ἀνὴρ рѣшительно не въ состояніи придумать что-нибудь дѣльное [6]). Если прежде Цицеронъ говорилъ о немъ серьезно и искренно «нашъ другъ», то эпитетъ, который онъ теперь къ нему прилагаетъ, «нашъ пріятель»—*familiaris noster* [7]), «нашъ Кней», звучатъ уже прямой ироніей, почти насмѣшкой. И въ самомъ дѣлѣ, въ теперешнихъ отношеніяхъ Цицерона къ Помпею преобладаетъ болѣе именно этотъ полу-насмѣшливый, полу-презрительный, чѣмъ враждебный тонъ. Такъ, Цицеронъ любитъ теперь называть его разными презрительно-насмѣшливыми кличками, въ родѣ *Sampsiceratus* [8]), или въ такомъ же духѣ: *hic noster Hierosolymarius traductor ad plebem* [9]). Тѣмъ не менѣе прорывается, хотя гораздо рѣже, и чисто уже враждебное отношеніе, отношеніе республиканца-оптимата (по убѣжденіямъ) къ человѣку, успѣвшему занять вліятельное и до извѣстной степени исключительное положеніе. Это недовѣрчиво-враждебное отношеніе звучитъ уже отчасти въ

---

[1]) 23,6. ad Att. [2]) 45,2. ad Att. II. 19. [3]) 12,3. ad Div. VII. 7. [4]) 148,6. ad Div. I. 9. [5]) 25,2. ad Att. I. 20. [6]) 23,6 ad Att. I. 18. [7]) 42. ad Att. II. 16. [8]) 40. ad Att. II. 14. [9]) 35. ad Att. II. 9. Срв. 42. ad Att. II. 16. — 43. ad Att. II. 17.—49. ad Att. II. 23.

этомъ эпитетѣ — *traductor ad plebem* —, вызывающемъ въ памяти ненавистное Цицерону имя Клодія. Но гораздо болѣе рѣзко выражается это отношеніе въ другомъ письмѣ къ Аттику [1]), гдѣ Цицеронъ уже прямо говоритъ о Помпеѣ, что онъ, вмѣстѣ съ Цезаремъ, «*заодно готовятъ тираннію*». Съ этого момента Цицеронъ начинаетъ трактовать Цезаря и Помпея, какъ двѣ совершенно однородныя величины, какъ двѣ силы, одинаково враждебныя республикѣ, одинаково стремящіяся къ порабощенію республики, къ водворенію въ ней тираніи. Поэтому то, что было сказано объ отношеніяхъ Цицерона къ тріумвирамъ въ предъидущей главѣ, относится столько же къ Помпею, сколько и къ Цезарю [2]). Недурной комментарій къ этому представляютъ собою слова Цицерона въ одной изъ позднѣйшихъ его рѣчей. «Въ консульство Бибула», говоритъ онъ во второй Филиппикѣ, гл. 23, «я употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы отвлечь Цезаря отъ союза съ Помпеемъ; но Цезарю въ этомъ случаѣ болѣе посчастливилось: *онъ самъ отвлекъ Помпея отъ дружбы со мной*».

Но еслибы мы, на основаніи этихъ данныхъ, заключили объ абсолютной враждебности Цицерона къ Помпею въ это время, враждебности, исключающей всякую возможность присутствія другихъ элементовъ въ этихъ отношеніяхъ, то наше заключеніе было бы, по меньшей мѣрѣ, поспѣшно. Напротивъ, рядомъ съ вышеприведенными данными, мы имѣемъ цѣлый рядъ данныхъ совершенно иного свойства,—данныхъ, которыя на первый взглядъ могутъ представляться противорѣчащими первымъ, но которыя въ сущности только ограничиваютъ ихъ силу, лишаютъ ихъ той безусловности, какую бы они могли имѣть безъ этихъ ограничивающихъ данныхъ. (Нужно замѣтить, что видимое противорѣчіе это нельзя объяснить, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, различіемъ корреспондентовъ, потому что письма къ одному и тому же Аттику содержатъ въ себѣ эти противорѣчивыя данныя). Эти послѣднія доказываютъ, что враждебные намеки и презрительно-насмѣшливыя выраженія по адресу Помпея, которыя мы встрѣчаемъ въ письмахъ Цицерона за это время, еще не исчерпываютъ вполнѣ настроенія Цицерона относительно Помпея,—

---

[1]) 43. ad Att. II. 17. [2]) См. выше, стр. 98—100.

что, напротивъ, въ Цицеронѣ никогда, даже въ это время, въ самый, такъ сказать, разгаръ оппозиціоннаго настроенія, не умирало чувство личной симпатіи къ Помпею. Онъ нападаетъ на Помпея, негодуетъ на него, но въ то же время внутренно онъ продолжаетъ любить его; онъ зло насмѣхается надъ Помпеемъ, но въ то же время онъ и страдаетъ за него, скорбитъ о его неудачахъ, хотя и не всегда желалъ бы ему удачи. Во всякомъ случаѣ, онъ чувствуетъ, что у него никогда бы не поднялась рука на Помпея. «Дружба», пишетъ онъ къ Аттику, [1]) «не позволяетъ мнѣ сражаться противъ Помпея». «Помпей, Помпей, котораго я такъ люблю, самъ себя поставилъ въ затруднительное положеніе; и это меня глубоко огорчаетъ» [2]). Еще ярче иллюстрируетъ это отношеніе Цицерона къ Помпею отрывокъ изъ письма его къ Аттику въ іюлѣ 695 г., [3]) гдѣ онъ такимъ образомъ характеризуетъ положеніе Помпея: «Итакъ, этотъ нашъ другъ, человѣкъ до сихъ поръ безупречной репутаціи, ничего не слышавшій о себѣ, кромѣ похвалъ, и увѣнчанный славой,—теперь—разбитый физически и нравственно, не знаетъ, куда дѣваться; онъ видитъ, что ему остается одно изъ двухъ: или продолжать идти впередъ, очертя голову, или отказаться отъ прошлаго; патріоты — его враги, люди потерянные—не друзья. Признаюсь въ своемъ мягкосердечіи: я не могъ удержаться отъ слезъ, когда 25 іюля смотрѣлъ, какъ Помпей говорилъ передъ народнымъ собраніемъ объ эдиктахъ Бибула. Помпей, который привыкъ такъ гордо и съ такимъ достоинствомъ держать себя на этомъ мѣстѣ, при общемъ сочувствіи и одобреніи народа,—какое малодушіе, какое низкопоклонство выказалъ онъ въ эту минуту!... Можно подумать, что онъ самъ себя презиралъ въ эту минуту, не только что слушатели... Зрѣлище, пріятное, развѣ одному только Крассу, во всякомъ случаѣ никому другому, ибо насколько былъ высокъ Помпей прежде, настолько же низко упалъ онъ теперь. Подобно тому, какъ былъ бы, думаю, глубоко опечаленъ Апеллесъ, еслибы увидалъ свою Венеру запачканною въ грязи: такъ же горько было мнѣ видѣть столь обезображеннымъ Помпея, котораго я красилъ и раскрашивалъ всѣми красками моего искусства...» Этотъ въ высшей степени характер-

---

[1]) 45,2. ad Att. II. 19. [2]) ib. [3]) 47. ad Att. II. 21.

ный отрывокъ, помимо того, такъ сказать, частнаго значенія, которое онъ имѣетъ для даннаго момента, имѣетъ и важное общее значеніе, проливая свѣтъ и на послѣдующія отношенія Цицерона къ Помпею.

Навстрѣчу этому чувству личной симпатіи къ Помпею шли общія соображенія, которыя точно также въ значительной мѣрѣ ослабляли вызванное временной политической комбинаціей враждебное отношеніе Цицерона къ Помпею, ибо Цицеронъ былъ убѣжденъ въ необходимости сохранять, если не дружбу, то, по крайней мѣрѣ, внѣшнее согласіе съ Помпеемъ, ради пользы республики [1]). «Напрасно, пишетъ Цицеронъ къ Аттику въ 694 г., [2]) напрасно упрекаешь ты меня за мои близкія отношенія съ Помпеемъ. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ты думалъ, что я поступаю такъ изъ личныхъ видовъ; дѣло въ томъ, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, всякое несогласіе между нами неизбѣжно должно повлечь за собой междоусобіе въ республикѣ». Съ точки зрѣнія Цицерона, это не было однако компромиссомъ съ собственными принципами (какъ это случалось часто впослѣдствіи), не было, по собственному выраженію Цицерона, «отклоненіемъ отъ патріотическаго образа мыслей» [3]). Напротивъ, Цицеронъ думалъ, хотя, разумѣется, и слишкомъ самонадѣянно,—*повліять на Помпея*, повліять въ такомъ смыслѣ, чтобы склонить его къ «лучшему» образу мыслей, отклонивъ отъ «легкомысленной погони за популярностью». Вообще, говоритъ Цицеронъ въ другомъ письмѣ къ Аттику около этого же времени, [4]) я дѣйствовалъ во всемъ не такъ, чтобы, подлаживаясь къ нему, впадать въ легкомысліе, но такъ, чтобы онъ (Помпей), слѣдуя мнѣ, велъ себя съ бо́льшимъ достоинствомъ» [5]).

Какъ отвѣчалъ Помпей на такое отношеніе со стороны Цицерона? Въ іюлѣ 695 г. Цицеронъ пишетъ къ Аттику: [6]) «Помпей выказываетъ необычайную привязанность ко мнѣ». Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ къ тому же Аттику: [7]) «Помпей любитъ меня и очень со мной друженъ.... Онъ клянется, что скорѣе позволитъ убить себя, чѣмъ дастъ меня въ обиду». Въ искренности

---

[1]) 26. ad Att. II, 1. [2]) ib. [3]) ib. 6. [4]) 25. ad Att. I. 20. [5]) ib. 2. [6]) 45, 4. ad Att. II. 19. [7]) 46,1. ad Att. II. 20.

этихъ заявленій Цицеронъ не сомнѣвается; точнѣе: у него не хватаетъ духу не вѣрить заявленіямъ Помпея. «Вѣришь? спросишь ты, говоритъ онъ Аттику; [1])—вѣрю: слишкомъ убѣдительны его слова. Правда, люди, искусившіеся въ житейскомъ опытѣ (πραγματικοὶ *homines*), настоятельно совѣтуютъ и въ исторіяхъ и въ изреченіяхъ, въ стихахъ наконецъ,—совѣтуютъ быть осторожными и безусловно запрещаютъ вѣрить. Что касается до перваго—быть осторожнымъ—,то это я исполняю; но не вѣрить—нѣтъ, этого я въ не силахъ исполнить....»

Изгнаніе, которому подвергся Цицеронъ (въ 696 г.), кажется омрачило нѣсколько его дружественныя чувства къ Помпею, ибо Цицеронъ видѣлъ измѣну дружбѣ со стороны Помпея въ томъ, что послѣдній не заступился за него, вопреки своимъ прежнимъ обѣщаніямъ и увѣреніямъ [2]). Эта «измѣна» Помпея глубоко поколебала въ Цицеронѣ и прежнее его довѣріе къ нему. Еще такъ недавно у него не хватало духу не вѣрить Помпею, не вѣрить его искренности: теперь Цицеронъ не колеблется назвать его *лицемѣромъ* [3]). Впослѣдствіи, въ началѣ гражданской войны, Цицеронъ, вспоминая объ этомъ горестномъ фактѣ въ своей жизни, говоритъ въ письмѣ къ Аттику, въ апр. 705 г. [4]): «Они (Цезарь и Помпей) очень хорошо понимали, что *имъ нельзя было бы поступать по произволу своихъ страстей, еслибы они меня предварительно не изгнали*». Значитъ, Цицеронъ смотрѣлъ на Помпея въ этомъ дѣлѣ не только какъ на недостаточно усерднаго друга, но и какъ на личнаго своего врага, который не менѣе, чѣмъ Цезарь, былъ виновникомъ его изгнанія.

Если фактъ изгнанія Цицерона послужилъ причиной охлажденія его къ Помпею, то возвращеніе перваго изъ ссылки послужило къ возстановленію прежнихъ искреннихъ отношеній между ними, тѣмъ болѣе, что Помпей, по сознанію самого Цицерона, былъ главнымъ виновникомъ его возвращенія [5]). Въ первомъ же письмѣ по возвращеніи изъ изгнанія Цицеронъ пишетъ къ Аттику (въ сент. 697 г.): [6]) «Помпей объявилъ меня princeps'омъ и заявилъ, что на будущее время я во всемъ буду его alter ego».

---

[1]) ib. [2]) 60, 4. ad Q. fr. I. 4. [3]) 63,9. ad Q. fr. I. 3. [4]) 366, 1. ad Att. X. 4.
[5]) См. in Pison. 35; p. Milone 39; p. Sestio 74. [6]) 37,7. ad Att. IV. 1.

Въ началѣ слѣдующаго (698) года Цицеронъ пишетъ къ Лентулу: «Въ этотъ день (1 января) мнѣ случилось обѣдать у Помпея. Это былъ удобный случай для того, чтобы завязать съ нимъ разговоръ. Изъ этого разговора я вынесъ убѣжденіе, что Помпей ни о чемъ больше не думаетъ, какъ объ охраненіи твоей чести; когда я слушаю его рѣчи, я освобождаю его всякаго подозрѣнія въ честолюбивыхъ замыслахъ». [1]) Цицеронъ снова является въ своей исконной роли «*радѣтеля Помпея и блюстителя его чести*» [2]). Онъ «не перестаетъ убѣждать и умолять, ласково укорять и увѣщевать Помпея, чтобы онъ старался избѣгать дурной славы» [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Цицеронъ старается избѣгать всего, что могло бы послужить поводомъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ, и по возможности пытается «*удовлетворять желаніямъ Помпея*» [4])

Тѣмъ не менѣе, это далеко не было полнымъ возстановленіемъ прежнихъ отношеній, ибо, какъ съ грустью замѣчаетъ Цицеронъ [5]), и *Помпей уже пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде*». Цицеронъ не встрѣчалъ болѣе той дружеской откровенности со стороны Помпея, къ которой онъ привыкъ; онъ жалуется теперь на его «скрытность» [6]). И если въ вышеприведенномъ письмѣ Цицеронъ утверждалъ, что вѣритъ въ искренность Помпея, то въ другомъ письмѣ (къ Аттику, 698 г.) онъ, напротивъ, возвращается къ своему недавнему скептицизму и подозрѣваетъ Помпея въ лицемѣріи [7]). Чрезвычайно характерны для отношеній Цицерона къ Помпею въ данное время два письма перваго къ Лентулу [8]). Хотя въ этихъ письмахъ къ одному изъ почитателей Помпея Цицеронъ естественнымъ образомъ выдвигаетъ на первый планъ ту сторону своихъ отношеній, которая характеризуется дружбой, и замалчиваетъ другую, которая характеризуется болѣе или менѣе отрицательнымъ отношеніемъ къ Помпею, тѣмъ не менѣе, эти письма даютъ много любопытныхъ и характерныхъ свѣдѣній для нашего вопроса. Въ первомъ изъ названныхъ писемъ, Цицеронъ пишетъ между прочимъ: «Я, какъ ты мнѣ настоятельно совѣтовалъ, и какъ мнѣ подсказывало собственное со-

---

[1]) 93,4. ad Div. I. 2. [2]) Срв. 97. ad Q fr. II. 2. [3]) 148,11. ad Div. I. 9. [4]) 92,2. ad Div. I. 1. [5]) 97,3. ad Q. fr. II. 2. [6]) 104,5. ad Q. fr. II. 6. [7]) 100. ad Div. [8]) 119,1. ad Att. IV. 9. Срв. 192. ad Div. VIII. 1. [9]) 125. ad Div. I. 9. (*699* г.) и 148. ad Div. I. 9. (*700* г.).

знаніе долга, не говоря уже о моихъ симпатіяхъ къ Помпею и о пользахъ республики, — *всецѣло присоединяюсь къ видамъ того, кого ты считалъ необходимымъ привязать къ себѣ въ моихъ интересахъ*». Какъ понималъ Цицеронъ это «присоединеніе къ видамъ Помпея», это видно изъ непосредственно слѣдующихъ затѣмъ словъ Цицерона: «Не безъизвѣстно тебѣ, какъ тяжело отступать отъ своихъ политическихъ убѣжденій, въ особенности, когда увѣренъ въ ихъ правотѣ [1]). При всемъ томъ однако, я *стараюсь приноровиться къ настроенію того, противъ кого не могу оппонировать съ честью*», т. е. противъ Помпея. Итакъ, по собственному сознанію Цицерона, «присоединеніе его къ видамъ Помпея» не только не было результатомъ принципіальной солидарности, а, напротивъ, было до извѣстной степени компромиссомъ съ собственными политическими убѣжденіями. Компромиссъ этотъ объясняетъ самъ Цицеронъ такимъ образомъ. «Я не лицемѣрю, говоритъ онъ, [2]) какъ, быть можетъ, инымъ представляется; но я не въ силахъ устоять противъ собственнаго чувства; любовь къ Помпею до такой степени овладѣла моей душой, что все, что для него полезно, или чего онъ желаетъ, представляется мнѣ справедливымъ и истиннымъ. И сами противники его, думаю, не ошиблись бы, еслибы отказались отъ борьбы, въ которой не могутъ разсчитывать на побѣду (sic!). Что до меня, то я съ удовольствіемъ сознаю, что никому нѣтъ дѣла до того, буду ли я защищать то, что пожелалъ бы Помпей; буду ли молчать; или же наконецъ — что меня всего болѣе привлекаетъ — возвращусь снова къ моимъ любимымъ занятіямъ. Это послѣднее я и сдѣлаю, если то позволитъ мнѣ эта моя теперешняя дружба. Ибо то, что было для меня на первомъ планѣ въ то время, когда я пользовался почетомъ и вліяніемъ въ республикѣ,—гордое достоинство въ заявленіи собственныхъ мнѣній, свобода въ политической дѣятельности—, все это теперь исчезло. Но я потерялъ въ этомъ не больше, чѣмъ и всѣ другіе. Для всѣхъ существуетъ одна и та же дилемма: или, поступившись собственнымъ достоинствомъ, поддакивать немногимъ, или спорить, не достигая никакого результата. Я для того пишу тебѣ объ этомъ такъ подробно, чтобы

---

[1]) Срв. 108,1. ad Att. IV. 5. [2]) 125. ad Div. I. 8.

и ты подумалъ о собственномъ положеніи. Измѣнилось настроеніе сената, судовъ, всей республики. Что до меня, я чувствую, что мнѣ надобно отдохнуть. И мнѣ думается, что тѣ, въ рукахъ которыхъ теперь находится верховная власть, будутъ уступчивѣе, если нѣкоторые люди будутъ терпѣливѣе выносить ихъ господство. Теперь уже нечего думать объ этой *dignitas consularis* мужественнаго и непреклоннаго сенатора: она утрачена по винѣ тѣхъ, которые своимъ безтактнымъ образомъ дѣйствій оттолкнули отъ сената наиболѣе преданное сословіе и славнѣйшаго мужа (т. е. Помпея)» [1]). «Я люблю Помпея отъ всей души — свидѣтель тому ты первый, — люблю его не только по чувству благодарности за оказанныя имъ услуги, но изъ личнаго расположенія (*amore*) къ нему и изъ постояннаго, такъ сказать, убѣжденія» [2]).

Итакъ, мотивы примирительнаго, скажемъ болѣе—дружественнаго настроенія Цицерона по отношенію къ Помпею, заключаются, съ одной стороны, въ томъ, что ему, Цицерону, не хочется бороться противъ Помпея, какъ въ силу долга благодарности за прежнія услуги, такъ и въ силу инстинктивной симпатіи къ его личности, въ силу непреодолимой привязанности къ нему, которая заставляетъ его, Цицерона, вопреки собственнымъ убѣжденіямъ, видѣть въ желаніяхъ, въ волѣ Помпея въ нѣкоторомъ родѣ критерій правды и истины; такъ, съ другой стороны, и потому, что вообще онъ, Цицеронъ, не чувствуетъ склонности къ борьбѣ и желаетъ мира, покоя для себя, хотя бы для этого пришлось поступиться собственнымъ достоинствомъ (идеалъ Цицерона— *otium cum dignitate* [3])—такимъ образомъ разбился о дѣйствительность: избравъ первое, приходилось отказаться отъ послѣдняго). Далѣе, мотивомъ указаннаго настроенія служитъ сознаніе безполезности борьбы. Борьба эта можетъ проявиться въ двухъ формахъ: или въ формѣ простой оппозиціи, спора: тогда она безполезна, ибо не приведетъ ни къ чему; или въ формѣ открытой борьбы, междоусобной войны,—но тогда нельзя разсчитывать на побѣду.—Легко видѣть, какъ мало вяжутся между собою эти два мотива: разъ Цицеронъ не хочетъ бороться, и между прочимъ потому, что не считаетъ Помпея врагомъ,—тогда всякія соображенія отно-

[1]) 125. ad Div. I. 8. [2]) 148,6. ad Div. I. 9. [3]) ib.

сительно исхода борьбы и шансовъ на побѣду являются не только излишними, но до извѣстной степени противорѣчащими съ первымъ мотивомъ.

Итакъ, можно сказать, что Цицеронъ рѣшилъ «присоединиться къ видамъ Помпея» изъ *привязанности къ Помпею* и изъ *боязни нарушить собственный покой*. Эти двѣ черты настроенія Цицерона объясняютъ многое и въ слѣдующихъ отношеніяхъ его къ Помпею (а отчасти и къ Цезарю). А то обстоятельство, что подъ вліяніемъ этихъ мотивовъ, мотивовъ чисто субъективныхъ, Цицеронъ вступилъ въ компромиссъ съ собственными принципами, слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, какъ прецедентъ для подобныхъ же фактовъ въ позднѣйшей исторіи отношеній Цицерона къ Помпею, и еще болѣе—къ Цезарю.

Достойно замѣчанія то обстоятельство, что та часть переписки, которая наиболѣе изобилуетъ данными для характеристики отношеній Цицерона къ Цезарю, именно переписка 700 года, почти ничего не даетъ для характеристики его отношеній къ Помпею. И въ то время, какъ Цицеронъ обмѣнивался съ «своимъ Цезаремъ» [1]) пріятельскими письмами и восторгался любовью и любезностью Цезаря [2]), мимоходомъ брошенныя замѣчанія относительно Помпея обличаютъ въ нихъ авторѣ не особенно дружелюбныя чувства по отношенію къ послѣднему. Такъ, въ сентябрѣ 700 г. Цицеронъ пишетъ къ брату: [3]) «Помпей изо всѣхъ силъ хлопочетъ о томъ, чтобы возвратить себѣ прежнее мое къ нему расположеніе; но до сей поры его усилія не имѣли никакого успѣха и не будутъ имѣть его до тѣхъ поръ, пока я буду имѣть какую либо долю свободы.» [4]) Слѣдовательно, Цицеронъ противопоставляетъ Помпея и «свободу», какъ два противоположныя понятія, и становясь на сторону послѣдней, объявляетъ себя противникомъ перваго. Помпей не пользуется въ данную минуту «благорасположеніемъ» Цицерона, и Цицеронъ желаетъ, чтобы это положеніе продлилось какъ можно долѣе (такъ какъ онъ, конечно, желаетъ сохранить свободу какъ можно дольше). Интересенъ для насъ въ данномъ случаѣ тотъ фактъ, что *въ данную минуту*

---

[1]) 145. ad Div. VII. 10. [2]) 148 ad Div. I. 9.—150 ad Div. VII. 7.—158 ad Q. III. 8. [3]) 146, 15. ad Q. fr. III. 1. [4]) Срв. 134. ad Q. fr. II. 13.

отношенія Цицерона къ Помпею и къ Цезарю діаметрально противоположны тѣмъ, которыя мы находимъ немного позднѣе, въ началѣ гражданской войны. Тогда, какъ увидимъ ниже, Цицеронъ рѣшительнымъ образомъ становится на сторону Помпея, въ немъ видитъ якорь спасенія для себя и для всей республики, и объявляетъ рѣшительную войну Цезарю, въ которомъ видитъ врага республики и свободы. *Теперь*, мы видимъ, онъ точно такимъ образомъ смотритъ на Помпея, между тѣмъ какъ къ Цезарю относится не только дружелюбно, какъ къ своему личному другу, но почти восторженно, какъ къ герою и «самому благомыслящему мужу». [1]) Разница только въ томъ, что отношенія къ Помпею въ данную минуту не имѣютъ характера той непримиримой враждебности и того ожесточенія, какія мы послѣ увидимъ въ отношеніяхъ къ Цезарю,—и что, съ другой стороны, Цицеронъ не выказываетъ ни малѣйшей наклонности къ враждебнымъ *дѣйствіямъ* противъ Помпея, какъ это увидимъ впослѣдствіи относительно Цезаря. («Я вовсе не имѣю желанія сражаться съ Помпеемъ» [2]). И хотя Цицеронъ и говоритъ въ это время о «любви къ Помпею», какъ о дѣлѣ прошедшемъ, [3]) но онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы «пользоваться благорасположеніемъ Помпея» [4]). Конечно, какъ увидимъ, и относительно Цезаря, Цицеронъ не прочь былъ на дѣлѣ пользоваться и его благорасположеніемъ, но это онъ дѣлалъ, такъ сказать, украдкой, изподтишка, такъ, чтобы по возможности никто не замѣтилъ, что онъ играетъ въ captatio benevolentiae съ «врагомъ республики»; между тѣмъ какъ солидарность—хотя бы и внѣшнюю только—съ Помпеемъ онъ не только не думалъ скрывать, а, напротивъ, старался даже выставлять на показъ, аффишировать.

Такъ обстояло дѣло въ 700 году. Скудная переписка слѣдующихъ двухъ лѣтъ не даетъ почти ничего для характеристики отношеній Цицерона съ Помпеемъ за этотъ промежутокъ времени. Снова встрѣчаемся мы съ Помпеемъ только въ перепискѣ 703 г., именно въ первой половинѣ года, т. е. въ то время, когда «вопросъ о провинціяхъ» начиналъ занимать и волновать умы въ Рп-

---

[1]) 158. ad. Q. fr. III. 8. [2]) 151. ad Q. fr. II. 3. [3]) 148. ad Div. I. 9. [4]) 141. ad Q. fr. II. 15. Срв. 151. ad Q. fr. III. 2.

мѣ. Съ этого момента начинается новый фазисъ въ развитіи отношеній Цицерона, какъ къ Цезарю, такъ и къ Помпею, новый періодъ, существенно отличный отъ предъидущаго. Это моментъ, съ котораго начинается рѣшительный и довольно крутой поворотъ въ этихъ отношеніяхъ. По мѣрѣ развитія «вопроса о провинціяхъ» и по мѣрѣ возрастанія духа антаганизма противъ Цезаря со стороны сената и Помпея, Цицеронъ все болѣе и болѣе ста становится на ту точку зрѣнія, съ которой Цезарь представляется врагомъ республики, а Помпей ея защитникомъ, Цезарь злодѣемъ, Помпей героемъ. *Параллельно съ разочарованіемъ въ Цезарѣ идетъ идеализація Помпея въ представленіи Цицерона*, и Помпей съ каждой минутой выигрываетъ въ мнѣніи Цицерона настолько, насколько проигрываетъ Цезарь.

Въ первый разъ въ этомъ году (703) мы встрѣчаемся съ именемъ Помпея въ маѣ, въ письмѣ Цицерона къ Аттику. Изъ Венузіи, гдѣ Цицеронъ былъ проѣздомъ въ Киликію, Цицеронъ пишетъ о своемъ намѣреніи «побесѣдовать съ Помпеемъ относительно республики» [2]). По прибытію въ Тарентъ, гдѣ въ это время жилъ Помпей [3]), Цицеронъ рѣшилъ, въ ожиданіи Помптинія, провести нѣсколько дней у Помпея. Помпей, съ своей стороны, выразилъ свое удовольствіе по поводу этого намѣренія Цицерона и просилъ его бывать у него каждый день, на что Цицеронъ «охотно согласился». Онъ еще на пути въ Тарентъ уже заранѣе помышлялъ о томъ, чтобы «узнать кое-что отъ Помпея» [4]). Теперь онъ надѣялся «услышать отъ него много прекрасныхъ рѣчей относительно республики» [5]). Такого высокаго мнѣнія былъ въ эту минуту Цицеронъ о политическомъ смыслѣ человѣка, котораго онъ еще недавно квалифицировалъ, какъ человѣка пустаго и ни на что неспособнаго. Для насъ важны въ данномъ случаѣ не столько самыя бесѣды, которыя велъ Цицеронъ съ Помпеемъ втеченіе трехъ дней [6]), о содержаніи которыхъ, къ тому же, Цицеронъ, вопреки своему обѣщанію, ничего не пишетъ къ Аттику и даже заявляетъ, что рѣчи эти «nec possunt scribi, nec scri-

---

[1]) 188. ad Att. V. 5. [2]) ib. 2. [3]) 185. ad Att. V. 2 (кон). 189, 1. ad Att. V. 6. 188, 2. ad Att. V. 5. [4]) 185. ad Att. V. 2. [5]) 189, 1. ad Att. V. 6. [6]) 190, 1. ad Att. V. 7.

benda sunt»,—для насъ важны, говоримъ мы, не столько самыя бесѣды, сколько тотъ результатъ, къ которому пришелъ Цицеронъ относительно Помпея послѣ этихъ трехдневныхъ разговоровъ съ нимъ. «*Помпей превосходный гражданинъ* [1]) *и онъ готовъ какъ нельзя болье къ тому, чтобы защитить республику отъ всякой случайности*» [2]). Еще недавно Цицеронъ подозрѣвалъ Помпея въ лицемѣріи. Теперь въ письмѣ къ Аттику [3]) онъ рѣшительно протестуетъ противъ употребленнаго послѣднимъ эпитета «лицемѣръ» (*dissimulans*) по отношенію къ Помпею. Никогда еще такъ настойчиво, въ такой рѣшительной формѣ и такимъ восторженнымъ тономъ, не выражалъ Цицеронъ своей привязанности, своей преданности Помпею и удивленія предъ нимъ. Эти выраженія можно сравнить развѣ только съ тѣми, которыя мы читали въ письмахъ 700 г. по адресу Цезаря. «Помпей, пишетъ Цицеронъ къ Аттику въ апрѣлѣ 704 г., [4]) онъ, право, съ каждымъ днемъ становится для меня дороже». «Ты знаешь, пишетъ онъ въ томъ же мѣсяцѣ къ Целію, [5]) «что *я весь принадлежу Помпею*». Или въ другомъ письмѣ, къ Аппію Клавдію [6]): «Я бы не желалъ, чтобы насталъ такой моментъ, когда бы ты имѣлъ случай убѣдиться, какъ высоко цѣню я тебя и Помпея, который для меня всего дороже на свѣтѣ».—(Письмо къ Целію въ іюлѣ 704 г.) [7]): «За Помпея я готовъ на смерть».

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаемъ у Цицерона *крайній оптимизмъ относительно состоятельности Помпея, какъ защитника республики*, вопервыхъ, относительно его приготовленности на случай войны, вовторыхъ, относительно его опытности и способности какъ полководца. Въ первомъ отношеніи Цицеронъ еще гораздо ранѣе считалъ Помпея вполнѣ приготовленнымъ, именно, еще въ то время, когда онъ имѣлъ свиданіе съ нимъ въ Тарентѣ, въ маѣ 703 г. Уже тогда онъ находилъ, что «этотъ превосходный гражданинъ вполнѣ приготовленъ къ тому, чтобы отвратить угрожающую опасность» [8]). Въ мартѣ 704 г. Цицеронъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе своего друга о томъ, что «*на Помпея слѣ-*

---

[1]) Срв. 252. ad Att. VI. 1. [2]) 199. ad Div. II. 8. [3]) 252, 11. ad Att. VI. 1. [4]) 256, 10. ad Att. VI. 5. [5]) 257, 2. ad Div. II. 13. [6]) 261, 2. ad Div. III. 10. [7]) 273, 2. ad Div. II. 15. [8]) 190. ad Att. V. 7.

дуетъ возлагать всю надежду на умиротвореніе» [1]). Три мѣсяца спустя, въ іюнѣ, Цицеронъ писалъ Аппію Клавдію [2]): «Вижу, что опасность въ сущности не такъ велика, какъ я подозрѣвалъ, и что наши военныя силы гораздо болѣе значительны, если, какъ ты пишешь, всѣ силы государства отданы въ руки Помпея». Цицеронъ до самаго почти начала гражданской войны упорно держался этой оптимистической увѣренности въ силахъ Помпея. Еще въ концѣ 704 г., т. е. уже совсѣмъ накапунѣ войны, онъ почти съ подобострастіемъ говоритъ объ «этомъ храбромъ и опытномъ мужѣ, съ такимъ авторитетомъ и такой политической проницательностью» [3]).

Но и здѣсь опять мы встрѣчаемъ то же противорѣчіе, ту же раздвоенность въ отношеніяхъ Цицерона къ Помпею, какъ и ранѣе. При всемъ этомъ оптимистическомъ настроеніи Цицерона, мы находимъ въ отношеніяхъ его къ Помпею элементы совершенно другаго порядка, элементы, находящіеся въ рѣшительномъ, непримиримомъ противорѣчіи съ этимъ общимъ настроеніемъ Цицерона, и, въ частности, съ тѣми его заявленіями, примѣры которыхъ были приведены выше. Какъ могъ, напримѣръ, Цицеронъ совмѣщать въ своемъ представленіи о Помпеѣ идею защитника республики и «превосходнаго гражданина» съ идеей тиранна, врага республики, этого мы не беремся объяснять, но мы не можемъ обойти молчаніемъ этого факта. Въ концѣ 704 г. Цицеронъ въ письмѣ къ Аттику [4]), обсуждая положеніе дѣлъ въ данную минуту, ставитъ вопросъ: «Что же дѣлать?» [5]) Цицеронъ приходитъ къ томуре зультату, что предстоитъ выбирать одно изъ двухъ: или сражаться съ Цезаремъ, или уступить ему. «Сражайся лучше, чѣмъ быть рабомъ, говоришь ты», предусматриваетъ Цицеронъ возраженіе со стороны Аттика и отвѣчаетъ на него возраженіемъ же: «Для чего? Для того, чтобы *подвергнуться проскрипціи въ случаѣ пораженія, или сдѣлаться рабомъ въ случаѣ побѣды?*» [6]) Мысль Цицерона, не смотря на форму, въ которую онъ ее облекъ, форму намека, тѣмъ не менѣе, вполнѣ прозрачна. Цицеронъ хочетъ сказать, что если побѣдитъ Цезарь, будутъ про-

[1]) 252. ad Att. VI. 1. [2]) 265. ad Div. III. 11. [3]) 299. ad Att. VII. 8. [4]) 298. a Att. VII. 7. [5]) ib. 6. [6]) ib. 7.

скрипціи, а если побѣдитъ Помпей, будетъ тираннія съ одной стороны, рабство съ другой. Болѣе категорически выражаетъ Цицеронъ эту мысль въ другомъ письмѣ къ Аттику [1]): «Необходимъ миръ», говоритъ онъ, и поясняя свою мысль, прибавляетъ: «Побѣда (т. е. побѣда Цезаря ли, или Помпея, все равно) не принесетъ съ собою ничего добраго: *первымъ результатомъ ея будетъ водвореніе тираніи*». И что такое, по взгляду Цицерона, вся эта исторія, эта борьба между Цезаремъ и Помпеемъ? Мы видѣли, что одно время Цицеронъ трактовалъ перваго, какъ врага республики, послѣдняго какъ ея защитника. Но какихъ-нибудь нѣсколько дней спустя, Помпей оказывается такимъ же врагомъ республики, какъ и Цезарь. «*За власть, за собственную власть борются люди* (т. е. Цез. и Помп.) въ данную минуту, *къ великому ущербу для государства*». (Письмо къ Аттику отъ 8 декабря 704 г.) [2]).

Что подобныя сейчасъ приведеннымъ заявленія не были результатомъ минутнаго настроенія, это уже a priori ясно изъ того, что они имѣли своей подкладкой не мимолетное чувство, а извѣстный, болѣе или менѣе прочно установившійся, принципъ (принципъ старой римской республиканской свободы); но это подтверждается и фактическими наблюденіями. Если мы, отправившись отъ этихъ ясно выраженныхъ заявленій, обратимся нѣсколько назадъ, къ предшествующей перепискѣ, то мы припомнимъ тѣ или другія вскользь брошенныя замѣчанія и намеки, которые ранѣе не остановили на себѣ нашего вниманія, но которые теперь представляются намъ въ новомъ свѣтѣ. Мы не будемъ останавливаться на разныхъ мелкихъ замѣчаніяхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что указанное отрицательное отношеніе къ Помпею, хотя и въ различной степени, но всегда имѣло мѣсто въ отношеніяхъ къ нему Цицерона, укажемъ только на одно, сравнительно крупное явленіе въ этомъ родѣ. Въ іюлѣ 704 г. Цицеронъ въ письмѣ къ Целію [3]), оправдывая свой выборъ временнаго преемника себѣ въ Киликіи въ лицѣ К. Целія, [4]) очень еще молодаго человѣка, приводитъ въ свое оправданіе, между прочимъ, слѣдующее соображеніе: «Да, наконецъ, говоритъ онъ, [5]) я поступилъ въ данномъ

[1]) 296. ad Att. VII. 5. [2]) 294. ad At. VII. 3. [3]) 273. ad Div. II. 15. [4]) Не нужно смѣшивать съ *M. Целіемъ*, извѣстнымъ корреспондентомъ Цицерона. [5]) ib 4.

случаѣ не столько по собственному своему почину, сколько по примѣру двухъ нашихъ властителей (разумѣются Цез. и Помп.), которые души не чаютъ во всѣхъ этихъ Кассіяхъ и Антоніяхъ. Вотъ почему я хотѣлъ привлечь къ себѣ, или лучше сказать, не хотѣлъ оттолкнуть отъ себя этого молодаго человѣка». Цицеронъ намекаетъ въ данномъ случаѣ на то обстоятельство, что Помпей и Цицеронъ назначили «безъ жребія», т. е. по собственному произволу, легатами—первый Кассія, второй Антонія [1]). Но для насъ важно отмѣтить въ приведенномъ отрывкѣ именно это *отрицательное* отношеніе Цицерона къ Помпею, котораго онъ въ данномъ случаѣ ставитъ на одну доску съ Цезаремъ.

Таковы были отношенія Цицерона къ Помпею наканунѣ гражданской войны, насколько они высказываются въ его *взглядахъ* на послѣдняго. Но, говоря о Цицеронѣ, приходится всегда строго различать между его взглядами и поведеніемъ, между образомъ мыслей и образомъ дѣйствій. Дѣйствительно, если мы теперь обратимся къ вопросу о *поведеніи* Цицерона по отношенію къ Помпею, то не найдемъ въ немъ ничего общаго съ этимъ полунедовѣрчивымъ, полувраждебнымъ отношеніемъ. Цицеронъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ программу своихъ дѣйствій въ спорѣ между Цезаремъ и Помпеемъ, и въ частности — свое поведеніе въ отношеніи къ Помпею. «Какъ бы то ни было, пишетъ онъ къ Аттику въ декабрѣ 704 г. [2]),—но разъ дѣло дошло до этого (т. е. до открытаго столкновенія между Пом. и Цез.), для меня не существуетъ вопроса: *«гдѣ корабль Атридовъ?» Для меня существуетъ только одинъ корабль: тотъ, которымъ управляетъ Помпей*». Итакъ, Цицеронъ рѣшительно и безусловно примыкаетъ (въ вопросѣ объ *образѣ дѣйствій*) къ партіи Помпея, къ «кораблю, которымъ правитъ Помпей». Но онъ идетъ еще далѣе въ этомъ направленіи: онъ ставитъ свой образъ дѣйствій въ прямую и безусловную зависимость отъ образа дѣйствій Помпея, отъ его воли, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ того же письма. «Ты желаешь, говоритъ онъ, знать, что̀ будетъ въ ту минуту когда будутъ произнесены эти слова: «*dic M. Tulli!*» (т. е. когда въ се-

---

[1]) 276. ad Att. VI. 6. [2]) 294,5.ad Att. VII. 3.

натѣ придется высказаться по вопросу о Цезарѣ) [1]). Мой отвѣтъ кратокъ и ясенъ (σύντομα): «*Я солидаренъ съ Помпеемъ*» (*Cn. Pompejo assentior*). Эту же мысль почти буквально повторяетъ Цицеронъ въ другомъ письмѣ къ Аттику, писанномъ нѣсколькими днями позднѣе перваго; [2]) въ менѣе категорической формѣ эта мысль была высказана имъ еще ранѣе, именно, въ октябрѣ 704 г. [3]). Итакъ, Цицеронъ, можно сказать, торжественно *отказывается отъ той свободы образа мыслей и дѣйствій*, которой онъ, по его словамъ, всего болѣе дорожилъ. Къ чести его, нужно замѣтить, что на дѣлѣ онъ оказался гораздо болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по этимъ его словамъ.

Какія же соображенія, какіе мотивы привели Цицерона къ подобному рѣшенію? Принципіальная солидарность съ Помпеемъ? Но какая, спрашивается, могла быть солидарность идей у такого энтузіаста республиканской свободы, какимъ былъ Цицеронъ, съ такимъ кандидатомъ въ деспоты, какимъ представлялся ему Помпей?... Да и самъ Цицеронъ прямо заявляетъ въ одномъ изъ писемъ къ Аттику, относящемся къ этому же времени (конецъ 701 г.) [4]), что *солидарность образа дѣйствій*, которую онъ имѣлъ въ виду относительно Помпея, вовсе *не была слѣдствіемъ принципіальной солидарности съ послѣднимъ*, — что, напротивъ, если она имѣла мѣсто, то *вопреки существующему между ними принципіальному антагонизму*. Высказываетъ Цицеронъ эту мысль въ такой прямолинейно-откровенной формѣ, которая представляется намъ болѣе, чѣмъ неожиданной. Вотъ что пишетъ онъ между прочимъ въ названномъ письмѣ къ Аттику: [5]) «Ты спросишь меня, какого я буду мнѣнія (относительно вопроса о Цезарѣ). Отвѣчаю: не того, которое буду высказывать. *Думать* буду, что слѣдуетъ стараться о томъ, чтобы не доводить дѣло до оружія; *говорить* же буду то, что будетъ говорить Помпей». А Помпей, какъ мы видѣли, былъ столько же безусловно *противъ* мира, сколько Цицеронъ *за* миръ. Интересны тѣ мотивы, которые привели Цицерона къ этому, по меньшей мѣрѣ странному, рѣшенію. «Мнѣ, говоритъ онъ, менѣе, чѣмъ всякому другому, удобно въ такомъ важномъ вопросѣ рас-

---

[1]) Срв. 284. ad Att. VII. 1. [2]) 298,7. ad Att. VII. 7. [3]) 284,4. ad Att. VII. 7. [4]) 297. ad Att. VII. 6. [5]) ib. 2.

ходиться съ Помпеемъ». Но почему «неудобно», Цицеронъ не объясняетъ. Въ другомъ мѣстѣ [1]) Цицеронъ выражается такимъ образомъ, что ему, Цицерону, «стыдно не только Помпея, но и Троянъ съ Троянками (т. е. «патріотовъ») и Полидама (т. е. Аттика), который первый упрекнетъ его, Цицерона, въ случаѣ если бы онъ сталъ думать иначе», т. е. еслибы сталъ въ оппозицію противъ Помпея. Эти слова Цицерона дѣлаютъ для насъ понятнымъ, почему онъ считалъ «неудобнымъ» (*non rectum*) и постыднымъ (αἰδέομαι) быть въ оппозиціи (*dissidere*) съ Помпеемъ: ему хотѣлось избѣжать упрека (ἐλεγχείη), вопервыхъ въ измѣнѣ Помпею, своему другу, вовторыхъ, въ измѣнѣ «патріотамъ» (Τρῶες καὶ Τρῳάδες), составлявшимъ экипажъ Помпеева «корабля»,—разрывъ съ которыми Цицеронъ считалъ настолько же предосудительнымъ, насколько естественнымъ союзъ съ ними. Эта послѣдняя мысль чрезвычайно характерно высказана имъ въ письмѣ къ Аттику около этого же времени. «Итакъ, спросишь ты, что же ты думаешь дѣлать? Отвѣчаю: то же, что дѣлаетъ скотъ, когда ходитъ стадами. *Какъ корова идетъ за коровьимъ стадомъ, такъ я пойду за патріотами; пойду и не отстану отъ нихъ, даже если они понесутся очертя голову....*» [2]) Впослѣдствіи мы увидимъ, что Цицеронъ обнаружилъ въ себѣ гораздо болѣе самостоятельности, чѣмъ онъ самъ приписываетъ себѣ въ сейчасъ приведенныхъ словахъ. Мы увидимъ, что онъ, вопреки своимъ обѣщаніямъ, отсталъ отъ «стада патріотовъ» въ самомъ же началѣ войны, и всего менѣе думалъ о томъ, чтобы «нестись» съ ними «очертя голову».

Въ общемъ, приходится отмѣтить тотъ фактъ, что отношенія, въ какія сталъ Цицеронъ къ Помпею, частію вслѣдствіе независящихъ обстоятельствъ, частію вслѣдствіе личнаго почина, были столько же неопредѣленны и двусмысленны, какъ и отношенія его къ Цезарю. Но положеніе Цицерона было двусмысленно по отношенію къ нимъ обоимъ еще и въ другомъ смыслѣ. Какъ бы тамъ ни было, а Цицеронъ былъ всегда другомъ и съ Помпеемъ и съ Цезаремъ, и если политическія комбинаціи послѣдняго времени поселили въ немъ извѣстное оппозиціонное, враждебное настроеніе, особенно по отношенію къ послѣднему изъ нихъ, то

---

[1]) 284,4. ad Att. VII. 1. [2]) 298,7. ad Att. VII. 7.

все-таки этотъ антагонизмъ ограничивался пока сферой принципіальныхъ отношеній, а если коснулся отчасти и личныхъ отношеній, то, во всякомъ случаѣ, былъ еще далекъ отъ личной вражды и ненависти. И Цицеронъ, уже въ то время, когда онъ ясно провидѣлъ въ Цезарѣ и Помпеѣ двухъ союзниковъ-тирановъ, все еще продолжалъ, съ піэтетомъ истаго римлянина добраго стараго времени, считать себя связаннымъ съ тѣмъ и другимъ узами прежней дружбы, и, во имя этихъ узъ, не считалъ себя въ правѣ выступить противникомъ—Цезаря ли, или Помпея—все равно: въ томъ и другомъ случаѣ, это было бы нарушеніемъ вѣрности, преступленіемъ противъ долга дружбы, заслуживающимъ осужденія собственной совѣсти и упрека со стороны всѣхъ честныхъ людей [1]). Въ добавокъ всего, каждый изъ соперниковъ — Цезарь и Помпей— одинаково заявляли подобный же піэтетъ по отношенію къ Цицерону, какъ къ своему другу [2]). Почти наканунѣ войны, во второй половинѣ октября, Цицеронъ получилъ два письма въ одинъ и тотъ же день: одно было отъ Помпея, другое отъ Цезаря; содержаніе обоихъ писемъ было одинаково: «*И тотъ и другой считаютъ меня своимъ*».—«*Тотъ и другой одинаково горячо увѣряютъ въ своей безграничной дружбѣ и преданности*». Каково было теперь положеніе Цицерона, когда эти два человѣка, съ которыми онъ считалъ себя одинаково связаннымъ узами дружбы, и каждый изъ которыхъ предъявлялъ право на его дружбу, — каково было теперь положеніе Цицерона, когда эти два человѣка готовились на смертельный бой другъ съ другомъ,—чувствовать вполнѣ это могъ только самъ Цицеронъ...

Можно послѣ этого понять всю глубину того трагизма, который заключался для Цицерона въ этомъ лаконическомъ вопросѣ— *dic M. Tulli?*—,на который онъ, въ качествѣ сенатора, не сегодня-завтра долженъ будетъ дать такой же лаконическій, точный, категорическій отвѣтъ. Мы видѣли, что роковой вопросъ этотъ Цицеронъ такъ и оставилъ пока безъ отвѣта [3]) и думалъ лишь о томъ, чтобы по возможности дальше отодвинуть тотъ рѣшительный моментъ, когда придется все-таки сказать наконецъ свое «да» или

---

[1]) 284,2.ad Att. II. 1. [2]) ib. 3. [3]) 294. ad Att. VII. 3.—298. ad Att. VII. 7.

«нѣтъ»... Нужно, впрочемъ, замѣтить, что колебанія Цицерона относятся только къ конституціонной борьбѣ противъ Цезаря, къ борьбѣ въ сенатѣ, «ибо, говоритъ онъ, [1]) *если дѣло дойдетъ до открытой войны, для меня ясно, что лучше потерпѣть пораженіе съ однимъ, чѣмъ побѣдить съ другимъ*». Цицеронъ не называетъ имени; но ясно, что онъ говоритъ о Помпеѣ, съ которымъ онъ хотѣлъ «или побѣдить или умереть за свободу» [2])...

---

[1]) 284, 2. ad Att. VII. 1. [2]) 300. ad Att. VII. 9. кон.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Переписка 705 года (январь—іюнь).

Отъ прибытія Цицерона въ Римъ въ январѣ до бѣгства его изъ Италіи въ іюнѣ. (Обнимаетъ собою исторію Цезаря отъ начала гражданской войны до первой половины 1-й Испанской войны).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Громадное большинство писемъ настоящаго отдѣла переписки составляютъ письма Цицерона къ Аттику, именно, 53 изъ всего количества писемъ этого отдѣла 85 (съ 301 по 385 въ изд. *Billerbeck'a*). Остальныя 32 письма составляютъ частію письма самого же Цицерона, только не къ Аттику, а къ другимъ лицамъ, частію состоятъ изъ писемъ этихъ послѣднихъ (къ Цицерону и другимъ). Именно, 15 писемъ Цицерона распредѣляются слѣдующимъ образомъ между отдѣльными корреспондентами:

Къ Теренціи ....3 письма.
« Тирону.....столько же
« Помпею .....2 письма.
Сер. Сульпицію..столько же.
« Месц. Руфу ..столько же.
« Цезарю.....1 письмо.
« Целію.....тоже.
« Терму.....тоже.

Изъ остальныхъ 17 писемъ особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя группируются вокругъ именъ Цезаря и Помпея. Кро-

мѣ одного вышеупомянутаго письма Цицерона къ Цезарю, мы имѣемъ шесть писемъ самого Цезаря; изъ нихъ:

къ Цицерону . . . . 4 письма.
« Оппію . . . . . 2 письма.

Далѣе, кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ писемъ Цицерона къ Помпею, мы имѣемъ шесть писемъ самого Помпея, именно:

къ Домицію . . . . . 3 письма
« Цицерону . . . . 2 письма, или собственно *три*, такъ какъ одно письмо Помпея, приведенное Цицерономъ въ своемъ письмѣ къ Аттику, [1]) не входитъ въ общую нумерацію писемъ,—

къ консуламъ . . . . 1 письмо.

Остальныя 5 писемъ:

Письма Целія къ Цицерону—2; Кв. Цицерона къ Тирону—1; Антонія къ Цицерону—1; Мація и Требація къ нему же—1.

Мы застаемъ Цицерона въ Римѣ, въ первой половинѣ января [2]), гдѣ видимъ его до 17 января включительно [3]). За эти восемь дней мы имѣемъ всего четыре письма, все письма самого Цицерона: два къ своимъ семейнымъ, одно къ Аттику (значитъ, Аттикъ, который во 2-й половинѣ сентября предъидущаго года возвратился изъ Эпира въ Италію [4]), находился въ настоящую минуту внѣ Рима) и одно къ Месцинію Руфу. Затѣмъ мы встрѣчаемъ Цицерона послѣдовательно: въ Форміяхъ (передъ этимъ было имъ написано одно письмо съ дороги къ Аттику, 19 янв.), откуда пишетъ 21 янв. письмо къ Аттику (одно) (здѣсь онъ видѣлся съ Лентуломъ) [5]); затѣмъ въ Минтурнахъ (гдѣ видѣлъ пришедшаго отъ Юл. Цезаря Луція Цезаря) [6]), откуда 23 янв. пишетъ письмо къ своимъ семейнымъ (одно); 24–25 янв. видимъ Цицерона въ Cales, откуда имѣемъ два его письма къ Аттику (отъ 24—25 янв.); далѣе, мы встрѣчаемъ Цицерона въ Капуѣ, гдѣ онъ находится три дня въ качествѣ ἐπίσκοπος'а по набору солдатъ [7]), три дня—съ 25 до 28 янв.; отсюда мы имѣемъ всего

---

[1]) 329. ad Att. VIII. 5. [2]) 301. ad Div. XVI. 11. [3]) 303. ad Att. VII. 10. [4]) 282. ad Att. VI. 9. [5]) 305. ad Att. VII. 12. [6]) 307. ad Att. VII. 13. [7]) 304. ad Att. VII. 11.—308. ad Att. VII. 14.—309. ad Att. VII. 15.—310. ad Div. XVI. 12.

два его письма: къ Аттику и къ Тирону. Съ 28 янв. до 4 февр. мы видимъ Цицерона опять въ Форміяхъ, откуда имъ написаны пять писемъ: 3 къ Аттику и 2 къ семейнымъ. Съ 4 по 7 февр. Цицеронъ снова живетъ въ Капуѣ, по порученію Помпея [1]). Отсюда мы имѣемъ всего одно письмо Цицерона къ Аттику, уже изъ Cales. На другой день мы встрѣчаемся съ Цицерономъ въ Форміяхъ, гдѣ онъ и поселяется на этотъ разъ до конца марта, выѣзжая по временамъ только въ свой подгородный Formianum. Этотъ почти пятидесятидневный промежутокъ времени представляетъ самый плодотворный періодъ во всемъ данномъ отдѣлѣ переписки. Мы имѣемъ за этотъ періодъ 40 писемъ, въ числѣ которыхъ есть и письма другихъ лицъ (не Цицерона). Къ этому времени относятся всѣ письма, группирующіяся около имени Цезаря (т. е. пис. Цезаря и пис. къ Цезарю), за исключеніемъ одного, писаннаго изъ Cumanum'a [2]), и всѣ (безъ исключенія) письма, группирующіяся вокругъ имени Помпея. Начиная съ конца марта, мы встрѣчаемъ Цицерона послѣдовательно: въ Arpinum'ѣ, откуда имѣемъ два его письма къ Аттику: отъ 29 и 31 марта; далѣе, отъ 3 апрѣля имѣемъ письмо Цицерона къ Аттику изъ Larinum'a (помѣстье брата Квинта); затѣмъ, три письма отъ 5, 6 и 7 апр. изъ Arcanum'a (тоже къ Аттику). Тутъ Цицеронъ теряется изъ вида на нѣсколько дней, пока, наконецъ, 13 апр. встрѣчаемся съ нимъ въ Formianum'ѣ, откуда онъ пишетъ письмо къ Сер. Сульпицію (одно). Послѣ 13 апр. и до 20 мая видимъ Цицерона въ его Cumanum'ѣ, «поглядывающимъ на море» и собирающимся «улетѣть» изъ Италіи. За этотъ промежутокъ времени мы имѣемъ 21 письмо, изъ которыхъ 19 принадлежатъ перу Цицерона (большинство къ Аттику), остальныя два: одно письмо Цезаря къ Цицерону, другое Антонія къ нему же.

Наконецъ, послѣ двадцатидневнаго промежутка, втеченіе котораго Цицеронъ скрывается изъ нашихъ взоровъ, мы снова встрѣчаемся съ нимъ 11 іюня въ Гаэтской гавани, откуда, съ корабля, онъ пишетъ письмо къ своимъ семейнымъ (одно), послѣднее въ нашемъ отдѣлѣ переписки. Вслѣдъ затѣмъ въ перепискѣ слѣдуетъ перерывъ, пробѣлъ вплоть до февраля слѣдующаго, 706 г.

---

[1]) 334. ad Att. VIII. 10. B.—314. ad Att. VII. 17. [2]) 374. ad Att. X. 8. B.

Существенное отличіе этого отдѣла переписки отъ предъидущаго заключается въ томъ, что въ это время она окончательно и всецѣло проникается политическимъ интересомъ минуты, т. е. тѣмъ интересомъ, который вертится вокругъ личности Цезаря. Если частно-дѣловой и фамильярно-семейный элементъ играетъ еще большую сравнительно роль въ перепискѣ предшествующаго отдѣла, то здѣсь онъ сокращается до минимума, почти окончательно подавляется тѣмъ элементомъ, который собственно и представляетъ для насъ историческій интересъ. Во всемъ настоящемъ отдѣлѣ нельзя найти почти ни одного письма, которое бы не носило на себѣ болѣе или менѣе явственныхъ слѣдовъ политической злобы того дня, къ которому оно относится; даже бо́льшая часть фамилярно-семейныхъ писемъ не свободны отъ вліянія этой послѣдней.

Однимъ словомъ, вся переписка настоящаго отдѣла проникнута всецѣло однимъ духомъ, духомъ политическаго интереса минуты, который здѣсь является въ полномъ смыслѣ слова всепоглощающимъ, — предъ которымъ отходятъ на задній планъ и почти совершенно ступевываются всѣ другіе интересы; даже такъ много занимавшій и волновавшій Цицерона во время его возвратнаго пути изъ Киликіи въ Италію вопросъ, вопросъ о тріумфѣ,—отходитъ здѣсь въ тѣнь и скоро совершенно забывается Цицерономъ для другихъ, болѣе важныхъ и болѣе жгучихъ вопросовъ, тѣхъ вопросовъ, которые не потеряли своего значенія, своего интереса втеченіе вѣковъ, — которые сдѣлались вѣчнымъ достояніемъ исторіи. Поэтому въ этомъ отдѣлѣ переписки мы не находимъ *почти ни одного письма, которое бы такъ или иначе не имѣло историческаго значенія.* Того, что историкъ съ своей точки зрѣнія назвалъ бы балластомъ, въ этомъ отдѣлѣ переписки менѣе, чѣмъ въ каждомъ изъ остальныхъ. Можно, не впадая въ особенное преувеличеніе, сказать, что *почти каждое письмо настоящаго отдѣла есть страница изъ исторіи этого времени* (а, слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ—и изъ исторіи Цезаря). А если мы при этомъ приведемъ себѣ на память результатъ нашихъ наблюденій относительно сравнительной полноты (оживленности, напряженности) переписки различныхъ ея отдѣловъ,—результатъ, по которому, какъ мы видѣли, настоящій отдѣлъ переписки (705 г.) ока-

зывается стоящимъ въ этомъ отношеніи выше всѣхъ остальныхъ (за исключеніемъ 6-го отдѣла), — если мы припомнимъ это, то для насъ станетъ понятнымъ, почему мы находимъ въ немъ этихъ историческихъ страницъ больше, чѣмъ въ любомъ изъ прочихъ отдѣловъ. Необходимо, впрочемъ, сдѣлать при этомъ слѣдующую оговорку. Какъ ни малъ промежутокъ времени, обнимаемый настоящимъ отдѣломъ переписки (6 мѣсяцевъ), тѣмъ не менѣе, приходится и въ немъ различать, по крайней мѣрѣ, двѣ части, почти равныя по времени, имъ обнимаемому, но неравныя по объему и значительно разнящіяся по своей исторической содержательности, по богатству и цѣнности заключающагося въ нихъ историческаго матерьяла. Къ первой части слѣдуетъ отнести всѣ письма, относящіяся къ первымъ тремъ мѣсяцамъ 705 г. и къ первымъ числамъ апрѣля, однимъ словомъ—до момента удаленія Цезаря изъ Италіи (въ Испанію). Собственно за эти три съ небольшимъ мѣсяца переписка достигаетъ той оживленности, которая не имѣетъ себѣ аналогіи во всей остальной перепискѣ и которая ставитъ настоящій отдѣлъ ея выше всѣхъ остальныхъ. Къ этой по преимуществу части и слѣдуетъ отнести то, что было сказано выше относительно исторической цѣнности этого отдѣла переписки.

Объясненіе этому слѣдуетъ, кажется, искать въ томъ обстоятельствѣ, что все это время Цицеронъ былъ очень близко къ самому театру событій: мы видѣли, что все это время Цицеронъ жилъ безвыѣздно въ Италіи. Такъ что можно сказать, что *всѣ событія этого времени*, связанныя съ именемъ Цезаря, *совершались на глазахъ Цицерона*. Близость эта къ театру событій отразилась на перепискѣ въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, она дѣйствовала возбуждающимъ образомъ на Цицерона, завоевывала его вниманіе и направляла его всецѣло и безраздѣльно въ одну сторону, въ сторону, именно, этихъ историческихъ событій, «въ водоворотъ которыхъ» — *in discrimen rerum*, — по собственному его выраженію, онъ былъ волей-неволей втянутъ. Съ другой стороны, благодаря тому, что событія совершались, такъ сказать, на его глазахъ, съ нимъ на этотъ разъ не случилось того, что мы увидимъ, напримѣръ, въ 708 году, когда Цицерону, вслѣдствіе отдаленности отъ театра событій, приходилось наполнять свои

письма почти одними своими личными эмоціями и размышленіями по поводу прошедшихъ или ожидаемыхъ событій: здѣсь, напротивъ, Цицеронъ могъ заносить на страницы своихъ писемъ конкретные факты—притомъ въ самомъ, такъ сказать, свѣжемъ видѣ, снятые, схваченные прямо съ натуры. Первому обстоятельству мы обязаны полнотой переписки, послѣднему—цѣнностью ея историческаго содержимаго. Еслибы, поэтому, мы захотѣли приложить приведенныя нами въ самомъ началѣ слова Корн. Непота относительно историческаго значенія переписки Цицерона спеціально къ первой части настоящаго отдѣла переписки, намъ бы не пришлось сдѣлать никакой оговорки, потому что, дѣйствительно, какъ мы убѣдимся изъ нижеслѣдующаго изложенія историческихъ данныхъ переписки этого отдѣла, мы имѣемъ въ ней, за самыми ничтожными исключеніями, *полную исторію Цезаря за первые три мѣсяца 705 года.* (Не нужно однако забывать, что, вѣдь, это только *три мѣсяца*).

Съ удаленіемъ Цезаря изъ Италіи (въ началѣ апрѣля 705 г.), и переписка теряетъ ту оживленность и ту историческую содержательность, какую она имѣла передъ тѣмъ, когда исторія Цезаря совершалась въ самой Италіи. Съ той минуты, какъ Цезарь исчезаетъ изъ глазъ Цицерона, до насъ доносится только неясное, отдаленное эхо того, что онъ дѣлалъ, и что было съ нимъ въ Испаніи, куда онъ отправился изъ Италіи.

ФАКТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ.

Прибытіе Цицерона въ Римъ совпадаетъ съ началомъ 705 года. Именно, по собственному показанію Цицерона, онъ прибылъ въ Римъ *4 января* [1]). Значитъ, его прибытіе въ Римъ случилось почти въ буквальномъ смыслѣ наканунѣ гражданской войны (всего за нѣсколько дней до перехода Цезаремъ Рубикона). Цицеронъ и ранѣе, какъ мы видѣли, не обманывался относительно истиннаго положенія дѣлъ и съ часу на часъ ждалъ взрыва гражданской войны; но теперь, очутившись въ Римѣ, онъ еще живѣе, еще непосредственнѣе почувствовалъ всю тревожность минуты. Это чув-

[1]) 301,2. ad Div. XVI. 11.

ство, это сознаніе отразилось въ первомъ же письмѣ по прибытіи его въ Римъ (письмо отъ 12 янв.—къ своимъ семейнымъ) [1]. Цицеронъ до такой степеня проникся этимъ сознаніемъ, что война представляется ему какъ бы уже совершающимся фактомъ. «*Я попалъ*, пишетъ онъ, *въ самое пламя междоусобія, или, лучше сказать, гражданской войны*» [2]. Онъ уже окончательно оставляетъ мысль о примирительныхъ попыткахъ, убѣдившись на опытѣ въ ихъ несостоятельности, въ виду того противодѣйствія, какое они встрѣчали со стороны «страстей извѣстныхъ людей», которые «жаждали войны», и которыхъ, какъ убѣдился Цицеронъ собственнымъ наблюденіемъ, было немало въ томъ и другомъ лагерѣ [3]. На Цицерона, «кричавшаго—какъ онъ самъ о себѣ говоритъ [4]),— о гибельности гражданской войны», никто не обращалъ вниманія. Его одинокій голосъ терялся въ этомъ общемъ взрывѣ охватившаго всѣхъ воинственнаго энтузіазма, въ которомъ сходились люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій и интересовъ. «*Всѣми*, говоритъ Цицеронъ овладѣло *какое-то бѣшеное неистовство войны—не только негодяями, но и тѣми, которые считаются патріотами*». Самъ Цицеронъ, какъ мы видѣли, не совсѣмъ былъ чуждъ этого воинственнаго настроенія. Факты, которые имѣли мѣсто около этого времени, представлялись Цицерону вѣрными предвѣстниками наступающей войны.

Вопервыхъ, около этого времени въ сенатѣ было получено отъ Цезаря «дерзкое и угрожающее письмо»—*acerbae et minaces literae*,—какъ выражается Цицеронъ» [5]. (По свидѣтельству Аппіана [6]), это письмо, было доставлено сенату 1 января 705 г.). Вѣроятно, это было то самое письмо, въ которомъ, по выраженію самого Цезаря [7]), были имъ предложены «условія въ самомъ примирительномъ духѣ»—*lenissima postulata*. Если такъ, то значитъ, то, что̀ самъ Цезарь считалъ, съ своей стороны, шагомъ къ примиренію, было принято его противниками, какъ вызовъ къ войнѣ.

Вторымъ зловѣщимъ знаменіемъ былъ тотъ вскорѣ послѣ этого случившійся фактъ, что трибуны К. Кассій, котораго еще ранѣе

---

[1]) ib. [2]) ib. [3]) ib. [4]) 510. ad Div. XVI. 12. [5]) 301,2. ad Div. XVI. 11. Срв. часть III, данн. прот. § 1. Также хрон. таб. [6]) II. 32. См. хрон. таб. [7]) B. C. I. 5. См. часть III, данн. прот. § 1.

Цицеронъ называлъ въ числѣ предполагаемыхъ имъ адептовъ Цезаря [1]), и М. Антоній, который 21 дек. прошлаго года привелъ въ такое негодованіе Цицерона своею мятежною рѣчью противъ Помпея [2]),—что они, вмѣстѣ съ Куріономъ, котораго одно время считали, какъ мы видѣли выше, однимъ изъ столповъ партіи Помпея,—бѣжали къ Цезарю, «хотя, прибавляетъ Цицеронъ, ихъ никто насильно не гналъ». Если мы припомнимъ, что Цицеронъ еще ранѣе предугадывалъ возможность этого факта—бѣгства трибуновъ къ Цезарю — и уже тогда считалъ его однимъ изъ возможныхъ поводовъ къ войнѣ, то для насъ станетъ яснымъ, почему онъ послѣ этого говоритъ о войнѣ, какъ о совершившемся фактѣ, хотя въ то время еще и не было получено никакихъ извѣстій о наступательномъ движеніи Цезаря. Что касается до *времени*, момента, когда имѣлъ мѣсто этотъ фактъ, то мы можемъ опредѣлить его на основаніи данныхъ переписки только приблизительно. Такъ какъ, съ одной стороны, видно, что «Антоній и Кассій съ Куріономъ» бѣжали *вмѣстѣ*, а намъ извѣстно, что 21 декабря Антоній былъ еще въ Римѣ (рѣчь противъ Помпея); и такъ какъ, съ другой стороны, мы имѣемъ точную дату письма Цицерона, въ которомъ онъ пишетъ о бѣгствѣ трибуновъ, именно 12 янв.,—то, слѣд., приблизительная дата для этого послѣдняго факта опредѣлится предѣлами *21 декабря* и *12 января* [3]).

Цицеронъ не говоритъ, *до* или *послѣ* этого былъ изданъ *senatusconsultum ultimum* [4]). Какъ бы то ни было, но вмѣстѣ съ этимъ актомъ наступалъ, по мнѣнію Цицерона, критическій моментъ для «республики». Никогда еще, пишетъ онъ [5]), республика не была въ большей опасности, какъ послѣ этого декрета. Еще не такъ давно Цицеронъ говорилъ, что онъ не боится за республику, «пока Помпей стоитъ или хотя бы даже сидитъ» [6]); теперь Цезарь внушаетъ Цицерону серьезный страхъ. «Никогда, говоритъ онъ [7]), негодные граждане не имѣли предводителя болѣе способнаго и рѣшительнаго».

Изъ этого видно, насколько измѣнилось прежнее оптимистическое настроеніе Цицерона относительно общаго положенія дѣлъ.

---

[1]) 294,5. ad Att. VII. 3. [2]) 299,5. ad Att. VII. 8. [3]) 301,2. ad Div. XVI. 11. Срв. хрон. таб. *7 янв. 705 г.* [4]) ib. 3. [5]) ib. [6]) 264,4. ad Att. VI. 3. [7]) 301,3. ad Div. XVI. 11.

И не одного Цицерона. Самъ Помпей, который еще не далѣе, какъ мѣсяцъ тому назадъ, заявлялъ въ бесѣдѣ съ Цицерономъ, что онъ, Помпей, «ни во что не ставитъ этого человѣка» съ его «сумасбродными затѣями» [1]), какъ онъ выражался о Цезарѣ,— *самъ Помпей «началъ теперь*, по словамъ Цицерона, *бояться Цезаря»*, «хотя и поздно»—прибавляетъ онъ [2]). Итакъ, если прежде высокомѣрно-презрительный топъ, съ какимъ Помпей третировалъ Цезаря, способенъ былъ вызывать подъемъ духа среди противниковъ послѣдняго, то теперь эта легкомысленная самоувѣренность уступила мѣсто страху предъ этимъ «способнымъ и рѣшительнымъ предводителемъ негодныхъ гражданъ» [3]).

Ближайшимъ результатомъ этой перемѣны въ настроеніи людей помпеевой партіи была перемѣна въ *поведеніи* ихъ по отношенію къ Цезарю, перемѣна, которую можно охарактеризовать въ двухъ словахъ: *переходъ отъ словъ къ дѣлу*. Если до сихъ подъ мы видѣли одну только агитацію противъ Цезаря, то теперь начинаются дѣятельныя, хотя, по мнѣнію Цицерона, и позднія, приготовленія противъ него.

Принимаются *мѣры въ видахъ организаціи военной обороны*. А именно. Вся Италія раздѣляется на нѣсколько округовъ, изъ которыхъ каждый поручается для «завѣдыванія» одному изъ сенаторовъ [4]). Въ дальнѣйшей перепискѣ мы находимъ указанія на нѣкоторыя изъ этихъ *regiones descriptae* и на лицъ, которыя въ нихъ «завѣдывали», а именно: *Cingulum* и *Auximum*, гдѣ «завѣдывалъ» П. Аттій Варъ [5]); *Iguvium*, гдѣ былъ Термъ [6]). Даже проповѣдникъ мира Цицеронъ, почувствовавшій въ себѣ въ эту минуту подъемъ воинственнаго духа, взялъ на свою долю Капую, съ морскимъ побережьемъ до Формій, о чемъ и извѣщаетъ Тирона съ полнымъ достоинства лаконизмомъ: *nos Capuam sumsimus* [7]).

Впрочемъ, что касается до Цицерона, то, какъ выясняется изъ дальнѣйшей переписки, этотъ шагъ его былъ не столько актомъ его личной инициативы, результатомъ его доброй воли, сколько вынужденнымъ отвѣтомъ на желаніе или предложеніе Помпея. 19 января Цицеронъ писалъ къ Аттику [8]): «Помпей хочетъ, чтобы

---

[1]) 299. ad Att. VII. 8. [2]) 301,3. ad Div. XVI. 11. [3]) ib. [4]) ib. [5]) 307,7. ad Att. VII. 13. [6]) ib. и 320. ad Att. VII. 20. [7]) 301,3. ad Div. XVI. 11. [8]) 304. ad Att. VII. 11.

я взялъ на себя завѣдываніе Кампаніей и морскимъ берегомъ». Въ это время Цицеронъ ничего, повидимому, не имѣетъ противъ такого желанія Помпея. Но мѣсяцъ спустя, въ письмѣ къ тому же Аттику [1]), онъ пишетъ, что если онъ «взялъ себѣ Капую», то сдѣлалъ это крайне неохотно и пытался даже отклонить предложеніе Помпея [2]) и уступилъ только его настойчивымъ просьбамъ [3]).

Въ чемъ заключались функціи этихъ «завѣдывателей» отдѣльныхъ округовъ Италіи, объ этомъ можно заключить изъ того, что́ намъ извѣстно собственно о Цицеронѣ, который, какъ мы сейчасъ видѣли, былъ однимъ изъ такихъ «завѣдывателей». Миссія Цицерона въ Капуѣ, по мысли Помпея, должна была заключаться въ томъ, чтобы «вся Кампанія и морской берегъ (отъ Формій) имѣли его, Цицерона, ἐπίσκοπ'омъ, который бы сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ высшее завѣдываніе всѣмъ дѣломъ (*summa negotii*: очевидно, «дѣло» военной обороны) вообще, и въ частности наборомъ» [4]). Изъ нѣкоторыхъ указаній позднѣйшей переписки мы увидимъ, что, дѣйствительно, главная его дѣятельность заключалась, именно, въ *надзорѣ* (ἐπίσκοπος) *за наборомъ*. Какъ оказывается изъ дальнѣйшей переписки, Цицеронъ не былъ единственнымъ ἐπίσκοπ'омъ въ Кампаніи; рядомъ съ нимъ—неизвѣстно, въ качествѣ ли его сотрудниковъ, или подчиненныхъ помощниковъ—дѣломъ набора завѣдывали пропреторъ М. Консидій и Т. Амній. (Письмо Цицерона къ Помпею, отъ 16 февраля) [5]).

Когда состоялось это постановленіе относительно раздѣленія Италіи на военные округи? Положительно можно сказать только одно: *до 12 янв.*, такъ какъ этимъ именно числомъ датировано письмо Цицерона, въ которомъ онъ впервые сообщаетъ объ этомъ распоряженіи. Такъ какъ въ томъ же письмѣ онъ говоритъ впервые и о *senatusconsultum ultimum*, то можно предположить, что первое постановленіе послѣдовало за послѣднимъ въ одномъ и томъ же засѣданіи сената. Слѣдовательно, постановленіе это состоялось за нѣсколько дней до перехода Цезаря чрезъ Рубиконъ. Фактическое же осуществленіе этого постановленія состоялось

---

[1]) 326,4. ad Att. VIII. 3. [2]) 334. ad Att. VIII. 11. [3]) 304. ad Att. VII. 11. [4]) ib. 5. [5]) 334. ad Att. VIII. 11. B. 2.

уже послѣ этого событія. По крайней мѣрѣ относительно Цицерона, мы имѣемъ на этотъ счетъ точныя указанія въ этомъ смыслѣ. Онъ прибылъ на мѣсто своего назначенія лишь 25 янв. [1]). Неизвѣстно, зачѣмъ находились тамъ консулы [2]), которыхъ онъ засталъ въ Капуѣ, когда пріѣхалъ туда, [3]), и которые находились тамъ все время съ Цицерономъ, а именно, до 27 янв. [5]).

Что касается до *начала гражданской войны* [6]), то эпизодическая сторона этого момента совершенно отсутствуетъ въ перепискѣ. Что́ произошло вскорѣ, вслѣдъ за бѣгствомъ трибуновъ къ Цезарю,—какъ Цезарь принялъ ихъ и какъ воспользовался ихъ бѣгствомъ, какъ поводомъ къ своему рѣшительному шагу,—какъ наконецъ онъ, послѣ извѣстныхъ колебаній, перешелъ Рубиконъ—все это, о чемъ такъ много и такъ подробно разсказываютъ почти всѣ древніе историки Цезаря, совершенно отсутствуетъ въ перепискѣ. Первое письмо Цицерона, написанное послѣ перехода Цезаря чрезъ Рубиконъ, очень короткое, состоящее все изъ отрывочныхъ лаконическихъ фразъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Цицеронъ въ минуту его написанія находился въ сильной агитаціи,—что онъ былъ пораженъ чѣмъ-то. «Я принялъ внезапное рѣшеніе, пишетъ онъ [7]). До свѣта выѣзжаю изъ Рима... Что до прочаго, я, ей-богу, не только не знаю, что́ мнѣ дѣлать, но не знаю хорошенько и того, что́ я дѣлаю...» Очевидно, что то, что́ такъ поразило и взволновало Цицерона и послужило толчкомъ къ его «внезапному рѣшенію», была, именно, вѣсть о переходѣ Цезаря черезъ Рубиконъ. Что это такъ, это явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Вопервыхъ, все это письмо свидѣтельствуетъ о томъ, что оно писано подъ непосредственнымъ еще впечатлѣніемъ какой-то полученной Цицерономъ сенсаціонной вѣсти. Съ другой стороны, такъ какъ предъидущее письмо [8]), писанное всего за нѣсколько дней ранѣе (письмо, о которомъ идетъ рѣчь, было писано, по всей

---

[1]) 309,2. ad Att. VII. 15. [2]) ib. и 334. ad Att. VII. 11. B. 2. [3]) 309,2. ad Att. VII. 15. [4]) 334. ad Att. VIII. 11. B. 2. [5]) 310. ad Div. XVI. 12.—311. ad Att. VII. 16. [6]) H. Nissen начинаетъ войну лишь съ 17 марта, т. е. съ момента оставленія Помпеемъ почвы Италіи. Быть можетъ, съ точки зрѣнія римскаго права и имѣетъ значеніе раздѣленіе между *bellum* и *tumultus*, но до насъ эти юридическія тонкости не касаются. См. Hist. Zeitschr. B. 46. S. 51—55. [7]) 303. ad Att. VII. 10. [8]) 302. ad Div. V. 20.

вѣроятности, *ночью*, на что указываетъ выраженіе: *priusquam luceret*), не имѣетъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ «сенсаціонности», то отсюда приходится заключить [1]), что взволновавшее Цицерона извѣстіе было *первое* въ этомъ родѣ. А такъ какъ мы знаемъ, что первымъ актомъ, который могъ возбудить сенсацію въ Римѣ, былъ, со стороны Цезаря, переходъ черезъ Рубиконъ, то это *первое сенсаціонное извѣстіе* могло быть только извѣстіемъ, именно, о переходѣ Цезаря черезъ Рубиконъ. Это заключеніе подтверждается еще тѣмъ наблюденіемъ, что въ непосредственно слѣдующемъ затѣмъ письмѣ Цицерона [2]), писанномъ всего два дня спустя послѣ сейчасъ упомянутаго, Цицеронъ говоритъ уже о дальнѣйшихъ, слѣдовавшихъ за переходомъ черезъ Рубиконъ, дѣйствіяхъ Цезаря, какъ о совершившихся фактахъ.—Такимъ образомъ, если упомянутое письмо не заключаетъ въ себѣ прямаго *извѣстія* о переходѣ Цезаря черезъ Рубиконъ, то во всякомъ случаѣ оно даетъ нѣкоторое *косвенное указаніе* на этотъ фактъ, первое указаніе, первый намекъ на *начало гражданской войны*.—Вмѣстѣ съ тѣмъ оно даетъ возможность, съ помощью другихъ данныхъ, опредѣлить довольно точно хронологическую дату этого событія. Письмо это, какъ сказано выше, было писано ночью или поздно вечеромъ *17 янв.* Отъ Рубикона до Рима около 320 верстъ. Можно предположить, что двухъ-трехъ сутокъ было достаточно для того, чтобы вѣсть отъ Рубикона дошла до Рима. Итакъ, переходъ черезъ Рубиконъ имѣлъ мѣсто *не позднѣе 14—15 января*.

Болѣе точныя извѣстія находимъ въ перепискѣ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій Цезаря, относительно первыхъ его успѣховъ послѣ перехода черезъ Рубиконъ. Такъ, въ упомянутомъ выше письмѣ Цицерона къ Аттику, *отъ 19 янв.*, [3]) говорится уже какъ о совершившемся фактѣ, о взятіи Цезаремъ Анконы. Въ другомъ, болѣе позднемъ письмѣ, именно *отъ 27 янв.*, [4]) кромѣ Анконы, называются города: Аримининъ, Пизавръ, Арреціи. Но это, во всякомъ случаѣ, запоздавшее извѣстіе. Это явствуетъ, во-первыхъ, уже изъ того, что эти послѣдніе города не могли быть взяты Цезаремъ *послѣ* Анконы, такъ какъ, для того чтобы взять

---

[1]) Предполагая, что тутъ нѣтъ пробѣла въ перепискѣ. [2]) 304. ad Att. VII. 11. [3]) 304. ad Att. VII. 11. [4]) 310. ad Div. XVI. 12.

послѣднюю, Цезарю необходимо было *прежде* овладѣть стоящими на пути отъ Рубикона къ Анконѣ — Аримином̀ъ и Пизавром̀ъ. Вовторыхъ, еще ранѣе мы находимъ, именно, въ письмѣ отъ 24 янв., [1]) указаніе — довольно, правда, смутное — на то, что уже въ то время *весь Пицен̀ъ* былъ въ рукахъ Цезаря. Гораздо болѣе точное указаніе находимъ въ письмѣ Цицерона къ Тирону отъ 27 янв., [2]) гдѣ онъ пишетъ между прочимъ: «Когда Цезарь.... овладѣлъ Аримином̀ъ, Пизавром̀ъ, Анкоп̀ой, Арреціем̀ъ, я оставилъ Рим̀ъ». Такимъ образомъ, въ день выѣзда Цицерона изъ Рима, т. е. *17 янв.*, Цезарь былъ уже полнымъ хозяиномъ Пицена. Это послѣднее указаніе идетъ навстрѣчу сейчасъ высказанному соображенію относительно времени перехода черезъ Рубиконъ и даетъ возможность отодвинуть еще нѣсколько назадъ приблизительную дату этого событія. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы Цезарь могъ овладѣть всѣми названными городами въ 2 — 3 дня: едва ли возможно допустить для этого minimum времени менѣе 4 дней. А если такъ, то крайнимъ *позднѣйшимъ* срокомъ для даннаго событія придется признать *13 января*. (Что до другого, *ранняго*, предѣла, то онъ легко опредѣляется изъ другихъ источниковъ. Съ одной стороны, намъ извѣстно изъ историковъ, что Цезарь перешелъ Рубиконъ послѣ того, какъ явились въ его лагерь бѣжавшіе изъ Рима трибуны, съ другой стороны, намъ извѣстна точная дата бѣгства послѣднихъ изъ Рима, именно, ночь съ 7 на 8 января [3]). Къ Цезарю они могли прибыть не ранѣе утра 10 января. Итакъ, *10—15 января* — вотъ приблизительная дата перехода чрезъ Рубиконъ [4]).

Какое впечатлѣніе произвели въ Римѣ эти вѣсти о первыхъ успѣхахъ Цезаря? Хотя Цицеронъ въ это время былъ уже внѣ Рима, но все-таки онъ былъ пока очень близко къ Риму, особенно когда писалъ первое свое письмо по выѣздѣ изъ Рима, именно, 19 янв.—къ Аттику [5]), а потому мы можемъ видѣть въ его словахъ болѣе или менѣе вѣрное отраженіе общаго впечатлѣнія, произведеннаго на его единомышленниковъ въ Римѣ первыми наступательными дѣйствіями Цезаря. «Скажи пожалуйста,—такъ на-

[1]) 307. ad Att. VII. 13. Срв. прим. у Billerb. B. II. S. 349. [2]) 310. ad Div. XVI. 12. [3]) См. хрон. таб. *7 янв. 705 г.* [4]) Срв. Nissen, H. Z. B. 46. S. 97. 98. [5]) 304. ad Att. VII. 11.

чинаетъ онъ письмо свое къ Аттику, — скажи пожалуйста, что такое творятся? и что все это значитъ? Для меня все это темнымъ-темно. Цингулъ, говоришь ты, еще въ нашихъ рукахъ, а Анкону мы уже потеряли... Что это, о комъ идетъ рѣчь: о полководцѣ римскаго народа или о Ганнибалѣ?...» Противники Цезаря закричали о «нашествіи галловъ», [1]) и сравнивали положеніе Рима въ данную минуту съ положеніемъ Аѳинъ предъ «нашествіемъ варваровъ», а Помпей, въ pendant къ этой аналогіи, сравнивалъ себя съ Ѳемистокломъ [2]).

Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, настроеніе было довольно твердое, въ смыслѣ враждебномъ Цезарю; раздавались воинственные голоса: «*ни малѣйшей уступки Цезарю!..*» [3]) Но это были, очевидно, голоса тѣхъ, которые, по словамъ Целія, «возлагали всѣ надежды на Помпея», т. е. оптиматовъ, по крайней мѣрѣ большинства изъ нихъ. Что касается римскихъ друзей Цезаря, то о нихъ мы ничего не слышимъ, какъ и чѣмъ заявили они свое отношеніе къ «совершившемуся факту». Наконецъ, что касается собственно внѣ-римскаго населенія, и прежде всего *муниципіевъ*, то, какъ видимъ изъ нѣкоторыхъ указаній дальнѣйшей переписки, они *выказывали явное сочувствіе Цезарю*; [4]) зато отвоспительно сельскаго населенія не видно, чтобы оно чѣмъ-нибудь заявило то или другое отношеніе къ взволновавшему Римъ шагу Цезаря. Вѣроятнѣе всего, что оно и не заявило себя въ этомъ случаѣ ни такъ ни иначе, такъ какъ, по приведенному нами выше наблюденію Цицерона надъ этими *agricolae*, они относились довольно равнодушно къ спору Цезаря съ Помпеемъ и сенатомъ. (Письмо къ Аттику отъ 18 дек. 704 г.) [5]).

Теперь обратимся къ тѣмъ фактамъ, которые были ближайшимъ слѣдствіемъ наступательныхъ дѣйствій Цезаря. Прежде всего, что касается до бѣгства Помпея изъ Рима, то мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій въ перепискѣ ни относительно самаго факта, ни относительно времени, ни относительно причинъ или мотивовъ этого шага Помпея. Но мы имѣемъ массу *косвенныхъ указаній*, гораздо болѣе, чѣмъ необходимо для того, чтобы установить самый фактъ,—вполнѣ достаточно для того, чтобы опредѣ-

---

[1]) ib. [2]) ib. [3]) ib. [4]) 340. ad Att. VIII. 16. [5]) 298. ad Att. VII. 7.

лить хронологическую дату его,—но нѣсколько менѣе, чѣмъ необходимо для уразумѣнія его причинъ и мотивовъ.

Что касается *времени*, когда произошло бѣгство Помпея, то мы имѣемъ возможность опредѣлить дату довольно точно. Изъ одного случайнаго указанія въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ мы узнаемъ, что въ тотъ день, когда Цицеронъ бѣжалъ изъ Рима, онъ имѣлъ разговоръ съ Помпеемъ [1]). Слѣдовательно, 17 янв. Помпей былъ еще въ Римѣ. Съ другой стороны, 19 янв. Цицеронъ пишетъ къ Аттику, что «раздается всеобщій ропотъ на то, что городъ остался безъ сената, безъ магистратовъ» [2]). Для того, чтобы извлечь изъ этихъ указаній точную дату, намъ остается только воспользоваться свидѣтельствомъ Цезаря, который говоритъ въ своихъ запискахъ, [3]) что Помпей выѣхалъ *наканунѣ* того дня, когда городъ покинули магистраты. Слѣдовательно, Помпей выѣхалъ изъ Рима *18 января*, а 19-го городъ «остался безъ сената, безъ магистратовъ».

Наконецъ, что касается до причинъ или мотивовъ «бѣгства» Помпея, то въ этомъ отношеніи мы не находимъ въ перепискѣ сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній. Ясно только одно, что причиною бѣгства было не то обстоятельство, которое въ свое время заставило Ѳемистокла, на примѣръ котораго ссылался Помпей [4]), оставить Аѳины въ добычу Персамъ. Но во всякомъ случаѣ, едва ли можно согласиться вполнѣ съ Цицерономъ, называющимъ этотъ шагъ Помпея «взбалмошнымъ», т. е. сдѣланнымъ безъ всякихъ разумныхъ мотивовъ [5]).

Если первые успѣхи Цезаря произвели подавляющее впечатлѣніе на его противниковъ, то почти такое же дѣйствіе имѣлъ по отношенію къ друзьямъ Помпея этотъ шагъ послѣдняго—«бѣгство» изъ Рима. Въ этомъ случаѣ Помпей шелъ въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ своей партіи, которое было гораздо болѣе воинственнымъ, чѣмъ настроеніе самого Помпея въ моментъ его «бѣгства». Ибо, какъ два дня спустя пишетъ Цицеронъ, [6]) «всѣ настаивали на томъ, чтобы ни на іоту не уступать Цезарю». Къ числу людей этого образа мыслей принадлежалъ даже Цицеронъ, все время

---

[1]) 334. ad Att. VIII. 11. B. 3. [2]) 304. [3]) B. C. I. 14. [4]) ib. [5]) 303. ad Att. VII. 10. [6]) 304. ad Att. VII. 11.

«крпчавшій о мирѣ». (Немного позднѣе, какъ увидимъ ниже, онъ измѣнилъ свой взглядъ на этотъ предметъ и настаивалъ на уступкахъ Цезарю). Шагъ Помпея произвелъ, поэтому, самое невыгодное впечатлѣніе среди его же друзей. «Помпей, пишетъ Цицеронъ въ томъ же письмѣ, [1]) произвелъ своимъ бѣгствомъ сильную сенсацію». И прежде всего, самъ Цицеронъ—предастъ безпощадному осужденію этотъ «сумасбродпѣйшій» [2]) и «безсмысленнѣйшій» [3]) шагъ. Аттикъ точно также раздѣлялъ этотъ взглядъ на поступокъ Помпея, который онъ называетъ «дурнымъ» и «необдуманнымъ» [4]). Это невыгодное впечатлѣніе усиливалось еще тѣмъ, что «патріоты» видѣли въ этомъ шагѣ своего принципала не только стратегическую ошибку, но видѣли въ немъ, кромѣ того, и преступленіе, безнравственный, низкій поступокъ, дезертирство, «позорнѣйшее бѣгство» — *turpissimam fugam* [5]). Съ этой точки зрѣнія, Помпей представлялся не только «неискуснымъ полководцемъ»—ἀστρατήγητος, [6]) но и дурнымъ патріотомъ, предателемъ отечества [7]). Самымъ краснорѣчивымъ выразителемъ этого отрицательнаго отношенія къ шагу Помпея является Цицеронъ; объ этомъ намъ придется говорить обстоятельнѣе нѣсколько ниже.

Но не въ одномъ только Римѣ «вызвалъ сенсацію» этотъ шагъ Помпея. Цицеронъ говоритъ объ «удручающемъ впечатлѣніи», какое произвелъ шагъ Помпея на итальянскіе муниципіи [8]). «Скорбѣли», очевидно, не всѣ муниципіи, такъ какъ большинство ихъ, какъ мы видѣли выше, не скрывали своего сочувствія къ Цезарю. Нравственное вліяніе этого впечатлѣнія не замедлило отразиться вскорѣ осязательнымъ образомъ на настроеніи какъ оптиматовъ, такъ и итальянскаго населенія по отношенію къ Помпею. Когда Цицеронъ явился 25 янв. въ Капую, по порученію Помпея, его поразило то равнодушіе, съ какимъ отнеслись къ дѣлу Помпея какъ оптиматы, такъ и мѣстное кампанское населеніе [9]). Отъ проницательности Цицерона не укрылось то обстоятельство, что это всеобщее равнодушіе къ дѣлу Помпея было не столько слѣдстві-

---

[1]) ib. 5. [2]) ib. 4. [3]) 305. ad Att. VII. 12. [4]) 351,4. ad Att. IX. 10. [5]) 318. ad Att. VII. 21. — 326. ad Att. VIII. 3. [6]) 307. ad Att. VII. 13. Срв. 340. ad Att. VIII. 16. [7]) 325. ad Att. VIII. 2. [8]) 304. ad Att. VII. 11. [9]) 318,1. ad Att. VII. 21.—320. ad Att. VII. 23.

емъ апатіи или несочувствія къ нему, сколько слѣдствіемъ *безнадежности*. «Не въ сочувствіи недостатокъ, говоритъ Цицеронъ категорически, а въ надеждѣ» [1]).—Цицеронъ не объясняетъ, откуда явилась, отчего произошла эта безпадежность; но едва ли можно сомнѣваться въ существованіи извѣстной связи ея съ тѣмъ удручающимъ впечатлѣніемъ, которое, какъ мы видѣли, произвело по всюду «бѣгство» Помпея. Цицеронъ имѣлъ поэтому полное право назвать этотъ шагъ Помпея «величайшимъ пораженіемъ» [2]).

Что касается до другаго факта, находившагося въ связи съ бѣгствомъ Помпея, т. е. бѣгства магистратовъ и сенаторовъ, то выше были уже приведены слова Цицерона о «всеобщемъ ропотѣ на то, что городъ остался безъ сената, безъ магистратовъ». Изъ этого послѣдняго указанія видно между прочимъ, что не одинъ Помпей возбудилъ противъ себя ропотъ общественнаго мнѣнія, но и все правительство римское, съ сенатомъ и консулами во главѣ. Кромѣ того, эти жалобы свидѣтельствуютъ о томъ, что большинство римскаго населенія не раздѣляло этой паники, охватившей правящія сферы и оставившей Римъ безъ правительства.—Спустя два дня, 21 янв., мы видимъ одного изъ консуловъ (Лентула) уже далеко отъ Рима, въ Форміяхъ, гдѣ съ нимъ имѣлъ свиданіе подоспѣвшій туда же Цицеронъ [3]). На бѣгство сенаторовъ изъ Рима мы имѣемъ и другія указанія. Такъ, 26 янв. Цицеронъ пишетъ къ Аттику, что когда онъ 25 янв. пріѣхалъ въ Капую, то нашелъ здѣсь «многихъ представителей сенаторскаго сословія» [4]). Многіе сенаторы эмигрировали со всѣми своими семьями [5]). Въ числѣ бѣжавшихъ былъ и тесть Цезаря Пизонъ [6]), который, по мнѣнію Цицерона, тѣмъ самымъ «осудилъ своего преступнаго зятя». Наконецъ, мы видимъ въ томъ числѣ и Цицерона, который, какъ мы выше видѣли, бѣжалъ изъ Рима почти вслѣдъ за Помпеемъ, въ ночь на 18 янв. [7]), а черезъ три дня мы видимъ его уже въ Форміяхъ [8]), еще черезъ день—въ Минтурнахъ [9]), и т. д.

Каковы были дальнѣйшіе планы Помпея? Цицерону, письма котораго мы только и имѣемъ за это время, ничего не было из-

---

[1]) 318. ad Att. VII. 21. [2]) 325. ad Att. VIII. 2. [3]) 304. ad Att. VII. 11. [4]) 305. ad Att. VII. 12. [5]) ib. [6]) 308. ad Att. VII. 14. — 325. ad Att. VIII. 2. [7]) 306,2. ad Div. XIV. 14. [8]) 303. ad Att. VII. 10. [9]) 305. ad Att. VII. 12. [10]) 314,3. ad Att. VII. 17.

вѣстно на этотъ счетъ, о чемъ онъ самъ неоднократно заявляетъ съ нескрываемой досадой [1]), и разъ даже въ письмѣ къ самому Помпею высказываетъ ему это тономъ упрека [2]): «Мнѣ ничего не было извѣстно о твоихъ планахъ». Что касается до Цицерона, то онъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ общаго пессимистическаго настроенія относительно перваго шага Помпея, совершенно отрицаетъ существованіе какого бы то ни было плана у Помпея [3]). По его мнѣнію, Помпей рѣшительно потерялъ голову и столько же мало знаетъ, что̀ ему дѣлать, насколько мало сознаетъ, что̀ дѣлаетъ [4]). Имѣлъ ли Помпей уже тогда намѣреніе бѣжать изъ Италіи, мы не знаемъ; но мысль о возможности такого шага со стороны Помпея уже въ это время не была чужда людямъ, слѣдившимъ за событіями. По крайней мѣрѣ, Цицеронъ еще въ письмѣ отъ 17 янв. [5]), т. е. быть можетъ, еще до того, какъ Помпей оставилъ Римъ, высказываетъ уже мысль о возможности «отступленія» Помпея *изъ Италіи*, а въ дальнѣйшихъ письмахъ говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ не представляющимъ ничего невѣроятнаго, напротивъ, даже очень возможномъ, хотя и нежелательномъ [6]). И Аттикъ точно также раздѣлялъ эту мысль о возможности того, что Помпей «оставитъ Италію» (письмо Аттика отъ 21 янв.) [7]),—а также и мысль о нежелательности этого факта [8]). Это послѣднее обстоятельство доказываетъ, что эта мысль Цицерона вовсе не была личнымъ достояніемъ послѣдняго, какъ многія другія изъ его «прорицаній» [9]), а, напротивъ, была болѣе или менѣе общимъ достояніемъ. Какъ бы то ни было, но эта мысль находила себѣ подтвержденіе въ самомъ направленіи пути, по которому слѣдовалъ Помпей, по выѣздѣ своемъ изъ Рима (18 янв.). 21 янв. Либонъ, вѣроятно, возвращавшійся въ Римъ отъ Помпея, при свиданіи съ Цицерономъ въ Форміяхъ, сообщилъ ему, что въ данную минуту Помпей находится на пути къ Ларину, откуда намѣренъ прослѣдовать въ Теанъ и Люцерію [10]). 22 янв. мы видимъ Помпея уже въ Теанѣ, вмѣстѣ съ консулами [11]),

---

[1]) 331,1. ad Att. VIII. 8.—326. ad Att. VIII. 3.—351. ad Att. IX. 10. [2]) 334. ad Att. VIII. 11. D. [3]) 305. ad Att. VII. 12. [4]) ib. [5]) 303. ad Att. VII. 10. [6]) 305. ad Att. VII. 12.— 314. ad Att. VII. 17.—325. ad Att. VIII. 2.—326. ad Att. VIII. 3.—334. ad Att. VIII. 11. [7]) 351,4. ad Att. IX. 10. [8]) ib. [9]) 238. ad Div. XV. 4.—226, ad Div. II. 11.—223. ad Div. VIII. 8. [10]) 305. ad Att. VII. 12. [11]) 307,6. ad Att. VII. 13.

а на другой день, 23 янв., онъ выѣхалъ оттуда въ Larinum [1]) къ «аттіевымъ легіонамъ» [2]), между тѣмъ какъ консулы направились въ Капую [3]). Въ началѣ слѣдующаго мѣсяца мы уже видимъ Помпея въ Люцеріи [4]). А во второй половинѣ февраля въ Канузіѣ [5]), откуда онъ выѣхалъ 21 февраля въ Брундузій.

Хотя, такимъ образомъ, только спустя мѣсяцъ слишкомъ по выѣздѣ своемъ изъ Рима Помпей оказался въ Брундузіѣ, тѣмъ не менѣе, уже тогда (т. е. во 2-й половинѣ января) сдѣлавшаяся извѣстной часть его маршрута, именно — до Люцеріи [6]), едва ли могла оставлять какое-нибудь сомнѣніе относительно его конечнаго пункта: линія пути (Теанъ—Люцерія) прямо направлялась къ выходу изъ Италіи въ Адріатическое море, къ Брундузію.

Между тѣмъ событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Это было уже не то время, когда можно было предсказывать впередъ, загадывать о будущемъ, какъ это мы видѣли годъ тому назадъ, когда Цицеронъ изъ своей далекой провинціи просилъ Целія писать ему не только о томъ, что̀ есть, но и о томъ, что имѣетъ быть. Теперь, напротивъ, Цицеронъ едва поспѣваетъ слѣдить за событіями, которыя опережаютъ всякія догадки и прозрѣнія. Теперь Цицеронъ не проситъ уже своего друга (Аттикъ былъ, очевидно, въ Римѣ, куда онъ возвратился изъ Эпира въ сентябрѣ 704 г. [7]). Цицеронъ въ эту минуту находился въ Форміяхъ [8]) писать о возможномъ будущемъ, а проситъ только, чтобы онъ «по возможности чаще» сообщалъ ему о ходѣ дѣлъ въ настоящемъ: «о стремительномъ шествіи Цезаря, о настроеніи народа и о положеніи всего дѣла» [9]), ибо все это теперь «до крайности измѣнчиво» [9]). Не встрѣчая въ дальнѣйшихъ письмахъ Цицерона жалобъ на неаккуратность Аттика, какъ корреспондента, приходится заключить, что послѣдній въ точности исполнялъ желаніе Цицерона и писалъ ему не менѣе часто, чѣмъ и Цицеронъ къ нему; а Цицеронъ въ это время писалъ къ Аттику почти ежедневно [10]), — иногда даже по два и по три письма въ одинъ и тотъ же день; таковы, наприм., три письма написанныя всѣ 23

---

[1]) ib. 7. [2]) 309,3. ad Att. VII. 15. [3]) 307,7. ad Att. VII. 13. [4]) 329,2. ad Att. VIII. 5. –317,1. ad Att. VII. 20.—334. ad Att. VIII. 11. A. [5]) ib. C. [6]) 305. ad Att. VII. 12. [7]) 282. ad Att. VI. 9. [8]) 304. ad Att. VII. 11. [9]) ib. 5. [10]) 338,1. ad Att. VIII. 14: epistolae quotidianae. 336,1. ad Att. VIII. 12. — 352.4. ad Att. IX. 11. и др.

февр. [1]). Тѣмъ болѣе приходится пожалѣть о томъ, что мы не имѣемъ писемъ Аттика, и относительно Рима должны довольствоваться въ данную минуту лишь отголосками ихъ въ письмахъ Цицерона.

Между тѣмъ Цезарь двигался впередъ въ «ошеломляющей быстротой», какъ выражается Цицеронъ [2]). Это просто какое-то чудовище, обладающее ужасающей быстротой! восклицаетъ онъ [3]). Эти возгласы изумленія, смѣшаннаго съ ужасомъ, станутъ намъ понятны, если мы припомнимъ, что всего въ нѣсколько дней Цезарь овладѣлъ всѣми главными городами Пицена. Паника, охватившая Римъ, по крайней мѣрѣ—высшіе слои римскаго населенія, и оставившая Римъ безъ магистратовъ, вмѣстѣ съ бѣглецами распространилась теперь вширь и вглубь, она проникла за стѣны Рима и прошла вглубь Италіи. Когда Цицеронъ пріѣхалъ 21 янв. въ Форміи, онъ нашелъ тамъ, по его собственнымъ словамъ, «всеобщую панику и замѣшательство» [4]). Паника эта сообщилась до извѣстной степени и Цицерону, когда онъ очутился въ Форміяхъ. Онъ находитъ, что его семейству, которое онъ оставилъ въ Римѣ, не безопасно оставаться тамъ, и находитъ нужнымъ поискать для него другаго, «болѣе безопаснаго мѣста» [5]).

Впрочемъ паника эта становится вполнѣ понятной и естественной, если принять во вниманіе общее положеніе дѣла, которое дѣйствительно не могло внушить оптимистическаго настроенія противникамъ Цезаря. По наблюденію самого Цицерона, котораго всего менѣе можно заподозрить въ пристрастіи къ Цезарю, всѣ шансы были на сторонѣ послѣдняго. Прежде всего, «Цезарь силенъ войскомъ»—*valet exercitu* [6]). А, именно, у него было въ это время, по словамъ того же Цицерона, [7]) одиннадцать легіоновъ пѣхоты, а конницы Цезарь могъ имѣть «столько, сколько захочетъ», не говоря уже о томъ, что въ самомъ Римѣ онъ имѣетъ многочисленную и сильную партію: городской плебсъ, всѣ народные трибуны, «разгульная молодежь»,—все это вмѣстѣ со-

---

[1]) 329. ad Att. VIII. 5.—330. ad Att. VIII. 7.—331. ad Att. VIII. 8. [2]) 304. ad Att. VII. 12. [3]) 332,4. ad Att. VIII. 9. [4]) 305,2. ad Att. VII. 12. Срв. 307. ad Att. VII. 13. [5]) 305. ad Att. VII. 12. Срв. 319. ad Att. VII. 22. [6]) 307. ad Att. VII. 13. [7]) 298,6. ad Att. VII. 7.

ставляло какъ бы вторую армію Цезаря въ Римѣ [1]). Съ занятіемъ Аримина, Пизавра, Анконы, Цезарь сдѣлался хозяиномъ Пицена; въ случаѣ же взятія Рима—а это Цицеронъ считаетъ вполнѣ возможнымъ, такъ какъ Римъ вполнѣ беззащитенъ противъ Цезаря [2])—, съ взятіемъ Рима, Цезарь сдѣлался бы полнымъ обладателемъ всѣхъ оставленныхъ въ немъ частныхъ и государственныхъ богатствъ [3]).

Теперь, что имѣли противопоставить Цезарю его противники? По выраженію Цицерона, они были «позорнымъ образомъ неприготовлены» какъ въ отношеніи войска, такъ и въ отношеніи финансовъ [4]). Съ удаленіемъ изъ Рима Помпея и магистратовъ съ сенатомъ, Римъ остался, по выраженію Цицерона, «безъ всякой защиты», и былъ «отданъ въ добычу» Цезарю, со всей казной, со всѣми богатствами [5]). Итакъ, Римъ не имѣлъ защиты, не имѣлъ гарнизона. Но не было войска и у Помпея [6]). Наборъ подвигался медленно и не оправдывалъ самыхъ скромныхъ ожиданій, ибо населеніе, всего болѣе заботившееся о своихъ поляхъ и мало интересовавшееся политикою, [7]) не выказывало ни малѣйшей охоты проливать свою кровь за мало понятное и совершенно чуждое ему дѣло [8]). Такъ было особенно въ Кампаніи, въ которой «завѣдываніе» наборомъ было поручено Цицерону. Какъ увидимъ ниже, кампанцы не выказывали ни малѣйшаго усердія къ этому дѣлу. Въ результатѣ оказалось, что Капуя не только не дала Помпею новыхъ легіоновъ, но даже сама оставалась безъ гарнизона. (Болѣе подробно объ этомъ—ниже). Вслѣдствіе этого, по словамъ Цицерона, «вся надежда оставалась на два легіона, ненавистнымъ образомъ отнятые у Цезаря и потому совершенно ненадежные» [9]). (Помпей, какъ увидимъ позднѣе, и самъ очень хорошо понималъ это и никогда не довѣрялъ этимъ «ненавистнымъ» легіонамъ). Были, правда, у Помпея еще въ Испаніи шесть легіоновъ и «значительные гарнизоны подъ командой Афранія и Петрея» [10]). На нихъ одно время Цицеронъ дѣйствительно возлагалъ большія надежды, [11]) и часть ихъ, подъ начальствомъ Аф-

---

[1]) ib. [2]) ib. Срв. 309. ad Att. VII. 15. [3]) ib. [4]) ib. [5]) ib. [6]) ib. [7]) 298,6. ad Att. VII. 7. [8]) 307,2. ad Att. VII. 13.—308. ad Att. VII. 14. [9]) 307. ad Att. VII. 13. [10]) 340,4. ad Div. XVI. 12. [11]) ib.

ранія, одно время ожидалась въ Италіи; но потомъ, въ дальнѣйшей перепискѣ мы не встрѣчаемъ ни разу упоминанія объ этихъ легіонахъ; а главное, въ критическую для Помпея минуту, когда палъ Корфиній (съ Домиціемъ), и когда Помпей ни о чемъ больше не думалъ, какъ о томъ, чтобы поспѣть убѣжать отъ Цезаря, мы ничего не слышимъ объ легіонахъ Афранія. Быть можетъ, Афраній и дѣйствительно собирался идти въ Италію, на помощь къ Помпею, но потомъ, убѣдившись въ невозможности конкурировать съ «невѣроятной стремительностью» Цезаря, отказался отъ своего намѣренія. Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ, что отъ испанскихъ легіоновъ пользы для Помпея было не болѣе, какъ если бы ихъ вовсе не было (мы имѣемъ въ виду *данную минуту*, а не то, что имѣло мѣсто впослѣдствіи). — Наконецъ, самая личность «полководца», т. е. Помпея, была далека отъ того, чтобы внушить самоувѣренность противникамъ Цезаря. Его авторитетъ былъ уже значительно поколебленъ его «сумасброднымъ» и и «позорнымъ» шагомъ — «бѣгствомъ» изъ Рима; теперь успѣхи Цезаря въ Пиценѣ легли новымъ пятномъ на репутацію Помпея, какъ полководца [1]). Пиценъ потерянъ. Кто виноватъ?—Такъ какъ на Помпея «возлагали всѣ надежды», то естественнымъ образомъ теперь всякую неудачу ставили ему въ вину. Нѣтъ сомнѣнія, Помпей виноватъ въ томъ, что Цезарь овладѣлъ Пиценомъ,— виновата «неспособность» Помпея, какъ полководца. «И ты, пишетъ Цицеронъ къ Аттику, [2]) я думаю, видишь, до какой степени неспособенъ нашъ полководецъ». Можно, конечно, приписать эту фразу личному пессимистическому настроенію Цицерона относительно Помпея въ данную минуту; но, съ другой стороны, она не лишена, кажется намъ, и извѣстной доли объективнаго значенія, потому что, вѣдь, дѣйствительно, факты послѣднихъ дней не могли питать особенно оптимистическихъ взглядовъ на стратегическія способности Помпея, а факты послѣдующаго времени были не таковы, чтобы нарушить вызванное первыми пессимистическое отношеніе къ нему.

Все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ понятнымъ и ту «всеобщую панику и замѣшательство», которыя Цицеронъ нашелъ въ Фор-

---

[1]) 307. ad Att. VII. 13. [2]) ib.

міяхъ, и вообще то удрученное, подавленное настроеніе, въ какомъ находились всюду въ это время противники Цезаря и которое характеризуетъ лаконически Цицеронъ—въ двухъ словахъ: *nihil timidius, nihil perturbatius*; [1]) *plena timoris et erroris omnia* [2]).

Около этого времени, т. е. въ то время, когда Цезарь бралъ одинъ городъ за другимъ, а противники его суматошились въ въ Форміяхъ, въ Капуѣ, въ Минтурнахъ и другихъ отдаленныхъ пока почтительнымъ разстояніемъ отъ такъ перепугавшаго ихъ втораго Ганнибала мѣстахъ Италіи,—случилось событіе, которое доставило большое удовольствіе противникамъ Цезаря и на время подняло ихъ упавшій духъ. Это былъ переходъ Лабіена на сторону Помпея. Слухъ объ этомъ разнесся почти вслѣдъ за вѣстью о Рубиконѣ и Пиценѣ. (Письмо отъ 19 янв.) [3]). Но тогда это былъ только слухъ, которому, повидимому, не придавали серьезнаго значенія; по крайней мѣрѣ, Цицеронъ отнесся къ нему первоначально скептически. Но затѣмъ, когда Лабіенъ явился лично въ Теанъ 22 янв., [4]) и представился здѣсь Помпею и консуламъ, тогда, конечно, слухъ получилъ уже значеніе факта. Противники Цезаря, которые въ своемъ отчаянномъ положеніи рады были ухватиться за первую попавшуюся соломенку, съ жадностью подхватили этотъ фактъ [5]). Не имѣя серьезнаго реальнаго значенія, этотъ фактъ однако, по очень понятнымъ причинамъ, долженъ былъ имѣть важное значеніе по тому *впечатлѣнію*, которое онъ произвелъ на политическій міръ, особенно на противниковъ Цезаря. Это значеніе очень ярко отразилось въ письмахъ Цицерона. Подъ перомъ послѣдняго этотъ фактъ выростаетъ до размѣровъ далеко превосходящихъ дѣйствительное его значеніе. Въ этомъ случаѣ Цицеронъ поступаетъ точь въ точь, какъ обыкновенно поступаютъ публицисты партій: онъ преувеличиваетъ значеніе факта, *раздуваетъ* его до размѣровъ, далеко не соотвѣтствующихъ его дѣйствительному значенію. Вѣрно то, что этимъ своимъ «героическимъ» поступкомъ Лабіенъ «причинилъ непріятность Цезарю», [1])—чему Цицеронъ злорадно ликуетъ. Вѣрно, что это было большимъ скандаломъ для партіи Цезаря, и вслѣдствіе этого,

---

[1]) 309. ad Att. VII. 15. [2]) 305. ad Att. VII. 12. [3]) 304. ad Att. VII. 11. [4]) 308,7. ad Att. VII. 13. [5]) 310. ad Div. XVI. 12.—307. ad Att. VII. 13. [5]) ib.

понятнымъ образомъ, могло послужить къ «подъему духа» противной партіи, [1]) но тѣмъ дѣло и ограничивалось. Если Цицеронъ серьезно вѣрилъ въ то, что онъ писалъ Тирону (27 янв.), именно, что Лабіенъ своей измѣной Цезарю «нанесъ ему самый рѣшительный ударъ», [2]) то это, конечно, было не болѣе, какъ самообольщеніе, которому — сказать въ скобкахъ—вообще былъ не чуждъ очень разсудительный и проницательный, но по натурѣ своей склонный къ увлеченіямъ Цицеронъ. Едва ли также убѣдилъ кого Лабіенъ своимъ поступкомъ въ «преступности» Цезаря, какъ полагаетъ Цицеронъ, [3]) если только кто заранѣе не былъ убѣжденъ, подобно Цицерону, въ его «преступности». Высказывая подобную мысль, Цицеронъ, очевидно, не замѣчаетъ, что онъ кидаетъ вверхъ камень, который грозитъ упасть на него же самого. Вѣдь, еслибы Цезарь вздумалъ примѣнить практикуемую Цицерономъ логику къ своимъ противникамъ, то результатъ получался бы столько же нелестный для нихъ, особенно для самого Цицерона, который, повидимому, забылъ о своемъ зятѣ (Долабеллѣ), который почти одновременно съ «подвигомъ» Лабіена, совершилъ подобный же актъ геропзма, только въ обратную сторону, т. е. измѣнилъ партіи, горячимъ приверженцемъ которой былъ его тесть [4]). Многіе, кромѣ того, надѣялись, что примѣръ Лабіена найдетъ себѣ подражателей [5]). Но не видно, чтобы эта надежда оправдалась. Какъ бы то ни было, со времени теанскаго свиданія, Лабіенъ становится своимъ человѣкомъ у Помпея, который, по выраженію Цицерона, съ этого момента «началъ имѣть больше духу», [6]) и держалъ его неотлучно при себѣ. Но не видно, чтобы Лабіенъ игралъ здѣсь выдающуюся роль, а въ позднѣйшей перепискѣ мы даже вовсе ничего о немъ не слышимъ. Только разъ встрѣчаемся мы съ именемъ Лабіена, нѣсколько дней спустя. Но читатель, не успѣвшій еще забыть пышныхъ эпитетовъ, которыми награждалъ Цицеронъ своего «героя», къ немалому изумленію своему, слышитъ теперь изъ устъ того же Цицерона такія слова: «въ Лабіенѣ мало достоинства» [7]). Что послужило причиною подобной рѣзкой перемѣны въ отношеніи къ Лабіену со стороны Цицерона, остается, къ сожалѣнію, невыясненнымъ.

[1]) 307,7. ad Att. VII. 13. [2]) 310. ad Div. XVI. 12. [3]) ib. [4]) ib. 5.—308. ad Att VII. 14. [5]) 310,4. ad Div. XVI. 12. [6]) ib. 2. [7]) 325. ad Att. VIII. 2.

Не мало также удовольствія, повидимому, доставилъ противникамъ Цезаря подобный же поступокъ Пизона, его тестя, который бѣжалъ изъ Рима въ числѣ прочихъ сенаторовъ, оставившихъ Римъ при вѣсти о приближеніи Цезаря, чѣмъ и заявилъ свой протестъ противъ поведенія своего зятя [1]).

Не смотря однако на «подъемъ духа», вызванный въ партіи Помпея этими двумя инцидентами, особенно первымъ, наиболѣе дальновидные изъ ея среды далеко не были склонны увлекаться воинственнымъ духомъ; они, напротивъ, искренно желали мира, какъ единственно спасительнаго выхода изъ настоящаго кризиса, и сокрушались, подобно Цицерону, о томъ, что «время для мирныхъ переговоровъ» прошло [2]). Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось Цицерону. Почему ему такъ представлялось? Вѣроятно, потому, что, въ виду блестящихъ успѣховъ Цезаря, Цицеронъ считалъ невѣроятнымъ, чтобы послѣдній захотѣлъ пойти на мировую, по крайней мѣрѣ на тѣхъ условіяхъ, на какихъ желалось его противникамъ. Мы не знаемъ изъ переписки, какого рода были условія, предложенныя Помпеемъ Цезарю чрезъ посредство Луція Цезаря, но объ отвѣтѣ Цезаря имѣемъ точныя свѣдѣнія въ интересномъ письмѣ Цицерона изъ Cales отъ 24 янв. [3]) Изъ этого письма мы узнаемъ что Л. Цезарь 23 возвратился отъ Цезаря въ Теанъ, гдѣ тогда находился Помпей съ консулами. Сущность условій, принесенныхъ имъ отъ Цезаря, заключалась въ слѣдующихъ требованіяхъ и обѣщаніяхъ. (Письмо къ Тирону) [4]):

1. Чтобы Помпей отправился въ Испанію (свою провинцію).

2. Чтобы вновь набранные легіоны, равно и гарнизоны, были распущены.

И съ своей стороны обѣщалъ:

1. Передать объ Галліи ихъ новымъ, выбраннымъ по жребію, намѣстникамъ: Домицію—Трансальпинскую, Консидію Ноніану—Цизальпинскую.

2. Отказаться отъ права искать заочно консульства; онъ согласится явиться въ Римъ и въ продолженіе трехъ базарныхъ дней объявить свое имя.

---

[1]) 306,2. ad Div. XIV. 14. [2]) 307,2. ad Att. VII. 11. [3]) ib. [4]) 310. ad Div. XVI. 12.

Любопытно, что Цицеронъ, видѣвшій въ роли миротворца свое призваніе [1]),—который, какъ мы видѣли, только что сѣтовалъ на то, что *conditionum tempus amissum* [2]), — теперь, когда Цезарь соглашался на мирныя условія, крайне умѣренныя притомъ, если принять во вниманіе рѣшительный перевѣсъ шансовъ въ его сторону, — Цицеронъ, вмѣсто того, чтобы, какъ бы слѣдовало ожидать, съ восторгомъ привѣтствовать столь желательный съ его точки зрѣнія шагъ,—напротивъ, съ ожесточеніемъ нападаетъ на Цезаря за эти его «нелѣпѣйшія предложенія» [3]), за эти его «наглыя требованія» [4]). Даже личность Луція Цезаря, принесшаго эти условія, не спасается отъ взрыва непонятнаго негодованія Цицерона. «Развѣ это человѣкъ? это—навозная куча!» посылаетъ онъ по его адресу [5]).

Черезъ два дня послѣ того, какъ Л. Цезарь представился Помпею, т. е. 25 янв. [6]), принесенныя имъ условія Цезаря были предметомъ обсужденія «въ совѣтѣ», — *in consilio*, въ которомъ, кромѣ Помпея и консуловъ, участвовали и «многіе представители сенаторскаго сословія», между прочимъ Катонъ, Фавоній и — повидимому — самъ Цицеронъ, который въ этотъ день прибылъ въ Капую [7]).

Общее настроеніе было довольно мирное. Хотя и сознавали, что въ данную минуту миновало уже то время, когда можно было съ честью уступить Цезарю [8]),—тѣмъ не менѣе, всѣ единодушно желали достигнуть мирнаго соглашенія—именно на почвѣ прежнихъ требованій Цезаря, лишь бы только послѣдній, съ своей стороны, возвратился въ прежнее положеніе, т. е. въ то положеніе, въ какомъ онъ находился до занятія Пицена [9]). Даже Катонъ—и тотъ заявилъ, что «готовъ лучше рабствовать, чѣмъ сражаться» [10]). И только Фавоній, усердный подражатель Катона, превзошедшій изъ усердія даже свой идеалъ,—одинъ пытался было протестовать противъ «подчиненія Цезарю», но его никто не слушалъ [11]), какъ прежде не слушали «кричавшаго о мирѣ» Цицерона. Предложеніе было принято, хотя и съ очень су-

---

[1]) 352. ad Att. IX. 11. — 336. ad Att. VIII. 12. [2]) 307,2. ad Att. VII. 13. [3]) ib. [4]) 314. ad Att. VII. 17. [5]) 307,6. ad Att. VII. 13. [6]) 309,2. ad Att. VII. 15. [7]) ib.— 310,3. ad Div. XVI. 12. [8]) 314,2. ad Att. VII. 17. [9]) 309,2. ad Att. VII. 15. [10]) ib. [11]) ib.

щественными оговорками. Именно, рѣшено было объявить Цезарю слѣдующія ограничивающія условія: вопервыхъ, онъ долженъ вывести свои гарнизоны изъ занятыхъ имъ городовъ внѣ предѣловъ своей провинціи; вовторыхъ, въ случаѣ если Цезарь согласится исполнить это требованіе, дѣло должно быть представлено на усмотрѣніе сената [1]). Отвѣтъ этотъ былъ изложенъ письменно, но не въ формѣ оффиціальнаго документа, а въ видѣ письма къ Цезарю отъ лица Помпея, которое предназначалось для опубликованія [2]). Письмо это было написано не самимъ Помпеемъ, а—по его порученію — Сестіемъ, чѣмъ очень былъ недоволенъ Цицеронъ. Цицеронъ былъ недоволенъ, какъ видно, *тономъ* письма, который казался ему слишкомъ мягкимъ. «Цезарь можетъ подумать», говорилъ онъ [3]), «что безпрекословно соглашаются на всѣ его требованія». Напротивъ, на народъ, на комиціи это письмо произвело благопріятное впечатлѣніе и заслужило одобреніе народнаго собранія [4]). Цицеронъ истолковываетъ это одобреніе въ смыслѣ благопріятномъ для Помпея; онъ видитъ въ этомъ одобреніи доказательство того, что въ этомъ спорѣ между Помпеемъ и Цезаремъ симпатіи народа на сторонѣ перваго, и онъ выражаетъ увѣренность, что, въ случаѣ отказа съ своей стороны, Цезарь потеряетъ свою популярность [5]). Любопытна логика Цицерона. Онъ не замѣчаетъ, въ какое безвыходное противорѣчіе съ самимъ собой онъ впадаетъ. Народу понравился отвѣтъ Помпея; Цицеронъ заключаетъ отсюда, что онъ симпатизируетъ Помпею и настроенъ противъ Цезаря. Цицеронъ забываетъ, что ему-то самому, который былъ болѣе, чѣмъ всякій другой настроенъ въ пользу Помпея и противъ Цезаря, *не* понравился этотъ отвѣтъ. Слѣдовательно, народъ одобрилъ то, что̀ не одобрилъ Цицеронъ, т. е. онъ былъ настроенъ діаметрально-противоположнымъ образомъ относительно Цезаря и Помпея, чѣмъ Цицеронъ. Очевидно, что въ данномъ случаѣ Цицеронъ сдѣлался жертвою того психологическаго закона, въ силу котораго—«чего хочется, тому вѣрится».

Но удивительнѣе еще то, что такой оборотъ дѣлъ могъ внушить Цицерону надежду на миръ, на «миръ,—хотя и не почет-

[1]) 310,3. ad Div. XVI. 12. [2]) 314,2. ad Att VII. 17. [3]) ib. [4]) 315. ad Att. VII. 18. [5]) ib.

ный — ибо налагаются условія, но во всякомъ случаѣ представляющійся болѣе сноснымъ, чѣмъ то положеніе, въ которомъ мы (говоритъ Цицеронъ) теперь находимся» [1]). Впрочемъ надежда эта опиралась, кажется, не столько на самый фактъ мирныхъ переговоровъ (которые въ сущности были довольно сомнительнаго свойства, благодаря тѣмъ ограничивающимъ требованіямъ, которыя были предложены Цезарю противной стороной), сколько на болѣе или менѣе апріорное соображеніе о томъ, что и Помпей и Цезарь—оба одинаково имѣютъ причины желать мира въ данную минуту, ибо, какъ говоритъ Цицеронъ, «тому надоѣло безумствовать, а этому нашему (Пом.)—скучать безъ войска» [2]). Но не видно, чтобы эта увѣренность Цицерона чѣмъ-нибудь подтверждалась. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что мирные переговоры, которые Помпей и Цезарь вели черезъ Л. Цезаря, ни мало не мѣшали продолжать имъ военныя приготовленія. Какъ обнаружилось вскорѣ, Цезарь, не смотря на мирные переговоры, ни мало не думалъ ослаблять свою стратегическую энергію [3]). Дѣйствительно, какъ гласили слухи, Цезарь «съ удвоенной энергіей набиралъ новые легіоны, занималъ выгодныя позиціи, укрѣплялъ ихъ гарнизонами» [4]). И Помпей, съ своей стороны, вовсе не думалъ отказываться отъ начатыхъ приготовленій, тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно было, будутъ ли приняты Цезаремъ предъявленныя ему условія; въ случаѣ же отрицательнаго отвѣта, онъ *рѣшилъ вести войну* [5]). Изъ этого видно, что Помпей, послѣ «бѣгства» своего изъ Рима, ничуть не думалъ считать свое дѣло проиграннымъ. Его агенты, разосланные во всѣ концы Италіи, т. е. назначенные сенатомъ въ отдѣльные округи Италіи ἐπίσκοποι, вербовали ему новобранцевъ. Мы имѣемъ довольно точныя свѣдѣнія о двухъ такихъ командировкахъ Цицерона — въ Кампанію, «съ цѣлью содѣйствія набору» — *adjuvare delectum* [6]). Какъ мы видѣли выше, Цицеронъ былъ назначенъ сенатомъ еще въ первой половинѣ янв. къ «завѣдыванію» наборомъ въ Кампанію. Отправляя теперь (въ концѣ янв.) туда Цицерона, Помпей тѣмъ самымъ исполнялъ распоряженіе сената, состоявшееся въ

---

[1]) 310. ad Att. XVI. 12. Срв. 315,1. ad Att. VII. 18.—314. ad Att. VII. 17. [2]) 308. ad Att. VII. 14. [3]) 315. ad Att. VII. 18. [4]) ib. 2. [5]) 310,4. ad Div. XVI. 12. [6]) 308,2. ad Att. VII. 14.

первой половинѣ янв. Въ первый разъ Цицеронъ отправился въ Капую 25 янв. [1]), гдѣ и занимался наборомъ вмѣстѣ съ пропреторомъ Консидіемъ, Т. Амніемъ [2]) и консулами, которые въ это время были также въ Капуѣ [3]), втеченіе трехъ дней — съ 25 до 27 янв. [4]), послѣ чего, вмѣстѣ съ послѣдними, выѣхалъ изъ Капуи [5]). Результатомъ этого трехдневнаго пребыванія Цицерона въ Капуѣ было вынесенное имъ убѣжденіе, что «отъ кампанскихъ колонистовъ нечего ждать пользы для набора»: (*in delectu*) *parum prolixe respondent Campani coloni* [6]), не забывшіе еще, вѣроятно, того, чѣмъ они обязаны были Цезарю. Нельзя было Помпею разсчитывать на нихъ, какъ на солдатъ, когда они открыто заявляли о своемъ рѣшительномъ отвращеніи къ перспективѣ войны противъ Цезаря [7]). Этимъ, вѣроятно, и объясняется то обстоятельство, что Цицеронъ такъ поспѣшно оставилъ Капую, гдѣ ему предстояла, повидимому, столь важная задача, требовавшая во всякомъ случаѣ болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ два-три дня. Здѣсь мы встрѣчаемся, однако, съ такимъ крупнымъ противорѣчіемъ въ перепискѣ, котораго нельзя обойти молчаніемъ. Именно, въ письмѣ къ Тирону отъ 27 янв.—т. е. на третій день пребыванія своего въ Капуѣ—Цицеронъ пишетъ между прочимъ, что «*наборъ далъ блестящіе результаты*», *delectus magnos habemus* [8]). Чѣмъ объяснить такое разительное противорѣчіе въ показаніяхъ Цицерона относительно одного и того же факта? Если мы прочтемъ все это довольно длинное письмо Цицерона къ Тирону, намъ прежде всего бросится въ глаза этотъ контрастъ между мрачно-пессимистическихъ взглядомъ Цицерона на общее положеніе дѣлъ,—взглядомъ, которымъ проникнуты всѣ цитированныя нами письма этого времени,—и между *самоувѣреннымъ тономъ* настоящаго письма. Если повѣрить этому послѣднему, война съ Цезаремъ для Помпея—«плёвое дѣло». Если въ предъидущихъ письмахъ положеніе Цезаря представлялось въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, положеніе Помпея—въ самомъ мрачномъ, то здѣсь мы видимъ наоборотъ: положеніе Цезаря представляется почти отчаян-

---

[1]) ib.—309. ad Att. VII. 15. [2]) 334. ad Att. VIII. 11. B. 2. [3]) ib. [4]) 310. ad Div. XVI. 12. [5]) 334. ad Att. VIII. 11. B. 2. [6]) 308,2. ad Att. VII. 14. [7]) 307. ad Att. VII. 13. [8]) 310. Div. XVI. 12.

нымъ, всѣ шансы—на сторонѣ Помпея; Цезарю «не выдержать войны», въ особенности если принять во вниманіе то «пораженіе», которое онъ потерпѣлъ отъ Лабіена [1]). «Стоитъ только заградить ему доступъ къ Риму», а тамъ,—«если будетъ продолжать безумствовать,—будетъ мигомъ усмиренъ» [2]). Что это значитъ? Такъ какъ ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ ни въ предъидущихъ, ни въ непосредственно затѣмъ слѣдующихъ письмахъ Цицерона (къ Аттику), то—намъ кажется — мы въ правѣ заподозрить здѣсь Цицерона въ «дипломатической лжи». Вѣроятно, Цицеронъ не хотѣлъ огорчить больнаго [3]) Тирона, котораго онъ такъ нѣжно любилъ, печальными вѣстями и пессимистическими ожиданіями, а такъ какъ дѣйствительность не могла питать оптимистическихъ воззрѣній, то Цицеронъ прибѣгъ къ помощи своего ораторскаго творчества, чтобы скрасить дѣйствительность и не выдать собственнаго настроенія. Замѣчательно, что *всѣ* письма Цицерона къ Тирону отличаются въ большей или меньшей степени оптимистическимъ оттѣнкомъ и носятъ на себѣ болѣе или менѣе ясные слѣды старанія Цицерона *успокоить* и по возможности даже *развеселить* своего—надо полагать — довольно меланхолическаго слугу-друга.

Итакъ, миссія Цицерона въ Капую потерпѣла полное фіаско. Но эта неудача не ослабила настойчивости Помпея. Онъ вторично отправилъ Цицерона въ Капую съ тѣмъ же порученіемъ [4]). На этотъ разъ Цицеронъ прибылъ въ Капую 4 февр., [5]) наканунѣ того дня, когда онъ долженъ быть прибыть согласно приказанію Помпея, [6]) и пробылъ тамъ также, какъ и прежде, три дня. Вмѣстѣ съ Цицерономъ былъ въ Капуѣ и Лентулъ, пріѣхавшій туда, вѣроятно, также по приказанію Помпея—вечеромъ 5 февр. [7]). Но на этотъ разъ Цицерону пришлось еще болѣе наглядным образомъ убѣдиться, насколько мало соотвѣтствовало видамъ Помпея настроеніе кампанскаго населенія. Вотъ что писалъ Цицеронъ Аттику на другой день по выѣздѣ своемъ изъ Капуи (8 февр.) [8]): «О наборѣ не можетъ быть и рѣчи. Дѣло дошло до того, что *вербовщики не смѣютъ показываться на улицахъ*; о добровольцахъ

---

[1]) ib. [2]) ib. [3]) 301. ad Div. XVI. 11. [4]) 334. ad Att. VIII. 11. B. 2. [5]) 311. ad Att. VII. 16. [6]) 314,5. ad Att. VII. 17. [7]) 318. ad Att. VII. 21. [8]) ib.

нечего и думать....» «Ты спрашиваешь, что здѣсь дѣлается, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [1]),—вся Капуя—со всѣмъ своимъ наборомъ — лежитъ въ безпомощномъ положеніи». Неудивительно послѣ этого, если Цицеронъ, который, какъ мы видѣли, съ большой неохотой «взялъ себѣ Капую», видя къ тому же вокругъ себя общее равнодушіе къ дѣлу, [2]) — махнулъ на все рукой и «вовсе ничего не предпринималъ», какъ признается въ одномъ письмѣ къ Аттику [3]). Особенно жалуется Цицеронъ на неспособность и равнодушіе къ дѣлу консуловъ [4]). (Любопытно, что въ письмѣ къ Цезарю, писанномъ въ промежуткѣ времени между первой и второй своими поѣздками въ Капую, Цицеронъ категорически отрицаетъ какъ самый фактъ своей поѣздки въ Капую, такъ и то, что онъ взялъ на себя «завѣдываніе» наборомъ. «Я живу спокойно въ своихъ помѣстьяхъ, писалъ онъ, [5]) и ни набора, ни другаго какого дѣла на себя не бралъ»—*me in praediis meis esse neque delectum ullum neque negotium suscepisse.* Яркій образецъ дипломатической лжи).

Итакъ, Помпей, какъ и Цицеронъ, не прекращалъ своихъ военныхъ приготовленій. Но Цицеронъ съ своими хлопотами въ Кампаніи завлекъ насъ нѣсколько впередъ. Еще ранѣе, чѣмъ Цицеронъ отправился въ первый разъ въ Капую, т. е. до 27 янв., Помпеемъ была принята одна мѣра, въ виду возможнаго перенесенія театра войны въ Кампанію, именно мѣра касательно находившихся въ Капуѣ «гладіаторовъ Цезаря», [6]) которые дѣйствительно могли быть опаснымъ элементомъ, особенно въ виду этого явнаго нерасположенія кампанцевъ къ Помпею [7]). Мѣра Помпея заключалась въ томъ, что онъ, «роздалъ ихъ отцамъ семейства—каждому по два», т. е., вѣроятно, роздалъ въ качествѣ рабовъ наиболѣе знатнымъ гражданамъ Капуи, которые были извѣстны ему своей лояльностью. Любопытно, что Капуя, уже издавна сдѣлавшаяся главнымъ разсадникомъ римскаго гладіаторства, при всякомъ внутреннемъ замѣшательствѣ сильно обезпокоивала римское правительство, испытавшее всю страшную силу этого опаснаго элемента. Поэтому, всякій разъ какъ въ воздухѣ начинало

---

[1]) 320,3. ad Att. VII. 23. [2]) 326,4. ad Att. VIII. 3.—317. ad Att. VII. 20. [3]) ib. [4]) ib. [5]) 314,4. ad Att. VII. 17. [6]) 308,2. ad Att. VII. 14. [7]) ib.

пахнуть междоусобіемъ, первою заботою правительства было обезопасить себя съ этой стороны. Совершенно подобная же мѣра была принята римскимъ правительствомъ во время катилинарной смуты. Какъ бы то ни было, Помпей не падалъ духомъ. Успокоительныя завѣренія Лабіена относительно немногочисленности войска у Цезаря [1]) не только ободрили Помпея, но и внушили ему даже нѣкоторую самоувѣренность. Въ концѣ января Цицеронъ получилъ отъ него письмо, полное самыхъ смѣлыхъ надеждъ [2]). Помпей писалъ, что онъ надѣется *въ нѣсколько дней* (*paucis diebus*) сформировать «сильное войско» и высказываетъ, по крайней мѣрѣ въ видѣ намека, намѣреніе пойти съ нимъ въ Пиценъ «и возвратиться такимъ образомъ въ Римъ».—Откуда однако думалъ Помпей достать сильное войско, это неясно, тѣмъ болѣе, что это было уже послѣ первой—столь неудачно окончившейся миссіи Цицерона въ Капую. Очевидно однако, что Помпей не могъ имѣть въ виду другаго источника кромѣ набора, ибо о *старыхъ* его легіонахъ, т. е. испанскихъ легіонахъ, мы ничего не слышимъ въ данную минуту. Вѣроятно, Помпей надѣялся на лучшіе результаты набора въ другихъ округахъ Италіи, о которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Быть можетъ, въ связи этимъ планомъ—сформировать «сильное войско» изъ новобранцевъ разныхъ округовъ—находилась поѣздка Помпея «къ Аттіевымъ легіонамъ», [3]) т. е., очевидно, къ вновь навербованнымъ легіонамъ въ Cingulum'ѣ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, «завѣдывалъ» наборомъ Аттій [4]).

Такъ прошелъ январь. Мы не знаемъ, чѣмъ кончились мирные переговоры, начатые по почину Помпея въ концѣ января. Въ началѣ февраля, повидимому, еще не былъ полученъ отвѣтъ Цезаря на письмо Помпея. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 3 февраля (изъ Формій) [5]) говорится только о посылкѣ перваго письма Помпея съ Л. Цезаремъ, и не видно, чтобы въ это время былъ полученъ отвѣтъ на контръ-предложенія Помпея. Такимъ образомъ, съ началомъ новаго мѣсяца не произошло никакой существенной перемѣны; положеніе оставалось по прежнему неопредѣленнымъ, и военныя приготовленія продолжались съ той и другой стороны

---

[1]) 311. ad Att. VII. 16. [2]) ib. 2. [3]) 309,3. ad Att. VII. 15. [4]) 307. ad Att. VII. 13. [5]) 315. ad Att. VII. 18.

съ прежней энергіей [1]). Да, кажется, въ эту минуту уже и не думали серьезно о мирныхъ переговорахъ. Даже Цицеронъ, который, какъ мы выше видѣли, вначалѣ готовъ былъ вѣрить, что начатые мирные переговоры приведутъ къ желаемому всѣми мирному рѣшенію вопроса,—даже Цицеронъ отказывается теперь отъ всякой надежды на миръ [2]). То, что до сихъ поръ происходило, представляется ему теперь лишь печальной прелюдіей къ настоящей войнѣ, которая вотъ-вотъ вспыхнетъ, чтобы охватить всю Италію своимъ пламенемъ [3]). Перспектива войны, какъ мы видѣли, не особенно улыбалась противникамъ Цезаря. «Подъемъ духа», вызванный въ лагерѣ Помпея прибытіемъ къ нему Лабіена, былъ, повидимому, непродолжителенъ. Скоро убѣдились, что «въ Лабіенѣ мало достоинства», [4]) а потому и увѣренія его относительно «ничтожности» войска Цезаря, придававшія значительную самоувѣренность Помпею, не производили никакого дѣйствія на людей болѣе проницательныхъ и разсудительныхъ изъ помпеева лагеря. Они мало придавали вѣры надеждамъ Помпея «сформировать въ нѣсколько дней сильное войско» и были увѣрены, что если дѣйствительно придется воевать, — если дѣло не кончится «позорнымъ миромъ», [5]) то оно приведетъ къ войнѣ — несчастной для нихъ, противниковъ Цезаря [6]). На этотъ разъ не вызвалъ особеннаго подъема духа въ лагерѣ Помпея даже разнесшійся въ это время (въ нач. февр.) слухъ о томъ, что Кассій (вѣроятно, оставленный Цезаремъ въ Анконѣ) выгнанъ изъ Анконы, и эта послѣдняя снова перешла въ руки Помпея [7]). Неизвѣстно еще, насколько достовѣренъ былъ этотъ слухъ; но если даже онъ и былъ достовѣренъ, то этотъ единичный случай успѣха исчезалъ въ массѣ явленій совершенно противоположнаго свойства. Прежде всего, какъ мы видѣли, Цицерона повергала почти въ отчаяніе крайняя бездѣятельность консуловъ. «Наши, писалъ онъ въ началѣ февр. (5 февр.), [8]) совершенно игнорируютъ военными приготовленіями: ни о чемъ менѣе не заботятся консулы». Цицеронъ просто изъ себя выходитъ отъ ихъ «безтолковаго и халатнаго отношенія къ дѣлу» [9]). Быть можетъ, здѣсь играло роль отчасти личное раздра-

---

[1]) 314. ad Att. VII. 17. — 315. ad Att. VII. 18. — 334. ad Att. VIII. 11. B. 2.— 311. ad Att. VII. 16. [2]) 317. ad Att. VII. 20. [3]) 314. ad Att. VII. 17. [4]) 325,3. ad Att. VIII. 2. [5]) 315. ad Att. VII. 18. [6]) ib. [7]) ib. [8]) 317. ad Att. VII. 20. [9]) ib.

женіе Цицерона противъ консуловъ, между прочимъ вслѣдствіе того, что они, назначивъ Цицерону явиться въ Капую къ 5 февр., [1]) сами не явились въ назначенное время и тѣмъ поставили, вѣроятно, Цицерона въ затруднительное положеніе [2]). Какъ бы то ни было, Цицеронъ убѣдился въ томъ, что «нѣтъ ничего путнаго въ консулахъ» [3]).

Далѣе, мы видимъ, что смѣлыя надежды Помпея относительно «сильнаго войска» не оправдались; напротивъ, ему пришлось убѣдиться въ совершенной невозможности чего-либо подобнаго. Мы уже выше видѣли, до какой степени плачевный исходъ имѣли попытки съ наборомъ въ Кампаніи. Но, какъ теперь оказалось, и другія области не представляли въ этомъ отношеніи ничего утѣшительнаго для Помпея. Первый же отрядъ новобранцевъ, навербованный Аттіемъ (въ Cingulum'ѣ), оказался «безусловно ненадежнымъ» [4]). При такомъ положеніи дѣла, нечего было и думать о «походѣ въ Пиценъ»: «потерянный Пиценъ» [5]) такъ и остался потеряннымъ для Помпея. Мало того, нельзя было думать не только о какихъ-нибудь наступательныхъ маневрахъ,— нельзя было думать просто даже о *сопротивленіи* Цезарю, ибо, еслибы Цезарь захотѣлъ дать сраженіе, *ему не съ кѣмъ было бы сражаться* [6]). Наконецъ, самая личность вождя, Помпея, какъ и вначалѣ, не только не въ состояніи была внушить бодрость, а напротивъ—только усугубляла общее пессимистическое настроеніе, дѣлала еще болѣе безнадежнымъ и безъ того почти отчаянное положеніе. «А нашъ Кней!—невольно вырывалось у его друзей: можно ли себѣ представить что-нибудь болѣе жалкое! До какой степени онъ потерялъ голову!...» [7]) «Его нѣтъ нигдѣ, гдѣ нужно его присутствіе, онъ ничего не дѣлаетъ тамъ, гдѣ бы нужно было его дѣятельное вмѣшательство» [8]). Сравненіе съ Цезаремъ, которое само напрашивалось, даже въ глазахъ такого принципіально предубѣжденнаго противъ него человѣка, какъ Цицеронъ, было далеко не къ выгодѣ Помпея [9]).

Между тѣмъ вѣсти приходили одна другой тревожнѣе. «Цезарь, гласила одна изъ нихъ, стремительно идетъ впередъ и не

---

[1]) ib. — 318. ad Att. VII. 21. [2]) ib. [3]) ib. [4]) 317. ad Att. VII. 20. [5]) 318. ad Att. VII. 21. [6]) ib.—317,1. ad Att. VII. 20. [7]) 318,1. ad Att. VII. 21. [8]) ib. [9]) 319,1. ad Att. VII. 22.

сегодня-завтра нагонитъ Помпея,—не для того, чтобы сражаться—ибо съ кѣмъ? — но чтобы отрѣзать отступленіе». (Письмо отъ 5 февр.) [1]).

Итакъ, смѣлые планы о томъ, чтобы «сформировать сильное войско», «идти въ Пицентъ», «возвратиться въ Римъ» и «отрѣзать доступъ къ нему Цезарю» — разбились вдребезги въ какихъ-нибудь нѣсколько дней. Дѣло теперь шло уже не о побѣдѣ, а о собственномъ спасеніи; не о борьбѣ, а объ бѣгствѣ. Дѣло шло уже не о томъ, какъ уничтожить Цезаря, а о томъ, какъ самимъ уйти отъ него цѣлымъ,—и не о томъ, какъ отрѣзать ему дорогу къ Риму, а о томъ, какъ бы самимъ не быть отрѣзаннымъ отъ выхода изъ Италіи. Фраза, сказанная Помпеемъ передъ началомъ войны—«побѣдить или умереть!» [2])—фраза, съ жаромъ подхваченная тогда его друзьями, была забыта въ эту минуту, когда пришлось выбирать между побѣдой и смертью, и когда стало ясно, что первое—невозможно, а второе очень вѣроятно. Теперь Помпей ни о чемъ, повидимому, больше не думаетъ, какъ о томъ, чтобы *поспѣть убѣжать отъ Цезаря* (въ это время Помпей находился въ Люцеріи [3]). Въ этомъ заключалась теперь, если вѣрить Цицерону, вся «программа» Помпея. И Цицеронъ высказываетъ даже—полуиронически, полусерьезно—сомнѣніе въ выполнимости и этой, повидимому до такой степени упрощенной, программы и высказываетъ опасеніе, «какъ бы Цезарь не пришелъ въ Брундузій ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ», что̀ Цицерону представляется болѣе чѣмъ возможнымъ, въ виду той быстроты, съ какой Цезарь «прогуливается съ своими солдатами» [4]). «Для меня несомнѣнно, пишетъ Цицеронъ, [5]) что не сегодня-завтра Цезарь будетъ въ Апуліи, нашъ Кней—на кораблѣ...» Эти послѣднія слова были сказаны Цицерономъ 8 февр., когда еще ничего не было положительно извѣстно относительно намѣренія Помпея бѣжать изъ Италіи. Какъ бы то ни было, слова эти вскорѣ получили значеніе исполнившагося пророчества. «Мы почти уже уничтожены!» восклицаетъ Цицеронъ въ началѣ февраля [6]). Но самъ Помпей, повидимому, не сознавалъ еще всей серьезности своего положенія. Въ то время, когда Ци-

---

[1]) 317. ad Att. VII. 20. [2]) 300. ad Att. VII. 9. [3]) 317,1. ad Att. VII. 20. [4]) 338. ad Att. VIII. 14. [5]) 317. ad Att. VII. 20. [6]) 316. ad Att. VII. 19.

церонъ считалъ дѣло его почти совершенно уже пропащимъ и опасался даже за возможность самаго бѣгства, Помпей совершенно добродушно отправляетъ трибуна К. Кассія къ консуламъ въ Капую, съ приказомъ — «идти немедленно въ Римъ и, захвативъ съ собой деньги изъ священнаго эрарія, тотчасъ возвращаться обратно (въ Капую)» [1]). Разумѣется, что когда съ часу на часъ ждали появленія Цезаря въ Апуліи, поздно было уже помышлять объ этомъ, и слишкомъ наивно было говорить о томъ, чтобы «придти въ Римъ, взять, выйти и возвратиться». «Возвратиться?— Но гдѣ конвой?—Выйти?—Но кто позволитъ?» [2]). Отвѣтъ консуловъ (упоминается почему-то только одинъ Лентулъ) былъ коротокъ и ясенъ: «Пусть прежде самъ Помпей придетъ въ Пиценъ» [3]). Надо полагать, что этотъ лаконическій отвѣтъ, въ которомъ Помпей долженъ былъ прочесть и горькій упрекъ и вмѣстѣ злую иронію, въ достаточной мѣрѣ просвѣтилъ его насчетъ истиннаго положенія вещей. По крайней мѣрѣ, мы не только не видимъ болѣе съ его стороны подобныхъ попытокъ (хотя бы только на словахъ) —заглянуть въ Римъ или сдѣлать прогулку въ Пиценъ, а, напротивъ, видимъ только одно, только одну попытку: убѣжать подальше отъ Рима и отъ Пицена, убѣжать отъ Цезаря... Это мы увидимъ изъ дальнѣйшей переписки, а теперь — возвратимся къ Цезарю.

Цезарь двигался по прежнему съ «невѣроятной быстротой» [4]). 9 февраля Цицеронъ пишетъ Аттику (изъ Форміана) [5]): «Я не вижу во всей Италіи ни одной пяди земли, которая бы не была въ его (Цезаря) власти. Если Помпей сейчасъ не на кораблѣ, я увѣренъ, что онъ отрѣзанъ (отъ моря)». Наступилъ, можно сказать, самый критическій моментъ; но какъ разъ, именно, въ это время прекращаются (на нѣсколько дней) точныя извѣстія о Цезарѣ и о Помпеѣ. О Помпеѣ послѣднее точное извѣстіе было получено Цицерономъ 5 февр., именно извѣстіе о томъ, что Помпей прибылъ въ Люцерію, гдѣ нашелъ «аттіевы когорты» [6]). Послѣ того, въ продолженіе нѣсколькихъ дней вовсе нѣтъ о немъ никакихъ извѣстій. Куда онъ направился и выѣхалъ ли еще от-

---

[1]) 318. ad Att. VII. 21. [2]) ib. [3]) ib. [4]) 319,1. ad Att. VII. 22. Срв. 305. ad Att. VII. 12. [5]) 319. ad Att. VII. 22. [6]) 317. ad Att. VII. 20.

туда, наконецъ, что имѣлъ въ виду предпринять, обо всемъ этомъ Цицеронъ только гадаетъ, но ничего достовѣрнаго не знаетъ. Въ письмѣ отъ 9 февр. Цицеронъ жалуется Аттику, что онъ не знаетъ, «гдѣ — въ какой землѣ или въ какомъ морѣ — искать Помпея» [1]). Самъ Цицеронъ предполагалъ, что въ данную минуту Помпей уже внѣ Италіи (если только не отрѣзанъ Цезаремъ отъ моря); Цицеронъ немного не угадалъ: Помпей дѣйствительно былъ, какъ увидимъ ниже, настигнутъ Цезаремъ, хотя, и не былъ *отрѣзанъ* отъ моря (въ Брундузіѣ); но это случилось только почти мѣсяцъ спустя. 9 февраля вечеромъ, впервые послѣ пятидневнаго промежутка были получены въ Форміяхъ, гдѣ въ это время находился Цицеронъ [2]), вѣсти о Цезарѣ и о Помпеѣ; но это были все-таки не точныя извѣстія, а слухи, и притомъ слухи совершенно противоположные другъ другу. По однимъ—положеніе Помпея представлялось въ благопріятномъ свѣтѣ, по другимъ — въ самомъ отчаянномъ [3]). Первые гласили, что «Домицій (который въ это время былъ въ Корфиніѣ) [4]) имѣетъ сильное войско; что когорты изъ Пицена, подъ предводительствомъ Лентула и Терма, соединились съ войскомъ Домиція; Цезаря можно окружить: онъ и самъ сознаетъ эту угрожающую ему опасность; патріоты въ Римѣ подняли голову, противники ихъ присмирѣли» [5]). Эти извѣстія шли изъ Рима, вѣроятно, отъ Аттика, который, повидимому, жилъ въ это время, если не въ Римѣ, то гдѣ-то поблизости около Рима. Вполнѣ естественно, что въ Римѣ положеніе дѣлъ склонны были представлять въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ было на дѣлѣ; а сверхъ того, вѣроятно, и самъ Аттикъ преднамѣренно сообщалъ Цицерону «болѣе утѣшительныя, чѣмъ точныя извѣстія» [6]), — чтобы успокоить своего друга, ужъ черезчуръ близко принимавшаго къ сердцу интересы «своего Кнея». (Въ данномъ случаѣ Аттикъ поступаетъ по отношенію къ Цицерону точно также, какъ нѣсколько ранѣе самъ Цицеронъ—по отношенію къ Тирону). Какъ бы то ни было, но слишкомъ ужъ въ разрѣзъ шли эти сообщенія со всѣмъ, что было извѣстно Цицерону о событіяхъ послѣднихъ дней, чтобы повѣрить сразу такимъ оп-

---

[1]) 319. ad Att. VII. 22. [2]) 320. ad Att. VII. 23. [3]) ib. [4]) 334. ad Att. VIII. 11. [5]) 320,1. ad Att. VII. 23. [6]) 322. ad Att. VII. 25.

тимистическимъ извѣстіямъ, тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно обыкновеніе его римскаго корреспондента—присылать «болѣе веселыя, чѣмъ точныя письма». «Боюсь, что все это не болѣе, какъ сладкіе сны», пишетъ онъ въ отвѣтъ [1]). Онъ скорѣе готовъ вѣрить противоположнымъ слухамъ, гласившимъ, что «Цезарь преслѣдуетъ по пятамъ Помпея,—что всѣ мы почти уже въ плѣну у Цезаря, и что Помпей уходитъ изъ Италіи» [2]). Послѣдніе слухи, шедшіе, вѣроятно, съ самаго театра событій, дѣйствительно были подтверждены вскорѣ точными извѣстіями. Именно, *10 февраля*, Кассій получилъ письмо отъ своего пріятеля Лукреція, въ которомъ тотъ сообщалъ ему, что «*Вибуллій бѣжитъ изъ Пицена съ немногими солдатами; по пятамъ за нимъ гонится Цезарь; Домицій имѣетъ войска менѣе 3000*» [3]). Эти послѣднія извѣстія также подтвердились вскорѣ еще болѣе точнымъ образомъ, когда Цицеронъ получилъ, *16 февр.*, письмо отъ самого Помпея [4]). Помпей писалъ ему, отъ 13 февр., что *10 февр.* явился къ нему отъ Домиція Фабій, который сообщилъ, что «*Домицій идетъ къ нему, Помпею, съ 11 когортами (своими) и 14 когортами Вибуллія; что самъ онъ, Домицій, намѣревался 9 февр. выйти изъ Корфиніи* (*въ Люцерію*), *въ сопровожденіи Гирра съ 5 когортами*». Заключительныя слова письма: «Полагаю, что ты прибудешь къ намъ въ Люцерію: нигдѣ не найдешь ты болѣе безопаснаго мѣста, какъ здѣсь». Итакъ, это письмо Помпея, подтвердило въ главныхъ пунктахъ сообщенныя ранѣе Лукреціемъ Кассію извѣстія. Но при этомъ нельзя не обратить вниманія на значительное противорѣчіе этихъ двухъ извѣстій—Лукреція и Помпея—въ цифровыхъ данныхъ. По словамъ Помпея, у Домиція было въ данную минуту 11+14=25 когортъ (кромѣ пяти когортъ Гирра), что составляетъ *minimum* 10.000 человѣкъ; между тѣмъ какъ Лукрецій опредѣляетъ *maximum* въ 3.000. Нужно при этомъ замѣтить, что оба извѣстія относятся приблизительно къ одному и тому же времени. Извѣстіе, полученное Кассіемъ отъ Лукреція, сдѣлалось извѣстнымъ Цицерону *11 февр.* [5]), а свѣдѣнія, которыя сообщаетъ Помпей въ своемъ письмѣ, были ему доставлены Фабіемъ *10 февр.* [6]).

---

[1]) 320. ad Att. VII. 23. [2]) ib. [3]) 321. ad Att. VII. 24. [4]) 334. ad Att. VIII. 11. B. A. [5]) 321. ad Att. VII. 24. [6]) 334. ad Att. VIII. 11. A.

Около того же времени Аттикъ, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, сообщалъ Цицерону, что «у Помпея есть войско» [1]). «Повѣрю всему, чему угодно, только не этому», писалъ въ отвѣтъ Цицеронъ [2]). И опять-таки мы видимъ, что скептицизмъ Цицерона оправдывался дѣйствительностью. 13 февр. Помпей писалъ къ консуламъ изъ Люцеріи [3]): «Знайте, что я въ большомъ затрудненіи. При всемъ моемъ желаніи освободить отъ осады стольких и такихъ мужей (разумѣются, очевидно, Домицій и соединившіеся потомъ съ нимъ Лентулъ и Термъ и теперь всѣ вмѣстѣ—запертые Цезаремъ въ Корфиніи), не могу идти къ нимъ на помощь. Дѣло въ томъ, что я не нахожу возможнымъ употребить въ дѣло находящіеся у меня два легіона (очевидно, тѣ два легіона, которые «ненавистнымъ образомъ» были отняты у Цезаря); изъ нихъ я могъ выбрать не болѣе 14 когортъ, изъ которыхъ часть отправилъ въ Брундузій въ качествѣ гарнизона; не счелъ возможнымъ также оставить безъ защиты Канузій». Слѣдовательно, если можно было въ данную минуту сказать, что «Помпей имѣетъ войско», то это войско состояло всего изъ нѣсколькихъ когортъ,—тѣхъ когортъ, которыя остались отъ 14 всего наличнаго состава его «войска», за вычетомъ тѣхъ, которыя ушли гарнизонами въ Брундузій и Канузій.

10 февраля Цицеронъ уже не сомнѣвается, что Помпей бѣжалъ изъ Италіи, и желаетъ только, чтобы ему удалось «убѣжать» отъ Цезаря [4]). (Въ дѣйствительности Помпей оставилъ Италію лишь 17 марта.)

Хотя въ Форміяхъ и склонны были многіе, какъ М. Лепидъ, Торкватъ, Кассій [5]), вѣрить шедшимъ изъ Рима оптимистическимъ извѣстіямъ, но большинство, съ Цицерономъ, не раздѣляли этого оптимистическаго настроенія и, подъ вліяніемъ какой-то охватившей всѣхъ паники, бросились бѣжать [6]). Куда? къ Помпею? Объ этомъ Цицеронъ ничего не говоритъ, говоритъ только о «повальномъ бѣгствѣ». Неясно, находился ли въ связи съ этимъ «повальнымъ бѣгствомъ» фактъ удаленія консуловъ изъ Капуи (вѣроятно, въ Люцерію, къ Помпею) около 11 февр. [7]). Ясно только то,

---

[1]) 322. ad Att. VII. 5. [2]) ib. [3]) 336. ad Att. VIII. 12. A. 2. [4]) 321. ad Att. VII. 24. [5]) 320. ad Att. VII. 23. [6]) 320,3. ad Att. VII. 23. [7]) 321. ad Att. VII. 24.

что подъ *omnes* слѣдуетъ разумѣть тѣхъ «представителей сенаторскаго сословія»—*nostri ordinis*, какъ ихъ любитъ называть Цицеронъ [1]), — которые, двѣ-три недѣли назадъ бѣжали въ эти мѣста (въ Капую, Форміи, Минтурны) изъ Рима. Что это было дѣйствительно «*повальное* бѣгство», въ буквальномъ смыслѣ, что *omnes* не есть преувеличеніе, это видно изъ того факта, что не болѣе, какъ недѣлю спустя, въ этихъ мѣстахъ (т. е. вышеназванныхъ) отъ всѣхъ тѣхъ «многочисленныхъ представителей сенаторскаго сословія», которыхъ Цицеронъ нашелъ здѣсь въ концѣ янв. [2]), остался одинъ-единственный (не считая самого Цицерона), нѣкто Эпій, и то потому только, что его, какъ «человѣка энергичнаго и надежнаго», Цицеронъ назначилъ своимъ помощникомъ (въ качествѣ ἐπίσκοπος'а Кампаніи) въ Минтурнахъ [3]).

Цицеронъ готовъ уже считать все дѣло проиграннымъ. «Положеніе безнадежно», писалъ онъ къ Аттику 10 февр. [4]). «Мы побѣждены, подавлены, взяты въ плѣнъ» [5]). Теперь, по мнѣнію Цицерона, было уже поздно думать о бѣгствѣ; оно было возможно ранѣе, но теперь пресѣчена всякая дорога къ бѣгству [6]). Приходилось, значитъ, такъ или иначе считаться съ Цезаремъ въ Италіи. А въ этомъ случаѣ единственная надежда на спасеніе оставалась только въ томъ случаѣ, еслибы Помпею удалось соединится съ Домиціемъ [7]). (Помпей въ это время былъ въ Люцеріи [8]), Домицій въ Корфиніѣ [9]). Такой, именно, планъ и имѣлъ Помпей въ данную минуту [10]). Замѣчательно, что идея этого плана возникла одновременно въ Люцеріи—въ головѣ Помпея, и въ Форміяхъ — въ головѣ Цицерона. Именно, впервые мы встрѣчаемъ эту идею у Помпея — въ письмѣ его къ Цицерону отъ *13 февр.* [11]); у Цицерона въ письмѣ къ Аттику отъ *10 февр.* [12]). (Слѣдовательно Цицеронъ не могъ заимствовать эту идею у Помпея). Планъ Помпея, насколько можно его реконструировать на основаніи писемъ самого Помпея—къ Домицію, Цицерону и консуламъ—,заключался, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ. Убѣ-

---

[1]) 334. ad Att. VIII. 11. B.—309,2. ad Att. VII. 15. [2]) ib. [3]) 334. ad Att. VIII. 11. B. [4]) 320. ad Att. VII. 23 [5]) ib. Срв. 316. ad Att. VII. 19. [6]) 323. ad Att. VII. 26. [7]) 320. ad Att. VII. 23. [8]) 329,2. ad Att. VIII. 5. [9]) 336. ad Att. VIII. 12. A. B. C. D. [10]) ib.—324. ad Att. VIII. 1. [11]) 334. ad Att. VIII. 11. A. [12]) 320. ad Att. VII. 23.

дившись въ томъ, что «имъ» съ разбросанными силами не выдержать борьбы противъ Цезаря [1]), Помпей рѣшилъ всѣ разбросанные въ разныхъ пунктахъ Италіи отряды стянуть въ возможно скорѣйшемъ времени въ одно мѣсто [2]), чтобы, такимъ образомъ, сформировать одно болѣе или менѣе сильное войско, которое бы могло сослужить службу республикѣ и «имъ самимъ» было бы надежной защитой [3]). Сборнымъ пунктомъ для войска Помпей избралъ Люцерію [4]), гдѣ въ это время находился самъ [5]). Сюда, къ Люцеріи, онъ хотѣлъ стянуть какъ можно скорѣе всѣ войска (кромѣ тѣхъ легіоновъ, которые должны были отправиться подъ командой одного изъ консуловъ—прямо въ Сицилію, и тѣхъ, которые должны были, минуя Люцерію, идти прямо въ Брундузій [6]). Но разница—и существенная разница—между идеей Цицерона и планомъ Помпея заключалась въ томъ, что, тогда какъ первый считалъ бѣгство изъ Италіи уже невозможнымъ и былъ убѣжденъ въ неизбѣжности борьбы съ Цезаремъ на почвѣ Италіи,—Помпей смотрѣлъ на дѣло совершенно иначе. Если онъ рѣшилъ собрать въ одно мѣсто всѣ легіоны, то вовсе не для того, чтобы сражаться съ Цезаремъ (какъ предполагалъ Цицеронъ) въ Италіи, а для того, чтобы со всѣмъ войскомъ бѣжать изъ Италіи и перенести самый театръ войны изъ Италіи въ Грецію и Сицилію. Люцерію имѣлось въ виду сдѣлать не операціоннымъ базисомъ стратегическимъ, а *сборной станціей* [7]), откуда всѣ войска должны были двинуться къ Брундузію для того, чтобы оттуда на корабляхъ переправиться въ Диррахій [8]). Какія же это были «силы», разъединенію которыхъ хотѣлъ положить конецъ Помпей? Какія указанія находимъ мы на этотъ счетъ въ перепискѣ?—Главныя силы находились въ рукахъ Домиція, подъ командою котораго было, кромѣ одиннадцати «своихъ» когортъ [9]) (въ другомъ письмѣ Помпея [10]) говорится о *двѣнадцати* «своихъ» когортахъ у Домиція), пятнадцать когортъ Вибуллія [11]), пять когортъ Гирра [12]) и нѣсколько когортъ Лентула и Терма—изъ Пицена [13]). Такимъ образомъ, всего у Домиція въ Корфиніѣ было *тридцать слишкомъ*

---

[1]) 336. ad Att. VIII. 12. A. C.—329. ad Att. VIII. 5. [2]) ib. [3]) 336. ad Att. VIII. 12. A. [4]) 324. ad Att. VIII. 1.—325,3. ad Att. VIII. 2.—326,5. ad Att. VIII. 3. [5]) 334. ad Att. VIII. 11. A. [6]) 336. ad Att. VIII. 12. A. [7]) ib. [8]) ib. [9]) 334. ad Att. VIII. 11. A. [10]) 336. ad Att. VIII. 12. A. [11]) 334. ad Att. VIII. 11. A. [12]) ib. [13]) 320. ad Att. VII. 23.

когортъ. Въ томъ письмѣ Помпея, въ которомъ мы отмѣтили разногласную цифру, 12 вмѣсто 11, называются, кромѣ этихъ 12 «своихъ» когортъ Домиція, еще 19 «своихъ когортъ» Помпея—и только. Въ общей сложности 12+19=31 когорта, т. е. тоже тридцать слишкомъ. Слѣдовательно, въ сущности тутъ нѣтъ противорѣчія, а только въ первомъ случаѣ Помпей примѣняетъ какой-то другой счетъ когортъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Но не всѣ эти когорты Домицій имѣлъ при себѣ, въ Корфиніѣ онъ имѣлъ при себѣ только часть ихъ, другая была размѣщена въ двухъ близъ лежащихъ городахъ—Альбѣ и Сульмонѣ [1]).

Другія болѣе или менѣе значительныя части войскъ находились:

1. Въ Кампаніи, или точнѣе—въ Капуѣ. Это были когорты, навербованныя Цицерономъ и консулами съ пропреторомъ М. Консидіемъ и Аппіемъ [2]). Мы видѣли, что результаты этого набора въ Кампаніи — въ концѣ янв. и въ началѣ февр. — были крайне неудовлетворительны, но, вѣроятно, все-таки имъ удалось собрать кое-что, если Помпей находитъ возможнымъ говорить, объ «отрядахъ, навербованныхъ въ Капуѣ и ея окрестностяхъ» [3]).

2. «Аттіевы когорты», когорты, навербованныя Аттіемъ въ Цингулѣ и около Люцеріи [4]).

3. Отрядъ, навербованный Фавстомъ Суллой, гдѣ—неизвѣстно [5]).

4. Наконецъ—тѣ 14 когортъ, которыя были размѣщены Помпеемъ въ Брундузіѣ, Канузіѣ и (при себѣ) въ Люцеріи.

По плану Помпея, созрѣвшему въ первой половинѣ февр., но которому, какъ увидимъ ниже, не суждено было осуществиться,—Цицеронъ [6]) и одинъ изъ консуловъ должны были идти къ Помпею, въ Люцерію, съ частью новобранцевъ, навербованныхъ въ Кампаніи, другую часть ихъ, вмѣстѣ съ новобранцами Фавста Суллы, долженъ былъ вести другой консулъ — въ Сицилію [7]). Съ нимъ долженъ былъ соединиться Домицій съ двѣнадцатью «своими» когортами, чтобы вмѣстѣ идти прямо въ Сицилію [8]). Остальныя когорты должны были, минуя Люцерію, идти—всѣ прямо въ Брундузій [9]), часть ихъ должна была остаться въ качествѣ гарнизона въ Капуѣ [10]). Корфиній, вѣроятно, имѣлось въ виду со-

---

[1]) 336. ad Att. VIII. 12. A.—334. ad Att. VIII. 11. A. [2]) ib. B. 2. [3]) 336. ad Att. VIII. 12. A. [4]) 317. ad Att. VII. 20. [5]) 336. ad Att. VIII. 12. A. [6]) 329. ad Att. VIII. 5. [7]) 336. ad Att. VIII. 12. A. [8]) ib. [9]) ib. [10]) 329. ad Att. VIII. 5.

всѣмъ очистить; по крайней мѣрѣ, Помпей не говоритъ, чтобы тамъ оставить гарнизонъ.

Таковъ былъ планъ Помпея, созрѣвшій въ первой половинѣ февраля. Что онъ относится именно къ первой половинѣ февраля, объ этомъ мы можемъ заключить, кромѣ вышеприведенныхъ данныхъ, еще изъ того указанія, что, какъ мы узнаемъ изъ письма самого Помпея [1]), Домицій долженъ былъ выйти изъ Корфиніи *9 февраля*. Слѣдовательно, Домицій еще до 9 февр. былъ уже посвященъ въ планъ Помпея.

Итакъ, Домицій долженъ былъ выйти изъ Корфиніи, съ 12 когортами, 9 февр. (когда должны были идти консулы, неизвѣстно: вѣроятно—*primo tempore*, при первой возможности). Однако нѣсколько дней прошло послѣ назначеннаго срока, а Домицій не являлся въ Люцерію и не присылалъ никакого извѣстія [2]). Помпея это крайне встревожило и перепугало, какъ это видно изъ письма его къ Домицію, писаннаго изъ Люцеріи около 13 февр. [3]). Дѣло въ томъ, что, какъ незадолго передъ тѣмъ писалъ ему Вибуллій [4]), Цезарь вышелъ уже изъ Фирма и сталъ лагеремъ у *Castrum Truentinum* [5]) (неподалеку отъ Аскулума), т. е. не далѣе, какъ въ 120—150 верстахъ отъ Корфиніи. Помпей почти умоляетъ Домиція, не теряя ни минуты, уходить изъ Корфиніи, чтобы «поспѣть въ Люцерію прежде, чѣмъ Цезарь станетъ войска и отрѣжетъ насъ другъ отъ друга». Въ случаѣ если Домицію самому окажется невозможнымъ отправиться въ Люцерію, Помпей проситъ, по крайней мѣрѣ, прислать къ нему «его» Помпеевы когорты, «которыя пришли изъ Пицена и Камерина, бросивъ свое имущество». Вслѣдъ затѣмъ Помпей получилъ письмо отъ Домиція, [6]) въ которомъ тотъ сообщалъ ему о своемъ безвыходномъ положеніи, что и было причиною того, что онъ не могъ привести въ исполненіе своего обѣщанія—выйти изъ Корфиніи 9 февр. Домицій и самъ сознавалъ невозможность держаться противъ Цезаря съ своими новобранцами, не имѣя въ перспективѣ никакого подкрѣпленія или помощи со стороны, и сознавалъ необходимость идти на соединеніе съ Помпеемъ [7]). Но онъ запоздалъ, и въ результатѣ оказалось, что онъ «запутался» [8]). Дѣло въ томъ, что, какъ мы выше видѣли, его

---

[1]) 336. A. Срв. 334. A. [2]) 336. B. [3]) ib. [4]) ib. [5]) ib. [6]) ib. A. [7]) ib. [8]) ib.

когорты были разбросаны, размѣщены, кромѣ Корфиніи, еще въ Альбѣ и Сульмонѣ. Теперь ихъ нужно было соединить; но оказалось, что ихъ никакъ невозможно оттуда «высвободить» (*expedire*) [1]). Помпей въ своемъ письмѣ, передавая эти извѣстія, полученныя имъ отъ Домиція, не объясняетъ причины, почему нельзя было «высвободить» Домицію свои когорты изъ Альбы и Сульмона. Объ осадѣ Корфиніи Цезаремъ ничего не говорится. Но, вѣроятно, передовые отряды Цезаря уже появились въ окресностяхъ Альбы и Сульмона. Это послѣднее извѣстіе окончательно перепугало Помпея: случилось то, чего онъ всего болѣе опасался: онъ былъ отрѣзанъ отъ Домиція [2]). Всѣ ожидали — и въ томъ числѣ Цицеронъ, [3]) — что Помпей со всѣми остальными силами пойдетъ на выручку Домиція. Но Помпей, съ своей стороны, не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для такого смѣлаго шага, [4]) ибо, какъ полководецъ, онъ очень хорошо сознавалъ то, чего не хотѣли понять патріоты-принципіалисты, въ родѣ Цицерона,—а именно,— что съ своими «ненадежными» когортами онъ не могъ отважиться помѣряться съ Цезаремъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ еще то преимущество, что большая часть Италіи была теперь въ его рукахъ [5]). Помпей поэтому думалъ уже не о томъ, чтобы идти выручать Домиція, а о томъ, чтобы самому «не запутаться» такъ же, какъ Домицій [6]). Вслѣдствіе всего этого, онъ не колеблясь рѣшилъ: оставивши Домиція на произволъ судьбы и не дожидаясь, когда соберутся оставленныя войска въ Люцерію,— бѣжать немедленно въ Брундузій [7]).

Такъ рушились планы Помпея о «сформированіи сильнаго войска». На военномъ совѣтѣ Помпея, въ которомъ участвовали кромѣ К. Марцелла, «и прочіе изъ нашего сословія», [8]) было принято рѣшеніе, въ силу котораго, Помпей долженъ былъ «вести свое войско (состоявшее, какъ мы видѣли, всего изъ 14 когортъ, расположенныхъ въ Люцеріи, Брундузіѣ и Канузіѣ) въ Брундузій». Это было то самое войско (часть «неправильнымъ образомъ отнятыхъ» у Цезаря легіоновъ), относительно котораго Помпей въ настоящую минуту безпокоился всего болѣе о томъ, какъ бы

---

[1]) ib. [2]) ib. [3]) 334. ad Att. VIII. 11. D. [4]) ib. A. [5]) ib. C. [6]) ib. [7]) 338. ad Att. VIII. 14. [8]) 336. ad Att. VIII. 12. A.

оно не встрѣтилось лицомъ къ лицу съ легіонами Цезаря [1]). (Хороши были защитники, если ихъ приходилось *прятать* отъ непріятеля!...) Вмѣстѣ съ тѣмъ Помпей отправилъ къ консуламъ письмо, [2]) въ которомъ *просилъ* ихъ захватить съ собой *всѣхъ* новобранцевъ и идти обоимъ какъ можно скорѣе «туда же», т. е. въ Брундузій. (На этотъ разъ не говорится ни о гарнизонѣ для Капуи, ни о Сициліи, куда, по первоначальному плану, долженъ былъ пойти Домицій съ однимъ изъ консуловъ). Оружіе, которое предполагалось первоначально отправить къ Помпею, консулы должны были употребить на вооруженіе новобранцевъ; оставшееся сверхъ того должно было быть отправлено на мулахъ «туда же—для пользы республики». Обо всемъ этомъ консулы должны были довести до свѣдѣнія «нашихъ» [3]).

Легко понять, что принимая подобное рѣшеніе, Помпей становился въ крайне неловкое положеніе по отношенію къ Домицію, котораго онъ, такимъ образомъ, оставлялъ на произволъ судьбы, т. е. отдавалъ въ руки Цезарю. Помпей, не прерывавшій въ это время переписки съ Домиціемъ, конечно, старался оправдать это свое рѣшеніе, ссылаясь главнымъ образомъ на несоразмѣрность своихъ силъ съ силами Цезаря, [4]) позабывъ, очевидно, что онъ не далѣе, какъ два мѣсяца назадъ, «ни во что не ставилъ» Цезаря и «вполнѣ полагался на свое войско». Но патріоты и въ особенности Цицеронъ ничего и знать не хотѣли о стратегическихъ соображеніяхъ и строго осуждали Помпея за то, что онъ «позорнымъ образомъ оставилъ на произволъ судьбы умолявшаго о помощи Домиція», [5]) «не пришелъ на помощь къ такимъ мужамъ» [6]). Впослѣдствіи Помпей, напротивъ, всю вину сваливалъ на самого же Домиція [7]).

Не успѣлъ еще Помпей привести въ исполненіе рѣшенія, принятаго на военномъ совѣтѣ, какъ пришла въ Люцерію вѣсть, [8]) что «Цезарь расположился лагеремъ у Корфинія», и что случилось то, что предполагалъ Помпей, т. е. что Цезарь не желаетъ дать сраженіе, а хочетъ только отрѣзать Домицію путь къ Люцеріи, къ Помпею. По слухамъ, дошедшимъ до Цицерона около 20 февр.,

---

[1]) ib. C. Срв. ib. D. [2]) ib. A. [3]) ib. [4]) ib. B. C. [5]) 326,7. ad Att. VIII. 3. [6]) 332,3. ad Att. VIII. 9. Срв. 330. ad Att. VIII. 7. [7]) 336,6. ad Att. VIII. 12. [8]) ib. D. Срв. 326,7. ad Att. VIII. 3.

Домицій находился въ Корфиніѣ съ «сильнымъ войскомъ», которое «пылало жаждой сраженія» [1]). Мы видѣли, что у него было 30 слишкомъ когортъ, изъ которыхъ только часть была въ Корфиніѣ; къ тому же большинство это были новобранцы. Едва ли можно было приложить къ нимъ этотъ эпитетъ *firmus exercitus*, особенно если сравнить это «сильное войско» съ закаленными въ бояхъ легіонами Цезаря. А въ данную минуту Помпею было положительно извѣстно, что Цезарь имѣлъ въ это время очень большое войско и еще болѣе того могъ собрать и пѣхоты и конницы въ самое короткое время [2]). Между прочимъ, какъ писалъ Помпею одинъ изъ его близкихъ, Буссеній, [3]) Куріонъ шелъ съ легіонами изъ Умбріи на соединеніе съ Цезаремъ. Цицеронъ надѣялся, впрочемъ, что достаточно будетъ одного «великаго имени» Помпея, [4]) для того чтобы его приближеніе навело паническій страхъ на враговъ, [5]) хотя трудно понять, какъ такой трезвый человѣкъ, какъ Цицеронъ, могъ утѣшать себя подобными химерами. Непонятно то, что послѣ всего того, что происходило въ данную минуту, Цицеронъ находилъ возможнымъ говорить въ такомъ тонѣ и высказывать подобную мысль: говорить о *приближеніи* (*adventus*) Помпея, который, по его же, Цицерона, словамъ, ни о чемъ болѣе не думалъ въ данную минуту, какъ о томъ, чтобы успѣть убѣжать отъ Цезаря; говорить о *страхѣ*, который нагонитъ на войско Цезаря имя Помпея, который самъ, своей особой, представлялъ первый примѣръ паники, охватившей противниковъ Цезаря....

Что касается самаго факта осады Корфинія Цезаремъ, то Цицеронъ придавалъ ему чрезвычайно большое значеніе, быть можетъ, большее, чѣмъ онъ имѣлъ въ дѣйствительности. Исходъ этой осады долженъ былъ, по его мнѣнію, имѣть рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго хода кампаніи: отъ того или другаго рѣшенія «корфинійскаго вопроса» зависѣло, по мнѣнію Цицерона, или спасеніе, или гибель республики [6]). Поэтому, когда Цицеронъ услышалъ, что Домицій сдался Цезарю, онъ воскликнулъ: «Теперь все кончено!» *Confecta res est!...* [7])

---

[1]) ib. [2]) 336. ad Att. VIII. 12. C. [3]) ib. [4]) 329,3. ad Att. VIII. 5. [5]) ib. [6]) 328. ad Att. VIII. 5. [7]) 327,3. ad Att. VIII. 4.

Между тѣмъ въ Форміяхъ, въ Капуѣ носились слухи, которые способны были поднять упавшій духъ помпеянцевъ. Такъ, около 20 февр. пропесся слухъ, что Афраній далъ большое сраженіе Требонію въ Пиринеяхъ, въ которомъ разбилъ на голову послѣдняго, а другой легатъ Цезаря, Фабій, перешелъ будто бы съ своими когортами на сторону Помпея, и что Афраній, одержавъ свою побѣду надъ Требоніемъ, идетъ съ огромнымъ войскомъ въ Италію [1]). Но это были ложные слухи. (Афраній былъ вытѣсненъ Требоніемъ изъ Пиринеевъ и принужденъ отступить къ Илердѣ) [2]). Тѣмъ не менѣе, находились многіе, которые вѣрили этимъ оптимистическимъ слухамъ; даже Цицеронъ, который до сихъ поръ былъ болѣе скептиченъ въ этомъ отношеніи, на этотъ разъ склоненъ былъ придавать серьезное значеніе этимъ слухамъ и готовъ былъ вѣрить въ возможность для Помпея—остаться въ Италіи [3]).

Тѣмъ не менѣе, подводя итоги положенія дѣлъ въ данную минуту, Цицеронъ рисуетъ далеко не утѣшительную картину. Во-первыхъ, потерянъ Пиценъ. [4]) Кампанія, правда, еще не потеряна, но ея потеря не болѣе какъ вопросъ времени: рано ли, поздно ли, ее всетаки придется отдать непріятелю, [5]) ибо она совершенно беззащитна [6]). Далѣе, путь къ Риму открытъ. Богатства государственныя и частныя оставлены въ добычу врагу [7]). Ко всему этому — ни правильно организованной обороны, ни силъ, ни, наконецъ, такого пункта, гдѣ бы могли собраться защитники республики. Такимъ пунктомъ избрана Апулія (именно, какъ мы выше видѣли, Люцерія; Цицеронъ въ это время еще не зналъ о рѣшеніи Помпея бѣжать въ Брундузій и въ Диррахій) — самая бѣдная, самая безлюдная и наиболѣе отдаленная отъ театра войны область. Очевидно, что имѣется въ виду бѣгство за море — результатъ безнадежности [8]). Человѣкъ, на котораго на одного и оставалась надежда, [9])—оставляетъ Италію.

Наконецъ, самое общество римское представляло не менѣе безотрадную картину, картину полнаго равнодушія къ дѣлу респуб-

---

[1]) 326,7. ad Att. VIII. 3. [2]) См. B. C. I. 37—38. [3]) 326. [4]) ib. 4. [5]) 325. ad Att. VIII. 2. [6]) 336. B. [7]) 326,4. [8]) ib. [9]) 325,3.

лики — какъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, такъ и со стороны цѣлыхъ сословій; если же и слышались отдѣльные голоса негодованія и протеста изъ среды «патріотовъ», то они терялись въ массѣ противоположныхъ возгласовъ. Масса, простонародье, тяготѣла къ противной партіи; не мало было такихъ, которые желали переворота [1]). Мало того, даже въ среду «патріотовъ» проникъ этотъ духъ равнодушія, который еще ранѣе, во время пребыванія Цицерона въ Капуѣ, приводилъ въ отчаяніе послѣдняго,— духъ равнодушія къ дѣлу республики въ такую критическую для нея минуту [2]). Они, «патріоты», которые не далѣе, какъ мѣсяцъ тому назадъ, наперерывъ другъ предъ другомъ заявляли свою полную готовность сражаться съ врагомъ республики, теперь, въ самый разгаръ борьбы и въ самый критическій моментъ для республики, какъ дезертиры, покинули поле сраженія. «Кто не былъ тогда героемъ на словахъ и кто теперь принимаетъ участіе въ этой войнѣ?» говорилъ Цицеронъ, обращаясь къ «патріотамъ». «Да, вы предпочитаете сидѣть дома, господа патріоты: вы и будете сидѣть дома» [3]). И дѣйствительно, мы видимъ, что оптиматы, которые еще такъ недавно въ какомъ-то паническомъ страхѣ бѣжали отъ Цезаря въ самую отдаленную отъ театра войны область—Апулію, теперь, когда Римъ былъ почти уже въ рукахъ Цезаря, толпами возвращаются въ Римъ [4]). Первые признаки этого обратнаго движенія, этой, такъ сказать редэмиграціи римской знати въ Римъ, мы замѣчаемъ въ ту минуту, когда корфинійскій вопросъ приблизился къ своему рѣшенію. «И въ настоящую минуту, пишетъ Цицеронъ къ Аттику *15 февраля*, [5]) Римъ уже наполняется «патріотами», но скоро онъ будетъ — какъ я вижу—еще болѣе переполненъ ими, и муниципіи опустѣютъ», что дѣйствительно вскорѣ и случилось, и въ началѣ слѣдующаго мѣсяца (марта) Римъ былъ уже «биткомъ набитъ оптиматами», [6]) которые, по выраженію Цицерона, «наперерывъ спѣшили продавать себя Цезарю» (*quomodo se venditant Caesari?..*) [7]) Что касается до Цицерона лично, то, вопреки собственному обѣщанію— «не отставать отъ патріотовъ, даже еслибы они понеслись очертя

---

[1]) 326,4. [2]) 325. [3]) ib. [4]) 324. ad Att. VIII. 1.—340. ad Att. VIII. 16.—341.ad Att. IX. 1. [5]) 324. [6]) 341. [7]) 740.

голову»,—онъ не хотѣлъ теперь слѣдовать «непохвальному» [1]) примѣру патріотовъ, предпочитавшихъ возвратиться къ своимъ очагамъ, но рѣшилъ слѣдовать за Помпеемъ, т. е. «слѣдовать голосу долга» [2]). Еще ранѣе, чѣмъ онъ получилъ точныя свѣдѣнія о намѣреніи Помпея бѣжать за море, онъ уже былъ увѣренъ въ этомъ шагѣ Помпея. *21 февр.* онъ пишетъ къ Аттику, что у него имѣются на готовѣ два корабля, одинъ въ Гаэтѣ, другой въ Брундузіѣ, [3])—*два* корабля потому, что еще не было извѣстно въ точности, куда направится Цезарь изъ Корфиніи: въ Люцерію ли, или въ Капую [4]). Письмо это было писано Цицерономъ наканунѣ того дня, когда (*22 февр.*) Цезарь вышелъ изъ Корфиніи [5]).

Какъ бы то ни было, дѣло съ домиціевой арміей было покончено совершенно *до 22 февр.*, такъ какъ 22 февр. Цезарь уже оставилъ Корфиній.

Въ тотъ же день, 21 февр., Помпей уже выѣхалъ изъ Апуліи въ Брундузій [6]). Въ это время онъ уже могъ узнать, если еще не о сдачѣ Домиція, то, по крайней мѣрѣ, о паденіи Сульмона (сдача Аттія). Что касается подробностей сдачи Корфиніи, напримѣръ, факта освобожденія Домиція Цезаремъ и возвращенія взятой казны, то объ этомъ мы не находимъ въ перепискѣ никакихъ болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній. Но мы неоднократно встрѣчаемся съ упоминаніемъ о какомъ-то «поступкѣ Цезаря въ корфинійскомъ дѣлѣ». Именно, впервые мы находимъ упоминаніе объ этомъ въ письмѣ Бальба къ Цицерону, которое было получено послѣднимъ въ началѣ марта [7]). «Я знаю, писалъ Бальбъ, что поступокъ Цезаря въ корфинійскомъ дѣлѣ получитъ полное твое одобреніе». Въ другомъ мѣстѣ самъ Цезарь пишетъ къ Оппію и Бальбу: [8]) «Отъ души радуюсь выраженному вами въ письмѣ одобренію моему образу дѣйствій въ Корфиніи», и потомъ въ письмѣ къ Цицерону: [9]) «Помимо того удовольствія, которое доставляетъ мнѣ воспоминаніе о самомъ фактѣ, я ликую отъ радости (*triumpho gaudio*), что ты также одобряешь мой поступокъ (*meum factum*)». Одно выраженіе Цицерона нѣсколько ближе опредѣ-

---

[1]) 448. ad Div. IX. 7. [2]) ib. [3]) 326. ad Att. VIII. 3.—327. ad Att. VIII. 4. [4]) 326. [5]) 341. Срв. 338. ad Att. VIII. 14. См. ниже. [6]) ib. Срв. 327. [7]) 339. ad Att. VIII. 15. A. 3. [8]) 348. C. [9]) 357. ad Att. IX. 16.

ляетъ сущность этого заслужившаго общее одобреніе поступка Цезаря. Именно, Цицеронъ говоритъ [1]), что онъ расхвалилъ въ письмѣ къ Цезарю его *корфинійское великодушіе* (*clementia Corfiniensis* съ оттѣнкомъ иронiи, въ данномъ случаѣ, правда, довольно тонкой; зато въ другомъ мѣстѣ она прорывается въ формѣ злаго сарказма: Цицеронъ называетъ поведеніе Цезаря «*злокозненнымъ великодушіемъ*», *insiodosa clementia*) [2]). Далѣе, мы можемъ добраться гипотетически и до конкретнаго смысла этого «корфинійскаго великодушія». Именно. Вскорѣ послѣ корфин. дѣла мы узнаемъ, [3]) что Домицій находится въ Римѣ, а затѣмъ, черезъ нѣсколько дней,—въ Козанѣ (Cosanum) готовымъ къ отплытію—Цицеронъ, правда, не знаетъ, куда: въ Испанію («что было бы непохвально») или къ Помпею («что заслуживаетъ всякаго одобренія»). (По Плутарху, [4]) Домицій бѣжалъ къ Помпею). Т. е. мы видимъ Домиція на свободѣ. Отсюда само собой слѣдуетъ заключеніе, что корфинійское великодушіе Цезаря заключалось, именно, въ освобожденіи плѣннаго Домиція.

Въ тотъ же день, когда Цезарь оставилъ Корфиній, или наканунѣ, Помпей выѣхалъ изъ Капуи въ Брундузій [5]). Вѣроятно, вмѣстѣ съ Помпеемъ отправились въ Брундузій и консулы, о которыхъ Помпей писалъ *20 февр.* къ Цицерону, [6]) что они «пришли въ Апулію къ тому войску, которое онъ, Помпей, имѣлъ тамъ», т. е. точнѣе говоря—въ Люцерію, такъ какъ, кромѣ Канузія и Брундузія, апулійскія когорты Помпея находились, какъ мы выше видѣли, въ Люцеріи.

Между тѣмъ Цезарь, овладѣвъ Корфиніемъ, *22 февр.* вышелъ оттуда и поспѣшно направился вслѣдъ за Помпеемъ [7]). Цезарю хотѣлось, во что бы то ни стало, нагнать Помпея въ Италіи—не для того, чтобы «проявить на немъ свою жестокость», какъ думалъ Цицеронъ [8]), но для того, чтобы покончить дѣло миромъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ Цицерона младшій Бальбъ [9]), прибывшій въ Форміи вечеромъ 24 февр. Въ pendant къ этому старшій Бальбъ, въ своемъ письмѣ къ Цицерону [10]), увѣрялъ его,

---

[1]) 357. [2]) 340. ad Att. VIII. 16. [3]) 344,1. ad Att. IX. 3. [4]) Caes. 34. [5]) 338. ad Att. VIII. 14.—327. ad Att. VIII. 4.—341. ad Att. IX. 1. [6]) 334. ad Att. VIII. 11. C. [7]) 332,4. ad Att. VIII. 9. [8]) ib. [9]) 322. ad Att. VIII. 9. [10]) ib.

что «ничего такъ не желаетъ Цезарь, какъ того, чтобы жить спокойно, предоставивъ Помпею мѣсто *princeps'a*». Но эти увѣренія нельзя, конечно, считать за чистую монету, потому что оба Бальба, очень близкіе къ Цезарю люди, дѣйствовали, очевидно, въ этомъ случаѣ, какъ дипломаты, какъ агенты Цезаря: имъ нужно было, во чтобы то ни стало, удержать Цицерона за Цезаремъ и если не заставить примириться съ нимъ на почвѣ принципіальной—на что едва ли они и разсчитывали—,то, по крайней мѣрѣ, подготовить ту почву, на которой бы было возможно для Цицерона, не насилуя своихъ убѣжденій, такъ сказать — ужиться съ Цезаремъ, установить съ нимъ извѣстный *modus vivendi*. Что тотъ и другой Бальбъ дѣйствовали въ этомъ случаѣ какъ агенты Цезаря и имѣли въ виду, именно, указанную цѣль, это видно, съ одной стороны, изъ той роли, какую въ перепискѣ играютъ Бальбы вмѣстѣ съ Оппіемъ. Всѣ письма ихъ къ Цицерону носятъ, именно, этотъ дипломатическій характеръ, и всѣ они, очевидно, написаны по внушенію Цезаря. По крайней мѣрѣ, такое именно впечатлѣніе производятъ они при первомъ чтеніи. Мы бы могли подтвердить вѣрность этого перваго впечатлѣніямъ анализомъ ихъ содержанія въ связи съ другими данными переписки; но это завело бы насъ слишкомъ далеко. А потому мы отсылаемъ читателя къ самой перепискѣ и предоставляемъ ему провѣрить наше впечатлѣніе на собственномъ опытѣ [1]).

Съ другой стороны, мы видимъ, что вообще Цезарь старался избѣжать прямаго разрыва съ Цицерономъ, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ поддерживать хорошія отношенія съ нимъ. А такъ какъ отсутствіе изъ Рима со стороны Цицерона въ данную минуту имѣло смыслъ и значеніе молчаливаго протеста противъ Цезаря, то Цезарь прежде всего и болѣе всего хлопоталъ о томъ, чтобы Цицеронъ возвратился въ Римъ. Еще въ началѣ февраля, мы видимъ, Цезарь убѣждаетъ Цицерона (при посредствѣ Требація) возвратиться въ Римъ [2]). Въ крайнемъ случаѣ Цезарь желаетъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, Цицеронъ сохранялъ полный нейтралитетъ, о чемъ онъ также проситъ его на этотъ разъ уже собственноручнымъ письмомъ, сначала въ первой поло-

[1]) Письма, сюда относящіяся: 339. ad Att. VIII. 15. A.—348. ad Att. IX. 7. A. B.—354. ad Att. IX. 12. A. Также: 348. C.—354. B. [2]) 314. ad Att. VII. 17.

винѣ февр. [1]), потомъ приблизительно въ одно время съ письмомъ старшаго Бальба [2]).

Какъ бы то ни было, но если можно усомниться въ искренности увѣреній обоихъ агентовъ Цезаря, то едва ли можно заподозрить въ пристрастіи къ Цезарю Мація, о которомъ самъ Цицеронъ, видѣвшійся съ нимъ около этого времени, отзывается почти съ восторгомъ. «Это—человѣкъ съ большимъ умомъ и замѣчательнымъ тактомъ; не даромъ онъ слылъ всегда пророкомъ мира» [3]). Между тѣмъ этотъ «пророкъ мира» не менѣе, чѣмъ самъ Бальбъ, увѣрялъ Цицерона въ лояльности и миролюбіи Цезаря.

Что касается младшаго Бальба, явившагося въ Форміи, къ Цицерону, *24 февр.*, то онъ имѣлъ на этотъ разъ довольно деликатное порученіе отъ Цезаря, относительно консула Лентула; къ Цицерону же онъ завернулъ только по пути, хотя, быть можетъ, также не безъ порученія Цезаря. Онъ спѣшилъ, «пробираясь глухими дорогами», къ консулу Лентулу [4]), который былъ въ то время въ Апуліи, вѣроятно, на пути въ Брундузій [5]), съ секретными порученіями отъ Цезаря, содержаніе которыхъ, однако, какимъ-то образомъ удалось узнать Цицерону. А именно: Цезарь хотѣлъ повторить относительно Лентула ту попытку, которая въ свое время увѣнчалась столь блистательнымъ успѣхомъ относительно Куріона и Павла: онъ хотѣлъ *подкупить Лентула*, и въ этомъ именно заключалась миссія Бальба [6]). Ему поручено было просить Лентула возвратиться въ Римъ и обѣщать ему за это провинцію. Цицеронъ сомнѣвался, чтобы эта миссія имѣла успѣхъ, «если только не произойдетъ личнаго свиданія съ Цезаремъ» [7]). То обстоятельство, что, какъ впослѣдствіи увидимъ, *оба* консула отправились изъ Брундузія въ Диррахій, свидѣтельствуетъ о томъ, что предположеніе Цицерона оправдалось. Цезарю не удалось, слѣдовательно, не только добиться возвращенія Лентула въ Римъ, но не удалось добиться даже того, чѣмъ въ крайнемъ случаѣ готовъ былъ удовольствоваться Цезарь [8])—, т. е. чтобы Лентулъ остался въ Италіи [9]).

---

[1]) 318. ad Att. VII. 21. [2]) 334. ad Att. VIII. 11. [3]) 352. ad Att. IX. 11. [4]) 332,4. ad Att. VIII. 9. [5]) 334. C. [6]) 332,4. [7]) ib. [8]) 339. ad Att. VIII. 15. A. 2. [9]) ib. Срв. 340. ad Att. VIII. 16.—341. ad Att. IX. 1.—344. ad Att. IX. 3.—346. ad Att. IX. 5.

Цицеронъ полагалъ, что *25 февр.* Помпей долженъ былъ прибыть въ Брундузій [1]). Цицеронъ не объясняетъ, на основаніи какихъ данныхъ онъ дѣлалъ свое предположеніе; какъ бы то ни было, но изъ одного мѣста позднѣйшей переписки мы узнаемъ, что дѣйствительно Помпей прибылъ въ Брундузій 25 февр. А именно, въ письмѣ Цицерона къ Аттику отъ 19 марта [2]), мы между прочимъ читаемъ: «*1 марта*, когда онъ (Помпей) находился уже *пятый день* въ Брундузіѣ»... Первое марта было пятымъ днемъ считая съ 25 февраля. (Слѣдовательно, Помпей ѣхалъ отъ Канузія до Брундузія 3 сутокъ: не особенно быстро для человѣка, который спѣшитъ изо всѣхъ силъ...)

Теперь центръ борьбы переносится въ Брундузій. Этотъ портъ Адріатики приковываетъ теперь къ себѣ вниманіе всего римскаго міра. Его имя повторяется чуть не въ каждомъ письмѣ. Но Цицеронъ, очевидно, не имѣлъ тамъ никакого корреспондента, и потому ему приходилось твердить одно и то же въ своихъ письмахъ: «Изъ Брундузія покамѣстъ никакихъ вѣстей» [3]); «О томъ, что творится въ Брундузіѣ, ничего не знаю», [4]) ибо, по выраженію Цицерона [5]), въ Брундузіѣ было «удивительное безмолвіе». И такъ вплоть до *12 марта*, когда была получена первая вѣсть изъ Брундузія, но не прямо, а окольнымъ путемъ, чрезъ Капую [6]). Прямо изъ Брундузія вѣсти пришли не ранѣе *20 марта* [7]). Доносились лишь различные, подъ часъ противорѣчивые и ложные слухи, или же случайныя, не относившіяся къ Брундузію извѣстія. Такъ, около 8 марта Цицеронъ встрѣтился съ Курціемъ Постумомъ [8]), однимъ изъ офицеровъ Цезаря, который, вѣроятно, послѣ какого-нибудь порученія возвращался къ Цезарю [9]). Этотъ Курцій сообщилъ Цицерону нѣкоторыя важныя данныя относительно плановъ Цезаря. Другой вопросъ, насколько достовѣрны были эти данныя, но Цицерону не приходитъ, повидимому, даже на мысль— усомниться въ ихъ достовѣрности. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ: Цезарь имѣлъ въ виду перенести войну за предѣлы Италіи и думалъ уже о сформированіи флота, для того чтобы съ

---

[1]) 332,4. Срв. 334,4. ad Att. VIII. 11. [2]) 351. ad Att. IX. 10. [3]) 338. ad Att. VIII. 14. [4]) 343. ad Att. IX. 2.—344. ad Att. IX. 3. [5]) 341. ad Att. IX. 1. [6]) 347,3. ad Att. IX. 6. [7]) 352. ad Att. IX. 11. [8]) 343. [9]) ib.

помощью его отнять у Помпея Испанію, затѣмъ овладѣть Азіей, Сициліей, Африкой, Сардиніей, — чтобы затѣмъ идти слѣдомъ за Помпеемъ въ Грецію [1]). Около этого же времени было получено Цицерономъ запоздавшее извѣстіе о сдачѣ Альбы [2]).

Наконецъ, 12 марта было получено Цицерономъ, какъ мы выше сказали, первое извѣстіе о событіяхъ въ Брундузіѣ. Это было письмо, полученное трибуномъ Метелломъ (тѣмъ самымъ Метеллomъ, съ которымъ намъ придется вскорѣ встрѣтиться въ перепискѣ, по поводу одного инцендента съ Цезаремъ) отъ своей тещи Клодіи, которая находилась въ числѣ бѣжавшихъ за море изъ Брундузія [3]). Коротенькое письмо это гласило слѣдующее: «Помпей переправился черезъ море со всѣмъ войскомъ, которое имѣлъ съ собой, всего 30.000 человѣкъ; сверхъ того консулы, двое народныхъ трибуновъ и сенаторы, бывшіе съ Помпеемъ, всѣ съ женами и дѣтьми. Было 4 марта, когда вошли въ корабли. Начиная съ этого дня дули сѣверные вѣтры. Корабли, которые остались порожними, всѣ были, какъ говорятъ, частью изрублены, частью сожжены». Впослѣдствіи Цицерономъ были получены болѣе точныя свѣдѣнія относительно этого факта, которыя внесли болѣе или менѣе существенныя поправки въ это извѣстіе Клодіи. Вопервыхъ, не точно показана цифра войскъ, переправившихся въ Диррахій: 30.000. Въ дѣйствительности было вдвое менѣе [4]). Извѣстіе объ истребленіи кораблей оказалось также невѣрнымъ [5]). Зато подробность относительно сѣвернаго вѣтра подтвердилась [6]).

Что касается даты *4 марта*, то она оказывается совершенно невѣрной. Изъ нѣкоторыхъ указаній позднѣйшей переписки мы видимъ, что еще *6—8 марта* Помпей находился въ Брундузіѣ, [7]) а какъ еще позднѣе узнаемъ, онъ бѣжалъ изъ Брундузія не ранѣе середины марта. Ниже мы еще возвратимся къ этому вопросу— о точной хронологической датѣ этого факта. Теперь же мы должны остановиться нѣсколько на этомъ извѣстіи, на письмѣ Клодіи. Цицеронъ, читавшій это письмо, положительно говоритъ, что «Клодія сама была въ числѣ переправившихся за море», *quae ipsa transiit* [8]). Слѣдовательно ея письмо есть свидѣтельство оче-

---

[1]) ib. [2]) 347. ad Att. IX. 6. [3]) ib. [4]) 350. ad Att. IX. 9. [5]) ib. [6]) ib. [7]) 352,3. ad Att. IX. 11. [8]) 347,3.

видца. Какъ же объяснить то, что нѣкоторыя показанія ея—какъ о числѣ войскъ и, что еще разительнѣе, о времени отправленія изъ Брундузія — находятся въ рѣшительномъ разладѣ съ фактической истиной? Клодія пишетъ, что «Помпей со всѣмъ войскомъ отчалилъ изъ Брундузія *4 марта*», а Красснедъ, бывшій зять Цицерона, отправляясь изъ Брундузія въ Форміи *8 марта*, «*оставилъ тамъ Помпея*» [1]). Чѣмъ объяснить это странное столкновеніе показаній двухъ *очевидцевъ*? Единственно возможное, по нашему мнѣнію, объясненіе заключается въ слѣдующемъ. Изъ историковъ [2]) мы знаемъ, что Помпей, прежде чѣмъ отправиться самому изъ Брундузія, отправилъ впередъ консуловъ съ частью войска, а самъ, съ остальною частью войска, отправился только спустя нѣсколько дней, когда возвратились суда, отвезшія первый транспортъ войскъ въ Диррахій. Не слѣдуетъ ли предположить, что извѣстіе Клодіи о переправѣ *Помпея съ консулами* относится собственно къ этому первому транспорту войскъ *съ одними консулами*, въ которомъ самъ *Помпей не участвовалъ*? Предположеніе это можно было бы подкрѣпить слѣдующими соображеніями, къ которымъ приводятъ наблюденія надъ самымъ документомъ—надъ письмомъ Клодіи. Съ одной стороны, немыслимо предположить, чтобы фактъ переправы войскъ Помпея черезъ море былъ вымышленъ. Вопервыхъ, это было частное письмо, письмо Клодіи къ своему зятю: а для чего бы стала она пугать своего родственника вымышленными небылицами? Вовторыхъ, самъ Цицеронъ категорически говоритъ, что Клодія *et ispa transiit*. Съ другой стороны, если самый фактъ, самое, такъ сказать, ядро извѣстія нельзя заподозрить въ недостовѣрности, то въ деталяхъ, въ подробностяхъ оно, какъ мы видѣли, грѣшитъ на каждомъ шагу. Въ связи съ этимъ получаетъ особенное значеніе какъ бы вскользь сказанное слово «*говорятъ*»—*dicunt*: «говорятъ, что суда сожгли». Это довольно странное и неожиданное въ устахъ очевидца заявленіе, бросаетъ, намъ кажется, свѣтъ на все извѣстіе, на все письмо Клодіи. Очевидно, что эта почтенная старушка имѣла вообще довольно смутное представленіе о томъ, что совершалось вокругъ нея, и въ чемъ сама она принимала, хотя и не активное,

---

[1]) 352,3. [2]) B. C. I. 25. Plut. 35. App. II. 38. Dio XLI. 12.

участіе. Какъ женщина, она, конечно, не была посвящена въ подробности стратегическихъ плановъ Помпея. Сѣвши на одно изъ кишѣвшихъ въ гавани судовъ, переполненныхъ солдатами, сенаторами съ ихъ женами и дѣтьми, она, быть можетъ, и не подозрѣвала, что тутъ не все войско Помпея, и что нѣтъ самого Помпея. Остальныя подробности, какъ-то о количествѣ войскъ, о сожженіи кораблей, она почерпнула, вѣроятно, изъ разговоровъ «между собой» того многолюднаго женскаго общества, которое, по словамъ Клодіи, находилось въ числѣ сопровождавшихъ Помпея, и для котораго ничего не было естественнѣе, какъ говорить о томъ, что было въ данную минуту общей «злобой дня», но о чемъ, вѣроятно, всѣ онѣ имѣли очень смутное представленіе; а потому, относительно подробностей, имъ ничего другаго не оставалось, какъ—или преувеличивать и сдѣлать изъ 15.000—30.000, или—просто сочинять разныя интересныя подробности, въ родѣ сожженія кораблей... Вотъ почему, изъ всѣхъ подробностей, сообщенныхъ Клодіей, только одна и оказалась вѣрной,—это та подробность, относительно которой она не нуждалась въ чужихъ свѣдѣніяхъ: что дулъ сѣверный вѣтеръ, а неюжный или другой какой, это она могла чувствовать и видѣть сама, когда была на суднѣ.

Изъ дальнѣйшей переписки выясняются слѣдующія подробности Брундузійскаго дѣла. Отправившись послѣ «корфинійскаго дѣла», которымъ Цезарь гордился, какъ первымъ подвигомъ великодушія (освобожденія Домиція), [1]) въ погоню за Помпеемъ, онъ прибылъ въ Брундузій 9 марта, о чемъ и извѣщалъ Оппія съ Бальбомъ [2]). Но еще прежде, чѣмъ достигнуть Брундузія, Цезарь еще разъ сдѣлалъ попытку къ примиренію съ Помпеемъ. Таковъ именно былъ, повидимому, смыслъ полученныхъ Цицерономъ около 13 марта двухъ писемъ—одного отъ Бальба и Оппія (вмѣстѣ), другаго отъ (одного) Бальба [3]). Оба письма написаны, очевидно, по внушенію Цезаря. Оппій и Бальбъ стараются увѣрить Цицерона въ миролюбивомъ настроеніи Цезаря относительно Помпея, которое, по ихъ мнѣнію, даетъ надежду на возможность примиренія, и убѣдительно просятъ, во имя связывающей его съ тѣмъ и

---

[1]) См. выше стр. 186. [2]) 354. ad Att. IX. 12. A. Также 355. ad Att. IX. 14. [3]) 354. A. [4]) 348. ad Att. IX. 7. A. и B.

другимъ дружбы, взять на себя дѣло примиренія (*reconciliatio*) Цезаря съ Помпеемъ. Что письмо это было дѣйствительно написано по внушенію Цезаря, въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія письмо самого Цезаря къ Бальбу и Оппію [1]). Бальбъ и Оппій только развили и облекли въ ораторскую форму то, что было высказано Цезаремъ въ трехъ словахъ. «Я буду, писалъ онъ, стараться о примиреніи съ Помпеемъ».

Цезарь могъ бы считать свою попытку удавшеюся, по крайней мѣрѣ на половину, еслибы она не была слишкомъ запоздавшей. А именно: попытка удалась въ томъ смыслѣ, что Цицеронъ согласился «принять на себя дѣло примиренія»—πολίτευμα *de pace suscipere* [2]). Цицеровъ, когда писалъ объ этомъ (*13 марта*), еще не зналъ, что въ Брундузіѣ въ эту минуту было уже почти все кончено. И Цицерону не пришлось даже приступить къ своей роли примирителя. Противорѣчилъ, повидимому, этой попыткѣ образъ дѣйствій Цезаря въ Брундузіѣ. Цезарь засталъ еще Помпея въ Брундузіѣ, гдѣ тотъ и заперся [3]). «Я подошелъ къ Брундузію, писалъ Цезарь Оппію и Бальбу, [4]) и разбилъ лагерь подъ его стѣнами». Въ другомъ письмѣ, къ Кв. Педію [5]), онъ описываетъ вкратцѣ свои осадныя работы: «Помпей заперся въ городѣ. Мы расположились лагеремъ противъ городскихъ воротъ. Предпринимаемъ обширныя работы, требующія много времени (*multum dierum*), благодаря тому, что въ этомъ мѣстѣ море очень глубоко. Тѣмъ не менѣе — это все-таки самое лучшее, что возможно придумать при данныхъ условіяхъ. Начиная съ обоихъ концовъ гавани, насыпаемъ плотины (*ab utroque portus cornu moles jacimus* [6]), для того чтобы—или принудить его (Помпея) какъ можно скорѣе къ переправѣ черезъ море со всѣми находящимися въ въ Брундузіѣ войсками, или—окончательно запереть (*exitu prohibere*)». Не видно, чтобы Цезарь дѣлалъ какія-либо мирныя предложенія Помпею. Быть можетъ, онъ считалъ, что теперь очередь за Помпеемъ. Помпей дѣйствительно послалъ къ Цезарю претора Н. Магія (котораго незадолго передъ тѣмъ Цезарь взялъ

---

[1]) 348. C. [2]) 348,3. [3]) 355.—354. A. [4]) ib. [5]) 355. [6]) Чтобы понять это выраженіе, необходимо имѣть предъ глазами планъ гавани Брундузія, который можно найти, напр., у Spruner-Menke, *Atlas Antiq.*, № 12.

въ плѣнъ и отпустилъ на свободу) [1]) съ мирными предложеніями [2]). Какого рода были эти предложенія, мы изъ переписки не знаемъ, равно какъ ничего неизвѣстно и о томъ, каковъ былъ отвѣтъ Цезаря. Въ письмѣ къ Оппію и Бальбу Цезарь говоритъ, что онъ «отвѣтилъ, что̀ нашелъ нужнымъ» [3]). Но видно, что этотъ отвѣтъ былъ, если не совершенно отрицательный, то и не безусловно положительный. Еслибы предложенія Помпея были приняты, тогда бы миръ былъ совершившимся фактомъ, и Цезарь не говорилъ бы только въ будущемъ времени о «надеждѣ на миръ» [4]). Къ тому же Помпей, быть можетъ, и самъ не особенно склоненъ былъ къ уступкамъ въ виду ожидавшихся со дня на день кораблей изъ Диррахія; междѣ тѣмъ Цезарю, для того чтобы запереть гавань, нужно было, по его собственнымъ словамъ, исполнить «грандіозныя работы, требовавшія много времени». Если такова была задняя мысль Помпея, то онъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ: Цезарь вошелъ въ Брундузій только на другой день послѣ того, какъ Помпей уже ускользнулъ изъ его рукъ [5]).

Но когда именно случилось это послѣднее? Когда Помпей бѣжалъ изъ Брундузія?—Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя разнорѣчивыми показаніями. А именно, *25 марта* Цицеронъ получилъ письмо изъ Капуи, отъ Лепты, отъ *15 марта*, [6]) въ которомъ тотъ сообщалъ ему вѣсть о совершившемся бѣгствѣ Помпея изъ Брундузія. Если предположить, что двухъ-трехъ дней было достаточно для того, чтобы вѣсть о случившемся въ Брундузіѣ могла достигнуть Капуи (около 300 верстъ), то выйдетъ, что Помпей бѣжалъ изъ Брундузія *12—13 марта*. Въ тотъ же день, 25 марта, Цицеронъ получилъ другое извѣстіе объ этомъ же фактѣ, именно — письмо Мація и Требація, [7]) которые писали между прочимъ, что на пути изъ Капуи они слышали, что «Помпей со всѣми войсками, какія имѣлъ, вышелъ изъ Брундузія *17 марта*» (У Billerbeck'a II,480 переведено «a .d. XVI Kal. Apr».— *16 März*: очевидно, ошибка). Итакъ, мы имѣемъ два разнорѣчивыя показанія, оба одинаково шаткія, такъ какъ относительно одного мы не знаемъ, изъ какихъ источниковъ оно почерпнуто

---

[1]) 348. C. [2]) 354. A. [3]) ib. [4]) ib. Срв. 354,8. [5]) 356. ad Att. IX. 15. A. [6]) 355,3. ad Att. IX. 14. [7]) 356. A.

(показаніе Лепты), относительно другаго намъ положительно извѣстно, что это *слухъ*, а мы уже имѣли случай убѣдиться, какъ непадеженъ этотъ источникъ. Но благодаря одному болѣе или менѣе случайному указанію, мы имѣемъ возможность нѣсколько разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ. Первое извѣстіе, извѣстіе Лепты, по которому бѣгство Помпея слѣдуетъ отнести къ 12—13 марта, приходится отвергнуть, какъ очевидно недостовѣрное. А именно. Въ письмѣ, полученномъ Цицерономъ отъ Долабеллы изъ Брундузія около 24 марта, [1]) послѣдній писалъ о «*намѣреніи* Помпея пуститься въ море при первомъ вѣтрѣ». Слѣдовательно въ то время, когда Долабелла писалъ свое письмо, Помпей находился еще въ Брундузіѣ. Письмо же Долабеллы было писано *13 марта*. Но если недостовѣрность этого извѣстія обнаруживается данными самой же переписки, то въ другихъ источникахъ мы находимъ блестящее подтвержденіе второму извѣстію (Мація и Требація), по которому Помпей отчалилъ изъ Брундузія *17 марта* [2]).

Интересныя данныя находимъ въ перепискѣ этого времени относительно образа дѣйствій какъ Цезаря, такъ и Помпея.

Цезарь слѣдовалъ *политикѣ великодушія*. Онъ поставилъ себѣ за правило отпускать на волю всѣхъ попадавшихся ему въ плѣнъ помпеянцевъ. Что касается освобожденія плѣннаго Домиція, то мы видѣли выше, что изъ переписки можно только гипотетически заключить, что «корфинійское великодушіе»—*clementia Corfiniensis*—заключалось, именно, въ освобожденіи Домиція. Но въ одномъ письмѣ (къ Оппію и Бальбу) Цезарь самъ пишетъ, что онъ «взялъ въ плѣнъ помпеева префекта Н. Магія и, разумѣется, послѣдовалъ своему правилу (*institutum*) и тотчасъ отпустилъ его» [3]). Это institutum Цезаря заключалось въ «*новомъ способѣ побѣждать посредствомъ гуманности и великодушія*», какъ говорилъ самъ Цезарь, [4])—посредствомъ «предательской кротости», какъ говорилъ Цицеронъ [5]). Что это не были однѣ фразы, это видно, вопервыхъ, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ освобожденія плѣнныхъ помпеянцевъ, вовторыхъ, изъ того, что даже противники Цезаря

---

[1]) 454,1. [2]) См. выше, стр. 18—19; также хрон. таб. [3]) 348. ad Att. IX. 7. C. [4]) ib. [5]) 340. ad Att. VIII. 16.

должны были признать, что онъ велъ себя *sincere, temperate, prudenter* [1]).

Относительно Помпея, напротивъ, даже его друзья жаловались на жестокосердыя поползновенія его самого и его приближенныхъ [2]). Если вообще образъ дѣйствій Цезаря можно было назвать политикой великодушія, то образъ дѣйствій его противниковъ пришлось бы назвать *политикой терроризма*: если Цезарь думалъ побѣждать гуманностью и великодушіемъ, то его противники хотѣли заставить покоряться себѣ страхомъ и угрозами. Цицеронъ говоритъ объ угрозахъ (*minae*), которыя посылали уходившіе изъ Италіи помпеянцы по адресу тѣхъ, которые оставались въ Италіи, не хотѣли послѣдовать за ними [3]). Будто бы даже Помпей прямо намекалъ при этомъ на примѣръ Суллы: «*Sulla potuit: ego non potero?*» [4]) Красснпедъ, возвратившійся изъ Брундузія въ Форміи 20 марта, разсказывалъ Цицерону [5]) объ «угрожающихъ рѣчахъ»—*sermones minaces* — помпеянцевъ, о враждебности ихъ къ оптиматамъ и сочувствовавшимъ Цезарю муниципіямъ, объ угрозахъ безчисленными проскрипціями по примѣру Суллы—*meras proscriptiones, meros Sullas*. То же самое передавали всѣ оставившіе Брундузій 8 марта, т. е. накапунѣ прибытія туда Цезаря [6]).

Въ связи [7]) съ этимъ контрастомъ между поведеніемъ Цезаря и поведеніемъ Помпея находится и тотъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи относительно Помпея и Цезаря, — поворотъ, который не остался незамѣченнымъ Цицерономъ,—который отразился, какъ увидимъ ниже, и на самомъ Цицеронѣ. Поворотъ этотъ начался еще ранѣе, именно, когда началось встрѣченное такимъ негодованіемъ со стороны Цицерона возвратное движеніе оптиматовъ изъ муниципій въ Римъ. Тутъ мы видимъ, какъ началось сбываться въ дѣйствительности то, что проэктировалъ Цезарь относительно «новаго способа побѣждать гуманностью и великодушіемъ». И дѣйствительно, мы видимъ, что Цезарь все болѣе и болѣе завоевывалъ себѣ симпатіи римскаго общества, симпатіи

---

[1]) 351,9. ad Att. IX. 10. [2]) 351,9. — 352. ad Att. IX. 11. [3]) 351. [4]) ib. [5]) 352. [6]) См. выше, стр. 192. [7]) Связь эту понималъ очень хорошо самъ Цицеронъ, какъ это видно изъ 352,2.

до извѣстной степени даже своихъ противниковъ, которые — мы видѣли выше — должны были признать безукоризненность образа дѣйствій Цезаря. Если до сихъ поръ Цезарь представлялся имъ мятежникомъ, идущимъ противъ своихъ согражданъ, то теперь, когда послѣдній былъ уже почти побѣдителемъ, онъ заставилъ признать въ себѣ великодушнаго «спасителя своихъ враговъ» [1]). Къ немалому отчаянію Цицерона, даже патріоты забыли «всю гнусность его дѣла» и готовы были рукоплескать [2]) тому, отъ кого еще недавно бѣжали, какъ отъ врага; теперь эти самые *boni*, эти оптиматы рукоплещутъ Цезарю и идутъ толпами въ Римъ [3]), куда вскорѣ долженъ былъ возвратиться побѣдителемъ Цезарь [4]). Они надѣются на милость Цезаря [5]), и потому спокойно ждутъ его, возвратившись къ своему обычному образу жизни: «пируютъ и пьянствуютъ», какъ говоритъ о нихъ раздраженный и негодующій Цицеронъ. Они не боятся болѣе Цезаря, «спасителя своихъ враговъ», и потому охотно отдаются, «продаются» ему [6]). Дѣло дошло до того, что многіе изъ оптиматовъ посылали своихъ сыновей на службу къ Цезарю. Таковы, напримѣръ, были Титиній и Сервій Сульпицій [7]).

Это—со стороны оптиматовъ. Но параллельно этому движенію въ пользу Цезаря въ верхнихъ слояхъ римскаго общества, шло подобное же движеніе и среди низшихъ классовъ не только римскаго, но также и внѣ-римскаго населенія: въ муниципіяхъ и въ деревняхъ. Цицеронъ очень хорошо понималъ, какое обаятельное дѣйствіе должно было произвести на итальянское населеніе великодушіе Цезаря. «Клянусь Геркулесомъ, говорилъ онъ еще въ началѣ марта [8]),—если онъ (Цезарь) никого не убьетъ, никого не ограбитъ, онъ завоюетъ себѣ любовь тѣхъ, для которыхъ до тѣхъ поръ былъ страшилищемъ». Предсказаніе Цицерона сбылось, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Въ концѣ того же мѣсяца наблюденія его привели къ слѣдующему результату: «*Если оптиматы продаются Цезарю, то муниципіи боготво-*

---

[1]) 322,2. ad Att. VIII. 9. [2]) ib. [3]) 341. ad Att. IX. 1.—340. ad Att. VIII. 16. [4]) 347,1. ad Att. IX. 6. Срв. 356. ad Att. IX. 15.—355. [5]) 340. [6]) 346,3. ad Att. IX. 5.—340. [7]) 359. ad Att. IX. 18.—350.—360. ad Att. IX. 19.—364. ad Att. X. 3.—380. ad Att. X. 14. [8]) 337. ad Att. VII. 13.

рятъ его» [1]). Когда Цезарь шелъ слѣдомъ за Помпеемъ къ Брундузію, муниципіи устраивали ему торжественныя встрѣчи [2]). И что важно—самъ Цицеронъ вынужденъ признать ту непріятную для себя истину, что это не было лицемѣріемъ со стороны муниципіевъ, подобно тѣмъ публичнымъ молебствіямъ (*vota*), которыя совершались ими во время болѣзни Помпея, — что во всякомъ случаѣ, если и тутъ—въ этихъ чествованіяхъ—игралъ извѣстную роль страхъ предъ Цезаремъ, то въ отношеніяхъ ихъ къ Помпею страхъ игралъ несравненно болѣе видную роль. «Если, говоритъ Цицеронъ въ другомъ письмѣ того же времени (*24 марта*) [3]),— если муниципіи и сельское населеніе (*rustici*) боятся Помпея, то *Цезаря они не только боятся, но и любятъ*». Такимъ образомъ, произошелъ коренной переворотъ въ настроеніи итальянскаго населенія относительно Цезаря и Помпея. «*Того* (Помпея), *на котораго прежде надѣялись, теперь боятся; этого* (Цезаря), *котораго боялись, — любятъ*» [4]). Ибо «надѣются, что этотъ (Цезарь) милостивъ, тогда какъ тотъ—разгнѣванъ» [5]). При этомъ сказалось одно чрезвычайно любопытное психологическое явленіе, которое такъ тонко было подмѣчено Цицерономъ. «*То* (обстоятельство)— говоритъ Цицеронъ,—*что онъ* (Цезарь) *не дѣлаетъ зла, которое бы могъ сдѣлать, возбуждаетъ къ нему такое же чувство благодарности, какъ еслибы онъ отвратилъ зло, угрожавшее со стороны кого-либо другаго*» [6]).

Такимъ образомъ, въ чемъ выигрывалъ Цезарь, въ томъ проигрывалъ Помпей. Если Цезарь своимъ великодушнымъ и безукоризненнымъ образомъ дѣйствій все болѣе и болѣе завоевывалъ себѣ симпатіи итальянскаго населенія и возбуждалъ уваженіе къ себѣ даже со стороны своихъ противниковъ, то Помпей все болѣе и болѣе ронялъ себя въ глазахъ своихъ же друзей, все болѣе и болѣе утрачивалъ ихъ прежнія къ себѣ симпатіи, возбуждая въ то же время недовольство и недовѣріе къ себѣ со стороны итальянскаго населенія. Особенно рѣзкою представляется эта перемѣна въ отношеніяхъ къ Помпею со стороны оптиматовъ, его друзей. Если къ Цезарю они чувствовали невольное

---

[1]) 340. [2]) ib. 2. [3]) 354,4. ad Att. IX. 12. Срв. 356,3. [4]) 337,2. [5]) 340. [6]) ib. Срв. 354.

почтеніе, какъ къ великодушному «спасителю своихъ враговъ» [1]), то Помпея не могли не презирать, какъ «предателя своихъ друзей» [2]), и ненавидѣли послѣдняго, потому что боялись его [3]). Они уже успѣли заявить свое нерасположеніе къ Помпею очень осязательнымъ образомъ, тѣмъ что цѣлыми толпами покидали его, предоставляя ему метаться въ безсильной злобѣ, изрыгая проклятія и угрозы своимъ «*предателямъ*», какъ онъ самъ говорилъ, а какъ говорилъ Цицеронъ— «*жертвамъ своего предательства*» [4]), и шли въ Римъ навстрѣчу его сопернику.

Такимъ образомъ, можно сказать, что вся Италія, начиная съ римской аристократіи до низшихъ слоевъ итальянскаго населенія, мало по малу не только примирились съ Цезаремъ, не только научились относиться къ нему съ извѣстной терпимостью, но начинала даже ему симпатизировать, отклоняясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Помпея, къ которому теперь не питала иного чувства, кромѣ страха [5]). Не болѣе двухъ мѣсяцевъ достаточно было для того, чтобы произошелъ такой глубокій переворотъ въ настроеніи римскаго общества! Какъ бы то ни было, роли Цезаря и Помпея перемѣнились. Къ прежнему врагу посылали своихъ сыновей на службу, какъ къ союзнику; отъ прежняго союзника бѣжали, какъ отъ врага,—какъ отъ врага «патріотовъ», врага муниципіевъ, врага всей Италіи, врага отечества [6]). Припоминали угрозы уходившаго изъ Италіи Помпея и съ трепетомъ ждали его мести тѣмъ, которыхъ онъ самъ же покинулъ [7]). Готовы были приписывать ему самые изувѣрные замыслы; говорили, что Помпей хочетъ блокировать Италію (съ моря) съ цѣлью лишить ее подвоза хлѣба изъ провинцій [8]),—что онъ хочетъ уморить голодомъ Римъ и всю Италію, хочетъ «умертвить голодной смертью своихъ согражданъ» [9]), свое отечество [10]); онъ хочетъ поднять всѣ земли, возмутить самыя моря; возбудить варварскихъ царей и, привести на Италію дикія орды вооруженныхъ народовъ [11]), для того чтобы затѣмъ выместить свой гнѣвъ на всей Италіи [12]); опустошить поля и выжечь нивы [13]), чтобы въ концѣ концовъ всю Италію обратить въ пустыню [14])...

---

[1]) 332. [2]) ib. [3]) 354. [4]) 350,2. ad Att. IX. 9. [5]) 354.—332. [6]) 350,2. ad Att. IX. 9. [7]) ib. См. выше, стр. 197. [8]) 350. [9]) 351,3. ad. Att. IX. 10.—348. ad. Att. IX. 7. [10]) 350 [11]) 334,2. ad. Att. VIII. 11. [12]) 350. [13]) 348,4. [14]) 351,3.

Самъ Цицеронъ, хотя онъ и скорбѣлъ о такой перемѣнѣ въ настроеніи римскаго общества и вообще всего итальянскаго населенія, нельзя сказать, чтобы остался въ сторонѣ отъ этого движенія. Незамѣтно для себя, онъ увлекается общимъ настроеніемъ, онъ не замѣчаетъ, какъ онъ, говоря о Помпеѣ, мало по малу впадаетъ въ такой же тонъ, какимъ говорили о немъ тѣ самые оптиматы, которые, по выраженію Цицерона, «ненавидѣли» Помпея. Но объ этомъ ниже.

Такъ какъ выше мы остановились на фактѣ бѣгства Помпея изъ Италіи, то не будетъ, по нашему мнѣнію, неумѣстнымъ задаться вопросомъ, какъ смотрѣли, какъ понимали этотъ фактъ современники, и вопервыхъ самъ Помпей. Взглядъ Помпея на этотъ свой шагъ, высказанный имъ главнымъ образомъ въ письмѣ его къ Домицію [1]), заключается въ слѣдующемъ. Съ одной стороны, это было *вынужденнымъ шагомъ*, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ безсилія Помпея передъ Цезаремъ. Но съ другой стороны, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ шагъ былъ *стратегическимъ маневромъ*, разсчитаннымъ на извѣстныхъ соображеніяхъ, на извѣстномъ планѣ. Послѣ того какъ Домицій былъ отрѣзанъ отъ Помпея, вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій представлялся послѣднему въ видѣ дилеммы. Необходимо было, по его мнѣнію, одно изъ двухъ: или сильное войско, съ помощью котораго бы можно было прорваться на соединеніе съ арміей Домиція; или же имѣть въ своихъ рукахъ такую страну, откуда бы удобно было съ успѣхомъ вести, если не наступательную, то, по крайней мѣрѣ, оборотительную войну [2]). Такъ какъ перваго не было, то пришлось искать втораго; *бѣгство Помпея было*, такимъ образомъ, *первымъ шагомъ къ поискамъ за новымъ театромъ войны, гдѣ онъ надѣялся найти болѣе твердую почву для борьбы съ противникомъ*. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на дѣло самъ Помпей.

Совершенно иначе понимаетъ этотъ шагъ Помпея Цицеронъ. Цицеронъ не признаетъ вовсе raison d'être той дилеммы, которою оправдывалъ Помпей бѣгство изъ Италіи, и рѣшительно отрицаетъ необходимость или вынужденность этого шага. Онъ видитъ въ немъ, напротивъ, исключительно актъ свободной воли Помпея,

---

[1]) 336. ad Att. VIII. 12. C. [2]) 336,3.

результатъ разсчета, не больше [1]). Затѣмъ, разсчетъ, руководившій этимъ шагомъ Помпея, былъ по мнѣнію Цицерона, не только стратегическій разсчетъ, но и политическій; и не оборонительную войну имѣлъ въ виду Помпей, думаетъ Цицеронъ, а наступательную, и не противъ Цезаря собственно, а противъ всей Италіи. «Онъ хочетъ, говоритъ Цицеронъ, подвигнуть всѣ земли и моря, онъ хочетъ возбудить варварскихъ царей и поднять дикіе народы, чтобы составить изъ нихъ громадную армію и вести ее на Италію» [2]). И не для того, чтобы возстановить республику, а *съ тѣмъ, чтобы основать «суланское царство»* [3]). Подробнѣе объ этомъ намъ еще придется говорить ниже.

Съ момента бѣгства своего изъ Италіи, Помпей исчезаетъ изъ глазъ Цицерона, исчезаетъ, слѣдовательно, и изъ переписки, теряется для насъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ теряетъ съ этого момента въ продолженіе нѣкотораго времени и значеніе—непосредственное для Цезаря, для его исторіи. Такъ что исторія Цезаря не теряетъ ничего оттого, что мы теряемъ въ эту минуту изъ виду Помпея. Вскорѣ мы потеряемъ изъ виду и Цезаря, когда онъ отправится въ Испанію, но въ настоящую минуту, послѣ бѣгства Помпея, и Цезарь и Цицеронъ оба остаются въ Италіи: тѣмъ съ большимъ вниманіемъ должны мы отнестись къ этой части переписки, тѣмъ съ большимъ стараніемъ должны собрать всѣ даже малѣйшія крохи, относящіяся къ исторіи Цезаря за этотъ промежутокъ времени.

Вскорѣ послѣ взятія Корфиніи Цезарь писалъ Бальбу въ Римъ, что онъ «въ скоромъ времени будетъ въ Римѣ» [4]). Какимъ образомъ могъ Цезарь такъ категорически, такъ самоувѣренно говорить о своемъ *скоромъ* прибытіи въ Римъ, прежде чѣмъ онъ догналъ Помпея въ Брундузіѣ? Вѣроятно, онъ имѣлъ для этого серьезныя основанія, для насъ однако неизвѣстныя. Какъ бы то ни было однако, но факты оправдали эту увѣренность Цезаря. Уже *19 марта* Цицеронъ, находившійся все это время въ своемъ Formianum'ѣ, говоритъ о возвращеніи Цезаря, какъ о дѣлѣ ожидаемомъ, хотя еще и неизвѣстномъ [5]). Дѣйствительно, мы видимъ,

---

[1]) 334. ad. Att. VIII. II. [2]) ib. [3]) ib. 2. [4]) 347,1. ad Att. IX. 6. [5]) 351,10. ad Att. IX. 10.

что Цезарю удалось скоро покончить дѣла въ Брундузіѣ. Какъ мы видѣли выше, *9 марта* Цезарь прибылъ къ Брундузію, *17 марта* Помпей бѣжалъ изъ Брундузія; на другой день Цезарь вошелъ въ оставленный городъ и тотчасъ собралъ народное собраніе (contio). Оставивъ затѣмъ гарнизоны въ Брундузіѣ, Тарентѣ и Сипонтѣ—по одному легіону [1]), Цезарь немедленно отправился въ Римъ [2]). До 25 марта всѣмъ уже былъ извѣстенъ маршрутъ Цезаря. Именно: *25 марта* онъ долженъ былъ быть въ Беневентѣ [3]), *26* въ Капуѣ [4]), *27* въ Синуэссѣ [5]), чтобы къ *1 апрѣля* быть уже въ Римѣ [6]). 1 апрѣля онъ имѣлъ въ виду присутствовать на засѣданія сената, почему еще изъ Формій отправилъ въ Римъ гонца съ предписаніемъ—собраться сенату 1 апр. въ полномъ составѣ [7]). Кажется, что предположеніе Цезаря относительно прибытія въ Римъ къ 1 апр. исполнилось на дѣлѣ. Можно, по крайней мѣрѣ, предполагать объ этомъ съ значительною долею вѣроятности. Именно, *29-го,* а можетъ быть и *28 марта* [8]), Цезарь былъ уже въ Arpinum'ѣ, гдѣ имѣлъ продолжительный разговоръ съ Цицерономъ [9]). (Подробнѣе объ этомъ будетъ ниже). Вслѣдъ затѣмъ онъ тотчасъ отправился изъ Арпина въ Pedanum [10]), свое имѣнье близь Pedum'а. Такъ какъ Arpinum находится приблизительно на половинѣ пути отъ Капуи до Рима, то, предполагая, что 1) Цезарь все время ѣхалъ съ одинаковою скоростью и 2) прибылъ въ Капую (и отправился оттуда) въ назначенный по маршруту день—26 марта, приблизительная дата прибытія Цезаря въ Римъ опредѣлится изъ слѣдующихъ уравненій:

а) x—28=28—26. x=28—26+28=30, т. е. *30 марта*: это крайній *ранній* срокъ (предполагая, что Цезарь выѣхалъ изъ Arpinum'а *28 марта*).

в) x—29=29—26. x=29—26+29=32, т. е. *1 апрѣля*: крайній *поздній* срокъ (предполагая, что Цезарь выѣхалъ изъ Arpinum'а *29 Марта*).

Итакъ, можно почти положительно утверждать, что Цезарь прибылъ въ Римъ *не ранѣе 30 марта и не позднѣе 1 апрѣля*, т.-е.

---

[1]) 356,1. ad Att. IX. 15. [2]) ib. A. [3]) ib. [4]) ib.—357,1. ad Att. IX. 16. [5]) ib. [6]) 356. ad Att. IX. 15. A. [7]) 358. ad Att. IX. 17. [8]) 359. ad Att. IX, 18.—358. ad Att. IX. 17. [9]) 359. [10]) ib.

иначе говоря, его прибытіе въ Римъ (первое съ начала гражданской войны) совпадаетъ или съ концомъ марта или съ началомъ апрѣля.

По слухамъ, сообщеннымъ Цицерону Маціемъ и Требаціемъ еще до прибытія Цезаря въ Римъ [1]), Цезарь имѣлъ въ виду пробыть въ Римѣ всего нѣсколько дней и тотчасъ же отправиться оттуда въ Испанію, хотя Цицерону почему-то казалось, что Цезарь «болѣе смотритъ въ сторону Греціи, чѣмъ Испаніи» [2]). Объ этомъ онъ заключалъ изъ того обстоятельства, что Цезарь оставилъ гарнизоны въ Брундузіѣ, Сипонтѣ и Тарентѣ, т. е. на *mare Superum* [3]) (Адріат. м.).

До послѣдняго времени, какъ мы видѣли, Цицеронъ не терялъ надежды на миръ, не смотря на общее свое пессимистическое настроеніе; теперь, послѣ бѣгства Помпея изъ Италіи, и онъ наконецъ отказывается окончательно отъ всякой мысли о мирѣ. *Spem pacis habeo nullam* [4]). Но страннымъ образомъ, *Цезарь* все еще продолжалъ говорить о мирѣ. Первыми словами его при свиданіи съ Цицерономъ въ Арпинѣ 28—9 марта, были: *age de pace* [5]). Очевидно, впрочемъ, что на этотъ разъ Цезарь не имѣлъ въ виду того, что ранѣе, т. е. посреднической, третейской роли Цицерона между нимъ и Помпеемъ, такъ какъ теперь Цицеронъ столь же мало имѣлъ возможности сноситься съ Помпеемъ, какъ и Цезарь. Если Цезарь говорилъ Цицерону: *age de pace*, то очевидно, что онъ хотѣлъ выразить этими словами свое желаніе, чтобы Цицеронъ агитировалъ *въ сенатѣ* въ пользу мира. Изъ отвѣта Цицерона: *sic agam, senatui non placere* etc., видно, что слова Цезаря имѣли именно этотъ, а не другой какой смыслъ. Мы видимъ, что и въ Римѣ наканунѣ прибытія Цезаря носились какіе-то неясные слухи о какой-то «агитаціи въ пользу мира» [6]), къ которой будто бы имѣетъ быть привлеченъ Цицеронъ [7]). Говорили о готовившемся будто бы посольствѣ къ Помпею съ мирными предложеніями ex senatus consulto [8]). Но Цицеронъ отнесся съ большимъ недовѣріемъ къ этимъ слухамъ. «Я не понимаю, говоритъ

---

[1]) 356. A. [2]) 356.1. [3]) 360. ad Att. IX. 19.—366. ad Att. X. 4.—356. [4]) 354,8. ad Att. 12. Срв. 360,3. [5]) 359. ad Att. IX. 18. [6]) 361,2. ad Att. X. 1. [7]) ib. [8]) 363. ad Att. X. 3.

онъ [1]), какъ можно говорить о мирѣ, когда—отнять у Помпея провинцію, лишить его войска есть для Цезаря дѣло рѣшенное». Всѣ эти рѣчи о мирѣ, по мнѣнію Цицерона, одно пустое притворство [2]), потому что военныя приготовленія не только не пріостановлены, а, напротивъ, продолжаются съ лихорадочной поспѣшностью [3]).

Состоялось ли проектированное Цезаремъ засѣданіе сената *1 апрѣля*, сказать нельзя. Извѣстно только, что для Цицерона было сдѣлано исключеніе: Цезарь позволить ему не являться въ сенатъ [4]), чѣмъ Цицеронъ дѣйствительно воспользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: онъ во все время пребыванія Цезаря въ Римѣ не только не являлся въ сенатъ, но не показывался въ самый Римъ, притаившись въ братовомъ «Тайникѣ» [5]). Другимъ сенаторамъ, желавшимъ воспользоваться этой привилегіей—не являться въ сенатъ, такого позволенія не было дано [6]). Такъ, напримѣръ, случилось съ Сервіемъ Сульпиціемъ, который незадолго предъ тѣмъ отправилъ своего сына на службу къ Цезарю, и который теперь жаловался на Цезаря, что «онъ не позволилъ ему того, что позволилъ Цицерону» [7]).

Выше мы видѣли, что Цезарь имѣлъ въ виду пробыть въ Римѣ всего «нѣсколько дней». Сколько именно дней пробылъ онъ тамъ, точныхъ указаній на это не находимъ, какъ не находимъ точныхъ датъ ни времени его прибытія въ Римъ, ни времени его выѣзда изъ Рима (въ Испанію). Можно только приблизительно опредѣлить ту и другую дату. Первую мы опредѣлили уже выше: *отъ 30 марта до 1 апрѣля*. Вторая дата не поддается такому сравнительно точному опредѣленію. *7 апрѣля* Цицеронъ спрашиваетъ Аттика, уѣхалъ ли Цезарь изъ Рима. Слѣдовательно, какъ бы подразумѣвается, что срокъ «нѣсколькихъ дней» (*paucí dies*) долженъ уже истечь. Конечно, это обстоятельство не доказываетъ еще, что въ это время Цезарь уже оставилъ Римъ, но оно даетъ намъ мѣрку для слишкомъ неопредѣленнаго выраженія «нѣсколько дней». Во всякомъ случаѣ, можно почти съ увѣренностью утверждать, что Цезарь оставилъ Римъ *не позднѣе 13 апрѣля*. Дѣло въ томъ,

---

[1]) 361. [2]) ib. [3]) ib. [4]) 364. [5]) 396. ad Att. X. 3: *Arcanum fratris.* [6]) 364. [7]) ib. Срв. 350.—359. ad Att. IX. 18.—360.—364.—380.

что 13 апр. мы видимъ Цицерона въ Formianum'ѣ [1]), а въ предъидущемъ письмѣ [2]), онъ писалъ, что будетъ «скрываться въ Arcanum'ѣ до тѣхъ поръ, пока узнаетъ, что Цезарь выѣхалъ изъ Рима». Слѣдовательно, можно опредѣлить приблизительно продолжительность пребыванія Цезаря въ Римѣ—*отъ одной до двухъ недѣль.*

Что̀ дѣлалъ и что̀ сдѣлалъ Цезарь въ продолженіе этихъ одной-двухъ недѣль? Относительно дѣятельности Цезаря въ Римѣ за этотъ короткій, но чрезвычайно важный по предшествовавшимъ ему событіямъ періодъ переписка даетъ крайне скудныя указанія. Письма Цицерона не могутъ служить достаточнымъ матерьяломъ уже потому одному, что Цицеронъ все это время «скрывался» внѣ Рима, ограничивъ до minimum'а свое общеніе съ Римомъ. Писемъ же Аттика, который былъ, повидимому, единственнымъ корреспондентомъ Цицерона за этотъ промежутокъ времени, если не считать Целія, котораго имѣемъ всего одно письмо,—мы вовсе не имѣемъ. Всѣ данныя, какія можно найти въ перепискѣ относительно этого вопроса, заключаются, во-первыхъ, въ письмѣ Цицерона къ Аттику отъ 13 апр. (приблизительная дата), [3]) въ которомъ Цицеронъ передаетъ свой разговоръ съ Куріономъ; во-вторыхъ, въ письмѣ Целія къ Цицерону, относящемся къ тому же приблизительно времени [4]).

По словамъ Цицерона, Куріонъ «разсказалъ ему всю подноготную» [5]). Если слова Куріона точно переданы Цицерономъ, то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ драгоцѣнными данными, ибо онѣ, выражаясь языкомъ дипломатовъ, шли изъ хорошо освѣдомленнаго источника. Во всякомъ случаѣ это мѣсто письма заслуживаетъ того, чтобы привести его дословно, тѣмъ болѣе, что Цицеронъ лишь резюмируетъ въ очень сжатой формѣ сущность рѣчей Куріона, а не передаетъ ихъ въ видѣ гладкаго, подробнаго пересказа. «Знаешь человѣка: разсказалъ всю подноготную. Прежде всего—нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ то, что будетъ объявлена амнистія всѣмъ, кто былъ осужденъ по закону Помпея, для того чтобы, такимъ образомъ, воспользоваться ихъ содѣйствіемъ въ Сициліи.—Испанія несомнѣнно будетъ въ рукахъ Цезаря; откуда—въ погоню за Помпеемъ, гдѣ бы ни былъ послѣдній: его гибель бу-

---

[1]) 364. [2]) 363. [3]) 366. ad Att. X. 4. [4]) 367. ad Div. VIII. 16. [5]) 366.

детъ концомъ войны. — Въ припадкѣ гнѣва Цезарь хотѣлъ было убить народнаго трибуна Метелла; этого, правда, не случилось, но случись это, вышло бы великое кровопролитіе.—Среди приближенныхъ Цезаря много явныхъ подстрекателей къ кровопролитію (*hotratores caedis*). Если до сихъ поръ Цезарь сдерживаетъ свою жестокость, то не потому, чтобы онъ по природѣ былъ милостивъ, а потому, что знаетъ, что великодушіемъ онъ можетъ увеличить свою популярность; но стоитъ только ему потерять свою популярность — и онъ сдѣлается извергомъ. Онъ крайне встревоженъ тѣмъ, что вызвалъ такое неудовольствіе народа своимъ поступкомъ относительно эрарія. Вотъ почему онъ не отважился явиться въ народномъ собраніи, которое самъ назначилъ передъ своимъ отъѣздомъ, и уѣхалъ изъ Рима въ большой тревогѣ.—На вопросъ мой (продолжаетъ Цицеронъ), какъ онъ смотритъ на ближайшее будущее, на современное положеніе республики,—увѣрялъ что не остается никакой надежды. Высказывалъ опасеніе относительно помпеева флота; если онъ явится, придется—говорилъ Куріонъ—отступить изъ Сициліи.—Скажи пожалуйста, спросилъ я его, что означаютъ эти твои шесть ликторскихъ пуковъ? Если они даны тебѣ сенатомъ, то почему обвиты лавромъ? Если отъ самого (т. е. Цезаря),—почему *шесть?* «Я просилъ, отвѣчалъ онъ, Цезаря, чтобы мнѣ было дано это сенатомъ: иначе и быть не могло; но теперь онъ больше прежняго ненавидитъ сенатъ». «Отнынѣ, сказалъ Цезарь все будетъ исходить отъ меня къ сенату, а не наоборотъ» — Но все-таки, настаивалъ я, почему же именно *шесть* (а не двѣнадцать)? «Просто, самъ не захотѣлъ; развѣ не все равно?...»

Письмо Целія [1]) подтверждаетъ во многихъ пунктахъ слова Куріона.

1. Относительно Испаніи [2]) Целій еще въ болѣе рѣшительной формѣ высказываетъ свою увѣренность въ томъ, что Испанія будетъ завоевана Цезаремъ. «Объявляю тебѣ, что Испанія будетъ наша, какъ только Цезарь явится туда» [3]).

2. Пессимистическія увѣренія Куріона относитетьно «жестокости» Цезаря находятъ себѣ поддержку въ подобныхъ же увѣрені-

---

[1]) 367. [2]) Срв. 373. ad Div V. 19.— 379. ad Att. X. 12.—374. ad Att. X. 8. [3]) 367,3.

ихъ Целія. «Если ты воображаешь, пишетъ онъ Цицерону, [1]) что Цезарь такъ же великодушно будетъ отпускать на волю своихъ противниковъ, какъ дѣлалъ это до сихъ поръ, то ты жестоко ошибаешься. И на умѣ и на языкѣ у него одна только жестокость и кровожадность».—Здѣсь самъ собою напрашивается вопросъ: что это значитъ, что два цезаріанца съ такимъ единодушіемъ и почти ожесточеніемъ настаиваютъ на жестокости и кровожадныхъ замыслахъ Цезаря, умѣренность и великодушіе котораго еще такъ недавно признавали его враги? Объясненіе можетъ быть одно изъ двухъ: или то, что Цезарь коренным образомъ измѣнилъ и свою прежнюю политику, «политику великодушія», и самъ измѣнился: изъ умѣреннаго превратился въ жестокаго, изъ великодушнаго побѣдителя въ тирана-изверга; или же то, что оба «друга» Цезаря, и Целій и Куріонъ, говорили въ данномъ случаѣ *неискренно*. Первое трудно предположить; второе же предположеніе очень вѣроятно. Относительно Целія, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ возможность положительно констатировать *тенденціозность* его показаній относительно жестокости Цезаря. Самое письмо Целія представляетъ собою не столько простую корреспонденцію, сколько ораторское произведеніе, которое имѣетъ цѣлью не столько сообщить извѣстные факты, извѣстныя новости, сколько повліять, произвести впечатлѣніе на Цицерона, склонить его перейти на сторону Цезаря. Такова конечная цѣль Целія; остальное служитъ ему средствомъ. Однимъ изъ этихъ средствъ, однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ аргументовъ, какіе Целій находилъ возможнымъ привести съ цѣлью убѣдить Цицерона перейти на сторону Цезаря, была именно эта идея о жестокости, которую будто бы начнетъ въ скоромъ времени практиковать Цезарь. Целій хочетъ побудить Цицерона *поспѣшить* перейти къ Цезарю, пока онъ еще не началъ свирѣпствовать, потому что де иначе будетъ поздно... Такова именно *тенденція* всего письма Целія, объясняющая отмѣченное нами выше противорѣчіе. Что касается Куріона, то мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, для того чтобы и ему приписать подобную же тенденцію, но не находимъ и ничего такого, что бы говорило противъ такого предположенія.

---

[1]) ib. 1.

3. Далѣе, письмо Целія подтверждаетъ слова Куріона о «ненависти» Цезаря къ сенату. «Раздраженный этими интерцессіями, онъ въ гнѣвѣ вышелъ изъ сената» [1]). Здѣсь указывается на какой-то конкретный случай, относительно котораго мы не имѣемъ дальнѣйшихъ указаній и разъясненій. Важно отмѣтить въ этихъ словахъ тотъ фактъ, что сенатъ въ это время еще не совершенно отказался отъ борьбы съ Цезаремъ,—что среди этихъ «продавшихся» ему сенаторовъ, послушно явившихся въ курію по его зову, находились отдѣльныя личности, которыя отваживались *протестовать*.

4. Что касается «неудовольствія народа», о которомъ говорилъ Куріонъ,—неудовольствія, вызваннаго будто бы инцидентомъ съ Метелломъ, то Целій объ этомъ умалчиваетъ; но въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ Цицерона (отъ 5 мая) мы встрѣчаемъ, несовсѣмъ правда ясный, намекъ на какую-то враждебную Цезарю демонстрацію въ театрѣ. [2]).

«Вся вселенная охвачена пламенемъ войны между двумя представителями расколовшейся власти. Римъ безъ законовъ, безъ судовъ, безъ права, безъ кредита, оставленъ въ добычу грабежу и пожарамъ» [3]). Такими словами рисуетъ Цицеронъ, положеніе римскаго государства «на закатѣ республики». Это былъ моментъ отправленія Цезаря въ Испанію. Итакъ, началась снова та «чудовищная война», о которой говорилъ мѣсяцъ тому назадъ Долабелла, [4]) и которой никогда не переставалъ бояться Цицеронъ.

Относительно этой первой испанской войны, и вообще относительно событій, слѣдовавшихъ непосредственно за отправленіемъ Цезаря изъ Италіи, мы находимъ настолько мало данныхъ въ перепискѣ, что рѣшительно немыслимо на основаніи ихъ составить себѣ хотя сколько-нибудь цѣльное представленіе объ этихъ событіяхъ. Скудныя, притомъ отрывочныя и разбросанныя извѣстія, часто существенно важныя, но почти всегда безсвязныя и потому неспособныя дать сколько-нибудь цѣльной общей картины: вотъ все, что даетъ намъ переписка за это время. Попытаемся собрать эти разбросанныя данныя.

---

[1]) ib. [2]) 378,6. ad Att. X. 12: *odium significatum theatro.* [3]) 365. ad Div. IV. 1. Срв. 360. ad Att. IX. 19. [4]) 354,8. ad Att. IX. 12.

Въ перепискѣ нигдѣ не говорится прямо, *куда* именно отправился Цезарь изъ Рима. Какъ мы видѣли выше, Цицеронъ предполагалъ, что Цезарь намѣревался отправиться сначала не въ Испанію, а въ Грецію [1]). Но изъ многихъ мѣстъ дальнѣйшей переписки не трудно догадаться, что Цезарь отправился, именно, въ Испанію [2]).

О дѣйствіяхъ Цезаря въ Испаніи ничего не говорится; но нѣкоторыя указанія позволяютъ думать, что они были успѣшны для Цезаря съ самаго начала. По крайней мѣрѣ, не далѣе, какъ въ концѣ апрѣля, въ Римѣ уже сложилось общее убѣжденіе въ «восходящемъ счастіи»—*excitata fortuna* Цезаря и «нисходящемъ»—*inclinata*—Помпея [3]). Друзьямъ Помпея оставалось утѣшать себя тою мыслью, что пораженіе въ Испаніинне есть еще окончательное пораженіе, [4]) что съ потерей Испаніи еще не все потеряно. Чтобы подогрѣть въ себѣ угасавшія надежды на успѣхъ, старались увѣрить себя въ предстоящей будто бы Цезарю скорой гибели, которая, по «прорицанію» (*divinatio*) Цицерона, должна была вскорѣ послѣдовать «или черезъ враговъ или черезъ себя самого, ибо самъ онъ и есть наизлѣйшій свой врагъ» [5]). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ находимъ, хотя и не ясныя, указанія на извѣстный, столько же пріятный для помпеянцевъ, сколько непріятный для Цезаря сюрпризъ, устроенный Массилійцами. Цицеронъ говоритъ о «пріятномъ письмѣ Аттика о Массилійцахъ», [6]) о «блестящемъ подвигѣ Массилійцевъ», [7]) объ «отмѣнно прекрасныхъ извѣстіяхъ о Массиліи», [8]) полученныхъ имъ отъ Сервія Сульпиція (въ первой половинѣ мая).

Съ этого момента въ лагерѣ противниковъ Цезаря замѣчается явный поворотъ въ смыслѣ подъема духа. Насколько пессимистически смотрѣли на исходъ Испанской войны прежде (въ концѣ апрѣля), настолько же оптимистично было теперешнее настроеніе помпеянцевъ. Если еще недавно убѣждены были въ «непрочности Испаній», то теперь, напротивъ, были увѣрены въ ихъ «прочности». «Надѣюсь, писалъ Цицеронъ въ первой половинѣ

---

[1]) 356,1. [2]) 373.—374.—378. ad Att. X. 12. — 379. ad Att. X. 13. и др. [3]) 372,1. ad Div. II. 16. Срв. 374. [4]) 374,3. Срв. 379. [5]) 374,8. Срв. 378. [6]) 376,4. ad Att. X. 10. [7]) 378,6. [8]) 380,2. ad Att. X. 16.

мая [1]), что Испаніи достаточно прочны». По мнѣнію его, поступокъ Массилійцевъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что дѣла въ Испаніи обстоятъ наилучшимъ образомъ [2]). «Будь иначе, они бы никогда не отважились на такой поступокъ». Три дня спустя (8 мая) Цицеронъ дѣйствительно получилъ какія-то «очень хорошія» вѣсти не только относительно Массилійцевъ, но и относительно Испаніи,—вѣсти, которыя принесъ ему Сервій Сульпицій [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе Цезаря начинаетъ ему представляться въ совершенно иномъ свѣтѣ, нежели прежде. Если прежде Цезарь представлялся ему въ военномъ отношеніи неуязвимымъ, то теперь онъ находитъ, что его положеніе въ этомъ отношеніи вовсе не такъ прочно; ибо, какъ теперь казалось Цицерону (странно, вопервыхъ, то, что только *теперь* Цицеронъ замѣтилъ это; вовторыхъ, непонятно, на основаніи какихъ данныхъ пришелъ Цицеронъ къ такому заключенію), взятые Цезаремъ изъ Италіи легіоны нисколько не преданы ему; [4]) между тѣмъ какъ помпеевы легіоны, тѣ два легіона, на которые всего менѣе полагался Помпей, и которые боялся даже поставить лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, отличились блистательнѣйшимъ образомъ, какъ передавалъ тотъ же Сульпицій [5]). Цицеронъ, позабывшій, вѣроятно, что онъ еще недавно обличалъ Помпея и его полководцевъ въ отсутствіи всякаго плана, теперь глубокомысленно усматриваетъ у него какой-то «оемистокловскій планъ», *consilium Themistocleum*, [6]) отъ котораго онъ ожидаетъ почти такихъ же чудесъ, какія въ свое время совершилъ Ѳемистоклъ съ аѳинскимъ флотомъ. И Цицеронъ уже рисуетъ въ своемъ воображеніи картину того, какъ «Помпей съ огромнымъ флотомъ подступаетъ къ Италіи» [7]). Цицеронъ забылъ даже то, что одно время онъ отнесся безусловно отрицательно къ высказанной (еще въ самомъ началѣ войны) Помпеемъ идеѣ «оемистокловскаго плана» [8]). На этотъ разъ Цицеронъ охотно забываетъ о тѣхъ многочисленныхъ и многообразныхъ пораженіяхъ и упущеніяхъ своего Кнея, которымъ онъ одно время такъ старательно подводилъ итоги, и отъ которыхъ самъ приходилъ почти въ отчаяніе. Зато не были за-

---

[1]) 378. [2]) ib. [3]) 380,2. [4]) 378. [5]) 380,2. [6]) 373,4. ad Att. X. 8. [7]) ib. [8]) 304,3. ad Att. VII. 11.

быть тѣ сильно отзывающія сплетней подробности о компрометирующихъ Цезаря скандальныхъ инцидентахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Римѣ во время его тамъ пребыванія, [1]) которыя теперь съ злорадным наслажденіемъ пережевывались его противниками, какъ доказательство будто бы враждебнаго настроенія римскаго населенія противъ Цезаря [2]). Съ жадностью подхватывали всякій слухъ, вторившій этому настроенію. Напримѣръ, въ письмѣ къ Аттику отъ 26 апр., Цицеронъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ сообщаетъ своему другу о томъ, что будто бы положеніе Куріона въ Сициліи безнадежно; ему-де не удержаться, въ случаѣ если подступитъ флотъ Помпея [3]).

Благодаря этой послѣдовательно проводимой тактикѣ самоободренія, а въ сущности самообольщенія и самоослѣпленія, «патріотамъ» дѣйствительно удалось сохранить эту оптимистическую самоувѣренность до той самой минуты, когда больше уже нельзя было обманывать ни себя, ни другихъ насчетъ истиннаго положенія дѣлъ. Паденіе Сициліи было первымъ ударомъ, который пробудилъ ихъ отъ «сладкихъ сновидѣній» [4]). Цицеронъ услаждался «безнадежностью» Куріона [5]) въ Сициліи въ то время (*ок. 26 апр.*), когда послѣдняя была уже въ рукахъ послѣдняго (*23 апр.*) [6]). Вслѣдъ затѣмъ стали приходить въ Италію слухи одинъ другаго зловѣщѣе для помпеянцевъ. Доносились слухи (въ маѣ) о томъ, какъ Цезарь «носится съ быстротой молніи» [7]). Въ первой половинѣ мая въ Римѣ «никто уже не сомнѣвался въ томъ, что Цезарь далеко проникъ внутрь страны» [8]). Не смотря на то, что въ это время удалось соединиться Петрею съ Афраніемъ, [9]) Цезарь имѣлъ возможность писать въ это время [10]): «Всѣ выгоды на нашей сторонѣ, всѣ обстоятельства противъ нашихъ противниковъ». Итакъ, испанскіе легіоны, на которые въ свое время Цицеронъ и другіе возлагали такія надежды, что считали возможнымъ говорить о «подавленіи» Цезаря (въ Италіи), были теперь сами наканунѣ своей гибели.

На томъ и кончаются наши свѣдѣнія объ Испанской войнѣ, которыя мы находимъ въ перепискѣ. Что касается другихъ те-

---

[1]) 367. ad Div. VIII. 16.—366,8. ad Att. X. 4. [2]) 370. ad Att. X. 7.—374,6. [3]) 370,3. [4]) 382. ad Att. X. 16. См. ниже. [5]) 370,3. [6]) 382. [7]) 375,1. ad Att. X. 9. [8]) ib. [9]) ib. [10]) 374. B.

атровъ войны — Сицилін и Сардиніи, то здѣсь мы находимъ еще болѣе скудныя свѣдѣнія. Вопервыхъ, относительно Сицилін. Изъ письма къ Сульпицію, около половины апрѣля, [1]) видно, что Куріонъ, бывшій около этого времени въ Ситапит'ѣ у Цицерона, отправлялся въ это время въ Сицилію, гдѣ онъ намѣревался, по словамъ Цицерона, объявить амнистію всѣмъ осужденнымъ по законамъ Помпея, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться въ Сицилін ихъ содѣйствіемъ, и далѣе, что Куріонъ высказывалъ опасенія относительно Помпеева флота, противъ котораго считалъ себя не въ силахъ сражаться [2]). Отсюда мы можемъ заключить, что Куріону было поручено Цезаремъ командованіе флотомъ, имѣвшимъ дѣйствовать противъ Сицилін, что̀ подтверждается и указаніями дальнѣйшей переписки, а именно. Въ письмѣ Цицерона отъ 26 апр. прямо говорится, что «на Сицилійскомъ морѣ командуетъ Куріонъ» [3]). А изъ того, что въ вышеприведенномъ разговорѣ Цицерона съ Куріономъ шла рѣчь о ликторскихъ пукахъ, принадлежащихъ Куріону, можно заключить, что послѣдній былъ назначенъ Цезаремъ въ качествѣ пропретора въ Сицилію, каковымъ со стороны сената былъ назначенъ Катонъ [4]). Если вѣрить слухамъ, которые въ то время доходили до Ситапит'а, гдѣ жилъ Цицеронъ, и о которыхъ онъ сообщаетъ Аттику въ томъ же письмѣ (отъ *5 мая*), то положеніе Куріона въ Сицилін было непрочно. «Говорятъ, что Сицилійцы толпами собрались къ Катону и требовали энергической обороны, обѣщая все возможное съ своей стороны; это произвело сильное впечатлѣніе на Катона, и онъ дѣятельно принялся за наборъ войска» [5]). Но результатъ и здѣсь былъ такой же, какъ и въ Испаніи, т. е. перевѣсъ силы и здѣсь оказался не на сторонѣ помпеянцевъ. Не смотря на свою энергію и на сочувствіе населенія (если вѣрить вышеприведенному слуху), Катонъ оказался, однако, не въ состояніи удержаться противъ Куріона и *23 апрѣля* оставилъ Сицилію (изъ Спракузъ), какъ сообщалъ Цицерону Куріонъ [6]). Въ случаѣ, еслибы Катону удалось отстоять Сицилію противъ покушеній Куріона, она грозила сдѣлаться для Цезаря тѣмъ, чѣмъ немного позднѣе была Утика,

---

[1]) 365. ad Div. IV. 1. [2]) 366,8. [3]) 370,1. [4]) 309,2. ad Att. VII. 15. [5]) 378,2. ad Att. X. 12. [6]) 382,3.

ибо тогда, не безъ иронiи замѣчаетъ Цицеронъ, [1]) всѣ «патріоты» устремились бы туда.

Что касается Сардиніи, то здѣсь узнаёмъ только то, что со стороны помпеянцевъ главное командованіе было въ рукахъ Котты, который, по слухамъ, еще держался въ то время, когда Сицилія уже пала [2]).

Происходили ли военныя дѣйствія на Адріатическомъ морѣ, гдѣ военное командованіе находилось въ рукахъ Долабеллы, [3]) ничего изъ переписки не узнаёмъ.

Что касается дальнѣйшихъ дѣйствій Помпея послѣ бѣгства его изъ Италіи, то онъ на нѣкоторое время какъ будто совсѣмъ исчезаетъ для римскаго политическаго міра. Первое время даже не было о немъ никакихъ извѣстій. Носились только разные, совершенно неосновательные, слухи, находившіе, однако, себѣ довѣріе не только въ массѣ, но и въ средѣ людей государственныхъ. Таковъ былъ, напримѣръ, слухъ, о которомъ пишетъ Цицеронъ къ Аттику во второй половинѣ апрѣля, и въ достовѣрности котораго ни мало не сомнѣвается, — слухъ о томъ, будто Помпей держитъ путь чрезъ Иллирію въ Галлію [4]). А нѣсколько дней спустя, въ первыхъ числахъ мая, носился упорный слухъ, слухъ, превратившійся въ «общее убѣжденіе», именно: будто Помпей съ большими силами прошелъ въ Германію [5]). Но рядомъ съ этими слухами, очевидно, не имѣвшими никакого фактическаго основанія страннымъ образомъ уживались такія представленія о планахъ Помпея, которыя совершенно противорѣчили этимъ слухамъ. Разъ *вѣрили*, что Помпей идетъ въ Германію или въ Галлію, т. е. что Помпей имѣетъ въ виду *континентальную* войну, трудно объяснить, какимъ образомъ могли говорить о намѣреніи его вести *морскую* войну; а между тѣмъ Цицеронъ категорически заявляетъ, что «весь планъ Помпея—ѳемистокловскій», ибо, по словамъ Цицерона, Помпей пришелъ къ тому убѣжденію, что «побѣда должна остаться за тѣмъ, кто будетъ владѣть моремъ» [6]). (Откуда узналъ объ этомъ Цицеронъ, который все время жалуется на то, что Помпей скрываетъ отъ него всѣ свои планы?..)

---

[1]) Ib. [2]) ib. [3]) 370. [4]) 369. ad Att. X. 6. [5]) 375. ad Att. X. 9. [6]) 374,4. Срв. 304. ad Att. VII. 11.

Наконецъ, мы находимъ въ данномъ отдѣлѣ переписки нѣсколько любопытныхъ данныхъ для характеристики той роли, какую игралъ Антоній въ Италіи въ отсутствіе Цезаря. Главный матерьялъ для этого даютъ два письма самого Антонія къ Цицерону [1]). Антоній говоритъ въ нихъ, какъ уполномоченный Цезаря, какъ его представитель; но не въ томъ смыслѣ, какъ Бальбъ и Оппій, роль которыхъ ограничивалась простымъ посредничествомъ. Антоній говоритъ не какъ довѣренное только лицо Цезаря, но какъ человѣкъ облеченный властью отъ него, говоритъ не льстивымъ языкомъ дипломата, но твердымъ тономъ человѣка, власти имѣющаго, т. е. человѣка уполномоченнаго не только говорить, но и дѣйствовать. Въ одномъ изъ указанныхъ писемъ мы находимъ одно случайное указаніе, которое позволяетъ намъ до извѣстной степени опредѣлить предѣлы власти Антонія. Оба эти письма написаны по поводу дошедшихъ до Антонія слуховъ о намѣреніи Цицерона «идти за море» [2]). Въ первомъ письмѣ, которое Цицеронъ получилъ въ началѣ мая, [3]) Антоній предостерегаетъ Цицерона отъ подобнаго «опрометчиваго» шага, «если только не ложны дошедшіе до него, Антонія, слухи». Во второмъ письмѣ, [4]) которое Цицеронъ называетъ «полицейскимъ приказомъ» (σκυτάλη Λακωνική), [5]) Антоній говоритъ уже не тѣмъ, хотя и довольно сухимъ, но всеже до извѣстной степени фамильярно-пріятельскимъ тономъ, а тономъ человѣка властнаго, имѣющаго возможность заставить повиноваться и не имѣющаго нужды *уговаривать*, какъ это дѣлаетъ онъ въ первомъ письмѣ. И вотъ что между прочимъ пишетъ Антоній въ своей σκυτάλη: «Не мое дѣло рѣшать, имѣетъ кто право на выѣздъ (изъ Италіи) или нѣтъ. *Полномочіе, данное мнѣ Цезаремъ, заключается въ томъ, чтобы никому безусловно не дозволять выѣзда изъ Италіи.* Поэтому мнѣ не приходится входить въ обсужденіе и разборъ твоихъ доводовъ, ибо все равно я не могу дать тебѣ разрѣшенія».

Изъ этого видно, что 1) власть Антонія простиралась на *всю Италію*, 2) что эта власть имѣла характеръ *административно-полицейскій*, и наконецъ, 3) что это была *чрезвычайная* власть. Едва ли однако Цезарь не сдѣлалъ ошибку, назначивъ своимъ замѣстите-

---

[1]) 374. A. и 376,2. ad Att. X. 10. [2]) 374. A. [3]) ib. [4]) 376,2. [5]) ib. 3.

лемъ въ Италіи человѣка, который своими эксцентрично-цинничными замашками въ духѣ азіатскихъ деспотовъ могъ погубить плоды великодушной политики Цезаря и надѣлать ему новыхъ хлопотъ въ Италіи. Вотъ что сообщаетъ намъ Цицеронъ объ Антоніѣ. Антоній показывался публично въ запряженной львами колесницѣ; [1]) за нимъ слѣдовалъ цѣлый кортежъ носилокъ: впереди всѣхъ — въ открытыхъ носилкахъ—его любовница, танцовщица Цитерида; [2]) въ слѣдующихъ носилкахъ — жена; далѣе слѣдовали одна за другой еще нѣсколько носилокъ «съ подругами или, что тоже— съ друзьями» [3]).

Сюда же слѣдуетъ отнести тотъ поразительный, почти сказочный эпизодъ, который передаетъ Цицеронъ въ письмѣ къ Аттику въ первой половинѣ мая [4]). Антоній письменнымъ приказомъ вызвалъ изъ Кумъ и Неаполя четырнадцать знатнѣйшихъ гражданъ. Тѣ не замедлили исполнить приказаніе. Когда эта депутація явилась утромъ къ Антонію—въ его виллу, и когда ему было доложено о прибытіи ихъ, Антоній велѣлъ имъ сказать, чтобы они приходили завтра, а сегодня ему некогда: немного погодя онъ будетъ брать ванну, а сейчасъ περὶ χοιλιολυσίαν γίνεται...

ОТНОШЕНІЯ ЦИЦЕРОНА КЪ ТЕКУЩИМЪ СОБЫТІЯМЪ *).

Цицеронъ, прибывшій въ Римъ въ самомъ началѣ 705 года, встрѣтилъ самый восторженный пріемъ со стороны «патріотовъ», которые уже давно ждали его возвращенія. Они устроили ему торжественную встрѣчу. Въ другое время Цицеронъ въ такомъ положеніи чувствовалъ бы себя на вершинѣ человѣческаго счастья; но теперь онъ довольно равнодушно отнесся къ этимъ шумнымъ овапіямъ. Впечатлѣніе отъ нихъ лишь слабымъ, мимолетнымъ проблескомъ освѣтило на мгновеніе его душу, полную мрачныхъ думъ и пессимистическихъ ожиданій. «О, несчастное

---

[1]) 379,1. ad Att. X. 13. Срв. Billerb. II. 538. [2]) 376,5. ad Att. X. 10. [3]) ib. [4]) 379.

*) Въ виду богатства матерьяла, авторъ нашелъ удобнымъ выдѣлить въ настоящемъ отдѣлѣ и въ нѣкоторыхъ изъ нижеслѣдующихъ въ особую главу эту категорію данныхъ.

время!...» [1]) «О несчастная жизнь!...» [2]) Въ этихъ восклицаніяхъ Цицерона резюмируется то глубоко пессимистическое настроеніе его, исходной точкой котораго было то, что Цицеронъ считалъ уже совершившимся фактомъ, т. е. гибель республики, ибо, по его убѣжденію, *respublica periit.* [3]).

Итакъ, отношеніе Цицерона къ совершающимся событіямъ остается по прежнему – отрицательное; но нельзя сказать, чтобы оно оставалось то же, что и было. Если прежде это отрицательное отношеніе высказывалось болѣе въ формѣ негодованія, сарказма, то теперь оно принимаетъ нѣсколько иное направленіе— пессимистическое съ оттѣнкомъ грусти, болѣе элегическое, чѣмъ сатирическое, болѣе сѣтующее, чѣмъ негодующее. Гораздо болѣе скорби и безнадежности слышится въ этихъ нескончаемыхъ, часто реторическихъ, иногда сантиментальныхъ, но всегда искреннихъ жалобахъ на эти «безотрадныя времена», [4]) на это «тягостное положеніе» [5]) на эти «грустныя обстоятельства» и «печальныя событія», [6]) на «эти бѣдствія» [7]). Чьи бѣдствія? «Бѣдствія республики», [8]) «наши собственныя (т. е. «патріотовъ») бѣдствія», [9]) бѣдствія, обусловленныя «всеобщей катастрофой» и разрушеніемъ [10]).

Но это пессимистическое настроеніе Цицерона, хотя оно даетъ общій тонъ отношеніямъ его къ окружающей дѣйствительности, съ которой знакомятъ насъ его письма, оно ни мало не исключаетъ извѣстнаго разнообразія и даже противорѣчій въ частныхъ проявленіяхъ этихъ отношеній; оно служитъ только фономъ, на которомъ вырисовываются самые пестрые узоры; это экранъ, на которомъ факты и комбинаціи текущей дѣйствительности проэктируются въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и въ самыхъ подъ часъ неожидаемыхъ сочетаніяхъ. Рѣзкіе переходы отъ одной идеи къ другой, отъ одного взгляда, отъ одного чувства къ діаметрально противоположнымъ взглядамъ и чувствамъ, — эти рѣзкіе переходы объясняются отчасти, конечно, перемѣнами во внѣ-

---

[1]) 358. ad Att. IX. 17. [2]) 380,1. ad Att. X. 14. [3]) См. выше. Срв. 360. ad Att. IX. 19.—366. ad Att. X. 4.—370. ad Att. X. 7.—372. ad Div. II. 16. [4]) 336. ad Att. VIII. 12. [5]) 304. ad Att. VII. 11.—346. ad Att. IX. 15. [6]) 326,1. ad Att. VIII. 2.—338. ad Att. VIII. 14. [7]) 346. ad Att. IX. 15—334. ad Att. IX. 12. 13.—366. Срв. 360. [8]) 352. ad Att. IX. 11. [9]) 318,1. ad Att. VII. 21. [10]) ib.—361. ad Att. X. 1.

шнихъ фактахъ и отношеніяхъ, отчасти тѣмъ напряженнымъ душевнымъ состояніемъ, въ какомъ находился въ это время Цицеронъ. Вотъ почему намъ приходится встрѣчаться съ такими, напримѣръ, явленіями, что то, что̀ не далѣе какъ вчера было въ глазахъ Цицерона *et rectum et honestum*, сегодня оказывается *turpe neque rectum neque honestum* [1]). Такъ именно случилось, какъ увидимъ ниже, съ вопросомъ, одно время горячо занимавшимъ Цицерона, съ вопросомъ о томъ, идти ли къ Помпею или остаться въ Италіи [2]). То же самое случилось и съ другимъ вопросомъ, вопросомъ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ *interesse huic bello* [3]) Сегодня ему представляется война чуть не священнымъ долгомъ, [4]) а завтра онъ будетъ называть ее безбожнымъ дѣломъ [5]). Подобнымъ же образомъ, «относительно республики», онъ то̀ рвется «помочь ей», [6]) то̀ объявляетъ республику несуществующей, [7]) и всякое желаніе помочь ей—потерявшимъ свой raison d'être [8]). И тутъ опять—то̀ онъ съ подавленнымъ чувствомъ признаетъ свое полное безсиліе помочь республикѣ, [9]) то вдругъ почувствуетъ въ себѣ какую-то титаническую силу и такой авторитетъ, предъ которымъ должны преклониться «всѣ люди» [10]). То имъ овладѣваетъ безнадежность, граничащая съ полнымъ отчаяніемъ, [11]) то вдругъ онъ проникается самоувѣренностью и предается самымъ смѣлымъ надеждамъ; [12]) опять отчаивается и опять надѣется. Вчера онъ порѣшилъ, что «все кончено», и что миръ невозможенъ, а сегодня снова питаетъ надежду на миръ [13]) и на возможность сослужить службу республикѣ въ роли примирителя [14]), но это не значитъ, что завтра онъ не будетъ снова тужить о невозможности мира [15]). Сегодня онъ ясно формулировалъ свою программу, ясно опредѣлилъ тѣ принципы, которымъ онъ будетъ слѣдовать въ своемъ образѣ дѣйствій; [16]) завтра—онъ теряетъ голову, «недоумѣваетъ», [17]) какъ ему поступить въ извѣстномъ дан-

---

[1]) 325. ad Att. VIII. 2. — 326. ad Att. VIII. 15. и др. [2]) См. ниже. [3]) 350,2. ad Att. IX. Срв. 351,5. ad Att. IX. 10—360.—372. [4]) 527. ad Att. VII. 26. [5]) 360. [6]) 336. Срв. 365. ad Div. IV. 1. [7]) 334. ad Att. VIII. 11.—360.—366.—370.—372. [8]) 334. [9]) 365. [10]) 366. [11]) 310. ad Div. XVI. 12.—316. ad Att. VII. 19. — 317. ad Att. VII. 20.—322. ad Att. VII. 25.—359. ad Att. IX. 18.—360.—361. ad Att. X, 1.—365.—371. ad Div. IV. 2. [12]) 366. [13]) 334. [14]) 336.—352. ad Att. IX. 11. [15]) 361.—372. Срв. 374. ad Att. X. 8. [16]) 347,6. ad Att. IX. 6. Срв. 334.—372. [17]) 318. ad Att. VII. 21.

номъ случаѣ, и не можетъ шагу ступить безъ посторонняго содѣйствія, безъ содѣйствія со стороны Аттика. То, опять, онъ проникается героическимъ патріотизмомъ и ни о чемъ другомъ не говоритъ, какъ о патріотизмѣ и мужествѣ, желаетъ лучше умереть, чѣмъ подчиниться требованіямъ несовмѣстнымъ съ своими принципами; то вдругъ превращается въ ловкаго дипломата, дѣйствующаго сообразно съ принципомъ—«и нашимъ и вашимъ» [1]). Сегодня онъ совершенно резонно разсуждаетъ о необходимости сохранить свободу мыслей и дѣйствій», [2]) а завтра всецѣло отдается Помпею, отказываясь отъ всякой независимости и образа мыслей и образа дѣйствій и тащась на его буксирѣ [3]). То же самое и относительно самого Помпея: сегодня онъ ему поклоняется, какъ своему кумиру, окружаетъ его въ своемъ воображеніи ореоломъ спасителя республики; завтра топчетъ его въ грязь, какъ предателя отечества, какъ губителя республики [4]). Точно также и съ «патріотами»: сегодня онъ преклоняется предъ ними съ какимъ-то суевѣрнымъ благоговѣніемъ [5]), завтра—третируетъ ихъ, какъ самыхъ презрѣнныхъ людишекъ [6]). Наконецъ, лично относительно себя самого, Цицеронъ то съ гордымъ достоинствомъ заявляетъ о безупречности своего предшествовавшаго образа дѣйствій, свободнаго отъ всякой низости, отъ всякой вины, [7]) и краснорѣчиво разсуждаетъ о прелестяхъ «утѣшеній чистой совѣсти»; [8]) то вдругъ начинаетъ заподозривать безупречность своего прежняго поведенія, начинаетъ терзаться и мучиться угрызеніями совѣсти, нашептывающей ему о какихъ-то «гнусныхъ поступкахъ», имъ допущенныхъ [9]). Даже какъ корреспондентъ, Цицеронъ подверженъ постояннымъ колебаніямъ между двумя противоположными крайностями. То имъ овладѣваетъ неудержимая потребность говорить и писать, писать и говорить, «словоохотливость»—*loquacitas*—, какъ онъ самъ говоритъ, [10]) дотого, что онъ пишетъ по нѣсколько писемъ въ одинъ и тотъ же день; [11]) то вдругъ впадаетъ въ противоположную крайность и не находитъ словъ, что-

---

[1]) 334: *omnibus satisfacere.* [2]) 323,2. ad Att. VII. 26. [3]) 378. ad Att. X. 12. [4]) См. выше. [5]) 324. ad Att. VIII. 1. См. ниже. [6]) См. ниже. [7]) 351. ad Att. IX. 10.—366. ad Att. X. 4. [8]) 366. Срв. ниже. [9]) 348. ad Att. IX. 7.—354. ad Att. IX. 12. — 378. ad Att. X. 12. [10]) 307. ad Att. VII. 13. [11]) 329. ad Att. VIII. 5.—330. ad Att. VIII. 7.—331. ad Att. VIII. 8. и др.

бы написать нѣсколько строчекъ, начинаетъ страдать, по собственному выраженію, *breviloquenti*'ей, [1]) и рѣдкія лаконическія записки смѣняютъ собой длинныя, краснорѣчивыя и частыя посланія.

Прежде чѣмъ перейти къ детальному разсмотрѣнію отношеній Цицерона, не лишне будетъ предварительно отмѣтить нѣкоторыя характерныя черты, которыя объясняютъ многое въ Цицеронѣ, и какъ въ политическомъ дѣятелѣ, и какъ въ авторѣ писемъ, насъ занимающихъ. Отчасти намъ уже приходилось въ предъидущемъ изложеніи касаться этихъ чертъ, но вскользь. Черты эти слѣдующія.

1. Вопервыхъ, *раздвоенность* въ характерѣ Цицерона. Отлично разсуждая о томъ, какъ слѣдуетъ поступать, что дѣлать, какихъ началъ держаться, какія задачи преслѣдовать, Цицеронъ постоянно теряется, какъ только является необходимость перейти отъ словъ къ дѣлу. Тутъ у него являются колебанія, «недоразумѣнія» [2]). Онъ не знаетъ, какъ ему быть съ тѣми прекрасными принципами, которые были такъ обворожительно-ясны въ идеѣ, но которые оказывалось такъ трудно приложить на дѣлѣ, провести на практикѣ, примѣнить къ извѣстному данному конкретному случаю. Онъ «не знаетъ, что ему дѣлать», [3]) на что рѣшиться, въ концѣ концовъ окончательно теряетъ голову, и рѣшивъ, что *explicari res non potest*, [4]) махаетъ на все рукой.

Причиною этой раздвоенности, наблюдаемой нами въ Цицеронѣ, была, быть можетъ, не столько эта пресловутая и всѣми осуждаемая нерѣшительность его, сколько та внутренняя двойственность, которая обусловливалась, съ одной стороны, его отношеніями къ Цезарю и Помпею; съ другой—характеромъ его программы. Въ первомъ случаѣ, въ Цицеронѣ происходитъ постоянная борьба между другомъ и гражданиномъ, т. е. иначе говоря, между чувствомъ личной дружбы и чувствомъ гражданскаго долга. Это Сцилла и Харибда, между которыми приходится постоянно лавировать Цицерону, и которыя постоянно тянутъ его въ противоположныя стороны. (Болѣе подробно мы знакомимся съ этимъ въ послѣдующемъ изложеніи). Во второмъ случаѣ (характеръ про-

---

[1]) 317. ad Att. VII. 20. [2]) 318. ad Att. VII 21: ἀπορία. Срв. 319. ad Att. VII. 22. [3]) 305. ad Att. VII. 12. [4]) 318. Срв. 319.—362.

граммы) мы замѣчаемъ въ Цицеронѣ извѣстную двойственность принциповъ, двойственность нравственнаго критерія. Съ одной стороны, мы видимъ въ немъ строгаго идеалиста, который въ нравственномъ долгѣ, въ честности и вѣрности своимъ убѣжденіямъ видитъ высшій критерій своей дѣятельности, [1])—который готовъ героически жертвовать собственною безопасностью ради своихъ принциповъ [2]). Съ другой стороны, это ловкій дипломатъ, не пренебрегающій, при случаѣ, явной ложью и лицемѣріемъ,—который готовъ на всякіе компромиссы, лишь бы только «угодить всѣмъ» [3]).

Благодаря этой основной двойственности въ характерѣ Цицерона, мы, встрѣчаясь съ нимъ въ различные моменты, встрѣчаемся точно съ двумя совершенно различными, непохожими другъ на друга людьми. Этимъ, кажется намъ, объясняется то обстоятельство, что различные историки, дѣлая характеристику Цицерона, даютъ намъ портреты совершенно различныхъ людей: у однихъ онъ выходитъ героемъ, у другихъ—мелкимъ интриганомъ и пустозвономъ. Въ сущности же въ немъ было понемножку и того и другаго.

2. Вторая черта, это — вѣчное исканіе *внѣшней опоры*. Если Цицеронъ мыслитъ до извѣстной степени самостоятельно, то, когда нужно *дѣйствовать*, тутъ онъ начинаетъ ощущать настоятельную потребность въ постороннемъ руководствѣ, въ чужомъ совѣтѣ по крайней мѣрѣ. Особенно ярко выступаетъ эта черта въ его отношеніяхъ къ Аттику. Онъ постоянно обращается къ нему за совѣтомъ. Онъ не дѣлаетъ ни одного шага безъ того, чтобы не справиться предварительно о «мнѣніи» на этотъ счетъ своего друга; [4]) безъ того чтобы не «попытать его совѣта» [5]). Какъ самъ Цицеронъ объявляетъ, у него «вошло въ привычку» [6]) обращаться за совѣтомъ къ Аттику во всякомъ вопросѣ, во всякомъ дѣлѣ. Онъ постоянно осаждаетъ своего друга просьбами—

---

[1]) 341. ad Att. XI. 1. — 336. ad Att. VIII. 12.—320,3. ad Att. VII. 23.—319,2.—371,2. ad Div. IV. 2. [2]) 339. ad Att. VIII. 15. [3]) 334. ad Att. VIII. 11. B. 3. [4]) 309. ad Att. VII. 15. Срв. 304. ad Att. VII. 11.—308. ad Att. VII. 14. [5]) 327. ad Att. VIII. 4. [6]) 319. ad Att. VII. 22.

«помочь ему совѣтомъ», [1]) «навести его на истинный путь», [2]) «придти къ нему на помощь съ своимъ умомъ» [3]). Цицеронъ обращается къ «помощи» Аттика не только въ каждомъ частномъ случаѣ, по поводу того или другаго вопроса, но даже такихъ общихъ вопросовъ, какъ — «что̀ ему слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать» вообще, [4]) что честно и что не честно; въ этомъ случаѣ Цицеронъ, съ довѣріемъ ребенка къ своей матери, обращается къ своему другу, который «знаетъ, что̀ правильно» [5]). Авторитетъ Аттика по собственному сознанію Цицерона, имѣлъ для него рѣшающую силу [6]).

Нельзя ли, думается намъ, обобщить эту черту въ характерѣ Цицерона и приложить ее къ объясненію нѣкоторыхъ отношеній его, въ особенности къ Помпею и «патріотамъ»? Не это ли, именно, исканіе внѣшней опоры заставляло его часто отказываться отъ «свободы мыслей и дѣйствій» и тащиться на буксирѣ за партіей, къ стремленіямъ которой онъ самъ же относился отрицательно?...

3. При всей безконечной измѣнчивости идей и чувствъ, одна идея, одно чувство остается въ Цицеронѣ неизмѣннымъ съ начала до конца; это—*идея мира*, это—*чувство къ миру* («миръ» внутри государства, въ противоположность междоусобію). Надѣется ли онъ на миръ, отчаивается ли въ его возможности, всегда, во всякихъ обстоятельствахъ, при всякомъ настроеніи, онъ одинаково и неизмѣнно остается принципіальнымъ врагомъ войны и неизмѣннымъ глашатаемъ мира—все равно, слушаютъ ли его, или же его призывы остаются гласомъ въ пустынѣ. Въ иные моменты, для посторонняго наблюдателя, Цицеронъ представляется даже нѣсколько въ смѣшномъ видѣ съ своими миротворческими претензіями; но онъ невольно внушаетъ себѣ уваженіе тѣмъ, что всегда остается вѣрнымъ своему принципу, вѣрнымъ своей роли «миротворца» – *pacifica persona*—, какъ онъ самъ себя называетъ [7]).

---

[1]) 317. ad Att. VII. 24.—318. ad Att. VII. 21.—326. ad Att. VIII. 3.—362. ad Att. X. 2.—366 ad Att. X. 4.—319. ad Att. VII. 22.—305. 307. ad Att. 13.—355. ad Att. IX. 12.—308.—361. и др. [2]) 325. ad Att. VIII. 2. [3]) 351,10. ad Att. IX. 10. [4]) 305. ad Att. VII. 12. [5]) 348. ad Att. IX. 7. [6]) 351,3. ad Att. IX. 10. [7]) 336. Срв. 352: *pacis auctor.*

Цицеронъ не лгалъ и не преувеличивалъ, когда говорилъ, что онъ «никогда́ ничего не желалъ болѣе, чѣмъ мира», [1]) что онъ «никогда не переставалъ и мыслить, и говорить, и дѣйствовать въ въ пользу мира», [2]) и другихъ «никогда не переставалъ призывать къ миру» [3]). Пока была надежда на «почетный миръ», Цицеронъ призывалъ къ этому почетному миру; когда этотъ почетный миръ сталъ болѣе невозможенъ, Цицеронъ всетаки продолжалъ и тогда настаивать на мирѣ, хотя бы даже и позорномъ [4]). Цицеронъ идетъ дальше. Онъ съ такой безусловностью проводитъ свой принципъ, дальше которой не заходилъ ни одинъ защитникъ мира, ни до, ни послѣ него. «*Даже несправедливый миръ всетаки лучше самой справедливой войны*», говоритъ онъ [5]). А потому—миръ, миръ, во что бы то ни стало, миръ—пусть даже на самыхъ тяжкихъ, на самыхъ несправедливыхъ условіяхъ [6]).

Понятно отсюда и это непримиримо-враждебное отношеніе Цицерона къ войнѣ, не вообще къ войнѣ, а къ *такой* войнѣ, которая завязывалась въ этотъ моментъ,—къ войнѣ междоусобной [7]). Цицеронъ не можетъ безъ содроганія, безъ ужаса и вмѣстѣ негодованія, говорить объ этой «гибельной», [8]) «смертоносной», [9]) не знающей ни пощады, [10]) ни примиренія [11])—этой безбожной войнѣ [12]). Однимъ словомъ, «нѣтъ ничего хуже междоусобной войны» [13]).

Если первыя наступательныя дѣйствія Цезаря, вызвали, какъ мы видѣли, безграничное негодованіе Цицерона на новаго Ганнибала и его «варварскія полчища», то далеко не вызвали въ немъ энтузіазма и первыя дѣйствія «защитниковъ республики»; напротивъ, какъ мы видѣли, это внезапное удаленіе представителей римскаго правительства встрѣтило рѣзкое негодованіе съ его стороны, въ особенности же удаленіе того, «на кого возлагались всѣ надежды», т. е. Помпея. Быть можетъ, Помпей былъ правъ съ стратегической точки зрѣнія; быть можетъ, съ его стороны, это

---

[1]) 372. ad Div. II. 16. [2]) 310. ad Div. XVI. 12. [3]) 308. ad Att. VII. 14. Срв. 310. [4]) 310.—315. ad Att. VII. 18. Срв. 319. ad Att. VII. 15. [5]) 470. ad Div. VI. 6. Срв. 308. [6]) 334.—470. [7]) 310.—334.—336. [8]) 337. ad Att. VIII. 13; *exitiosum bellum.*—350. ad Att. IX. 9. [9]) 338. ad Att. VIII. 14: *pestiferum b.*—354. ad Att. IX. 12. 13. [10]) 347. ad Att. IX. 6. *crudele.*—351. ad Att. IX. 10. [11]) 351: ἄσπονδον *bellum.* [12]) 360. ad Att. IX. 19: *nefarium b.* [13]) 310. *nihil bello civili miserius.*

было вполнѣ обдуманнымъ и разумнымъ стратегическимъ маневромъ. Но Цицерону не было до этого никакого дѣла; онъ смотрѣлъ на послѣднее не какъ военный человѣкъ, и даже не какъ государственный человѣкъ, а просто какъ патріотъ, именно, какъ *римскій* патріотъ. Съ точки же зрѣнія римскаго патріота, это было позорно и преступно со стороны Помпея; позорно потому, что это было «постыднѣйшее бѣгство» [1]), бѣгство въ виду врага, дезертирство; вовторыхъ, это было преступно, потому что это было «предательство»; [2]) это значило оставить, «предать Римъ, т. е. отечество», врагу [3]). То, что̀ съ точки зрѣнія Помпея-полководца, было лишь стратегической позиціей, которой можно воспользоваться, которую можно удержать за собой, но которую можно и оставить, если того потребуютъ стратегическія соображенія,—для Цицерона-патріота это было священнымъ мѣстомъ «алтарей и очаговъ», которые необходимо или защитить отъ враговъ или умереть за нихъ. Вотъ почему Цицеронъ никогда не могъ примириться съ этимъ шагомъ Помпея, никогда не могъ его простить послѣднему; въ глазахъ его, этотъ шагъ ложился темнымъ пятномъ на безупречную прежде репутацію Помпея. «Это безпримѣрный въ исторіи народовъ фактъ, говорилъ Цицеронъ объ этомъ шагѣ Помпея: [4]) я не знаю во всей исторіи болѣе позорнаго дѣянія, чѣмъ поступокъ нашего друга». Онъ не хотѣлъ слушать возраженій, оправданій, которыя приводились защитниками Помпея. Ему говорили, что это была печальная необходимость, наименьшее изъ неизбѣжныхъ золъ; Цицеронъ отвѣчалъ: [5]) «Что̀ бы ни было, все равно не слѣдовало оставлять отечества. Намъ говорятъ, что тогда вышло бы хуже; а я васъ спрашиваю: что̀ можетъ быть хуже этого?» . Цицеронъ слагаетъ на Помпея тяжкую отвѣтственность за то, что имъ, «патріотамъ», «если не выгнаннымъ, то все равно, вызваннымъ изъ отечества, приходится теперь скитаться съ своими семьями, не зная, гдѣ приклонить главу» [6]). «Но онъ возстановитъ въ прежнемъ видѣ республику», возражали защитники Помпея [7]). «Когда?»—отвѣчалъ новымъ возраженіемъ Цицеронъ. «И какіе ресурсы имѣются для

---

[1]) 326. ad Att. VIII. 3: *turpissima fuga*.—318. ad Att. VII. 21. [2]) 325. ad Att. VIII. 2. [3]) ib. [4]) ib. [5]) 326. [6]) ib. [7]) ib. 4.

этого? Развѣ Пицент не потерянъ? Развѣ не открыта дорога къ Риму? Развѣ не отданы всѣ богатства столицы въ добычу непріятелю?..» [1]) Впослѣдствіи, приводя этотъ шагъ Помпея въ связь съ другими, послѣдующими его дѣйствіями, Цицеронъ приходитъ къ самымъ пессимистическимъ заключеніямъ относительно даже стратегическихъ способностей Помпея. Быть можетъ, въ этой рѣзкой критикѣ Цицерона по отношенію къ Помпею игралъ извѣстную роль и чисто личный мотивъ—уязвленное самолюбіе Цицерона, привыкшаго къ тому, чтобы съ предупредительностію и уваженіемъ относились къ его «авторитету» и съ вниманіемъ выслушивали его совѣты, и не встрѣтившаго ни предупредительности, ни уваженія, ни вниманія со стороны Помпея, который находилъ особенное удовольствіе, какъ представлялось Цицерону, въ томъ, чтобы «поступать наперекоръ желаніямъ его, Цицерона» [2]). Самый фактъ войны представлялся Цицерону чуть ли не результатомъ заговора противъ него со стороны Помпея и его приближенныхъ [3]). По крайней мѣрѣ, онъ былъ убѣжденъ, что начало войны было «пораженіемъ его (Цицерона) авторитета», [4]) такъ какъ Цицеронъ, питавшій «отвращеніе къ гражданской крови», [5]) былъ безусловно противъ этой войны, предотвратить которую онъ считалъ возможнымъ, еслибы Помпей захотѣлъ слушаться его совѣтовъ. «А къ какимъ только доводамъ не прибѣгалъ я, пишетъ Цицеронъ впослѣдствіи, вспоминая объ этой минутѣ; [6]) какихъ жалостныхъ мотивовъ не испробовалъ», для того чтобы отвратить войну. «Жалостные мотивы» заключались, очевидно, въ діатрибахъ на тему о гибельности междоусобной войны; доводы же, или совѣты заключались въ томъ, чтобы рѣшать споръ не посредствомъ оружія, а посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ—*conditionibus, non armis* [7]). «Въ томъ-то и заключается, говоритъ Цицеронъ, [8]) существенная разница между ними (оптиматами-помпеянцами) и мной, что, между тѣмъ какъ я стоялъ за мирное рѣшеніе вопроса, они настаивали на вооруженномъ вмѣшательствѣ». Итакъ, Цицеронъ имѣлъ, если не причины, то поводы къ тому чтобы разсматривать войну съ Цеза-

---

[1]) ib. [2]) 348. ad Att. IX. 7. Срв. 326.—351. ad Att. IX. 10. [3]) 470. ad Div. VI. 6. [4]) ib. [5]) 424. ad Div. XV. 15. [6]) 470,5. [7]) 334,8. ad Att. VIII. 11. [8]) ib.

ремъ, какъ поруху собственному авторитету, т. е. до извѣстной степени, какъ личное оскорбленіе со стороны Помпея и людей его партіи. Съ другой стороны, и самый способъ веденія войны Помпеемъ—весь, начиная съ перваго шага, представлялся Цицерону непрерывнымъ рядомъ актовъ, направленныхъ въ извѣстномъ смыслѣ противъ него, Цицерона, такъ сказать, въ пику ему. Во всемъ планѣ войны Цицеронъ, по собственному его выраженію, не видѣлъ «ничего, что бы не было сдѣлано наперекоръ его совѣтамъ,—что бы не было направлено противъ его авторитета» [1]). Мы не знаемъ, насколько намѣренно было это со стороны Помпея; но только выходило дѣйствительно такъ, что Помпей не только поступалъ наперекоръ его совѣтамъ, но—что еще обиднѣе должно было быть для избалованнаго самолюбія Цицерона—Помпей даже не интересовался вообще мнѣніемъ его относительно того или другого вопроса, не спрашивалъ его совѣта, а дѣйствовалъ всегда по личному усмотрѣнію, не считалъ даже нужнымъ посвящать его въ свои планы [2]). Это было уже двойное оскорбленіе для Цицерона: его не только не слушали, но и не хотѣли слушать, не только оппонировали ему, но пренебрегали имъ,—просто не хотѣли знать, игнорировали. До какой степени это задѣвало за живое Цицерона, до какой степени глубоко проникало въ его душу чувство оскорбленнаго самолюбія, а вмѣстѣ и подозрительности, можно судить потому, что въ его головѣ могла зародиться такая въ сущности абсурдная мысль, какъ мысль о ненависти къ нему Помпея [3]).

Какъ бы то ни было, Цицеронъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ каждый шагъ «защитниковъ республики». Онъ находитъ ихъ образъ дѣйствій лишеннымъ всякаго плана и видитъ вездѣ только ошибки и упущенія [4]). Почти въ самомъ началѣ войны (въ половинѣ февр.) Цицеронъ писалъ Аттику: [5]) «Я недоволенъ всѣми, что до сихъ поръ сдѣлано (помпеянцами)». Немного позднѣе (20 февр.) [6]): «Ничего не сдѣлано со стороны Помпея умно или мужественно, напротивъ, все самымъ позорнѣйшимъ образомъ» [7]). Вотъ почему, принимая близко къ сердцу то, что происходило

---

[1]) 326,3. ad Att. VIII. 3. Срв. 351.—307. ad Att. VII. 13. [2]) См. выше. [3]) 438,1. ad Div. V. 21. [4]) 305. ad Att. VII. 12. [5]) 324. ad Att. VIII. 1. [6]) 326. [7]) 318. ad Att. VII. 21: *omnia acta turpissime*. Срв. 317. ad Att. VII. 20. — 305. — 326.

вокругъ него, Цицеронъ постоянно волновался [1]). Онъ, по собственному признанію, не столько страшился опасности, сколько терзался печалью, [2]) видя, какъ дѣлается все какъ разъ противоположное тому, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы дѣлать [3]). Это не значило, однако, чтобы онъ былъ глухъ къ надвигавшейся опасности. Скорѣе онъ склоненъ былъ даже преувеличивать дѣйствительную опасность. Такъ, послѣ первыхъ вѣстей о наступательныхъ дѣйствіяхъ Цезаря, Цицеронъ уже не считалъ Римъ достаточно безопаснымъ мѣстомъ [4]) и считалъ нужнымъ подъискать для семейства своего другое, «болѣе безопасное мѣсто» [5]). Цицерону представлялось, что Римъ—наканунѣ разрушенія. «Мы оставили, говорилъ онъ, [6]) наши дома, наше отечество въ добычу грабежу и пламени». Наступалъ, по его мнѣнію, кризисъ для самаго существованія государства, не говоря уже объ опасности личной для него, Цицерона, и для всѣхъ патріотовъ [7]). Взвѣшивая шансы той и другой изъ борющихся сторонъ, Цицеронъ приходитъ къ безотрадному заключенію: «Дѣло дошло до того, что мы не въ состояніи избѣжать гибели; развѣ только счастливый случай или самъ Богъ пошлетъ намъ спасеніе» [8]). Хотя минутами и проходятъ въ его душѣ проблески нѣкоторой самоувѣренности и надежды на успѣхъ «патріотовъ», на «спасеніе республики» [9]) но эти рѣдкія минуты ни мало не измѣняютъ общаго пессимистическаго настроенія Цицерона. Чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи одно заявленіе его, въ письмѣ къ Аттику отъ 4 февр. «Не знаю, что писать тебѣ, пишетъ Цицеронъ [10]). Письмо, которое я написалъ сегодня ночью, при свѣтѣ лампы, я не нашелъ возможнымъ послать къ тебѣ, *ибо въ немъ было слишкомъ много добрыхъ надеждъ*».

Среди начинавшагося воинственнаго шума, среди всеобщей паники и замѣшательства, охватавшаго римскій политическій міръ, [11]) одиноко раздавался голосъ Цицерона, призывавшій къ миру [12]). Когда ему не удалось убѣдить къ миру тѣхъ, въ рукахъ которыхъ были война и миръ, Цицеронъ рѣшился, по крайней мѣрѣ лично

---

[1]) 305,4. [2]) ib. 3. [3]) 326. [4]) 305,6. [5]) 306. ad Div. XIV. 14.—311. ad Att. VII. 16.—307. ad Att. VII. 13.—313. ad Div. XVI. 8.—314. ad Att. VII. 17. — 316. ad Att. VII. 19. [6]) 310. ad Div. XVI. 12. [7]) ib. [8]) ib. [9]) ib. [10]) 316. [11]) 305. [12]) 308. ad Att. VII. 14.—310.

за себя, остаться вѣрнымъ своему девизу: «миръ—во что бы то ни стало», и «съ самого начала избѣгалъ активнаго участія въ войнѣ», [1]) и старался сохранить по возможности нейтральное положеніе между двумя воюющими сторонами. Этому правилу Цицеронъ остался вѣренъ во все продолженіе гражданской войны, хотя, разумѣется, этотъ нейтралитетъ не былъ безусловный; современный дипломатъ сказалъ бы, что Цицеронъ сохранялъ благосклонный нейтралитетъ по отношенію къ Помпею и враждебный—по отношенію къ Цезарю; а мы бы сказали, что Цицеронъ, если не принималъ активнаго участія въ войнѣ, то всетаки принималъ очень близкое и очень живое *косвенное* участіе въ ней, участіе не только платоническое, но до извѣстной степени и, такъ сказать, матеріальное. Если первое было результатомъ его личныхъ убѣжденій и симпатій, то второе было слѣдствіемъ внѣшняго давленія. Мы видѣли выше, что Цицерону не удалось отбить энергической аттаки Помпея,—что ему пришлось сдаться на его настойчивыя требованія и согласиться играть роль, на которую, какъ онъ самъ того не скрывалъ, онъ никогда бы не согласился по собственной иниціативѣ. Мы разумѣемъ дѣятельность Цицерона по набору въ Кампаніи. Это было въ самомъ началѣ войны. Но разъ допущенный компромиссъ послужилъ роковымъ прецедентомъ для дальнѣйшихъ компромиссовъ, еще болѣе тяжкихъ. Брешь, которую Цицеронъ пробилъ въ своей программѣ нейтралитета этой уступкой, пришлось задѣлывать, замазывать, но какимъ матерьяломъ, какою цѣною! Цѣною чести и совѣсти!.. Для того чтобы «успокоить» Цезаря, который могъ усмотрѣть въ этомъ поступкѣ Цицерона знакъ открытаго разрыва съ нимъ,—для того чтобы успокоить Цезаря относительно лояльности своихъ къ нему чувствъ, Цицерону приходится кривить душой, лицемѣрить, лгать, играть двуличную роль между Помпеемъ и Цезаремъ: Помпею — писать, что все исполнено въ точности, согласно съ его желаніями; [2]) а Цезаря увѣрять въ то же время въ томъ, что онъ, Цицеронъ, «не бралъ на себя ни набора, ни другаго какого порученія, а живетъ себѣ спокойно въ своихъ помѣсть-

---

[1]) 372. ad Div. II. 16. Срв. 464. ad Div. IV. 7. [2]) 334. ad Att. VIII. 11. B.

ихъ» [1]). Какъ ни остороженъ былъ Цицеронъ, но его двойная игра не могла остаться долгое время незамѣченной. Вскорѣ не замедлили обнаружиться и практическіе результаты этого фальшиваго положенія, какое принялъ Цицеронъ относительно двухъ враждебныхъ лагерей. Первымъ и самымъ капитальнымъ результатомъ былъ *разрывъ Цицерона съ оптиматами.* Фактъ этотъ, совпадающій почти съ началомъ гражданской войны, заслуживаетъ того, чтобы анализировать съ особеннымъ вниманіемъ какъ самый фактъ, такъ и его связь съ отношеніями Цицерона въ началѣ гражданской войны.

До этого момента мы не находимъ въ перепискѣ ни малѣйшихъ признаковъ антагонизма (по крайней мѣрѣ, такого антагонизма, какой видимъ въ данный моментъ) между Цицерономъ и оптиматами. Напротивъ, онъ всегда относится къ нимъ съ полнымъ піэтомъ и называетъ ли ихъ *optimates,* [2]) или *boni* (всего чаще); [3]) *optimi* [4]) или *honesti,* [5]) или, наконецъ, ἄριστοι, [6])—онъ всегда противополагаетъ ихъ тѣмъ, кого онъ называетъ *mali,* [7]) *improbi,* [8]) *perditi, perditissimi homines,* [9]) или, въ описательной формѣ: *perdita multitudo,* [10]) *sordes et faex urbis* [11]). Если же мѣстами и проскальзываетъ нотка недовольства, то это недовольство имѣетъ чисто *личный* характеръ; если онъ и не всегда дружелюбно относился къ оптиматамъ, къ «патріотамъ», то онъ никогда не отваживался заподозрить ихъ *политическую* лояльность. А когда начали говорить о войнѣ съ Цезаремъ, Цицеронъ, какъ мы видѣли выше, объявилъ себя вполнѣ и безусловно на сторонѣ «патріотовъ»—до такой степени безусловно, что клялся «не отставать отъ нихъ, даже если они, подобно стаду, понесутся очертя голову...» [12]).

Не то мы видимъ теперь, когда началась война. Теперь мы видимъ, какъ быстро развивается антагонизмъ между ними и Цицерономъ. Мы знакомимся съ этимъ антагонизмомъ прежде всего

---

[1]) 314. ad Att. VII. 17. [2]) 18. ad Att. I. 13.—25. ad Att. I. 20.—31. ad Att. II. 5. [3]) 18.—21. ad Att. I. 16.—25.—26. ad Att. II. 1.—42. ad Att. II 16.—45. ad Att. II. 19.—75. ad Att. III. 20.—80. ad Att. III. 23.—87. ad Att. IV. 1.—148. ad Att. I. 9. и др. [4]) 88. ad Att. IV. 2. и др. [5]) 44. ad Att. II. 21. и др. [6]) 25. и др. [7]) 25. и др. [8]) 18.—47. ad Att. II. 21.—25 и др. [9]) 325. ad Att. VIII. 2. [10]) 152 ad Q. fr. III. 3. Срв. 44. ad Att. II. 21. [11]) 21. [12]) См. выше стр. 136.

съ той стороны, которая шла отъ Цицерона къ «патріотамъ» Не смотря на то, что Цицеронъ дорожилъ ихъ мнѣніемъ о себѣ, [1]) дорожилъ «честью принадлежать къ числу добрыхъ гражданъ», [2]) не смотря, наконецъ, на свое убѣжденіе, что лучше быть «заодно съ патріотами, *кто бы ни назывался этимъ именемъ*, [3])—чѣмъ казаться отщепенцемъ», [4])—не смотря на все это, мы замѣчаемъ уже значительную долю отрицательнаго отношенія къ нимъ со стороны Цицерона. Первые признаки зарождающагося антагонизма мы видимъ еще наканунѣ гражданской войны, именно, когда Цицеронъ, анализируя настроеніе отдѣльныхъ классовъ римскаго общества наканунѣ войны, нашелъ недостатокъ патріотизма у оптиматовъ [5]). Слѣдя, затѣмъ, за развитіемъ его отношеній къ оптиматамъ въ первый годъ войны, мы замѣчаемъ, что отрицательное отношеніе къ нимъ со стороны Цицерона развивается crescendo, при чемъ текущія событія только подливаютъ масла въ огонь, доставляютъ Цицерону каждый разъ новый поводъ къ недовольству оптиматами. Оптиматы бѣгутъ изъ Рима по слѣдамъ Помпея: Цицеронъ негодуетъ на ихъ «бѣгство» [6]). Оптиматы толпами возвращаются въ Римъ, послѣ того какъ Помпей бѣжалъ изъ Италіи: снова рѣзкіе упреки Цицерона по ихъ адресу за то, что они «сидятъ дома, отлыниваютъ отъ войны» [7]) и «высчитываютъ свои барыши» [8]). Однимъ словомъ, Цицеронъ находитъ тысячу причинъ и предлоговъ быть недовольнымъ этими «богачами-бонвиванами», [9]) которые слывутъ за патріотовъ, [10]) но которые, «право, не лучше оттого, что называются патріотами—*boni*». [11]) Мало того, что они выказали себя неспособными ни на какой сколько-нибудь рѣшительный шагъ («врачу, исцѣлися самъ!» можно бы сказать при этомъ Цицерону); мало того, что они доказали полнѣйшее отсутствіе въ себѣ всякаго политическаго смысла, [12]) теперь они, «эти оптиматы», [13])—«наперерывъ другъ передъ другомъ продаются Цезарю» [14]). Сарказмъ и негодованіе Цицерона не знаютъ предѣловъ, когда рѣчь заходитъ объ оптиматахъ. «Оптиматы»—

---

[1]) 284. ad Att. VII. 1.—324. ad Att. VIII. 1. [2]) 334. ad Att. VIII. 11. D. S. [3]) 298,7. ad Att. VII. 7. [4]) 324. ad Att. VIII. 1. [5]) См. выше, стр. 93. [6]) 307,3. ad Att. VII. 3. Срв. 312. ad Div. XIV. 18. [7]) 325,3. ad Att. VIII. 2. [8]) 353. ad Att. IX. 12. [9]) 324,3. [10]) 310. ad Div. XVI. 12. [11]) 351,6. ad Att. IX. 12. 13. [12]) 361,4. ad Att. X. 1. [13]) 340. ad Att. VIII. 16: *isti optimates*. [14]) ib.—346,3. ad Att. IX. 5.

говоришь ты, пишетъ онъ къ Аттику: [1]) «какіе это оптиматы— прости Господи!» «Едва ли они на что годны, эти твои оптиматы», пишетъ онъ въ другомъ письмѣ [2]). «Я ни на іоту не довѣряю твоимъ оптиматамъ» [3]). Не сегодня — завтра они продадутъ себя Цезарю» [4]). «Конечно, говоритъ Цицеронъ съ ироніей, конечно boni viri, которые выказываютъ себя такими ревностными защитниками республики, какъ и ранѣе многократно выказывали себя таковыми, конечно, они неодобрительно относятся къ моей нерѣшительности»; [5]) но, продолжаетъ онъ, сказать по правдѣ, «я ни во что не ставлю мнѣніе «патріотовъ», потому что въ сущности вѣдь и нѣтъ патріотовъ» [6]). «Кто бы ни были эти господа, во всякомъ случаѣ вѣрно одно, что они не патріоты, какъ они сами себя называютъ» [7]).

Въ концѣ концовъ, Цицеронъ, считавшій за честь принадлежать къ числу патріотовъ, каковы бы ни были люди, называющіеся этимъ именемъ, теперь просто чуть не открещивается отъ «этихъ господъ», отказывается отъ всякой солидарности съ ними. «Между нами, говоритъ онъ, [8]) нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго». Въ письмѣ къ Помпею Цицеронъ высказываетъ желаніе, чтобы онъ не смѣшивалъ его съ тѣми, съ которыми онъ имѣетъ общаго только одно имя [9]).

Въ такомъ видѣ представляетъ намъ самъ Цицеронъ фактъ разрыва своего съ оптиматами: причиною разрыва представляется то, что образъ мыслей и образъ дѣйствій послѣднихъ представляется ему неправильнымъ и предосудительнымъ, съ точки зрѣнія патріотизма. Но въ самой перепискѣ можно найти указанія на то, что въ дѣйствительности дѣло было не совсѣмъ такъ, и что самъ Цицеронъ придалъ картинѣ черезчуръ односторонне освѣщеніе. Вполнѣ понятно и естественно, что въ письмахъ Цицерона выступаетъ на первый планъ та сторона этого факта, которая характеризуется разочарованіемъ Цицерона въ оптиматахъ; но, спрашивается, не имѣлъ ли этотъ фактъ и обратной стороны? Не было ли подобнаго же разочарованія оптиматовъ по отношенію

---

[1]) 340. ad Att. VIII. 16. [2]) 338,2. ad Att. VIII. 14. [3]) 346,3. ad Att. IX. 5. [4]) ib. [5]) 341. ad Att. IX. 1. [6]) ib. [7]) 343,3. ad Att. IX. 2. extr. [8]) 352, ad Att. IX. 11. [9]) 334. ad Att. VIII. 11. D. 8.

къ Цицерону, и не обусловливалось ли до извѣстной степени первое послѣднимъ? Не имѣли ли также и оптиматы, съ своей стороны, причинъ быть недовольными Цицерономъ, подобно тому какъ послѣдній находилъ причины быть недовольнымъ ими? На всѣ эти вопросы приходится отвѣтить — «да». Хотя въ этомъ отношеніи данныя переписки сравнительно очень скудны, тѣмъ не менѣе, онѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно существованія въ данномъ фактѣ разрыва между Цицерономъ и оптиматами—другой стороны, которую Цицеронъ, очевидно, старается *замолчать*. Уже часто встрѣчающіеся намеки на *sermo bonorum*, [1]) *bonorum sermones*, [2]) *sermo hominum* [3]) и на то, что этотъ sermo относится неодобрительно къ Цицерону, [4])—говоритъ въ пользу этой догадки. Этотъ sermo, это, такъ сказать, общественное мнѣніе, упрекало, напримѣръ, Цицерона въ измѣнничествѣ своей партіи, [5]) и мы знаемъ, что упрекъ этотъ былъ не совсѣмъ неоснователенъ, ибо самъ же Цицеронъ подалъ къ нему поводъ той двуличной ролью, какую онъ игралъ относительно Цезаря и Помпея въ началѣ войны, и которая, понятнымъ образомъ, должна была раздражить и вооружить противъ него бывшихъ его политическихъ друзей, которые къ тому же усматривали въ его образѣ дѣйствій и разные другіе «грѣшки» [6]). Упрекали его, напримѣръ, въ томъ, въ чемъ онъ самъ упрекалъ оптиматовъ, — въ нерѣшительности [7]). Въ частности, отдѣльныя событія гражданской войны и вызываемый ими образъ дѣйствій Цицерона, точно также подавали поводъ оптиматамъ быть недовольными Цицерономъ. Когда, наканунѣ войны, сенатъ декретировалъ наборъ по всей Италіи, мы видѣли, что Цицеронъ, очевидно, изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе Цезаря, первоначально хотѣлъ уклониться отъ активнаго участія въ этомъ дѣлѣ (*fugi otne munus*, какъ писалъ онъ объ этомъ впослѣдствіи къ Аттику) [8]), и Помпею большого труда стоило уговорить его взять въ свое «завѣдываніе» Капую. Это обстоятельство также ставили въ упрекъ Цицерону, какъ это мы видимъ изъ того, что потомъ ему пришлось оправдываться въ своемъ поведеніи въ этомъ во-

---

[1]) 340. [2]) 334,7. [3]) 311,4. [4]) ib. [5]) 340. [6]) 336,2. ad Att. VIII. 12: *peccata*. [7]) ib. [8]) 392. ad Att. XI. 4.

просѣ даже передъ Аттикомъ [1]). Цицеронъ остался въ Италіи, не послѣдовалъ за Помпеемъ: опять упрекъ, опять оправданія [2]). Цицеронъ избѣгалъ всякаго поступка, который бы могъ имѣть характеръ демонстраціи противъ Цезаря: друзья оптиматы опять нападаютъ на него, даже Аттикъ [3]). Еще дороже приходилось платиться Цицерону за его заигрыванія съ Цезаремъ, въ особенности за одно письмо его къ послѣднему, наполненное самою утонченною лестью [4]). Неизвѣстно какими путями, но это письмо Цицерона сдѣлалось извѣстнымъ его друзьямъ, и вотъ мы видимъ—Цицеронъ пишетъ пространную апологію, въ которой старается оправдать каждый неосторожный комплиментъ по адресу Цезаря (письмо къ Аттику отъ 25 февр.) [5]).

Такимъ образомъ, если Цицеронъ находилъ поводы на каждомъ шагу быть недовольнымъ оптиматами, то и эти послѣдніе, съ своей стороны, могли представить Цицерону довольно длинный списокъ его «грѣшковъ». А оправдаться въ нихъ было, повидимому, не такъ-то легко, о чемъ можно заключить по тѣмъ усиліямъ, какія употреблялись Цицерономъ для того, чтобы оправдать свой образъ дѣйствій въ глазахъ Аттика, не столько политическаго, сколько личнаго своего друга, который, поэтому, склоненъ былъ, конечно, гораздо снисходительнѣе относиться къ политическимъ «грѣшкамъ» своего друга, чѣмъ тѣ, которые были только политическими друзьями его, т. е. оптиматы.

Въ концѣ концовъ Цицерону пришлось убѣдиться въ практической неосуществимости своей программы безусловнаго нейтралитета, и если впослѣдствіи онъ увѣрялъ цезаріанцевъ, что онъ съ самаго начала войны держался совершенно въ сторонѣ (письмо къ Цецинѣ, въ окт. 707 года), [6]) и что онъ остался въ Италіи, не послѣдовалъ за Помпеемъ, въ виду, именно, сохраненія этого нейтралитета, то это была лишь одна изъ тѣхъ дипломатическихъ увертокъ, которыми Цицеронъ пользовался въ такихъ широкихъ размѣрахъ, особенно впослѣдствіи, въ видахъ возстановленія попорченныхъ отношеній своихъ съ Цезаремъ. (Любопытенъ фактъ: въ письмѣ къ Цецинѣ Цицеронъ говоритъ, что

---

[1]) 336,—334,5. [2]) 339,2. ad Att. VIII. 15.—336. [3]) ib. [4]) 332. ad Att. VIII. 9. [5]) ib. [6]) 470,6. ad Div. VI. 6.

онъ «оставался въ Италіи до тѣхъ поръ, пока это было возможно»,—и указываетъ на это, какъ на доказательство своей лояльности по отношенію къ Цезарю; въ письмахъ къ Аттику онъ старается, напротивъ, доказать, что онъ остался въ Италіи потому, что не могъ поспѣть за Помпеемъ... Такъ одинъ и тотъ же фактъ получаетъ въ дипломатической лабораторіи Цицерона совершенно различную физіономію, совершенно различный смыслъ..)

Что касается плановъ Помпея относительно бѣгства изъ Италіи, то, какъ прежде Цицеронъ отнесся съ безпощаднымъ порицаніемъ къ «бѣгству» Помпея изъ Рима, такъ теперь онъ предаетъ безусловному осужденію намѣреніе Помпея оставить Италію. По мнѣнію Цицерона, «слѣдовало удержать за собой Римъ и не покидать Италіи», [1]) а потому, если не удалось первое, то слѣдовало, по крайней мѣрѣ, постараться о второмъ. Этотъ «ничѣмъ не оправдываемый», [2]) «несчастный» [3]) планъ былъ, по мнѣнію Цицерона, столько же низокъ и недостоинъ по своимъ мотивамъ, [4]) сколько гибеленъ по своимъ послѣдствіямъ [5]). Этотъ шагъ долженъ былъ, по его мнѣнію, привести Италію къ окончательной гибели [6]). Цицеронъ, впрочемъ, откровенно сознается, что ему неизвѣстны соображенія и планы, которыми руководился въ данномъ случаѣ Помпей [7]). Быть можетъ, Помпей намѣренно избѣгалъ посвящать Цицерона въ эти свои планы, предвидя оппозицію съ его стороны. Во всякомъ случаѣ очевидно одно, что въ этомъ вопросѣ вліяніе Цицерона равнялось нулю, и ему приходилось считаться съ планами Помпея, какъ съ «независящими обстоятельствами», какъ съ фактомъ, стоящимъ внѣ сферы его вліянія. Цицерону предстояло теперь рѣшить вопросъ о томъ, слѣдовать ли ему за Помпеемъ, въ случаѣ если онъ покинетъ Италію, или же не идти за нимъ, а остаться въ Италіи [8]). Исторія этого вопроса — цѣлая драма, стоившая Цицерону многихъ колебаній, многихъ усилій надъ самимъ собой, многихъ тяжелыхъ думъ. Начало этого вопроса совпадаетъ съ самымъ началомъ гражданской войны, ибо, какъ мы выше видѣли, мысль о возможности бѣгства Помпея изъ Италіи явилась у Цицерона одновременно

---

[1]) 324. ad Att. VIII. 1. [2]) 331. ad Att. VIII. 8. [3]) 334,4. [4]) ib.—331. [5]) 334,4 [6]) ib. [7]) 334,1. ad Att. VIII. 11. B. 3.—331. [8]) 326,1. ad Att. VIII. 3.

съ фактомъ бѣгства перваго изъ Рима; практическое же разрѣшеніе его послѣдовало не ранѣе какъ чрезъ шесть мѣсяцевъ, или чрезъ три (приблизительно) мѣсяца послѣ того, какъ Помпей оставилъ почву Италіи. Но мы не станемъ слѣдить за всѣми перипетіями этого вопроса и отмѣтимъ, по возможности вкратцѣ, лишь главные его моменты.

Какъ мы сказали, впервые появляется этотъ вопросъ въ перепискѣ одновременно съ первыми извѣстіями о началѣ войны. Тогда уже Цицеронъ высказываетъ опасеніе, что Помпей «отступитъ изъ Италіи», и говоритъ, что въ этомъ случаѣ «придется подумать о планѣ дѣйствій» [1]). Главная трудность вопроса заключалась въ томъ, что, какъ нетрудно понять, отъ того или другаго рѣшенія его зависѣлъ ходъ дальнѣйшихъ отношеній Цицерона къ воюющимъ партіямъ, особенно къ самому Цезарю. Вопреки совѣту Аттика, полагающаго, что въ случаѣ отступленія Помпея изъ Италіи, слѣдуетъ возвратиться въ Римъ, [2]) Цицерону представляется, что, напротивъ, слѣдуетъ идти за Помпеемъ, ибо оставаться въ Италіи, послѣ того какъ покинулъ ее Помпей, значило бы, по его мнѣнію, отдаться въ руки тиранну, [3]) вступить въ союзъ съ тираннонъ [4]). Конечно, съ точки зрѣнія безопасности, послѣдній шагъ былъ бы наиболѣе цѣлесообразнымъ, но онъ не былъ бы согласенъ съ требованіями долга и чести [5]). Вообще, внѣшнія, «независящія» обстоятельства были противъ удаленія изъ Италіи (по мнѣнію Цицерона); напротивъ, соображенія нравственнаго свойства побуждали его къ тому, чтобы слѣдовать за Помпеемъ. Подводя итогъ даннымъ pro и contra, Цицеронъ говоритъ: [6]) *Ad manendum hiems, lictores, improvidi et neglegentes duces; ad fugam hortatur amicitia Cnaei, causa bonorum, turpitudo conjungendi cum tyranno.* Впрочемъ, это не помѣшало Цицерону не далѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, измѣнить свои взгляды на этотъ вопросъ въ смыслѣ воззрѣній Аттика, доказывавшаго Цицерону, что удаленіе его изъ Италіи безполезно и даже вредно для республики; кромѣ того, оно связано съ большими опасностями [7]). Цицеронъ, очевидно, въ достаточной мѣрѣ проникся

---

[1]) 303. ad Att. VII. 10. [2]) 351. ad Att. IX. 10. [3]) 345. ad Att. IX. 4 (Θέσεις). [4]) 317. ad Att. VII. 20. [5]) 319. ad Att. VII. 22. Срв. 320. ad Att. VII. 23.—339. ad Att. VIII. 15. [6]) 317. [7]) 351,5.

аргументами Аттика, когда рѣшилъ, что дѣйствительно, «не стоитъ отдаваться безполезному и опасному бѣгству» [1]). Онъ готовъ даже, по примѣру прочихъ, возвратиться въ Римъ, «еслибы не эти несносные ликторы», которыхъ онъ имѣлъ при себѣ въ качествѣ imperator'а и кандидата въ тріумфаторы [2]). Если недавно еще Цицеронъ считалъ «противнымъ чести» оставаться въ Италіи, въ случаѣ «отступленія» Помпея,—то теперь, наоборотъ, онъ находитъ удаленіе изъ Италіи *neque rectum neque honestum* [3]).

Тѣмъ не менѣе, это не было окончательное рѣшеніе вопроса; послѣдній продолжалъ тревожить и мучить Цицерона дотого, что онъ терялъ сонъ [4]). Всплывали въ душѣ прежнія сомнѣнія, прежніе факты и событія подпимались въ памяти, пробуждались съ новой силой улегшіяся,было, симпатіи и антипатіи. Въ письмѣ къ Аттику отъ 21 февр. Цицеронъ пытается сызнова подвести итоги всѣмъ данпымъ, какія были на лицо въ данную минуту для рѣшенія мучившаго его вопроса [5]). (При чемъ, нужно замѣтить, данныя эти получаютъ теперь нѣсколько иную формулировку, чѣмъ въ первой, болѣе ранней редакціи). Но и этотъ пересмотръ вопроса не привелъ Цицерона ни къ какому положительному результату, потому что какъ съ той, такъ и съ другой стороны, преобладали данныя отрицательнаго свойства: остаться въ Италіи—нельзя довѣриться Цезарю; идти за Помпеемъ—Помпей не заслуживаетъ того, чтобы за нимъ слѣдовать [6]). (Это въ письмѣ къ *Аттику*. Это не мѣшало, однако, Цицерону писать къ *Помпею* почти въ то же самое время: «Идти къ тебѣ при первой возможности для меня дѣло рѣшенное: нѣтъ для меня ничего болѣе желаннаго». Еще лишній примѣръ «дипломатической лжи»...) Идти за Помпеемъ ради республики не имѣетъ смысла, потому что республика, вѣдь, въ сущности уже не существуетъ [7]). «Трудный, неразрѣшимый вопросъ!...» [8]) Но прошло всего какихъ-нибудь 15 дней и Цицеронъ, совершивъ circulus vitiosus, снова пришелъ къ той точкѣ, на которой былъ съ самаго начала. Въ письмѣ къ Аттику,

---

[1]) 320. ad Att. VII. 23. Срв. 321. ad Att. VII. 24.—343. ad Att. IX. 2. [2]) 324,3. ad Att. VIII. 1. Срв. 303,1. ad Att. VII. 10.—305,4. ad Att. VII. 12. [3]) 325,4. ad Att. VIII. 2. Срв. 339.—347. ad Att. IX. 6. [4]) 321. [5]) 326. ad Att. VIII. 3. [6]) ib. [7]) 331. D. 6.—360. ad Att. IX. 19. [8]) 326.

отъ 3 марта, [1]) онъ по прежнему формулируетъ вопросъ въ формѣ дилеммы между чувствомъ долга и чувствомъ самосохраненія. Чувство долга внушаетъ ему то, что̀ незадолго передъ тѣмъ представлялось ему *neque rectum neque honestum*, а теперь представляется *honestius*, [2]) т. е. удаленіе изъ Италіи за Помпеемъ. Онъ видитъ теперь грубую ошибку въ томъ, что остался въ Италіи (это было уже послѣ бѣгства Помпея изъ Брундузія). «Ничто не заслуживаетъ бо́льшаго сожалѣнія, говоритъ онъ въ письмѣ къ Аттику около этого времени (въ концѣ марта), [3]) какъ то, что я остался (въ Италіи), и ни о чемъ я такъ не мечтаю, какъ о томъ, чтобъ улетѣть отсюда...» [4]) «Нужно какъ можно скорѣе бѣжать къ Помпею», [5]) «не столько затѣмъ, чтобы быть союзникомъ въ войнѣ, сколько затѣмъ, чтобы быть сообщникомъ бѣгства» [6]). «Я горю нетерпѣніемъ уйти отсюда», пишетъ Цицеронъ 13 марта [7]). Бѣгство изъ Италіи представляется теперь Цицерону единственнымъ возможнымъ выходомъ изъ той дилеммы, въ формѣ которой представлялся ему данный вопросъ. Въ Италіи ему предстояло выбирать одно изъ двухъ: или одобрять все, что творится, или, что еще хуже, самому принимать участіе въ томъ противъ своей воли: и то и другое было бы позорно, а послѣднее, кромѣ того, и опасно [8]). Но, кромѣ этихъ соображеній нравственнаго характера, на которыя Цицеронъ указываетъ, какъ на главныя побужденія къ тому, чтобы бѣжать изъ Италіи, были еще и нѣкоторыя иныя, о которыхъ онъ умалчиваетъ. Но на одинъ изъ этихъ второстепенныхъ мотивовъ даетъ указаніе одно мѣсто въ позднѣйшей перепискѣ; страхъ передъ молвой, предъ общественнымъ мнѣніемъ, [9]) въ особенности, предъ мнѣніемъ «патріотовъ», [10]) которые, какъ мы видѣли, отнеслись неодобрительно къ тому, что Цицеронъ оставался въ Италіи. Слѣдовательно, его удаленіе изъ Италіи къ Помпею было столько же отвѣтомъ на голосъ совѣсти, долга, сколько уступкой общественному мнѣнію. «Итакъ, оставимъ все свое и идемъ туда, куда зоветъ насъ собственное сознаніе!...» [11])

---

[1]) 339. ad Att. VIII. 15. [2]) ib. Срв. 374. ad Att. X. 8. [3]) 356. ad Att. IX. 15. [4]) Срв. 326.—360.—351. ad Att. IX. 10. [5]) 340. ad Att. VIII. 16. [6]) 343. ad Att. IX. 2. Срв. 320. [7]) 318,5. ad Att. IX. 7. [8]) 371. ad Div. IV. 2. [9]) 452,1. ad Div. VII. 3. [10]) 470,6. ad Div. VI. 6. [11]) 360,2. ad Att. IX. 19.

На этотъ разъ Цицеронъ уже остановился твердо на этомъ рѣшеніи и даже сдѣлалъ шагъ къ переходу отъ слова къ дѣлу, отъ рѣшенія къ его осуществленію. Еще ранѣе, именно, во второй половинѣ февраля, Цицеронъ имѣлъ на готовѣ по одному кораблю на обоихъ моряхъ: на Верхнемъ—въ Брундузіѣ, и на Нижнемъ—въ Гаэтѣ [1]). Однако, вслѣдствіе разныхъ независящихъ обстоятельствъ, принятое Цицерономъ рѣшеніе могло осуществиться не ранѣе, какъ черезъ 3 — 4 мѣсяца, именно, въ первой половинѣ іюня [2]). На первыхъ порахъ, послѣ бѣгства Помпея изъ Брундузія, Цицерону приходилось откладывать свое отплытіе вслѣдствіе того трагикомическаго обстоятельства, что, по собственному его выраженію, «ему было отъ кого бѣжать, но не было за кѣмъ слѣдовать», [3]) ибо въ это время Цицеронъ совершенно потерялъ изъ вида Помпея и «не зналъ, гдѣ, въ какой землѣ или въ какомъ морѣ, искать его» [4]). Это послѣднее обстоятельство еще ухудшило положеніе Цицерона. До сихъ поръ онъ боялся только одного Цезаря; теперь приходилось бояться и того, и другаго [5]).

Когда Цицеронъ узналъ, что Помпей идетъ въ Брундузій, онъ, если вѣрить его словамъ въ письмѣ къ послѣднему, [6]) тотчасъ же пустился въ путь—въ Брундузій, но, узнавши отъ встрѣчныхъ, ѣхавшихъ изъ Апуліи, что «Цезарь быстро приближается къ тѣмъ мѣстамъ, куда они отправились», [7]) онъ возвратился обратно въ Форміи, откуда отвѣчалъ Помпею на его приглашеніе, съ оттѣнкомъ упрека и горькой ироніи, что «онъ, Цицеронъ, не имѣетъ ни малѣйшаго желанія подвергнуться той участи, которой, къ его горькому сожалѣнію, подверглись храбрѣйшіе мужи (т. е. Домицій и Лентулъ, попавшіе въ руки Цезаря») [8]). Вслѣдствіе этого, Цицеронъ вынужденъ былъ измѣнить свой маршрутъ. Оставалось воспользоваться пока еще свободнымъ доступомъ къ Нижнему морю [9]). Но куда бѣжать? Куда плыть?—Одно время Цицеронъ думалъ о Египтѣ; [10]) но потомъ, вскорѣ послѣ того, какъ Цицеронъ оставилъ Римъ, въ первой половинѣ апрѣля, онъ передумалъ—въ Грецію, притомъ почему-то не черезъ Нижнее мо-

---

[1]) 326.—327. ad Att. VIII. 4.—334. ad Att. VIII. 11. D. [2]) См. ниже. [3]) 330. ad Att. VIII. 7. [4]) 319. ad Att. VII. 22. [5]) 334. ad Att. VIII. 11. [6]) ib. D. [7]) ib. 4. [8]) ib. [9]) 360 ad Att. IX. 19. [10]) ib. 3.

ре, а черезъ Сицилію, изъ Регіума, куда предполагалъ отправиться сухимъ путемъ [1]). И опять-таки несовсѣмъ понятно почему, но Цицеронъ имѣлъ въ виду отправиться не къ Помпею, а, согласно съ совѣтомъ Целія, [2]) удалиться въ какой-нибудь глухой и отдаленный отъ театра войны городокъ, напр., въ Мелиту «или въ другой подобный городокъ» [3]). Скоро, впрочемъ, онъ отказался отъ Мелиты и снова перемѣнилъ свой маршрутъ. Мысль о сухопутномъ путешествіи до Регіума была оставлена; рѣшено было пуститься по морю до Сицилін [4]). Во второй половинѣ апрѣля мы видимъ Цицерона уже совсѣмъ готовымъ въ путь: не былъ только назначенъ срокъ для отплытія [5]). Но тутъ неблагопріятная погода задержала его до начала мая, [6]) а пока онъ, такимъ образомъ, ждалъ сидя у моря погоды, явилось новое препятствіе—и оттуда, откуда, повидимому, онъ всего менѣе ожидалъ. 3 мая онъ получилъ отъ Антонія, провѣдавшаго какими-то судьбами о намѣреніяхъ Цицерона, вышеупомянутое лаконическое предостереженіе [7]), что онъ, Антоній, «ни въ какомъ случаѣ не можетъ дозволить Цицерону выѣзда изъ Италіи», «такъ какъ ему наказано Цезаремъ никого не пускать изъ Италіи». А какъ передавалъ Цицерону Требацій со словъ того же Антонія, послѣдній имѣлъ спеціальныя инструкціи относительно Цицерона [8]). Вскорѣ Цицеронъ узналъ еще, что одинъ изъ его «друзей», К. Марцеллъ, также подбивалъ Антонія не пускать Цицерона изъ Италіи [9]). (Около этого же времени Антоній писалъ Цицерону, что онъ не заѣхалъ къ нему по пути изъ Рима въ Капую потому, что ему, Антонію, стыдно было явиться къ нему, Цицерону, ибо, какъ ему казалось, Цицеронъ сердитъ на него за его распоряженіе о невыѣздѣ изъ Италіи [10]).) Какъ бы то ни было, слова свои Антоній не замедлилъ подкрѣпить соотвѣтствующими мѣрами, для предупрежденія задуманнаго Цицерономъ побѣга, и установилъ строгій надзоръ за нимъ [11]). Но Цицеронъ, столько разъ отступавшій прежде предъ менѣе важными, и подъ часъ мнимыми, препятствіями, на этотъ разъ рѣшилъ не отступать предъ этимъ столько

---

[1]) 366. ad Att. X. 4. [2]) 367,5. ad Div. 16. [3]) 370,1. ad Att. X. 7.—374. ad Att. X. 8.—375. ad Att. X. 8. [4]) 378,2. ad Att. X. 12. [5]) 368,1. ad Att. X. 5. [6]) 369. ad Att. X. 6.—374. [7]) 376,2. ad Att. X. 10. [8]) 378. [9]) 381. ad Att. X. 15. [10]) ib. [11]) 378: *Undique custodior.*

же неожиданнымъ, сколько серьезнымъ препятствіемъ. Въ нерѣшительномъ Цицеронѣ явилась небывалая прежде рѣшимость и отвага. На этотъ разъ онъ оставилъ свою привычку «долго обдумывать» [1]) каждый шагъ, забылъ и о своей осторожности, которая до сихъ поръ удерживала его отъ рискованнаго шага и рекомендовала въ данномъ случаѣ выждать рѣшенія испанскаго вопроса, окончанія Испанской войны [2]). Цицеронъ точно хотѣлъ доказать, что и онъ, воплощенная осторожность и аккуратность, способенъ поддаваться вліянію страсти и увлеченія, идти на проломъ, рисковать. Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, Цицерону пришлось горько оплакать это, быть можетъ, первое въ жизни отступленіе отъ своего обычнаго правила; но теперь онъ съ жаромъ отдается овладѣвшей всѣмъ его существомъ мысли о бѣгствѣ, о бѣгствѣ изъ Италіи—туда, куда, казалось ему, призывалъ его голосъ долга [3]). Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, «вырвать себя»; [4]) если не удастся убѣжать тайкомъ, [5]) онъ рѣшился «силой» (!) проложить себѣ путь къ морю [6]). «Если не будетъ судна, я воспользуюсь первымъ попавшимся челнокомъ, только чтобы вырваться отсюда!» писалъ Цицеронъ въ нач. мая къ Аттику [7]). Понятно, однако, что Цицеронъ предпочелъ первый путь, путь «скрытности» (*occulte, clam*) и «притворства» (*dissimulatio*) [8]). Для того чтобы обмануть бдительность слѣдившихъ за нимъ агентовъ Антонія, чтобы отвратить подозрѣніе въ побѣгѣ, [9]) Цицеронъ 12 мая отправился изъ Cumanum'a въ Pompejanum, [10]) откуда, наконецъ, въ первой половинѣ іюня, ему удалось пробраться незамѣченнымъ въ Гаэту, гдѣ ждало его наготовѣ «великолѣпное судно» —*navis valde bona*—, [11]) которое вскорѣ и доставило его въ Грецію (въ Эпиръ), гдѣ мы встрѣчаемся съ нимъ только 8 мѣсяцевъ спустя — въ лагерѣ Помпея [12]). (Въ февралѣ 706 г.; изъ Гаэты Цицеронъ выѣхалъ 11 іюня 705 г.) [13]).

Теперь возвратимся вновь къ тому факту, отъ котораго мы удалились, слѣдя за Цицерономъ,—къ факту бѣгства Помпея изъ Италіи.—Хотя Цицеронъ, какъ мы видѣли, уже давно подозрѣвалъ

---

[1]) 336. ad Att. VIII. 12. [2]) 369. — 378. [3]) 448. ad Div. IX. 5. Срв. 517. ad Div. VI. 1.—450,5. ad Div. IX. 16. [4]) 376,5. [5]) 377,4 ad Att. X. 11. Срв. 382,2. ad Att. X. 16. [6]) 378,5. Срв. 382,4. [7]) 376,5. Срв. 377.—378. [8]) 382,2. [9]) ib. 4. [10]) ib. [11]) 385. ad Div. XIV. 7. [12]) 386. ad Att. XI. 1. [13]) 385.

въ Помпеѣ намѣреніе бѣжать изъ Италіи; но когда онъ, 23 февр., получилъ отъ Помпея (изъ Люцеріи) письмо, въ которомъ тотъ просилъ Цицерона «какъ можно скорѣе пріѣзжать къ себѣ», [1]) Цицерономъ, по собственному его выраженію «овладѣлъ ужасъ», [2]) и долго не могъ онъ совладать съ охватившимъ его волненіемъ. «Я задыхаюсь,—пѣтъ: я сгораю отъ жгучей печали», писалъ онъ объ этомъ къ Аттику [3]). Теперь все кончено! думалось Цицерону.

Послѣдовавшая около этого времени сдача Домиція—фактъ, котораго Цицеронъ уже давно ждалъ со дня на день съ замирающимъ сердцемъ,—окончательно ошеломила Цицерона. «О безотрадное положеніе!» восклицаетъ онъ, узнавъ объ этомъ въ письмѣ къ Аттику [4]). «Я до такой степени подавленъ этими событіями, что едва нахожу въ себѣ достаточно самообладанія, чтобы писать къ тебѣ». Все кончено: «Италію ждетъ конечная гибель...» [5]) «27 февраля, писалъ онъ къ Аттику 25 февр., [6]) думаю быть въ Арпинѣ, хочу погулять по моимъ виллamъ,—полюбоваться въ послѣдній разъ...» Это удрученно-элегическое настроеніе Цицерона усиливалось еще собственнымъ тягостно-неопредѣленнымъ положеніемъ; отставши отъ Помпея и не желая въ то же время пристать къ Цезарю, онъ одинаково боялся и того и другаго, [7]) но долго, какъ мы видѣли, не отваживался ни на какой рѣшительный шагъ. Вмѣсто того, рѣшивъ, что «теперь позволительно сѣтовать», [8]) началъ «оплакивать судьбу республики», [9]) да развивать въ тиши своего кабинета свою любимую тему о мирѣ, [10]) унося въ то же время мечтой въ прекрасное прошлое, къ тому *status pristinus,* [11]) который былъ всегдашнимъ политическимъ идеаломъ Цицерона.

Идеи и планы Цицерона въ данную минуту сводились къ очень несложной по формѣ, но не столь легкой для практическаго осуществленія и во всякомъ случаѣ слишкомъ самонадѣянной программѣ, которая ставила своей задачей «возвращеніе прежняго положенія—въ будущемъ и укрѣпленіе своего положенія—въ настоящемъ» [12]). Методъ, или путь, которымъ Цицеронъ думалъ до-

[1]) 328,2. ad Att. VIII. 5.—334. ad Att. VIII. 11. [2]) 329,3. [3]) 347. ad Att IX. 6. [4]) 331. ad Att. VIII. 8. [5]) 334,4. ad Att. VIII. 11. [6]) 332. ad Att. VIII. 9. [7]) 334. ad Att. VIII. 11. Срв. 348. ad Att. IX. 7. A. [8]) 334,1. ad Att. VIII. 11. [9]) ib. 4. [10]) ib. 7.—336. ad Att. VIII. 12—349. ad Att. IX. 8. [11]) 339. ad Att. VIII. 15. [12]) 332,3. ad Att. VIII. 9.

стигнуть поставленной цѣли, заключался у Цицерона въ томъ, чтобы «всѣхъ удовлетворить», *omnibus satisfacere* [1]). Такъ по крайней мѣрѣ надѣялся Цицеронъ [2]). Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о нравственномъ и политическомъ значеніи принципа «и нашимъ и вашимъ», но мы затрудняемся понять, какъ могъ Цицеронъ увлекаться подобной легкомысленной самонадѣянностью «удовлетворить всѣхъ», когда самъ же онъ сознается, что ему сму не только не удалось удовлетворить всѣхъ, но не удавалось удовлетворить даже многихъ изъ своей партіи [3]). Начинавшійся разрывъ между нимъ и оптиматами, о которомъ была рѣчь выше, долженъ былъ служить самымъ осязательнымъ опроверженіемъ этихъ самонадѣянныхъ разсчетахъ Цицерона.

Когда въ первой половинѣ марта въ Римѣ заговорили о возвращеніи туда Цезаря, Цицеронъ, очутившійся, по его собственнымъ словамъ, наполовину въ плѣну у Цезаря, всего болѣе думалъ о томъ, какъ бы устроить такъ, чтобы избѣжать необходимости встрѣчаться съ Цезаремъ [4]). Сначала въ порывѣ негодованія на торжественныя встрѣчи, устроенныя Цезарю муниципіями, [5]) и на заискивающія «поздравленія» со стороны оптиматовъ, [6]) Цицеронъ думалъ, было, убраться подальше отъ via Appia (Цицеронъ находился въ это время въ Форміяхъ), по которой долженъ былъ возвращаться Цезарь,—куда нибудь въ Аргіпит; [7]) но потомъ, сообразивъ, что такой шагъ былъ бы неудобенъ, такъ какъ могъ бы произвести дурное впечатлѣніе на Цезаря, [8]) Цицеронъ нашелъ выходъ изъ этого затрудненія въ компромиссѣ между чувствомъ гражданской гордости и требованіями осторожности, предписываемой «искусною тактикой», которой онъ, какъ мы выше видѣли, рѣшилъ держаться въ своемъ образѣ дѣйствій по отношенію къ Цезарю. Цицеронъ рѣшилъ отложить поѣздку въ Аргіпит послѣ свиданія съ Цезаремъ и остаться, согласно совѣту Аттика, въ Форміяхъ, «для того чтобы, съ одной стороны, встрѣча произошла не въ Римѣ, — съ другой стороны, *чтобы не подать повода Цезарю думать, что онъ, Цицеронъ, избѣ-*

---

[1]) 334. ad Att. VIII. 11. B. [2]) ib. [3]) ib. 7. [4]) 350,2. ad Att. IX. 9.—341,3. ad Att. IX. 1. — 346. ad Att. IX. 5. [5]) 340. ad Att. VIII. 16. [6]) 346. ad Att. IX. 5. [7]) ib. [8]) 348. ad Att. IX. 7.

гаетъ его» [1]). Всего болѣе боялся Цицеронъ того, чтобы Цезарь не призвалъ его въ сенатъ, когда будутъ тамъ обсуждаться какія-нибудь мѣры направленныя противъ Помпея, [2]) ибо тогда бы ему пришлось очутиться между двухъ огней: между «преступленіемъ», (*nefas*)—въ случаѣ согласія на эти мѣры, и «наказаніемъ» (*supplicium*)—въ случаѣ протеста, потому что Цезарь, думалось Цицерону, навѣрно не оставитъ безъ наказанія подобной дерзости [3]). Онъ, впрочемъ, не терялъ надежды исходатайствовать у Цезаря, если не безусловное освобожденіе отъ обязанности присутствовать въ сенатѣ, то, по крайней мѣрѣ, достигнуть извѣстнаго компромисса, а именно, добиться позволенія Цезаря не присутствовать въ сенатѣ, когда что-нибудь будетъ обсуждаться противъ Помпея [4]). «Во всемъ остальномъ, говорилъ онъ, я готовъ принимать участіе, лишь бы меня не заставляли участвовать въ подобныхъ дѣлахъ» [5]). Въ случаѣ крайности, по его мнѣнію, лучше было потерпѣть, лучше подвергнуться преслѣдованію, даже умереть, [6]) чѣмъ быть заодно съ врагами Помпея, [7]) что было бы не только низко (*turpe*), но и безбожно (*nefas*) [8]).

Чрезвычайно знаменателенъ тотъ фактъ, что Цицеронъ, связанный одинаково узами личной дружбы съ Цезаремъ и съ Помпеемъ, будучу *utriusque necessarius* [9]), становится въ одинаково оппозиціонное отношеніе къ нимъ обоимъ, начинаетъ видѣть въ томъ и другомъ одинаково враждебную силу, враждебную республикѣ и себѣ лично. Ниже мы будемъ имѣть случай болѣе подробно познакомиться съ этимъ любопытнымъ фактомъ, когда будетъ идти рѣчь объ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю и Помпею. Сейчасъ же мы остановимся нѣсколько на одномъ небольшомъ, но крайне интересномъ и характерномъ для общихъ отношеній Цицерона въ данное время письмѣ его къ Аттику [10]). Интересна собственно та часть этого письма — написанная на греческомъ языкѣ—, которую Цицеронъ называетъ *«темами политической злобы дня»* — θέσεις *et* πολιτικαὶ *et horum temporum*

---

[1]) ib. Срв. 441,3. ad Att. IX. 1. [2]) 343,1. ad Att. IX. 2. [3]) ib. [4]) 347,6. ad Att. IX. 6. [5]) ib. [6]) ib. Срв. 370,1. ad Att. X. 7. [7]) 347,7. ad Att. IX. 6. [8]) 343,1. ad Att. IX. 2. Срв. 351,10. ad Att. X. 10. [9]) 348. ap Att. IX. 7. A. 2. [10]) 334. ad Att. VIII. 11. [11]) 345. ad Att. X. 4.

(θέσεις мы переводимъ «темы», а не «тезисы», потому что то, что въ данномъ случаѣ Цицеронъ называетъ θέσεις, представляетъ собою не болѣе, какъ рядъ *вопросовъ*, а не *положеній*, иначе говоря—темъ, а не тезисовъ). Темы или вопросы эти, общіе, отвлеченные по формѣ, въ сущности же относящіеся всецѣло къ конкретнымъ фактамъ текущей дѣйствительности, были слѣдующіе:

1) *Слѣдуетъ ли оставаться въ отечествѣ, когда оно подпало подъ иго тиранніи?* (Указываетъ на рѣшеніе Цицерона бѣжать изъ Италіи, которое, какъ мы видѣли, и было вскорѣ приведено имъ въ исполненіе) (11 іюня).

2) *Если отечество подпало подъ иго тиранніи, то слѣдуетъ ли всѣми возможными путями дѣйствовать къ ниспроверженію тиранніи, даже въ томъ случаѣ, еслибы при этомъ приходилось подвергать опасности самое существованіе государства?* (Комментаріемъ къ этой «темѣ» можетъ служить слѣдующій ниже четвертый вопросъ). Срв. 4, также 7.

3) *Не слѣдуетъ ли принять мѣры къ тому, чтобы тотъ, кто ниспровергъ бы тираннію, не сдѣлался бы самъ тираномъ?* (Довольно прозрачный намекъ на Помпея). Срв. 9.

4) *Не лучше ли помогать угнетаемому тиранніей отечеству миролюбивыми средствами* (καιρῷ καὶ λόγῳ), *чѣмъ оружіемъ* (πολέμῳ)? (Какъ мы видѣли, это была одна изъ излюбленныхъ мыслей Цицерона). Срв. 2, также 7.

5) *Согласно ли съ требованіями гражданскаго долга* (εἰ πολιτικόν), *удалиться отъ всякаго участія въ политической жизни своего отечества, угнетаемаго тиранніей?* (Обнаруживаетъ внутреннюю борьбу у Цицерона между сознаніемъ гражданскаго долга и чувствомъ личнаго самосохраненія). Срв. 10.

6) *Слѣдуетъ или нѣтъ подвергать себя всевозможнымъ опасностямъ для дѣла свободы?* (Продолженіе предъидущей «темы»).

7) *Слѣдуетъ ли идти войной на страну, угнетаемую тиранніей, чтобы подвергнуть ее всѣмъ ужасамъ войны?* (Мы видѣли выше, что Цицеронъ отнесся съ сильнымъ порицаніемъ къ намѣренію Помпея «вести войско на Италію и предать ее опустошенію»). Срв. 4, также 2.

8) *Слѣдуетъ ли причислять къ патріотамъ* (τοῖς ἀρίστοις) *человѣка, отрицающаго возможность ниспроверженія тиранніи по-*

средствомъ войны? (Служитъ прекраснымъ комментаріемъ къ тому, что̀ уже извѣстно намъ объ отношеніяхъ Цицерона съ оптиматами).

9) *Слѣдуетъ ли въ дѣлахъ политическихъ раздѣлять опасности съ своими благодѣтелями и друзьями, даже въ томъ случаѣ, если мы не согласны съ ихъ планами и взглядами политическими?* (Очевидно, намекъ на Помпея, представляющій великолѣпную характеристику отношеній Цицерона къ Помпею: политическій антагонизмъ рядомъ съ личной дружбой). Срв. 3.

10) *Если человѣкъ оказалъ отечеству великія услуги* (μεγάλα εὐεργετήσας), *ради чего подвергъ себя величайшимъ бѣдствіямъ и навлекъ на себя ненависть со стороны извѣстныхъ людей, то обязанъ ли онъ подвергать себя добровольно опасности? или же слѣдуетъ ему позволить имѣть заботу и о самомъ себѣ и о своемъ семействѣ, предоставивши политическіе вопросы на усмотрѣніе власть имѣющихъ?...* (Взглядъ Цицерона на самого себя и на свое положеніе въ данный моментъ). Срв. 5.

Нелегко было найти одинаково «удобные выходы» — *prosperos exitus* [1])—изъ всѣхъ этихъ вопросовъ, которые такъ круто выдвинула «политическая злоба дня». «Да я и не ищу этихъ выходовъ», говоритъ Цицеронъ [2]), потому что «мои надежды, двѣ мои главныя надежды, разбились: это — надежда на мирный исходъ раздора и надежда на тихую, спокойную старость», безъ треволненій и заботъ, но «съ почетомъ и достоинствомъ» [3]). Послѣ этого, по мнѣнію Цицерона, нельзя уже надѣяться на сохраненіе въ цѣлости республики, «пока будутъ живы эти двое (т. е. Цезарь и Помпей)» [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Цицеронъ умываетъ руки, отрекается отъ всякаго соучастія въ «этихъ жестокостяхъ» [5]), т. е. въ «жестокой и гибельной войнѣ» [6]) между Цезаремъ и Помпеемъ.

Однако φιλόπατρις и πολιτικός, какъ самъ себя называлъ Цицеронъ [7]), все болѣе и болѣе терялъ подъ собой почву. Программа, которой онъ рѣшился держаться, программа безусловнаго нейтралитета, какъ мы видѣли, разбивалась мало по малу отъ по-

---

[1]) 348,1. ad Att. IX. 7. [2]) ib. [3]) 347. ad Att. IX. 6.—348.– 351. ad Att. IX. 10. [4]) 348,1. [5]) 347,7. [6]) ib. [7]) 351,5. Срв. 356. ad Att. IX. 15. — 366. ad Att. X. 4.

стоянныхъ столкновеній съ дѣйствительностью. Цицеронъ хотѣлъ теперь избѣжать совершенно «прикосновенности къ политической жизни» [1]), но силою вещей онъ, противъ своей воли, былъ выбитъ изъ этой колеи: *pacifica persona* по натурѣ и *pacis auctor* по призванію [2]), онъ вынужденъ былъ силою вещей сдѣлаться «дѣятельнымъ участникомъ и пособникомъ въ этой войнѣ» [3]). Онъ пытался, правда, бороться противъ этой силы вещей при помощи своего ораторскаго и дипломатическаго таланта, но его попытки нельзя назвать удачными уже потому одному, что ему пришлось при этомъ поступиться въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что онъ, по собственному заявленію, ставилъ всего выше: честью [4]). Припомнимъ его льстивыя письма къ Цезарю; припомнимъ ту ложь, до которой унизился онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ послѣднему, для того только, чтобы «сохранить благосклонность» къ себѣ со стороны врага той республики, защитникамъ которой онъ себя считалъ. Теперь мы укажемъ еще на одинъ не менѣе разительный примѣръ въ этомъ отношеніи. Цицеронъ, потратившій столько краснорѣчія для заклейменія позоромъ «этой безбожной войны» и называвшій ея виновникомъ «*одного негоднаго гражданина*» [5]), т. е. Цезаря, вотъ что пишетъ онъ въ письмѣ къ этому послѣднему [6]): «По моему убѣжденію, этой войной нанесено тебѣ глубокое оскорбленіе; это враги и ненавистники твои открыли походъ противъ твоей чести, которой отличилъ тебя римскій народъ». Послѣдняя фраза относится, очевидно, къ привилегіи данной Цезарю относительно заочнаго исканія консульства, противъ которой теперь съ особенной энергіей ратовалъ Цицеронъ...

Если сдача Домиція въ Корфиніѣ произвела удручающее впечатлѣніе на Цицерона, то это впечатлѣніе должно было, конечно, удвоиться при вѣсти объ осадѣ Помпея въ Брундузіѣ. «Войско римскаго народа держитъ въ осадѣ Помпея!...» восклицалъ онъ [7]). «Я не могу безъ слезъ не только писать, но и думать объ этомъ», писалъ онъ къ Аттику [8]). «Ахъ, мы несчастные!» [9]) «Все достойно жалости, но болѣе жалкаго, чѣмъ это, и быть не можетъ» [10]).

---

[1]) 350,1. ad Att. IX. 9. [2]) См. выше. [3]) 351,5. [4]) 339. ad Att. VIII. 1 5.—371. ad Div. IV. 2. [5]) 307,1. ad Att. VII. 13. См. выше. [6]) 352. ad Att. IX. 11. A. [7]) 353. ad Att. IX. 12. [8]) ib. 2. [9]) ib. Срв. 358. ad Att. IX. 17. [10]) 354. ad Att. IX 12. 13.

Отчаяніе Цицерона доходитъ до того, что онъ (NB: *впервые*) начинаетъ желать смерти—«муціева исхода»—,*Mutianum exitum* [1]), какъ онъ самъ выражается, ибо всѣ надежды свои, всѣ ожиданія Цицеронъ видѣлъ теперь разбитыми. Впервые тутъ признаетъ онъ открыто свое безсиліе, свою несостоятельность. «Чѣмъ могу я помочь (республикѣ), когда не знаю даже, чего желать?..» [2]) Къ довершенію его «пессимистическаго и безнадежнаго настроенія» [3])—Цицерона начинало смущать, какъ и прежде, «сознаніе собственной вины и безумства» (то, что онъ не послѣдовалъ за Помпеемъ изъ Италіи) [4]). *28 марта* Цицеронъ имѣлъ свиданіе съ Цезаремъ въ Форміяхъ [5]). Цезарь былъ съ большой свитой (comitatus), но разговоръ его съ Цицерономъ происходилъ, очевидно, наединѣ. Разговоръ былъ чисто дѣловой, политическій, относившійся всецѣло къ злобѣ дня, и повидимому непродолжительный. Главною темою былъ вопросъ о сенатѣ, о присутствіи Цицерона въ сенатѣ. Цезарь желалъ, чтобы Цицеронъ присутствовалъ въ сенатѣ, на что Цицеронъ категорически заявилъ (такъ, по крайней мѣрѣ, онъ передаетъ объ этомъ въ письмѣ къ Аттику [6]), что онъ будетъ говорить въ сенатѣ противъ посылки войскъ въ Испанію и Грецію «и громко оплакивать судьбу Кнея». «Я не хочу этого», возразилъ Цезарь. «А я, въ такомъ случаѣ, не хочу присутствовать въ сенатѣ», отвѣчалъ Цицеронъ (сомнительно, чтобы въ такомъ именно тонѣ былъ въ дѣйствительности отвѣтъ Цицерона; вѣроятно, отказъ былъ формулированъ въ болѣе деликатной формѣ). «Подумай!»—было послѣднее слово Цезаря. Тотчасъ послѣ этого разговора Цезарь отправился дальше по пути къ Риму, въ Pedanum, Цицеронъ—въ Arpinum, [7]) съ одной стороны «для того, чтобы быть подальше отъ Рима» [8]), съ другой, для того, чтобы отпраздновать на родинѣ обрядъ посвященія сына въ toga pura [9]). Первый мотивъ игралъ, несомнѣнно, гораздо болѣе важную роль, такъ какъ Цицеронъ всего болѣе былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы, на время пребыванія Цезаря въ

---

[1]) 353,1. ad Att. IX. 12. Срв. 360. ad Att. IX. 19. [2]) 353. ad Att. IX. 12. [3]) ib. 8: *sententia misera et desperata.* [4]) 354,3. ad Att. IX. 12. 13. [5]) 359. ad Att. IX. 18. [6]) ib. [7]) ib. 3. [8]) ib. [9]) 1. 358. ad Att. IX. 17.—360. ad Att. IX. 19.—341, 1. ad Att. IX. 6.

Римѣ, устраниться отъ всякаго участія въ государственной дѣятельности, «нарушить законъ Солона», какъ онъ выражается [1]). Дѣйствительно, мы видѣли, что, во все время пребыванія Цезаря въ Римѣ Цицеронъ, ни разу не показывался тамъ, скрывался все время—сначала въ Arpinum'ѣ (до 3 апр. [2]), потомъ, въ Laterium'ѣ у брата, наконецъ, у него же въ Arcanum'ѣ, въ этомъ «потаенномъ уголкѣ», [3]) гдѣ ему вольнѣе дышалось вдали отъ «тиранна» и отъ Рима, одно имя котораго возбуждало теперь въ немъ горькое чувство [4]). Не столько конечно самый Римъ былъ противенъ Цицерону, сколько перспектива присутствія въ сенатѣ, гдѣ онъ не чувствовалъ себя въ силахъ ни «помочь республикѣ», [5]) «на закатѣ ея дней», [6]) ни высказывать откровенно свой образъ мыслей безъ того, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ Цезаря [7]). Кромѣ того, въ глазахъ Цицерона, въ представленіи котораго постоянно носился идеальный образъ *pristinus status* [8]), самый сенатъ, созванный Цезаремъ, узурпаторомъ верховной власти, представлялся незаконнымъ сенатомъ; это было, по его выраженію, не болѣе, какъ «сходбище сенаторовъ» — *conventus senatorum* [9]). Взгляды Цицерона на общее положеніе нисколько не измѣнились за это время; прежній пессимизмъ нимало не ослабѣлъ. Положеніе безнадежно» [10]). «Надежды нѣтъ никакой» [11]). «О мирѣ нечего и думать» [12]). Такія фразы мы встрѣчаемъ чуть не въ каждомъ письмѣ Цицерона за это время. «Всѣ мы погрязли въ какомъ-то броженіи (ἄλη) и въ то же время—въ оцѣпенѣніи, похожемъ на смерть» [13]).

Что касается собственно «республики», то теперь Цицеронъ уже въ гораздо болѣе рѣшительномъ, чѣмъ прежде, тонѣ высказываетъ свое убѣжденіе въ гибели, въ «конечномъ разрушеніи республики» [14]). Онъ находитъ возможнымъ говорить о республикѣ не иначе, какъ только въ прошедшемъ или будущемъ времени, но никакъ не въ настоящемъ [15]). Что же касается во-

---

[1]) 361. ad Att. XI. 1. [2]) 359. ad Att. IX. 18.—366. ad Att. X. 4. [3]) 361. ad Att. X. 1. [4]) 362. ad Att. X. 2.—363. ad Att. X. 3. [5]) 365. ad Div. IV. 1. [6]) ib.—336. ad Att. VIII. 12. [7]) 365. ad Div. IV. 1. [8]) ib. [9]) 339. ad Att. VIII. 15. [10]) ib. [11]) 372. ad Div. II. 16. [12]) 361. ad Att. X. I. Срв. 365. ad Div. IV. 1. [13]) 361. ad Att. X. 1. [14]) ib. 4. [15]) 366. ad Att. X. 4.—370. ad Att. X. 7. [15]) 372. ad Div. II. 16.

обще *pristinus status*, то его Цицеронъ считаетъ потеряннымъ навѣки, безвозвратно [1]).

Въ не менѣе пессимистическомъ свѣтѣ представляется ему и его собственное положеніе; оно кажется ему совершенно безвыходнымъ [2]). Именно, оно представлялось ему въ слѣдующемъ видѣ. Онъ не примкнулъ ни къ *boni*, вслѣдствіе ихъ «безразсудства»—*temeritas*, ни къ *improbi*, вслѣдствіе ихъ «дерзости»—*audacia*. То и другое казалось ему одинаково опаснымъ. Онъ избралъ себѣ средній путь: онъ хотѣлъ остаться въ сторонѣ отъ тѣхъ и другихъ, отъ ихъ «кроваваго междоусобія», но въ результатѣ оказалось, что онъ очутился въ такомъ положеніи, которое было не только не безопасно, но и унизительно [3]). Итакъ, «ничего болѣе не оставалось, какъ оплакивать съ честью прошлое»—*honestissime lugere*, [4]) и «убраться какъ можно скорѣе изъ Италіи» [5]) откуда въ это время Цицеронъ дѣйствительно «рвался душой»—«улетѣть» къ Помпею [6]). Въ началѣ года Цицерона еще серьезно занималъ вопросъ о собственномъ тріумфѣ. Къ этому вопросу онъ часто возвращается въ письмахъ того времени. Хотя онъ уже тогда, въ самомъ началѣ войны, начиналъ подозрѣвать прискорбную вѣроятность отрицательнаго рѣшенія этого вопроса, особенно послѣ неблагопріятнаго для него шага консула Лентула, отклонившаго предложеніе сената объ этомъ тріумфѣ; [7]) но, все-таки, у него до послѣдняго времени не хватало духу отказаться отъ этой давно лелѣянной имъ мысли, заставлявшей радостно трепетать его римское сердце. Вотъ почему, до послѣдней минуты онъ не рѣшался разстаться съ своими «противными ликторами». И только теперь, когда «все было кончено», когда не существовало болѣе ни прежняго Рима, свободнаго Рима, ни настоящаго сената,—когда приходилось рѣшать вопросъ о спасеніи и гибели республики и о собственной жизни и смерти,—только теперь рѣшился наконецъ Цицеронъ отпустить своихъ ликторовъ, а вмѣстѣ съ ними и надежду на тріумфъ, въ сущности давно уже потерявшую свой raison d'être.

Во все время, пока Цезарь находился въ Римѣ, Цицеронъ, какъ мы видѣли, не показывался тамъ и поддерживалъ сношенія

[1]) 365. ad Div. IV. 1. [2]) 362. ad Att. X. 2. [3]) ib. Срв. 371,3. ad Div. IV. 2. [4]) 365,1. ad Div. IV. 1. [5]) 371. [6]) 356. ad Att. IX. 15.—351. ad Att. IX. 10. [7]) 301. ad Div. XVI. 11.

съ Римомъ только посредствомъ переписки съ Аттикомъ. Только въ первой половинѣ апрѣля къ нему завернулъ Куріонъ, съ которымъ онъ провелъ два дня въ разговорахъ, изъ которыхъ онъ узналъ кое-что новое о Цезарѣ, о его дѣятельности въ Римѣ и видахъ на будущее [1]). Но рѣчи Куріона не только не способствовали успокоенію Цицерона, а, напротивъ, внесли еще бо́льшую смуту въ его и безъ того смущенную, душу. Онѣ только усилили въ немъ желаніе исправить свою «ошибку» [2]) и тѣмъ ускорили рѣшеніе его, бѣжать изъ Италіи, [3]) рѣшеніе, о которомъ успѣли уже провѣдать въ лагерѣ Цезаря; и, вотъ, Цицеронъ почти разомъ получаетъ нѣсколько «дружескихъ» писемъ; «друзья», точно сговорившись, наперерывъ другъ передъ другомъ стараются «разговорить» Цицерона, отговорить его отъ его рѣшенія; при чемъ дѣло не обошлось безъ курьезныхъ «контроверзъ». Целій уговаривалъ Цицерона остаться въ Италіи, не бѣжать къ Помпею, *потому что Цезарь жестокъ* (*atrox*, *saevus*) [4]). Оппій и Бальбъ ранѣе уговаривали Цицерона остаться въ Италіи, *потому что Цезарь великодушенъ и гуманенъ* [5]). Но ни письма друзей, ни письма самого Цезаря, ни, наконецъ, σκυτάλη Ἀχαϊκὴ Антонія [6]) не въ силахъ были заставить Цицерона отказаться отъ своего рѣшенія, которое онъ считалъ единственно «правильнымъ и честнымъ» [7]). Вопреки совѣтамъ своихъ друзей, особенно Целія, онъ готовъ былъ «скорѣе оставить этого побѣдителя (т. е. Цезаря), чѣмъ побѣжденнаго (т. е. Помпея), и болѣе отчаивающагося, чѣмъ надѣющагося на успѣхъ» [8]). Одно соображеніе еще болѣе побуждало его ускорить свой побѣгъ изъ Италіи. Именно, Цицерону необходимо было, разъ онъ рѣшилъ бѣжать, бѣжать къ Помпею *до* окончанія Испанской войны, т. е. до «изгнанія» оттуда Цезаря [9]), какъ надѣялся Цицеронъ, потому что явиться къ Помпею только послѣ того, какъ онъ сталъ бы побѣдителемъ, было бы крайне неловко для Цицерона, какъ это онъ и самъ понималъ [10]). Послѣдніе полтора мѣсяца пребыванія Цицерона въ Италіи, т. е. съ начала мая и до половины іюня, почти все вниманіе его было

---

[1]) 366,7—8. ad Att. X. 4. См. выше, стр. 206. [2]) 371. ad Div. IV. 2. [3]) 366.—368. ad Att. X. 5. [4]) 367. ad Div. VIII. 16. [5]) 348. ad Att. IX. 7. A. B. Срв. 354. ad Att. IX. 12. 13. A. [6]) 376,2. ad Att. X. 10. См. выше, стр. 215. 239. [7]) 371. ad Div. IV. 2. [8]) 374. ad Att. X. 8. См. выше. [9]) 374,2. [10]) ib.

поглощено постоянно мѣнявшимся и постоянно разбивавшимся о неблагопріятныя обстоятельства планомъ бѣгства и приготовленіями къ нему.

То, что онъ высказываетъ въ своихъ письмахъ этихъ послѣднихъ дней своего пребыванія въ Италіи относительно общаго политическаго положенія минуты и относительно будущихъ судебъ республики, при общемъ пессимистическомъ колоритѣ, часто носитъ черты экзальтаціи и какого-то пророческаго вдохновенія. «Знаешь, что, дорогой Аттикъ», писалъ онъ своему другу въ началѣ мая [1]). «Знаешь, что утѣшаетъ меня? Меня утѣшаютъ эти извѣстныя мысли Платона относительно тирановъ. Я предвижу, что этотъ (*ille*, Цезарь) не будетъ въ состояніи долго удержаться и падетъ, падетъ при всемъ нашемъ безсиліи, падетъ подъ собственной тяжестью». Цицеронъ увѣренъ въ недолговѣчности «царства» Цезарева, онъ пророчитъ ему паденіе не далѣе, какъ черезъ полгода: *id regnum vix semestre esse potest* [2]). «Да, онъ (Цезарь) погибнетъ, это неизбѣжно, если не отъ своихъ враговъ, то отъ себя самого» [3]) «Нѣтъ, продолжаетъ Цицеронъ съ эмфазой, нѣтъ, я не обманываюсь: это случится и, надѣюсь, еще на нашихъ глазахъ!..» [4]) Цицеронъ ошибся только относительно времени: «царство» Цезаря простояло не полгода, а почти цѣлыхъ пять лѣтъ, зато его желаніе видѣть трупъ тиранна исполнилось, хотя за такое удовольствіе пришлось вскорѣ заплатить собственною жизнью.

Это было въ началѣ мая. А около $1^1/_2$ мѣсяца спустя, Цицеронъ, не взирая на просьбы своихъ семейныхъ, слезно умолявшихъ его подождать рѣшенія Испанской войны, [5]) тайкомъ отъ слѣдившихъ за нимъ агентовъ Антонія, бѣжалъ въ Гаэту, откуда уже съ корабля писалъ, 11 іюня, послѣднее, прощальное письмо— немногорѣчивое и некраснорѣчивое письмо «къ своей Теренціи» [6]). Разстроенный, больной, какъ та республика, смерть которой онъ уже заранѣе оплакивалъ,—разбитый нравственно и физически, [7]) покидалъ Цицеронъ родную Италію и Римъ, когда-то дорогой, теперь опостылый Римъ. Зачѣмъ? Для чего? Едва ли онъ и самъ отчетливо сознавалъ это; его письма дѣлаютъ для насъ понятнымъ только *почему*. Вскорѣ Цицерону пришлось горько оплаки-

---

[1]) ib. 6. [2]) ib. 7. [3]) ib. 8. [4]) ib. [5]) 374. ad Att. X. 8. [6]) 385. ad Div. XIV. 7. [7]) ib. 1.

вать этотъ злополучный шагъ. Это мы увидимъ изъ дальнѣйшей переписки.

ОТНОШЕНІЯ ЦИЦЕРОНА КЪ ЦЕЗАРЮ.

Съ началомъ гражданской войны, отношенія Цицерона къ Цезарю, установившіяся въ предшествующемъ періодѣ, не потерпѣли никакой существенной перемѣны, но продолжали развиваться на почвѣ новыхъ событій изъ тѣхъ же основаній, что и прежде, т. е. изъ принципіальнаго антагонизма съ одной стороны, и изъ стремленія поддержать status quo въ сферѣ личныхъ отношеній — съ другой. Разница только та, что, вмѣстѣ съ обостреніемъ общаго политическаго положенія, обострился и этотъ политическій антагонизмъ, а eo ipso—усложнилась и послѣдняя задача, ибо прежнее фальшивое положеніе Цицерона, въ области личныхъ отношеній его съ Цезаремъ, сдѣлалось теперь еще болѣе фальшивымъ.

Предварительно мы сдѣлаемъ бѣглый обзоръ общихъ принципіальныхъ отношеній Цицерона къ Цезарю и его «дѣлу» (*causa*) и къ его людямъ.

Что касается собственно личности Цезаря, то за нимъ окончательно утверждается теперь эпитетъ *тиранна—tyrannus*, τύραννος. «Тираннія» Цезаря — любимая тема Цицерона въ его письмахъ этого времени. Онъ варьируетъ ее на разные лады, то съ патріотическимъ негодованіемъ, то съ пророческой экзальтаціей, то просто съ реторическимъ наслажденіемъ, смотря по обстоятельствамъ и собственному настроенію. Цезарь представляется ему то просто тиранномъ, въ смыслѣ врага республики, [1]) единоличнымъ властителемъ, [2]) даже, какъ нерѣдко его называетъ Цицеронъ,—царемъ [3]), вообще, среднимъ тиранномъ, безъ особенныхъ специфическихъ ненавистныхъ чертъ,—тиранномъ въ родѣ Писистрата; [4]) то онъ рисуетъ въ своемъ воображеніи образъ полумиѳическаго Фалариса, [5]) кровожаднаго тиранна палача, образъ какого-то романическаго злодѣя, злодѣя по призванію, злаго изъ любви къ злу, помышляющаго только объ убійствахъ, [6]) и наслаждающагося собственной жестокостью; [7]) или ждетъ встрѣ-

[1]) 314. ad Att. VII. 17.—337. ad Att. VIII. 13.—348. ad Att. IX. 7.—334. ad Att. VIII. 11. [2]) 326. ad Att. VIII. 3.—334.—366. ad Att. X. 4. [3]) 334.—304. ad Att. VII. 11.—370. ad Att. X. 7. — 374. ad Att. X. 8. [4]) 340. ad Att. VIII. 16. — 317. ad Att. VII. 20. [5]) 317. — 305. ad Att. VII. 12. [6]) 374. ad Att. X. 8. [7]) 332,4. ad Att. VIII 9.—Срв. 321. ad Att. VII. 24.—308. ad Att. VII. 14.—356. ad Att. IX. 15.—374,3.

тить въ немъ втораго Суллу, [1]) изступленнаго, полусумасшедшаго изверга, не знающаго предѣловъ своей ярости и безумству, [2]) грабителя, хищника, не знающаго предѣловъ своей жадности, [3]) который видитъ въ отечествѣ не родину свою, а добычу, [4]) и ни о чемъ другомъ не думаетъ, какъ о томъ, чтобы внести разореніе и грабежъ въ побѣжденный Римъ, [5]) чтобы обогатиться награбленнымъ имуществомъ гражданъ [6]). Тѣ—врагъ отечества, «отцеубійца»—*parricida*, [7]) второй Ганнибалъ, ведущій въ Римъ варварскія полчища, [8]) съ тѣмъ чтобы предать Римъ огню и мечу [9]).

Къ этимъ, такъ сказать, кореннымъ эпитетамъ примыкаютъ, въ качествѣ дополненій, эпитеты второстепенные, такъ сказать, производные. Помимо того, что Цезарь—тиранъ, извергъ (*crudelis, atrox, saevus*), «отцеубійца» (*parricida*), онъ—«негодный гражданинъ»—*perditus civis* [10]) и вообще безнравственный, «потерянный человѣкъ» (*perditus*), который не видалъ никогда даже тѣни нравственно-прекраснаго, *qui ne umbram quidem umquam τοῦ καλοῦ viderit*, [11]) и который, въ силу самаго характера своего, въ силу всего своего нравственнаго склада, въ силу своего прошедшаго, наконецъ, и *не можетъ* ничего дѣлать иначе, какъ «негоднымъ образомъ» (*perdite*) [12]). Вообще, Цезарь представляется ему какимъ-то Ванькой-Каномъ, то что называется «отпѣтой головой», «отчаяннымъ разбойникомъ»—*perditus latro*, какъ самъ Цицеронъ называетъ его [13]). Само собою разумѣется, что онъ и лицемѣръ въ высшей степени, [14]) ибо онъ поступаетъ такъ, что нельзя не признать его образъ дѣйствій благороднымъ и великодушнымъ; но, вѣдь, въ силу своей «потерянности», своей «негодности», онъ не можетъ поступать иначе, какъ «негоднымъ образомъ», слѣдовательно ясно, что онъ *лицемѣритъ*, и *злокозненно* лицемѣритъ, въ особенности, когда поступаетъ великодушно: о, это «предательское великодушіе!» *insidiosa clementia!* [15]).

---

[1]) 256 ad Att. IX. 15. [2]) 308. ad Att.. VII. 14. — 310. ad Div. XVI. 12.—348. ad Att. IX. 7. [3]) 315. ad Att. VII. 18. [4]) 307. ad Att. VII. 13. [5]) 306. ad Div. XIV. 14.—307.—310.—325. ad Att. VIII. 2. [6]) 354. ad Att. IX. 12. 13. — 380. ad Att. X. 14. [7]) 376. ad Att. X. 10. [8]) 304. ad Att. VII. 11. Срв. 326. ad Att. VIII. 3.—366. ad Att. X. 4.—378. ad Att. X. 1. [9]) 310.—325. [10]) 307. ad Att. VII. 13. [11]) 304. ad Att. VII. 11. [12]) 343. ad Att. IX. 2. [13]) 315. ad Att. VII. 18. [14]) 307.—340. ad Att. VIII. 16. [15]) 340. Срв. выше, стр. 187.

Далѣе, что касается *дѣла* (*causa, negotium*) Цезаря, то Цицеронъ продолжаетъ развивать прежніе взгляды свои на этотъ предметъ. Понятно, что если самъ Цезарь «негодный человѣкъ», который не въ состояніи ничего другаго дѣлать, какъ только «негодное», то и дѣло не можетъ быть инымъ, какъ «негоднымъ». Разумѣется, что его дѣло, его *causa*, не имѣетъ ничего общаго съ «дѣломъ республики» — *causa reipublicae*; напротивъ, по существу своему, оно есть нѣчто противное республикѣ, отрицаніе республики, «*позоръ республики*» — *turpitudo reipublicae* [1]), ибо сущность его заключается въ эгоистическомъ стремленіи Цезаря къ господству, къ единовластію, къ тираніи [2]). Самая война, которую затѣялъ Цезарь, [3]) есть не что иное, какъ «борьба за власть», «*споръ изъ-за царской власти*» — *regnandi contentio* [4]). Конечно, такое дѣло заслуживаетъ, съ точки зрѣнія Цицерона, безусловнаго осужденія; Цицеронъ клеймитъ его, какъ дѣло въ высшей степени анти-патріотическое, [5]) и потому безнравственное, преступное, [6]) «позорнѣйшее» [7]) и «грязнѣйшее» [8]).

Принципіально-отрицательное отношеніе къ Цезарю и къ дѣлу его со стороны Цицерона, естественнымъ образомъ, простирается и на людей Цезаря, т. е. на его сторонниковъ вообще, и на ближайшихъ его сотрудниковъ въ особенности. Но здѣсь это отрицательное отношеніе обрисовывается гораздо болѣе рѣзкими и крупными штрихами. Цицеронъ не можетъ говорить о нихъ иначе, какъ съ ненавистью и омерзѣніемъ. Отчасти, быть можетъ, эту рѣзкость можно объяснить риторизмомъ и склонностью Цицерона къ гиперболическому выраженію своихъ чувствъ. Какъ бы то ни было, но, еслибы мы захотѣли составить себѣ представленіе о людяхъ Цезаря на основаніи того, что̀ говоритъ о нихъ Цицеронъ, то мы бы должны были представить чудовищъ, полусумасшедшихъ, бѣснующихся въ какомъ-то изступленіи, [9]) вокругъ которыхъ собрались всѣ самые отчаянные головорѣзы, [10]) всѣ подонки общества [11]).

---

[1]) 315. ad Att. VII. 18. [2]) См. выше, стр. [3]) 307. ad Att. VII. 13. [4]) 370. ad Att. X. 7. Срв. 334.—366.—374. [5]) 339. ad Att. VIII. 15. [6]) 310.—304.—343. ad Att. IX. 2.—351. ad Att. IX. 10.—366. [7]) 323. ad Att. VII. 26.—315. ad Att. VII. 18. [8]) 332. ad Att. VIII. 9. Срв. 352. ad Att. IX. 11. [9]) 348. ad Att. IX. 7.—351.—352.—366 ad Att. IX. 19. [10]) 360: *turpissimus quisque.* [11]) 351, 7: *colluvies.*

Принципіальный антагонизмъ Цицерона съ Цезаремъ давно уже перешелъ, какъ мы видѣли, ту черту, въ предѣлахъ которой возможно было болѣе или менѣе строгое разграниченіе между областью принциповъ и сферою личныхъ отношеній, когда можно было еще оставаться лично другомъ, будучи принципіальнымъ политическимъ противникомъ. Теперь уже нѣтъ мѣста тѣмъ теплымъ дружескимъ чувствамъ, или, по крайней мѣрѣ, тому піэтету къ узамъ личной дружбы, который мы еще не такъ давно имѣли случай отмѣтить въ Цицеронѣ, въ его отношеніяхъ къ Цезарю. Политическій врагъ Цезаря, Цицеронъ смотритъ теперь на него и какъ на *личнаго своего врага* [1]). Когда Цицеронъ собирался бѣжать изъ Италіи, онъ думалъ не о томъ, къ кому бѣжать, но имѣлъ въ виду и то, отъ кого бѣжать, [2]) «рвался душой» къ Помпею, но вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣгалъ отъ Цезаря, убѣгалъ не только какъ патріотъ-республиканецъ, которому тяжело выносить присутствіе тиранна, но и какъ личный врагъ отъ врага-побѣдителя, какъ человѣкъ, который имѣлъ основаніе опасаться личной мести со стороны Цезаря [3]).

При всей, однако, враждебности, принципіальной и личной, во внѣшнихъ отношеніяхъ къ Цезарю, въ своемъ поведеніи относительно Цезаря Цицеронъ оставался по прежнему другомъ и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы поддерживать внѣшній видъ дружбы съ нимъ, ибо, будучи самъ врагомъ Цезаря, онъ не хотѣлъ, чтобы послѣдній былъ его врагомъ [4]). И дѣйствительно отношенія Цицерона съ Цезаремъ за это время представляютъ намъ всѣ внѣшніе признаки дружбы; можно сказать, что эти отношенія представляютъ собою образецъ политической дружбы, т. е. такой дружбы, которая имѣетъ своимъ источникомъ, своей исходной точкой, не чувство взаимной симпатіи, а политическій разсчетъ. Что касается Цицерона, то его разсчетъ заключался, какъ мы сейчасъ сказали, въ томъ, чтобы поддерживать status quo въ своихъ отношеніяхъ съ Цезаремъ, «не сдѣлать Цезаря своимъ врагомъ», какъ онъ выражается теперь, [5]) или, какъ ранѣе говорилъ онъ, «сохранить благоволеніе Цезаря» [6]). Этимъ раз-

---

[1]) 374. ad Att. X. 8.—356,3. ad Att. IX. 15.—330. ad Att. VIII. 7.—339. ad Att. VIII. 15. [2]) 330. Срв. выше, стр. 238. [3]) 356. — 374. [4]) 323,2. ad Att. VII. 26. [5]) ib. [6]) См. выше.

счетомъ опредѣлялось поведеніе Цицерона по отношенію къ Цезарю—ранѣе, имъ же оно опредѣляется и теперь. Цицерону нужно было вести себя такъ, чтобы, съ одной стороны, не возбуждать неудовольствіе Цезаря, [1]) съ другой—по возможности дѣлать даже угодное ему, [2]) насколько конечно позволялъ это страхъ передъ передъ *sermo bonorum* [3]). Какъ мы видѣли, однако, sermo bonorum отнесся довольно сурово къ этой captatio benevolentiae Цезаря со стороны Цицерона, которому, какъ мы видѣли, не мало трудовъ и краснорѣчія пришлось потратить на то, чтобы смыть съ себя этотъ «грѣхъ», хотя и безуспѣшно. Зато относительно Цезаря усплія Цицерона увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: цѣль была достигнута, «благоволеніе Цезаря» было сохранено. Въ самомъ почти началѣ войны, именно въ первой половинѣ февраля, Цицеронъ, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, пишетъ къ Аттику, что, какъ онъ слышалъ отъ многихъ, Цезарь очень доволенъ имъ, Цицерономъ [4]). Повидимому, это не такъ трудно далось Цицерону, во всякомъ случаѣ гораздо легче, чѣмъ возстановленіе своей скомпромстированной въ глазахъ друзей репутаціи. Легко было Цицерону достигнуть этого потому, что Цезарь, такъ сказать, самъ шелъ ему навстрѣчу. Политическій разсчетъ Цицерона совпадалъ въ этомъ пунктѣ съ таковымъ же разсчетомъ Цезаря, который столько же мало имѣлъ желанія разрывать съ Цицерономъ, сколько этотъ послѣдній—возстановлять противъ себя Цезаря. Мы видимъ изъ переписки, какъ настойчиво добивался онъ того, чтобы заставить Цицерона возвратиться въ Римъ, или по крайней мѣрѣ удержать его въ Италіи, т. е. чтобы не допустить этого внѣшняго вида разрыва. Мы видимъ далѣе, какъ старательно избѣгалъ онъ всякаго шага, который бы могъ послужить поводомъ или сигналомъ къ открытому разрыву съ нимъ. Можно даже сказать, что Цезарь, съ своей стороны, болѣе шелъ навстрѣчу Цицерону, чѣмъ Цицеронъ навстрѣчу ему: онъ не только избѣгалъ съ своей стороны всякаго рѣзкаго поступка по отношенію къ Цицерону, но старался даже по возможности сглаживать нѣкоторыя шероховатости въ поведеніи послѣдняго, которыя иначе могли повести къ серьез-

---

[1]) 336,2. ad Att. VIII. 12. [2]) 318. ad Att. VII. 21. — 320. ad Att. VII. 23.—372. ad Div. II. 16. [3]) См. выше, стр. 232. [4]) 318. Срв. 320.—372.

нымъ осложненіямъ. А Цицерону, какъ бы онъ ни былъ остороженъ и дипломатиченъ, не всегда одинаково хорошо удавалось управлять своимъ кипучимъ темпераментомъ, чтобы не сдѣлать рѣзкую выходку тамъ, гдѣ по программѣ требовалось пустить въ дѣло «искусную тактику». Такую рѣзкую выходку допустилъ Цицеронъ по отношенію къ Цезарю своимъ рѣзкимъ отказомъ присутствовать въ сенатѣ, и затѣмъ самовольнымъ, завѣдомо-непріятнымъ Цезарю, отсутствіемъ изъ Рима. Не дорожи Цезарь своими отношеніями съ Цицерономъ, что́ стоило бы ему доказать, что онъ не имѣетъ нужды тратить словъ попусту, такъ какъ имѣетъ возможность власть употребить? Но Цезарь поступаетъ не такъ. Онъ старается *замять* дѣло, и, жертвуя до извѣстной степени своимъ самолюбіемъ, первый дѣлаетъ шагъ къ уваженію «инцидента», виновникомъ котораго былъ Цицеронъ, такъ сказать, сдается Цицерону. Цицеронъ сдѣлалъ непріятность Цезарю, что и самъ очень хорошо сознавалъ; [1]) а Цезарь первый же пишетъ ему письмо,—пишетъ, что это не бѣда, и что онъ нисколько не сердится на него, Цицерона [2]). Съ подобнымъ же случаемъ встрѣтимся мы еще въ позднѣйшей перепискѣ; и тогда Цезарь, какъ увидимъ, не измѣнилъ своего поведенія въ отношеніи къ Цицерону.

Однимъ изъ характерныхъ выраженій этой политической дружбы и вмѣстѣ—любопытнымъ памятникомъ ея служитъ переписка между Цицерономъ и Цезаремъ за это время. Замѣчательно, что никогда еще переписка между ними не достигала той оживленности, какъ именно въ это время,—время наибольшаго обостренія раздѣлявшихъ ихъ принципіальныхъ противоположностей. Къ сожалѣнію, мы можемъ судить объ оживленности той переписки только по тѣмъ указаніямъ и намекамъ, которые мы находимъ въ различныхъ мѣстахъ остальной переписки Цицерона (*не* съ Цезаремъ). Цицеронъ неоднократно говоритъ, что онъ «очень часто» писалъ къ Цезарю, а въ одномъ мѣстѣ говоритъ то же самое о Цезарѣ, что онъ «часто писалъ»—*saepe scripsit*—къ нему, Цицерону [3]). Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что тѣ письма, которыя мы имѣемъ налицо изъ этой переписки, представляютъ

[1]) 359,4. ad Att. IX. 18. [2]) 364. ad Att. X. 3. [3]) 334. ad Att. VIII. 11.

собою лишь ничтожный обрывокъ отъ этой обширной переписки. А именно, мы имѣемъ за данный періодъ три письма Цезаря къ Цицерону [1]) и всего одно письмо Цицерона (отвѣтъ на одно изъ писемъ Цезаря) [2]). Но и эти сравнительно скудные остатки, если они недостаточны для возстановленія полной картины отношеній между Цицерономъ и Цезаремъ въ это время, то, во всякомъ случаѣ, они могутъ служить важнымъ дополненіемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя мы уже имѣемъ для характеристики этихъ отношеній въ остальной перепискѣ. Еслибы мы не имѣли для этой характеристики никакого другаго матерьяла, кромѣ этихъ писемъ, мы бы, читая ихъ, могли впасть въ заблужденіе относительно истиннаго смысла этихъ отношеній. Эти отношенія могли бы намъ представиться идеаломъ дружбы: болѣе тѣсной и трогательной дружбы, казалось бы, и быть не могло. Но то, что намъ уже извѣстно объ отношеніяхъ Цицерона и Цезаря, заставляетъ насъ отнестись скептически къ этимъ ужъ черезчуръ горячимъ заявленіямъ дружбы, которыя мы встрѣчаемъ въ ихъ письмахъ,—заставляетъ насъ видѣть въ этихъ заявленіяхъ гораздо болѣе заискиванья и лести (NB: *съ той и другой стороны*), чѣмъ искренней дружбы. Именно, съ той и другой стороны: не одинъ Цицеронъ заискиваетъ у Цезаря и льститъ ему, но и Цезарь точно также льститъ и заискиваетъ у Цицерона; однимъ словомъ выходитъ captatio benevolentiae обоюдная. Это необходимо имѣть въ виду, чтобы не осуждать слишкомъ строго Цицерона за это его, такъ сказать, дипломатическое двоедушіе.

Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ исторіи этой переписки и содержанія тѣхъ писемъ ея, которыя мы имѣемъ налицо. Первое письмо, по возвращеніи Цицерона въ Римъ, было получено имъ отъ Цезаря въ началѣ февраля, [3]) т. е. вскорѣ послѣ перехода черезъ Рубиконъ и бѣгства Помпея изъ Рима: Копію съ этого письма (*exemplum literarum*) Цицеронъ отправилъ къ Аттику, согласно желанію послѣдняго; [4]) но до насъ это письмо не сохранилось, а потому мы не имѣемъ возможности судить о его содержаніи. Изъ случайнаго замѣчанія Цицерона мы узнаемъ только, что Це-

---

[1]) 347. ad Att. IX. 6. A. — 357. 2 — 3. ad Att. IX. 16. — 374. ad Att. X. 8. B.
[2]) 352. ad Att. IX. 11. A. [3]) 320. ad Att. VII. 23. [4]) ib.

зарь писалъ въ немъ что-то «относительно своихъ гладіаторовъ», противъ которыхъ были въ свое время приняты извѣстныя мѣры Помпеемъ. Отвѣтъ Цицерона, вскорѣ послѣдовавшій, [1]) также не сохранился. Цицеронъ отвѣчалъ, по собственному заявленію, «кратко, но съ выраженіемъ благорасположенія» [2]) (NB: Это Цицеронъ писалъ *до 17 февр.* т. е. менѣе, чѣмъ 14 дней, спустя послѣ того письма своего къ Аттику, въ которомъ онъ называетъ Цезаря «отчаяннымъ головорѣзомъ»—*perditum latronem*—и «позоромъ республики»—*turpitudo reipublicae* [3])),—«съ выраженіемъ благорасположенія къ Цезарю», но—прибавляетъ Цицеронъ—«не только безъ всякаго униженія Помпея, а, напротивъ, съ великой похвалой его». («Пускай хоть всему свѣту вовсеуслышаніе читаетъ это письмо!» [4])). Послѣ этого, т. е. во время шествія Цезаря чрезъ Италію по слѣдамъ Помпея, Цицеронъ получилъ еще нѣсколько писемъ отъ Цезаря, такъ какъ собственно къ этому именно времени относится замѣчаніе Цицерона о томъ, что Цезарь *saepe scripsit* къ нему [5]). Что писалъ ему Цезарь? Писалъ, что «ему пріятно, что онъ, Цицеронъ, ведетъ себя спокойно, и упрашиваетъ его оставаться въ такомъ положеніи» [6]). Первое, дошедшее до насъ, письмо Цезаря къ Цицерону за это время относится къ первымъ числамъ марта, [7]) т. е. незадолго до бѣгства Помпея изъ Брундузія, въ то время, когда Цезарь былъ уже недалеко оттуда. Не смотря на то, что въ эту минуту Цезарю было не до того, чтобы писать «дружескія» письма, онъ «почелъ своимъ долгомъ отписать Цицерону и отблагодарить его за его заслуги по отношенію къ нему, Цезарю». [8]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Цезарь проситъ Цицерона «въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ», [9]) возвратиться въ Римъ «для того—прибавляетъ Цезарь въ духѣ самой утонченной лести—для того, чтобы я могъ воспользоваться твоимъ совѣтомъ, твоимъ ко мнѣ благорасположеніемъ, твоимъ достоинствомъ, всѣми, наконецъ, твоими талантами» [10]). На это короткое письмо Цицеронъ отвѣчалъ пространнымъ посланіемъ, которое сохранилось до насъ. (Отъ 19 марта, изъ Formianum'a [11]). Цицеронъ, очевидно, не хотѣлъ остаться въ

[1]) 325,1. ad Att. VIII. 2. [2]) ib. [3]) 315. ad. Att. VII. 18. (*3 февр.*) [4]) ib. [5]) 334. (*27 февр.*) [6]) ib. 5. [7]) 347. ad Att. IX. 6. A. [8]) ib. [9]) ib. 6. [10]) ib. A. [11]) 352. ad Att. IX. 11. A.

долгу у Цезаря и на тонкую лесть послѣдняго отвѣтилъ ему цѣлымъ панегирикомъ. Цицеронъ превозноситъ его «изумительную и несравненную мудрость», [1]) восхищается его «щедростью и добротой» [2]) и слегка негодуетъ на «недруговъ и завистниковъ» Цезаря, [3]) которые своими происками и интригами противъ «дарованнаго ему римскимъ народомъ отличія», вызвали эту войну, которую онъ, Цицеронъ, считаетъ оскорбленіемъ для Цезаря [4]). Эта лесть была въ данномъ случаѣ не только отвѣтомъ на лесть Цезаря, но и ловкимъ ораторскимъ маневромъ, при помощи котораго Цицеронъ искусно обошелъ главный вопросъ, затронутый въ письмѣ Цезаря, — вопросъ о возвращеніи его, Цицерона, въ Римъ, и чтобы уклониться вовсе отъ всякаго отвѣта на этотъ щекотливый вопросъ, свелъ рѣчь на другую тему, на свою любимую тему «о мирѣ, покоѣ, согласіи гражданъ» [5]). Вмѣсто того, чтобы такъ или иначе отвѣтить на «энергическій» вопросъ, поставленный Цезаремъ, Цицеронъ предлагаетъ ему свои услуги въ качествѣ посредника-умиротворителя, рекомендуя себя, какъ самую пригодную, по своему призванію, и по убѣжденіямъ, для такой роли личность [6]). Но любопытно, какъ формулируетъ Цицеронъ эту идею о «примиреніи»—*reconciliatio*—. Онъ говоритъ «*о примиреніи Помпея съ Цезаремъ и республикой*», [7]) т. е. Цицеронъ ставитъ рядомъ Цезаря и республику, какъ двѣ взаимно солидарныя силы, и противополагаетъ ихъ Помпею!...

Что отвѣчалъ на это письмо Цезарь, и отвѣчалъ-ли, на это никакихъ указаній мы не находимъ. Извѣстно только, что вскорѣ послѣ корфинійскаго дѣла Цицеронъ написалъ Цезарю не сохранившееся до насъ письмо, въ которомъ восхвалялъ его «корфинійское милосердіе» [8]). Въ короткомъ отвѣтѣ на это письмо Цезарь «торжествуетъ радостью»—*triumphat gaudio*—по поводу этой похвалы Цицерона и восхищается «его Долабеллой» [9]). Въ заключеніе онъ повторяетъ почти въ той же формѣ свое желаніе, чтобы Цицеронъ возвратился въ Римъ, «для того чтобы, по своей всегдашней привычкѣ, онъ, Цезарь, могъ пользоваться его совѣтами и талантами во всѣхъ дѣлахъ» [10]). Послѣ этого мы не имѣ-

---

[1]) ib. 1. [2]) ib. [3]) ib. 2. [4]) ib. [5]) ib. 1. [6]) ib. 2, [7]) ib [8]) 357. ad Att. IX. 16. [9]) ib. [10]) ib.

емъ ни писемъ Цицерона къ Цезарю, ни указаній на нихъ. Что касается писемъ Цезаря къ Цицерону, то мы имѣемъ еще одно письмо и, кромѣ того, указаніе еще на одно другое. Послѣднее (болѣе раннее) Цицеронъ получилъ уже изъ Рима, въ то время какъ самъ онъ «скрывался» въ Arcanum'ѣ [1]). Это было то самое письмо (не дошло до насъ), гдѣ Цезарь «извинялъ Цицерону его отсутствіе изъ Рима и увѣрялъ его въ своемъ благорасположеніи» [2]). Наконецъ, послѣднее письмо этой переписки, сохранившееся до насъ письмо Цезаря, было получено Цицерономъ въ началѣ мая изъ Испаніи, куда Цезарь отправился, какъ мы выше видѣли, въ первой половинѣ апрѣля, т. е. въ самый разгаръ его приготовленій къ бѣгству изъ Италіи, когда у него имѣлся уже на готовѣ снаряженный корабль. Письмо это [3]) гораздо длиннѣе двухъ другихъ, болѣе раннихъ, писемъ Цезаря, которыя имѣются на лицо, и представляютъ собою не отвѣтъ на письмо Цицерона (какъ тѣ два), а самостоятельное посланіе. Оно представляетъ собою какъ бы pendant къ прежнимъ письмамъ Цезаря, въ которыхъ онъ настаивалъ на возвращеніи Цицерона въ Римъ. Задача этого посланія была – удержать Цицерона въ Италіи, заставить его отказаться отъ своего намѣренія бѣжать къ Помпею. Письмо это написано въ гораздо болѣе энергическомъ тонѣ, чѣмъ предыдущія; это уже не та деликатная, хотя и настойчивая, просьба, это, скорѣе, требованіе и вмѣстѣ предостереженіе. Цезарь не только «умоляетъ», но и угрожаетъ (хотя и въ очень тонкихъ выраженіяхъ); это былъ, до извѣстной степени, уже ультиматумъ. Цезарь требуетъ, чтобы Цицеронъ отказался отъ своего «неблагоразумнаго» рѣшенія, требуетъ во имя связывающей ихъ дружбы (аргументъ обоюдуострый для Цицерона, къ которому могъ предъявить съ неменьшимъ правомъ это требованіе, это *jus amicitiae*—и Помпей) и во имя того принципа невмѣшательства во внутреннія раздоры, который долженъ быть девизомъ всякаго добраго гражданина (sic!). Цезарь ставитъ, далѣе, на видъ, что такой шагъ былъ бы непослѣдовательностью со стороны Цицерона, который теперь этимъ шагомъ заявилъ бы свое неодобреніе дѣлу Цезаря, «которое—прибавляетъ Цезарь съ необычайной дипломатической

---

[1]) 363. ad Att. X. 3. [2]) 364,1. ad Att. X. 3. [3]) 374. ad Att. X. 8. B.

виртуозностью—теперь, вѣдь, все то же, что и тогда было, когда ты отказывался отъ всякой солидарности съ тѣми (т. е. помпеянцами)». Наконецъ, предостерегаетъ его Цезарь нѣсколько таинственной, намѣренно недоговоренной фразой, подобный шагъ могъ бы отозваться крайне невыгодно на немъ, Цицеронѣ.

Уже изъ этихъ немногихъ приведенныхъ нами данныхъ переписки, можно видѣть, съ одной стороны, какъ легко можно представить Цицерона въ отношеніяхъ его къ Цезарю низкимъ льстецомъ, рабской душой; съ другой стороны, отсюда же можно видѣть, какъ несправедливо и исторически невѣрно подобное представленіе. Невѣрно потому, что оно строится на односторонннихъ данныхъ, на данныхъ, которыя освѣщаютъ только одну сторону предмета, именно ту сторону отношеній, которая обращена отъ Цицерона къ Цезарю, и игнорируетъ другую сторону этихъ отношеній, отношеній, которыя идутъ отъ Цезаря къ Цицерону. Мы потому считаемъ нужнымъ отмѣтить эту односторонность, что въ послѣднее время она закрѣплена такими авторитетами, какъ Друманнъ и Моммсенъ, и съ ихъ легкой руки сдѣлалась какъ бы общепринятымъ мнѣніемъ, которое въ догматической формѣ предлагается въ учебникахъ (напр. у Іегера). Объясняется это уклоненіе въ односторонность свойствами самого же историческаго источника, изъ котораго, главнымъ образомъ, черпается матерьялъ по данному вопросу, т. е. переписки Цицерона. Въ томъ-то и бѣда, что она ярко освѣщаетъ одну сторону этого вопроса и оставляетъ почти въ тѣни другую; мы имѣемъ въ перепискѣ массу яркихъ, бьющихъ въ глаза, данныхъ для характеристики отношеній Цицерона къ Цезарю, и только самыя скудныя данныя для характеристики отношеній Цезаря къ Цицерону, данныя, совершенно стушевывающіяся предъ первыми, затерянныя, такъ сказать, въ ихъ громадной массѣ; если первыя бьютъ въ глаза своею немногочисленностью и яркостью, то послѣднія приходится эрупировать, выкапывать изъ массы подавляющаго ихъ матерьяла. Легко себѣ представить поэтому, какъ трудно конкуррировать послѣднимъ съ первыми. Между тѣмъ, принципъ борьбы за существованіе, къ сожалѣнію, сказался и здѣсь, къ явному ущербу исторической истины. Необходимо въ данномъ случаѣ возстановить равновѣсіе между этими двумя рядами дан-

ныхъ, для того чтобы устранить одностороннее представленіе. Необходимо отношенія Цицерона къ Цезарю освѣтить отношеніями Цезаря къ Цицерону. Тогда мы увидимъ, что первыя настолько же были далеки отъ рабства и низкаго заискиванья, насколько послѣднія—отъ деспотизма и самодурства. Мы увидимъ, что компромиссъ былъ тутъ обоюдный. Если нерѣдко Цицеронъ цѣлуетъ ту руку, которую ему хотѣлось бы укусить, то въ свою очередь и Цезарь не скупится на всевозможные знаки благоволенія по отношенію къ человѣку, который менѣе всего былъ для него persona grata. Это были не отношенія подданства и господства, а скорѣе отношенія *вынужденнаго союза* двухъ совершенно различныхъ и въ извѣстномъ смыслѣ противоположныхъ силъ, изъ которыхъ каждая нуждалась въ другой. Цезарь былъ силенъ личностью и исторической ролью; сила Цицерона заключалась въ принципахъ. То есть каждый изъ нихъ былъ силенъ тѣмъ, что составляло слабую сторону другаго. Если Цицеронъ долженъ былъ стушеваться передъ исторической мощью Цезаря, то послѣднему приходилось, въ свою очередь, считаться съ тѣми принципами, носителемъ которыхъ былъ Цицеронъ, и которые, если лишены были уже своей жизненной силы, то все еще не потеряли своего обаянія надъ умами, а Цезарь былъ слишкомъ уменъ, чтобы игнорировать это обстоятельство. Вотъ почему Цезарю такъ же приходилось считаться съ Цицерономъ, какъ и послѣднему съ первымъ.

Въ заключеніе не лишне будетъ поставить вопросъ, который самъ собою напрашивается: какимъ образомъ объяснить то, что Цицеронъ, близко знавшій Цезаря и самъ признававшій, какъ мы выше видѣли, безупречность и благородство его образа дѣйствій въ началѣ гражданской войны, могъ серьезно видѣть въ немъ «кровожаднаго изверга» и ожидать отъ него такихъ ужасовъ, какъ сожженіе и разграбленіе Рима и кровавая расправа съ своими противниками?.. Слѣдуетъ ли объяснять это тѣмъ свойствомъ темперамента Цицерона, которымъ объясняетъ Буасье всѣ встрѣчающіяся въ письмахъ Цицерона противорѣчія, т. е. способностью Цицерона до крайности увлекаться впечатлѣніемъ минуты? По нашему мнѣнію, это объясненіе въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста, по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, указанное пред-

ставленіе Цицерона о Цезарѣ обладаетъ слишкомъ большой устойчивостью, для того чтобы выводить его изъ впечатлѣнія минуты: это представленіе систематически, послѣдовательно развивается на всемъ протяженіи переписки даннаго отдѣла. Вовторыхъ, потому не могло быть это представленіе результатомъ тѣхъ или другихъ *впечатлѣній*,—что впечатлѣнія текущей дѣйствительности не только не давали пищи подобнымъ представленіямъ, а скорѣе прямо противорѣчили имъ: впечатлѣнія эти вели, именно, къ признанію безупречности образа дѣйствій Цезаря. Что вообще *увлеченіе* здѣсь играло роль, это несомнѣнно; но какого рода увлеченіе? Намъ кажется, что это было не увлеченіе впечатлѣніемъ, а *увлеченіе идеей*, той идеей, которая, мы видѣли, еще задолго до начала гражданской войны уже носилась въ головѣ Цицерона: это—*идея тиранніи*. Это слово было произнесено Цицерономъ еще до того времени, когда зашла рѣчь о возможности войны, т. е. зародилась тогда, когда факты еще не вызывали этой идеи, а вызывали ее только смутныя предчувствія, догадки и ожиданія, которыя роились въ головѣ Цицерона. Такимъ образомъ, *эта идея въ головѣ Цицерона шла впередъ фактовъ*, т. е. *она развилась въ немъ независимо отъ дѣйствительности*, a priori, отвлеченно. Эту, a priori усвоенную и отвлеченно развитую, идею тиранніи Цицеронъ пріурочилъ къ конкретному явленію въ лицѣ Цезаря: Цезарь становится для него олицетворсніемъ, реализаціей этой отвлеченной идеи, становится, такъ сказать, *идеальнымъ тираномъ*; Цицеронъ надѣляетъ его въ своемъ воображеніи тѣми свойствами и качествами, которыя являются присущими тиранну въ идеѣ. Такимъ образомъ становится понятнымъ, какъ Цицеронъ, увлекшись этой идеей, начинаетъ приписывать Цезарю *такія свойства и такія намѣренія, которыхъ онъ въ дѣйствительности не имѣлъ, но которыя, по представленію Цицерона, долженъ былъ имѣть, какъ тиранъ*. Вслѣдствіе этого и произошло то, что мы встрѣчаемся въ письмахъ Цицерона съ такими эпитетами по адресу Цезаря, какъ вышеприведенные, и съ такими, напримѣръ, выраженіями о Цезарѣ: «онъ пылаетъ неистовствомъ и преступленіемъ» — *ardet furore et scelere* [1]). Становится понятнымъ и то упорство, съ ка-

[1]) 336. ad Att. X. 4.

кимъ Цицеронъ держится за это представленіе о Цезарѣ: оно не рушилось и тогда, когда прибытіе послѣдняго въ Римъ, безъ всякаго воинственнаго шума, доказало ошибочность его ожиданій на счетъ грабежа и кровавой расправы со стороны Цезаря. Цицеронъ продолжаетъ упорно развивать это представленіе и послѣ этого, послѣ того, какъ Цезарь побывалъ въ Римѣ и отправился затѣмъ въ Испанію. Въ началѣ Испанской войны Цицеронъ высказываетъ тѣ же опасенія, какія высказывалъ ранѣе—въ самомъ началѣ гражданской войны. Въ случаѣ побѣды Цезаря, онъ съ ужасомъ ожидаетъ наступленія террора: казней, конфискаціи частныхъ имуществъ, возвращенія ссыльныхъ, крутыхъ реформъ, возвышенія подонковъ общества и такого подавляющаго деспотизма, который былъ бы невыносимъ для азіата, не то что для римскаго гражданина [1]).

ОТНОШЕНІЯ ЦИЦЕРОНА КЪ ПОМПЕЮ.

Съ нѣкоторыми данными, касающимися этого предмета, мы уже познакомились отчасти въ предшествовавшемъ изложеніи, когда шла рѣчь вообще объ отношеніяхъ Цицерона и, въ частности, объ отношеніяхъ его къ Цезарю. Здѣсь мы постараемся свести воедино, по возможности вкратцѣ, наиболѣе характерныя данныя для отношеній Цицерона къ Помпею и отмѣтимъ общій ихъ характеръ. Характеръ ихъ, впрочемъ, явствуетъ самъ собой изъ сопоставленія этихъ данныхъ; мы увидимъ сейчасъ, до какой степени трудно формулировать отношенія Цицерона къ Помпею за данное время.

Какъ относится, какъ смотритъ Цицеронъ на Помпея? Что такое Помпей по взгляду Цицерона? И, вопервыхъ, что такое *Помпей самъ по себѣ?* — Великій мужъ, [2]) съ «великимъ именемъ», [3]) съ величайшимъ авторитетомъ, [4]) который, по крайней мѣрѣ, для Цицерона, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и имѣетъ для него рѣшающую силу; этотъ авторитетъ ставитъ Помпея въ глазахъ Цицерона выше всѣхъ прочихъ людей [5]). Таковъ одинъ отвѣтъ Цицерона, который мы находимъ въ его письмахъ дан-

---

[1]) 374. ad Att. X. 8. [2]) 346. ad Att. IX. 5. [3]) См. выше. [4]) ib. [5]) 325. ad Att. VIII. 2.

наго времени; но тамъ же находимъ и другой — совершенно противоположный отвѣтъ на тотъ же вопросъ. Что такое Помпей?—Жалкій, ничтожный и недалекій человѣкъ, неспособный ни на какіе возвышенные планы, человѣкъ, котораго гораздо болѣе занимаетъ расписанная тога, чѣмъ судьба республики [1]), и авторитетъ котораго въ глазахъ самого Цицерона равняется нулю [2]).

Далѣе, что такое *Помпей, какъ государственный человѣкъ?* Припомнимъ тѣ восторженныя выраженія Цицерона о государственной мудрости и опытности Помпея, которыя разсѣивали его опасенія за судьбу республики, «пока Помпей стоитъ или хотя бы даже сидитъ». Теперь Цицеронъ приходитъ въ отчаяніе отъ безтактности, отсутствія всякой энергіи и здраваго смысла у Помпея [3]).

Что такое *Помпей, какъ полководецъ?* Восторженное преклоненіе Цицерона предъ стратегическимъ геніемъ Помпея, выраженіе котораго мы видѣли въ одномъ изъ писемъ предъидущаго отдѣла, не исчезло вдругъ; слѣды его остались еще и въ письмахъ даннаго отдѣла. Припомнимъ приведенныя въ одной изъ предшествующихъ главъ слова Цицерона о томъ, что достаточно одного «великаго имени Помпея», для того чтобы поднять духъ и удвоить силы его друзей и привести въ уныніе, въ трепетъ, и въ конецъ сокрушить его враговъ. Но рядомъ съ этимъ мы находимъ въ письмахъ Цицерона сѣтованія на совершенную неспособность Помпея, какъ полководца [4]). Если, какъ государственный человѣкъ, Помпей является ἀπολιτικώτατος [5]), то, какъ полководецъ, онъ—ἀστρατηγικώτατος [6]). «Храбрый мужъ—прежде, теперь Помпей оказывается трусомъ [7]).

Что такое *Помпей, какъ гражданинъ?* «Высокочестный гражданинъ», [8]) «доблестный мужъ и патріотъ» [9]). Таковъ одинъ отвѣтъ. Врагъ патріотовъ [10]) и предатель своихъ согражданъ [11]) гласитъ другой отвѣтъ.

Что такое Помпей для отечества и для республики въ данную минуту?—Защитникъ отечества, гласитъ одинъ отвѣтъ. [12]) Предатель отечества, авантюристъ, которому собственныя властолюбивыя вожделѣнія дороже спасенія отечества—другой отвѣтъ. [13])

---

[1]) См. выше, 129 стр. [2]) 324,4. ad Att. VIII. 1. [3]) 346. ad Att. IX. 5. [4]) 307. ad Att. VII. 13. [5]) 340. ad Att. VIII. 16. [6]) ib.—307. Срв. 346. ad Att. IX. 5. [7]) 330. ad Att. VIII. 7.—331. ad Att. VIII. 8. 338. ad Att. VIII. 14. [8]) См. выше, 130 стр. [9]) 347,7. ad Att. XI. 6. [10]) 354. ad Att. IX. 12. [11]) См выше, стр. 199—200. [12]) ib. [13]) 366. ad Att. X. 4.

«Возстановитель республики», [1]) единственная надежда республики; [2]) *съ гибелью Помпея должна погибнуть и самая республика*, должно исчезнуть самое имя народа Римскаго [3]). Злой геній республики, измѣнникъ и врагъ, аспирантъ на тираннію, помышляющій о томъ, чтобы основать на развалинахъ республики «суллансkое царство» [4]). *Республика невозможна, пока живъ Помпей.* [5])

Наконецъ, *дѣло—causa*—, во имя котораго выступилъ Помпей на борьбу съ Цезаремъ и во имя котораго ратуетъ онъ теперь: каково это дѣло?—Нѣтъ выше, чище, честнѣе, идеальнѣе этого дѣла. [6]) Лучше умереть за это дѣло, чѣмъ царствовать съ его противниками. [7]) Таковъ одинъ отвѣтъ. По другому оказывается, что это дѣло, дѣло Помпея противъ Цезаря, далеко не имѣетъ за себя той правоты, какую имѣло въ свое время дѣло его, Цицерона, противъ Катилины, [8]) и если онъ, Цицеронъ, объявилъ себя за это дѣло, за дѣло Помпея, то вовсе не ради самаго дѣла, какъ то́ было, напр., въ дѣлѣ Милона, [9]) а единственно *только уступая необходимости, снизошелъ къ нему* (какого рода «необходимость» разумѣетъ здѣсь Цицеронъ? Вѣроятно—страхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ и нежеланіе *crimen ἀχαριστίας subire* по отношенію къ своему благодѣтелю—Помпею [10])).

Одно время Цицеронъ вполнѣ вѣритъ увѣреніямъ Помпея, что онъ «ратуетъ не за свое дѣло, а за дѣло республики», [11]) и высказываетъ увѣренность, что Помпей ни о чемъ другомъ не думаетъ, какъ только о «возстановленіи республики». [12]) Но рядомъ съ этими заявленіями встрѣчаемъ заявленія совершенно противоположнаго свойства, именно, что Помпей ни мало не думаетъ о дѣлѣ республики, [13])—что дѣло республики оставлено, [14]) а то дѣло, за которое борется Помпей, есть его личное дѣло, дѣло личнаго эгоизма, жадности и властолюбія. [15]) Наконецъ, по отношенію къ войнѣ, Помпей является, въ глазахъ Цицерона, то не-

---

[1]) 338. [2]) 352,4. ad Att. IX. 11. [3]) 370. ad Att. X. 7. [4]) 334,2. ad Att. VIII. 11.—338. ad Att. VIII. 14.—348, 3—4. ad Att. IX. 7. Срв. 351. ad Att. IX. 10. [5]) 348. [6]) 348.—322. ad Att. VII. 25.—332. ad Att. VIII,9.—318. ad Att. VII. 21. Срв. 346. ad Att. IX. 5. [7]) 326. ad Att. VIII. 3. Срв. 330. ad Att. VIII. 7. [8]) 323. ad Att. VII. 26. [9]) 348,4. [10]) ib. [11]) 341,4. ad Att. IX. 1. [12]) 338. ad Att. VIII. 14. Срв. 326. ad Att. VIII. 3. [13]) 370,1. ad Att. X. 7. [14]) 346. ad Att. IX. 5. [15]) 348. — 334. — 370.—351.

вольнымъ участникомъ войны, которую вызвалъ Цезарь своею «дерзостью», [1]) то ея виновникомъ, зачинщикомъ этой безбожной и гибельной для сограждан войны. [2])

Далѣе, *личныя отношенія* Цицерона къ Помпею представляютъ не менѣе разительныя противорѣчія. Помпей является у него то другомъ, [3]) съ которымъ онъ желалъ бы и жить и умереть вмѣстѣ—συναποθανεῖν, [4]) даже радъ бы животъ свой положить за него; [5]) то—недругомъ, отъ котораго можно всего ожидать, [6]) врагомъ—даже болѣе, чѣмъ Цезарь. [7]) То онъ является благодѣтелемъ—εὐεργέτας, которому онъ, Цицеронъ, обязанъ вѣчной благодарностью, [8]) то—обидчикомъ, [9]) отъ котораго онъ самъ въ правѣ требовать удовлетворенія за прежнія дѣянія и провинности своего друга: [10]) такимъ образомъ, оказывается, что не онъ у Помпея, а Помпей у него въ долгу. [11]) Онъ—то стремится и рвется къ Помпею, какъ влюбленный къ предмету своей любви, [12]) то вдругъ отворачивается отъ него съ какою-то брезгливостью. [13])

Чѣмъ, спрашивается, объяснить эти столь разительныя противорѣчія, эту безысходную путаницу въ отношеніяхъ Цицерона къ Помпею въ данное время? Какъ произошла она?—Намъ кажется, что она развилась изъ взаимодѣйствія двухъ главныхъ моментовъ: прогрессивнаго развитія отрицательнаго отношенія Цицерона къ Помпею, съ одной стороны,—и устойчивости элементовъ прежняго положительнаго отношенія—съ другой.

Прослѣдимъ оба эти момента на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя мы находимъ къ перепискѣ даннаго отдѣла.

Отрицательное отношеніе Цицерона къ Помпею начинается съ того момента, когда послѣдній своимъ «сумасброднымъ» и «позорнымъ бѣгствомъ» изъ Рима (17 янв. 705 г.) нанесъ первый рѣшительный ударъ своему авторитету, какъ полководца, и своей репутаціи, какъ защитника республики и патріота въ глазахъ Ци-

---

[1]) 307. ad Att. VII. Срв. выше. 13. [2]) 366. ad Att. X. 4. — 347. ad Att. IX. 6.—354. ad Att. IX. 12. [3]) 345. ad Att. IX. 4.—346. ad Att. IX. 5.—305. ad Att. VII. 12.—317. ad Att. VII. 20.—322. ad Att. VIII. 9.—348. [4]) 317,2. ad Att. VII. 20. [5]) 325. ad Att. VIII. 2.—320. ad Att. VII. 23. [6]) 323. ad Att. VII. 26. [7]) 346. 2. ad Att. IX. 5. [8]) 324. ad Att. VIII. I.—326.—332.—346.—348.—334.—354.—352.—370.—350. ad Att. IX. 9.—360. ad Att. IX. 19. [9]) 450. [10]) 350. Срв. 326, 3. [11]) 354. [12]) 351, 2. ad Att. IX. 10. Срв. 340. [13]) 351, 2.

церона. Это—исходный пунктъ, откуда начинается развитіе отрицательнаго отношенія Цицерона къ Помпею. Съ этой минуты Цицеронъ начинаетъ относиться систематически неодобрительно ко всему, что исходило отъ Помпея; «съ этого дня, говоритъ Цицеронъ, онъ (Помпей) никогда уже болѣе мнѣ не нравился». [1]) Это было первымъ грѣхопаденіемъ Помпея, послѣ котораго онъ уже «не переставалъ грѣшить.» [2]) Каждый дальнѣйшій шагъ его ложится новымъ пятномъ на его репутацію въ глазахъ Цицерона. Во всемъ, что ни дѣлалъ Помпей послѣ этого, Цицеронъ не видитъ ни капли благоразумія, [3]) ни капли мужества, [4]) ни капли энергіи, [5]) ни капли достоинства; [6]) напротивъ, вездѣ—безтактность, [7]) вялость [8]) и самую жалкую неспособность, [9]) наконецъ, трусость, [10]) низость [11]) и позоръ [12]).

«Оставивъ Римъ, т. е. отечество», [13]) «въ добычу врагу», [14]) Помпей вознамѣрился бѣжать изъ Италіи. Въ этомъ «безалаберномъ рѣшеніи», *inusitatum consilium,* [15]) Цицеронъ видитъ не только доказательство трусости Помпея и неспособности его, какъ полководца, но и доказательство крайняго нравственнаго паденія его. Цицеронъ съ горечью жалуется Аттику [16]) на то, что онъ, Цицеронъ, считалъ Помпея «мужемъ, какъ быть должно»—*vir, qui esse debuit,*—мужемъ, который высшимъ принципомъ своей дѣятельности ставитъ «нравственно-прекрасное»—τὸ καλόν, а онъ, Помпей πολλὰ χαίρειν τῷ καλῷ *dicens pergit Brundisium* [17]). Фактъ плѣненія Домиція служитъ, въ глазахъ Цицерона, новымъ доказательствомъ этого нравственнаго паденія Помпея. Этотъ фактъ прибавилъ Помпею къ его наличному, и безъ того изрядному, количеству нелестныхъ эпитетовъ еще новое титло: «предатель друзей»—*desertor amicorum.* [18]) Еще ранѣе того, какъ это «предательство» сдѣлалось совершившимся фактомъ, Цицеронъ писалъ къ Аттику (23 февр.): [19]) «Для окончательнаго позора нашему другу (т. е. Помпею) недостаетъ только одного, чтобы онъ оставилъ

---

[1]) ib. [2]) ib. [3]) 326,3. Срв. 305.—345,2. ad Att. IX. 4. [4]) 326,3. [5]) 346,2. [6]) 351,2. [7]) 361,4. ad Att. X. I. Срв. 447,4. ad Att. IX. 6.—346,2. [8]) 346,2. [9]) 331. ad Att. VIII. 8. [10]) 338,1. ad Att. VIII. 14.—331,1.—330,1. ad Att. VIII. 7.—332,3. ad Att. VIII,9. [11]) 341,4. ad Att. IX. 1. [12]) 330,1.—325. ad Att. VIII. 2.—331,1.—347,4. [13]) 325. [14]) См. выше стр. 224. [15]) 331. ad Att. VIII. 8. [16]) ib. [17]) ib. [18]) 332,3. ad Att. VIII. 9. [19]) 330,1. ad Att. VIII. 7.

на произволъ судьбы Домиція». Цицеронъ не признавалъ въ этомъ случаѣ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ для Помпея. Невозможность помочь, по его мнѣнію, пустой предлогъ, истинною причиною могло быть только одно изъ двухъ: или трусость—тогда это низко, или мнѣніе Помпея, что ради его дѣла можно пожертвовать лишней парой своихъ друзей—тогда это несправедливо. [1]) Наконецъ, «возмутительное бѣгство» [2]) Помпея изъ Италіи, сопровождавшееся угрозами, [3]) было послѣднимъ звеномъ въ этомъ непрерывномъ рядѣ «позорныхъ пораженій и бѣгствъ», [4]) достойнымъ заключеніемъ всѣхъ этихъ «гнусностей», послѣднею «подлостью» Помпея въ Италіи [5]). Мы охотно вѣримъ Цицерону, что ему *больно* было произносить такое безпощадное осужденіе человѣку, на котораго онъ привыкъ смотрѣть, какъ на единственнаго защитника и послѣднюю надежду республики, съ которымъ онъ и въ данную минуту считалъ себя связаннымъ узами дружбы и долгомъ благодарности, мы думаемъ также, что ему больно было видѣть, какъ онъ сходился въ этомъ случаѣ съ врагами Помпея. «Нѣтъ, ты скажи, приставали болѣе безцеремонные изъ нихъ къ Цицерону, видѣлъ ли ты когда человѣка болѣе безтолковаго и безпутнаго, чѣмъ твой Помпей?» (Письмо Целія въ концѣ февр.) [6]) Что могъ возразить Цицеронъ на подобный насмѣшливый вопросъ?..

Но Цицеронъ не останавливается на критикѣ настоящаго. «Гнусности» настоящаго вызываютъ въ немъ по ассоціаціи память о «прежнихъ подлыхъ дѣлахъ» Помпея, [7]) начиная съ его «десятилѣтняго грѣха» [8]) (т. е., очевидно, съ 694 г. по 703 г., со времени перваго тріумвирата до начала раскола между Цезаремъ и Помпеемъ), продолжая его ролью въ дѣлѣ Клодія, [9]) затѣмъ—пособничествомъ Цезарю въ его честолюбивыхъ планахъ [10]) и кончая тѣмъ, что поссорившись потомъ съ Цезаремъ, онъ, благодаря своему упрямству и безтактности, не сумѣлъ уладить дѣло полюбовнымъ соглашеніемъ, ни мало не приготовившись въ то же время и къ войнѣ. [11]) Благодаря всему этому, *по винѣ Помпея*, [12])

---

[1]) 332,3. [2]) 351,2. ad Att. IX. 10. [3]) 352. ad Att. IX. 11.—351. [4]) 324,3. ad Att. VIII. 8. [5]) 351,3. [6]) 335,1. ad Div. VIII. 15. [7]) 350,1.—ad. Att. IX. 9. [8]) 346,2. ad Att. IX. 5. [9]) 326. ad Att. VIII. 3. [10]) ib.—331,1. [11]) ib. [12]) 346.

дѣло, взятое имъ на себя, «дѣло республики», [1]) оказалось, съ самаго начала, «въ самомъ безтолковомъ положеніи», [2]) и потомъ продолжаетъ теперь вестись «самымъ подлымъ, самымъ гнуснымъ образомъ». [3])

Вмѣстѣ съ тѣмъ наступаетъ полнѣйшее разочарованіе Цицерона въ Помпеѣ и въ его «дѣлѣ». Помпей не оправдалъ той вѣры, которую питалъ къ нему Цицеронъ. Цицеронъ думалъ видѣть въ немъ осуществленіе своихъ идеаловъ: идеала «мужа», въ представленіи котораго постоянно носится образъ «нравственно-прекраснаго» [4]) и идеала государственнаго человѣка, правителя—*moderatoris reipublicae*—[5]), высшимъ принципомъ дѣятельности котораго служитъ благоденствіе гражданъ, и который самъ является вершителемъ самаго великаго и самаго почетнаго дѣла между людьми, [6])—думалъ видѣть въ немъ осуществленіе своихъ идеаловъ, и нашелъ въ немъ просто политическаго авантюриста, котораго воодушевляетъ не патріотическая ревность о спасеніи республики, а самые низкіе эгоистическіе инстинкты: властолюбія и жадности. [7]) Такимъ образомъ, падаетъ та противоположность между Помпеемъ и Цезаремъ, которая до сихъ поръ раздѣляла ихъ въ представленіи Цицерона, какъ представителей двухъ полярно-противоположныхъ принциповъ. Если Цезарь—нравственно испорченный человѣкъ, «который не видалъ и тѣни нравственно-прекраснаго», [8]) то, вѣдь, и Помпей насмѣялся надъ τὸ καλόν. [9]) Помпей и Цезарь—враги, но цѣли ихъ одинаковы; Помпей—такой же авантюристъ, какъ и Цезарь. Не благо и честь республики ихъ цѣль: у того и у другаго на первомъ планѣ личныя, эгоистическія стремленія, стремленіе къ власти и господству· [10]) Помпей—такой же врагъ республики, онъ точно также мѣтитъ въ тираннъ, въ «цари». [11]) «Дѣло республики»—только предлогъ; съ той минуты, какъ Помпей оставилъ почву Италіи, «дѣло республики, оставлено» [12]), и никто болѣе не думаетъ о республикѣ. [13]) Нѣтъ не защититъ родину, [14]) а въ конецъ погубить ее [15]) намѣренъ

---

[1]) 341,4. ad Att. IX. I. [2]) 347,4. ad Att. IX. 6. [3]) 348,4. ad. Att. IX. 7.—341,4. [4]) 331. [5]) 334,1. ad Att. VIII 11. [6]) ib. [7]) 348.—334. ad Att. VIII. 11.—370. ad Att. X. 7.—351. ad Att. IX. 10.—380. ad Att. X. 14. [8]) 304. ad Att. VII. 11. [9]) 331. ad Att. VIII. 8. [10]) 366,4.—334. [11]) 370,1.—334,3. [12]) 346. ad Att. IX. 5. [13]) 370,1. [14]) 366,4.—334. [15]) 340, 2. ad Att. VIII. 16.

Помпей; не возстановить республику, [1]) а создать сулланскую тираннію, «сулланское царство»—*Sullanum regnum*—[2]).

Развивая дальше свою идею, Цицеронъ такъ далеко заходитъ въ своемъ антагонизмѣ противъ Помпея, что относится къ нему даже безпощаднѣе, чѣмъ къ Цезарю; онъ снимаетъ съ послѣдняго тяжкую отвѣтственность за начало войны, для того чтобы сложить ее на «своего Кнея», котораго онъ начинаетъ считать чуть ли не единственнымъ виновникомъ настоящей «безбожной войны». [3]) Итакъ, *Помпей* началъ войну. Онъ началъ войну, какъ врагъ отечества, [4]) ибо послѣдствія ея должны быть одинаково гибельны для отечества—выйдетъ ли Помпей побѣдителемъ, или потерпитъ пораженіе. Самъ Цицеронъ, который находилъ, что, съ пораженіемъ Помпея, должно будетъ исчезнуть самое имя народа римскаго [5]), страшится теперь побѣды Помпея; [6]) ибо, если онъ побѣдитъ, то воспользуется побѣдой по примѣру Суллы; [7]) проскрипціи, казни, грабежъ—вотъ что рисуется въ воображеніи Цицерона при мысли о побѣдѣ Помпея. [8]) Но если и не удастся побѣдить Помпею, то онъ всетаки добьется своего, онъ приведетъ въ исполненіе свои угрозы, онъ *отомститъ* всей Италіи, за то, что она «оставила его», какъ будто не онъ самъ ее оставилъ. [9]) Онъ уморитъ голодной смертью своихъ согражданъ, всю Италію, и самую страну превратитъ въ пустыню... [10])

Съ такой систематической, съ такой неудержимой послѣдовательностью развиваетъ Цицеронъ, «скрѣпя сердце», [11]) свое отрицательное отношеніе къ Помпею. Но уже одно то обстоятельство, что онъ дѣлалъ это «*скрѣпя сердце*», показываетъ, что это отрицательное отношеніе далеко не было безусловнымъ, что въ душѣ Цицерона не заглохли еще прежнія струны, не порвались окончательно тѣ нити, которыя связывали его до сихъ поръ съ Помпеемъ. Прежнія отношенія прорываются противъ воли Цицерона, вопреки всякой очевидности, наперекоръ собственнымъ его идеямъ. Мы видѣли, что три главныхъ нити связывали Цицерона съ Помпеемъ: это 1) принципіальная политическая солидарность,

---

[1]) 338. ad Att. VIII. 14. [2]) 334,2. [3]) 366.—347. ad Att. IX. 6.—354. ad Att. IX. 12. [4]) 340,2.—351,3. ad Att. IX. 10.—348,4. ad Att. X. 7. [5]) 370. [6]) 352,4. ad Att. IX. 11. [7]) 370,1. [8]) 351,6.—380,1. ad Att. X. 10. [9]) 350, 2. [10]) 348.—351.—334.—350,3. Срв. выше стр. 197. [11]) 319,1 ad Att. VII. 22.

2) личная дружба и 3) чувство долга, долга благодарности. Можно сказать, что всѣ эти нити болѣе или менѣе *надорвались*, но ни одна изъ нихъ *не порвалась*. Чувство благодарности къ Помпею, какъ къ своему «благодѣтелю», осталось теперь самою крѣпкою нитью въ отношеніяхъ Цицерона къ Помпею. Самъ Цицеронъ неоднократно признается Аттику, что если онъ, Цицеронъ, остается до сихъ поръ на сторонѣ Помпея, то не ради самого дѣла, за которое ратуетъ Помпей, а ради только тѣхъ благодѣяній, которыми онъ обязанъ послѣднему. (Письмо къ Помпею, отъ 27 февраля) [1]) Если же въ иныя минуты Цицеронъ и жалуется на «обиды» со стороны Помпея, то, вопервыхъ, это очень рѣдко, а вовторыхъ, какъ самъ Цицеронъ говоритъ, чувство обиды у него всегда заглушается чувствомъ благодарности. [2]) Затѣмъ, что касается чувства дружбы, то оно точно также не угасло въ Цицеронѣ; оно уже не горѣло, какъ прежде, яркимъ пламенемъ, а чуть-чуть теплилось, какъ уголекъ, который тлѣетъ подъ слоемъ пепла, и только минутами вспыхиваетъ яркимъ огонькомъ. Вотъ какъ самъ Цицеронъ говоритъ о такихъ минутахъ. «Подобно тому, говоритъ онъ, [3]) какъ безобразіе и нечистоплотность женщины отталкиваетъ отъ нея мужчину, такъ безобразіе и пошлость поведенія Помпея отталкиваетъ меня отъ него... Но прошла минута—и прежнее чувство съ новою силой поднимается въ душѣ, я не могу болѣе выносить разлуки; ни книги, ни письмо, ни наука—ничто не занимаетъ меня, ничто не даетъ покоя душѣ моей; какъ платоновская птица, день и ночь, не сводя глазъ, смотрю на море и жажду улетѣть, улетѣть...» (Письмо *19 марта*: въ это время Помпей былъ уже за моремъ). Наконецъ, какъ это ни странно, въ отношеніяхъ Цицерона къ Помпею сохранились отголоски прежней принципіальной солидарности, основанной на томъ убѣжденіи, что дѣло Помпея есть дѣло республики. Мы видѣли, что Цицеронъ пришелъ подъ конецъ къ убѣжденію діаметрально противоположному, къ убѣжденію, что дѣло Помпея не имѣетъ ничего общаго съ дѣломъ республики. Но Цицерону, очевидно, трудно было удержать стро-

---

[1]) 348,3. ad Att. IX. 7.—360,2. ad Att. IX. 19. Срв. 334. [2]) 350,1. Срв. 324. ad Att. VIII. 1.—326. ad Att. VIII. 3.—332. ad Att. VIII. 9.—346. ad Att. IX. 5.—348.—354. ad Att. IX. 12 и др. [3]) 351,2. ad Att. IX. 10.

гую послѣдовательность въ этомъ, «скрѣпя сердце» формулированномъ, убѣжденіи; по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что Цицеронъ часто возвращается къ прежнему своему—въ сущности уже потерявшему свой raison d'être—убѣжденію, убѣжденію въ томъ, что дѣло Помпея есть именно дѣло республики. [1]) Пусть, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, тономъ глубокаго убѣжденія,—пусть дѣло ведется самымъ гнуснымъ образомъ (*foedissime*), оно всетаки высокопатріотическое дѣло (*optima causa*). [2]) Но очевидно, что это было не болѣе, какъ результатъ минутнаго настроенія, *уступка себѣ самому*, своему желанію, желанію *вѣрить* въ то, что̀ бы хотѣлось *видѣть*; во всякомъ случаѣ—это не то, что̀ можно было бы назвать глубокимъ убѣжденіемъ, ибо и послѣ этого (какъ и до этого) Цицеронъ продолжаетъ развивать свои отрицательные взгляды на этотъ предметъ. [3])

---

[1]) 332. ad Att. VIII. 9.—348.—322. ad Att. VII. 15.—313. ad Att. VII. 21. [2]) 348,4. [3]) 370. ad Att. X. 7. и т. д.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Переписка 706 года (февраль—іюль).

Съ момента бѣгства Цицерона изъ Италіи въ іюнѣ 705 г. до перерыва переписки въ іюлѣ 706 г. (Вторая половина Испанской войны; возвращеніе Цезаря въ Римъ и экспедиція на Балканскій полуостровъ. Военныя дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ до Фарсальской битвы. Возмущеніе Целія въ Римѣ).

Съ того момента, какъ мы разстались въ послѣдній разъ съ Цицерономъ 11 іюня 705 г., въ Гаэтской гавани, гдѣ мы оставили его на суднѣ, готовомъ къ отплытію въ море, онъ исчезаетъ изъ нашихъ глазъ, и какъ политическій дѣятель, и какъ корреспондентъ, и не показывается втеченіе около восьми мѣсяцевъ—съ 11 іюня 705 г. до начала февраля 706 г.—, когда мы снова встрѣчаемся съ нимъ, но уже внѣ Италіи, а именно въ Эпирѣ, въ лагерѣ Помпея; здѣсь онъ находится на нашихъ глазахъ въ теченіе около шести мѣсяцевъ (февраль—іюль), и затѣмъ снова исчезаетъ, вмѣстѣ съ перепиской, до ноября того же года. Такимъ образомъ, переписка настоящаго отдѣла находится между двухъ большихъ пробѣловъ—предшествующимъ восьми-мѣсячнымъ и послѣдующимъ $3^1/_2$-мѣсячнымъ. Такъ что, за 18-мѣсячный промежутокъ времени (іюнь 705 г.—ноябрь 706 г.) мы имѣемъ переписку только за шесть мѣсяцевъ, и притомъ переписку крайне скудную, дотого скудную, что она не только не въ состояніи сколько нибудь восполнить предшествующій громадный пробѣлъ, но даже и для того шестимѣсячнаго періода, къ которому она относится, оказывается бо-

лѣе, чѣмъ недостаточной. За весь этотъ шестимѣсячный промежутокъ мы имѣемъ всего девять писемъ, а именно:

1) Писемъ Цицерона—7:

къ Аттику . . . . 4 письма
къ Теренціи . . . 3 »

2) Писемъ къ Цицерону—2: отъ Целія и Долабеллы.

Причемъ, изъ числа этихъ девяти писемъ нужно еще исключить три письма очень коротенькихъ—къ Теренціи, какъ не имѣющія никакого историческаго значенія. Итакъ, собственно писемъ, имѣющихъ сколько-нибудь историческое значеніе, мы находимъ въ этомъ отдѣлѣ всего шесть: четыре письма Цицерона къ Аттику и два письма Целія и Долабеллы къ Цицерону. Но историческое значеніе и этихъ шести писемъ докрайности ничтожно, особенно если принять во вниманіе важность историческаго момента (наканунѣ Фарсала), къ которому они относятся. Вопервыхъ, что касается этихъ четырехъ писемъ Цицерона, писанныхъ имъ изъ лагеря Помпея въ Эпирѣ, то они не заключаютъ въ себѣ ни одного сколько-нибудь крупнаго фактическаго извѣстія, ни одного прямаго указанія, имѣющаго историческое значеніе. Все, что въ нихъ можно найти историческаго, сводится къ ограниченнымъ по числу, отрывочнымъ по своему характеру и второстепеннымъ по значенію указаніямъ, большею частію брошеннымъ вскользь; ибо всѣ эти письма имѣютъ исключительно характеръ частной, семейно-дѣловой переписки: не только главной, но и единственною темой ихъ служатъ частныя дѣла и матеріальныя затрудненія, въ которыхъ тогда находился Цицеронъ, и указанія, имѣющія историческое значеніе, встрѣчаются въ нихъ, какъ совершенно случайный ингредіентъ. По какой-то странной ироніи, Цицеронъ, постоянно писавшій и говорившій о войнѣ, когда жилъ въ своихъ мирныхъ кампанскихъ помѣстьяхъ, теперь, когда попалъ, можно сказать, въ самый очагъ войны, въ одинъ изъ двухъ стоявшихъ въ боевомъ порядкѣ другъ противъ друга лагерей, — онъ ни разу не упоминаетъ даже этого слова «война» и вообще занимается въ своихъ письмахъ такими предметами, которые не имѣютъ ничего общаго ни съ военнымъ лагеремъ, въ которомъ онъ находится, ни съ тѣмъ захватывающимъ интересомъ историческаго момента, который долженъ былъ бы, повидимому, поглощать все вниманіе Ци-

церона. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что Цицеронъ ни разу не упоминаетъ о Цезарѣ, даже имя его совершенно отсутствуетъ въ его письмахъ, какъ будто бы Цезаря вовсе не было, или какъ будто бы онъ уже сошелъ съ исторической сцены. И это почти накапунѣ того дня, когда Цезарь сдѣлался единодержавнымъ повелителемъ римскаго міра!...

Не болѣе богаты историческимъ содержаніемъ и два письма Целія и Долабеллы. Письма эти не имѣютъ даже характера собственно корреспонденціи, а представляютъ собой публицистическо-реторическія произведенія. Бывшій цезаріанецъ Целій занимается обличеніемъ Цезаря и его «подлаго дѣла» [1]) а бывшій помпеянецъ Долабелла старается завербовать лишняго приспѣшника Цезарю въ лицѣ Цицерона, почему всѣми силами разумѣнія изощряетъ свое тяжеловатое краснорѣчіе, съ цѣлью «уговорить» Цицерона оставить Помпея «и соединиться съ Цезаремъ и съ нами» [2]). А потому и въ этихъ письмахъ, если также встрѣчаются кой-какія историческія указанія, то точно также въ качествѣ совершенно случайнаго элемента.

Всѣ эти отрывочныя указанія сводятся, однако, къ одному общему факту, къ тому факту, что «побѣда склонилась» въ сторону Цезаря [3]). Фактъ этотъ опредѣлился вполнѣ *въ маѣ 706 г.*, т. е. за три мѣсяца до Фарсальской битвы; по крайней мѣрѣ, Долабелла, въ письмѣ своемъ къ Цицерону, писанномъ въ маѣ, [4]) говоритъ объ этомъ уже въ совершенно категорическомъ тонѣ; а такъ какъ Цицеронъ въ своихъ дальнѣйшихъ письмахъ нигдѣ не высказывается противъ этого категорическаго утвержденія Долабеллы, то, слѣдовательно, онъ ничего не имѣлъ возразить противъ этого. Значитъ, это былъ дѣйствительно фактъ, а не продуктъ фантазіи Долабеллы. Наконецъ, самъ Долабелла не ограничивается этимъ утвержденіемъ въ общей формѣ; онъ развиваетъ свою мысль, ссылаясь на факты недавняго прошлаго и подводя имъ итоги. Благодаря этой, такъ сказать, исторической справкѣ, мы узнаемъ о главныхъ событіяхъ послѣдняго времени, именно, того восьмимѣсячнаго промежутка, за который мы вовсе не имѣемъ переписки. Въ предыдущемъ отдѣлѣ мы оставили испанскій вопросъ еще далеко

---

[1]) 388. ad Div. VIII. 17. [2]) 389. ad Div. IX. 9. [3]) ib. 1. [4]) ib.

отъ его рѣшенія; теперь мы узнаемъ, что Помпей «потерялъ Испанію», [1]) т. е. значитъ, Цезарь одержалъ тамъ полную побѣду. Далѣе, мы узнаемъ, что Цезарь «забралъ въ плѣнъ войско Помпея, состоящее изъ ветерановъ» [2]). Очевидно, что это—только комментарій къ первому извѣстію, такъ какъ намъ извѣстно, что ветераны у Помпея были только въ Испаніи. Наконецъ, послѣ всего этого Цезарь «обложилъ Помпея» [3]) (т. е., очевидно, въ Диррахіѣ).

Общее положеніе Помпея Долабелла рисуетъ самыми мрачными красками. «Ты видишь, пишетъ онъ Цицерону, [4]) что ничто не спасло Помпея: ни слава его имени и великихъ дѣлъ съ нимъ связанныхъ, ни тѣ кліентелы царей и народовъ, которыми онъ такъ любилъ хвастаться. Въ концѣ концовъ, для него теперь невозможно даже то, что удалось многимъ ничтожнымъ людямъ: онъ не можетъ даже убѣжать, не подвергая себя позору... Едва ли случалось что либо подобное хотя съ однимъ изъ прежнихъ нашихъ полководцевъ».

Любопытно, что Долабелла предусматривалъ уже въ это время возможность того факта, который дѣйствительно случился два мѣсяца спустя, именно, возможность того, что Помпей, «въ случаѣ опасности, прибѣгнетъ къ помощи флота». Но Долабелла, подводя итоги плачевнаго положенія Помпея въ данную минуту, очевидно, не зналъ еще объ одномъ важномъ въ этомъ отношеніи обстоятельствѣ, о которомъ мы узнаемъ уже отъ самого Цицерона. А именно. Въ письмѣ къ Аттику отъ *13 іюня* [5]) Цицеронъ говоритъ, между прочимъ, о крайне затруднительномъ денежномъ положеніи Помпея. Дѣло дошло до того, что онъ вынужденъ былъ занимать деньги у Цицерона, который и самъ-то «терпѣлъ нужду во всемъ», [6]) но отдавалъ Помпею послѣдніе гроши, вырученные отчасти отъ продажи своихъ имѣній въ Италіи, [7]) въ надеждѣ что послѣ, «по возстановленіи политическаго порядка, это послужитъ ему, Цицерону, къ великой чести» [8]). Страннымъ диссонансомъ звучатъ послѣ этого слова, которыя мы читаемъ въ слѣдующемъ письмѣ, [9]) что Помпей ведетъ «дѣло и находится въ вели-

---

[1]) ib. 2. [2]) ib. [3]) ib. [4]) ib. [5]) 391. ad Att. XI. 3. [6]) ib. [7]) 392,1. ad Att. XI. 4. [8]) 391,3. ad Att. XI. 3. [9]) 392,2.

кой надеждѣ». Странно это не только въ виду ближайшаго прошедшаго, съ которымъ насъ знакомитъ предшествующее письмо, но и въ виду близкаго будущаго: это письмо было писано Цицерономъ около 15 іюля, т. е. всего за нѣсколько дней до Фарсальской битвы. Но такъ какъ два названныя письма раздѣляетъ промежутокъ въ цѣлый мѣсяцъ (первое датировано 13 іюня, второе около 15 іюля), то можно предположить, что въ это время дѣйствительно произошла перемѣна въ положеніи Помпея къ лучшему. Вѣроятно, въ это время имѣло мѣсто то удачное дѣло Помпея противъ Цезаря незадолго до Фарсальской битвы, о которомъ разсказываютъ всѣ историки Цезаря, начиная съ самого Цезаря [1]), и которое, по собственному признанію Цезаря, могло бы имѣть для него роковое значеніе, еслибы Помпей не былъ болѣе осторожнымъ, чѣмъ искуснымъ полководцемъ.

«Другъ Брутъ» въ это время былъ правой рукой Помпея, судя по тому, что̀ говоритъ о немъ Цицеронъ [2]).

Наконецъ, письмо Целія, [3]) если оно не даетъ намъ никакихъ фактическихъ указаній, то оно само по себѣ служитъ указаніемъ на одинъ второстепенный, но тѣмъ не менѣе любопытный и близко относящійся къ исторіи Цезаря фактъ. Этотъ человѣкъ, связавшій было первоначально свою судьбу съ Цезаремъ и его «дѣломъ» (между прочимъ, онъ сопровождалъ Цезаря въ первую Испанскую войну) [4]), и бывшій первоначально однимъ изъ наиболѣе горячихъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе крикливыхъ, судя по его прежнимъ письмамъ, [5]) приверженцевъ Цезаря,—теперь вдругъ возжелалъ разыграть изъ себя «втораго Катона», изъ самыхъ безкорыстныхъ побужденія—*nulla praemii spe*—, ибо онъ, Целій, понялъ теперь свое ослѣпленіе, убѣдился въ «подлости» того «дѣла», которому первоначально послѣдовалъ, поддавшись постороннему вліянію, и до такой степени возненавидѣлъ прежнихъ своихъ политическихъ друзей, что готовъ лучше умереть, чѣмъ жить вмѣстѣ съ ними. Тутъ же Целій самъ дѣлаетъ и оцѣнку того значенія, какое имѣетъ переходъ его, Целія, на сторону Помпея,—оцѣнку, которая можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ той характе-

---

[1]) См. ниже, данн. согл. § 56. [2]) 392,2. [3]) 388. [4]) 367,4. ad Div. VIII. [5]) 335. ad Div. VIII. 15.—367.

ристикѣ этой интересной личности, какую мы имѣемъ уже изъ предшествующихъ его писемъ. «Я успѣлъ уже, говоритъ онъ, достигнуть блестящихъ результатовъ: plebs точно также, какъ и populus, которые до сихъ поръ были на нашей сторонѣ (т. е. Цезаря), теперь всецѣло—ваши. Какъ такъ?.. скажешь ты... Подождите, еще не то будетъ!.. Я васъ, противъ вашей воли, заставлю одержать побѣду...» Дальнѣйшая исторія Целія, разсказанная намъ самимъ Цезаремъ, [1]) служитъ жестокимъ отвѣтомъ на эти хвастливыя рѣчи легкомысленнаго эдила. Но что означаетъ самый этотъ фактъ дезертирства Целія отъ «нашихъ» къ «вашимъ», и что собственно имѣетъ въ виду Целій, когда заявляетъ, что онъ противъ воли заставитъ помпеянцевъ побѣдить Цезаря? Въ самой перепискѣ мы не находимъ на это никакого отвѣта; но то, что̀ намъ извѣстно со словъ Цезаря [2]) о мятежѣ, произведенномъ Целіемъ сначала въ Римѣ, а потомъ въ Италіи, дастъ намъ возможность проникнуть въ истинный смыслъ приведеннаго письма Целія. По всей вѣроятности, это письмо, относящееся къ марту 706 года, было написано Целіемъ незадолго до поднятаго имъ сумасброднаго возстанія, окончившагося смертью его виновника.—Со смертью Целія, переписка Цицерона теряетъ одного изъ наиболѣе интересныхъ корреспондентовъ. Замѣчательно, что самое имя Целія съ этой минуты совершено исчезаетъ изъ переписки; мы не встрѣчаемъ о немъ нигдѣ ни полслова, даже въ письмахъ самого Цицерона, отъ котораго бы, повидимому, Целій въ правѣ былъ ожидать, ужъ если не слова сожалѣнія, то хотя бы просто слова осужденія, лишь бы не окончательнаго забвенія.... Но, вѣроятно, Цицерону было потомъ не до него.

Что касается самого Цицерона, то его настроеніе и отношенія къ событіямъ минуты остаются всущности тѣже что и прежде. То же недовольство настоящимъ, то же осужденіе прошедшему, тѣ же пессимистическія ожиданія въ будущемъ. Только мы замѣчаемъ въ немъ теперь какую-то подавленность, угнетенность, какое-то отупѣніе. Прежній Цицеронъ, Цицеронъ, съ которымъ мы знакомы изъ предшествующей переписки, Цицеронъ — волнующійся, негодующій, полный энергіи, если не энергіи дѣла, то,

---

[1]) См. ниже, данн. согл. § 54. [2]) ib.

по крайней мѣрѣ, энергіи слова,—гордый въ самомъ униженіи, и въ самомъ отчаяніи не теряющій смѣлыхъ надеждъ, — теперь уступаетъ мѣсто какъ будто другому Цицерону, Цицерону, совершенно упавшему духомъ, потерявшему всякую энергію даже въ рѣчахъ, утратившему прежнюю способность живаго, сангвиническаго отношенія къ злобѣ дня, которое уступаетъ теперь мѣсто какому-то тупому равнодушію и малодушію. Цицеронъ, удрученный заботами и ошеломленный неудачами, разбитый нравственно и больной физически, [1]) возбуждаетъ, конечно, сочувствіе къ себѣ, но сочувствіе, граничащее скорѣе съ сожалѣніемъ, чѣмъ съ почтеніемъ. Теперь Цицеронъ уже не негодуетъ и не обличаетъ, а только скорбитъ и плачетъ, плачетъ и скорбитъ, [2]) плачетъ безутѣшно, — плачетъ не въ какомъ-нибудь переносномъ смыслѣ, а въ буквальномъ, такъ сказать, въ матеріальномъ смыслѣ: обливается слезами иногда до того, что бросаетъ письмо изъ-за того, что «слезы мѣшаютъ» писать. Вообще, письма Цицерона этого времени проникнуты какимъ-то болѣзненнымъ духомъ и всѣ омочены слезами...

На этотъ разъ, однако, источникомъ этихъ слезъ служила не столько гражданская скорбь, вызываемая созерцаніемъ «этихъ несчастныхъ и уже конечно послѣднихъ временъ», [3]) и не столько страхъ предъ опасностью, общею и равною для всѣхъ, [4]) сколько личныя неудачи и несчастія Цицерона въ его частной жизни. Цицеронъ представляется не столько скорбящимъ патріотомъ и стоикомъ-гражданиномъ, сколько несчастнымъ, обиженнымъ судьбою неудачникомъ, который выбился изъ силъ въ прозаической борьбѣ за существованіе [5]). Онъ угнетенъ «многочисленными и жалкими заботами» о «домашнихъ своихъ дѣлахъ», въ которыхъ онъ встрѣтился, какъ писалъ о томъ послѣ къ Аттику [6]), съ не меньшими непріятностями, чѣмъ и въ дѣлахъ политическихъ Объ этихъ-то «домашнихъ дѣлахъ» все это время преимущественно и «сокрушается» Цицеронъ [7]). Главнымъ образомъ, кажется, это были матеріальныя затрудненія [8]), обусловливавшіяся въ зна-

---

[1]) 392,2. [2]) 387. [3]) 386,1. ad Att. XI. 1. [4]) ib. [5]) 387. ad Att. XI. 2. [6]) 516,3. ad Div. IV. 14. [7]) 386,1. Срв. 391,1. ad Att. XI. 3. [8]) ib. 3.

чительной степени тѣми «затруднительными обстоятельствами», въ которыхъ въ то время находился Помпей [1]).

Всецѣло поглощенный этими «жалкими заботами», Цицеронъ только вскользь, и то въ самой общей формѣ, высказывается относительно «дѣлъ республики». Сущность его отношеній къ текущимъ событіямъ можно формулировать его же словами: «Я не доволенъ, говоритъ онъ, [2]) ни тѣмъ, что *случается*, ни тѣмъ, что *дѣлается*», и Цицеронъ не находитъ ничего, о чемъ бы могъ писать съ удовольствіемъ, [3]) или, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ, [4]) не находитъ «ничего достойнаго письма». Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, объясняется отчасти и крайняя скудость его писемъ за это время.

---

[1]) ib. Срв. 394. ad Div. XIV. 6.—387. [2]) 392,1. ad Att. XI. 4. [3]) 394. [4]) 392,1.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Переписка съ ноября 706 г. до декабря 707 г.

Отъ возвращенія Цицерона послѣ Фарсальской битвы въ Италію до прибытія его въ Римъ. (Александрійская война. Война съ Фарнакомъ. Возвращеніе Цезаря въ Римъ и пребываніе его въ Римѣ до отправленія въ Африку).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Характерная особенность переписки этого отдѣла, относительно ея состава, заключается въ совершенномъ отсутствіи писемъ другихъ лицъ, кромѣ Цицерона; всѣ 36 писемъ, которыя мы имѣемъ за данный 14-мѣсячный промежутокъ, принадлежатъ исключительно Цицерону. Вторая черта заключается въ ограниченности числа корреспондентовъ, или вѣрнѣе, лицъ, служащихъ адресатами этихъ писемъ. Именно, если не считать Требонія и Кассія, которымъ имѣется всего по одному письму, то у Цицерона оказывается всего два адресата: неизмѣнный Аттикъ и Теренція; при чемъ слѣдуетъ отмѣтить необыкновенно большое, сравнительно съ прочими отдѣлами, число семейныхъ писемъ, писемъ къ Теренціи, именно 13 писемъ изъ всего состава 36, или противъ 21 писемъ къ Аттику.

Что касается *содержанія*, его цѣнности, какъ историческаго матерьяла, то уже въ виду внѣшнихъ размѣровъ переписки, въ виду ихъ ограниченности, сравнительно съ продолжительностью обнимаемаго ею періода,—ясно, что переписка настоящаго отдѣла не можетъ представлять особеннаго богатства въ этомъ отношеніи,

особенно если принять во вниманіе сравнительное обиліе въ ней писемъ, совершенно чуждыхъ историческаго значенія, каковы большинство писемъ къ Теренціи, составляющихъ, какъ мы видѣли, болѣе 13 всего наличнаго количества писемъ даннаго отдѣла (13 изъ 36). Но и эти 36 минусъ 13 писемъ, нельзя сказать, чтобы были очень богаты историческимъ содержаніемъ, ибо преобладающимъ элементомъ въ содержаніи этихъ писемъ, какъ и писемъ предыдущаго отдѣла, являются вопросы и отношенія частной жизни Цицерона. Особенно бѣдна переписка собственно фактическими данными, что обусловливалось, повидимому, нѣкоторыми важными условіями, въ которыхъ находился, съ одной стороны, самъ Цицеронъ, съ другой, его главный адресатъ — Аттикъ. А именно. Что касается до Цицерона, которому, какъ мы сказали, принадлежатъ всѣ письма даннаго отдѣла, то все это время мы его видимъ въ Брундузіѣ, гдѣ онъ живетъ безвыѣздно вплоть до октября мѣсяца, т. е. до того времени, когда переписка почти оканчивается, ибо послѣ этого момента мы имѣемъ всего два письма: одно коротенькое—къ Теренціи въ октябрѣ, изъ Венузіи, и другое—къ Требонію, въ декабрѣ, уже изъ Рима: слѣдовательно, оно относится уже не столько къ настоящему, сколько къ послѣдующему отдѣлу. Итакъ, можно сказать, что во все время переписки Цицеронъ находился въ Брундузіѣ; а это значитъ, что *онъ находился далеко отъ всѣхъ главныхъ театровъ политическихъ событій этого времени*: Александріи, Азіи и, наконецъ, Рима. Далѣе. Не видно, чтобы Цицеронъ имѣлъ корреспондентовъ въ Александріи и, потомъ, въ Азіи,—слѣдовательно, *онъ не имѣлъ постояннаго источника извѣстій* съ этихъ театровъ; если же и доносились до него какія нибудь извѣстія оттуда, то, вопервыхъ, они были случайны и отрывочны, вовторыхъ, получались изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, быть можетъ, даже изъ Рима, чрезъ того же Аттика, который, по всей видимости, находился въ это время въ Римѣ. Кромѣ того, что касается собственно александрійскаго театра, то скудость фактическихъ свѣдѣній относительно его объясняется отчасти еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Цезарь самъ старался держать по возможности въ секретѣ свои александрійскія дѣла. Въ одномъ изъ писемъ къ Аттику (14 іюня) мы находимъ любопытное указаніе на этотъ счетъ, а именно,—что съ 13 декабря 706

г. и до того дня, когда Цицеронъ писалъ свое письмо къ Аттику, т. е. 14 іюня, слѣдовательно—въ теченіи семи мѣсяцевъ, отъ Цезаря не было получено ни одного письма въ Италіи.—Наконецъ, что касается Рима, то извѣстія о тамошнихъ событіяхъ даже *и не могли имѣть мѣста* въ письмахъ къ Аттику, который самъ находился въ Римѣ.

ФАКТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору историческихъ данныхъ настоящаго отдѣла переписки, попытаемся собрать разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ позднѣйшей переписки извѣстія и указанія, относящіяся къ тому 3½-мѣсячному промежутку времени—съ половины іюля до начала ноября 706 г.,—за который мы вовсе не имѣемъ переписки.

Что касается главнаго событія, имѣвшаго мѣсто въ этотъ промежутокъ времени, Фарсальской битвы, то мы находимъ въ позднѣйшей перепискѣ всего два намека на этотъ фактъ, именно—*намека*, а не указанія, потому что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не говорится о *Фарсальской битвѣ*. А именно. Въ одномъ мѣстѣ упоминается вскользь о «*роковомъ сраженіи*»—*fatale proelium* [1]),—выраженіе, которое не могло относиться ни къ какому другому сраженію, какъ только Фарсальскому. Въ другомъ мѣстѣ [2]), спустя долгое время, именно—въ половинѣ 708 года, Цицеронъ вспоминаетъ о томъ моментѣ, когда Помпей, «побѣжденный позорнѣйшимъ образомъ, бѣжалъ одинъ, оставивъ свой лагерь». Нѣкоторыя указанія дальнѣйшей переписки бросаютъ отчасти свѣтъ на причины неудачнаго для Помпея исхода Фарсальской битвы. Впослѣдствіи, спустя болѣе или менѣе продолжительное время послѣ этого «роковаго сраженія», Цицеронъ приходитъ къ заключенію, что и самый-то исходъ его былъ такой же роковой, неизбѣжный, что другаго исхода и быть не могло, что пораженіе было предрѣшено заранѣе, предрѣшено всѣмъ предшествующимъ ходомъ дѣлъ; все, что дѣлалось по извѣстнымъ планамъ и все, что случалось независимо отъ всякихъ плановъ,—все роковымъ обра-

---

[1]) 424. ad Div. XV. 15. [2]) 452. ad Div. VII. 3.

зомъ вело къ одному неизбѣжному результату, къ тому результату, который имѣла Фарсальская битва. Эту идею Цицеронъ проводитъ во всей послѣдующей своей перепискѣ, возвращается къ ней всякій разъ, какъ заходитъ рѣчь о «побѣдѣ Цезаря» или о «пораженіи Помпея». Главная же и, такъ сказать, общая причина этого роковаго исхода заключалась, по взгляду Цицерона, въ томъ трагическомъ противорѣчіи, жертвою и вмѣстѣ виновниками котораго были помпеянцы, — въ томъ противорѣчіи, которое существовало между ихъ *настроеніемъ*—съ одной стороны, и ихъ *средствами*—съ другой: *воинственное настроеніе рядомъ съ крайней неудовлетворительностью военныхъ средствъ; надежда побѣды и власти—рядомъ съ полнѣйшей неподготовленностью и неспособностью достигнуть чего-нибудь.* «Наши друзья, говоритъ Цицеронъ [1]), пылали воинственнымъ жаромъ». Итакъ, они желали, они жаждали войны; но что сдѣлали они для обезпеченія себѣ побѣды или, по крайней мѣрѣ, для предупрежденія собственнаго пораженія? Вопервыхъ, они не сумѣли воспользоваться драгоцѣннымъ временемъ, которое, если гдѣ, то особенно въ войнѣ, и тѣмъ болѣе— въ междоусобной войнѣ, имѣетъ обыкновенно рѣшающее значеніе. [2]) Вовторыхъ, они не позаботились обезпечить себя военными средствами. [3]) Втретьихъ, они лишены были всякаго такта, и своими грубыми, кровожадными и хищническими наклонностями оттолкнули отъ себя многихъ изъ тѣхъ, которые иначе были бы ихъ друзьями, и заставили ихъ страшиться собственной побѣды. [4]) Въ результатѣ оказалось, что они, *стоя выше своихъ противниковъ по знамени,* [5]) *были гораздо ниже ихъ по оружію.* [6]) Люди болѣе благоразумные и проницательные и менѣе ослѣпленные воинственнымъ энтузіазмомъ, люди подобные Цицерону, уже тогда понимали всю невозможность вести борьбу съ неравными силами, [7]) и не льстили себя надеждой на побѣду. [8]) Но совѣты Цицерона, внушенные благоразуміемъ, не только разбились о «безуміе людей, жаждавшихъ войны», но встрѣтили отпоръ и со стороны самого Помпея. [9]) Онъ «не хотѣлъ и слышать» о томъ, что

---

[1]) 446. ad Div. IX. 6. [2]) 324,2. ad Div. XV. 15. [3]) 446,4. ad Div. IX. 6. [4]) 452,2. ad Div. VII. 3. Срв. 446,3. ad Div. IX. 6. [5]) 452,6. ad Div. VII. 3. [6]) ib. Срв. ib. 2. [7]) 438,2. ad Div. V. 21. [8]) 452,2. ad Div. VII. 3. [9]) ib.

говорилъ Цицеронъ. [1]) Онъ началъ войну—неприготовленный, почти безпомощный,—съ противникомъ, «приготовленнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и несравненно сильнѣйшимъ». [2]) Свойственная ему самонадѣянность достигла въ немъ крайней степени послѣ «одного удачнаго дѣла» [3]) съ Цезаремъ. (Вѣроятно, имѣется въ виду удачное дѣло Помпея при Диррахіѣ, незадолго до Фарсальской битвы). Съ этой минуты, говоритъ Цицеронъ съ оттѣнкомъ сарказма, «этотъ великій мужъ сдѣлался ничтожнымъ полководцемъ», что онъ и доказалъ, по мнѣнію Цицерона, тѣмъ, что вступилъ въ сраженіе, съ своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ новобранцевъ и всякаго сброда, противъ закаленныхъ въ бою легіоновъ Цезаря, и, разумѣется, былъ разбитъ позорнѣйшимъ образомъ. [4])

Итакъ, Помпей «бѣжалъ одинъ, оставивъ свой лагерь». Куда? На это письма не даютъ никакого отвѣта, равно какъ ничего не говорятъ и о дальнѣйшей судьбѣ Помпея, кромѣ того, что въ письмѣ отъ *27 ноября* 706 г. [5]) говорится кратко о «*гибели Помпея*». Гибель Помпея представляется Цицерону такимъ же роковымъ слѣдствіемъ понесеннаго Помпеемъ пораженія, какъ это послѣднее—результатомъ всей предшествующей исторіи войны. Послѣ Фарсальской битвы, говоритъ Цицеронъ, [6]) «я ни на минуту не сомнѣвался, что участь Помпея рѣшена. «Дѣло въ томъ, что, по его словамъ, послѣ этого пораженія, *Помпей совершенно потерялъ свой престижъ у восточныхъ царей и народовъ*, на помощь которыхъ онъ разсчитывалъ. Такъ какъ, съ пораженіемъ его, всѣ считали его дѣло окончательно проиграннымъ, то—говоритъ Цицеронъ [7])—«я былъ увѣренъ, что куда бы ни пришелъ Помпей, съ нимъ случилось бы это», т. е. то, что случилось въ Египтѣ.

О самомъ Цезарѣ, о дальнѣйшихъ его дѣлахъ послѣ Фарсальской битвы, мы ничего не слышимъ до тѣхъ поръ, пока онъ оказался въ Александріи. Зато мы находимъ нѣкоторыя небезынтересныя данныя относительно дальнѣйшей судьбы разбитой при Фарсалѣ помпеевой партіи. Уже ранѣе мы имѣли неоднократно случаи наблюдать существованіе извѣстнаго дуализма, извѣстнаго, такъ сказать, раскола въ средѣ «патріотовъ», составлявшихъ пар-

---

[1]) ib. [2]) 364. ad Att. XI. 9.—438. ad Div. V. 21. [3]) 452,2. ad Div. VII. 3. [4]) ib. [5]) 398. ad Att. XI. 6. [6]) ib. 5. [7]) ib.

тію Помпея. Однимъ изъ самыхъ наглядныхъ выраженій этого дуализма былъ фактъ, имѣвшій мѣсто еще въ самомъ началѣ войны. Именно, мы видѣли, что въ то время, когда Цезарь, овладѣвъ Пиценомъ, шелъ въ глубь Италіи по слѣдамъ Помпея, тогда часть «патріотовъ», не желавшіе попасть въ руки Цезаря, послѣдовали за Помпеемъ,—за море, другая часть предпочла возвратиться въ Римъ, въ надеждѣ поладить съ побѣдителемъ, найти тотъ или другой modus vivendi по отношенію къ Цезарю. Такъ что, по отношенію къ послѣднему, «патріотовъ» можно было назвать, однихъ—умѣренными, другихъ—непримиримыми. Теперь, послѣ Фарсальской битвы, послѣ того, какъ boni потеряли своего вождя, съ которымъ, впрочемъ, какъ мы видѣли, связывала ихъ не столько принципіальная солидарность, сколько политическая необходимость, — люди этихъ двухъ направленій—умѣреннаго и непримиримаго—окончательно раздѣлились, образовали какъ бы двѣ самостоятельныя партіи. Они раздѣлились и въ переносномъ и въ буквальномъ смыслѣ: они разошлись въ своихъ принципахъ, и *разошлись* въ разныя стороны. [1]) «Непримиримые», которые не хотѣли мириться съ Цезаремъ, удалились въ Африку, [2]) чтобы тамъ приготовиться къ новой борьбѣ съ Цезаремъ; другіе, такъ сказать, «умѣренные», которые рѣшили, что «*лучше имѣть хоть какую-нибудь республику*», [3]) *чѣмъ, мечтая объ идеальной республикѣ древности, очутиться, на самомъ дѣлѣ, внѣ всякой республики*». [4])—эти рѣшили «довѣриться побѣдителю», [5]) и пойти съ повинной къ Цезарю.

Обратимся теперь къ тому времени, которое обнимаетъ собою переписка настоящаго отдѣла. За послѣдніе два мѣсяца 706 года мы не находимъ въ ней никакихъ фактическихъ извѣстій. Начало новаго, 707 года, принесло Цицерону радостныя вѣсти, или, точнѣе, слухи «объ африканскихъ дѣлахъ», [6]) слухи, которые въ общемъ сводились къ тому, что положеніе помпеянцевъ, бѣжавшихъ въ Африку, не оставляетъ желать ничего лучшаго со стороны ихъ военныхъ силъ и вообще военной приготовленности [7]). Это были только *слухи*, но Цицеронъ вѣритъ имъ вполнѣ, потому что, по его мнѣнію, они вполнѣ гармонируютъ съ прочими

---

[1]) 464. ad Div. IV. 7. [2]) ib. Срв. 400,3. ad Att. XI. 7. [3]) 424. ad Div. XV. 15. [4]) 389,3. ad Div. IX. 9. [5]) 464,3. ad Div. IV. 7. [6]) 405. ad Att. XI. 10. [7]) ib.

фактами, а факты эти слѣдующіе. «Не говоря уже объ Испаніи (вѣроятно имѣется въ виду движеніе противъ Цезаря въ Испаніи, вызванное безтактнымъ поведеніемъ Кассія, *Bell. Alex.* с. XLVIII—LI и далѣе), въ самой Италіи поднимается глухое недовольство противъ Цезаря (*propter Antonii crudelitatem*, Billerb. III, 19); настроеніе легіоновъ его—далеко не прежнее; дѣла въ Римѣ принимаютъ также неблагопріятный оборотъ для него [1]). Но если слухи, доносившіеся до Брундузія, представляли положеніе «патріотовъ» въ Африкѣ въ оптимистическомъ свѣтѣ, то въ совершенно иномъ свѣтѣ представлялось дѣло по свѣдѣніямъ, которыя около того же времени были получены въ Римѣ [2]). Послѣднія, менѣе оптимистическія вѣсти, болѣе однако соотвѣтствовали дальнѣйшимъ извѣстіямъ изъ Африки (о которыхъ Цицеронъ узналъ отъ Аттика), чѣмъ оптимистическіе слухи, обворожившіе Цицерона въ Брундузіѣ. Въ первой половинѣ марта Цицеронъ уже самъ приходитъ къ убѣжденію, что африканскія дѣла обѣщаютъ гораздо бо̀льшія затрудненія «для нихъ», чѣмъ онъ первоначально предполагалъ [3]). Общій итогъ заключается въ томъ, что «Африка съ каждымъ днемъ укрѣпляетъ больше надежду на миръ, чѣмъ на побѣду» [4]). Реторическая витіеватость фразы маскируетъ нѣсколько настоящее значеніе самаго факта, но очевидно, что это значитъ не иное что, какъ то, что дѣла помпеянцевъ въ Африкѣ плохи.

Съ конца марта и до начала іюня письма Цицерона не даютъ ни одного фактическаго извѣстія, имѣющаго сколько-нибудь важное историческое значеніе. Все дѣло ограничивается нѣсколькими, разбросанными въ различныхъ мѣстахъ, неважными указаніями на разные мелкіе факты, получающіе значеніе только въ связи съ другими, крупными фактами, въ отдѣльности же часто не имѣющіе даже смысла. Такъ, въ концѣ марта, въ письмѣ къ Аттику, [5]) Цицеронъ передаетъ со словъ «пришедшихъ туда», т. е. въ Брундузій, слухъ о томъ, что П. Лентулъ-отецъ находился въ данную минуту въ Родосѣ, сынъ его въ Александріи, а К. Кассій отправился изъ Родоса въ Александрію. Послѣдній слухъ, впрочемъ, оказался впослѣдствіи ложнымъ; К. Кассій только собирался

[1]) 405. ad Att. XI. 10. [2]) ib. 2. [3]) 407,3. ad Att. XI. 12. [4]) ib. [5]) 408. ad Att. XI. 13.

отправиться въ Александрію, но потомъ измѣнилъ свое намѣреніе [1]).—Болѣе значенія имѣетъ другое, хотя и не совсѣмъ ясное по формѣ, указаніе, относящееся къ *апрѣлю* 707 г. Въ одномъ изъ писемъ этого времени [2]) Цицеронъ упоминаетъ о какихъ-то *Achaici deprecatores* и о таковыхъ же *deprecatores въ Азіи*, которые, по слухамъ, намѣревались всѣ отправиться въ Африку [3]). Слова Цицерона—«*quibus non erat ignotum*», [4]) т. е., по Шютцу, *quibus Caesar nondum ignoverat*»— наводятъ на предположеніе, что эти «непрощенные еще просители» были не иные кто, какъ тѣ изъ «патріотовъ» которые послѣ Фарсальскаго сраженія рѣшили пойти съ повинной къ Цезарю—*qui victori se tradiderunt* [5]). Если такъ, то въ вышеприведенномъ извѣстіи не остается ничего неяснаго. Если что не совсѣмъ ясно, такъ это то, почему часть этихъ deprecatores была въ Греціи, между тѣмъ какъ другая—въ Азіи. Что касается той подробности, что они намѣревались въ *апрѣлѣ* 707 г. отправиться въ *Африку*, то ее слѣдуетъ, вѣроятно, понимать не въ томъ смыслѣ, какъ относительно тѣхъ, которые «хотѣли возобновить войну» и также отправились въ Африку [6]). Эти послѣдніе, какъ извѣстно, отправились въ Утику, первые же, очевидно, въ Александрію, гдѣ находился въ это время Цезарь. Въ числѣ этихъ deprecatores находился, между прочимъ, и братъ Цицерона Квинтъ съ своимъ сыномъ [7]). Цицеронъ видѣлъ его еще въ концѣ 706 года, въ Patrae, по пути въ Италію [8]). Отсюда, изъ Patrae, Квинтъ съ сыномъ и «вмѣстѣ съ прочими отправились въ Азію просить помилованія» [9]). Вѣроятно они надѣялись догнать Цезаря въ то время, когда послѣдній разыскивалъ Помпея въ Азіи; но, вѣроятно, они уже не захватили его тамъ, почему мы и слышимъ, что deprecatores изъ «Ахаіи» и *Азіи* отправляются въ Африку, т. е. въ Александрію—*весной 707 года* [10]). *29 мая* Квинтъ-сынъ выѣхалъ изъ Родоса, [11]) а прибывшій въ Брундузій *16 августа* того же 707 г. изъ Seleucia Pieria Требоній [12]) сказывалъ Цицерону, что видѣлъ Квинта-сына вмѣстѣ съ Гирціемъ въ Антіохіи, у Цезаря, [13]) (который въ это время отправлялся

---

[1]) 410. ad Att. XI. 15. [2]) 409. ad Att. XI. 14. Срв. 411. ad Att. XI. 16. [3]) 409. ad Att. XI. 14. [4]) ib. [5]) 464,3. ad Div. IV. 7. [6]) ib. [7]) 396. ad Att. XI. 5. [8]) ib. [9]) 398,7. ad Att. XI. 6. [10]) 709. ad Att. XI. 14. [11]) 417. ad Att. XI. 23. [12]) 425. ad Att. XI. 20. [13]) ib.

на войну съ Фарнакомъ). Слѣдовательно, Квинтъ-сынъ (о Квинтѣ-отцѣ мы ничего не слышимъ) получилъ то, за чѣмъ ѣздилъ столько времени, т. е. прощеніе Цезаря. Какова была судьба тѣхъ «прочихъ», въ обществѣ которыхъ путешествовалъ Квинтъ? [1]) Получили ли и они прощеніе или нѣтъ? Положительныхъ, прямыхъ указаній на этотъ счетъ мы не находимъ, но мы имѣемъ нѣкоторыя *косвенныя* указанія, которыя говорятъ въ пользу положительнаго отвѣта. Такъ, въ письмѣ къ Кассію въ августѣ 707 г. [2]) Цицеронъ между прочимъ пишетъ: «Еслибы это (т. е. то, что считалъ нужнымъ и желательнымъ Цицеронъ) случилось, тогда бы Африка испытала на себѣ ту же милость, какую узнала Азія и даже Ахаія,—конечно благодаря твоему ходатайству и заступничеству». Итакъ, «Азія» и «Ахаія» испытали милость Цезаря; но ясно, что здѣсь дѣло идетъ не объ Азіи и Греціи въ буквальномъ смыслѣ, а о тѣхъ именно *Achaici deprecatores* и *deprecatores in Asia*, которые весной этого года отправлялись съ повинной къ Цезарю. Въ pendant къ этому, въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ къ Аттику, [3]) Цицеронъ пишетъ: «Какъ говорятъ, онъ (Цезарь) никому не отказываетъ въ помилованіи; даже Саллюстія—и того простилъ».

Но, поощряя, съ одной стороны, это движеніе къ примиренію со стороны бывшихъ своихъ противниковъ, Цезарь не забывалъ въ то же время и о тѣхъ изъ нихъ, которые нетолько не выказывали ни малѣйшаго желанія «довѣриться побѣдителю», но рѣшились, напротивъ, бороться съ нимъ до послѣдней возможности [4]). Оставляя Италію въ концѣ 706 г., Цезарь постарался обезопасить себя со стороны этихъ «непримиримыхъ»,—предупредить возможность инсуррекціоннаго движенія въ Италіи, которое они могли бы вызвать. Таковъ, повидимому, былъ смыслъ той мѣры, на которую намекаетъ Цицеронъ въ письмѣ своемъ къ Аттику отъ *18 декабря* 706 г. [5]). «Впрочемъ», пишетъ Цицеронъ, «что я говорю о своихъ ликторахъ, когда едва самъ не получилъ приказа удалиться изъ Италіи. А именно, Антоній прислалъ мнѣ копію съ письма Цезаря, въ которомъ Цезарь пишетъ, что до него дошли слухи о

[1]) 409. ad Att. XI. 14. [2]) 424. ad Div. XV. 15. [3]) 425. ad Att XI. 20. [4]) 464,3. ad Div. IV. 7. [5]) 400. ad Att. XI. 7.

томъ, что Катонъ и Л. Метеллъ прибыли въ Италію и намѣрены пробраться тайно въ Римъ; что онъ, Цезарь, этимъ очень недоволенъ, такъ какъ *опасается, чтобы не произошли вслѣдствіе этого разныя волненія.* Въ заключеніе Цезарь въ очень сильныхъ выраженіяхъ высказываетъ требованіе, чтобы Антоній не пускалъ въ Италію никого, развѣ только самъ онъ, Антоній, удостовѣрится въ чьей безвредности». Исключеніе было сдѣлано для двухъ только личностей: Цицерона и Лелія [1]). Изъ этого отрывка видно, что если Катонъ и Метеллъ намѣревались проникнуть въ Римъ *тайно,* то, слѣдовательно, еще ранѣе, еще до этого письма Цезаря, имъ это было запрещено. Любопытно сопоставить эту мѣру съ той, которая была принята Цезаремъ въ 705 году, когда онъ, отправляясь въ погоню за Помпеемъ, наказалъ Антонію никого *не выпускать изъ Италіи* [2]). Теперь этихъ же самыхъ людей строго запрещается *пускать въ Италію.*

Что касается Александрійской войны, то мы находимъ лишь нѣсколько безсвязныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній. За 706 годъ мы вовсе ничего не узнаемъ объ Александрійской войнѣ. Что касается положенія Цезаря въ первой половинѣ 707 года, то еще въ самомъ началѣ года, въ концѣ января, Цицеронъ, подводя итоги этого положенія, находитъ возможнымъ указать на цѣлый рядъ фактовъ, представляющихъ положеніе Цезаря въ это время въ самомъ пессимистическомъ свѣтѣ. Объ этомъ была рѣчь уже выше. Послѣ этого мы не имѣемъ никакихъ указаній по этой части вплоть до начала іюня, когда Цицеронъ снова подводитъ подобные же итоги [3]). Если вѣрить Цицерону, то въ теченіе этихъ четырехъ слишкомъ мѣсяцевъ дѣла Цезаря не только не улучшились, а даже ухудшились. Цицеронъ указываетъ въ названномъ письмѣ на цѣлый рядъ «пораженій», понесенныхъ Цезаремъ въ различныхъ мѣстахъ: *in Asia, in Illyrico, in Cassiano negotio, in ipsa Alexandrea, in urbe, in Italia.* Два послѣднихъ «пораженія»—*plagae*—,въ Римѣ и въ Италіи, упомянались уже выше, именно, они вошли въ итогъ неблагопріятныхъ для Цезаря фактовъ, представленный Цицерономъ въ письмѣ отъ 21 янв. [4]). «*Пораженіе въ Азіи*»—очевидно

---

[1]) ib. [2]) См. выше, стр. 215. [3]) 411. ad Att. XI. 16. [4]) 405. ad Att. XI. 10.

намекъ на пораженіе Домиція Фарнакомъ при Никополѣ [1]). *Пораженіе въ Иллиріи*» — очевидно пораженіе, понесенное К. Антоніемъ отъ Октавія [2]),

«*Пораженіе въ дѣлѣ Кассія*» — очевидно то же, что выше [3]).

Наконецъ, *пораженіе въ самой Александріи*» —очевидно намекъ на неудачное дѣло Цезаря съ Александрійцами [4]).

Итакъ, подводя итогъ «пораженіямъ» Цезаря, Цицеронъ стоитъ строго на почвѣ фактовъ; но эти факты онъ группируетъ *тенденціознымъ образомъ*, подбирая исключительно факты, неблагопріятные для Цезаря, и умалчивая о тѣхъ, которые были неблагопріятны для его противниковъ. Поэтому, положеніе Цезаря представляется въ односторонне-пессимистическомъ освѣщеніи. О дурномъ состояніи дѣлъ Цезаря въ Александріи Цицеронъ заключаетъ еще изъ того, что онъ въ теченіе очень долгаго времени не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей. [5]) «Очевидно», говоритъ Цицеронъ, «дѣла его такъ плохи, что ему стыдно писать о нихъ»... [6]) Насколько соотвѣтствовало это заключеніе истинному положенію вещей, рѣшить это на основаніи данныхъ переписки нельзя, такъ какъ собственно извѣстій изъ Александріи, кромѣ сейчасъ приведенныхъ, мы вовсе не находимъ въ письмахъ Цицерона, ибо, очевидно, и самъ Цицеронъ очень мало зналъ о тамошнихъ событіяхъ и имѣлъ о нихъ очень смутное представленіе,—во всякомъ случаѣ настолько смутное, что оставалось достаточно простора для субъективныхъ догадокъ и соображеній.

О времени возвращенія Цезаря изъ Александріи ни Цицерону, ни кому другому въ Италіи не было ничего извѣстно, хотя этотъ вопросъ уже въ началѣ іюня 706 г. начиналъ интересовать Цицерона. [7]) Быть можетъ, Цезарь держалъ это въ секретѣ; быть можетъ, и самъ не могъ сказать объ этомъ ничего опредѣленнаго; какъ бы то ни было, но люди, пріѣзжавшіе изъ Александріи въ Брундузій, не могли дать никакого отвѣта на интересовавшій Цицерона вопросъ. [8]) Изъ писемъ мы не знаемъ даже, съ какого времени находился Цезарь въ Александріи; узнаемъ только одно,

---

[1]) См. часть III, данн. согл. § 63. [2]) ib. § 64. [3]) ib. § 65. [4]) См. часть III, §. 66. [5]) 412,3. ad Att. XI. 17. [6]) 410,1. ad Att. XI. 15. [7]) 411. ad Att. XI. 16. [8]) ib. 1.

что Цезарь *давно* уже находился въ Александріи, [1]) и «александрійскій застой»—*mora Alexandrina*—[2]) начиналъ, повидимому, даже тревожить Цицерона. Между тѣмъ, Цицеронъ со дня на день ждалъ возвращенія Цезаря, и не одинъ Цицеронъ; ждали его и въ Римѣ: иначе бы Цицеронъ не сталъ писать объ этомъ такъ часто къ Аттику, въ Римъ. Послѣ *3 іюня*, когда Цицеронъ впервые произнесъ это слово—«возвращеніе Цезаря»—[3]), Цицеронъ постоянно возвращается къ другому вопросу, повторяя, впрочемъ, каждый разъ одинъ и тотъ же отрицательный отвѣтъ. *14 іюня* онъ пишетъ: «До сихъ поръ ничего не слышно о выѣздѣ Цезаря изъ Александріи», [4]) *19 іюня*:—«О выѣздѣ Цезаря изъ Александріи нѣтъ никакихъ слуховъ; думаютъ, напротивъ, что его что-нибудь тамъ задерживаетъ» [5]). Около 5 іюля пронесся слухъ, источникомъ котораго послужило письмо Сер. Сульпиція, [6]) и который, какъ пишетъ Цицеронъ, нашелъ подтвержденіе себѣ въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ объ этомъ предметѣ,—именно слухъ о томъ, что Цезарь выѣхалъ изъ Александріи. [7]) Тѣмъ не менѣе, спустя немного болѣе мѣсяца, именно *11 августа*, Цицеронъ снова пишетъ (письмо къ Теренціи), что «ничего опредѣленнаго неизвѣстно о прибытіи Цезаря» [8]). Причина этого новаго замедленія скоро, однако, выяснилась. Оказалось, что изъ Александріи Цезарь отправился не въ Италію, а въ Азію, [9]) гдѣ мы его и застаемъ во второй половинѣ августа. Но, пользуясь однимъ, болѣе или менѣе случайнымъ, указаніемъ, мы можемъ опредѣлить точнѣе время прибытія Цезаря въ Азію. А именно. Изъ письма Цицерона къ Аттику, отъ *15 августа*, [10]) мы узнаемъ, что Требоній, прибывшій въ Брундузій *14 августа, на 28-й день пути* изъ Seleucia Pieria, сказывалъ, что видѣлъ Цезаря въ Антіохіи. Такъ какъ Seleucia Pieria представляла собою не что иное, какъ Антіохійскую гавань, и находилась всего въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ послѣдней (см. Spruner's *Atlas Antiquus*, № VIII), то можно думать, что Требоній выѣхалъ изъ Seleucia въ тотъ же день, когда оставилъ Антіохію. Если такъ,

---

[1]) ib. и 424. ad Div. XV. 15. [2]) 411. ad Att. XI. 16. Срв. предыд. цит. [3]) 411,1. ad Att. XI. 16. [4]) 412. ad Att. XI. 17. [5]) 414. ad Att. XI. 18. [6]) 416. ad Att. XI. 25. [7]) ib. [8]) 422. ad Div. XIV. 24. [9]) 426. ad Att. XI. 26.—425. ad Att. XI. 20. [10]) 425. ad Att. XI. 20.

то онъ выѣхалъ изъ Антіохіи не позднѣе 17 іюля, хотя можетъ быть и ранѣе; слѣдовательно, онъ видѣлъ Цезаря въ Антіохіи *не позднѣе 17 іюля, а можетъ быть и ранѣе.*

Что касается цѣли похода Цезаря въ Азію и хода его дѣлъ въ Азіи, то относительно этого мы имѣемъ всего три, вскользь брошенныя, указанія, которыя всѣ сводятся къ одному, къ тому, что «многое задерживаетъ Цезаря въ Азіи, и главнымъ образомъ, Фарнакъ». [1]) Изъ этихъ трехъ указаній, которыми исчерпываются данныя переписки для исторіи пребыванія Цезаря въ Азіи, мы можемъ заключить только объ одномъ, о томъ, что походъ Цезаря въ Азію былъ связанъ главнымъ образомъ съ Фарнакомъ. Но въ какомъ именно смыслѣ? Въ смыслѣ войны? Это мы могли бы только *предположить*, но не утверждать, если бы не имѣли категорическихъ и подробныхъ извѣстій на этотъ счетъ у историковъ.

15 августа Цицеронъ писалъ Аттику, что, вслѣдствіе разныхъ задержекъ, которыя встрѣтилъ Цезарь въ Азіи, нельзя ожидать скораго возвращенія его, что во всякомъ случаѣ къ *1 сентября* онъ еще не будетъ въ Аѳинахъ, какъ то, вѣроятно, предполагали въ Италіи. [2]) Но и помимо этихъ задержекъ, Цезарь и самъ, повидимому, не особенно спѣшилъ, и двигался далеко не съ тою быстротою, которой онъ ошеломилъ въ свое время своихъ противниковъ въ Италіи. Теперь же, въ Азіи, покончивъ свои дѣла съ Фарнакомъ, онъ съ такой медленностью подвигался впередъ, что, по словамъ Цицерона, [3]) «тратилъ по нѣскольку дней на каждый встрѣчный городъ», т. е. на пріемъ депутацій и встрѣчъ (по объясненію Гроновія, у Billerb III, 50). Въ концѣ августа въ Италіи (въ Брундузіѣ) пронесся слухъ, будто Цезарь намѣревается прямо изъ Азіи отправиться въ Сицилію, [4]) (т. е., очевидно, *чрезъ* Сицилію въ Африку, ибо въ самой Сициліи ему нечего было дѣлать). Самъ Цицеронъ не придавалъ впрочемъ серьезнаго значенія этому слуху; по его мнѣнію, если Цезарь и намѣренъ отправиться въ Сицилію, то ему во всякомъ случаѣ необходимо завернуть предварительно въ Италію. [5]) Въ это время произошло воз-

---

[1]) 426,2. ad Att. XI. 21. Срв. 427,2. ad Att. XI. 22.—424,2. ad Div. XV. 15. [2]) ib. [3]) 327,2. ad Att. XI. 22. [4]) 426. ad Att. XI. 21.—325.2. ad Att. XI. 20. [5]) 426. ad Att. XI. 21.

мущеніе 12-го легіона, [1]) но о немъ говорится довольно смутно. Два отрывочныхъ указанія [2]) даютъ намъ представленіе объ одномъ изъ эпизодовъ этого возмущенія. Именно, когда явился Сулла, (который долженъ былъ командовать этимъ легіономъ), солдаты встрѣтили его камнями. [3]) Цицеронъ не объясняетъ, почему именно необходимо Цезарю завернуть въ Италію; но то обстоятельство, что эту мысль онъ высказываетъ (хотя и безъ всякой грамматической связи съ предыдущимъ) непосредственно вслѣдъ за фразой о приведенномъ сейчасъ эпизодѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что необходимость прибытія Цезаря въ Италію, Цицеронъ ставитъ въ связь именно съ этимъ фактомъ возмущенія 12-го легіона. Мы не знаемъ, насколько было вѣрно это соображеніе Цицерона, т. е. дѣйствительно ли *это* побудило Цезаря «завернуть въ Италію». Но любопытно въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что объ этомъ фактѣ мы не встрѣчаемъ ниодного указанія, ниодного намека ни у одного изъ историковъ, такъ подробно разсказывающихъ намъ о походахъ Цезаря въ Азіи. Аппіанъ, правда, говоритъ довольно смутно, [4]) о какомъ-то «возстаніи въ Римѣ»—ἐν Ῥώμῃ στάσις, въ связи съ которымъ онъ ставитъ возвращеніе Цезаря въ Римъ. Но, вопервыхъ, это возстаніе было въ Римѣ, а не въ легіонахъ—ἡ στάσις ἡ πολιτική, какъ выразительно говоритъ Аппіанъ, въ отличіе отъ στάσις τοῦ στρατοῦ, о которомъ идетъ рѣчь ниже; вовторыхъ, этотъ «мятежъ» связывается у Аппіана съ именемъ Антонія, и не упоминается даже имени Суллы. Нѣтъ также никакой возможности идентифицировать это возмущеніе 12-го легіона, о которомъ упоминается въ письмахъ, съ тѣмъ военнымъ бунтомъ—στάσις τοῦ στρατοῦ,—о которомъ разсказываетъ и Аппіанъ, и Плутархъ [5]) съ Діономъ, [6]) такъ какъ это послѣднее возстаніе, по единогласному категорическому свидѣтельству всѣхъ названныхъ историковъ, произошло уже *послѣ* того, какъ Цезарь возвратился въ Италію. Противорѣчія тутъ, конечно, нѣтъ никакого; очевидно, двѣнадцатый легіонъ былъ только зачинщикомъ возмущенія, которое затѣмъ распространилось и на другіе легіоны, причемъ первая фаза этого возмущенія, о ко-

---

[1]) ib. и 427. ad Att. XI. 22. [2]) ib. [3]) ib. [4]) II, 92. [5]) Caes. 51. [6]) XLII, 53. Срв. Liv. epit. 113.

торой сообщастъ намъ переписка, имѣла мѣсто еще *до* возвращенія Цезаря въ Италію, вторая же, о которой разсказываютъ историки, *послѣ* его возвращенія.

Относительно возвращенія Цезаря въ Римъ и дѣятельности его въ Римѣ до отправленія въ Африку, переписка не даетъ никакихъ свѣдѣній; да и переписка сама въ это время почти совсѣмъ прекращается. Цезарь, очевидно, долженъ былъ прибыть въ Италію въ сентябрѣ (такъ какъ *послѣ 1 сентября* ожидали его въ Аѳины). Перерывъ переписки обусловливался, повидимому, удаленіемъ Цицерона изъ Брундузія. Послѣднее письмо его изъ Брундузія датировано *1 сентября*. Послѣ этого мы имѣемъ всего два письма въ этомъ году. *1 октября* мы застаемъ Цицерона уже въ Венузіи [1]), откуда онъ пишетъ коротенькую записку женѣ, [2]) что 7—8 октября разсчитываетъ быть въ Tusculanum'ѣ, что прибудетъ съ большой кампаніей, а потому чтобы къ пріѣзду были приготовлены въ банѣ ванны и все прочее, потребное для житейскаго обихода и для здоровья». Это—единственное письмо Цицерона съ дороги. О Цезарѣ въ немъ—ни полслова. Слѣдующее, послѣднее письмо, письмо къ Требонію [3])—уже изъ Рима, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Но письмо это чисто частнаго, фамильярно-пріятельскаго характера, а потому, хотя и довольно длинное, не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній, могущихъ представлять историческій интересъ. О Цезарѣ также не упоминается, а между тѣмъ это были послѣдніе дни довольно продолжительнаго на этотъ разъ пребыванія Цезаря въ Римѣ. Замѣчательно, что и въ позднѣйшей перепискѣ мы не встрѣчаемъ нигдѣ указаній на результаты пребыванія Цезаря въ Римѣ въ этомъ году (707).

ОТНОШЕНІЯ ЦИЦЕРОНА КЪ ТЕКУЩИМЪ СОБЫТІЯМЪ.

Мы застаемъ Цицерона въ Брундузіѣ, въ ноябрѣ 707 г., въ томъ же уныломъ, пессимистическомъ настроеніи, какъ и въ ту минуту, когда онъ около полутора года тому назадъ, въ іюнѣ 705 г., отплывалъ изъ гаэтской гавани, покидая Италію. «Разбитый горемъ и множествомъ обидъ» [4]), онъ жалуется на свое жалкое,

---

[1]) 429. ad Div. XIV. 20. [2]) ib. [3]) 430. ad Div. XV. 21. [4]) 395.1. ad Div. XIV. 12.

безвыходное положеніе. [1]) Центромъ всѣхъ этихъ ламентацій оказывается, нѣсколько неожиданнымъ образомъ, именно это «рѣшеніе» его, въ силу котораго онъ очутился въ Италіи. Этотъ именно шагъ свой Цицеронъ считаетъ теперь громадной ошибкой [2]), непростительнымъ грѣхомъ, [3]) который теперь, вмѣстѣ съ прочими «невзгодами души и тѣла», [4]) отравляетъ все его существованіе. Ему, Цицерону, жестоко приходится расплачиваться за эту свою необдуманность [5]). Это не только необдуманность, это— просто глупость, [6]) глупость тѣмъ болѣе непростительная, что это не была ни безсознательная ошибка, ни случайность, независящая отъ воли; напротивъ, этотъ шагъ былъ, именно, актомъ доброй воли его, Цицерона, результатомъ сознательнаго рѣшенія, [7]) и слѣдовательно его виной [8]). Да, это самая величайшая вина, какая когда-либо была допущена имъ, Цицерономъ; это было «великое прегрѣшеніе», [9]) за которое онъ осужденъ теперь вѣчно терзаться и скорбѣть [10])! Никого на этотъ разъ не винитъ Цицеронъ въ собственномъ несчастіи,[11]) никого кромѣ себя самого: «Чрезъ свои ошибки погибаю», говоритъ онъ въ письмѣ къ Аттику [12]).

Но прежде чѣмъ заняться Цицерономъ на его новомъ мѣстѣ, на порогѣ Италіи, обратимся нѣсколько назадъ, къ тому глухому четырехъ-мѣсячному періоду, отъ котораго намъ не осталось ни строчки писемъ Цицерона. Это дастъ намъ возможность войти въ теперешнее положеніе Цицерона и понять его. Въ позднѣйшей перепискѣ, т. е., главнымъ образомъ, въ перепискѣ настоящаго отдѣла, Цицеронъ очень часто возвращается къ этому недавнему прошлому: видно, что онъ много пережилъ въ эти 3—4 мѣсяца. Благодаря этимъ воспоминаніямъ, отношенія Цицерона къ событіямъ этого времени и роль его въ нихъ выясняются въ достаточной степени, во всякомъ случаѣ — въ большей степени, чѣмъ самые факты, на которые, какъ выше видѣли, переписка даетъ лишь нѣсколько скудныхъ—скорѣе намековъ, чѣмъ указаній. И отношенія Цицерона и его роль въ этихъ событіяхъ можно

---

[1]) ib. и 397. ad Div. XIV. 19. [2]) 416. ad Att. XI. 25. [3]) 410,2. ad Att. XI. 15. [4]) 416,1. ad Att. XI. 25. [5]) 402,1. ad Att. XI. 8. [6]) 406,1. ad Att. XI. 11. [7]) 395,1. ad Div. XIV. 12. [8]) 406. ad Att. XI. 11.—404. ad Att. XI. 9.—412. ad Att. XI. 17. [9]) ib. Срв. 426. ad Att. XI. 21.—411. ad Att. XI. 16. [10]) 410,2. ad Att. XI. 15. [11]) 416. ad Att. XI. 25. [12]) 404. ad Att. XI. 9.

характеризовать однимъ словомъ: *отрицательныя*. Онъ относился съ рѣшительнымъ неодобреніемъ къ образу дѣйствій людей, въ рукахъ которыхъ находится судьба того «дѣла», которое Цицеронъ считалъ дѣломъ республики, дѣломъ всѣхъ честныхъ людей вообще и своимъ—въ частности. «Ничего добраго кромѣ самаго дѣла—*nihil boni praeter causam*—не нашелъ Цицеронъ въ нихъ, въ этихъ *boni* [1]). Въ чемъ заключалась сущность этого разлада между Цицерономъ съ одной стороны, и Помпеемъ и *boni* съ другой, мы видѣли ранѣе, когда излагали взглядъ Цицерона на причины фарсальскаго пораженія. Какъ бы то ни было, Цицеронъ говоритъ, что онъ скоро пожалѣлъ о той поспѣшности, съ которой онъ устремился изъ Италіи туда, куда призывалъ его голосъ долга. Онъ пожалѣлъ, что оставилъ Италію, ту самую Италію, изъ которой онъ еще такъ недавно искалъ возможности «вырваться», какъ изъ душной тюрьмы, «улетѣть», какъ птица изъ клѣтки, — и дѣйствительно «вырвался», пренебрегая всѣми трудностями и опасностями подобнаго шага, пренебрегая даже опасностью всеконечно потерять «благоволеніе Цезаря», т. е. разрушить собственными руками то зданіе, которое онъ до сихъ поръ съ такою тщательностью воздвигалъ по всѣмъ правиламъ «искусной тактики». Много было нужно пережить, чтобы въ такое короткое время такъ глубоко измѣнить свои взгляды, свои мысли и чувства. И дѣйствительно, помимо всѣхъ частныхъ столкновеній и разочарованій, *вообще* положеніе, въ которомъ очутился Цицеронъ, было довольно трагическое. Человѣкъ преисполненъ чувствъ лояльности и долга [2]). Ему представляется, что долгъ призываетъ его туда-то. Онъ спѣшитъ, «вырывается» съ великими усиліями и неменьшими опасностями, онъ является тамъ, куда его звалъ долгъ. Онъ продолжаетъ говорить и дѣйствовать такъ, какъ внушаетъ ему чувства долга, долга «добраго гражданина»; [3]) но вскорѣ убѣждается въ безплодности своихъ усилій, которыя разбиваются на каждомъ шагу о противодѣйствіе тѣхъ, со стороны которыхъ онъ считалъ себя въ правѣ ожидать, если не содѣйствія, то, по крайней мѣрѣ, сочувствія къ себѣ; онъ ожидалъ, что ему придется только *помогать* имъ, съ ободряю-

---

[1]) 452. ad. Div. VII. 3. Срв. 446. ad Div. IX. 6. [2]) 450. ad Div. IX. 16. [3]) ib. 5.

нимъ сознаніемъ исполняемаго долга; оказалось, напротивъ, что необходимо, чтобы не измѣнить своему долгу,—*противодѣйствовать*, бороться—и, конечно, пасть въ неравной борьбѣ одного противъ всѣхъ. «Мое вліяніе, говоритъ Цицеронъ, [1]) разбилось о сопротивленіе—не столько самого Помпея, сколько его воинственныхъ друзей». Если ко всему этому прибавить еще чувство оскорбленнаго самолюбія, вслѣдствіе того, что Цицеронъ потерпѣлъ пораженіе отъ партіи, въ которой думалъ играть вліятельную роль, [2]) то намъ понятнымъ станетъ тотъ озлобленно-негодующій тонъ, которымъ онъ говоритъ въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ о своихъ бывшихъ друзьяхъ, не давая при этомъ пощады и своему прежнему кумиру, Помпею. Цицеронъ никогда не могъ простить ему «позорнаго пораженія» при Фарсалѣ,—пораженія, на которое Цицеронъ смотритъ, какъ на достойную кару за то, что Помпей не хотѣлъ послушаться его, Цицерона.

Послѣ фарсальской битвы, послѣ того какъ была «потеряна и армія, и полководецъ, на котораго была единственная надежда», [3]) Цицеронъ первыя минуты думалъ, что теперь насталъ «конецъ войнѣ» [4]) и что теперь не онъ одинъ, а и «всѣ прочіе» ничего другаго не желаютъ, какъ мира [5]). Когда же онъ убѣдился въ ошибочности своего разсчета, онъ рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, «лично для себя окончить войну»—*sibi ipsi belli finem facere* [6]). Но тутъ оказалось, что не одинъ онъ пришелъ къ такому рѣшенію, и многіе другіе изъ «патріотовъ» также нашли, что лучше «довѣриться побѣдителю», [7]) чѣмъ быть участниками «этихъ жестокостей и сообщниками варварскихъ народовъ» [8]). (Въ послѣднихъ словахъ Цицерона сказывается гордость истаго римлянина добраго стараго времени). Цицеронъ точно также раздѣлялъ ихъ намѣреніе насчетъ того, чтобы «довѣриться побѣдителю». И вотъ, говоритъ Цицеронъ, [9]) «я поспѣшно отправился въ Италію, чтобы увидѣть тамъ Цезаря—именно такъ я расчитывалъ—, и его, возвращающагося послѣ спасенія столькихъ почтенныхъ мужей и, какъ утверждали, идущаго съ большою поспѣшностью, склонить къ миру». Слѣдовательно, Цицеронъ предпола-

---

[1]) 470. ad Div. VI. 6. [2]) ib. [3]) 452. ad Div. VII. 3. [4]) ib. 5. [5]) ib. [6]) ib. [7]) 464,3. ad Div. IV. 7. [8]) 398,2. ad Att. XI. 6. [9]) 424,3. ad Div. XV. 15.

галъ, когда бѣжалъ въ Италію, что Цезарь уже возвращается туда же.

Такимъ образомъ, намъ становятся нѣсколько понятными «эти причины, столько же горькія, сколько неожиданныя», [1])—которыя привели Цицерона въ Италію. Но за что-же, спрашивается, такъ жестоко осуждаетъ онъ этотъ свой шагъ? Не трудно и это объяснить, если войдемъ въ положеніе Цицерона. Что означалъ этотъ шагъ его, приведшій его въ Италію? Онъ означалъ то, что *Цицеронъ бѣжалъ «отъ своихъ» къ Цезарю.* Если такъ, то этотъ его шагъ оказался неудачнымъ вдвойнѣ. Вопервыхъ, прибывъ въ Италію, онъ не только не нашелъ тамъ Цезаря, а оказался еще дальше отъ Цезаря, чѣмъ былъ [2]). Вовторыхъ, вмѣсто «честнаго покоя», [3]) котораго онъ теперь, болѣе чѣмъ когда либо, жаждалъ, Цицеронъ очутился въ самомъ центрѣ волненія, [4])—при полнѣйшемъ одиночествѣ, безъ друзей, которыхъ онъ самъ оставилъ, и въ ожиданіи враговъ, которые еще неизвѣстно, какъ къ нему отнесутся, и потому въ полнѣйшемъ недоумѣніи, что ему дѣлать въ томъ случаѣ, если, не смотря на то, что онъ «самъ для себя положилъ конецъ войнѣ», война всетаки будетъ продолжаться [5]). Возвратиться къ своимъ? Но бѣжавъ въ Италію, онъ ipso facto, разъ навсегда отрѣзалъ себѣ возвратный путь къ прежнему положенію въ своей партіи. Правда, съ своей стороны, Цицеронъ не имѣлъ въ виду придавать своему шагу характера демонстраціи, направленной противъ тѣхъ, отъ кого онъ уходилъ; онъ видимо желалъ бы даже сгладить по возможности то невыгодное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ этимъ шагомъ на своихъ «вѣроломныхъ союзниковъ», какъ онъ называетъ теперь оптимистовъ [6]). Но помимо его желанія, этотъ шагъ вышелъ всетаки враждебной демонстраціей, благодаря которой онъ окончательно погубилъ свою, и безъ того уже скомпрометированную въ глазахъ «патріотовъ», репутацію. Итакъ, этотъ шагъ Цицерона можно квалифицировать, какъ актъ разрыва, актъ *двойнаго разрыва:* съ одной стороны, разрыва съ своей партіей, или точнѣе—съ той частью партіи, которая и послѣ Фарсала осталась вѣрна своему девизу:

---

[1]) 396,1. ad Att. XI. 5. [2]) 424,3. ad Div. XV. 15. [3]) 438,2. ad Div. V. 21. [4]) 324,3. ad Div. XV. 15. [5]) 411,3. ad Att. XI. 16. [6]) 431,2. ad Div. IX. 1.

«побѣдить или умереть за свободу»; [1]) съ другой стороны, это былъ до извѣстной степени и разрывъ съ собственнымъ прошедшимъ, съ собственной вѣрностью республикѣ, идеальнымъ другомъ которой объявлялъ себя Цицеронъ: теперь онъ идетъ, чтобы отдаться врагу республики, врагу, съ которымъ готовятся теперь на послѣдній отчаянный бой—на животъ или на смерть—его, Цицерона, вчерашніе друзья. И вотъ почему ихъ онъ боится теперь чуть ли даже не больше, чѣмъ самого Цезаря. Боится не столько какихъ-нибудь враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, сколько дурнаго мнѣнія, дурныхъ рѣчей о себѣ. Кто знаетъ, до какой степени чутко прислушивался Цицеронъ къ «людскимъ рѣчамъ»—*sermo hominum*—, къ тому, что о немъ говорятъ люди, особенно «люди съ вѣсомъ»—*qui pondus habent*—[2]), вообще, до какой степени дорожилъ Цицеронъ общественнымъ мнѣніемъ, которое въ его глазахъ было равнозначуще и однозначуще съ *fama bonorum*, *sermo bonorum*,—тотъ легко пойметъ, что долженъ былъ испытывать въ это время Цицеронъ съ этой стороны. Какъ это ни странно, но это—фактъ, что разрывъ Цицерона съ «патріотами», ни мало не уничтожилъ въ немъ этого страха предъ тѣмъ, что скажутъ «патріоты». Рѣзкіе эпитеты, грозныя филиппики противъ «такъ называемыхъ патріотовъ», [3]) разныя выходки противъ нихъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ письмахъ Цицерона даннаго и болѣе ранняго времени, могутъ ввести въ заблужденіе только съ перваго раза; скоро читатель писемъ убѣждается, что все это искусственное, дѣланное, напускное. Если Цицеронъ съ гордымъ пренебреженіемъ заявляетъ, что для него совершенно безразлично, что̀ о немъ говорятъ и думаютъ эти «убогіе дѣятели», [4]) читатель знаетъ, что это не болѣе, какъ пустая бравада. Въ душѣ Цицеронъ, можно сказать, трепеталъ ихъ приговора Разумѣется, что теперь boni не имѣли причинъ щадить его; Цицеронъ очень хорошо сознавалъ это, и ему доставляла истинныя душевныя муки мысль, что онъ погубилъ въ ихъ глазахъ свою репутацію [5]). Искренность этого страха предъ судомъ «патріотовъ», не смотря на многочисленныя бравирующія заявленія Ци-

---

[1]) 300,4. ad Att. VII. 9. [2]) 398,1. ad Att. XI. 6. [3]) 324. ad Att. VIII. 1. [4]) 338. ad Att. VIII. 14. [5]) ib.

церона, не подлежитъ, однако, ни малѣйшему сомнѣнію, въ особенности, когда этотъ страхъ выражается въ такой наивной формѣ, какъ въ письмѣ къ Аттику [1]). Сравнивая свое положенія въ данную минуту съ положеніемъ плѣнниковъ и арестантовъ, Цицеронъ находитъ положеніе послѣднихъ гораздо болѣе завиднымъ, чѣмъ свое собственное, потому что ихъ никто не упрекаетъ въ измѣнѣ патріотамъ, если они остаются въ Италіи, не идутъ въ Африку—продолжать войну съ Цезаремъ [2]). Какъ бы радъ былъ, слѣдовательно, Цицеронъ въ настоящую минуту промѣнять свою свободу на арестантскіе кандалы, которые бы освободили его отъ всякаго подозрѣнія со стороны «патріотовъ» относительно его партійной лояльности!...

Эта странность объясняется тѣмъ, что собственная совѣсть Цицерона была не совсѣмъ спокойна [3]). Дѣло въ томъ, что въ этомъ разрывѣ его съ «патріотами» была извѣстная доля фальши, неискренности, компромисса. Цицеронъ разорвалъ собственно съ *лицами*, а не съ *дѣломъ*, съ партіей; съ ея представителями, а не съ ея знаменемъ. Разорвавъ съ *людьми*, оставивъ ихъ, Цицеронъ фактически оставилъ и самое *дѣло*; но въ душѣ онъ продолжалъ платонически благоговѣть предъ нимъ и уважать въ душѣ тѣхъ людей, которыхъ онъ оставилъ, и которые теперь, рискуя собственной жизнью, рѣшили отстаивать свое дѣло. Цицеронъ могъ ихъ упрекнуть въ недостаткѣ благоразумія, но отказать имъ въ честности—этого онъ не могъ, потому что самъ сочувствовалъ тому дѣлу, во имя котораго они боролись. Поступокъ Катона, удалившагося съ кучкой «непримиримыхъ» въ Африку, Цицеронъ противопоставляетъ собственному шагу — удаленію въ Италію, какъ поступокъ «болѣе славный». «Если, говоритъ Цицеронъ, [4]) мой шагъ не такъ славенъ, какъ поступокъ Катона, за то онъ свободенъ отъ опасности и невзгодъ». Плохое, конечно, было утѣшеніе для неспокойной совѣсти—«свобода отъ опасностей и невзгодъ»; но дѣло въ томъ, что и этотъ послѣдній разсчетъ Цицерона нимало не оправдался на дѣлѣ. Невзгоды и опасности или, по крайней мѣрѣ, опасенія и страхи преслѣдовали по пятамъ бѣглеца. Предметомъ этихъ страховъ и опасеній съ одной

---

[1]) 410. ad Att. XI. 15. [2]) ib. 2. [3]) 400,4. ad Att. XI. 7. [4]) 400,4. ad Att. XI. 7.

стороны были, какъ мы видѣли и выше, его же прежніе друзья—«патріоты», счетовъ съ которыми онъ, при всемъ своемъ желаніи, никакъ не могъ покончить, и упреки которыхъ Цицеронъ, страдавшій недостаткомъ прямоты и твердости характера, но, на бѣду свою, надѣленный въ то же время слишкомъ чуткою совѣстью, къ своему ужасу, не могъ ни назвать, ни счесть несправедливыми, ибо они находили отголосокъ себѣ въ собственной его совѣсти. Къ этому присоединялся страхъ съ другой стороны, со стороны Цезаря,—страхъ вызываемый неизвѣстностью относительно того, какъ отнесется къ нему Цезарь, для котораго, конечно, не было тайной враждебное отношеніе къ нему Цицерона, какъ ни старался онъ замаскировать въ этомъ случаѣ истину. Приходилось подумать и о старыхъ грѣшкахъ, особенно о бѣгствѣ своемъ изъ Италіи, чуть не изъ подъ караула, и послѣ того какъ самъ Цезарь предостерегалъ его отъ подобнаго «опрометчиваго шага», не говоря уже о двукратномъ предостереженіи со стороны Антонія. Шагъ этотъ не могъ, разумѣется, не обратить на себя вниманія Цезаря, ни о чемъ такъ не хлопотавшаго, какъ о томъ, чтобы удержать Цицерона въ Италіи. Приходилось теперь подумать объ *отчетѣ*, который нужно будетъ дать Цезарю относительно этого поступка,—объ отчетѣ, котораго, въ той или другой формѣ, тѣмъ или инымъ тономъ, навѣрно потребуетъ отъ него Цезарь [1]).

Вотъ сущность того, поистинѣ безвыходнаго, положенія, [2]) въ которомъ очутился Цицеронъ, прибывшій въ Италію, и которое такъ ярко рисуютъ намъ его письма, относящіяся къ этому времени. И дѣйствительно, нужно войти въ положеніе Цицерона, чтобы понять всю глубину этого трагизма, созданнаго и подготовленнаго цѣлымъ рядомъ событій и комбинацій, которыя происходили наперекоръ его планамъ и желаніямъ,—цѣлымъ рядомъ такихъ дѣйствій и поступковъ, которые шли вразрѣзъ съ его принципами, съ его міросозерцаніемъ, но которые оставались одинаково неизбѣжными, роковыми, смѣялись надъ тщетными усиліями Цицерона, который боролся, кажется, только для того, чтобы убѣдиться въ собственномъ безсиліи, а отказавшись отъ борьбы, очутиться въ са-

---

[1]) 407.1. ad Att. XI. 12. [2]) 395,1. ad Div. XIV. 12.—410. ad Att. XI. 15.

момъ глупомъ положеніи. Ко всему этому присоединились еще домашнія, семейныя непріятности, тѣсно связанныя съ его политическимъ положеніемъ въ данную минуту; онѣ дѣлали еще болѣе тяжкимъ и безъ того невыносимое положеніе Цицерона, отравляли окончательно его, и безъ того горькое, существованіе. Первою и главною изъ этихъ домашнихъ непріятностей Цицерона былъ разрывъ его съ братомъ Квинтомъ [1]). Быть можетъ, услужливые друзья постарались раздуть первоначально незначительныя несогласія между братьями въ настоящую взаимную вражду; какъ бы то ни было, многія мѣста переписки не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ этого. Когда и изъ-за чего началась эта вражда, мы не знаемъ, но, если вѣрить Цицерону, починъ этой вражды принадлежалъ Квинту. Еще до возвращенія своего въ Италію, Цицеронъ, при встрѣчѣ съ братомъ въ Patrae, замѣтилъ враждебное отношеніе къ себѣ со стороны Квинта [2]). Вражда эта была конечно непріятна сама по себѣ, какъ всякая семейная ссора: но она гораздо болѣе доставляла Цицерону тревогъ, въ виду его отношеній съ Цезаремъ, такъ какъ Цицеронъ опасался, чтобы изъза этой личной вражды къ нему, Квинтъ не наговорилъ на него Цезарю, [3]) (къ которому онъ отправлялся съ повинной и, какъ мы видѣли, получилъ прощеніе); Цицерона и безъ того тревожило раздумье насчетъ того, какъ отнесется къ нему Цезарь, а тутъ еще это враждебное вліяніе въ видѣ наушничества брата. Быть можетъ, съ цѣлью парализовать это враждебное себѣ вліяніе, Цицеронъ одно время думалъ было отправить къ Цезарю своего сына, [4]) получившаго два года тому назадъ togam puram; впрочемъ, Цицеронъ почему-то скоро отказался отъ этой мысли [5]).

Затѣмъ, не мало «глубокихъ душевныхъ страданій» причиняли Цицерону «прекрасныя дѣянія его зятя» —*praeclarae generi actiones*— [6]), т. е. Долабеллы, такъ зло насмѣявшагося надъ его «патріотизмомъ»...

Наконецъ, какъ отца семейства, Цицерона тревожило и терзало неопредѣленное и безпомощное положеніе семейства, лишен-

---

[1]) 396. ad Att. XI. 5.—402. ad Att. XI. 8.—405. ad Att. XI. 10.—407. ad Att. XI. 12.—408. ad Att. XI. 13.—410. ad Att. XI 15.—426. ad Att. XI. 21.—449. ad Att. XII. 5. [2]) 396. ad Att. XI. 5. [3]) 402,2. ad Att. XI. 8. [4]) 413. ad Div. XIV. 11.—414. ad Att. XI. 18. [5]) 415. ad Div. XIV. 15. [6]) 407,4. ad Att. XI. 12.

наго своего роднаго очага, своего насиженнаго гнѣзда, почти лишеннаго вдобавокъ средствъ къ существованію. Дѣло въ томъ, что, какъ мы видѣли выше, Цицеронъ, изъ патріотизма и изъ благороднаго честолюбія, помогалъ своими средствами Помпею, когда тотъ, наканунѣ Фарсальской битвы, терпѣлъ крайнюю нужду въ деньгахъ [1]). Въ ожиданіи будущихъ благъ, въ надеждѣ на «возстановленіе республики», [2]) Цицеронъ и оставилъ такимъ образомъ въ лагерѣ Помпея все свое состояніе, а роковое 9 августа поставило Цицерона въ положеніе кредитора предъ несостоятельнымъ должникомъ: день банкротства республики сдѣлался днемъ раззоренія для Цицерона. Быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, приходилось теперь думать Цицерону о томъ, «гдѣ и какъ достать необходимыя средства къ жизни [3]). И вотъ, теперь Цицерону приходилось думать и о томъ, «откуда бы достать необходимыя средства къ жизни».

ОТНОШЕНІЯ КЪ ЦЕЗАРЮ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОТНОШЕНІЯМИ КЪ ПОМПЕЮ.

Припомнимъ то мѣсто изъ переписки Цицерона, гдѣ онъ говоритъ о себѣ, что онъ «спѣшилъ въ Италію для того, чтобы увидѣть тамъ Цезаря». Заявленіе это поражаетъ своею неожиданностью. Когда въ послѣдній разъ предъ этимъ мы имѣли дѣло съ Цицерономъ, мы видѣли, что ничего такъ не боялся онъ, какъ встрѣчи съ Цезаремъ, отъ котораго онъ буквально прятался по разнымъ глухимъ закоулкахъ своихъ и братовыхъ имѣній. Что мы видимъ теперь? Цицеронъ самъ ищетъ встрѣчи съ Цезаремъ, самъ идетъ къ нему. Что это значитъ? Что означаетъ эта перемѣна въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю? По внѣшности, конечно, этотъ шагъ Цицерона былъ тѣмъ же самымъ, что и поступокъ каждаго въ отдѣльности изъ тѣхъ boni, которые «довѣрились» Цезарю, т. е. явились къ нему съ повинной. Но по существу дѣла это было далеко не одно и тоже. Цицеронъ, по отношенію къ Цезарю, былъ, такъ сказать, на особомъ положеніи. Онъ представлялъ собою какъ бы отдѣльную силу, съ которой Цезарь находилъ нужнымъ и считаться особо. Такъ что, шагъ Цицерона получаетъ нѣсколь-

---

[1]) 391. ad Att. XI. 3. [2]) 408,4. ad Att. XI. 13. [3]) ib.

ко особое значеніе: его можно назвать *сближеніемъ* или шагомъ къ сближенію съ Цезаремъ. Письмо Цицерона къ К. Кассію [1]), который, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ помпеянцевъ и одинъ изъ первыхъ, кто перешелъ послѣ Фарсала на сторону Цезаря, вѣроятно, не былъ лишенъ извѣстнаго вліянія у Цезаря,—письмо это можно разсматривать, какъ одну изъ первыхъ подготовительныхъ попытокъ въ этомъ направленіи со стороны Цицерона,—какъ попытку подготовить почву и очистить путь къ этому сближенію. Все это письмо представляетъ собою очень искусный и ловкій маневръ, скрытая тенденція котораго заключается въ captatio benevolentiae Кассія, имѣющей подготовить почву для таковой же captatio benevolentiae—Цезаря. А такая подготовка была въ данномъ случаѣ необходима, потому что Цицеронъ, своимъ «опрометчивымъ шагомъ», какъ называлъ Цезарь его бѣгство изъ Италіи, увеличилъ пропасть, отдѣлявшую его отъ послѣдняго. Цицеронъ старается увѣрить Кассія въ тождествѣ своего образа мыслей съ образомъ мыслей его, Кассія, отказывается отъ всякой солидарности съ тѣми, «которые полагаютъ, что лучше вконецъ разрушить республику, чѣмъ оставаться въ уменьшенной и ослабленной». и подъ конецъ письма высказываетъ свое желаніе «видѣть Цезаря».

Итакъ, фактъ тотъ, что Цицеронъ, который за годъ до фарсальской битвы бѣжалъ отъ руки тиранна, какъ онъ называлъ Цезаря, въ лагерь его противниковъ,—теперь, послѣ фарсальской битвы, самъ идетъ къ Цезарю, ищетъ съ нимъ сближенія и примиренія. Какъ произошла эта столь рѣзкая перемѣна въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю? Прямаго отвѣта переписка не даетъ, такъ какъ въ перепискѣ даннаго отдѣла, мы имѣемъ дѣло уже съ готовымъ результатомъ, самый же процессъ, процессъ этой перемѣны, ускользаетъ отъ нашего наблюденія, ибо этотъ процессъ относится къ тому именно предшествующему промежутку времени, отъ котораго мы вовсе не имѣемъ переписки. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя данныя настоящаго отдѣла, въ связи съ тѣмъ, что намъ извѣстно уже объ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю изъ предшествующей переписки, даютъ намъ возможность вскрыть до извѣстной сте-

[1]) 424. ad Div. XV. 15.

нени тѣ мотивы, которые руководили и управляли этой перемѣной. Исходнымъ пунктомъ этого процесса была, повидимому, фарсальская битва съ ея ближайшими результатами. Событіе это измѣнило положеніе Цицерона, измѣнило вмѣстѣ съ тѣмъ и его программу. Помпея не стало. Не стало для Цицерона человѣка, въ которомъ онъ, не смотря на свое, часто отрицательное, отношеніе къ нему, видѣлъ всетаки надежду республики, и лично для себя всегда искалъ въ немъ опоры; только рядомъ съ нимъ чувствовалъ онъ себя болѣе или менѣе спокойно, безъ него же скучалъ и терялъ голову. Въ безусловномъ слѣдованіи за Помпеемъ еще недавно Цицеронъ полагалъ всю свою политическую программу. Не стало Помпея—не за кѣмъ стало и слѣдовать. Не стало человѣка, въ которомъ была единственная надежда на побѣду республики—не стало и этой надежды. Что оставалось дѣлать послѣ этого Цицерону? Цицеронъ долженъ былъ понять наконецъ всю безплодность своихъ усилій плыть противъ теченія, которое все дальше и дальше уносило отъ него въ даль вѣковъ ту «древнюю республику», [1]) на которую онъ до сихъ поръ обращалъ романтически свои взоры; онъ долженъ былъ понять, что теперь ему оставалось одно изъ двухъ: или, съ своими мечтами объ идеальной республикѣ, оставаться, въ дѣйствительности, внѣ всякой республики, или же примириться съ той «республикой», какая была на лицо въ данную минуту. [2]) А данная минута имѣла въ этомъ отношеніи даже преимущество предъ минутой предшествовавшей. Когда былъ живъ Помпей, когда, слѣдовательно, были живы оба тиранна-соперника, тогда спасеніе республики было невозможно: побѣда, въ чью бы сторону ни склонилась она, въ сторону ли Цезаря или въ сторону Помпея, должна была стать одинаково гибельною для республики, потому что она была бы равнозначуща водворенію тираніи. Слѣдовательно, при жизни обоихъ соперниковъ, положеніе республики было вполнѣ безвыходное. Со смертью Помпея, т. е. съ устраненіемъ одного изъ тирановъ-соперниковъ открывалась возможность выхода. Теперь стояли другъ противъ друга не два тиранна—*надъ* республикой, а одинъ тиранъ—*противъ* республики; а это положеніе допускало, по крайней мѣрѣ

[1]) 389,2. ad Div. IX. 9. [2]) ib.

въ теоріи, возможность двухъ выходовъ. Вопервыхъ, республика могла побѣдить тиранна. Въ возможность этого Цицеронъ, однако, не вѣритъ, а потому останавливается на второмъ выходѣ, который заключается въ томъ, чтобы, не вступая въ безполезную борьбу «съ сильнѣйшимъ», покончить дѣло мирной, полюбовной сдѣлкой съ тиранномъ, установить извѣстный modus vivendi между республикой и тиранномъ. Конечно, это былъ бы компромиссъ, въ которомъ республикѣ пришлось бы поступиться извѣстной долею свободы, [1]) но чрезъ этотъ компромиссъ, чрезъ эту жертву республика была бы спасена отъ конечной гибели [2]). Вступая въ борьбу съ тиранномъ, патріоты могли бы, въ случаѣ своего пораженія, окончательно погубить республику; между тѣмъ съ помощью этого компромисса они могли спасти кое-что, кое-какіе «остатки» — *reliquiae*—республики. А тогда еще оставалось бы мѣсто надеждѣ: изъ ничего, конечно, ничего не сдѣлаешь, но изъ остатковъ можно сдѣлать еще многое [3]).

Таковъ былъ, повидимому, ходъ мыслей, который привелъ Цицерона къ его новой программѣ, противоположной, до извѣстной степени, прежней, — къ программѣ, главнымъ пунктомъ которой было сближеніе съ Цезаремъ. Разумѣется, что въ этомъ ходѣ мыслей играли роль не одни лишь политическіе и патріотическіе мотивы, но имѣли мѣсто и мотивы чисто личнаго свойства, хотя самъ Цицеронъ, по очень понятнымъ причинамъ, и умалчиваетъ о нихъ; въ одномъ мѣстѣ, впрочемъ, онъ проговорился — въ письмѣ къ Аттику, что въ данномъ случаѣ, рядомъ съ заботой о спасеніи республики, играла извѣстную роль и забота о собственной безопасности [4]).

Итакъ, этотъ, такъ сказать, переходъ къ Цезарю былъ для Цицерона не болѣе, какъ слѣдствіемъ политическаго и житейскаго благоразумія; онъ не былъ слѣдствіемъ *убѣжденія*, а, напротивъ, слѣдствіемъ компромисса съ убѣжденіями; не былъ результатомъ какого-нибудь принципіальнаго переворота во взглядахъ Цицерона, а былъ результатомъ извѣстнаго *приспособленія* къ измѣнившимся обстоятельствамъ, и, слѣдовательно, по отношенію къ самому Цицерону, былъ не столько политическимъ шагомъ, сколько дипло-

---

[1]) 424,1. ad Div. XV. 15. [2]) ib. [3]) ib. [4]) 400,4. ad Att. XI. 7.

матическимъ маневромъ. Несомнѣнно, что Цицеронъ былъ убѣжденный человѣкъ; но вѣрно и то, что онъ не всегда былъ героемъ своихъ убѣжденій, и, въ случаѣ затрудненій, всегда предпочиталъ компромиссъ трагическому исходу. Какъ бы то ни было, мы бы напрасно стали искать причины настоящей перемѣны въ измѣнившихся убѣжденіяхъ Цицерона. Цицеронъ только *объявилъ* себя на сторонѣ Цезаря; въ душѣ же онъ оставался и рѣшилъ остаться все «тѣмъ же, чѣмъ и всегда былъ» [1]), все тѣмъ же приверженцемъ *status quo*, поклонникомъ «древней республики» и все тѣмъ же политическимъ, принципіальнымъ противникомъ Цезаря, на сторону котораго онъ внѣшнимъ образомъ перешелъ,— и платоническимъ другомъ тѣхъ, съ которыми онъ внѣшнимъ образомъ порвалъ. Цезарь по прежнему былъ въ его глазахъ тиранномъ *à la* Сулла [2]); послѣднему онъ даже отдаетъ предпочтеніе, потому что Сулла, по крайней мѣрѣ, не принижалъ знати [3]). Напротивъ, Катона, непримиримаго врага Цезаря, онъ называетъ героемъ [4]). Такимъ образомъ, если политическое и житейское благоразуміе заставило Цицерона искать сближенія съ Цезаремъ, то политическія убѣжденія и симпатіи, связывавшія его съ партіей Помпея, остались и теперь въ прежней силѣ. Въ такомъ состояніи рѣзкаго раздвоенія очутился Цицеронъ благодаря этому своему шагу: одной половиной своего существа онъ отдался Цезарю, между тѣмъ какъ другая осталась тамъ же, гдѣ находилась и ранѣе; Цезаря онъ *признавалъ*, но *вѣрилъ* попрежнему въ республику. Въ этомъ внутреннемъ раздвоеніи и заключался, главнымъ образомъ, тотъ трагизмъ положенія Цицерона, сущность котораго кратко, но сильно формулируетъ самъ Цицеронъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Аттику, въ мартѣ 707 г.: «Ничто, говоритъ онъ [5]), не причиняетъ мнѣ такого невыносимаго страданія, какъ сознаніе того, что единственное, что̀ при настоящемъ положеніи дѣлъ представляется мнѣ полезнымъ, есть именно то самое, чего я всегда болѣе всего боялся».

Переходъ отъ Помпея къ Цезарю — послѣ смерти Помпея— вовсе не былъ для Цицерона такимъ крутымъ переломомъ, какъ

---

[1]) 407,3. ad Att. XI. 12. [2]) 426,3. ad Att. XI. 21. [3]) ib. [4]) 400,4. ad Att. XI. 7. [5]) 408,1. ad Att. XI. 13.

этого можно было бы ожидать, тѣмъ болѣе, что для Цицерона прошло уже то время, когда онъ готовъ былъ видѣть въ Помпеѣ живое олицетвореніе республики. Мы видѣли, что еще ранѣе для Цицерона наступило разочарованіе въ Помпеѣ и въ его «дѣлѣ». Все, что еще привязывало къ нему Цицерона, заключалось въ чисто личномъ чувствѣ, и то значительно ослабѣвшемъ,—въ чувствѣ дружбы и чувствѣ благодарности. Но въ послѣднее время Цицеронъ такъ много страдалъ за Помпея и изъ-за Помпея, что могъ считать себя, по совѣсти, свободнымъ отъ того долга, который онъ считалъ за собой по отношенію къ Помпею. Такимъ образомъ, можно сказать, что всѣ живыя связи, соединявшія Цицерона съ Помпеемъ, или, точнѣе, привязывавшія его къ послѣднему, разрушились путемъ постепеннаго процесса разложенія, такъ что не было собственно необходимости въ актѣ разрыва, ибо разрывъ былъ уже фактомъ. И смерть Помпея поэтому не была такимъ ударомъ для Цицерона, какъ можно было бы ожидать; можно сказать, что для него онъ умеръ какъ разъ во́-время. Вотъ почему въ письмахъ Цицерона, писанныхъ имъ послѣ смерти Помпея, мы не встрѣчаемъ ни одного вздоха, ни одного даже слова сожалѣнія о смерти человѣка, съ которымъ онъ еще такъ недавно готовъ былъ «и жить и умереть». Съ поразительнымъ равнодушіемъ Цицеронъ заявляетъ даже въ одномъ мѣстѣ, что смерть Помпея вовсе не была для него, Цицерона, неожиданностью [1]). Все, что нашелъ Цицеронъ сказать въ похвалу покойному, заключается въ слѣдующей холодной фразѣ: «я зналъ въ немъ человѣка честнаго, безхитростнаго и серьезнаго» [2]). Разумѣется, что трудно узнать въ этой характеристикѣ историческаго Помпея, того «Великаго Помпея», о которомъ знаетъ исторія; но зато она даетъ намъ понять, насколько маловажною считалъ Цицеронъ свою потерю, въ лицѣ Помпея. Какъ человѣкъ и какъ другъ, Цицеронъ нашелся по крайней мѣрѣ помянуть его добрымъ словомъ, но какъ политикъ, какъ республиканецъ, Цицеронъ забываетъ даже извѣстное правило римской мудрости—*de mortuis aut bene aut nihil*—; онъ не удерживается отъ того,

---

[1]) 398,5. ad Att. XI. 6. [2]) ib.

чтобы послѣ этого «добраго слова» не вставить нѣсколько жестких словъ по адресу покойнаго, — припомнить ему то, что, въ глазахъ Цицерона, лежало темнымъ пятномъ на гражданской совѣсти Помпея и осталось вѣчнымъ укоромъ его памяти. Какъ республиканецъ, Цицеронъ, быть можетъ, даже радъ былъ въ душѣ, что судьба избавила республику отъ одного изъ тирановъ...

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Переписка съ января 708 по январь 709 г.

Отъ прибытія Цицерона въ Римъ до удаленія его въ Астуру.
(Африканская война. Возвращеніе Цезаря въ Римъ и пребываніе тамъ до отправленія въ Испанію. Начало 2-й Испанской войны).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

За 13-мѣсячный промежутокъ времени, съ января 708 г. по январь 709 г., мы имѣемъ 97 писемъ, изъ которыхъ только три принадлежатъ не Цицерону. Характерной особенностью этого отдѣла, относительно его состава, служитъ необыкновенно малый, сравнительно съ остальной перепиской, процентъ писемъ къ Аттику, которыя, напримѣръ, въ объемистомъ отдѣлѣ 705 года составляютъ подавляющее большинство всего количества писемъ. Въ данномъ же отдѣлѣ переписки письма къ Аттику теряются, какъ капля въ морѣ; именно, изъ 49 писемъ Цицерона мы насчитываемъ всего 9 писемъ къ Аттику, т. е. менѣе $^1/_{10}$ всего состава. Остальныя 85 писемъ Цицерона адресованы къ слѣдующимъ лицамъ:

1) къ Сервію Сульпицію 15 писемъ.
2) » Ацилію ..... 10 »
3) » Пету ..... 8 »
4) » Варрону ..... 7 »
5) » Сервилію Исаврику 7 »
6) » М. Бруту ..... 5 »
7) » М. Марцеллу .... 4 »

8) къ К. Кассію..... 3 письма.
9) » Цецинѣ..... 3 »
10) » Торквату..... 3 »
11) » Планцію..... 2 »
12) » Алліену..... 2 »
13) » М. Марію..... 2 »
14) » Лигарію..... 2 »
15) » Долабеллѣ..... 2 »

16) Требонію, 17) Лепиду, 18) Месцинію, 19) Планку, 20) Фигулу, 21) Фадію Галлу, 22) Волюмнію, 23) Курію, 24) Фурфанію, 25) Аппію—по одному письму.

Три письма къ Цицерону принадлежатъ М. Марцеллу, К. Кассію и Цецинѣ.

Изъ этой таблицы мы можемъ видѣть, кромѣ того, что въ данномъ отдѣлѣ переписки фигурируютъ масса новыхъ корреспондентовъ, или, вѣрнѣе, адресатовъ Цицерона, изъ которыхъ одни—сами историческія личности, какъ Варронъ, Сервилій Исаврикъ; другіе—лица или мало извѣстныя, или вовсе неизвѣстныя въ исторіи, въ родѣ М. Марія, Фурфанія, Фигула и т. д.

Благодаря большому количеству адресатовъ и ничтожному количеству писемъ къ Аттику, которыя обыкновенно служатъ связующимъ цементомъ для разнохарактерныхъ элементовъ переписки, настоящій отдѣлъ страдаетъ полнымъ отсутствіемъ единства; отрывочность, разбросанность и, такъ сказать, случайность историческихъ данныхъ—черты общія всей перепискѣ—особенно рѣзко выступаютъ въ перепискѣ даннаго отдѣла. Но это, конечно, второстепенный недостатокъ. Гораздо важнѣе то, что этотъ, обширный по своимъ размѣрамъ, по количеству писемъ, отдѣлъ очень бѣденъ историческимъ содержаніемъ. Эта бѣдность историческаго содержанія переписки настоящаго отдѣла обусловливалась, повидимому, многими и различными причинами. Главныя причины, которыя позволяютъ вскрыть непосредственныя наблюденія надъ перепиской настоящаго отдѣла, суть слѣдующія. Во-первыхъ, тѣ, которыя лежатъ въ самомъ *составѣ переписки* этого отдѣла. Съ одной стороны это—ничтожное количество писемъ къ Аттику, которыя обыкновенно представляютъ собой самый богатый историческій матерьялъ. Съ другой стороны—обиліе такихъ

писемъ, которыя, съ точки зрѣнія историческаго матерьяла, представляютъ совершенно безполезный балластъ: ни въ какомъ другомъ отдѣлѣ переписки не находимъ мы такой массы рекомендательныхъ писемъ, какъ въ настоящемъ, именно около 40 писемъ, т. е. около $^2/_3$ всего количества; между тѣмъ всѣ эти письма, за исключеніемъ двухъ рекомендательныхъ писемъ, адресованныхъ къ Цезарю, не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи Цезаря, и вообще никакихъ историческихъ данныхъ въ себѣ не заключаютъ.

Затѣмъ, вовторыхъ, скудность историческихъ данныхъ въ письмахъ этого отдѣла объясняется тѣми условіями, той *обстановкой*, изъ которыхъ вышла эта переписка. Все это время Цицеронъ жилъ въ Римѣ, за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда мы видимъ его поперемѣнно то въ Римѣ, то въ его итальянскихъ виллахъ. Слѣдовательно, относительно главныхъ театровъ событій этого времени, африканскаго и испанскаго, Цицеронъ находился теперь въ такомъ же невыгодномъ положеніи, какъ нѣсколько ранѣе относительно александрійскаго. Что теперь онъ находился въ Римѣ, т. е. въ центрѣ, а не на окраинѣ, какъ тогда—въ Брундузіѣ, это отнюдь не значитъ, что теперь онъ находился въ болѣе выгодномъ положеніи; напротивъ, тогдашнее положеніе было въ этомъ отношеніи выгоднѣе, такъ какъ Брундузій былъ проѣзжей станціей для путешествующихъ изъ Рима въ Александрію и обратно; слѣдовательно, вѣсти, проходившія изъ Александріи въ Римъ, проходили предварительно чрезъ Брундузій.

Но это обстоятельство, т. е. отдаленность театра событій, могло имѣть силу только относительно африканской и испанской войнъ; между тѣмъ какъ во время пребыванія Цезаря въ Римѣ Цицеронъ находился въ этомъ отношеніи въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ. Но здѣсь играла роль, повидимому, еще новая, третья причина, которая лежала въ *субъективномъ настроеніи* Цицерона въ данную минуту. Нельзя сказать, чтобы въ данную минуту Цицеронъ болѣе безучастно, болѣе равнодушно относился къ политической злобѣ дня, къ политическому интересу минуты, чѣмъ, напримѣръ, въ 705 г. Нельзя сказать точно также и того, чтобы этотъ политическій интересъ подавлялся или парализовался въ это время у Цицерона какимъ-нибудь другимъ конкурирующимъ интересомъ, какъ это мы имѣли случай наблюдать въ одномъ изъ предшеству-

ющихъ отдѣловъ. Нѣтъ, письма настоящаго отдѣла вполнѣ проникнуты этимъ интересомъ, интересомъ къ политическому, а съ нашей точки зрѣнія — историческому интересу минуты; только интересъ этотъ теперь нѣсколько видоизмѣнился, сравнительно съ тѣмъ интересомъ, которому мы обязаны такимъ богатствомъ историческаго матерьяла въ письмахъ 705 г. Если тогда этотъ интересъ обращался къ частнымъ, конкретнымъ фактамъ, то теперь онъ сосредоточивается на одномъ крупномъ общемъ фактѣ, на томъ фактѣ, который, такъ сказать, постепенно создавался изъ этихъ частныхъ, единичныхъ фактовъ и который только къ этому времени получилъ окончательное свое завершеніе, сдѣлался окончательно совершившимся фактомъ. Это — тотъ фактъ, завершительнымъ моментомъ котораго была фарсальская битва, т. е. фактъ водворенія единовластія въ лицѣ Цезаря. Вотъ этотъ капитальный общій фактъ и приковываетъ теперь къ себѣ вниманіе Цицерона. Этотъ фактъ далъ слишкомъ много работы его уму и его чувству,—настолько много, что ему уже некогда заниматься частными, единичными, конкретными фактами, которые, вѣдь, въ сущности были теперь не болѣе, какъ лишь проявленіями, эпизодами и комментаріями этого общаго всеобъемлющаго факта. Цицеронъ слишкомъ занятъ, такъ сказать, переваріваніемъ этого факта съ его неисчислимыми послѣдствіями, между прочимъ и для него самого; слишкомъ много вопросовъ задалъ ему этотъ фактъ, слишкомъ много мыслей и чувствъ вызвалъ въ его душѣ,—настолько много, что его, Цицерона, не хватало уже на эти единичные факты, и эпизоды, которые къ тому же далеко не представляли для него того интереса новизны и неожиданности, какъ было въ 704—5 годахъ, когда этотъ общій фактъ только еще зарождался, намѣчался въ главныхъ своихъ очертаніяхъ—частными, единичными фактами, въ которыхъ, поэтому, и заключался тогда главный интересъ минуты. Теперь, напротивъ, все, что въ письмахъ настоящаго отдѣла относится къ политической злобѣ дня, къ историческому интересу минуты, вертится именно около одного этого общаго факта. Въ своихъ письмахъ Цицеронъ какъ бы переживаетъ этотъ фактъ; онъ, поэтому, не столько знакомитъ насъ съ самимъ фактомъ, сколько вводитъ насъ въ свой внутренній міръ, въ тѣ мысли, соображенія и вопросы, которые вызвало

въ немъ созерцаніе этого факта. Вотъ почему письма этого отдѣла, почти при полномъ отсутствіи фактическихъ данныхъ, представляютъ собой богатый матерьялъ для характеристики отношеній Цицерона за это время.

ФАКТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ.

Данный отдѣлъ переписки обнимаетъ собой, какъ мы видѣли, періодъ въ 13 мѣсяцевъ, къ которому относятся: 1) вся африканская война, 2) промежутокъ времени между африканской и испанской войнами (время пребыванія Цезаря въ Римѣ) и 3) начало испанской войны.

Что касается африканской войны, то относительно ея мы не находимъ въ перепискѣ ни одного извѣстія. Не упоминается даже вовсе слово «африканская война». Въ одномъ только мѣстѣ, и то уже долго спустя послѣ африканской войны, въ сентябрѣ 708 г., упоминается вскользь объ *Africana causa* [1]), — и только. Въ апрѣлѣ, правда, говорится въ одномъ письмѣ смутно о какихъ-то *novae res allatae* [2]). Но въ чемъ заключались и откуда шли эти «новости», мы не знаемъ. Можно, впрочемъ, предполагать, что, такъ какъ въ томъ же самомъ письмѣ, въ концѣ, говорится о «побѣдителѣ» и о «поздравленіяхъ» по случаю побѣды [3]),— можно, говоримъ мы, предполагать, что эти *novae res allatae* были не что иное, какъ извѣстіе о побѣдѣ Цезаря въ Африкѣ, т. е., слѣдовательно, о битвѣ при Тапсѣ. Но понятно, что подобное предположеніе не можетъ претендовать на бо́льшую вѣроятность, чѣмъ всякая слабо подкрѣпленная гипотеза.

Кромѣ того, находимъ въ одномъ мѣстѣ указаніе на смерть Катона, который, «чтобы не видѣть того, что случилось наперекоръ его усиліямъ, разстался съ жизнью» [4]).

Относительно возвращенія Цезаря-«побѣдителя» изъ Африки, относительно времени и обстановки, въ которой оно совершилось, переписка также не даетъ никакихъ точныхъ указаній. Извѣстно только, что въ іюнѣ уже ждали Цезаря въ Римѣ [5]), и Ци-

---

[1]) 465. ad Div. VI. 13. [2]) 440. ad Div. IX. 2. [3]) ib. 4—5. [4]) 445,2. ad Att. XII. 4. [5]) 446,1. ad Div. IX. 6.

церонъ уже переписывался съ Варрономъ относительно времени встрѣчи Цезаря [1]). (Рѣшено было выѣхать изъ Рима навстрѣчу Цезарю *7 іюля*) [2]). Въ точности, однако, въ Римѣ не было извѣстно ни о времени прибытія Цезаря въ Италію, ни о мѣстѣ высадки его на итальянскомъ материкѣ. Ожидали высадки или въ Alsium'ѣ, или въ Остіи [3]). По другимъ слухамъ, Цезарь долженъ былъ высадиться въ Байяхъ [4]). Вопросъ этотъ вскорѣ, впрочемъ, долженъ былъ разрѣшиться, съ прибытіемъ въ Римъ Долабеллы, который ѣхалъ впередъ Цезаря [5]). Въ началѣ іюля Цицеронъ отправился въ свой Tusculanum, [6]) откуда отправилъ Тирона навстрѣчу Долабеллѣ [7]). Цицеронъ разсчитывалъ, что Тиронъ возвратится къ нему въ Tusculanum къ *15 іюля* [8]). Итакъ, Долабелла прибылъ въ Римъ около половины іюля. Слѣдовательно о Цезарѣ можно предположить, что онъ прибылъ въ Римъ *во второй половинѣ іюля.*

Письма Цицерона знакомятъ насъ отчасти съ тѣмъ, что происходило въ Римѣ и вокругъ Рима въ это время, когда, по выраженію поэта, «весь миръ былъ покоренъ, кромѣ непреклоннаго духомъ Катона». Хотя данныя переписки и не особенно богаты въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ онѣ достаточно ясно свидѣтельствуютъ о совершившейся перемѣнѣ.—Оставшіеся въ Римѣ цезаріанцы успѣли уже обставить довольно комфортабельно свою жизнь и недурно проводили время, пользуясь, какъ истые эпикурейцы, настоящимъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ [9]). Они задавали пиры, вызывавшіе у Цицерона возгласы удивленія [10]). (Нужно замѣтить, что и самъ Цицеронъ, не особенно одобрявшій эти эпикурейскія затѣи, былъ, однако, завсегдатаемъ на этихъ пирахъ. Подробнѣе объ этомъ ниже). Бальбъ воздвигалъ себѣ дворецъ [11]). Какъ не пожить всласть человѣку, всѣ идеалы котораго сводятся къ одному—къ страсти къ удовольствіямъ? Какое ему дѣло до остальнаго? иронизируетъ по этому поводу Цицеронъ [12]). Въ концѣ мая пышно справлялись публичныя игры въ Praeneste, продолжавшіяся втеченіе 8 дней и давшія случай Гир-

---

[1]) 447. ad Div. IX. 7. [2]) 448. ad Div. IX. 5. [3]) 446. ad Div. IX. 6. [4]) 447. ad Div. IX. 7. [5]) ib. [6]) 449. ad Att. XII. 5. [7]) ib. 4. [8]) ib. [9]) 447,1. ad Div. IX. 7: „dominantur". [10]) 442. ad Att. XII. 2. [11]) ib. 2. [12]) ib.

цію, который также принималъ дѣятельное участіе въ этихъ празднествахъ, «и всѣмъ этимъ господамъ» показать свою расточительность [1]). Мы не должны, однако, забывать при этомъ, что всѣ эти указанія на чрезмѣрную расточительность, на безконечныя пиршества, на роскошныя постройки и т. д., взяты со словъ человѣка, который не могъ относиться безпристрастно къ тѣмъ людямъ, о которыхъ онъ говоритъ. Мы не имѣемъ причины не довѣрять *фактическимъ* показаніямъ Цицерона въ этомъ случаѣ, но что факты эти получили подъ перомъ Цицерона тенденціозное *освѣщеніе*, не подлежитъ сомнѣнію. Это ясно уже изъ одного того обстоятельства, что, если бы мы захотѣли отнестись вполнѣ наивно къ словамъ Цицерона, безъ всякаго скептицизма, мы бы пришли къ тому заключенію, что цезаріанцы въ Римѣ, въ отсутствіе Цезаря, ничѣмъ другимъ не занимались, какъ тѣмъ только, что жили въ свое удовольствіе, — что обѣдами, пирами, играми, постройками исчерпывалась вся ихъ дѣятельность.

Что касается помпеянцевъ, — съ какими мыслями, съ какимъ настроеніемъ ожидали они возвращенія въ Римъ своего бывшаго противника, а теперь властнаго побѣдителя и всемогущаго властителя, «въ рукахъ котораго находилась теперь вся власть», [2]) и «отъ воли котораго зависѣла» теперь ихъ собственная участь [3]),— относительно этого мы не имѣемъ другихъ данныхъ, кромѣ тѣхъ, которыя представляетъ примѣръ самого Цицерона,—но объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

Судя по тому, что̀ говорилъ Куріонъ, при свиданіи своемъ съ Цицерономъ въ 705 году, о кровожадныхъ замыслахъ Цезаря, и судя по той довѣрчивости, съ какою выслушалъ тогда эти рѣчи Цицеронъ, можно думать, что помпеянцы не безъ трепета ожидали теперь возвращенія Цезаря. Мы не видимъ, однако, чтобы, по возвращеніи его въ Римъ, имѣло мѣсто что-нибудь похожее на тѣ безчисленныя «жестокости», которыя сулилъ Куріонъ. Напротивъ, со словъ самого же Цицерона мы узнаемъ, что люди самые близкіе къ Цезарю и потому дѣйствовавшіе, если не по прямому внушенію съ его стороны, то во всякомъ случаѣ въ полной солидарности съ нимъ, оказывали самую изысканную преду-

---

[1]) ib. [2]) 450. ad Div. IX. 16. [3]) ib.

предительность и всевозможные знаки уваженія, какъ по отношенію къ самому Цицерону, такъ и къ другимъ менѣе виднымъ представителямъ побѣжденной партіи [1]). Правда, Цицеронъ дѣлаетъ мѣстами различные темные намеки, въ обличительно-негодующемъ тонѣ, на *impetus praedonum*, [2]) и на *magna gladiorum licentia*; [3]) но ничто не указываетъ на то, чтобы Цицеронъ имѣлъ при этомъ въ виду какіе-либо конкретные факты; скорѣе всего слѣдуетъ видѣть въ этихъ фразахъ выраженіе недовольства *вообще* новымъ режимомъ, въ основѣ котораго лежалъ дѣйствительно, если не произволъ меча—въ буквальномъ смыслѣ, то, во всякомъ случаѣ, военная сила, столь ненавистная Цицерону «сила оружія». Слѣдовательно, выраженіе Цицерона «magna gladiorum licentia» можно разсматривать, какъ реторическое и вмѣстѣ гиперболическое описаніе болѣе простаго выраженія—«vis armorum». Что касается выраженія «impetus praedonum», то оно представляетъ собою, вѣроятно, такую же реторическую гиперболу, какъ и «gladiorum licentia». Вѣроятно, Цицеронъ имѣлъ въ виду конфискаціи имуществъ бѣжавшихъ въ Африку «непримиримыхъ» республиканцевъ, на которыя мы находимъ въ перепискѣ нѣсколько намековъ [4]). Что касается покойнаго Помпея, то Цезарь относился, быть можетъ, съ большимъ піэтетомъ къ его памяти, чѣмъ самъ Цицеронъ. По крайней мѣрѣ, самъ Цицеронъ говоритъ, что Цезарь не только не выказывалъ никакого желанія оскорблять память своего соперника, а, напротивъ, всегда высказывался о немъ съ глубокимъ уваженіемъ [5]).

Цезарь возвратился въ Римъ полновластнымъ повелителемъ римскаго міра. «Его власть, говоритъ Цицеронъ, [6]) такъ широко распространилась, что охватываетъ собою всю вселенную». А вмѣстѣ съ этимъ «всемірнымъ» владычествомъ перешла въ руки Цезаря и вся высшая власть въ государствѣ. «Вся власть въ его рукахъ», говоритъ Цицеронъ въ это время [7]). «Онъ все держитъ въ своей власти» [8]). Онъ не только властитель, но и единственный представитель и носитель высшей власти,—*единовластитель* [9]).

---

[1]) 463. ad Div. IV. 13. [2]) 464. ad Div. IV. 7. [3]) 468. ad Div. IV. 9. [4]) См. 519,3. ad Div. IX. 10. — 520,2. ad Div. XV. 17. Срв. 523,3. ad Div. XV. 19. [5]) 470,10. ad Div. VI. 6. [6]) 464,4. ad Div. IV. 7. [7]) 450. ad Div. IX. 16. [8]) 466. ad Div. IV. 9. [9]) 468. ad Div. IV. 9.

Что касается продолженія Цезарю диктаторской власти на 10 лѣтъ и новаго его титула *praefectus moribus*, то мы имѣемъ—и то всего одно указаніе—только на это послѣднее, именно, въ письмѣ Цицерона (въ октябрѣ 708 г.), [1]) гдѣ онъ говоритъ о Цезарѣ: *noster hic praefectus moribus*. Вотъ и все.

Относительно дѣятельности Цезаря за время пребыванія его въ Римѣ, между африканской и испанской войнами, мы не находимъ почти никакихъ свѣдѣній. Цицеронъ успѣлъ, впрочемъ, подмѣтить и сообщить въ своемъ письмѣ къ М. Марцеллу одну чрезвычайно важную черту въ дѣятельности Цезаря: это—его самостоятельность и полную независимость отъ всякаго посторонняго вліянія, отъ вліянія «даже своихъ». Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и мѣропріятіяхъ онъ, по выраженію Цицерона, всегда слушался только своего собственнаго совѣта и не обращалъ вниманія на совѣты «своихъ» [2]).

Изъ отдѣльныхъ законодательныхъ мѣръ, принятыхъ Цезаремъ за это время, мы находимъ въ перепискѣ указанія всего только на двѣ мѣры. Первая мѣра была осуществленіемъ проекта, который Цезарь имѣлъ въ виду еще въ 705 году, т. е. въ самомъ началѣ войны: это—*амнистія осужденнымъ по законамъ Помпея* [3]). Извѣстіе объ этой мѣрѣ мы находимъ, впрочемъ, впервые только въ письмѣ, писанномъ уже въ январѣ слѣдующаго года, т. е. въ началѣ испанской войны. Вторая мѣра, принятая Цезаремъ въ качествѣ praefectus moribus, заключалась въ *lex sumptuaria*. Но указанія и на эту мѣру мы находимъ уже въ позднѣйшей перепискѣ. Именно, мы находимъ въ пяти различныхъ мѣстахъ [4]) бѣглыя указанія и намеки, которые, будучи взяты вмѣстѣ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о сущности этого закона. Одинъ разъ этотъ законъ упоминается Цицерономъ по случаю постановки памятника Туллію; затѣмъ по поводу какой-то другой постройки упоминается о налогѣ на колонны—*columnarium*—; дважды по поводу пировъ вообще и отдѣльныхъ блюдъ вчастности. Изъ всѣхъ этихъ указаній можно заключить, что lex sumptuaria имѣла

[1]) 473. ad Div. IX. 15. [2]) 468. ad Div. IV. 9. (сент.). [3]) 523. ad Div. XV. 19. [4]) 598. ad Att. XIII. 7.—560. ad Att. XII. 35.—594. ad Att. XIII. 6.—474. ad Div. IX. 26.—494. ad Div. XIII. 26.

въ виду регулировать не только кулинарную и гастрономическую часть римскаго обихода, но простиралась и на область архитектуры. Изъ одного мѣста позднѣйшей переписки мы видимъ, однако, что законъ этотъ плохо прививался къ римской жизни и оставался, напротивъ, въ полнѣйшемъ пренебреженіи [1]). Вообще же видно, что Цезарь особенно много работалъ въ это свое пребываніе въ Римѣ, ибо теперь у него было «много важныхъ дѣлъ» [2]) такихъ, которыхъ прежде не было Отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе этихъ своихъ «важныхъ дѣлъ», поглощавшихъ большую часть его времени, отчасти же, быть можетъ, и вслѣдствіе своего новаго исключительнаго положенія, «доступъ къ нему сдѣлался слишкомъ затруднительнымъ» [3]). Доступъ къ Цезарю былъ теперь обставленъ даже извѣстными формальностями, отъ которыхъ уже вѣяло придворнымъ этикетомъ императорской эпохи. Доступъ къ Цезарю представлялъ собою уже извѣстнаго рода привилегію, которая давалась не всякому: нужно было имѣть «право доступа» — *jus adeundi* [4]). Не всѣ обладали этимъ правомъ, и покупалось оно подчасъ не дешево для воздыхателей «древней республики»,—покупалось цѣною личнаго самолюбія и республиканской гордости. Старыхъ республиканцевъ, вродѣ Цицерона, приводило въ негодованіе, напримѣръ, то обстоятельство, что имъ— быть можетъ, заслуженнымъ консулярамъ («*dignitas consularis*»)— приходилось по цѣлымъ часамъ сидѣть въ передней у Цезаря, въ ожиданіи, когда онъ къ нимъ соблаговолитъ выйти [5]). Во время же самыхъ пріемовъ у Цезаря происходили, если вѣрить Цицерону, такія сцены, которыя дѣйствительно могли покоробить даже простаго «римскаго человѣка», не только что гордаго оптимата [6]). Въ общемъ, однако, и самъ недовольный Цицеронъ не отказываетъ Цезарю «въ мягкости и привѣтливости» [7]), которую встрѣчали съ его стороны просители. Цицеронъ не указываетъ ни одного случая, чтобы Цезарь отказалъ кому либо въ просьбѣ; напротивъ, Цицеронъ, съ дѣлающимъ ему честь безпристрастіемъ, признаетъ, что Цезарь не только крайне внимательно относился къ

---

[1]) 598. ad Att. XIII. 7. (Въ іюлѣ 709 г.). [2]) 465. ad Div. VI. 7. [3]) ib. [4]) 464. ad Div. IV. 7. [5]) 630,2. ad Att. XIV. 1. — 681,3. ad Att. XIV. 2. [6]) 475,2. ad Div. VI. 14.—469. ad Div. IV. 4. [7]) ib.

своимъ просителямъ, но и поступалъ при этомъ съ всевозможной справедливостью [1]). Онъ не потворствовалъ разнымъ проходимцамъ, пытавшимся заручиться его благоволеніемъ посредствомъ заискиваній и лести; напротивъ, просьбы скромныя и серьезныя всегда находили къ нему доступъ [2]). Свидѣтельство Цицерона имѣетъ въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе вѣса, что исходитъ отъ человѣка предубѣжденнаго, который болѣе расположенъ замѣчать въ Цезарѣ дурныя стороны, чѣмъ хорошія.

Слѣдовательно Цезарь, вопреки пессимистическимъ ожиданіямъ Цицерона и зловѣщимъ предсказаніямъ Куріона, остался вѣрнымъ своему девизу, которому онъ слѣдовалъ съ самаго начала войны: «побѣждать посредствомъ милости и великодушія!» Онъ нетолько милуетъ тѣхъ изъ своихъ прежнихъ противниковъ, которые являются къ нему съ повинной, но, разъ помиловавъ, онъ не дѣлаетъ никакого различія между ними и «своими»; онъ простираетъ свое великодушіе и свое довѣріе къ этимъ людямъ до того, что вызываетъ восторженное удивленіе со стороны тѣхъ людей, которые еще недавно готовы были видѣть въ немъ втораго Суллу. Цезарь поручаетъ имъ важные административные посты и почетныя должности. Такъ, Д. Брута, одного изъ бывшихъ дѣятельныхъ приверженцевъ Помпея и будущихъ своихъ убійцъ, назначаетъ пропреторомъ Галліи [3]), Кассія дѣлаетъ своимъ легатомъ [4]). Даже М. Марцелла,—Марцелла, отъ котораго Цезарь столько потерпѣлъ въ свое время (*«acerbitas Marcelli»*) [5]) и противъ котораго онъ былъ раздраженъ болѣе, чѣмъ противъ кого либо другаго, [6]) Цезарь помиловалъ по ходатайству сената, [7]) и не только помиловалъ, но и «возвратилъ ему въ прежнемъ видѣ всѣ почести и отличія» [8]).—Ходатайство Цицерона и слезныя мольбы родственниковъ опальнаго доставили помилованіе также Лигарію, за котораго особенно усердно хлопоталъ Цицеронъ предъ Цезаремъ [9]).

Какъ бы то ни было, при такомъ положеніи вещей, гдѣ «все зависѣло отъ воли, чтобы не сказать—отъ произвола, одного» [10]), не могло быть болѣе рѣчи о республикѣ, о старой римской рес-

---

[1]) 514. ad Div. VI. 12. [2]) ib. 2. [3]) 470,10—11. ad Div. VI. 6. Срв. 481. ad Div. XVIII. 11. и др. [4]) 470,10. ad Div. VI. 6. [5]) 469,3. ad Div. IV. 4. [6]) 470,11. ad Div. VI. 6. [7]) 469,3. ad Div. IV. 4. [8]) 470,1. ad Div. VI. 6. [9]) 475. ad Div. Срв хрон. табл. [10]) 450,3. ad Div. IX. 16.

публикѣ; по выраженію Цицерона, отъ нея остались одни лишь обломки—*parietinae* [1]). Въ «старую» «добрую республику» [2]) было внесено потрясеніе, смута. Сенатъ, этотъ краеугольный камень идеальной цицероновской республики, пошатнулся еще ранѣе. Истые республиканцы стараго закала, вродѣ Цицерона, считали это учрежденіе не существующимъ съ того момента, какъ «Римъ остался безъ магистратовъ и безъ сената» — въ первую минуту гражданской войны. Тотъ сенатъ, который продолжалъ такъ именоваться послѣ этого, и который состоялъ изъ сенаторовъ, «продавшихся» Цезарю, не былъ въ ихъ глазахъ настоящимъ сенатомъ: это была не болѣе, какъ «сходка сенаторовъ» — *conventus senatorum* (см. выше, стр. 248). Но и тогда первое время сенатъ былъ всетаки еще далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. Тогда въ немъ всетаки еще оставались нѣкоторые слѣды прежняго республиканскаго духа, духа, который выразился, между прочимъ, въ тѣхъ протестахъ и интерцессіяхъ, съ которыми приходилось считаться Цезарю въ первое пребываніе свое въ Римѣ, послѣ бѣгства Помпея изъ Италіи. Тогда у сената хватало еще настолько духа, чтобы не склоняться безмолвно предъ побѣдителемъ, не останавливаться предъ опасностью возбудить противъ себя его неудовольствіе. Такъ было въ началѣ войны, въ 705 году. Теперь, въ 708 г., когда Цезарь возвратился побѣдителемъ изъ Африки, въ сенатѣ не осталось уже и слѣдовъ прежняго духа; Цезарю не пришлось встрѣтить ни тѣни сопротивленія, оппозиціи съ его стороны. Мы не находимъ въ перепискѣ сколько-нибудь подробныхъ свѣдѣній о положеніи сената по отношенію къ Цезарю въ данную минуту; но мы находимъ здѣсь эпизодъ, который въ достаточной степени характеризуетъ ту роль, какую игралъ въ это время сенатъ. Эпизодъ этотъ, имѣвшій мѣсто въ сенатѣ, въ сентябрѣ 708 г. (дѣло шло о М. Марцеллѣ, тогда еще не помилованномъ и находившемся въ изгнаніи въ Греціи), [3]) такъ передается Цицерономъ въ его письмѣ къ Сульпицію, въ концѣ сентября 708 г. [4]): «Что касается до самого Цезаря, то, сдѣлавъ упрекъ по адресу Марцелла за выказанную имъ враждебность по отношенію къ нему, Цезарю (*accusata acerbitate Marcelli*), и отозвавшись съ большой

[1]) 461. ad Div. IV. 3. Срв. 446. ad Div. IX. 6. [2]) 470. ad Div. VI. 6. [3]) 480. ad Div. IV. 11. [4]) 469,3. ad Div. IV. 4.

похвалой о твоей «лояльности» (*aequitas*) и «благоразумін»—я передаю точныя выраженія самого Цезаря,—[1]) онъ вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, прибавилъ: что касается до Марцелла, то, хотя самъ онъ того и не заслуживаетъ, я готовъ тѣмъ не менѣе исполнить просьбу сената (о помилованіи его).—Когда Пизонъ подалъ свой голосъ за Марцелла, и К. Марцелъ бросился къ ногамъ Цезаря, весь сенатъ быстро всталъ съ своихъ мѣстъ и съ умоляющимъ видомъ (*supplex*) вышелъ къ Цезарю»...

Уже одна эта картина «умоляющаго» сената, съ раболѣпной покорностью стоящаго предъ Цезаремъ, въ достаточной мѣрѣ опредѣляетъ свойство тѣхъ отношеній, которыя установились въ это время между сенатомъ и Цезаремъ. Ходатайство, просьба, мольба—вотъ тѣ формы, въ которыхъ можетъ теперь проявляться инпціатива сената предъ лицомъ «единовластителя», въ волѣ котораго отнынѣ—казнить и миловать... Цицеронъ, приведеный въ восторгъ этимъ актомъ великодушія Цезаря, актомъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣдой его, Цицерона, всѣхъ болѣе хлопотавшаго за Марцелла,—подъ вліяніемъ этого восторга, онъ готовъ видѣть въ этомъ фактѣ «проблескъ грядущаго возрожденія республики» [2]). Только увлеченіемъ и можно объяснить это оптимистическое ослѣпленіе Цицерона относительно факта, который всущности былъ тріумфомъ ненавистнаго ему монархическаго режима.

Другое письмо Цицерона [3]) еще глубже вводитъ насъ въ этотъ фактъ *политическаго ничтожества сената* въ данную минуту. «Не думаешь ли ты, пишетъ сенаторъ Цицеронъ своему другу Пету [4]), не думаешь ли ты, что менѣе бы состоялось сенатъ-консультовъ, еслибы я былъ,—напримѣръ, въ Неаполѣ (а не въ Римѣ). Пока я, не зная отдыха, хлопочу на форумѣ, сенатъ-консульты пишутся въ кабинетѣ твоего обожателя, моего пріятеля. Когда заблагоразсудится, то и мое имя вписываютъ въ числѣ присутствовавшихъ. И вотъ на дняхъ вдругъ я слышу, что въ Арменію и Сирію отправленъ сенатъ-консультъ, принятый якобы по моему предложенію. Не думай, что я шучу, я передаю тебѣ голые факты. И да будетъ тебѣ извѣстно, что мнѣ доставлены письма отъ царей тридевятыхъ царствъ, въ которыхъ они благодарятъ меня за то, что

[1]) Слова Цицерона. [2]) ib. 3. [3]) 473. ad Div. IX. 15. [4]) ib.

они, по моему предложенію, получили титулы царей. А я не только что объ этомъ,—объ нхъ существованіи ничего не зналъ»...

Вообще теперь, когда *omnia delata ad unum sunt,* [1]) *a quo omnia petuntur,* [2]) сфера политической дѣятельности какъ бы закрылась для римскаго гражданина-оптимата, привыкшаго принимать прямое или косвенное участіе въ управленіи «республикой», вліять на ея судьбы. Тотъ, кто еще недавно, по выраженію Цицерона, важно возсѣдалъ у кормила корабля, теперь едва находилъ мѣсто въ трюмѣ [3]). Человѣку, привыкшему играть роль въ сенатѣ [4]) и пользоваться вліяніемъ на форумѣ, [5]) приходилось теперь чувствовать себя лишнимъ человѣкомъ; человѣку, привыкшему вліять на судьбы государства, приходилось довольствоваться ролью пассивнаго наблюдателя и покорно-терпѣливо ждать, что вздумается предпринять человѣку, который теперь «все держалъ въ своей власти» [6]).

Что касается, далѣе, Испанской войны, то и о ней мы узнаемъ изъ переписки не болѣе, чѣмъ объ Африканской войнѣ. Въ Римѣ, гдѣ жилъ въ это время Цицеронъ, очевидно, такъ же мало знали о томъ, что происходило въ Испаніи, какъ гдѣ-нибудь въ Брундузіѣ, гдѣ въ это время находился Кассій [7]). Въ отвѣтъ на просьбу Кассія писать ему о ходѣ дѣлъ въ Испаніи, [8]) Цицеронъ въ каждомъ почти письмѣ къ послѣднему повторяетъ одно и тоже: «Относительно Испаніи—ничего достовѣрнаго»; [9]) «Ничего нѣтъ новаго» [10]). Одно только Цицеронъ находитъ возможнымъ утверждать положительно, это то, что, съ одной стороны—*omnis belli Mars communis,* съ другой,—что война ведется съ той и съ другой стороны съ одинаковымъ напряженіемъ и съ одинаково большими войсками (*magnae utrinque copiae*) [11]). По крайней мѣрѣ относительно Помпея-сына, Цицерону было извѣстно изъ присланной ему Цезаремъ копіи съ письма Паціека къ Цезарю,—что войско Помпея состояло изъ одиннадцати легіоновъ [12]). Кромѣ того, Цицеронъ находилъ возможнымъ—неизвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ—предполагать, что «война не будетъ продолжитель-

---

[1]) 468,2. ad Div. IV. 9. [2]) 465,3. ad Div. VI. 13. [3]) 473. ad Div. IX. 15. [4]) 461. ad Div. IV. 3. [5]) 451. ad Div. IX. 18. [6]) 466,2. ad Div. IV. 8.—465,3. ad Div. IX. 17. [7]) 520,4. ad Div. XV. 17. [8]) 523,4. ad Div. XV. 19. [9]) 518. ad Div. IX. 18. [10]) 526. ad Div. VI. 4. Срв. 520,3.—521. ad Div. VI. 18.—524. ad Div. VI. 3.—526. ad Div. VI. 4. [11]) 526,1. [12]) 521,2.

на» [1]). Собственно изъ *фактовъ* этой войны за это время (до января 709 г. включительно) мы узнаемъ объ одномъ только мелкомъ эпизодѣ, именно, о заговорѣ въ войскѣ Помпея. Заговорщики, возглавѣ съ нѣкимъ Кв. Салассомъ, имѣли въ виду устроить засаду въ одномъ изъ окрестныхъ городковъ, куда Помпей долженъ былъ явиться *rei frumentariae causa.* Тамъ предполагалось его схватить и выдать Цезарю. Заговоръ, однако, былъ во время открытъ, и Салассъ былъ казненъ въ виду всего Помпеева войска [2]).

Какъ относились къ «испанскому вопросу» въ Римѣ, гдѣ, по словамъ Цицерона, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ дѣлъ въ Испаніи? [3]) Въ отвѣтъ на это мы находимъ въ перепискѣ, хотя и немногочисленныя, но очень серьезныя указанія. Вотъ что писалъ, между прочимъ, Цицеронъ къ Торквату, въ *январѣ 709 г.*: [4]) «Общественное мнѣніе (*opinio hominum*) съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утверждается въ томъ убѣжденіи, что, если и существуетъ различіе относительно *мотивовъ войны* (*inter causas armorum*) между той и другой стороной, то небольшая будетъ разница между *результатами побѣды* той или другой стороны». Слѣдовательно, «общественное мнѣніе», т. е., очевидно, мнѣніе тѣхъ платоническихъ республиканцевъ, типическимъ представителемъ которыхъ является въ настоящую минуту самъ Цицеронъ,—одинаково пессимистически настроено было, какъ относительно Цезаря, такъ и относительно его новаго соперника. Значитъ, они перестали видѣть въ Цезарѣ исключительнаго врага республики, равно какъ на сына «Великаго Помпея» не смотрѣли уже какъ на ея защитника. Въ ихъ глазахъ и Цезарь и Помпей-сынъ представляются силами одинаково чуждыми и одинаково враждебными республикѣ. Эти силы, ушедшія теперь изъ Рима, ушедшія отъ республики, борются между собой и для себя, а имъ, платоническимъ представителямъ (какъ ихъ можно назвать въ отличіе отъ *дѣятельныхъ* представителей республики, сложившихъ свои кости въ Африкѣ) республики, остается чисто страдательная роль: наблюдать и ждать съ трепетомъ, чѣмъ все это кончится. Взаимное положеніе и вмѣстѣ характеристику этихъ трехъ партій, на которыя раздѣлялся въ данную минуту римскій

---

[1]) 526,1. [2]) 521,2. [3]) 520,3. ad Div. XV. 17. [4]) 526,1.

міръ, можно выразить коротко словами Цицерона: «Одни (т. е. двѣ партіи въ Испаніи—Цезаря и Помпея-сына) сражаются между собою, другіе (т. е. платоническіе республиканцы) страшатся побѣдителя»—*alteri dimicant, alteri victorem timent* [1]). Итакъ, кто бы ни побѣдилъ, побѣда—безусловное зло; но въ то же время она и *неизбѣжное* зло, потому что кто-нибудь да долженъ же въ концѣ концовъ побѣдить.—Но которое изъ этихъ двухъ золъ меньшее? «Общественное мнѣніе» отвѣчало на этотъ вопросъ такимъ образомъ. «Однихъ (цезаріанцевъ) мы уже испытали; относительно другаго (Помпея) для всякаго ясно, насколько страшенъ долженъ быть раздраженный, съ ногъ до головы вооруженный побѣдитель» [2]). Слѣдовательно, если вѣрить Цицерону, «*общественное мнѣніе» въ данную минуту склонялось гораздо болѣе въ сторону Цезаря, чѣмъ преемника «Великаго Помпея»*. Мы не знаемъ, насколько многочисленны были эти *homines*, которые раздѣляли такую *opiniopet*, но это не было единоличнымъ мнѣніемъ самого Цицерона, доказательствомъ чему можетъ служить письмо Кассія (къ Цицерону), относящееся къ тому же времени (января 709 г.), которое является дополненіемъ и вмѣстѣ комментаріемъ къ приведеннымъ выше отрывкамъ изъ писемъ Цицерона. Вотъ что между прочимъ пишетъ Кассій: [3]) «Извѣстно тебѣ, до какой степени ограниченный человѣкъ Кней; извѣстно тебѣ, далѣе, какимъ образомъ кровожадность считаетъ онъ добродѣтелью; извѣстно, наконецъ, то, что онъ догадывается, что служитъ посмѣшищемъ для насъ. Я не шутя боюсь, какъ бы онъ не отплатилъ намъ за наши насмѣшки солдатскимъ мечемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Кассій почти буквально повторяетъ ту мысль, которую приписываетъ «общественному мнѣнію» Цицеронъ. «Я готовъ, говоритъ Кассій, лучше имѣть стараго гуманнаго повелителя, чѣмъ испытать новаго жестокаго». Слѣдовательно, *самые горячіе республиканцы*—какъ Цицеронъ и Кассій—*стояли въ данную минуту гораздо ближе къ Цезарю, чѣмъ къ его сопернику.*

ОТНОШЕНІЯ ЦИЦЕРОНА КЪ ТЕКУЩИМЪ СОБЫТІЯМЪ.

Общій тонъ, общее направленіе этихъ отношеній остаются прежніе, отрицательные; и мотивы этихъ отношеній остаются

[1]) 524,4. ad Div. VI. 3. [2]) 526,2. [3]) 523,4. ad Div. XV. 19.

прежніе: недовольство настоящимъ, осужденіе прошедшему и пессимистическія ожиданія въ будущемъ. И здѣсь, какъ въ непосредственно предшествующей перепискѣ, мы постоянно встрѣчаемся въ письмахъ Цицерона съ жалобами на «несчастія», «бѣдствія» и всевозможныя «тягости». Именно въ формѣ «жалобы», «сѣтованія», а не въ формѣ протеста, сатиры выражается здѣсь это отрицательное, пессимистическое отношеніе Цицерона къ дѣйствительности. Это унылое, элегическое настроеніе, эти «ежедневныя сѣтованія»—*querelae quotidianae*, какъ лаконически-мѣтко охарактеризовалъ Лукцей это настроеніе Цицерона [1]),—эти «ежедневныя сѣтованія», принимающія часто характеръ какого-то безпричиннаго нытья, чего-то средняго между старческой хандрой и дѣтской плаксивостью, къ концѣ концовъ просто утомляютъ читателя, какъ утомляетъ слухъ монотонная музыка. Конечно, при болѣе внимательномъ наблюденіи, это первое впечатлѣніе окажется не совсѣмъ вѣрнымъ; окажется, что здѣсь такъ же мало безпричинности, какъ и во всемъ остальномъ. Окажется, что, если и нельзя для каждаго даннаго случая найти *rem sufficientem*, то общее настроеніе имѣетъ глубокія и разнообразныя причины, лежащія въ сферѣ гораздо болѣе широкой, нежели сфера личныхъ отношеній, частной жизни Цицерона. Стóитъ лишь внимательнѣе всмотрѣться въ эти причины, и намъ станетъ ясна глубокая и тѣсная связь этого настроенія Цицерона съ общей исторіей данной минуты.

Въ чемъ заключались тѣ «бѣдствія», на которыя жалуется въ это время Цицеронъ? Въ общемъ, это были тѣ же самыя бѣдствія, на которыя указывалъ онъ и ранѣе. Это, вопервыхъ, бѣдствія, которыя заставляли его страдать, какъ патріота; вовторыхъ, тѣ бѣдствія, которыя выпали на его долю, какъ политическаго дѣятеля и человѣка партіи, и, наконецъ, втретьихъ, несчастія и непріятности чисто личнаго характера.

Бѣдствія первой категоріи заключались въ печальномъ положеніи отечества, «республики» [2]), печальномъ положеніи «патріотовъ» и «крушеніи всѣхъ дѣлъ» [3]). Республика потрясена до

---

[1]) 568,2. ad Div. V. 14. [2]) 466. ad Div. IV. 8. [3]) 517,1. ad Div. VI. 1.

основанія [1]). Всѣ старые устои сдвинуты съ мѣста, и всѣ отношенія перепутались; все смѣшалось въ одну безпорядочную массу, въ безпросвѣтный хаосъ, въ которомъ нѣтъ никакой возможности ни оріентироваться, ни, тѣмъ менѣе, предугадать что-либо, разсмотрѣть что-либо впереди [2]). Политическая жизнь какъ бы замерла [3]). Республика разложилась, исчезла подобно тому, какъ исчезаетъ зданіе въ пламени пожара [4]); республика умерла, какъ умираетъ человѣкъ отъ моровой язвы [5]). Именно — *умерла*; не только потрясена до основанія, не только изобезображена, но и уничтожена [6]). Эти слова Цицерона не были для него пустой ораторской фразой, реторической гиперболой, это была идея, убѣжденіе, которымъ проникся Цицеронъ. Съ его точки зрѣнія и нельзя было иначе думать; ибо, хотя номинально республика продолжала существовать, но, съ его точки зрѣнія, это не была уже настоящая, «добрая республика» — *bona respublica* [7]), — но была фальшивая, «негодная республика» —*perdita respublica* [8]). Смерть, гибель республики, поэтому, для Цицерона —дѣло рѣшенное; небытіе республики — фактъ неподлежащій болѣе вопросу. Одни лишь незначительные «остатки» — *reliquiae* — свидѣтельствуютъ о существовавшей когда то республикѣ; подобно тому, какъ отъ корабля, потерпѣвшаго крушеніе, остаются одни только обломки, такъ точно одни только обломки,—*parietinae* [9]),— остались послѣ того крушенія, которое потерпѣла въ послѣднее время республика [10]). «Я пережилъ республику», говоритъ съ грустью Цицеронъ [11]), и онъ оплакиваетъ республику, какъ оплакиваетъ мать свое единственное дитя [12]). Смерть республики есть неизбѣжное слѣдствіе установленія единовластія [13]), основаннаго на силѣ—на всемогущей теперь силѣ оружія [14]), ея результатъ—рабство [15]). Этой своей стороной, этимъ господствомъ вооруженной силы, которое лежало въ основаніи новаго порядка, быть можетъ, всего болѣе и отталкивалъ онъ отъ себя Цицерона, который всегда чувствовалъ какую-то инстинктивную антипатію къ оружію, къ грубой силѣ.

---

[1]) 446. ad Div. IX. 6. [2]) 461,2. ad Div. IV. 3.—469.—470. ad Div. VI. 6. [3]) 472. ad Div. VII. 28. [4]) 439,1. ad Div. IX. 3. [5]) 461. [6]) 470. [7]) ib. [8]) ib. Срв. 526. ad Div. VI. 4.—527. ad Div. VI. 10. [9]) 461. [10]) 463. ad Div. VI. 13. [11]) 455. [12]) 456. ad Div. IX. 20. Срв. 472.—517. [13]) 466. [14]) 455. [15]) 474. ad Div. IX. 26.—518. ad Div. XV. 18.

Этимъ именно отвращеніемъ къ вооруженной силѣ и объясняется, повидимому, это тенденціозно-преувеличенное представленіе Цицерона о сущности новаго порядка, какъ о господствѣ террористическаго режима, въ которомъ значеніе права и вліяніе закона сведено къ нулю [1]), и въ которомъ надъ всѣмъ господствуетъ «произволъ мечей» [2]). Вообще, если «старый порядокъ» характеризуется, по представленію Цицерона, господствомъ «права и закона», такъ новый порядокъ отождествляется съ господствомъ произвола и грубой силы, исключающихъ всякое право, всякій законъ. Подобнымъ же образомъ Цицеронъ отождествляетъ политическую дѣятельность съ политической свободой, а эту послѣднюю съ республикой; а такъ какъ новый порядокъ, по мнѣнію Цицерона, устраняетъ всякую возможность политической дѣятельности другихъ, кромѣ *одного*, то онъ и есть, поэтому, отрицаніе республики. Но Цицеронъ идетъ еще дальше. Новый порядокъ— не только отрицаніе республики, но и отрицаніе всякаго политическаго порядка. Цицеронъ говоритъ о *status civitatis*, лишь какъ о возможности, о pium desiderium; онъ говоритъ: «въ случаѣ, если со временемъ установится [3]) какой-нибудь государственный порядокъ»; слѣдовательно онъ не признаетъ его существованія въ наличной дѣйствительности.

Не менѣе плачевнымъ, чѣмъ судьба республики, оказывается и положеніе патріотовъ—уже по тому одному, что судьба ихъ тѣсно связана съ судьбою послѣдней: ибо дѣло республики есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ собственное дѣло. Горькую обиду потерпѣли они, эти лучшіе граждане, въ своемъ патріотическомъ дѣлѣ [4]). Мало ихъ осталось, истинныхъ патріотовъ, такъ мало, что встрѣтить патріота не легче, чѣмъ увидѣть бѣлаго ворона [5]). Ихъ несчастное, угнетенное положеніе усугубляется еще тѣмъ, что они должны сносить эти высокомѣрные взгляды побѣдителей, [6]) ежеминутно сознавать свою зависимость отъ нихъ и чувствовать себя еще при этомъ обязанными милости послѣднихъ тѣмъ, что они живы, что они *пережили республику* [7]).

---

[1]) 450. ad Div. IX. 16.—474. [2]) 468. ad Div. IV. 9. Срв. 464. ad Div. IV. 7. [3]) 516,4. ad Div. IV. 14. Срв. 450. [4]) 479,2. ad Div. VI. 5. [5]) 472,2. ad Div. VII. 28. [6]) 440. ad Div. IX. 2. [7]) 455,1 ad Div. IX. 17.

Къ этой чисто гражданской скорби присоединяются и страданія отъ личныхъ несчастій и неудачъ, которыя, впрочемъ, находятся въ тѣсной связи съ «несчастіями республики», ибо, по выраженію Цицерона, съ ниспроверженіемъ общественныхъ отношеній, потерпѣли крушеніе и его личныя дѣла [1]). Вопервыхъ, Цицеронъ страдаетъ, какъ человѣкъ партіи, страдаетъ отъ прежнихъ своихъ друзей, «которымъ онъ не угодилъ, потому что остался въ живыхъ» [2]). «Упреки» ихъ [3]) тѣмъ болѣе задѣвали за сердце Цицерона, что онъ и самъ въ глубинѣ души не одобрялъ своего поведенія [4]). Если его бывшіе друзья не хотѣли ему простить того, что онъ оставался въ живыхъ, то, съ другой стороны, бывали минуты, когда Цицерону самому становилось досадно на себя за то, что онъ живъ [5]). Эти внутреннія угрызенія совѣсти доставляли, быть можетъ, ему болѣе душевныхъ страданій, чѣмъ всѣ рѣзкіе укоры его бывшихъ друзей. Эти угрызенія совѣсти поселили въ немъ то глубокое раздвоеніе, тотъ внутренній разладъ, который такъ ярко выступаетъ въ слѣдующихъ словахъ его письма къ Фигулу (въ окт. 708 г.): [6]) «Я самъ себѣ становлюсь противнымъ»—*mihi ipse displiceo.* Къ этому разладу съ самимъ собой присоединилось чувство одиночества. «Нѣтъ у меня, жалуется онъ тому же Фигулу, прежнихъ, въ свое время столь многочисленныхъ, друзей: однихъ унесла съ собой смерть; другіе, что бѣжали,—Богъ вѣсть, гдѣ они теперь...» [7]); «третьи измѣнили своему прежнему расположенію...» [8]). Но самымъ тяжкимъ бѣдствіемъ для Цицерона была утрата прежняго положенія въ «республикѣ»: прежней дѣятельности, прежняго вліянія, прежняго авторитета, прежняго почета. Цицерону, привыкшему видѣть въ политическомъ поприщѣ свое призваніе, [9]) привыкшему играть не только дѣятельную, но и видную роль въ республикѣ, приходилось теперь ограничиваться ролью пассивнаго наблюдателя, съ горькимъ сознаніемъ, что это «не его дѣло». Онъ, который привыкъ считать себя столько же необходимымъ для республики, сколько эту послѣднюю—обязанною себѣ вѣчной благодарностью

---

[1]) 517,1. ad Div. VI. 1. Срв. ib. 4. [2]) 448. ad Div. IX. 5.—440. ad Div. IX. 2.—452. ad Div. VII. 3. [3]) 440. [4]) 378. ad Att. X. 12. [5]) 463. ad Div. IV. 13. [6]) ib. 3. [7]) ib. [8]) 438. ad Div. V. 21. [9]) 470. ad Div. VI. 6.

за его, Цицерона, «безсмертныя благодѣянія» по отношенію къ ней, [1])—Цицеронъ, мнившій себя «защитникомъ» [2]) и «стражемъ республики» [3]) и одно время дѣйствительно игравшій первую роль въ государствѣ, [4])—Цицеронъ, привыкшій пользоваться авторитетомъ въ куріи [5]) и чувствовать себя царемъ на форумѣ, [6])—Цицеронъ, привыкшій «блистать въ тогѣ» [7]) и не забывшій еще о «прежнемъ своемъ достоинствѣ», [8])—долженъ былъ убѣдиться съ грустью, что ему «нѣтъ болѣе мѣста ни въ куріи, ни на форумѣ»; [9]) долженъ былъ отказаться отъ всякаго вліянія, отъ всякой дѣятельности, отъ всякаго почета; [10]) долженъ былъ лишиться всего, чѣмъ дорога была ему жизнь, и что было пріобрѣтено цѣною многолѣтнихъ усиленныхъ трудовъ; долженъ былъ отойти въ тѣнь со всѣмъ своимъ «знаніемъ прекрасныхъ искусствъ», [11]) и съ своей «славой великихъ дѣлъ», [12])—погрузиться въ неизвѣстность, [13]) и, наконецъ, въ заключеніе всего, быть лишеннымъ даже возможности высказывать вслухъ свою скорбь, свое недовольство [14]). Это послѣднее обстоятельство было для Цицерона, быть можетъ, одной изъ самыхъ тяжелыхъ сторонъ новаго порядка. Республиканская свобода, «свобода слова»—*libera oratio*,—[15]), которою ораторъ дорожилъ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ «свободой дѣйствія»,— теперь, когда «было попрано право», [16]) и «все зависѣло отъ произвола одного», — эта свобода представлялась теперь Цицерону всеконечно и безвозвратно погибшею [17]). Теперь уже нельзя было, какъ прежде, говорить и писать все, что вздумается [18]). Человѣку, который считалъ «долгомъ чести проводить на практикѣ или защищать *свободною рѣчью* свои убѣжденія», [19]) приходилось выбирать одно изъ двухъ: или «говорить то, чего не думаешь», [20]) или рисковать «вооружить противъ себя Цезаря или его близкихъ» [21]). Такимъ образомъ, Цицерону приходилось вѣчно чувствовать себя между двухъ огней:

---

[1]) 516. ad Div. IV. 14.—257. ad Div. VI. 10.—558. ad Div. V. 15.—468. ad Div. IV. 9.—472. ad Div. VII. 28.—469. ad Div. IV. 4. [2]) 463,3. ad Div. IV. 13. [3]) 473,3. ad Div. IX. 15. [4]) 469. ad Div. IV. 4.—473. ad Div. IX. 15. [5]) 461. ad Div. IV. 3. [6]) 451. ad Div. IX. 18. [7]) 470. ad Div. VI. 6. [8]) 469. Срв. 465,4. ad Div. VI. 13. [9]) 461. [10]) 463. Срв. 456. ad Div. IX. 20. [11]) 452. ad Div. VII. 3. [12]) ib. [13]) ib. [14]) 469. [15]) 516. ad Div. IV. 14. [16]) 450 ad Div. IX. 16. [17]) 516. [18]) 463. ad Div. IV. 13. [19]) 516. [20]) 468,2. ad Div. IV. 9. [21]) 450,3.

между страхомъ оскорбить кого либо изъ власть имущихъ — съ одной стороны, и опасностью оказаться малодушнымъ—съ другой [1]). Очень рельефно выражаетъ самъ Цицеронъ всю глубину совершившейся въ его положеніи перемѣны и значенія послѣдней для него лично. «Было время, пишетъ онъ къ своему пріятелю Пету [2]) (и сколько горечи въ этой, покушающейся на юморъ, фразѣ!..)— было время, когда я сидѣлъ у кормы и держалъ руль: теперь... теперь едва въ трюмѣ находится для меня мѣсто...» Прежній капитанъ корабля, теперь находящій себѣ мѣсто рядомъ съ багажомъ; недавній царь форума, нынѣ рабъ тиранніи; когда-то вліятельный дѣятель, нынѣ пассивный наблюдатель; человѣкъ, очутившійся вдругъ лишнимъ въ той области, въ которой привыкъ считать себя хозяиномъ; человѣкъ, «рожденный для дѣятельности достойной мужа»—и принужденный нетолько бездѣйствовать, но и безмолвствовать; «стражъ республики»—«пережившій республику», пережившій себя самого, свою славу, и очутившійся въ концѣ концовъ въ разладѣ съ самимъ собой,—Цицеронъ является заклятымъ врагомъ настоящаго. Онъ никакъ не можетъ примириться въ душѣ съ тѣмъ, чего уже не можетъ, однако, не признать совершившимся фактомъ: онъ никакъ не можетъ примириться въ душѣ съ этимъ новымъ порядкомъ вещей, въ которомъ ему все антипатично до безконечности, потому что все такъ вразрѣзъ идетъ съ его идеалами и такъ враждебно его личному благосостоянію, его личнымъ стремленіямъ, разсчетамъ, перспективамъ. *Гибель республики* — съ одной стороны, съ другой—*утрата собственнаго прежняго положенія*: вотъ тѣ два факта, въ которыхъ резюмируется для Цицерона этотъ новый порядокъ; вотъ исходный пунктъ его отрицательнаго отношенія къ послѣднему и вмѣстѣ съ тѣмъ—конечный результатъ его пессимистическихъ размышленій.

До какой степени глубоко было вліяніе этихъ двухъ фактовъ на Цицерона, это всего нагляднѣе можно наблюдать на двухъ любопытныхъ явленіяхъ, съ которыми знакомитъ насъ переписка этого времени. Первое изъ этихъ явленій заключается въ перемѣнѣ отношеній Цицерона «къ Риму, т. е. родинѣ», какъ онъ

---

[1]) ib. Срв. 516. [2]) 473. ad Div. IX. 15.

любитъ выражаться, хотя Римъ и не былъ мѣстомъ его рожденія. Уже въ самомъ началѣ, какъ мы выше видѣли, возгорѣвшаяся междоусобная война нанесла сильный ударъ тому наивно-восторженному отношенію къ Риму, той неподдѣльной любви къ родинѣ, къ родинѣ, къ родному мѣсту, которую такъ ярко рисуютъ намъ письма Цицерона изъ Киликіи (703—704 гг.). Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, гражданская война, съ ея отталкивающими явленіями и симптомами, все болѣе и болѣе охлаждала въ Цицеронѣ это наивное чувство къ Риму, къ родинѣ. Но оно не погасло въ немъ, не погасло до послѣдняго времени. По окончаніи Александрійской войны и дѣлъ въ Азіи, когда въ самыхъ широкихъ размѣрахъ проявилось великодушіе побѣдителя по отношенію къ своимъ бывшимъ противникамъ, Цицеронъ писалъ во всѣ концы римскаго міра письма къ своимъ друзьямъ-изгнанникамъ, призывая ихъ въ Римъ, настойчиво убѣждая ихъ возвратиться на родину, дороже которой ничего нѣтъ для человѣка» [1]). Цицеронъ не утратилъ этого чувства къ родинѣ и тогда, когда, послѣ бѣгства изъ Италіи, а затѣмъ—послѣ Фарсала, онъ рѣшился бѣжать отъ своихъ друзей, воинственнаго настроенія которыхъ онъ не раздѣлялъ. Онъ не бѣжалъ въ какой-нибудь «отдаленный мирный городокъ», какъ совѣтовали ему нѣкоторые изъ друзей, и какъ онъ самъ первоначально разсчитывалъ; [2]) но, вопреки собственнымъ соображеніямъ и чужимъ совѣтамъ, онъ предпочелъ «ринуться въ самую пучину раздора», лишь бы только быть «дома», на родинѣ, куда тянуло его безотчетное чувство. «Я возвратился домой, пишетъ онъ въ это время, [3]) не потому чтобы надѣялся найти здѣсь больше удобствъ, но для того, чтобы *быть на родинѣ*, если будетъ хотя какое либо подобіе республики; въ противномъ случаѣ—жить, какъ въ ссылкѣ, но все-таки дома...» Если въ этихъ словахъ нѣтъ уже прежняго увлеченія, прежней наивной восторженности, то все-же въ нихъ много еще теплаго чувства, много піэтета къ Риму-родинѣ. Въ письмахъ 708—709 гг. мы не находимъ уже и слѣда этихъ чувствъ, этого любовнаго и вмѣстѣ какъ бы благоговѣйнаго отношенія къ Риму, къ «родинѣ». То, что прежде въ глазахъ Цицерона было высшимъ счастіемъ—«быть

---

[1]) 468. ad Div. IV. 9. [2]) 367,5 ad Div. VIII. 16. [3]) 452. ad Div. VII. 3.

дома», «жить на родинѣ»,—то теперь оказывается величайшимъ бѣдствіемъ [1]). Цицеронъ сокрушается о томъ, что онъ попалъ въ Римъ, между тѣмъ какъ единственное теперешнее желаніе его—быть какъ можно дальше отъ Рима, чтобы не видѣть того, что надрываетъ душу, — удалиться въ какой-нибудь уединенный уголокъ, [2]) подальше, туда, «куда бы не доносилось имя Пелопидовъ» [3]). «Какъ бы хорошо уѣхать куда-нибудь, думается мнѣ», пишетъ онъ къ Варрону въ апрѣлѣ 708 г. [4]). Цицеронъ и привелъ бы въ исполненіе эту «прекрасную» мысль, еслибы его не удержали въ Римѣ нѣкоторыя, какъ казалось ему, вѣскія соображенія. Вопервыхъ, ему не хотѣлось сдѣлаться предметомъ толковъ и пересудовъ, которые, по его мнѣнію, долженъ былъ вызвать его, ничѣмъ не мотивированный, отъѣздъ изъ Рима [5]). Съ другой стороны, онъ не хотѣлъ отступать отъ своего обычнаго правила *diutius cogitare* и считалъ болѣе благоразумнымъ *подождать*, что скажутъ обстоятельства [6]). А потому, если онъ и выѣзжалъ изрѣдка изъ Рима, то развѣ только въ свой Tusculanum, и то, быть можетъ, не столько за тѣмъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, сколько съ цѣлью повидаться съ Аттикомъ, [7])— да въ Байи къ Варрону, «не столько за тѣмъ, чтобы покупаться, сколько за тѣмъ, чтобы поплакать» [8]). Если ранѣе Цицеронъ приглашалъ своихъ друзей-изгнанниковъ возвратиться въ Римъ, то теперь онъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ пишетъ, что напрасно жалуются они на свою изгнаннническую долю и завидуютъ тѣмъ, которые находятся въ Римѣ. «Я кажусь тебѣ счастливымъ, пишетъ Цицеронъ въ концѣ сентября (708 г.) къ Сульпицію, [9]) потому что нахожусь въ Римѣ; мнѣ же, напротивъ, ты кажешься несравненно болѣе счастливымъ, такъ какъ далеко находишься отъ этихъ тягостей». То же самое пишетъ Цицеронъ къ Курію въ концѣ 708 г. [10]) и къ Торквату въ началѣ 709 г. [11]).

Корень этой перемѣны въ настроеніи Цицерона относительно Рима-родины находится именно въ новомъ порядкѣ, въ его ненавистныхъ для Цицерона проявленіяхъ, въ его антипатичныхъ,

---

[1]) 526. ad Div. VI. 4. Срв. 517. ad Div. VI. 1.—452. ad Div. VII. 3. [2]) 438,1. ad Div. V. 21. [3]) 472. ad Div. VII. 28. Срв. 653. ad Div. VII. 30. 724,3. ad Att. XV. 11. [4]) 440,3. ad Div. IX. 2. [5]) ib.—439. ad Div. IX. 3. [6]) 440. [7]) 441. ad Att. XII. 1. [8]) 440.—439. [9]) 469. ad Div. IV 4. [10]) 472. ad Div. VII. 28. [11]) 517. ad Div. VI. 1.

отталкивающихъ для республиканскаго сердца подробностяхъ. Помимо личнаго мотива, помимо того, что, благодаря новому порядку, Римъ лично для Цицерона пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ, пересталъ быть поприщемъ для его политической дѣятельности и пьедесталомъ для его славы,—помимо этого личнаго мотива, сказывается здѣсь, и, такъ сказать, мотивъ гражданскій, *гражданская скорбь*, скорбь патріота, который видитъ свое отечество «обезображеннымъ» по винѣ новаго порядка [1]). Римъ утратилъ для Цицерона — и какъ для человѣка, и какъ для гражданина—все, чѣмъ до того онъ былъ ему дорогъ и милъ; въ теперешнемъ Римѣ, напротивъ, онъ на каждомъ шагу встрѣчается съ такими явленіями, которыя глубоко оскорбляютъ его республиканское и патріотическое чувство, которыя невыносимо-тягостны для него [2]). Цицерону кажется даже не безопаснымъ самое пребываніе въ Римѣ [3]); хотя болѣе, чѣмъ вѣроятно, что эти «опасности» были не чѣмъ инымъ, какъ плодомъ болѣзненно настроеннаго воображенія Цицерона и результатомъ его собственныхъ преувеличенныхъ страховъ. Это сознаетъ отчасти и самъ Цицеронъ въ минуты болѣе спокойнаго настроенія; тогда онъ самъ сознается, что больше зла въ самомъ страхѣ, чѣмъ въ томъ, что служитъ предметомъ страха [4]). Но, по обыкновенію своему, онъ скоро забываетъ эту истину и снова начинаетъ создавать въ своемъ воображеніи различныя небывалыя «опасности».

Читателю писемъ Цицерона этого времени приходится быть свидѣтелемъ и другой, еще болѣе любопытной и характерной, перемѣны въ общемъ настроеніи и даже въ образѣ жизни Цицерона. Сущность этой перемѣны характеризуетъ кратко самъ Цицеронъ въ своемъ письмѣ къ Пету [5]): «Я разбилъ палатку въ станѣ своего противника Эпикура», пишетъ онъ въ юмористическомъ тонѣ, плохо скрывающемъ горькую иронію этой фразы. И затѣмъ описываетъ — по внѣшности въ юмористическомъ, въ сущности же въ сатирическомъ духѣ—свой новый образъ жизни. «Вотъ мой теперешній образъ жизни. Утромъ принимаю въ своемъ домѣ, какъ патріотовъ — многочисленныхъ, но печальныхъ—,

---

[1]) 468. ad Div. IV. 9. [2]) 461. ad Div. IV. 3.—517. ad Div. VI. 1. — 452. ad Div. VII. 3. [3]) 526. ad Div. VI. 4. [4]) ib. [5]) 456. ad Div. IX. 20. Срв. 522. ad Div. XV. 16.

такъ и этихъ ликующихъ побѣдителей. Кончается пріемъ — принимаюсь за литературу: пишу, либо читаю. Тутъ приходятъ разные слушатели—послушать меня, якобы ученаго человѣка (положимъ, что вѣдь и вправду я немножко ученѣе ихъ). Остальное время все отдается тѣлу». «Обѣды и пиры», тѣ самыя *coenae et deliciae*, которыя въ прошедшемъ году вызывали у Цицерона возгласы удивленія, смѣшаннаго съ негодованіемъ, по какой-то злой ироніи судьбы, сдѣлались теперь однимъ изъ существенныхъ элементовъ его собственной повседневной жизни [1]), при чемъ глава «патріотовъ» возлежалъ на одномъ triclinium'ѣ, рядомъ съ «этими ликующими побѣдителями»... Старый стоикъ-республиканецъ превращается въ эпикурейца, сотрапезника тирановъ... Это могло бы служить благодарной темой для остроумія Цицерона, который, не вынося чужихъ насмѣшекъ, всегда охотно подсмѣивается самъ надъ собой, — еслибы подъ внѣшней комической стороной этого факта не скрывалось много глубокаго трагизма, еслибы это смѣшное не было вмѣстѣ «такъ грустно» для Цицерона. Онъ и пытается часто трактовать эту тему въ юмористическомъ тонѣ (въ письмахъ къ Пету), но это ему не всегда удается: юморъ у него невольно сбивается на сарказмъ, а шутливая улыбка искривляется въ болѣзненную гримасу. «Такъ-то живется!» — *Sic igitur vivitur*! [2])...

Цицеронъ самъ очень хорошо сознавалъ эту перемѣну и ставилъ ее въ тѣсную связь съ перемѣною въ политическомъ порядкѣ,—съ гибелью республики и республиканской свободы и водвореніемъ тиранніи и рабства. Съ утратой этой свободы, съ утратой «форумскаго царства» — *amisso regno forensi* [3]),—съ утратой прежняго своего значенія и славы, Цицерону ничего болѣе не оставалось, какъ «заняться игрою», т. е. тѣмъ, что онъ считалъ до сихъ поръ недостойнымъ «настоящаго мужа» и «добраго гражданина», что̀ творилось «въ лагерѣ его противника Эпикура», и что сводилось въ концѣ концовъ къ одному плотоугодію (*corpori omne tempus datur*) [4]). (По обыкновенію своему Цицеронъ, любящій доводить до крайнихъ предѣловъ всякое впечатлѣ-

---

[1]) 474,3 — 4. ad Div. IX. 26.—450.—456. ad Div. IX. 20.—451. [2]) 474,4. [3]) 451,1. [4]) 456,3.

ніе, и въ этомъ случаѣ впадаетъ въ очевидное преувеличеніе: какъ можно видѣть изъ его же писемъ, онъ бо́льшую часть времени посвящалъ не «тѣлу», а литературнымъ занятіямъ).

Этому пессимистическому отношенію Цицерона къ настоящему вполнѣ соотвѣтствуетъ столь-же пессимистическій взглядъ на будущее. Размышленія о настоящемъ заставили его отказаться отъ мысли о возможности «возстановленія республики» въ будущемъ, которое представляется ему все въ болѣе и болѣе мрачномъ свѣтѣ. «Безпадежность и страхъ» [1]) — вотъ два основныхъ мотива его отношенія къ будущему. Съ каждымъ днемъ, говоритъ онъ въ началѣ 708 г., положеніе становится все болѣе и болѣе безнадежнымъ [2]). Цицеронъ все болѣе и болѣе приходитъ къ убѣжденію въ *нескончаемости*, вѣчности «этого тягостнаго положенія» [3]). Еще ранѣе этого онъ уже «махнулъ рукой на республику» [4]). Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ полному отчаянію относительно будущаго [5]).

По временамъ мы замѣчаемъ въ Цицеронѣ проблески болѣе оптимистическаго настроенія; бываютъ минуты, когда онъ точно оживаетъ духомъ, и въ немъ снова просыпаются надежды; ему кажется, что еще не все потеряно, — что не вѣчно же будетъ продолжаться это горестно обидное положеніе [6]), — что придетъ наконецъ время, когда «снова оживетъ республика» [7]). Разъ, въ минуту такого оптимистическаго настроенія, ему даже показалось, что онъ уже видитъ это «возрожденіе республики» [8]). Въ такія минуты исчезаютъ страхи и безпадежность, угнетающіе его душу [9]); къ нему возвращаются прежнія бодрость и самоувѣренность. Но это не болѣе, какъ мимолетные моменты, которые такъ же скоро проходятъ, какъ быстро наступаютъ; они не въ состояніи, поэтому, заглушить это общее пессимистическое настроеніе Цицерона, которое не могло быть излѣчено временемъ, этимъ лекарствомъ пустыхъ людей [10]). Это пессимистическое настроеніе должно было быть тѣмъ устойчивѣе, что, между тѣмъ какъ явленія, которыя могли вызывать противоположное настроеніе, были

---

[1]) 517,2. ad Div. VI. 1. [2]) 432. ad Div. VI. 22. Срв. 461. ad Div. IV. 3. [3]) 463. ad Div. IV. 13. [4]) 456. ad Div. IX. 20. [5]) 472. ad Div. VII. 28. [6]) 527. ad Div. VI. 10. [7]) 469. ad Div. VI. 4. [8]) 517. [9]) 455. ad Div. IX. 17. [10]) 472. Срв. 526.

рѣдки и случайны, пессимистическое настроеніе постоянно находило себѣ пищу въ окружающей дѣйствительности [1]). По временамъ это настроеніе доходитъ у Цицерона до той ступени, когда человѣку становится противною самая жизнь, и смерть представляется чѣмъ-то желаннымъ. И Цицеронъ, при всемъ своемъ жизнелюбіи [2]), находилъ, однако, «много причинъ желать смерти» [3]); ибо, если даже въ счастіи человѣкъ долженъ презирать смерть [4]), то въ тѣхъ «величайшихъ бѣдствіяхъ» [5]), которыя постигли патріотовъ, послѣдніе должны желать смерти, какъ величайшаго блага [6]).

Но, съ другой стороны, въ этой до крайности живой и подвижной натурѣ столько же мало устойчивости находили эти крайнія проявленія пессимизма, сколько и проявленія противоположнаго настроенія. Единственно, что оставалось до извѣстной степени устойчивымъ, это—*общій тонъ*, отрицательный, пессимистическій; проявленія же противоположнаго настроенія, равно какъ и крайнія проявленія пессимизма,—эти крайности были не болѣе, какъ случайными и мимолетными явленіями. Обусловливалось это, впрочемъ, не одними свойствами натуры Цицерона, живой и подвижной, вѣчно волнующейся, постоянно колеблющейся между противоположными крайностями, способной увлекаться минутой и, подъ впечатлѣніемъ этой послѣдней, забывать о впечатлѣніяхъ другой, прошлой минуты: кромѣ этой причины, лежавшей въ самыхъ свойствахъ темперамента Цицерона, сказывалось въ данномъ случаѣ вліяніе и другаго обстоятельства. Если, съ одной стороны, внѣшнія явленія текущей дѣйствительности не давали пищи оптимистическимъ увлеченіямъ, то, съ другой стороны, и крайнія проявленія пессимизма и отчаянія не находили себѣ почвы въ этическихъ принципахъ Цицерона, требовавшихъ мужественнаго, твердаго, стоическаго отношенія къ внѣшнимъ невзгодамъ [7]), ибо «добродѣтель сама въ себѣ находитъ поддержку» [8]). Цицеронъ *не хочетъ*, поэтому, отдаваться овладѣвающему имъ чувству безнадежности и отчаянія; онъ постоянно борется съ послѣднимъ, борется съ самимъ собой; онъ пытается, если не прогнать, то по

---

[1]) 472. [2]) 455. [3]) 452. ad Div. VII. 3 [4]) 438. ad Div. V. 21. Срв. 463.—452. [5]) 438. [6]) ib. Срв. 440. ad Div. IX. 2. [7]) 517. [8]) ib. 4.

крайней мѣрѣ ослабить это чувство, забыть, хотя на время, объ «этихъ гнетущихъ тягостяхъ» [1]). Онъ *ищетъ* себѣ этого «забвенія», ищетъ себѣ *утѣшенія* въ томъ или другомъ воспоминаніи, въ томъ или другомъ впечатлѣніи, въ томъ или другомъ соображеніи, въ той или другой дѣятельности наконецъ. Онъ ищетъ и находитъ то, чего ищетъ.

Онъ находитъ себѣ утѣшеніе прежде всего—въ *сознаніи чистой совѣсти*, въ сознаніи своей правоты и «свободы отъ вины» [2]), въ сознаніи истинности своихъ убѣжденій, [3]) въ сознаніи чистоты и безупречности своихъ побужденій, [4]) въ сознаніи, наконецъ, исполненнаго долга по отношенію къ республикѣ-отечеству [5]). Цицеронъ припоминаетъ, для собственнаго утѣшенія, свою прошлую жизнь, прошлую дѣятельность, «честно пройденный путь жизни»; [6]) припоминаетъ «славу великихъ дѣлъ» [7]) и свои «безсмертныя благодѣянія» въ отношеніи отечества-республики [8]); припоминаетъ, что онъ всегда былъ честнымъ гражданиномъ и патріотомъ, который всегда *bene de republica sensit*, [9]) *recteque fecit*, [10]) что онъ не забывалъ для личныхъ выгодъ объ общемъ благѣ, [11]) и потому можетъ считать себя свободнымъ отъ всякаго упрека, какъ честный гражданинъ и патріотъ [12]).

Но это утѣшеніе омрачается у него нерѣдко сомнѣніемъ, которое приходитъ ему въ голову: а что, если онъ, Цицеронъ, поставившій высшимъ нравственнымъ принципомъ τὸ καλὸν δι' αὐτὸ [13]), и полагающій высшее счастіе въ томъ, чтобы *bene sentire rectque facere*, [14])—что, если онъ «уклонился съ пути долга» [15]) уже тѣмъ самымъ, что онъ *живъ*, что онъ живетъ, когда друзья его умираютъ за отечество?... [16]) Въ томъ-то и была бѣда, что Цицеронъ, который всегда *желалъ* быть честнымъ, не всегда *умѣлъ* быть таковымъ и, при честномъ образѣ мыслей, не всегда могъ похвалиться честнымъ образомъ дѣйствій, хотя при этомъ въ самомъ же себѣ находилъ неумолимаго судью.

---

[1]) ib. [2]) 452. Срв. 450. [3]) 526. [4]) 517.—461. [5]) 458. ad Div. V. 13. [6]) 526. [7]) 452. [8]) 516. ad Div. IV. 14. Срв. 468. ad Div. IV. 9.—458.—469.—472.—527. ad Div. VII. 10. [9]) 516. [10]) 517. ad Div. VI. 1. Срв. 452. ad Div. VII. 3. [11]) 438. ad Div. V. 21. [12]) 450 ad Div. IX. 16. [13]) 520 ad Div. XV. 17. [14]) 517. ad Div. VI. 1. [15]) 400,3. ad Att. XI. 7. [16]) 463. ad Div. IV. 13.

Далѣе, Цицеронъ находитъ искомое утѣшеніе въ нѣкоторыхъ свойствахъ, въ нѣкоторыхъ сторонахъ тѣхъ самыхъ фактовъ и явленій, которыя были собственно источникомъ его пессимистическаго настроенія.

Вопервыхъ. Республика погибла. Правда. Это, конечно, большое несчастіе. Но всетаки несчастіе это далеко не такъ велико, какъ можно было бы думать. Ибо *какая* республика погибла? Дѣйствительно ли ужь такъ неизмѣримо велика эта утрата? дѣйствительно ли стóитъ сокрушаться объ *этой*, о *такой* республикѣ?... Къ утѣшенію своему, Цицеронъ находитъ возможнымъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Республика погибла окончательно *теперь*; но вѣдь уже до этого она была на половину погибшей, испорченной, искаженной, потрясенной [1]). Это вѣдь не была уже та «добрая», «свободная и счастливая» республика, въ которой и онъ, Цицеронъ, когда-то «жилъ благородною жизнью», «процвѣтая авторитетомъ и популярностью»... [2]) Лишиться *такой* республики было бы, дѣйствительно, величайшимъ несчастіемъ [3]); но вѣдь это не такъ. *Quod mihi*, пишетъ онъ къ Цецинѣ, [4]) *ad consolationem commune tecum est, non ab ea republica avellar, qua carendum esse doleam*; а потому, говоритъ Цицеронъ въ утѣшеніе себѣ и своему другу, во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ очень сокрушаться о гибели *этой* республики, ибо она вовсе не заслуживаетъ такого сожалѣнія, какъ заслуживала бы гибель «доброй республики» [5]). (Ибо, по представленію Цицерона, настоящая *bona respublica* была только *pristina, vetus respublica*).

Затѣмъ—задается Цицеронъ вопросомъ—имѣемъ ли мы еще *право жаловаться* на свою «въ корнѣ потрясенную судьбу»? [6]) И отвѣчаетъ такимъ же отрицаніемъ. Нѣтъ, *мы не въ правѣ жаловаться на судьбу*, потому что не судьба виновата, а виноваты во всемъ мы сами: не по винѣ судьбы, а *по нашей винѣ* [7]) случилось то, что мы вокругъ себя и предъ собой видимъ «всеобщій хаосъ и замѣшательство» [8]). Развѣ было для кого-либо нечаянностью, неожиданностью то, что происходитъ теперь на нашихъ глазахъ? Развѣ не была ясна всѣмъ и каждому возможность и даже необходимость того, что случилось?... [9]) По крайней мѣрѣ

---

[1]) 470. ad Div. VI. 6. [2]) 527. Срв. 465. ad Div. VI. 13. [3]) 526. ad Div. VI. 4. [4]) 470. [5]) ib. [6]) 438. [7]) 472. Срв. 446. ad Div. IX. 6. [8]) 470. [9]) 517. ad Div. VI. 1.

за себя лично, Цицеронъ категорически и неоднократно заявляетъ, что для него не только не было неожиданностью ничто изъ того, что потомъ случилось,—напротивъ—все это онъ *предвидѣлъ* и все, что произошло въ послѣднее время, было имъ задолго *предсказано* [1]). Приводя на память нѣкоторыя мѣста изъ прежней переписки, мы должны признать, что эти слова Цицерона не были простымъ хвастовствомъ. Во всякомъ случаѣ мы ничего не имѣемъ возразить ему противъ его выраженія о себѣ: «я предвидѣлъ болѣе, чѣмъ прочіе» [2]).

Наконецъ, утѣшаетъ Цицерона та сторона современной печальной дѣйствительности, которую онъ усматриваетъ, какъ «мужъ философъ»—*vir philosophus*,—какъ полу-шутя, полу-серьезно называетъ себя Цицеронъ [3]). Утѣшаетъ его «размышленіе объ общности человѣческаго жребія», [4]) — о томъ, что постигшее несчастіе есть не его только личное горе, а общее бѣдствіе, равное для всѣхъ гражданъ, и слѣдовательно—нѣсколько софистическое заключеніе—личныя жалобы и сѣтованія, жалобы отдѣльной личности были бы равносильны притязаніямъ съ ея стороны на «нѣкоторую исключительную, привилегированную судьбу» [5]).

Но всѣ эти «утѣшенія» были лишь ничтожными пальятивами въ сравненіи съ тѣмъ прочнымъ и глубокимъ утѣшеніемъ, которое Цицеронъ находитъ въ наукѣ—въ тогдашнемъ смыслѣ слова, т. е. главнымъ образомъ въ литературныхъ занятіяхъ. Цицерону, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кому-либо другому въ тѣ времена, было знакомо то «блаженство мысли», о которомъ говоритъ древній философъ, и которое заключается въ интеллектуальной дѣятельности. Коротко, но изящно и выразительно опредѣляетъ Цицеронъ значеніе этихъ занятій для себя въ данную минуту въ письмѣ къ Аппію. «Готовься переживать, пишетъ Цицеронъ, [6]) эти тяжелыя времена вмѣстѣ съ нами. Съ своей стороны, я охотно сообщилъ бы тебѣ рецептъ врачеванія нашего недуга, еслибы мнѣ самому удалось открыть таковой. Впрочемъ, есть одно вѣрное *убѣжище*: это — наука и литература... Если въ былое время, въ счастливое время, онѣ доставляли намъ *наслажденіе*, то теперь

---

[1]) 461,1.—452.—455. ad Div. IX. 17. Срв. 470,6. [2]) 526. [3]) 455,2. [4]) 470. [5]) 517. ad Div. VI. 1. [6]) 514,5. ad Div. VI. 12.

онѣ дадутъ намъ больше: онѣ дадутъ намъ *спасеніе...*» «Нѣтъ ничего, что бы облегчало такъ душу, какъ интеллектуальный трудъ...» пишетъ Цицеронъ въ другомъ письмѣ, къ Сульпицію, въ сентябрѣ 708 г. [1]). Онъ постоянно возвращается въ своихъ письмахъ къ этой темѣ и варьируетъ ее на разные лады. Здѣсь личность Цицерона выступаетъ передъ нами одной изъ наиболѣе симпатичныхъ сторонъ своего характера, которая невольно подкупаетъ насъ въ его пользу. Не смотря на реторизмъ выраженій, въ которыя облекаетъ Цицеронъ эти свои идеи, это не было, тѣмъ не менѣе, пустое фразерство: это было дѣйствительно искреннее исканіе «убѣжища и утѣшенія» среди окружавшихъ бѣдъ и напастей. Онъ съ любовью останавливается на воспоминаніи о «тускуланскихъ дняхъ»—*Tusculani dies*,—[2]) о тѣхъ дняхъ, когда «вмѣстѣ съ Варрономъ они проводили время въ литературныхъ занятіяхъ», [3]) «отводя на нихъ свою душу» [4]). Онъ желалъ бы теперь снова «жить вмѣстѣ (съ Варрономъ), чтобы заодно отдаться этимъ своимъ занятіямъ, въ которыхъ онъ искалъ прежде наслажденія, а нынѣ ищетъ спасенія [5]). «И развѣ возможно было бы еще жить, еслибы не оставалось этого единственнаго убѣжища — литературы»?... [6]); еслибы не существовало этой единственной области, въ которой можно отвести душу, свободно вздохнуть; [7]) еслибы не существовало этого единственнаго врачевства, цѣлебной силы котораго мы не чувствовали на себѣ, пока были здоровы, но въ которомъ является такая настоятельная потребность въ настоящую минуту, когда мы одержимы тяжкою болѣзнью?.. [8]) Цицеронъ до такой степени вѣритъ во всеисцѣляющую силу этого врачевства, что необинуясь рекомендуетъ Сульпицію, точно также страдавшему гражданской скорбью *de pernicie et peste reipublicae*, [9]) «обратиться къ тѣмъ занятіямъ, которыя были его всегдашнею пищей чуть не съ первыхъ лѣтъ жизни» [10]).

Это не было одно только платоническое—хотя и само по себѣ симпатичное, но не переходящее въ дѣйствительность—стремленіе; это не были одни красивыя, но пустыя слова: это было и

---

[1]) 469,4. ad Div. IV. 4. Срв. 470.—440. ad Div. IX. 2. [2]) 446. ad Div. IX. 6. [3]) 440,5. [4]) 446,5. [5]) 440,5. [6]) 474. ad Div. IX. 26. [7]) 439,2. ad Div. IX. 3. Срв. 446,5.—469. [8]) 439,2. [9]) 461. ad Div. IV. 3. [10]) ib. 3.

дѣло. Цицеронъ не ограничился одними словесными изліяніями по адресу «своихъ старыхъ друзей—книгъ» [1]), но самъ первый пошелъ отыскивать ихъ, для того чтобы «возвратиться къ нимъ» [2]). «Да будетъ тебѣ извѣстно, пишетъ онъ къ Варрону въ началѣ 708 г. [3]), что, съ тѣхъ поръ какъ я возвратился въ Римъ, я возобновилъ свою прежнюю дружбу съ старыми своими друзьями, т. е. съ книгами. Не то чтобы разрывалъ съ ними или поссорился, но — сказать правду — мнѣ было немножко стыдно ихъ... Дѣло въ томъ, что, повидимому, я недостаточно повиновался ихъ внушеніямъ, когда ринулся въ самую пучину политической борьбы... Они прощаютъ мнѣ; они призываютъ меня снова въ свою прежнюю дружбу»... На этотъ разъ Цицеронъ остается вѣрнымъ возобновленной дружбѣ, и въ близости къ «своимъ друзьямъ» ищетъ спасенія отъ всѣхъ тягостей и невзгодъ. Когда мрачныя мысли начинаютъ роиться въ головѣ, и грустное чувство западаетъ въ душу, онъ «уходитъ въ свою библіотеку», гдѣ и «затворяется» одинъ, съ глазу на глазъ съ своими друзьями-книгами. При этомъ Цицеронъ «дружитъ» съ ними не только какъ читатель, но также и какъ авторъ; его занятія въ библіотекѣ въ это время «приносили, по его собственнымъ словамъ, плоды болѣе обильные, чѣмъ когда-либо» [4]). Было бы, однако, ошибочно думать, что это «возвращеніе къ старымъ друзьямъ» было со стороны Цицерона абсолютнымъ удаленіемъ отъ прежней дѣятельности, полнымъ отрѣшеніемъ отъ политической злобы дня. Это «возвращеніе» его къ литературнымъ занятіямъ не было той рѣзкой перемѣной, которая происходитъ въ человѣкѣ, когда онъ, подъ вліяніемъ неудачъ и разныхъ подавляющихъ впечатлѣній, встрѣченныхъ имъ на извѣстномъ поприщѣ практической дѣятельности, махаетъ рукой на все, чѣмъ до сей минуты жилъ и интересовался, удаляется и затворяется въ своемъ кабинетѣ, для того чтобы здѣсь, въ ничѣмъ не возмущаемой тиши, отдаться другому интересу, интересу теоретическому, интересу чистой науки,— чтобы въ этой, чуждой треволненій минуты, области отвести свою душу, *забыть* о томъ, что̀ волнуетъ его современниковъ... Ничего подобнаго не имѣлъ въ виду Цицеронъ, когда «возвращался къ

---

[1]) 431. ad Div. IX. 1. [2]) ib. [3]) 472,2. ad Div. VII. 28. [4]) 439,2. Срв. 469.—527.

своимъ старымъ друзьямъ». *Это было только удаленіе отъ дѣлъ, а не удаленіе отъ политическаго интереса минуты.* Цицеронъ оставилъ поле политической дѣятельности, потому что оно было занято теперь другими дѣятелями; но онъ вовсе не думалъ отрекаться отъ политической злобы дня, — не думалъ зарываться въ глубину своей библіотеки, для того чтобы закрыть глаза на то, что̀ творится на оставленномъ имъ полѣ. Нѣтъ, онъ хотѣлъ жить и продолжалъ жить прежнимъ интересомъ, политическимъ интересомъ. *Literae* — была только новая, болѣе соотвѣтственная его новому положенію, *форма* той же политической дѣятельности. Въ новой сферѣ, въ сферѣ научной и литературной, Цицеронъ вовсе не думаетъ «отложить всякое попеченіе о республикѣ» [1]), какъ это сдѣлалъ онъ въ сферѣ практической дѣятельности; онъ попрежнему хочетъ «служить республикѣ». Обстоятельства не позволяютъ ему служить республикѣ въ куріи, на форумѣ—онъ будетъ служить ей въ стѣнахъ своего дома; обстоятельства не позволяютъ ему служить республикѣ на поприщѣ практической, государственной дѣятельности, въ качествѣ государственнаго человѣка— онъ будетъ служить ей на поприщѣ *мысли*, какъ философъ и публицистъ; онъ будетъ служить республикѣ посредствомъ литературныхъ и ученыхъ сочиненій, изслѣдованій въ области морали и политики, чтобы оказать тѣмъ посильную помощь дѣлу «воссозданія республики»,—«не только какъ архитекторъ, но и какъ простой рабочій» [2])...

ОТНОШЕНІЯ ЦИЦЕРОНА КЪ ЦЕЗАРЮ И КЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ПАРТІЯМЪ.

Въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю происходитъ въ это время существенная перемѣна, которая находится въ тѣсной связи съ другою перемѣною, съ перемѣною въ общихъ взглядахъ Цицерона на событія современной дѣйствительности, въ пониманіи ихъ смысла и значенія. До сихъ поръ, какъ мы видѣли, въ этихъ взглядахъ, въ этомъ пониманіи преобладала та наивная, эпическая точка зрѣнія, по которой всѣ событія представляются непосредственнымъ результатомъ индивидуальной воли тѣхъ или другихъ

---

[1]) 456. ad Div. IX. 20. [2]) 440,5. ad Div. IX. 2.

личностей. Становясь на эту точку зрѣнія, Цицеронъ, какъ мы видѣли, искалъ причинъ всей гражданской войны въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ отдѣльныхъ актахъ ихъ индивидуальной воли. Такимъ образомъ, вопросъ о *причинахъ* событій, о причинахъ войны, съ этой точки зрѣнія, превращался въ вопросъ о *виновникахъ* событій, о виновникахъ войны. Какъ мы видѣли выше, Цицеронъ, смотря по времени, по обстоятельствамъ, по настроенію, видитъ этихъ виновниковъ то въ Цезарѣ и его приверженцамъ, то въ Помпеѣ и въ людяхъ его партіи. Но преимущественно, какъ мы видѣли, Цицеронъ останавливается болѣе на первомъ, на Цезарѣ, какъ на виновникѣ всѣхъ бѣдъ и напастей, обрушившихся на республику. Старый порядокъ, старая республика рушилась. Вотъ, можно сказать, грандіозный историческій фактъ. Цицеронъ не спрашиваетъ о *причинахъ* этого факта, онъ ищетъ *виновниковъ*, или виновника—и находитъ его въ лицѣ Цезаря. Республика погибла, это—дѣло Цезаря: *Цезарь* разрушилъ ее; это—результатъ его злой воли, его злодѣйства. И вотъ готова почва, на которой выростаетъ затѣмъ это странное представленіе о Цезарѣ, какъ о какомъ-то романтическомъ злодѣѣ, злодѣѣ по призванію, — зломъ изъ любви къ злу, — врагѣ всего добраго изъ ненависти къ добру, — врагѣ и разрушителѣ республики и свободы изъ любви къ тираніи и изъ ненависти къ свободѣ.

Теперь это наивное міросозерцаніе уступаетъ мѣсто болѣе зрѣлому, говоря другими словами, *этическое пониманіе событій уступаетъ мѣсто пониманію историческому*, которое ищетъ причинъ болѣе глубокихъ и болѣе общихъ, чѣмъ личная воля отдѣльныхъ людей и отдѣльные акты этой воли. Здѣсь впервые мы встрѣчаемся въ письмахъ Цицерона съ идеей, которая, правда, не получила у него болѣе или менѣе подробнаго, детальнаго развитія, но которая и въ той общей, нѣсколько отвлеченной формѣ, представляетъ совершенно новое явленіе въ его міросозерцаніи. Идея эта заключается въ томъ, что причинъ тѣхъ событій и фактовъ, результатомъ которыхъ было ненавистное Цицерону современное положеніе дѣлъ, слѣдуетъ искать не въ поступкахъ и мотивахъ отдѣльныхъ личностей, а въ «*природѣ вещей и въ условіяхъ времени*»—*temporum rerumque natura*, — т. е., какъ мы бы сказали, въ историческихъ условіяхъ. Въ нихъ, въ этихъ историческихъ

условіяхъ, въ «силѣ всеобщаго историческаго движенія» — *vis et mutatio omnium rerum atque temporum*— [1]) слѣдуетъ искать настоящаго источника новаго порядка вещей, т. е. гибели республики и водворенія тираніи, со всѣми ихъ сопутствующими фактами. Цицеронъ проникается убѣжденіемъ, что за этой «безбожной войной», за всѣми этими «злополучными событіями», видимыми двигателями которыхъ представляются исключительно личности съ ихъ индивидуальными стремленіями и мотивами, скрываются идеи, принципы исторіи. Чрезвычайно характерна въ этомъ отношеніи перемѣна, происшедшая въ направленіи одной изъ главныхъ формъ, въ которыхъ проявлялось и проявляется пессимистическое настроеніе Цицерона, — въ его ламентаціяхъ, въ его «сѣтованіяхъ» — *querelae*. Цицеронъ продолжаетъ и теперь, какъ прежде, «жаловаться», сѣтовать, но онъ сѣтуетъ, жалуется не на «злодѣйство» Цезаря и «безуміе» Помпея и т. д., какъ мы прежде видѣли, а жалуется на «*обиду времени*» *injuria temporum* [2]). Въ тѣсной связи съ этой перемѣной въ міросозерцаніи Цицерона находится та глубокая перемѣна въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю, которую мы наблюдаемъ, читая письма Цицерона за это время. Если прежде, въ глазахъ Цицерона, корнемъ всего зла, виновникомъ всѣхъ «бѣдствій» былъ Цезарь, то теперь вся эта тяжелая отвѣтственность, падавшая на голову Цезаря, снимается съ него: она падаетъ теперь на «обстоятельства и условія времени». Цицеронъ, бывшій до сихъ поръ безпощаднымъ обвинителемъ Цезаря, теперь самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ, *что нельзя винить Цезаря за то, что̀ случилось*. «Не онъ виноватъ въ этомъ, во власти котораго теперь все находится» [3]). Но вѣдь, по убѣжденію Цицерона, республика погибла: слѣдовательно водворилась тиранніи? Прежде, какъ мы видѣли, Цицеронъ утверждалъ это положительно; теперь—по крайней мѣрѣ не отрицаетъ. Слѣдовательно, Цезарь—тиранъ?... Выше мы видѣли, съ какой, можно сказать, любовью развивалъ Цицеронъ эту мысль, мысль о тираніи Цезаря. Замѣчательно, что теперь, въ настоящемъ отдѣлѣ переписки, Цицеронъ ни разу не называетъ Цезаря тираномъ;

---

[1]) 470,10. ad Div. VI. 6. Срв. 463,2. ad Div. IV. 13. [2]) 527,4. ad Div. VI. 10. [3]) 472,3. ad Div. VII. 28.

даже больше того: нигдѣ въ теперешнихъ письмахъ мы не находимъ даже этихъ словъ: «тираннъ», «тираннія»,—словъ, которыми буквально испещрены письма предыдущихъ отдѣловъ. Цицеронъ, видимо, *избѣгаетъ* касаться этой когда-то излюбленной своей темы; ему, видимо, *не хочется* говорить о тираніи, потому что не хочется назвать тираномъ Цезаря. Всего однажды—и то въ очень сдержанномъ тонѣ—говоритъ онъ о «*единовластіи*»—*dominatus* [1]); но болѣе охотно говоритъ о другой сторонѣ этого факта, о «*рабствѣ*» [2]). По отношенію же лично къ Цезарю Цицеронъ употребляетъ теперь еще болѣе сдержанный эпитетъ—*princeps* [3])—слово, не заключавшее въ себѣ ничего ненавистнаго для римлянина-республиканца. Но вѣдь ясно, что, разъ Цицеронъ признаетъ фактъ «рабства» и существованіе «единовластія», онъ *eo ipso* признаетъ существованіе «тираніи», а слѣдовательно—признаетъ косвенно то, что ранѣе утверждалъ прямо, т. е. что Цезарь — тираннъ? Цицеронъ и не отрицаетъ этого. Но почему онъ не называетъ Цезаря тираномъ, какъ прежде? почему онъ не называетъ его этимъ ненавистнымъ именемъ? Потому, что, съ теперешней точки зрѣнія Цицерона, *Цезаря нельзя винить за то, что онъ—тираннъ.* Тираннія существуетъ. Правда. Но не Цезарь сдѣлалъ ее, а создала ее «сила вещей» — *vis rerum* [4]). Ему такъ же мало можно ставить въ вину то, что онъ—тираннъ, какъ имъ, «патріотамъ», то, что они—рабы: какъ они сдѣлались рабами не потому, чтобы хотѣли сдѣлаться рабами, а потому что не могли не сдѣлаться рабами, такъ и Цезарь сдѣлался тираномъ не потому, чтобы *хотѣлъ* сдѣлаться тираномъ, а потому, что *не могъ* имъ не сдѣлаться; *Цезарь – тираннъ поневолѣ, какъ они — поневолѣ рабы.* Если, говоритъ Цицеронъ, мы—рабы Цезаря, то Цезарь самъ—рабъ историческихъ условій [5]); если надъ нами виситъ тираннія Цезаря, то надъ Цезаремъ тяготѣетъ другая, еще болѣе тяжелая, тираннія, «*тираннія времени*», требованіямъ котораго Цезарь точно также принужденъ покоряться, какъ мы велѣніямъ Цезаря [6]), ибо и онъ, при всемъ своемъ могуществѣ, не въ силахъ ничего сдѣлать противъ «силы всеобщей перемѣны вещей и времени». [7]).

---

[1]) 466,2. ad Div. IV. 8. [2]) 374. ad Div. IX. 26.—518. ad Div. XV. 18. [3]) 455. ad Div. IX. 17. [4]) 463. ad Div. IV. 13. [5]) 455. [6]) ib. [7]) 463,2.

Итакъ, *Цезарь не вслѣдствіе своей злой воли сдѣлался тираномъ, а вслѣдствіе обстоятельствъ, отъ него не зависящихъ, обстоятельствъ, стоящихъ внѣ сферы его вліянія, его личной воли,— вслѣдствіе неизбѣжной, роковой необходимости, лежащей въ «природѣ вещей и въ условіяхъ времени»*. Эту мысль Цицеронъ проводитъ такимъ образомъ. Условія и свойства даннаго времени— суть условія и свойства всякой междоусобной смуты, всякой гражданской войны [1]). Можно винить того или другаго, какъ зачинщика войны, но разъ жребій брошенъ, разъ война сдѣлалась фактомъ, отвѣтственность за ея конецъ, за ея послѣдствія, нельзя ни на какого возлагать, потому что всѣ эти послѣдствія уже предрѣшены въ тотъ моментъ, когда война сдѣлалась фактомъ, эти послѣдствія заключаются *implicite* уже въ самой этой войнѣ. Начать или не начать войну, это, говоритъ Цицеронъ, дѣло зависящее отъ воли отдѣльныхъ лицъ, остальное все роковая необходимость [2]). Разъ существуетъ война, должна существовать и побѣда;—если двое бьются, одному изъ нихъ необходимо сдѣлаться побѣдителемъ, и слѣдовательно тираномъ, потому что таково ужъ свойство «междоусобной побѣды», что она всегда влечетъ за собой тираннію [3]), и вотъ почему самый печальный моментъ въ исторіи междоусобной войны, это — моментъ побѣды одной изъ сторонъ [4]).

Такова та цѣпь необходимостей, начальнымъ кольцомъ которой служитъ фактъ междоусобной войны, а конечнымъ—тиранніи. Въ этой цѣпи необходимостей не остается мѣста для личной инициативы Цезаря, а слѣдовательно — и для его «вины», для его личной отвѣтственности: какъ тиранъ, онъ не столько палачъ республики, сколько жертва «времени и вещей». Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, Цезарь представляется въ роли, болѣе страдательной, чѣмъ дѣятельной: его роль, какъ дѣйствующаго лица, сводится почти къ нулю; онъ представляется скорѣе слѣпымъ орудіемъ безличной, стихійной силы, «силы временъ и вещей», чѣмъ сознательнымъ и произвольнымъ факторомъ. Какъ реакція противъ прежняго наивно-обличительнаго отношенія къ Цезарю, эта новая точка зрѣнія,—такъ сказать, исторически оправдательная,

---

[1]) 470,8. ad Div. VI. 6. [2]) ib. [3]) ib. 3. [4]) 468,3. ad Div. IV. 9.

естественно грѣшитъ односторонностью. Если нельзя было видѣть въ Цезарѣ какого то верховнаго заправителя историческихъ судебъ, то нельзя было видѣть въ немъ и слѣпое орудіе судьбы. Оправдывать Цезаря такимъ образомъ, какъ это дѣлаетъ Цицеронъ, значитъ платить за оправданіе гораздо дороже, чѣмъ оно стоитъ; это значитъ, снимая съ него незаслуженныя обвиненія, отказывать ему въ томъ, что̀ ему принадлежитъ по праву. Но эта односторонность, эта крайность во всякомъ случаѣ понятна: таково ужъ свойство всякой реакціи. Но важно въ данномъ случаѣ то, что Цицеронъ, бывшій до сихъ поръ неутомимымъ и безпощаднымъ обвинителемъ Цезаря, становится теперь его горячимъ защитникомъ. Онъ защищаетъ Цезаря отъ всѣхъ упрековъ, которые самъ же дѣлалъ прежде по его адресу. Напримѣръ, какъ мы видѣли, онъ обвинялъ его въ «жестокости» по отношенію къ Помпею. Теперь онъ устраняетъ этотъ упрекъ, и—что чрезвычайно характерно—устраняетъ его не отрицаніемъ самаго факта жестокости: нѣтъ, онъ признаетъ этотъ фактъ, но, оставаясь вѣрнымъ своей точкѣ зрѣнія, онъ снимаетъ съ Цезаря *отвѣтственность* за эту жестокость. Конечно, говоритъ Цицеронъ, Цезарь не щадилъ Помпея, но это—дѣло оружія и побѣды, [1]) которой, по самой природѣ междоусобной войны, присуща жестокость, [2]) а не—дѣло Цезаря [3]). Прежде Цицеронъ готовъ былъ подозрѣвать въ каждомъ шагѣ Цезаря затаенную злодѣйскую цѣль,—въ смыслѣ тиранническихъ замысловъ. Теперь онъ вовсе не думаетъ отказывать Цезарю и его стремленіямъ въ лояльности и честности. Даже болѣе того: Цицеронъ готовъ допустить даже, что, «быть можетъ, и самъ онъ (Цезарь) желаетъ республики»; [4]) онъ допускаетъ, что Цезарь воодушевленъ самыми честными стремленіями, но что условія времени парализуютъ эти его стремленія; поэтому, такъ какъ «даже Цезарю не подъ силу бороться противъ силы всеобщей перемѣны вещей и временъ», [5]) то самыя лучшія намѣренія его остаются втунѣ. И вообще, всѣ тѣ отрицательныя, съ точки зрѣнія Цицерона, явленія текущей дѣйствительности, которыя дѣлали ненавистнымъ для него новый порядокъ вещей, онъ

---

[1]) 470,10. [2]) 468. [3]) 470,10.—468,3. [4]) 455,2. ad Div. IX. 17. Срв. 641,1. ad Div. XII. 17. [5]) 463.

приписываетъ теперь не Цезарю, не его злой волѣ, какъ это онъ ранѣе дѣлалъ, а именно этой всемогущей «силѣ вещей и временъ».

Кромѣ того, Цицеронъ усматриваетъ и еще одинъ элементъ, парализующій благія начинанія Цезаря. Хотя Цезарь и всемогущъ, такъ какъ «въ его рукахъ вся власть» — *omnis potestas*,—при всемъ томъ однако онъ далеко не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Ему, могуществееному побѣдителю, приходится теперь считаться съ отдѣльными самолюбіями и притязаніями тѣхъ людей, которые играли ту или другую роль въ его возвышеніи, — которые такъ или иначе содѣйствовали его побѣдѣ и теперь заявляли притязанія на извѣстную долю власти, доставшейся побѣдителю. Отсюда и вышло, что, какъ говоритъ Цицеронъ, «побѣдителю приходится поступать даже вопреки собственному желанію,—въ угоду тѣмъ, которымъ онъ обязанъ своей побѣдой» [1]).

Цицеронъ не только оправдываетъ и защищаетъ Цезаря, не только превращается изъ неутомимаго и неумолимаго обвинителя въ горячаго адвоката, но изъ непримиримаго антицезарьянца превращается въ пламеннаго поклонника Цезаря. Характеристика, которую дастъ теперь Цицеронъ Цезарю, представляетъ собою діаметральную противоположность той характеристикѣ, какую мы видѣли въ предшествующей перепискѣ. По прежней характеристикѣ, Цезарь по природѣ жестокъ, а если иногда и поступаетъ великодушно, то изъ коварнаго разсчета (*insidiosa clementia*). Послушаемъ, что говоритъ Цицеронъ теперь. «Цезарь по природѣ кротокъ и милостивъ»—*mitis clemensque natura*,—[2]) «снисходителенъ и щедръ» [3]). «Я удивляюсь, говоритъ Цицеронъ въ другомъ мѣстѣ, [4]) такту (*gravitatem*), справедливости и мудрости Цезаря». Далѣе, Цезарь, который, по прежней характеристикѣ, представлялся гонителемъ всѣхъ знатныхъ и выдающихся людей, теперь оказывается ихъ покровителемъ и почитателемъ [5]). Цезарь приводитъ Цицерона въ изумленіе и въ восторгъ своимъ «величіемъ духа», [6]) доказательство котораго онъ видитъ въ той умѣренности, съ которою Цезарь пользуется своею побѣдой, и которая, по его словамъ, стоитъ выше всякаго сравненія [7]). Это восторженное, граничащее съ по-

---

[1]) 468,3. Срв. 455,2. [2]) 470,8. Срв. 455,2. 3. [3]) 468,4. [4]) 470,10. [5]) 466,2. ad Div. IV. 8. [6]) 469,4. ad. Div. IV. 4. [7]) ib. 2.

клоненіемъ, отношеніе Цицерона къ человѣку, котораго онъ еще такъ недавно клеймилъ самыми позорными и оскорбительными именами, представляетъ въ высшей степени любопытный фактъ для характеристики самого Цицерона; но для насъ онъ интересенъ, конечно, не съ этой стороны. Помимо того значенія, какое имѣетъ онъ вообще для уясненія отношеній Цицерона къ Цезарю, этотъ фактъ любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что на немъ мы можемъ видѣть, до какой степени противорѣчивыя сужденія о себѣ могъ вызывать Цезарь въ одномъ и томъ же человѣкѣ,— для скольких противоположныхъ представленій давала матерьялъ эта личность, и, въ частности, насколько мало устойчивости имѣло представленіе о немъ Цицерона.

Какъ бы то ни было, Цицеронъ, по отношенію къ Цезарю, превращается изъ гонителя Савла въ вѣрующаго Павла и съ ревностью истаго прозелита начинаетъ проповѣдывать свою новую *вѣру*, вѣру въ Цезаря. Онъ пишетъ въ разные концы римскаго міра письма своимъ друзьямъ-изгнанникамъ, увѣряя ихъ въ кротости, гуманности, великодушіи, щедрости, умѣренности, мудрости и справедливости Цезаря, и убѣждая ихъ безъ всякаго страха возвращаться въ Римъ [1]).

Цицеронъ до такой степени увлекается ролью адвоката, защитника Цезаря, что часто становится настоящимъ прокуроромъ въ отношеніи къ «своимъ». Онъ съ такимъ увлеченіемъ защищаетъ Цезаря, что ради него не щадитъ «своихъ» и даже себя самого. Онъ готовъ сложить часть отвѣтственности за прошедшее на своихъ и даже на самого себя, лишь бы только снять ее съ Цезаря. «Не Цезарь виноватъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, [2]) въ томъ, что̀ случилось, но частію независящія обстоятельства (*casus*), частію мы сами (*nostra culpa*)». Даже относительно факта войны: ужъ если, говоритъ Цицеронъ, необходимо считать кого-нибудь ея виновникомъ, то вина въ этомъ случаѣ должна пасть скорѣе на нашихъ друзей, чѣмъ на Цезаря; ибо, продолжаетъ онъ, наши друзья

[1]) Письмо къ Сульпицію (*сент. 708 г.*): 461. ad Div. IV. 3. Три письма къ М. Марцеллу (*сент. 708 г.*): 464. ad Div. IV. 7.—466. ad Div. IV. 8.—468. ad Div. IV. 9. Письмо къ Цецинѣ (*окт. 708 г.*): 470. ad Div. VI. 6. Письмо къ Лигарію (*ноябрь 708 г.*): 475. ad Div. VI. 14. Письмо къ Цецинѣ (*кон. 708 г.*): 479. ad Div. VI. 5.
[2]) 472,3. ad Div. VII. 28.

хотьли войны, тогда какъ онъ, Цезарь, не столько хотѣлъ, сколько *не боялся* ея [1]).

Слѣдствіемъ этой перемѣны во взглядахъ Цицерона на Цезаря было болѣе близкое и болѣе искреннее сближеніе его съ послѣднимъ. Сближеніе это началось, правда, еще ранѣе: признаки его мы имѣли возможность отмѣтить еще въ перепискѣ предшествующаго отдѣла; но тогда этому сближенію не доставало именно *искренности*, такъ какъ въ основѣ его лежалъ разсчетъ и вмѣстѣ—*компромиссъ*. Теперь, по выраженію самого Цицерона [2]), не было болѣе причины лицемѣрить, притворяться, потому что теперь онъ могъ быть друженъ съ Цезаремъ искренно, безъ всякаго лицемѣрія,—не *вопреки* своимъ симпатіямъ, а *въ силу* своихъ симпатій,—не входя въ компромиссъ съ своими убѣжденіями, а напротивъ, въ полномъ согласіи съ послѣдними. До сихъ поръ Цицеронъ *игралъ роль* друга по отношенію къ Цезарю; теперь онъ могъ *быть* его другомъ,—могъ, не кривя душой, сказать: «Я люблю Цезаря»—*Caesarem amo*— [3]), какъ прежде говорилъ: «Я ненавижу Цезаря»—*Caesarem odi*. Прежній злодѣй и обидчикъ превращается теперь въ благодѣтеля, [4]) (какъ нѣкогда Помпей). Цицеронъ называетъ теперь Цезаря — безъ всякой ироніи — «своимъ коллегой»—*collega noster* [5]).

И Цезарь, съ своей стороны, видимо, не желалъ оставаться въ долгу у Цицерона. Цицеронъ пишетъ съ восторгомъ къ своимъ друзьямъ о томъ сердечномъ отношеніи, какое онъ встрѣчаетъ со стороны Цезаря. «О еслибы ты зналъ, какъ онъ меня любитъ!» пишетъ онъ къ Цецинѣ [6]). Не только ни тѣни отчужденія или нерасположенія не высказываетъ Цезарь по отношенію къ Цицерону, [7]) а, напротивъ, съ каждымъ днемъ Цицеронъ замѣчаетъ все болѣе и болѣе доброжелательства и искренности съ его стороны [8]). Цицеронъ не находитъ достаточно словъ для выраженія своего восторга по поводу той изысканной любезности и готовности, съ какою Цезарь спѣшилъ не только исполнить, но даже предупредить каждое желаніе его [9]).

---

[1]) 446,2. ad Div. IX. 6. [2]) 450,2. ad Div. IX. 16. [3]) 517. ad Div. VI. 1. [4]) 470,5. ad Div. VI. 6. [5]) 462,2. ad Div. XIII. 68. По августеву. [6]) 470,10. [7]) 527,2. ad Div. VI. 10. [8]) ib.—465,3. ad Div. VI. 13. [9]) 463,2. ad Div. IV. 13.

Характернымъ выраженіемъ новыхъ отношеній Цицерона съ Цезаремъ служитъ, между прочимъ, одинъ фактъ, который подалъ поводъ Цецинѣ назвать Цицерона «всеобщимъ патрономъ» — *omnium patronus* [1]). Цицеронъ играетъ роль посредника, ходатая передъ Цезаремъ за своихъ опальныхъ друзей. Мы имѣемъ въ перепискѣ указанія на эту его роль по отношенію къ Лигарію [2]), къ М. Марцеллу, [3]) къ Требіану [4]) и др. Изъ этихъ фактовъ видно между прочимъ, что Цицеронъ пользовался даже извѣстнымъ вліяніемъ у Цезаря въ это время.

Однимъ словомъ, въ эту минуту устанавливаются такія отношенія между Цицерономъ и Цезаремъ, которыя очень напоминаютъ собою тѣ отношенія, какія существовали ранѣе, еще до войны, между Цицерономъ и Помпеемъ. Теперь произошла перестановка ролей: Цезарь становится для Цицерона тѣмъ, чѣмъ былъ когда-то Помпей, и наоборотъ. Дружба съ Цезаремъ развивается у Цицерона параллельно съ отрицательнымъ отношеніемъ къ Помпею, къ его памяти. Какъ прежняя связь Цицерона съ Помпеемъ имѣла въ своей основѣ личную дружбу съ одной стороны, съ другой—политическую солидарность; такъ теперь Цицеронъ начинаетъ видѣть въ Помпеѣ не только бывшаго своего политическаго противника, какъ врага республики, но и личнаго своего недоброжелателя, ненавистника [5]).

Благодаря такому обороту дѣлъ, у Цицерона, до сихъ поръ обуреваемаго со всѣхъ сторонъ разными страхами, однимъ страхомъ стало меньше, ибо со стороны Цезаря теперь ему уже нечего было опасаться [6]). Цицеронъ не скрываетъ своего удовольствія по поводу такого оборота. Это и понятно. Чего онъ до сихъ поръ добивался цѣною страшныхъ усилій и не безъ ущерба собственному достоинству, теперь онъ обладалъ этимъ и, что всего важнѣе, обладалъ безъ всякаго компромисса съ самимъ собой, съ своими чувствами и убѣжденіями. Совѣсть его была теперь спокойнѣе. Цицеронъ, хорошо понимавшій всю цѣну

---

[1]) 478,4. ad Div. VI. 7. [2]) 475,2. ad Div. VI. 14.—604,2. ad Att. XIII. 12.—611,2. ad Att. XIII. 19.—627,3. ad Att. XIII. 44. [3]) 469. ad Div. IV. 4. [4]) 527. ad Div. VI. 10. и др. Прекраснымъ дополненіемъ къ этимъ краткимъ указаніямъ могутъ служить стр. 235—241 книги Буасье, „Циц. и его др.“ [5]) 438,2. ad Div. V. 21.—470. Срв. 452,2. ad Div. VII. 3. [6]) 450,3. ad Div. IX. 16.

такого пріобрѣтенія, не могъ не дорожить имъ. И мы видимъ изъ всего его поведенія по отношенію къ Цезарю, что онъ дѣйствительно дорожилъ, по крайней мѣрѣ въ данное время, этимъ своимъ пріобрѣтеніемъ. Цицеронъ поставилъ себѣ за правило дѣлать всегда угодное Цезарю [1]) и тщательно избѣгать всего, что могло бы нарушить установившуюся гармонію въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ [2]). Онъ очень деликатно отклонилъ отъ себя предложенную было ему Аттикомъ «архимедову проблему», какъ называетъ Цицеронъ предложенную ему послѣднимъ тему—панегирикъ Катону [3]), ибо, говоритъ Цицеронъ, подобное произведеніе было бы *odiosum ἄκουσμα* для Цезаря и его людей [4]). Изъ тѣхъ же соображеній, вѣроятно, была отклонена Цицерономъ и мысль о женитьбѣ на дочери Помпея [5]).

Въ тѣсной связи съ этой капитальной перемѣной въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю находится перемѣна и въ отношеніяхъ его къ политическимъ партіямъ, или, чтобы выразиться точнѣе, къ людямъ тогдашнихъ партій. Эта послѣдняя перемѣна вполнѣ соотвѣтствуетъ той перемѣнѣ, о которой сейчасъ шла рѣчь. Сближенію съ Цезаремъ отвѣчаетъ сближеніе съ людьми его партіи, а охлажденіе къ «патріотамъ» вполнѣ гармонируетъ съ охлажденіемъ къ Помпею, съ отрицательнымъ отношеніемъ къ его памяти. И здѣсь точно такъ же происходитъ перестановка ролей: и здѣсь отрицательное отношеніе со стороны Цицерона переносится съ «негодяевъ»-цезаріанцевъ на друзей-«патріотовъ». Можно слѣдить по перепискѣ за постепеннымъ развитіемъ этого отрицательнаго отношенія Цицерона къ своимъ друзьямъ, по мѣрѣ того какъ подвигается сближеніе его съ цезаріанцами. Это отрицательное отношеніе развивается постепенно, какъ мы видѣли, изъ того ядра, которое было заложено еще въ началѣ войны—фактомъ «угрозъ» со стороны бѣжавшихъ за Помпеемъ оптиматовъ по адресу тѣхъ изъ своихъ собратій, которые, подобно Цицерону, остались въ Италіи [6]). Переваривая теперь въ своемъ мышленіи этотъ фактъ недавняго прошлаго, Цицеронъ приходитъ къ заключенію, что въ этой партіи не было уже и тогда ничего хорошаго, кромѣ знамени, на которомъ было написано слово «республика», [7]) и что,

[1]) 469,4. ad Div. IV. 4. [2]) ib. 5. Срв. 450,6. [3]) 445. ad Att. XII. 4. [4]) ib. [5]) 515,1. ad Att. XII. 11. См. Billerb. III. 209. [6]) 446. ad Div. IX. 6. [7]) 452,2. ad Div. VII. 3.

пожалуй, едва ли бы лучше было, еслибы побѣдителями остались не «негодяи»-цезаріанцы, а «друзья»-помпеянцы [1]). Потомъ это заключеніе, эта идея, пока еще не рѣшительно высказанная, начинаетъ принимать все болѣе и болѣе рѣзкую форму. Немного спустя, Цицеронъ находитъ уже, что, несомнѣнно, было бы хуже, если бы побѣдили помпеянцы [2]). (Это пишется въ то время, какъ восторгаются «умѣренностью побѣдителя»—Цезаря) [3]); а потому слава Богу, что побѣдителями остались не «наши»...

Другой почвой, на которой развивается отрицательное отношеніе Цицерона къ «своимъ», было, какъ мы видѣли, недовольство послѣднихъ Цицерономъ за его, казавшійся имъ ужъ черезчуръ осторожнымъ, образъ дѣйствій, за его, такъ сказать, цезарефильство и за недостаточную преданность республикѣ. Очевидно, на этотъ именно фактъ указываетъ рѣзкая фраза Цицерона въ письмѣ къ М. Марію, по адресу «своихъ порицателей»—*vituperatores mei*—,«которые ставятъ ему, Цицерону, въ вину то, что онъ находится въ живыхъ» [4]). Къ нимъ же относится, вѣроятно, и выраженіе—«невѣжество варваровъ»—*barbarorum inscitia*—,[5]) свидѣтельствующее о сильномъ раздраженіи противъ нихъ Цицерона. Но когда онъ заявляетъ въ презрительно - самоувѣренномъ тонѣ, что его нимало не интересуетъ то, что̀ говорятъ о немъ тѣ, которымъ онъ, Цицеронъ, не угодилъ, потому что остается въ живыхъ, [6]) то эта пренебрежительная мина есть не болѣе, какъ довольно плохая гримировка, которая не въ состояніи скрыть отъ насъ истиннаго чувства, чувства страха передъ этими «порицателями», которые вѣдь всетаки назывались *boni*, предъ приговоромъ которыхъ Цицеронъ всегда ощущалъ въ себѣ какой-то инстинктивный страхъ [7]). Однимъ словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ вполнѣ аналогичнымъ съ тѣмъ, которое намъ пришлось отмѣтить въ предшествующемъ отдѣлѣ переписки (707 г.). Итакъ, *враждебность* и *страхъ*,—вотъ что, слѣдовательно, было основными мотивами отношеній Цицерона въ данное время къ людямъ той партіи, которую онъ называлъ обыкновенно «*nostri*».

---

[1]) 438. ad Div. V. 28. [2]) 446,3. ad Div. IX. 6. [3]) 469,2. [4]) 452,6.—440. ad Div. IX. 2.—448. ad Div. IX. 5. [5]) 439,2. ad Div. IX. 3. [6]) 448,2. [7]) 510. ad Div. IV. 14. Срв. 450,5.

Совершенную противоположность представляютъ отношенія Цицерона къ тѣмъ, кого прежде онъ называлъ врагами своими и республики,—къ цезаріанцамъ. Одинъ изъ главныхъ пунктовъ программы Цицерона, сложившейся въ его головѣ подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій и новыхъ политическихъ комбинацій, заключался въ томъ, чтобы, какъ самъ онъ формулировалъ свою идею, «снискать благоволеніе цезаріанцевъ»—*istorum benevolentiam conciliare et colligere*— [1]), т. е. Цицеронъ ставитъ ту же самую задачу относительно цезаріанцевъ, которую онъ гораздо ранѣе поставилъ себѣ относительно самого Цезаря. Въ видахъ этого, онъ счелъ нужнымъ понизить тонъ по отношенію къ нимъ и регулировать свой образъ дѣйствій согласно съ этой задачей. Умѣренность и осторожность—этотъ всегдашній девизъ Цицерона—должны были получить теперь особенное значеніе [2]). Необходимо было вести себя такъ, чтобы никого не вооружить противъ себя [3]), а для этого нужна была именно «крайняя осторожность»—*summa moderatio*, — нужна была невѣроятная зоркость, «для того чтобы не натолкнуться на кого-либо въ такомъ мракѣ» [4]). Далѣе этой пассивной осторожности, однако, Цицеронъ, повидимому, не шелъ, ибо, какъ ни сильно было его желаніе «снискать благоволеніе цезаріанцевъ», онъ всеже не хотѣлъ покупать его цѣною собственнаго униженія, не хотѣлъ нанести «ущерба собственному достоинству» [5]). При томъ, какъ кажется, и самъ Цицеронъ въ душѣ сознавалъ всю трудность совмѣстить республиканское достоинство съ дружбой «этихъ господъ», какъ онъ обыкновенно называетъ цезаріанцевъ [6]). По крайней мѣрѣ, онъ счелъ нужнымъ, безъ всякаго, повидимому, внѣшняго повода, сказать нѣсколько словъ, въ свое оправданіе, въ письмѣ къ Аттику [7]). «Я не скрылъ отъ тебя», пишетъ онъ своему другу, «что я дружу съ этими господами и участвую въ ихъ совѣтахъ. Почему бы мнѣ и не желать этого? Вѣдь это двѣ совершенно различныя вещи: сносить то, что слѣдуетъ сносить, и одобрять то, что не достойно одобренія». Судя по нѣкоторымъ даннымъ дальнѣйшей переписки, Цицеронъ выполнилъ эту часть своей программы самымъ блестящимъ образомъ.

---

[1]) 450,2. [2]) ib. 3. Срв. 526. ad Div. VI. 4.—517. ad Div. VI. 1. [3]) 450,6.—ib. 5. [4]) 440,2. ad Div. IX. 2. [5]) 450,6. [6]) 446. ad Div. IX. 6: *isti*. [7]) ib.

Уже въ половинѣ 708 года онъ могъ писать къ Нету [1]): «Всѣ друзья Цезаря оказываютъ мнѣ такое уваженіе и предупредительность, что я готовъ вѣрить, что они любятъ меня». Въ томъ же письмѣ Цицеронъ говоритъ о нихъ же, что они его «почитаютъ, чуть не на рукахъ носятъ». Въ другомъ мѣстѣ [2]) Цицеронъ называетъ намъ имена этихъ друзей Цезаря. «Панса, Гирцій Бальбъ, Оппій, Мацій, Постумій ведутъ себя въ отношеніи меня такъ, какъ еслибы они особенно любили меня», пишетъ Цицеронъ къ Аппію въ томъ же году [3]). Цицеронъ выражается о нихъ—о друзьяхъ Цезаря—,что они «живутъ съ нимъ», Цицерономъ: *tecum vivunt* [4]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что они «очень часто бываютъ въ его домѣ»: *frequentant domum meam* [5]). Немногіе штрихи, случайно набросанные въ различныхъ мѣстахъ писемъ Цицерона этого времени, въ общей совокупности, могутъ, однако, дать намъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ устроились эти отношенія Цицерона на практикѣ, въ конкретной дѣйствительности обыденной жизни,—о томъ, какъ жилъ въ это время Цицеронъ въ Римѣ, рядомъ съ «этими ликующими побѣдителями» съ одной стороны, а съ другой—съ «патріотами, многочисленными, но печальными» [6]).

Литературныя занятія—*literae, doctrina liberalis, studia*—,о которыхъ такъ часто говоритъ Цицеронъ въ письмахъ этого времени, играли здѣсь, повидимому, не послѣднюю роль—и не только собственно въ тѣсной сферѣ отношеній Цицерона къ людямъ той и другой партіи, но и въ болѣе обширной сферѣ обще-партійныхъ отношеній, отношеній между людьми этихъ двухъ, жившихъ уже рядомъ въ однѣхъ городскихъ стѣнахъ, но все еще косившихся другъ на друга, партій. Эти *literae*, эти *studia* служили той нейтральной почвой, на которой удобно могло совершаться, если не принципіальное, то, по крайней мѣрѣ личное, сближеніе между ихъ представителями. Домъ Цицерона въ Римѣ играетъ теперь роль, если можно такъ выразиться, междупартійнаго клуба, куда сходятся одинаково представители той и другой партіи, [7]) для того чтобы, забывши на время о взаимной враждѣ,

---

[1]) 450,2. *(Іюль 708 г.)*. Срв. 456. ad Div. IX. 20.—527. ad Div. VI. 10.—463,6. ad Div. IV. 13. [2]) 450,2. [3]) 514,2. ad Div. VI. 12. [4]) 450,5. [5]) 438,1. ad Div. V. 21. ([6]) 456. ad Div. IX. 20. [7]) 456,3.—438.

провести пріятно время въ обществѣ такого ученаго и остроумнаго человѣка и хлѣбосольнаго хозяина, какъ Цицеронъ [1]). Съ ранняго утра собираются въ домъ Цицерона, рядомъ съ «ликующими побѣдителями», и «печальные патріоты», для того, чтобы послушать ученыхъ рѣчей, и потомъ—чтобы «все остальное время отдать тѣлу» [2]). Можно сказать, что домъ Цицерона представляетъ изъ себя въ это время нѣчто въ родѣ литературнаго салона, съ сильнымъ эпикурейскимъ оттѣнкомъ, на что и самъ Цицеронъ неоднократно указываетъ въ шутливомъ тонѣ, въ своихъ письмахъ къ Пету [3]). На этихъ, охотно посѣщаемыхъ цезаріанцами, [4]) литературно-гастрономическихъ собраніяхъ литературныя упражненія и ораторскія декламаціи, въ которыхъ первенствуетъ ученый хозяинъ [5]) и наперерывъ другъ передъ другомъ стараются завоевать себѣ вниманіе республики и особенно самого Цицерона молодежь, [6]) чередуются съ роскошными пирами, которые умѣлъ цѣнить, вѣроятно, не одинъ Гирцій, которому Цицеронъ уступаетъ пальму первенства въ области гастрономіи [7]). Въ письмахъ къ Пету Цицеронъ передаетъ ему въ юмористическомъ тонѣ, какъ Долабелла и Кассій «пользуются его ушами», [8]) декламируя передъ нимъ свои произведенія, — какъ онъ обучаетъ Гирція и Долабеллу ораторскому искусству, [9]) какъ «философъ палестры», [10]) а у нихъ, какъ спеціалистовъ по части «кухонной философіи», [11]) самъ беретъ уроки гастрономіи [12]). Въ письмѣ къ Кассію (въ началѣ 709 г.) [13]) Цицеронъ довольно зло шутитъ надъ нимъ. «Но гдѣ, спросишь ты, философія?» пишетъ онъ. «Твоя, разумѣется, въ кухнѣ, моя - въ палестрѣ».

Уже одинъ этотъ шутливый, юмористическій тонъ, въ какомъ говоритъ Цицеронъ объ этомъ своемъ времяпровожденіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ не придавалъ никакого серьезнаго значенія этимъ литературно-гастрономическимъ собраніямъ. Онъ смотрѣлъ на эти свои занятія, какъ на игру, которою поневолѣ приходится заниматься, когда не остается мѣста для болѣе серьезнаго дѣла (т. е. политической дѣятельности). [14]) «Что дѣлать? приходится покоряться времени—*tempori serviendum est*» [15]). Въ

---

[1]) 450.—456. [2]) 456,3. [3]) ib. 1. [4]) 438,2. [5]) 526,3.—450,7. Срв. 471. ad Div. VII. 33. [6]) 471,2. Срв. 450. [7]) 456,2.—451,3. ad Div. IX. 18. [8]) 471,2. [9]) 450,7. [10]) 518. ad Div. XV. 18. [11]) ib. [12]) 450,7. [13]) 518. [14]) 451,1. ad Div. IX. 18. [15]) 447,2. ad Div. IX. 7.

этомъ случаѣ онъ шутя сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ изгнаннаго изъ Сиракузъ тиранна Діонисія [1]). «Подобно тому, какъ тотъ, лишившись престола, открылъ школу въ Коринѳѣ»—*Corinthi ludum aperuit,* — такъ и онъ, Цицеронъ, «потерявъ свое царство на форумѣ, занялся точно такъ же игрой»—*ludum habere coepit* [2]). Такимъ образомъ, теперешнія занятія были, въ глазахъ Цицерона, не болѣе, какъ суррогатомъ политической дѣятельности, печальной замѣной политической свободы. Въ этомъ случаѣ Цицеронъ находитъ прецеденты своему настоящему положенію въ греческой исторіи. «И греческіе памятники, говоритъ онъ въ свое утѣшеніе, [3]) полны примѣровъ того, какъ мудрые мужи переносили тираннію и въ Аѳинахъ, и въ Сиракузахъ; въ то время какъ ихъ сограждане рабствовали, сами они (благодаря своимъ научнымъ занятіямъ) сохраняли хоть тѣнь свободы».

Какъ бы то ни было, но эта «игра», по отношенію къ самому Цицерону, была большимъ шагомъ впередъ по пути къ примиренію съ новымъ порядкомъ,—примиренію, которому такъ много содѣйствовали вновь открытыя Цицерономъ въ Цезарѣ идеальныя качества: великодушіе, мудрость, справедливость и т. д. Въ одномъ мѣстѣ Цицеронъ самъ сознается, что «великодушіе Цезаря побѣдило его», [4]) сломило его упорство, пробило брешь въ его непримиримости. И эта побѣда Цезаря выразилась, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что Цицеронъ, рѣшившій было «молчать вѣчно» (т. е. въ сенатѣ), чтобы тѣмъ самымъ служить постояннымъ молчаливымъ протестомъ противъ новаго порядка,—теперь, «побѣжденный великодушіемъ Цезаря», рѣшительно отказался отъ этого своего рѣшенія [5]).

Тѣмъ не менѣе, это далеко не было полное примиреніе. Это было, скорѣе, личное примиреніе съ людьми, съ представителями новаго порядка, чѣмъ примиреніе принципіальное съ самымъ этимъ порядкомъ. Это примиреніе не было, поэтому, настолько глубоко, чтобы заставить Цицерона отказаться отъ своей мечты о «древней республикѣ», о прежнемъ «счастливомъ и свободномъ государствѣ» [6]). Новая «вѣра», вѣра въ Цезаря, не заставила Цице-

---

[1]) 151,1. [2]) Непереводимый каламбуръ въ словѣ *ludus.* [3]) 450,6. [4]) 469,4. ad Div. IV. 4. [5]) ib. [6]) 438,3. ad Att. V. 21.

рона забыть свою прежнюю вѣру, вѣру въ республику. Другъ «тирановъ», въ душѣ онъ остался все тѣмъ же закоснѣлымъ республиканцемъ-старовѣромъ, какимъ былъ прежде, какимъ остался до конца своей жизни. Гибель, смерть республики—съ этимъ фактомъ никогда не могъ примириться Цицеронъ; и мы видѣли, съ какой горечью, съ какой неподдѣльной скорбью говоритъ онъ объ этой «несчастной, въ корнѣ потрясенной судьбѣ», которая «обернула вверхъ дномъ республику», «обезобразила отечество», т. е. «то, что всего дороже было» ему, Цицерону,—отечество, «которое онъ любилъ, какъ любитъ мать свое единственное дѣтище..» При всемъ желаніи Цицерона пользоваться «благоволеніемъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ вся власть», и при всей его осторожности и сдержанности, въ письмахъ (конечно, интимныхъ) у него пѣтънѣтъ да и прорвется накипѣвшее чувство противъ «ликующихъ побѣдителей», [1]) «кичащихся своей побѣдой» [2]). Какъ ни ласковы, какъ ни изысканно предупредительны были съ нимъ и самъ Цезарь, и его друзья, Цицеронъ всеже не могъ не чувствовать, что эта предупредительность, эта любезность всетаки не что иное, какъ лишь снисхожденіе, милость побѣдителей къ побѣжденному [3]). Предъ лицомъ «ликующихъ побѣдителей» Цицеронъ, какъ бы ни было почетно его положеніе, всетаки долженъ былъ чувствовать себя плѣнникомъ, надъ которымъ постоянно тяготѣетъ горькое сознаніе, что жизнь его въ рукахъ побѣдителей, и если онъ живетъ, то получаетъ это какъ бы въ видѣ милостыни [4]). Предупредительность и внѣшніе знаки уваженія могли только позолотить тѣ цѣпи, которыя чувствовалъ на себѣ Цицеронъ, но не могли устранить ихъ. И какъ ни легки были въ сущности эти цѣпи, но для Цицерона, который не забылъ еще о своемъ «прежнемъ достоинствѣ», о своей «прежней славѣ», — который еще наканунѣ готовился въѣхать тріумфаторомъ на капитолій, — для него онѣ должны были быть слишкомъ чувствительны. Вотъ почему, рядомъ съ восторженными выраженіями по адресу «друзей Цезаря», которые «чтутъ и уважаютъ его, Цицерона, самымъ изысканнымъ образомъ», мы встрѣчаемъ, хотя и не часто, рѣзкія, дышащія раздраженіемъ, замѣчанія по ихъ адресу. Нужно сказать, однако, что

---

[1]) 456. ad Div. IX. 20. [2]) 440,2. ad Div. IX. 2. [3]) ib. [4]) 455. ad Div. IX. 17.

эти рѣдкія вспышки непріязни и раздраженія относятся всегда къ «этимъ господамъ» (*isti*), никогда—къ «нему» (*ille*), т. е. къ Цезарю. Всего только разъ во всемъ данномъ отдѣлѣ переписки, и то только косвеннымъ образомъ относящееся къ Цезарю, выраженіе—не то непріязни, не то просто неудовольствія—находимъ въ письмѣ Цицерона къ Варрону, относящемся къ апрѣлю 708 года, т. е. къ началу переписки даннаго отдѣла, когда новыя отношенія Цицерона къ Цезарю только что начинали входить въ силу; именно, въ этомъ письмѣ [1]) Цицеронъ, какъ бы мимоходомъ, бросаетъ замѣчаніе по поводу тѣхъ «поздравленій», которыми встрѣчали оптиматы возвращавшагося въ Италію побѣдителя-Цезаря,—замѣчаніе, которое, не смотря на свою кажующуюся безобидность, достаточно, однако, выдастъ недовольство Цицерона этими *gratulationes*.

Въ соотвѣтствіе съ этимъ, и охлажденіе Цицерона къ прежнимъ друзьямъ-«патріотамъ» точно такъ же далеко не было настолько абсолютно и всеобъемлюще, чтобы исключать возможность другаго отношенія, кромѣ отрицательнаго. И здѣсь точно такъ же имѣло мѣсто болѣе личное охлажденіе къ *людямъ*, чѣмъ принципіальный разрывъ съ *партіей*. Цицеронъ поссорился съ ея представителями, но въ душѣ оставался вѣрнымъ ея знамени, которое онъ, не смотря на всѣ свои отрицательныя заявленія, продолжалъ отождествлять съ «дѣломъ республики» [2]). Пусть люди, представители этой партіи, несправедливы, жадны, жестоки: они всетаки *boni*, и дѣло ихъ—*bona causa*, которой онъ, Цицеронъ, никогда не думалъ высказывать осужденіе; [3]) во всякомъ случаѣ, если они должны во всемъ остальномъ—въ военной подготовкѣ, въ стратетическомъ искусствѣ, въ талантахъ и т. д.—уступить пальму первенства противной сторонѣ, то несомнѣнно, что они стоятъ выше ихъ своимъ «дѣломъ» [4]).

Это была та почва, на которой Цицеронъ продолжалъ оставаться платонически солидарнымъ съ представителями этого «дѣла». Солидарность эта высказывается у него иногда совершенно слу-

---

[1]) 440,4. [2]) 479. ad Div. VI. 5.—469. ad Div. IV. 4.—438. ad Div. V. 21.—446. ad Div. IX. 6. — 448. ad Div. IV. 9. Срв. 464. ad Div. IV. 7. — 452. ad Div. VII. 3.—455. ad Div. IV. 17.—517. ad Div. VI. 1. [3]) 517,5. [4]) 452,6. Срв. 464,2. ad Div. IV. 7.—469. ad Div. IV. 4.

чайно и безсознательно, инстинктивно; такъ, иногда, говоря о «патріотахъ», онъ и теперь, въ своей новой роли друга Цезаря и его друзей, говоритъ по старой памяти «*мы*», «*наши*» [1]). Симпатіи Цицерона, какъ политическаго дѣятеля, остаются на ихъ сторонѣ; и если прежде онъ «уступалъ имъ или, вѣрнѣе, слушался ихъ», [2]) то и теперь онъ считаетъ своимъ долгомъ «не быть безучастнымъ къ видамъ своихъ друзей» [3]). О М. Марцеллѣ, отъ котораго, во время его консульства, «солоно» пришлось Цезарю, какъ онъ самъ впослѣдствіи говорилъ (*acerbitas Marcelli*), Цицеронъ говоритъ съ восторгомъ, что «онъ велъ свое консульство блестяще и въ истинно-патріотическомъ духѣ» [4]). (Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что это говорится въ письмѣ къ самому Марцеллу, а потому Цицеронъ, быть можетъ, нѣсколько преувеличенно высказываетъ свой восторгъ).

Еще съ бо́льшей восторженностью говоритъ онъ о Катонѣ, только-что павшемъ въ борьбѣ противъ Цезаря [5]). Восторгъ къ себѣ со стороны Цицерона Катонъ вызываетъ не столько нравственными, общечеловѣческими качествами своими, сколько именно этимъ специфическимъ направленіемъ своей дѣятельности въ духѣ непримиримаго антицезаріанства. Высказавъ удивленіе его «достоинству и твердости», [6]) Цицеронъ находитъ, что, «для того чтобы восхвалить достойнымъ образомъ этого мужа, необходимо прежде всего воздать хвалу той проницательности, съ какою онъ не только проникъ въ смыслъ настоящаго, но даже провидѣлъ будущее,—той неутомимой энергіи, съ какою онъ боролся противъ того, что̀ предвидѣлъ,—и, наконецъ, той геройской твердости, съ которой онъ разстался съ жизнью, когда увидѣлъ безплодность своихъ усилій». Смерть Катона онъ называетъ «славной» [7]), и одна мысль объ этотъ славномъ дѣяніи наполняетъ восторгомъ его душу [8]).

И относительно всѣхъ вообще «павшихъ въ борьбѣ противъ Цезаря», не смотря на то, что Цицеронъ всегда безусловно неодобрительно относится къ самой формѣ этой борьбы—къ войнѣ—,

---

[1]) 517. [2]) 404,1. ad Att. XI. 9. [3]) 438,3. [4]) 461,2. [5]) 445. ad Att. XII. 4.—449. ad Att. XII. 5.—451. ad Div. IX. 18. [6]) 445,2. [7]) 451,2: *at Cato praeclare.* [8]) 449,2.

онъ высказывается съ глубокимъ почтеніемъ; [1]) а тѣхъ изъ оптиматовъ, которые наиболѣе скомпрометтировали себя въ глазахъ Цезаря тѣмъ или инымъ дѣятельнымъ участіемъ въ войнѣ противъ него, Цицеронъ называетъ «славными мужами»—*clari viri* —, [2]) хотя самъ, съ своей стороны, не высказываетъ желанія раздѣлить участь послѣднихъ, а, напротивъ, благоразумно «заботится о томъ, чтобы не поставить себя въ необходимость прибѣгнуть къ такой развязкѣ, какъ Катонъ» [3]). Думалъ ли въ это время Цицеронъ, что черезъ три года онъ предпочтетъ этому благоразумію трагическую участь «славныхъ мужей»?...

---

[1]) 448,2. ad Div. IX. 5. [2]) 468,3. ad Div. IV. 9. [3]) 451,2.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Переписка 709 г. (мартъ—сентябрь).

Отъ момента удаленія Цицерона въ Астуру до возвращенія въ Римъ.
(Испанская война послѣ битвы при Мундѣ. Возвращеніе Цезаря въ Римъ).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

За небольшой сравнительно періодъ—семь неполныхъ мѣсяцевъ (переписка кончается въ *началѣ* сентября)—мы имѣемъ громадное количество писемъ, именно *113*, т. е. немногимъ менѣе, чѣмъ за періодъ, болѣе чѣмъ втрое больній, обнимаемый первымъ отдѣломъ 703—704 г., гдѣ за 21 мѣсяцъ мы имѣемъ 118 писемъ. Точно такъ же, если мы сравнимъ настоящій отдѣлъ, по объему, съ предъидущимъ, то и тутъ оказывается громадная разница. Тамъ за 13 мѣсячный періодъ, т. е. періодъ, вдвое больній противъ того, который обнимается настоящимъ отдѣломъ, мы имѣли гораздо менѣе писемъ (97).

Что касается до состава переписки, то настоящій отдѣлъ представляетъ совершенную противоположность въ томъ отношеніи, что, если тамъ письма къ Аттику составляли ничтожное меньшинство, то здѣсь они составляютъ подавляющее большинство. Именно, изъ 109—всего количества *писемъ Цицерона*—93 адресованы къ Аттику (т. е. приблизительно $^5/_6$ всего количества; между тѣмъ какъ въ предшествующемъ отдѣлѣ всего около $^1/_{10}$). Остальныя *16 писемъ* распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1.	Къ Ю. Цезарю *	2 письма.
2.	» Долабеллѣ	2 »
3.	» Фабію Галлу *	2 »
4.	» Лукцею *	2 »
5.	» Торанію *	2 »

6) къ Варрону, 7) Торквату, 8) Сер. Сульпицію, 9) П. Сульпицію *, 10) Лептѣ *, 11) Требіану *—по *одному* письму.

Остальныя *четыре* письма адресованы къ Цицерону отъ слѣдующихъ лицъ: 1) отъ Долабеллы, 2) Сер. Сульпиція, 3) Ватинія и 4) Лукцея—по одному письму.

Настоящій отдѣлъ переписки находится между двухъ небольшихъ пробѣловъ, которыми онъ отдѣляется отъ предшествующаго и послѣдующаго отдѣловъ (первый пробѣлъ между январемъ и мартомъ, второй—между началомъ сентября и концомъ октября 709 года). Случайнымъ образомъ эти пробѣлы совпадаютъ, первый—съ удаленіемъ Цицерона изъ Рима въ Астуру и вмѣстѣ съ крупнымъ фактомъ исторіи Цезаря, битвой при Мундѣ; [1]) второй—съ возвращеніемъ Цицерона изъ Арпина и Цезаря изъ Испаніи въ Римъ. Такимъ образомъ, данный отдѣлъ переписки представляетъ собою нѣчто цѣльное—и по *объему* и по *содержанію*; а безусловное преобладаніе писемъ къ Аттику даетъ этому отдѣлу и единство *состава*. Итакъ, въ отношеніи единства и законченности, цѣльности настоящій отдѣлъ переписки стоитъ выше всѣхъ предыдущихъ. Мы видѣли, кромѣ того, что онъ стоитъ выше всѣхъ и по напряженности переписки, что въ этомъ отношеніи ему уступаетъ даже переписка 705 года.

Послѣ всего этого, мы заранѣе расположены ожидать многаго отъ переписки настоящаго отдѣла, какъ отъ историческаго источника. Тѣмъ чувствительнѣе для насъ то разочарованіе, къ которому приводитъ насъ ближайшее изученіе этой переписки. Оказывается, что она стоитъ несравненно ниже переписки 705 года, по богатству собственно *фактическихъ* данныхъ, и, въ то же вре-

---

*) Звѣздочкой отмѣчены имена лицъ, которыя въ предшествующемъ отдѣлѣ не были въ числѣ 25 адресатовъ Цицерона.

[1]) См. Хрон. таб.

мя, далеко не представляетъ такого богатства данныхъ *отношеній*, какъ переписка предшествующаго отдѣла 709 года.

Одною изъ причинъ—самою общею—этой бѣдности историческихъ данныхъ въ перепискѣ настоящаго отдѣла было, повидимому, охлажденіе Цицерона къ политическому интересу минуты. Нерѣдко мы встрѣчаемъ по нѣсколько писемъ подрядъ, притомъ *писемъ къ Аттику*, въ которыхъ Цицеронъ пишетъ о всемъ, о чемъ угодно—и о философіи, и о литературѣ, и о семейныхъ дѣлахъ—, только не о томъ, что, повидимому, должно было бы интересовать его, какъ современника тѣхъ историческихъ событій, которыя тогда совершались. Его гораздо болѣе интересуютъ темы чисто теоретическія—литературныя и философскія—, темы частныхъ отношеній и обыденной жизни, чѣмъ темы политической злобы дня. Мы не только не замѣчаемъ въ немъ интереса собственно къ *фактамъ* текущей дѣйствительности, но находимъ почти полнѣйшее равнодушіе къ тѣмъ *вопросамъ*, которые передъ этимъ вызывали въ немъ такую усиленную работу мысли. Не-то рѣшилъ уже Цицеронъ эти вопросы, не-то просто утомился, работая надъ ихъ разрѣшеніемъ; но фактъ тотъ, что они отходятъ теперь на задній планъ, уступая мѣсто другимъ вопросамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ ними. Любопытный фактъ этотъ стоитъ, какъ увидимъ ниже, въ тѣсной связи съ общимъ настроеніемъ и общими отношеніями Цицерона въ данное время.

Затѣмъ, что касается скудости собственно фактическихъ данныхъ, то этому были, кажется, и особыя, спеціальныя причины. Вопервыхъ, данный историческій моментъ самъ по себѣ не отличался особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ событій и фактовъ. Общіе факты и отношенія оставались прежніе; частные же, конкретные факты, т. е. факты испанской войны не могли представлять особеннаго интереса уже по тому одному, что въ нихъ не было ничего существенно новаго: это были все тѣ же военные факты, которые успѣли уже давно всѣмъ наскучить своимъ однообразіемъ. Продолжительность испанской войны, быть можетъ, еще болѣе притупила и безъ того уже ослабѣвшій интересъ къ этимъ фактамъ,—тѣмъ болѣе, что, по общему убѣжденію, какъ мы выше видѣли, тотъ или иной исходъ настоящей войны не могъ

измѣнить сущности дѣла, не могъ внести коренного измѣненія въ настоящее положеніе дѣлъ.

Наконецъ, существенное значеніе въ данномъ случаѣ имѣло самое положеніе Цицерона относительно театра событій, т. е. Испаніи, съ одной стороны, съ другой—относительно главнаго своего корреспондента-адресата, т. е. Аттика. Здѣсь важно отмѣтить, вопервыхъ, то обстоятельство, что Цицеронъ не имѣлъ корреспондентовъ въ Испаніи, если не считать двухъ случайныхъ писемъ, полученныхъ имъ оттуда—отъ Гирція, изъ Нарбоны, [1]) и отъ самого Цезаря, изъ Гиспалиса [2]) (оба не сохранились). Слѣдовательно, онъ могъ почерпать свои свѣдѣнія объ испанской войнѣ или изъ Рима, черезъ Аттика (который, по всей видимости, находился въ это время въ Римѣ), или совершенно случайнымъ образомъ [3]). Но то, что онъ получалъ изъ Рима, понятнымъ образомъ, не могло находить себѣ мѣста въ письмахъ его къ Аттику, т. е. въ Римъ,—въ письмахъ, составляющихъ ядро всего отдѣла. Случайныя же извѣстія, полученныя Цицерономъ помимо Рима, были, какъ увидимъ, крайне рѣдки и отрывочны; но они то только и попали въ его письма.

ФАКТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ.

Начало настоящаго отдѣла переписки совпадаетъ съ рѣшительнымъ моментомъ въ исторіи испанской войны—битвой при Мундѣ. Но замѣчательно, что мы не находимъ въ перепискѣ не только прямаго извѣстія объ этомъ событіи, но даже—простаго упоминанія, намека. Напротивъ, всѣ дальнѣйшія извѣстія съ театра войны сообщаются въ такомъ тонѣ, что какъ будто ничего передъ этимъ не произошло важнаго и какъ будто война продолжается попрежнему, идетъ своимъ чередомъ. Намъ, привыкшимъ уже въ установившемуся въ исторіи взгляду на это событіе, какъ на рѣшительный и до извѣстной степени *завершительный* моментъ испанской войны, представляется страннымъ, какъ можно было послѣ этого факта говорить, что еще *bellum reliquum* (est) *satis magnum*, какъ сообщалъ Цицерону возвратившійся изъ Испаніи въ первой

[1]) 562,4. ad Att. XII. 37. [2]) 612,1. ad Att. XIII. 20. [3]) См. 574. ad Att. XII. 44.

половинѣ іюня Филотимъ [1]). Но все, что мы затѣмъ узнаемъ объ этой «довольно большой войнѣ», заключается въ двухъ отрывочныхъ извѣстіяхъ, не лишенныхъ, однако, значенія, особенно потому, что въ данномъ случаѣ Цицеронъ сообщаетъ не слухи, а точныя извѣстія, шедшія непосредственно съ театра войны. Первое изъ этихъ извѣстій Цицеронъ передаетъ со словъ Гирція, письмо котораго, отправленное изъ Нарбоны *18 апрѣля*, слѣдовательно спустя мѣсяцъ послѣ битвы при Мундѣ, Цицеронъ получилъ въ *маѣ* [2]). Вотъ это извѣстіе, какъ его передаетъ Цицеронъ [3]): «Секстъ Помпей оставилъ Кордубу и бѣжалъ въ ближнюю Испанію; Кней также бѣжалъ, но неизвѣстно куда; впрочемъ это все равно. Больше ничего новаго». Второе извѣстіе передается Цицерономъ со словъ возвратившагося въ іюнѣ Филотима (изъ Испаніи), извѣстіе, болѣе, впрочемъ, похожее на опроверженіе, чѣмъ на положительное извѣстіе,—которое заключалось въ томъ, что «Кней Помпей не запертъ въ Картеѣ», какъ то, быть можетъ, предполагали въ это время [4]). Извѣстіе это получило подтвержденіе себѣ въ письмѣ неизвѣстнаго намъ автора, полученномъ около этого времени изъ Испаніи нѣкимъ Клодіемъ Патавійскимъ и потомъ доставленное Оппіемъ и Бальбомъ Цицерону [5]).

Что касается дальнѣйшихъ плановъ Цезаря, то еще ранѣе, быть можетъ, еще до начала испанской войны, мысль о покореніи Парѳянъ уже созрѣла въ головѣ Цезаря. Изъ переписки видно, по крайней мѣрѣ, что до возвращенія Цезаря въ Римъ, предпріятіе это было уже дѣломъ окончательно рѣшеннымъ [6]). Видно также и то, что Цезарь не считалъ нужнымъ держать въ секретѣ это свое намѣреніе. Онъ писалъ объ этомъ въ Римъ Оппію и Бальбу, которые и передали объ этомъ Цицерону (*въ концѣ іюня*) [7]). Но, повидимому, еще ранѣе Цицеронъ уже узналъ о послѣднемъ, ибо онъ пишетъ объ этомъ къ Аттику, [8]) какъ о дѣлѣ извѣстномъ уже одинаково тому и другому, и сообщаетъ послѣднему, какъ новость, не самый планъ Цезаря, а только одну подробность, касающуюся его выполненія. А именно: Цезарь рѣшилъ отложить осуществленіе его до того времени, когда будетъ окончено *заду-*

---

[1]) 574,4. ad Att. XII. 44. [2]) 562. ad Att. XII. 37. [3]) ib. 4. [4]) 574,4. [5]) ib. [6]) 587,1. ad Att. XIII. 27.—591,3. ad Att. XIII. 31. [7]) 587,1 [8]) ib.

манное имъ переустройство государства [1]). А для этого, разумѣется, необходимо было Цезарю возвратиться въ Римъ, особенно въ виду того факта, что «въ его отсутствіе законы его подвергались постоянному нарушенію, преимущественно законъ объ издержкахъ» [2]).

Въ половинѣ іюля Цицеронъ говоритъ уже о возвращеніи Цезаря въ Римъ, какъ о дѣлѣ близкаго будущаго [3]). Въ письмѣ отъ *23 іюля* [4]) идетъ рѣчь уже о «встрѣчѣ Цезаря» [5]). Первое точное извѣстіе о времени предполагаемаго возвращенія Цезаря было получено Цицерономъ около *1 августа*, когда ему было доставлено письмо отъ Бальба, гласившее, что Цезарь прибудетъ въ Римъ «*не ранѣе 1 сентября*» [6]). Другое извѣстіе Цицеронъ сообщаетъ Аттику уже со словъ самого Цезаря, письмо котораго, полученное Ламіей, тогдашнимъ эдиломъ, въ первой половинѣ августа (письмо это читалъ и Цицеронъ) [7]) гласило, что Цезарь прибудетъ въ Римъ «къ римскимъ играмъ, не позднѣе», т. е. *4 сентября*. Это послѣднее извѣстіе имѣло уже оффиціальный характеръ и находилось въ связи съ предписаніемъ Ламіи, какъ эдилу, «позаботиться о благовременномъ приготовленіи къ играмъ, чтобы ему, Цезарю, не пришлось спѣшить попапраспу» [8]). То же самое писалъ Цезарь относительно времени своего возвращенія и Лепиду [9]). Въ августѣ были въ полномъ разгарѣ приготовленія къ играмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ встрѣчѣ Цезаря. Одно мѣсто переписки вводитъ насъ отчасти въ самый процессъ этихъ приготовленій: въ письмѣ отъ *13 августа* [10]) идетъ рѣчь о хлопотахъ Лепты въ качествѣ поставщика вина. Въ другомъ мѣстѣ упоминается вскользь о «приготовленіи царскихъ подарковъ (?)», о чемъ Цицеронъ имѣлъ разговоръ съ Оппіемъ [11]). Неизвѣстно, что̀ писали Цицерону въ началѣ сентября Оппій и Бальбъ по поводу возвращенія Цезаря [12]). Вѣроятно, они не сообщили ему ничего новаго. Только здѣсь Цицеронъ впервые говоритъ о своемъ намѣреніи идти, по примѣру Брута, навстрѣчу Цезарю [13]). Мы не знаемъ, исполнилъ ли Цезарь столь рѣшительно высказанное имъ

---

[1]) 591,3. ad Att. XIII. 31. [2]) 598. ad Att. XIII. 7. [3]) 601,2. ad Att. XIII. 9. [4]) 603. ad Att. XIII. 11. [5]) Срв. 607. ad Att. XIII. 14.—609. ad Att. XIII. 17. [6]) 613,6. ad Att. XIII. 21. [7]) 628. ad Att. XIII. 45. [8]) ib. [9]) 629,2. ad Att. XIII. 46. [10]) 629. ad Att. XIII. 46. [11]) 631,2. ad Div. VI. 19. [12]) 637,3. ad Att. XIII. 50. [13]) ib.

намѣреніе возвратиться въ Римъ «не позднѣе 4 сентября», такъ какъ далѣе начала сентября мы не имѣемъ переписки вплоть до конца октября.

Относительно того, что происходило въ Римѣ въ отсутствіе Цезаря, переписка даетъ столь же смутное представленіе, какъ и о томъ, что совершалось въ Испаніи Цезаремъ и вокругъ Цезаря. Во-первыхъ, что касается постановленій сената, тѣхъ многочисленныхъ постановленій въ честь Цезаря, о которыхъ такъ много разсказываютъ историки, въ особенности Діонъ Кассій, [1]), мы находимъ въ перепискѣ всего нѣсколько неясныхъ намековъ, во-первыхъ, на то, о чемъ разсказываетъ Діонъ Кассій въ 45 главѣ 43 книги, именно, на постановку статуи Цезаря въ храмѣ Квирина—въ письмѣ къ Аттику отъ *11 іюня*, [2]) гдѣ Цицеронъ называетъ Цезаря σύνναον *Quirino*, или, какъ въ другомъ мѣстѣ [3]), *Quirini contubernalem*, причемъ Аттика называетъ «сосѣдомъ Цезаря» [4]). (Домъ Аттика находился на Квиринальскомъ холмѣ, вблизи храма Salutis, который, въ свою очередь, находился по сосѣдству съ храмомъ Квирина [5]).) Затѣмъ, нѣсколько позднѣе, именно въ письмѣ отъ *12 августа* говорится также вскользь о какой-то «*ротра*» [6]), вѣроятно, о той самой *Circensis rotra*, о которой упоминаетъ Свѣтоній въ 76 главѣ своей біографіи Цезаря.

Далѣе, переписка знакомитъ насъ съ однимъ любопытнымъ фактомъ, который имѣлъ мѣсто въ Римѣ во время испанской войны. Это—появленіе цѣлой литературы панегириковъ Катону, въ центрѣ которой стоитъ произведеніе Цицерона. Имя Катона, это nomen odiosum, сдѣлавшееся, послѣ его трагической смерти, знаменемъ старой республиканской партіи, могло служить теперь для жившихъ въ Римѣ платоническихъ республиканцевъ прекраснымъ предлогомъ для выраженія косвеннаго протеста противъ новаго порядка; это былъ самый удобный эпиграфъ для политическихъ памфлетовъ, направленныхъ—косвеннымъ образомъ—противъ Цезаря. Уже одна простая похвала Катону, безъ всякой задней мысли, должна была неизбѣжно отзываться порицаніемъ Цезарю, какъ

---

[1]) Dio XLIII. 43—45. XLIV. 6—7. Срв. App. II. 106—7. Plut. Caes. 57—58. Suet. Caes. 76. [2]) 575,3. ad Att. XII. 45. [3]) 588,3. ad Att. XIII. 28. [4]) 573,3. ad Att. XII. 45.—588,3. ad Att. XIII. 28. [5]) Billerb. III. 318. [6]) 267,1. ad Att. XIII. 44.

это прекрасно понималъ Цицеронъ, когда еще въ прошедшемъ (708) году обращалъ вниманіе Аттика на то, что проектируемый имъ панегирикъ Катону былъ бы *odiosum* ἄκουσμα для Цезаря и его друзей [1]). Но, какъ кажется, мысль Аттика не была совсѣмъ оставлена Цицерономъ. Быть можетъ, онъ рѣшилъ про себя, что можно устроить такъ, чтобы вовсе не было ἄκουσμα, т. е. написать проектированное сочиненіе, не опубликовывая его до поры до времени. Какъ бы то ни было, но не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ вышеприведеннаго письма, именно въ началѣ іюля 708 года, Цицеронъ уже говоритъ о «своемъ Катонѣ», т. е. о сочиненіи, которое онъ въ данную минуту пишетъ о Катонѣ [2]). Итакъ, Цицеронъ началъ своего «Катона» еще въ половинѣ 708 года; но съ этой минуты, въ теченіе почти цѣлаго года (до іюня 709 года), мы ничего не слышимъ о сочиненіи Цицерона. Вѣроятно, онъ писалъ его «втихомолку», въ часы досуга, не посвящая никого въ свою работу. Какъ бы то ни было, впервые послѣ того мы встрѣчаемся съ сочиненіемъ Цицерона, уже оконченнымъ, въ іюнѣ 709 года въ то время, когда оно уже сдѣлалось извѣстнымъ Цезарю. Именно, въ іюнѣ Цицеронъ получилъ отвѣтъ на свою *laudatio* Катону, отвѣтъ написанный Гирціемъ—*Hirtii liber de Catone*, [3]) или *Hirtii epistola de Catone* [4]). Въ этой своей книгѣ, изъ которой Цицеронъ «усмотрѣлъ, какого рода будетъ возраженіе—*vituperatio* — Цезаря на его панегирикъ», [5]) Гирцій, по словамъ Цицерона, «собралъ всѣ недостатки и пороки Катона, но съ величайшими похвалами по адресу его, Цицерона» [6]). «Книгу» Гирція онъ тотчасъ же отправилъ въ Римъ къ Аттику, съ тѣмъ чтобы тотъ издалъ ее въ свѣтъ, [7]) «для того, какъ мотивируетъ Цицеронъ это свое желаніе, чтобы нападки этихъ господъ—*istorum vituperatio*—возвысили цѣну похвалы Катону» [8]). (А «величайшія похвалы»—*maximae laudationes*—«этихъ господъ» по адресу Цицерона — какое онѣ должны были имѣть значеніе?... Цицеронъ, очевидно, не сознаетъ, какъ опрометчива эта его фраза). Цицеронъ, однако, не считалъ книгу Гирція окончательнымъ отвѣтомъ

---

[1]) 445,2. ad Att. XII. 4. [2]) 449,2. ad Att. XII. 5. [3]) 674,1. ad Att. XII. 44. [4]) 670, ad Att. XII. 41. [5]) 567,1. ad Att. XII. 40. [6]) ib [7]) 567,1. ad Att. XII. 40. — 574,1.—575,3. ad Att. XII. 45.—577,3. ad Att. XII. 47. [8]) 574,1.

на свою Laudatio: книга Гирція была, по его мнѣнію, не болѣе, какъ πρόπλασμα того «возраженія», котораго онъ ждалъ отъ самого Цезаря [1]). Но Цезарь, съ обычной своей изысканной любезностью, предпослалъ «возраженію» комплиментъ по адресу Цицерона. Онъ счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія послѣдняго, что онъ въ восторгѣ отъ произведенія Цицерона,—что онъ не разстается съ его книгой и, читая ее, чувствуетъ, какъ самъ становится краснорѣчивѣе [2]). Но восторгъ этотъ относился всетаки только къ стилю, никакъ не къ содержанію памфлета, противъ котораго Цезарь не замедлилъ написать, среди трудовъ испанской войны, ожидавшееся Цицерономъ «возраженіе» [3]). Въ началѣ сентября послѣднему были доставлены «книги Цезаря противъ Катона»—*Caesaris libri contra Catonem.* [4]) Цицеронъ не говоритъ, какого характера былъ отвѣтъ Цезаря; но, прочитавъ его, онъ, по собственному выраженію, «остался очень доволенъ», о чемъ и рѣшилъ довести до свѣдѣнія Цезаря собственноручнымъ письмомъ [5]). (Между тѣмъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій Цицеронъ говоритъ, что книга Цезаря была наполнена «самыми безстыдными ругательствами противъ Катона») [6]). Очевидно, Цицеронъ не хотѣлъ остаться въ долгу у Цезаря. Такъ закончилась эта полемика, къ обоюдному удовольствію обоихъ оппонентовъ, хотя Цицеронъ, съ своей стороны, не совсѣмъ надѣялся на счастливый для себя исходъ этого инцидента, [7]) тѣмъ болѣе что сочиненіе его не отличалось, повидимому, особенно-сдержаннымъ топомъ. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Фабію Галлу, автору подобнаго же панегирика-памфлета, [8]) Цицеронъ пишетъ [9]): «Скажу тебѣ на ушко, любезный Галлъ, только—чуръ!—между нами; не проговорись ничуть передъ своимъ Апеллой (вольноотпущенникомъ): *никто, кромѣ насъ съ тобой, не говоритъ такимъ тономъ*».

Вокругъ этого сочиненія Цицерона группируются подобныя же *Laudationes* другихъ «катоніанцевъ»—*Catonini*—,какъ въ шутку называетъ Цицеронъ себя и Фабія Галла [10]). Это, вопервыхъ, сочиненіе упомянутаго Ф. Галла [11]). Это послѣднее было, вѣроятно,

---

[1]) 570,4. ad Att. XII. 41. [2]) 629,2. ad Att. XIII. 46. [3]) 637. ad Att. XIII. 50. [4]) 637,1. [5]) ib. [6]) Top. 91. [7]) 639,1. ad Div. VII. 25. [8]) ib. 636,2. ad Div. VII. 24. [9]) 639,2. [10]) 639,1. [11]) 636,2. ad Div. VII. 24.

подражаніемъ цицероновскому «Катону», по крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что оно появилось значительно позднѣе послѣдняго. Именно, впервые въ началѣ сентября (708 г.) Цицеронъ проситъ письмомъ Ф. Галла «прислать ему своего Катона» [1]). Если бы сочиненіе Галла вышло ранѣе, то Цицеронъ, «жаждавшій прочитать его», ранѣе бы его и прочелъ.

Но еще прежде, чѣмъ сочиненія Галла и Цицерона, вышло въ свѣтъ подобное же сочиненіе М. Брута, въ которомъ онъ, по словамъ Цицерона, «превозносилъ Катона до небесъ» [2]). Въ мартѣ Цицеронъ читалъ уже книгу Брута [3]) и нашелъ въ ней массу историческихъ ошибокъ и неточностей, по поводу чего и пишетъ къ Аттику [4]). Вѣроятно, не отличалось оно и литературными достоинствами, если судить по тому, что Цезарь, обладавшій, по выраженію Цицерона, «необычайно тонкимъ критическимъ чутьемъ», [5]) противопоставляетъ книгѣ Брута приведшее его въ восторгъ своими литературными совершенствами сочиненіе Цицерона [6]).

Въ pendant къ этимъ катоновскимъ панегирикамъ появляется одновременно съ ними цѣлая серія подобныхъ же Laudationes Порціи, сестрѣ Катона, въ центрѣ которыхъ опять-таки стоитъ сочиненіе Цицерона. Эта *Laudatio Porciae* [7]) была написана Цицерономъ значительно позднѣе, чѣмъ Laudatio Catonis,—незадолго до возвращенія Цезаря въ Римъ, но ранѣе, чѣмъ Цицерону былъ доставленъ Liber contra Catonem Цезаря. Именно, впервые Laudatio Porciae упоминается въ письмѣ Цицерона отъ *6 августа* [8]), гдѣ онъ проситъ Аттика отправить по экземпляру этого его сочиненія Бруту и Домиціо [9]). Въ началѣ сентября онъ отправляетъ къ Аттику вторую, «исправленную» редакцію своего произведенія [10]). Около этого же, повидимому, времени вышли въ свѣтъ еще двѣ подобныхъ же Laudationes Porciae: одна—знаменитаго Варрона, другая—неизвѣстнаго намъ Лоллія (Lollius) [11]). Въ началѣ сентября Цицеронъ проситъ Аттика прислать ему по экземпляру этихъ сочиненій [12]).

---

[1]) ib. [2]) 537,1. ad Att. XII. 21. [3]) ib. [4]) ib. [5]) 634. ad Att. XIII. 40. [6]) 629,2. ad Att. XIII. 46. [7]) 621,3. ad Att. XIII. 37. — 634,2. ad Att. XIII. 48. [8]) 621. ad Att. XIII. 37. [9]) ib. 3. [10]) 634,2. [11]) ib. [12]) ib.

Далѣе, что касается политической жизни Рима въ отсутствіе Цезаря, то переписка совершенно умалчиваетъ объ этомъ предметѣ. Мы ничего не слышимъ ни о дѣятельности сената, ни о дѣятельности комицій, какъ будто ихъ и нѣтъ, какъ будто даже и самого народа римскаго не существуетъ; почти ни разу мы не встрѣчаемъ даже простаго упоминанія имени сената или комицій, что было не рѣдкость въ предшествующей перепискѣ. Имя сената, впрочемъ, упоминается разъ, всего одинъ разъ, именно, гдѣ Цицеронъ пишетъ Аттику [1]) о томъ, что Лепидъ проситъ его быть въ сенатѣ на засѣданіи предположенномъ на 1 сентября. И только. Имя комицій не упоминается; но мы находимъ одинъ косвенный намекъ на комиціи, долженствовавшія собраться для выбора магистратовъ на 710 годъ. «Напиши пожалуйста, пишетъ Цицеронъ въ мартѣ 709 года къ Аттику, [2]) что ты узналъ отъ Целера относительно того, какъ Цезарь поступилъ съ кандидатами; и какъ онъ самъ думаетъ, на Марсовомъ ли полѣ или на Фениkулярномъ», т. е. созвать комиціи. (Campus Foenicularius—въ Испаніи) [3]). «Хотѣлъ бы я также знать, прибавляетъ онъ съ горькимъ сарказмомъ, дѣйствительно ли необходимо быть комиціямъ въ Римѣ»... Изъ этого случайнаго указанія мы узнаемъ, что кандидаты на должности въ это время отправлялись въ Испанію, къ Цезарю. Очевидно, это—тотъ же ambitus, только въ новой формѣ: прежде кандидаты заискивали у народа, теперь они заискиваютъ у Цезаря. Слѣдовательно, благоволеніе Цезаря значитъ теперь болѣе расположенія римскаго народа, болѣе популярности; значитъ, дѣйствительно политическая сила уже не въ Римѣ, гдѣ сенатъ и форумъ, а за моремъ, въ Испаніи, въ странѣ варваровъ,—вездѣ, гдѣ угодно, гдѣ только находится Цезарь, который можетъ и комиціи созвать гдѣ-нибудь на Фениkулярномъ полѣ—за тридевять земель отъ Рима и его форума.

Въ связи съ этимъ общимъ фактомъ, получаютъ освѣщеніе и нѣкоторые частные, эпизодическіе факты, съ которыми знакомитъ насъ переписка. Одинъ изъ этихъ фактовъ относится къ области внѣшнихъ отношеній Рима. Прежде «союзные» цари восточные считали нужнымъ заискивать у сената; теперь, мы видимъ, пріѣз-

---

[1]) 633,2. ad Att. XIII. 47. [2]) 551. ad Att. XII. 8. [3]) Billerb. III. 277.

жаетъ въ Римъ изъ Каппадокіи царь Аріаратъ за тѣмъ, чтобы искать милости—не у сената, а у Цезаря [1]). «Онъ хочетъ, сдастся мнѣ, замѣчаетъ иронически Цицеронъ, [2]) купить себѣ какое-нибудь царство у Цезаря, потому что въ своемъ царствѣ ему негдѣ даже ноги поставить»... Слѣдовательно, Цезарь можетъ распоряжаться царствами, какъ своей собственностью...

Другой фактъ относится къ внутренней политической жизни Рима. Въ высшую магистратуру начинаютъ проникать такіе люди, которые до этого не могли бы въ нее проникнуть, и на которыхъ друзья стараго порядка, ортодоксальные «патріоты», смотрѣли съ презрѣніемъ и негодованіемъ, какъ на выскочекъ и креатуръ тиранна. «Кто бы могъ подумать, восклицаетъ Цицеронъ въ письмѣ 20 іюня [3]), что придетъ время, когда люди, подобные Курцію, будутъ, безъ зазрѣнія совѣсти, выступать кандидатами въ консулы». Насколько ничтожнымъ человѣкомъ былъ, по мнѣнію Цицерона, этотъ Курцій, можно видѣть изъ того, что онъ привелъ Цицерона въ негодованіе, когда, четыре года тому назадъ, въ 705 году выступилъ кандидатомъ въ авгуры! [4]) Понятно смущеніе и негодованіе Цицерона при видѣ того, какъ человѣкъ, по его мнѣнію, недостойный быть даже авгуромъ, выступалъ кандидатомъ на высшую должность въ республикѣ. Но дѣло въ томъ, что, значитъ, люди, подобные Курцію, недостойные, по мнѣнію правовѣрныхъ республиканцевъ, занимать высшія государственныя должности, сами не видятъ теперь для себя никакого препятствія къ достиженію этихъ должностей, считаютъ возможнымъ игнорировать прежнія понятія о правоспособности къ высшей магистратурѣ.

Наконецъ, третій фактъ указываетъ на зарожденіе особаго класса людей въ римскомъ обществѣ, который получилъ такое широкое развитіе во времена имперіи,—класса авантюристовъ, искавшихъ сдѣлать свою карьеру посредствомъ заискиванія и раболѣпства во всѣхъ видахъ и формахъ. Въ перепискѣ мы находимъ указаніе на одинъ любопытный и оригинальный эпизодъ въ этомъ родѣ. Именно, Цицеронъ упоминаетъ о нѣкоемъ К. Маріѣ, [5]) который во время испанской войны, т. е. въ отсутствіе Цезаря,

---

[1]) 585,2. ad Att. XIII. [2]) ib. [3]) 579. ad Att. XII. 49. [4]) 372,7. ad Div. II. 16. [5]) 579. ad Att. XII. 49.

желая, вѣроятно, сдѣлать себѣ карьеру, хотѣлъ прослыть родственникомъ Цезаря [1]). На дѣлѣ же оказалось, что это былъ просто грекъ-авантюристъ, коновалъ по профессіи [2]). Цицеронъ получилъ отъ него даже письмо, въ которомъ тотъ просилъ у него заступничества и защиты «своему дѣлу», когда ему предстояло попасть подъ судъ за свое самозванство [3]). Цицеронъ отвѣтилъ коротко и ѣдко: «онъ, Марій, не нуждается въ адвокатѣ, такъ какъ онъ имѣетъ всемогущаго родственника въ лицѣ Цезаря» [4]). (Всемогущій родственникъ, однако, выпроводилъ его изъ Италіи).

Въ заключеніе отмѣтимъ тѣ данныя, которыя мы находимъ въ перепискѣ этого времени для характеристики взаимныхъ отношеній между Цезаремъ и представителями побѣжденной партіи. Во-первыхъ, что касается отношеній Цезаря къ послѣднимъ, то на это мы находимъ указанія аналогичныя съ указаніями прежней переписки, т. е.—что Цезарь выказывалъ полнѣйшую терпимость и снисходительность въ этомъ отношеніи, и всѣмъ просившимъ о помилованіи—даже наиболѣе скомпрометтированнымъ—давалъ полную амнистію [5]) (амнистія осужденнымъ по закону Помпея) [6]). Что касается обратныхъ отношеній, отношеній оптиматовъ къ Цезарю, то и здѣсь можно замѣтить то же теченіе, то же настроеніе, какое мы имѣли случай отмѣтить выше—въ отношеніяхъ Цицерона къ Цезарю,—именно, такъ сказать, примирительное настроеніе. Хотя неудовольствіе противъ новаго порядка и его виновника продолжало жить въ наиболѣе горячихъ представителяхъ «старой республики», вродѣ Цицерона и Сер. Сульпиція, вторившаго Цицерону въ его сѣтованіяхъ на тему о гибели республики [7]) и славнѣйшихъ мужей, объ утратѣ собственнаго вліянія и почета; но уже самая форма, въ которой выражается это недовольство, «жалоба»—*querelae*—и тонъ, въ которомъ совершенно отсутствуютъ рѣзкія ноты, наконецъ, самое мѣсто, гдѣ излагаются эти жалобы—интимныя письма (а не ораторская трибуна),—все это свидѣтельствуетъ о происшедшемъ поворотѣ въ настроеніи этой части римскаго общества въ сторону примиренія съ Це-

---

[1]) ib. [2]) Valer. Max. IX. 15. [3]) ib. [4]) 579,1. [5]) 559. ad Div. VI. 2.—517. ad Div. VI. 1.—524. ad Div. VI 3.—526. ad Div. VI. 4.—525. ad Div. IV. 10. [6]) 523,3. ad Div. XV. 19. [7]) 557. ad Div. IV. 5.

заремъ. Этотъ поворотъ «общественнаго мнѣнія» (въ смыслѣ Цицерона) въ пользу Цезаря, высказался, между прочимъ, какъ мы видѣли, въ отношеніи его къ испанскому вопросу, когда люди цицероновскаго образа мыслей выказывали рѣшительное предпочтеніе Цезарю передъ его соперникомъ. Не лишенъ значенія въ этомъ отношеніи одинъ, въ сущности ничтожный самъ по себѣ, фактъ. Именно, мы видѣли, что Лепта принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ играмъ, готовившимся къ возвращенію Цезаря [1]). (Оффиціальное приказаніе Цезаря о благовременномъ приготовленіи къ играмъ эдилу Ламіи) [2]). Дѣло тутъ, конечно, не въ поставкѣ нѣсколькихъ бочекъ вина, которую принялъ на себя Лепта, и даже не въ самомъ Лентѣ, а въ томъ фактѣ, что бывшій антицезарьянецъ, одинъ изъ близкихъ къ Цицерону людей (Лепта былъ praefectus fabrum у Цицерона въ Киликіи) [3]), съ которымъ онъ велъ дружескую переписку, принимаетъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ торжеству Цезаря. Вѣдь эти *ludi Caesariani*— они представлялись, такимъ удобнымъ случаемъ для какой-нибудь антицезарьянской демонстраціи, хотя бы и въ самой невинной формѣ, хотя бы въ формѣ воздержанія отъ всякаго участія въ этомъ торжествѣ, на подобіе того, что еще не такъ давно происходило на нашихъ глазахъ въ одномъ изъ европейскихъ государствъ (торжество 50-лѣтняго юбилея королевы Викторіи и отношеніе къ нему со стороны Ирландцевъ). Между тѣмъ, мы видимъ здѣсь нѣчто совершенно противоположное. Можно бы, конечно, объяснить этотъ фактъ единственно самой личностью Лепты, который могъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ лишь какъ коммерсантъ, для котораго политическія соображенія не имѣютъ никакого значенія передъ соображеніями финансовыми. Но тогда бы мы ожидали взрыва негодованія на «измѣнника» со стороны людей того класса, къ которому онъ принадлежалъ, со стороны оптиматовъ. Изъ писемъ Цицерона не видно, однако, чтобы произошло что-либо подобное. Напротивъ, видно, что этотъ фактъ вовсе не произвелъ того впечатлѣнія, котораго бы можно было ожидать: никого

---

[1]) 521. ad Div. VI. 18. — 631. ad Div. VI. 19. [2]) 628. ad Att. XIII. 45. [3]) 281. ad Att. VI. 8.—468. ad Div. IX. 4.—477. ad Div. XIII. 19.—386. ad Att. XI. 1.—244,4. ad Div. III. 7.

онъ не скандализировалъ, не возбудилъ ничьего негодованія, ничьего протеста. Самъ Цицеронъ относится совершенно равнодушно и благодушно къ поступку своего друга и не находитъ въ немъ ни малѣйшаго повода къ упреку.—Что же это значитъ? Это значитъ то, что въ это время отношенія къ Цезарю со стороны людей противной партіи утратили свой прежній острый характеръ, характеръ непримиримости, фанатизма, что къ этому времени они успѣли привыкнуть къ той роли, какую уже давно игралъ Цезарь,—которая сначала возбуждала въ нихъ чувство негодованія и озлобленія, но которая теперь, отчасти вслѣдствіе «давности» этой роли, отчасти вслѣдствіе личныхъ качествъ Цезаря и характера его образа дѣйствій, должна была утратить въ ихъ глазахъ свой—если можно такъ выразиться—одіозный, узурпаторскій характеръ и, такъ сказать, легализироваться, получить характеръ законности.

Въ заключеніе отмѣтимъ указаніе, которое мы находимъ въ данномъ отдѣлѣ переписки, на одинъ любопытный проэктъ Цезаря, оставшійся, однако, не осуществленнымъ, вслѣдствіе его преждевременной смерти,—проэктъ расширенія Рима [1]), т. е. расширенія pomoerium'a, [2]) въ связи съ проэктами урегулированія русла Тибра и нѣкоторыхъ измѣненій въ распланировкѣ города [3]). «Возмутительная вещь!» восклицаетъ Цицеронъ въ письмѣ къ Аттику [4]). «Твой землякъ (т. е. также *Atticus*, изъ Аттики—очевидно, грекъ-инженеръ, которому Цезарь имѣлъ въ виду поручить это дѣло) хочетъ расширить Римъ, который онъ самъ не далѣе, какъ два года тому назадъ, впервые увидѣлъ! И ему кажется—пропизируетъ Цицеронъ—недостаточно большимъ городъ, который могъ вмѣстить въ себѣ такого человѣка, какъ онъ!»... Почему такъ рѣзко-отрицательно отнесся Цицеронъ къ этому проэкту, остается неяснымъ.

Когда возникъ этотъ проэктъ? Впервые мы встрѣчаемся съ упоминаніемъ о немъ въ письмѣ Цицерона къ Аттику около *1 іюня* [5]). Около этого времени онъ узналъ объ этомъ планѣ Цезаря отъ нѣкоего К. Атейя Капитона, [6]) вѣроятно, прибывшаго около этого времени изъ Испаніи. Слѣдовательно, можно предположить, что этотъ планъ созрѣлъ въ головѣ Цезаря во время испанской войны.

---

[1]) 620. ad Att. XIII. 35—36. [2]) 612. ad Att. XIII. 20. [3]) 593,4 ad Att. XIII. 33. [4]) 620,1. [5]) 593. [6]) ib. 4.—434,2. ad Div. XIII. 29.

ОТНОШЕНІЯ ЦИЦЕРОНА КЪ ТЕКУЩИМЪ СОБЫТІЯМЪ.

Отношенія Цицерона къ новому порядку, установившіяся въ предшествующемъ періодѣ, остаются въ силѣ и теперь. Отношенія эти, если нужно ихъ кратко характеризовать, можно опредѣлить, какъ *внутреннее (скрытое) недовольство безъ внѣшняго (открытаго) протеста.* Цицеронъ не думаетъ протестовать открыто, бороться противъ новаго порядка, обязаннаго своимъ происхожденіемъ и существованіемъ непреодолимой «силѣ вещей»; но про себя, наединѣ, въ интимной перепискѣ, онъ продолжаетъ высказывать свое горькое недовольство новымъ порядкомъ. Въ этомъ отношеніи переписка даннаго отдѣла составляетъ прямое продолженіе непосредственно предшествующаго отдѣла; въ этомъ пунктѣ она ничѣмъ не отличается отъ послѣдней: тамъ и здѣсь развиваются однѣ и тѣ же темы; все различіе—въ ихъ формулировкѣ, въ выраженіяхъ, да и здѣсь часто встрѣчаемъ полное тождество. «Республика сокрушена, изуродована: не осталось ни одного здороваго члена» [1]). Самое государство рушилось [2]), «все погибло!» [3]) А каково собственное положеніе его, Цицерона!? «Пережившій республику» [4]), онъ—вмѣстѣ съ ея гибелью—утратилъ и собственное положеніе въ республикѣ, положеніе, достигнутое съ затратой столькихъ трудовъ и усилій [5]). И вотъ, старость, о которой мечталъ когда-то Цицеронъ, какъ о времени полнаго расцвѣта своей славы и почиванія на лаврахъ (*«honestum otium»*), оказалась временемъ нескончаемыхъ тревогъ и вмѣстѣ временемъ униженія и позора [6]). Вотъ почему все такъ антипатично Цицерону въ этомъ новомъ порядкѣ, — ненавистно все: и время и люди, и форумъ и курія [7]). Вотъ почему ему противно быть на форумѣ, и не хочется даже взглянуть на курію [8]). То же самое и относительно общаго настроенія Цицерона въ данную минуту; оно остается въ сущности все тѣмъ же — пессимистически-элегическимъ, которое онъ продолжаетъ изливать все въ

---

[1]) 558,3. ad Div. VI. 13. [2]) 632,3. ad Div. VI. 20. [3]) 559. ad Div. VI. 2. Срв. ad Div. VI. 21. [4]) 559. [5]) 565,2. ad Div. IV. 6. Срв. 541,1. ad Att. XII. 23. [6]) 569,3. ad Div. V. 15. Срв. 588. ad Att. XIII. 28—617. ad Div. IX. 8. [7]) 569,3. [8]) 565,2. Срв. 541,1.

той же формѣ, въ формѣ сѣтованій, жалобъ на «печальныя», «несчастныя времена» [1]), на постигшія его «бѣдствія» [2]), подъ напоромъ которыхъ, подобнымъ бурному вѣтру [3]), онъ падаетъ [4]) обезсиленный, измученный [5]). Онъ постоянно колеблется между противоположными чувствами, переходя отъ страха [6]) къ рѣшимости [7]), и снова возвращаясь къ прежнимъ страхамъ [8]); — то мужественно борясь противъ нахлынувшаго чувства отчаянія и безнадежности, то малодушно, въ сознаніи полнаго своего безсилія, отдаваясь «печали» [9]). Но въ общемъ пессимистическое настроеніе является безусловно преобладающимъ, настроеніе противоположное — только мимолетными проблесками, которые нисколько не нарушаютъ общаго мрачнаго тона картины. Даже болѣе. Общій тонъ здѣсь еще мрачнѣе, чѣмъ въ предшествующемъ періодѣ. Не говоря уже о томъ, что проблески оптимизма здѣсь гораздо рѣже и не такъ ярки, какъ тамъ,—мы не находимъ здѣсь и слѣдовъ той присущей Цицерону «веселости»—*hilaritas* [10])—, того топкаго юмора—*facetiae* [11])—, которые прежде, даже въ минуты пессимистическаго настроенія, не оставляли его. Ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы здѣсь. Самъ Цицеронъ сознается, что онъ «потерялъ эту веселость, потерялъ навсегда!». [12]) И дѣйствительно, еще никогда ранѣе мы не встрѣчали въ перепискѣ болѣе глубокаго и постояннаго, болѣе устойчиваго и выдержаннаго пессимистическаго настроенія, чѣмъ въ настоящемъ отдѣлѣ. Цицеронъ уже не говоритъ, какъ прежде, о томъ, чтобы *moderatiore animo пережить* это тягостно невыносимое положеніе, которому когда-нибудь да долженъ же придти конецъ [13]); теперь Цицеронъ уже не говоритъ объ этомъ, онъ не видитъ впереди «ничего, кромѣ безконечнаго продолженія этого жалкаго положенія» [14]). Здѣсь опять, только еще съ бо́льшею, чѣмъ прежде, силою и настойчивостью, выступаетъ мысль о смерти, какъ о единственно возможномъ, и потому — желанномъ исходѣ изъ настоящаго безысходнаго, тягостнаго положенія [15]). Ибо—«для чего жить»? [16])

---

[1]) 567,3. ad Att. XII. 40.—569. [2]) 556. ad Att. XII. 34. 35. [3]) 558. ad Div. V. 13. [4]) 541,1. ad Att. XII. 23. [5]) 568. ad Div. V. 14. [6]) 569. [7]) 597. ad Div. VI. 21. [8]) 602,1. ad Att. XIII. 10. [9]) 565. [10]) 567,3. ad Att. XII. 40. Срв. 537,1. ad Div. IX. 11. [11]) 530,3. ad Att. XII. 14. [12]) 567,3. [13]) 527. ad Div. VI. 10. [14]) 569,3. [15]) 597,1. ad Div. VI. 21. [16]) 617,2. ad Div. IX. 8.

Для чего оставаться въ этой, ничего не обѣщающей, «кромѣ нескончаемыхъ бѣдствій, жизни»? [1]) Для чего жить, когда жизнь есть не только страданіе, но и позоръ? [2]) Это не было, какъ прежде, временнымъ, мимолетнымъ приступомъ мрачнаго настроенія, это было постояннымъ состояніемъ какой-то подавленности [3]) и упадка духа [4]), хроническою меланхоліей, настолько глубокой, что вліяніе ея отразилось даже на общемъ состояніи здоровья Цицерона: общій упадокъ силъ, постоянное недомоганіе [5]), безсонница [6]), на которыя постоянно жалуется Цицеронъ, были, повидимому, въ тѣсной связи съ его душевнымъ недугомъ, съ этимъ его болѣзненно-плаксивымъ настроеніемъ, съ той *maestitia*, благодаря которой онъ, по собственному признанію, становится въ тягость для своихъ близкихъ [7]).

Но, при всемъ видимомъ сходствѣ этого теперешняго настроенія Цицерона съ настроеніемъ предшествующей минуты, оно имѣетъ и существенное различіе сравнительно съ послѣднимъ, и если можетъ быть названо его продолженіемъ, то только въ извѣстномъ, ограниченномъ смыслѣ. Въ общемъ же оно отличается отъ послѣдняго, какъ въ количественномъ отношеніи—въ степени интенсивности—, такъ и въ качественномъ—въ направленіи. Если прежнее настроеніе можно было назвать гражданскою скорбью по преимуществу,—печалью, обусловливавшеюся причинами, лежащими въ сферѣ политическихъ отношеній; то настроеніе настоящей минуты является по преимуществу личнымъ чувствомъ, результатомъ личнаго горя, личнаго несчастія, которое не имѣетъ никакой связи съ политическими отношеніями минуты. Эта новая причина горя, это новое несчастіе, заслонившее до извѣстной степени прежнія несчастія политическія, была послѣдовавшая около этого времени смерть любимой дочери Цицерона Тулліи [8]).

До какой степени тяжела была для Цицерона эта утрата, какимъ тяжкимъ ударомъ была для него эта потеря, казавшаяся для посторонняго взгляда ничтожной [9]),—это видно изъ многихъ писемъ Цицерона того времени. Смерть Тулліи была для него, по его собственному выраженію, «тягчайшимъ ударомъ» [10]), который

---

[1]) 569. [2]) 588,2. ad Att. XIII. 28. [3]) 565,1. [4]) 567. ad Att. XII. 40. [5]) 565,1. [6]) 571. ad Att. XIII. 26. [7]) 571,2. [8]) 556. ad Att. XII. 34. 35. [9]) 557,4. ad Div. IV. 5. [10]) 565,1. ad Div. IV. 6.

поразилъ его до глубины души [1]), — глубокой, неизлѣчимой раной [2]), которая причиняла ему невыносимыя страданія [3]). Въ лицѣ умершей онъ потерялъ, по собственному выраженію, послѣднее утѣшеніе, которое оставалось ему въ жизни послѣ крушенія его политической карьеры [4]). Эта утрата была для Цицерона довершеніемъ у домашняго очага того, что уже было свершившимся фактомъ относительно куріи и форума: обнищаніе политическое было довершено обнищаніемъ семейнымъ.

Но помимо этого мы находимъ въ Цицеронѣ въ эту минуту болѣе крупную и болѣе глубокую перемѣну въ его духовной жизни и тѣсно связанную съ ней рѣзкую перемѣну въ обстановкѣ и въ образѣ жизни,—перемѣну, которая не осталась безъ вліянія и на характеръ самой переписки. Если мы сравнимъ ту обстановку, въ которой мы видѣли Цицерона въ предшествующій періодъ, съ тою обстановкой и съ тѣмъ образомъ жизни, которыя мы наблюдаемъ теперь, то мы найдемъ полнѣйшую противоположность между первою и послѣдними. *Тамъ* мы видѣли Цицерона—въ Римѣ, въ центрѣ политическаго водоворота. Правда, уже тогда Цицеронъ отказался отъ активнаго участія въ политической жизни; тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ, какъ мы видѣли, принимать въ ней, если и не дѣятельное, то всегда живое участіе. Онъ зорко присматривался къ каждому новому явленію, къ каждой новой перемѣнѣ; чутко прислушивался къ каждому слову, исходившему изъ вліятельныхъ круговъ, однимъ словомъ, продолжалъ жить интересомъ минуты, политической злобой дня. Мало того, онъ занималъ въ извѣстномъ смыслѣ центральное положеніе; его домъ былъ постояннымъ средоточіемъ для людей, стоявшихъ теперь во главѣ «республики» и заправлявшихъ политической жизнью Рима, при чемъ самъ онъ былъ всегда душою этого избраннаго шумнаго общества, которое собиралось въ его домѣ.

Что мы находимъ *здѣсь?*

Въ мартѣ, т. е. около того времени, когда битва при Мундѣ рѣшила исходъ Испанской войны, Цицеронъ покидаетъ Римъ [5]). Въ теченіе 30 дней онъ живетъ въ имѣніи своего друга, «въ са-

---

[1]) ib. [2]) ib. 2. 569,1. ad Div. V. 15. [3]) 565,1: *vix resisto dolori.* [4]) ib. 2. Срв. 541,1. ad Att. XII. 23: *unum, quo tenebamur.* [5]) 528. ad Att. XII. 12.

дахъ» [1]), откуда затѣмъ удаляется въ свою виллу на уединенномъ островѣ рѣки Астуры [2]), гдѣ и живетъ безвыѣздно вплоть до конца мая [3]). Затѣмъ мы видимъ его поперемѣнно—то въ Tusculanum'ѣ, то въ Arpinum'ѣ. Но собственно самымъ характернымъ, и до извѣстной степени даже неожиданнымъ, явленіемъ въ жизни Цицерона представляются первые два мѣсяца его пребыванія въ Астурѣ. Цицеронъ совершенно разрываетъ съ Римомъ, разрываетъ съ волнующими его вопросами, разрываетъ съ столичнымъ обществомъ. Политическій дѣятель, человѣкъ общества—въ Римѣ, здѣсь, въ захолустьи заброшеннаго острова, вдали отъ Рима и обуревавшихъ его вопросовъ и ожиданій, страховъ и надеждъ, въ тихомъ уединеніи ничѣмъ невозмущаемой глуши—онъ превращается въ совершеннаго затворника-анахорета. Онъ совершенно замыкается въ личную, частную жизнь, отдается всецѣло чисто индивидуальнымъ интересамъ, чуждымъ вопросамъ дня и страстямъ минуты. «Я живу», пишетъ онъ Аттику въ мартѣ 709 г. [4]), «въ полнѣйшемъ уединеніи: не съ кѣмъ даже слова перемолвить. Единственные собесѣдники у меня, это—книги. Съ ними я съ ранняго утра отправляюсь въ лѣсъ, забираюсь въ самую непроглядную чащу—и такъ не выхожу до вечерней зари». Развѣ только кто-нибудь изъ близкихъ друзей заглянетъ въ его уединенную виллу, да чей-нибудь либертъ или рабъ принесетъ письмо съ «утѣшеніемъ» (по случаю смерти дочери). Этимъ ограничивались сношенія Цицерона съ внѣшнимъ міромъ. Однимъ словомъ, это было своего рода добровольное изгнаніе.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы это добровольное изгнаніе и самозаточеніе было со стороны Цицерона чѣмъ-то вродѣ политической демонстраціи. Напротивъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Цицеронъ поступалъ въ данномъ случаѣ совершенно искренно, безъ всякой задней мысли, единственно по внушенію своего внутренняго влеченія. Это изгнаніе, это уединеніе отвѣчало, съ одной стороны, какъ мы видѣли, давнишнему желанію Цицерона—быть внѣ Рима и по возможности дальше отъ Рима [5]); съ другой стороны, это было разумнымъ удовлетвореніемъ—какъ

---

[1]) 567,2. ad Att. XII. 40. [2]) ib. [3]) ib. и 565. ad Div. IV. 6.—566. ad Div. IV. 12. [4]) 531,1. ad Att. XII. 15. [5]) 545. ad Att. XII. 27.

сейчасъ увидимъ — вполнѣ сознанной потребности въ уединеніи [4]).

Мы видѣли, что Цицеронъ давно уже рвался душой изъ Рима, гдѣ невыносимо было жить патріоту, [2]) гдѣ было ему все ненавистно—и «*время*», которое было для него синонимомъ вѣчныхъ несчастій и бѣдъ, [3])—и «*люди*», [4]) «наглые взгляды» которыхъ приводили его въ негодованіе, [5])—и «*форумъ*», [6]) безъ правильныхъ законныхъ судовъ, [7]) — и «*курія*», оспротѣвшая, лишенная прежняго независимаго сената и возбуждающая своимъ видомъ лишь грустное, горькое чувство [8]). Кромѣ того, постигшее его теперь домашнее несчастіе связало съ именемъ Рима одно изъ самыхъ грустныхъ для него воспоминаній.

Ко всему этому присоединились возникшія около этого времени семейныя несогласія, на которыя довольно смутно намекаетъ Цицеронъ въ одномъ изъ писемъ своихъ изъ Астуры, въ мартѣ 709 года, [9]) именно размолвка его со своей молодой женой, вслѣдствіе чего Цицеронъ желалъ быть подальше отъ нея и отъ ея родныхъ—матери и брата [10]).

Все это, взятое вмѣстѣ, всѣ эти «многія причины»—*multae causae*—,по выраженію Цицерона, [11]) и заставили его «бѣжать изъ Рима».

Но почему именно въ Астуру, въ захолустную, уединенную Астуру, гдѣ ранѣе ни разу не встрѣчали мы Цицерона,—почему туда отправляется онъ, а не въ одно изъ обычныхъ своихъ подгородныхъ мопрепо, напримѣръ, въ Тускуланъ?—Потому, что Цицеронъ бѣжалъ не только отъ Рима, но бѣжалъ и отъ людей вообще; не только желалъ быть внѣ Рима, но желалъ быть именно *въ уединеніи — in solitudine* [12]). Вотъ почему онъ обошелъ свои прежнія насиженныя мѣста въ Тускуланѣ и другихъ виллахъ, гдѣ онъ теперь—по собственному его выраженію—«не вынесъ бы этого многолюдства», [13]) и предпочелъ всѣмъ имъ уединенную и до сихъ поръ безвѣстную Астуру [14]). «Въ настоящее время, пишетъ Цицеронъ къ Аттику въ іюнѣ, [15]) я не могъ бы найти никакого дру-

---

[4]) 530. ad Att. XII. 14. — 533. ad Att. XII. 18.—571. ad Att. XIII. 26.—531. ad Att. XII. 15. [2]) 517,1. ad Div. VI. 1. [3]) 569. ad Div. V. 15. [4]) ib. [5]) 601. ad Att. XIII. 9. Срв. 612. ad Att. XIII. 20. [6]) 569. ad Div. V. 15. [7]) 601. [8]) ib. [9]) 550. ad Att. XII. 32. [10]) ib. 1. [11]) 545,2. ad Att. XII. 27. [12]) 530. ad Att. XII. 14. [13]) 567. ad Att. XII. 40. [14]) 571. ad Att. XIII. 26. [15]) ib. 2.

гаго мѣста, гдѣ бы чувствовалъ себя легче, чѣмъ въ Астурѣ», ибо Астура доставляла ему то, чего онъ искалъ въ данную минуту, въ чемъ чувствовалъ настоятельную потребность: уединеніе, а съ нимъ и столь желанный покой. «Я раздѣляю твои чувства», писалъ онъ Аттику въ мартѣ [1]), «и для меня точно такъ же ничего нѣтъ милѣе—*amicius*—уединенія» [2]). «Мнѣ наскучили эти вѣчныя волненія: я ищу уединенія, которое дастъ отдыхъ душѣ», [3]) утомленной волненіями, [4]) и тѣлу, «изнуренному великими трудами и болѣзнями» [5]).

Друзья Цицерона, которые, кажется, склонны были видѣть въ этомъ странномъ отшельничествѣ простой капризъ хандрящаго человѣка, [6]) тщетно пытались, употребляя къ тому всѣ усилія, вызвать его обратно въ Римъ [7]). Ничто не дѣйствовало. Цицеронъ упорно оставался въ своей «милой» Астурѣ, гдѣ онъ могъ не только наслаждаться невозмутимымъ покоемъ и отдыхать отъ трудовъ, но и отдаться свободно, наединѣ, не мозоля пичьихъ глазъ, своему семейному горю, которое на этотъ разъ отодвинуло на второй планъ горе политическое, печаль о республикѣ. Вотъ почему Цицеронъ такъ ревниво охраняетъ свое уединеніе, тщательно избѣгая всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ, особенно встрѣчи съ людьми, даже со своими друзьями. Варронъ, напримѣръ, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей; съ нимъ Цицеронъ поддерживалъ постоянную дружескую переписку, и около этого времени посвятилъ ему даже одинъ изъ своихъ философскихъ трудовъ [8]). Между тѣмъ, когда этотъ самый Варронъ пріѣхалъ навѣстить Цицерона (въ маѣ 709 г.), послѣдній не только что не обрадовался этой встрѣчѣ, а, напротивъ, былъ даже недоволенъ тѣмъ, что Варронъ нарушилъ его одиночество [9]). Аттикъ былъ, разумѣется, исключеніемъ. Цицеронъ былъ всегда радъ встрѣчѣ съ нимъ; какъ самъ онъ говоритъ, свиданіе съ Аттикомъ было для него всегда праздникомъ, [10]) и большимъ лишеніемъ—разлука съ нимъ [11]). «Тебя одного желалъ бы я видѣть у

---

[1]) 530. ad Att. XII. 14. [2]) Срв. 533. ad Att. XII. 18. [3]) 529,1. ad Att. XII. 13. [4]) 568. ad Div. V. 14. Срв. 575. ad Att. XII. 45. [5]) 568. [6]) 568,2. [7]) ib. Срв. 538,5 ad Att. XII. 21.—567,3. ad Att. XII. 40. [8]) 611. ad Att. XIII. 19 и др. [9]) 593,4. ad Att. XIII. 33. [10]) 580. ad Att. XII. 50. [11]) 590,2. ad Att. XIII. 30.

себя», [1]) пишетъ онъ къ Аттику въ мартѣ, потому что, «хотя уединеніе и облегчаетъ мнѣ душу, но твое присутствіе было бы въ этомъ случаѣ благотворнѣе самого уединенія» [2]). «Если бы, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, [3]) существовало для меня какое-либо утѣшеніе, то оно было бы единственно въ тебѣ; и если оно дѣйствительно явится, то оно явится отъ тебя и только отъ тебя!» Тѣмъ не менѣе, и на этотъ, быть можетъ, единственный проблескъ, на этотъ единственный лучъ свѣта въ омраченной душѣ Цицерона ложится темная тѣнь его общаго пессимистическаго настроенія. «Нѣтъ, пишетъ онъ къ Аттику еще въ мартѣ изъ Астуры [4]), нѣтъ, болѣе ты уже не можешь быть для меня тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, потому что *и я самъ уже не тотъ, что былъ прежде.* Гдѣ эти веселыя бесѣды, беззаботные разговоры, остроумныя шутки? гдѣ все это, что̀ мы, бывало, такъ любили съ тобой? Все прошло, погибло безвозвратно!...» Гдѣ та непринужденная веселость и ясность духа (*hilaritas illa*), которая, бывало, служила мнѣ щитомъ отъ внѣшнихъ [5]) невзгодъ? Я потерялъ ее, потерялъ навѣки!...»

Тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, замыкается теперь Цицеронъ въ кругу своихъ друзей — книгъ, отъ которыхъ теперь ничто не отрывало его въ тиши уединенія. Лишенная возможности проявлять свою дѣятельность на какомъ-либо практическомъ поприщѣ, живая энергія этой сангвинической натуры нашла себѣ выходъ именно въ этой теоретической дѣятельности, въ писательствѣ (ибо, говоря о книгахъ, Цицеронъ разумѣетъ не только и даже не столько чтеніе, сколько писаніе, сочиненіе «книгъ»). «Я пишу цѣлые дни напролетъ» — *scribendo dies totos aberro*—,пишетъ онъ въ это время къ Аттику [6]). «Единственная у меня бесѣда, это — письмо». [7]) «*Эти господа* не въ состояніи были бы прочесть столько, сколько я пишу въ настоящее время» [8]). Когда его мучила безсонница, онъ садился за письменный столъ и писалъ, писалъ безъ конца [9]). Такъ что онъ могъ, не впадая въ преувеличеніе, сказать о себѣ [10]): «Въ литературныхъ занятіяхъ проходитъ у меня все время».

---

[1]) 529,1. ad Att. XII. 13. [2]) 530,3. ad Att. XII. 14. [3]) 532. ad Att. XII. 16. [4]) 530,3. [5]) 567,3. ad Att. XII. 40. Срв. 537,1. ad Div. IX. 11. [6]) 563. ad Att. XII. 38. Срв. 530. ad Att. XII. 14. [7]) 530. ad Att. XII. 14. [8]) 567. Срв. 569. ad Div. V. 15.—571. ad Att. XIII. 26. [9]) 571,2. [10]) 569.

Помимо удовлетворенія внутренней потребности своей, Цицеронъ искалъ и теперь въ этихъ studia того же, что̀ находилъ въ нихъ ранѣе и что̀ считалъ ихъ существеннымъ свойствомъ. «Я послѣдую твоему совѣту, пишетъ онъ въ апрѣлѣ къ Лукцею [1]), буду по возможности искать забвенія своихъ душевныхъ мукъ въ тѣхъ занятіяхъ, которыя придаютъ еще бо́льшую прелесть жизни счастливой и помогаютъ переносить несчастіе». Цицеронъ не ищетъ теперь въ этихъ занятіяхъ того, что̀ онъ называетъ исцѣленіемъ души, ибо болѣзнь свою онъ считаетъ неизлѣчимою, но онъ ищетъ и находитъ въ нихъ *забвеніе—oblivionem—* [2]), забвеніе печали и *убѣжище—aberrationem—* отъ обуревающихъ бѣдъ и напастей, [3])—убѣжище наиболѣе соотвѣтствующее потребностямъ гуманнаго человѣка и наиболѣе достойное ученаго мужа, [4]) каковымъ считаетъ себя Цицеронъ. Эти занятія, въ которыхъ онъ проводитъ все время, «развлекаютъ его и помогаютъ ему бороться съ силой печали»; [5]) они служатъ ему «оружіемъ, которымъ онъ борется съ рыданіями, подступающими къ горлу» [6]). И развѣ стоило бы жить, не будь этихъ занятій [7])?

И дѣйствительно, это время было однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ періодовъ въ писательской дѣятельности Цицерона. Въ перепискѣ настоящаго отдѣла мы находимъ указанія на слѣдующія сочиненія, написанныя имъ въ это время.

1. Academicorum libri II [8]). Сочиненіе это было окончено Цицерономъ въ *началѣ іюня.* [9]) а *4 августа* онъ отправилъ экземпляръ его Варрону, которому было посвящено самое сочиненіе [10]).

2. De finibus [11]). Это сочиненіе Цицеронъ писалъ, по всей вѣроятности, одновременно съ предыдущимъ, но окончилъ, повидимому, нѣсколько позднѣе; по крайней мѣрѣ, впервые мы встрѣчаемся съ его названіемъ только въ *концѣ іюля* [12]).

---

[1]) 558,1. ad Div. V. 13. [2]) 569. [3]) 574. ad Att. XII. 14. Срв. 563. ad Att. XII. 38. [4]) 563,3. [5]) 530. [6]) ib. [7]) 617. ad Div. IX. 8. [8]) 605. ad Att. XIII. 13: *Academica.* 604,3. ad Att. XIII. 12: Σύνταξις Ἀκαδημαϊκή. 575,1. ad Att. XII. 45: *duo magna συντάγματα.* См. также: 606. ad Att. XII. 16.—607. ad Att. XIII. 14.—610. ad Att. XIII. 18.—611. ad Att. XIII. 19.—613. ad Att. XIII. 21.—614. ad Att. XIII. 22.—616. ad Att. XIII. 24.—620. ad Att. XIII. 35.—615. ad Att. XIII. 21.—618. ad Att. XIII. 25. [9]) 575,1. ad Att. XII. 45. [10]) 617. ad Div. IX. 8. [11]) 613,1. ad Att. XIII. 21: *De finibus.*—604. ad Att. XIII. 12: περὶ τελῶν σύνταξις. Также: 611. ad Att. XIII. 19.—613. ad Att. XIII. 21.—614. ad Att. XIII. 22. [12]) 604,3. ad Att. XIII.12.

3. Laudatio Catonis [1]).

4. Laudatio Porciae [2]).

5. Политическое посланіе къ Цезарю, которое, какъ увидимъ ниже, было написано Цицерономъ, но издано не было [3]).

6. Политическое посланіе къ Долабеллѣ, начатое, но не оконченное, а потому и не выходившее изъ портфеля Цицерона. [4])— Кромѣ того упоминаются написанныя ранѣе:

7. De republica libri VI [5]).

8. De oratore libri III [6]).

Отмѣченная нами выше внутренняя перемѣна въ душевномъ настроеніи Цицерона, въ связи съ внѣшними перемѣнами въ его положеніи, въ обстановкѣ и въ образѣ жизни, наложила глубокую печать и на всѣ письма Цицерона этого времени. Какъ самъ Цицеронъ своей личностью представляетъ своеобразный примѣръ метаморфоза государственнаго дѣятеля и человѣка общества въ затворника-анахорета; такъ подобную же перемѣну находимъ и въ его перепискѣ, въ ея характерѣ, который представляетъ такой же контрастъ съ характеромъ исторической минуты, какой представляетъ его отшельническая жизнь въ Астурѣ съ кипучею жизнью Рима. Насколько данная минута полна историческаго значенія и самаго захватывающаго интереса, настолько же бѣдна историческимъ интересомъ его переписка. Вмѣсто прежняго живаго, сангвиническаго, страстнаго отношенія къ интересу минуты, мы находимъ какое-то безучастное, вялое, граничащее съ полной апатіей, отношеніе. Цицеронъ точно хочетъ доказать, что онъ дѣйствительно, какъ онъ говорилъ, махнулъ рукой на все то, что̀ до сихъ поръ составляло главное содержаніе его жизни, главный предметъ его интереса,—что онъ, дѣйствительно, «бросилъ всякую заботу о республикѣ» и «презиралъ» то, что волновало его

---

[1]) 567,1. ad Att. XII.40: *Laudatio.*—449,2. ad Att. XII. 5: *Cato.*—Также: 415,2. ad Att. XII. 4.—470,4. ad Att. XII. 41.—474,1. ad Att. XII. 44.—575,3. ad Att. XII. 45.—577. ad Att. XII. 47.—629,2. ad Att. XIII. 46.—637. ad Att. XIII. 50.—639,1. ad Div. VII. 25. Срв. 636,2. ad Div. VII. 24. [2]) 621,3. ad Att. XIII. 37: *Laudatio Porciae.* 634,2. ad Att. XIII. 48. [3]) 581,2. ad Att. XII. 51: *Epistola ad Caesarem.* 567,1. ad Att. XII. 40: Συμβουλευτικόν. Также: 588,3. ad Att. XIII. 28.—587,1. ad Att. XIII. 27.—591,3. ad Att. XIII. 31. [4]) 602,2. ad Att. XIII. 10: *Ad Dolabellam*—κοινότερα quaedam et πολιτικώτερα. [5]) 611,4. ad Att. XIII. 19. [6]) ib.: *Sunt etiam de Oratore nostri tres mihi vehementer probati.*

современниковъ [1]). Благодаря отчасти этому холодно-равнодушному, почти апатичному, отношенію къ современной дѣйствительности, письма Цицерона перестаютъ быть для насъ тѣмъ зеркаломъ фактовъ и отношеній политической злобы дня, которое мы привыкли видѣть въ нихъ прежде.

Здѣсь мы повторяемъ высказанную нами прежде оговорку, что собранныя нами выше данныя для характеристики общихъ отношеній и настроенія Цицерона относятся преимущественно къ первымъ двумъ мѣсяцамъ даннаго періода, т. е. ко времени пребыванія его въ Астурѣ. Это было время наиболѣе интенсивнаго пессимистическаго и элегическаго настроенія Цицерона, которое затѣмъ, съ теченіемъ времени, когда миновали первые приступы охватившей его душу тоски о потерѣ дорогаго существа, подъ вліяніемъ всесцѣляющаго времени, а также и подъ вліяніемъ тѣхъ многообразныхъ утѣшеній, которыя находилъ Цицеронъ вокругъ себя и главнымъ образомъ въ себѣ самомъ,—все болѣе и болѣе теряетъ свой острый характеръ. Безотчетное, почти стихійное, чувство мало по малу уступаетъ мѣсто сознательному мышленію, философской рефлексіи. Прежняя идея стоическаго отношенія къ несчастіямъ оживаетъ съ новою силой и становится источникомъ болѣе или менѣе твердой рѣшимости «мужественно сносить бѣдствія» [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, то абсолютное отрѣшеніе отъ политической злобы дня, которымъ характеризуется настроеніе Цицерона въ названные два мѣсяца пребыванія его въ Астурѣ, все болѣе и болѣе теряетъ свой безусловный характеръ; мало по малу Цицеронъ снова вовлекается въ политику. Это возвращеніе къ политическому интересу сказывается уже въ самыхъ заглавіяхъ тѣхъ сочиненій, которыя въ это время выходятъ изъ-подъ его пера. Послѣ чисто теоретическихъ, морально-философскихъ сочиненій—Academica, De finibus—выходитъ Laudatio Catonis со своимъ pendant—Laudatio Porciae; далѣе, Цицеронъ пишетъ συμβουλευτικόν политическаго характера—по адресу Цезаря, и подобное же πολιτικώτερα—къ Долабеллѣ. Всѣ эти сочиненія относятся, очевидно, уже къ категоріи тѣхъ «Πολιτεῖαι», которыми Цицеронъ

---

[1]) 612. ad Att. XIII. 20. [2]) 632,3. ad Div. VI. 20.—558. ad Div. V. 13.- 563. ad Att. XIII. 38.—565. ad Div. IV. 6.—567. ad Att. XII. 40.

предполагалъ заняться еще въ предыдущемъ году. Τριπολιτικόν— заглавіе сочиненія Дикеарха, которое проситъ Цицеронъ доставить ему въ концѣ іюня [1]),—также довольно явственно свидѣтельствуетъ о совершившемся поворотѣ интереса въ сторону политики.

Но, непримиримый въ принципѣ, Цицеронъ, становясь на почву политики, снова начинаетъ развивать идею о необходимости «умѣренности» и осторожности въ образѣ дѣйствій [2]), о необходимости «подчиняться времени» [3]), т. е. развиваетъ свою излюбленную теорію компромиссовъ. Цицеронъ хочетъ остаться по прежнему *optimus civis* [4]), но тутъ же дѣлаетъ оговорку, *какъ*, въ какомъ смыслѣ и до какой степени считаетъ онъ возможнымъ остаться optimus civis: *sed ita optimi*, говоритъ онъ [5]), *ut tempora, quibus parere omnes* πολιτικοὶ *praecipiunt*, — для того чтобы, «потерявъ республику, сохранить собственное свое благосостояніе» [6]). Очевидно, это — повтореніе той же идеи, которую ранѣе Цицеронъ формулировалъ въ нѣсколько иной формѣ, именно, въ формѣ нежеланія (своего) «раздѣлить участь Катона» [7]).

ОТНОШЕНІЯ ЦИЦЕРОНА КЪ ЦЕЗАРЮ.

Тѣ нелицемѣрно-восторженныя заявленія дружбы и уваженія въ отношеніи къ Цезарю, которыми полны письма Цицерона непосредственно предшествующаго періода, были, можно сказать, лебединою пѣснью въ исторіи дружбы Цицерона съ Цезаремъ.

То была, очевидно, лишь мимолетная реакція противъ тѣхъ крайнихъ проявленій отрицательнаго отношенія, о которыхъ даетъ понятіе болѣе ранняя переписка. Въ перепискѣ настоящаго отдѣла мы можемъ наблюдать, какъ постепенно эта реакція все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, уступая мѣсто противоположному теченію,—и какъ мало по малу міросозерцаніе Цицерона входитъ снова въ прежнюю колею,—какъ онъ въ концѣ концовъ возвращается опять къ старому своему, недавно было оставленному, представленію о Цезарѣ, какъ о тиранніѣ, врагѣ республики и

---

[1]) 592,2. ad Att. XIII. 32. Срв. 590,3. ad Att. VIII. 30: Πολιτικὸν σύλλογον. [2]) 597. ad Div. VI. 21. [3]) 581,2. ad Att. XII. 51. [4]) ib. [5]) ib [6]) 597. ad Div. VI. 21. [7]) 451,2. ad Div. IX. 18. См. выше, стр. 365.

патріотовъ. Это развитіе отрицательнаго отношенія къ Цезарю со стороны Цицерона продолжается теперь безъ перерыва вплоть до самой смерти Цезаря. Если по внѣшности отношенія эти остаются по прежнему дружественными, то это уже не есть дѣйствительное выраженіе дружественныхъ чувствъ, но лишь результатъ той «искусной тактики», которую еще въ самомъ началѣ войны Цицеронъ избралъ своимъ девизомъ, и конечною цѣлью которой было «сохраненіе благосклонности Цезаря». Однимъ словомъ, отношенія, которыя только что было развернулись до предѣловъ самой широкой, всесторонней дружбы, снова входятъ въ узкія рамки чисто политической дружбы, не исключающей взаимнаго антагонизма.

Самымъ рельефнымъ выраженіемъ этой дружбы служитъ переписка, которую велъ Цицеронъ въ это время съ Цезаремъ, находившимся въ Испаніи. Отъ этой переписки до насъ сохранилось всего два письма Цицерона (оба написаны въ апрѣлѣ—изъ Астуры) [1]. Но мы имѣемъ положительныя указанія на то, что это были не единственныя письма,—что, напротивъ, переписка была довольно оживленная (имѣя въ виду разстояніе и тогдашнія средства сообщенія). Кромѣ указаній на нѣсколько другихъ писемъ Цицерона (къ Цезарю) [2], мы имѣемъ два указанія на одно письмо самого Цезаря [3]. Но и однихъ этихъ двухъ уцѣлѣвшихъ писемъ Цицерона [4] достаточно для того, чтобы составить себѣ приблизительное представленіе о характерѣ и направленіи этой переписки политическихъ друзей. Мы не станемъ подробно останавливаться на этихъ двухъ письмахъ; достаточно сказать, что они полны такихъ же восторженныхъ увѣреній дружбы, такихъ же трогательныхъ заявленій преданности и столь же изысканно-лестныхъ эпитетовъ, какъ и тѣ его болѣе ранніе письма къ Цезарю, съ которыми мы познакомились выше. Но остальная переписка, особенно переписка съ Аттикомъ, открываетъ намъ многое такое, что̀ тщательно скрыто въ этихъ «политическихъ» письмахъ. Благодаря этому, послѣднія такъ же мало могутъ ввести

---

[1]) 554. ad Div. XIII. 15.—555. ad Div. XIII. 16. [2]) 571,2. ad Att. XIII. 26.—579,2. ad Att. XII. 49 и др. [3]) 612,1. ad Att. XIII. 20. — 614,5. ad Att. 22. [4]) 551. ad Div. XIII. 15. — 555. ad Div. XIII. 16.

насъ въ заблужденіе относительно сущности дѣла, какъ и убѣдительныя по внѣшности заявленія лояльности въ отношеніи къ Цезарю, которыя мы читаемъ въ письмахъ Цицерона къ Корнифицію [1]) (гдѣ Цицеронъ высказываетъ, между прочимъ, надежду на то, что «*нашъ Цезарь*» [2]), конечно, «*печется о республикѣ*») [3]),— никого, говоримъ мы, не введутъ въ заблужденіе подобныя заявленія въ письмахъ къ одному изъ видныхъ цезаріанцевъ (какимъ былъ Корнифицій), когда въ интимныхъ письмахъ, въ письмахъ къ Аттику, мы читаемъ совершенно иное. А именно, какъ мы уже сказали, эти письма говорятъ намъ о возвращеніи Цицерона къ прежнимъ воззрѣніямъ на Цезаря, какъ на тиранна — врага республики; вмѣстѣ съ тѣмъ возобновляется и прежнее, стушевавшееся было полу-враждебное, полу-боязливое отношеніе къ нему. Эти воззрѣнія и эти отношенія постепенно, какъ мы сказали, вытѣсняютъ установившіяся было болѣе близкія къ истинѣ воззрѣнія и бывшія результатомъ ихъ болѣе искреннія отношенія къ Цезарю. Это новое настроеніе Цицерона, которое въ сущности было, какъ мы выше сказали, только возвращеніемъ къ старому, воскресаетъ и развивается на нашихъ глазахъ; читая переписку его съ Аттикомъ за это время, мы можемъ наблюдать, какъ постепенно прогрессируетъ это настроеніе въ своемъ развитіи, какъ оно становится все болѣе и болѣе интенсивнымъ, пока, наконецъ, не достигаетъ той точки, на которой мы видѣли его въ моментъ наибольшаго развитія «непримиримыхъ» анти-цезарьянскихъ тенденцій Цицерона. Мы видимъ, какъ, довольно сдержанное еще весной, къ осени, т. е. ко времени возвращенія Цезаря съ театра Испанской войны, оно получаетъ такой же рѣзкій характеръ, какъ въ началѣ войны. Такъ, въ мартѣ (709 г.), Цицеронъ еще довольно снисходительно отнесся къ желанію своего сына отправиться къ Цезарю въ Испанію [4]), и хотя пытался первоначально протестовать, но въ концѣ концовъ все-таки уступилъ, скрѣпя сердце, настойчивымъ просьбамъ молодаго человѣка. Едва ли бы допустилъ онъ это нѣсколько позднѣе, напримѣръ, въ іюнѣ, когда отрицательное настроеніе относительно Цезаря сдѣлало у Цицерона уже большіе успѣхи.

---

[1]) 641. ad Div. XII. 17. — 646. ad Div. XII. 18. [2]) 646. [3]) 641. ad Div. XII. 17. [4]) 539,1. ad Att. XII. 7.

Поводомъ къ этимъ враждебнымъ выходкамъ противъ Цезаря, которыя мы встрѣчаемъ въ письмахъ Цицерона этого времени, послужилъ фактъ апоѳеоза Цезаря сенатомъ (постановка статуи Цезаря въ храмѣ Квирина, см. стр. 372). Вотъ что, между прочимъ, писалъ Цицеронъ по этому поводу къ Аттику [1]): «Что касается до сосѣдства твоего съ Цезаремъ *(de Caesare vicino tuo)*, то объ этомъ я уже писалъ тебѣ. Что до меня, то я бы лучше желалъ, чтобы онъ былъ сопрестольникомъ (σύνναον) Квирина, чѣмъ Безопасности *(Salutis)*» [2]). Изъ этихъ словъ можно видѣть, какова была эта политическая дружба Цицерона съ Цезаремъ, и каковы были истинныя чувства перваго къ послѣднему. У Аттика, которому не менѣе, чѣмъ Цицерону, извѣстна была судьба Квирина-Ромула, не должно было, разумѣется, оставаться никакого сомнѣнія относительно истиннаго смысла того намека, который заключался въ этомъ выраженіи, и которому суждено было черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получить значеніе исполнившагося пророчества. Необходимо, однако, войти въ положеніе Цицерона, стать на его точку, чтобы понять, какъ глубоко должна была оскорблять его республиканское чувство вся эта исторія, которая всею своей обстановкой являла наглядный прообразъ грядущей имперіи: и обоготворенный императоръ, и раболѣпный сенатъ, и рукоплещущая толпа... Мы вѣримъ Цицерону, что ему *горько* было [3]) быть, если не очевидцемъ, то современникомъ подобныхъ сценъ, и думаемъ, что извѣстную долю его черезчуръ ужъ злобнаго пожеланія по адресу Цезаря слѣдуетъ отнести на счетъ минутной вспышки, минутнаго взрыва раздраженія, вызваннаго извѣстіемъ о возмутительномъ, съ его точки зрѣнія, фактѣ.

Какъ бы то ни было, можно считать за несомнѣнное, что этотъ фактъ не остался безъ вліянія на дальнѣйшія отношенія Цицерона къ Цезарю въ томъ смыслѣ, что онъ способствовалъ отчужденію перваго отъ послѣдняго. Эти отталкивающія впечатлѣнія расшевелили въ Цицеронѣ успувшія было непримиримыя чувства, чувства ненависти и вражды къ «тираніи» и къ «тиранну», и тѣмъ помогли возвращенію прежняго ожесточенія и фанатизма

---

[1]) 575,3. ad Att. XII. 45. [2]) Срв. 577,3. ad Att. XII. 47.—588,3. ad Att. XIII. 28. [3]) 627,1. ad Att. XIII. 44.

противъ Цезаря. Немного спустя, послѣ упомянутаго эпизода, въ первой половинѣ августа, Цицеронъ вотъ что между прочимъ пишетъ Аттику [1]): «Неужели правда, что, какъ сообщаетъ Брутъ, онъ (Цезарь) склоняется въ сторону патріотовъ? Добрая вѣсть. Но вопросъ: гдѣ онъ найдетъ этихъ патріотовъ, если только онъ не думаетъ отправиться (за ними) на тотъ свѣтъ?... Искать же ихъ здѣсь было бы глупо. Кстати, гдѣ у тебя это твое любимое изваяніе, которое я видѣлъ въ Партенонѣ,—Агалы и Брута?... А впрочемъ, что жъ бы и они сдѣлали?...» Какіе опять кровожадные намеки въ этомъ рядѣ отрывочныхъ, недоговоренныхъ фразъ!... Будь это въ другое время, какимъ-нибудь годомъ ранѣе, Цицеронъ былъ бы въ восторгѣ отъ подобной «доброй вѣсти», былъ бы въ восторгѣ отъ Цезаря, отъ его мудрости, великодушія, благородства; теперь же «добрая вѣсть» не вызвала въ немъ другаго желанія, какъ то, чтобы Цезарь отправился на «тотъ свѣтъ», нашелъ бы втораго Агалу или Брута, которые бы помогли ему въ этомъ случаѣ. А эти, дышащія самымъ искреннимъ, неподдѣльнымъ разочарованіемъ, слова: «а впрочемъ, что жъ бы и они сдѣлали?.. »— сколько непримиримой и, можно сказать, кровожадной враждебности къ Цезарю скрывается въ этой меланхолической фразѣ!... Какъ бы, слѣдовательно, возликовалъ Цицеронъ, если бы могъ знать въ эту минуту, что его скептицизмъ относительно возможности повторенія подвиговъ Агалы и Брута не оправдается...

Тѣмъ не менѣе, Цицеронъ позволялъ себѣ подобныя выходки противъ Цезаря только въ своихъ интимныхъ письмахъ, такъ сказать, безъ свидѣтелей. Единственнымъ отступленіемъ отъ этого правила было изданіе въ свѣтъ «Катона». Но, вопервыхъ, «Катонъ» только косвенно былъ направленъ противъ Цезаря; а во-вторыхъ, Цицеронъ вскорѣ самъ раскаялся въ своей смѣлости [2]) и, чтобы сгладить эту свою неловкость, счелъ нужнымъ остаться въ восторгѣ отъ возраженія Цезаря на свою книгу. Какъ бы то ни было, но послѣ этого Цицеронъ разъ навсегда отказался отъ подобнаго фрондерства, и этотъ эпизодъ былъ послѣднимъ «инцидентомъ» въ этомъ родѣ, который не сдѣлался для Цицерона «прискорбнымъ»—единственно благодаря его собственной дипломатической изворотливости да политическому такту Цезаря.

---

[1]) 624,1. ad Att. XIII. 40. [2]) 639,1. ad Div. VII. 25.

Чрезвычайно характеренъ для отношеній Цицерона къ Цезарю въ данную минуту эпизодъ съ посланіемъ, которое Цицеронъ имѣлъ въ виду отправить къ Цезарю во время испанской войны, но которое такъ и осталось неизвѣстнымъ ни для адресата, ни для потомства, такъ какъ посланіе это, не отправленное въ свое время къ Цезарю, не сохранилось и для насъ; исторія его позволяетъ думать, что оно уничтожено было самимъ Цицерономъ. Цицеронъ называетъ это свое посланіе то Συμβουλευτικόν [1]), то просто *epistola* (ad Caesarem) [2]). Слѣдовательно, въ немъ излагались «*совѣты*» въ формѣ «*посланія*».—Какого рода «совѣты» думалъ Цицеронъ преподать Цезарю? Такіе, какіе могъ высказать «честный и убѣжденный гражданинъ, насколько это позволяли обстоятельства» [3]). Слѣдовательно, можно думать, что Цицеронъ имѣлъ въ виду изложить въ этомъ посланіи, въ видѣ совѣтовъ Цезарю, свою политическую программу, т. е. программу ортодоксальныхъ республиканцевъ,—«насколько позволяли обстоятельства», т. е. съ извѣстными уступками, компромиссами совершившемуся факту, единовластію. Однимъ словомъ, Цицерону предстояло сдѣлать шагъ, который былъ бы одновременно и подвигомъ гражданскаго мужества, и актомъ дипломатическаго искусства. Нужно было изложить свою ортодоксально-республиканскую программу—и при этомъ не сказать непріятное Цезарю; быть искреннимъ безъ лести, [4]) безъ «подлаго заискиванія»—[5]) и не оскорбить въ то же время Цезаря [6]). Цицеронъ самъ прекрасно понималъ всю трудность подобной задачи, этой «архимедовой проблемы»—πρόβλημα Ἀρχιμήδειον, [7]) какъ онъ самъ ее называлъ. Цицеронъ сравниваетъ свое положеніе относительно Цезаря въ данную минуту съ положеніемъ Аристотеля относительно Александра, и приходитъ къ тому неутѣшительному результату, что для него, Цицерона, невозможно высказывать свои убѣжденія и говорить при этомъ угодное Цезарю, какъ это имѣлъ возможность Аристотель относительно Александра [8]). Сознавая серьезность и трудность этой своей задачи, Цицеронъ долго колебался. «Я уже много разъ порывался писать свое Συμβουλευτικόν, пишетъ онъ Аттику въ іюнѣ; [9]) но каждый

[1]) 567,2. ad Att. XII. 40. [2]) 581,2. ad Att. XII. 51. [3]) ib. [4]) 587,1. ad Att. XIII. 27. [5]) 588,2. ad Att. XIII. 28. [6]) 587,1. [7]) 588,3. Срв. 445,2. ad Att. XII. 4. [8]) 567,2. ad Att. XII. 40.—588,2. [9]) 567,2.

разъ голова отказывается работать, и я не нахожу ни одной мысли. Не поможешь ли ты мнѣ?...» [1]). Еслибы Цицеронъ былъ только «мужъ храбрый и философъ»—*vir fortis idemque philosophus* [2])—,какъ онъ самъ себя характеризуетъ, то едва ли бы онъ и взялся за рѣшеніе подобной «проблемы», но такъ какъ онъ былъ, сверхъ того, еще и очень тонкій дипломатъ, то онъ не только взялся за эту задачу, но и нашелъ, повидимому, искомое рѣшеніе ея: сумѣлъ высказать непріятныя Цезарю идеи въ пріятной формѣ; сумѣлъ, по собственному выраженію, «такъ разукрасить дубину, что она могла показаться изваяніемъ» [3]). Но, совладавши наконецъ съ этой первой своей перѣшительностью, Цицеронъ не рѣшился, однако, тотчасъ отправить свое посланіе прямо къ Цезарю, а хотѣлъ предварительно «позондировать» его друзей, попытать, какъ они отнесутся къ его произведенію, и предложить имъ его для предварительнаго разсмотрѣнія и цензуры. «Иначе, говоритъ Цицеронъ, [4]) я бы поступилъ неделикатно—*inofficiose*—по отношенію къ нимъ (друзьямъ Цезаря, находившимся въ Римѣ) и рисковалъ бы, кромѣ того, создать себѣ новыя затрудненія, въ случаѣ если бы Цезарь нашелъ здѣсь что-нибудь оскорбительное для себя». Друзья Цезаря оказались, однако, настолько зоркими, что разглядѣли подъ пластическими формами, придаными искусствомъ Цицерона его произведенію, сучья и шероховатости «дубины». Строгіе цензоры нашли и въ этомъ, тщательно изукрашенномъ и старательно прилаженномъ къ «обстоятельствамъ», сочиненіи столько нецензурныхъ мыслей, что приходилось или подвергнуть его коренной переработкѣ, или же вовсе отказаться отъ мысли отправить его къ Цезарю; [5]) Цицеронъ предпочелъ послѣднее [6]). «Повѣрь, писалъ онъ при этомъ Аттику [7]), что намъ пришлось бы жестоко раскаяться, еслибы это посланіе нашло своего адресата». Поэтому Цицеронъ рѣшилъ разъ навсегда отказаться отъ «этихъ глупостей» и быть тише воды — ниже травы, потому что этимъ только и можно было сохранить за собой ту небольшую долю свободы, которая была еще возможна [8]).

---

[1]) Срв. 588,2. [2]) 455,2. ad Div. IX. 17. [3]) 588,2. [4]) 587,1. ad Att. XIII. 27. [5]) 587,1. [6]) 591,3. ad Att. XIII. 31. Срв. 588,2. ad Att. XIII. 28. [7]) 588,3. [8]) 591,3.

Если мы охарактеризовали отношенія Цицерона къ Цезарю въ данную минуту, какъ полубоязливыя, полувраждебныя, то теперь слѣдуетъ прибавить къ этому, что первый элементъ получаетъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе, по мѣрѣ приближенія времени ожидаемаго возвращенія Цезаря. Онъ боится не шутя, и серьезно опасается встрѣтить въ Цезарѣ втораго Суллу, который, какъ только возвратится изъ Испаніи, такъ сейчасъ же начнетъ кровавую расправу съ своими противниками, и первымъ дѣломъ ихъ, «катоньянцевъ», спровадитъ «въ преисподнюю» [1]). Кромѣ этого своего «катонизма», Цицеронъ имѣлъ еще и особую, лично до него относившуюся, причину бояться Цезаря; причина эта заключалась въ извѣстныхъ уже намъ изъ предыдущей переписки дурныхъ отношеніяхъ его съ «недостойнымъ родственникомъ» [2]), какъ онъ называетъ брата Квинта, который, какъ мы видѣли, игралъ теперь по отношенію къ Цицерону роль злаго генія, главнымъ образомъ своимъ паушничествомъ предъ Цезаремъ, въ глазахъ котораго онъ старался окончательно дискредитировать и безъ того уже сильно скомпрометированнаго Цицерона [3]).

Подъ вліяніемъ этихъ «ежедневныхъ страховъ», [4]) въ сущности воображаемыхъ, но сознательно поддерживаемыхъ и развиваемыхъ, Цицеронъ дошелъ до такой мнительности, что во всемъ готовъ былъ видѣть признаки грядущихъ ужасовъ. Антоній, отправившійся было въ Испанію, вдругъ неожиданно возвратился (въ мартѣ) въ Римъ [5]). Этого было достаточно, чтобы Цицеронъ страшно перепугался, самъ не зная чего [6]). Около половины іюля Цицеронъ получилъ извѣстіе о загадочномъ убійствѣ М. Марцелла въ Пиреѣ, *23 мая* (письмо Сер. Сульпиція изъ Аѳинъ отъ 31 мая) [7]). Цицеронъ готовъ видѣть въ этомъ уже первый актъ той кровавой расправы, которой онъ ожидалъ отъ Цезаря [8]). Если Брутъ нашелъ нужнымъ «очистить Цезаря» [9]) въ глазахъ Цицерона по поводу убійства Марцелла, то, слѣдовательно, Цицеронъ нуждался въ подобномъ разувѣреніи. Самъ Цицеронъ говоритъ, что онъ

---

[1]) 639,1. ad Div. VII. 25: *Vereor, ne in Catonium Catonines.* Каламбуръ: *catonium* отъ κάτω-*Orcus.* [2]) 563,2. ad Att. XII. 38. [3]) 601,1. ad Att. XIII. 9. [4]) 569,5. ad Div. V. 15. [5]) 533. ad Att. XII. 18.—535,2. ad Att. XII. 19.—536,1. ad Att. XII. 20. [6]) ib. [7]) 566. ad Div. IV. 12. [8]) 602,3. ad Att. XIII. 10. [9]) ib.: *Misit enim Brutus ad me: per literas purgat Caesarem de interitu Marcelli.*

«глубоко потрясенъ этимъ событіемъ и ждетъ теперь всевозможныхъ опасностей» [1]).

Опасенія эти тѣмъ болѣе характерны, что они не были тѣмъ, что̀ можно было бы назвать безсознательнымъ аффектомъ; напротивъ, они были результатомъ извѣстной сознательной рефлексіи, размышленія, основаннаго на наблюденіи и данныхъ историческаго опыта. Сущность этихъ разсужденій заключается въ томъ, что «*Цезарь долженъ измѣниться вслѣдствіе того, что онъ сталъ всемогущимъ*». Въ своихъ разсужденіяхъ Цицеронъ опирается на историческую аналогію. Онъ указываетъ на примѣръ «знаменитаго воспитанника Аристотеля», [2]) который, «при всей своей геніальности, умѣренности, гуманности, сдѣлался надменнымъ, необузданнымъ, жестокимъ, послѣ того какъ былъ провозглашенъ царемъ» [3]). И какъ бы желая придать болѣе убѣдительности этой своей аналогіи, Цицеронъ называетъ Цезаря царемъ—*rex* [4]).

Страхъ передъ Цезаремъ, боязнь потерять его благосклонность, или—что еще хуже — возбудить противъ себя его гнѣвъ, становится господствующимъ мотивомъ въ поведеніи Цицерона относительно Цезаря. Мы видѣли уже ранѣе, какъ Цицеронъ постарался замять начатый было имъ споръ съ Цезаремъ: мы разумѣемъ его исторію съ «Катономъ». Съ этимъ же мотивомъ встрѣчаемся мы въ одномъ небольшомъ эпизодѣ, имѣвшемъ мѣсто незадолго передъ ожидаемымъ прибытіемъ Цезаря. Цицеронъ поссорился съ какимъ то совершенно намъ неизвѣстнымъ Тигеллісмъ [5]). Повидимому, какая въ томъ бѣда? Между тѣмъ, цѣлый рядъ писемъ Цицерона, трактующихъ объ этомъ предметѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ придавалъ большое значеніе этому обстоятельству,—что, по крайней мѣрѣ, этотъ предметъ серьезно занималъ его. Цицеронъ хлопочетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь замять эту ссору. Это было незадолго до ожидаемаго возвращенія Цезаря (въ августѣ). Самъ по себѣ фактъ этотъ настолько ничтоженъ, что читатель, ищущій въ письмахъ *исторіи*, вѣроятно не обратилъ бы даже вниманія на него, если бы онъ не мозолилъ

---

[1]) 602,1. ad Att. XIII. 10. [2]) 588,3. ad Att. XIII. 28. [3]) ib. [4]) 621,2. ad Att. XIII 37. [5]) 635. ad Att. XIII. 49. — 636. ad Div. VII. 24. — 637. ad Att. XIII. 50. — 638. ad Att. XIII. 51.—639. ad Div. VII. 25.

ему глаза на пространствѣ нѣсколькихъ страницъ кряду. Это послѣднее обстоятельство невольно заинтересовываетъ читателя, а одно вскользь брошенное выраженіе, пойманное имъ тутъ же, объясняетъ ему всю суть дѣла. «Ни съ чьей стороны, пишетъ Цицеронъ въ одномъ изъ вышеприведенныхъ писемъ, [1]) не пользуюсь я бо̀льшимъ вниманіемъ и предупредительностью, какъ со стороны самыхъ близкихъ къ Цезарю людей, исключая *этого — istum*», т. е. Тигеллія. Слѣдовательно, Тигеллій былъ однимъ изъ «самыхъ близкихъ къ Цезарю людей...» Итакъ, вотъ гдѣ разгадка того, почему такое важное значеніе придавалъ Цицеронъ возстановленію добрыхъ отношеній съ Тигелліемъ, о которомъ исторія ничего болѣе не знаетъ, какъ только то, что онъ былъ одинъ изъ «familiarissimi» Цезаря.

Вообще, чѣмъ ближе къ концу приходитъ испанская война, чѣмъ болѣе приближается время возвращенія побѣдителя-Цезаря, тѣмъ болѣе замѣчаемъ въ Цицеронѣ стремленія къ сближенію съ людьми близкими къ Цезарю, т. е. къ поддержанію или возстановленію прежнихъ связей, гдѣ таковыя были почему-нибудь разорваны, какъ въ только что приведенномъ случаѣ.

Характерны въ этомъ случаѣ отношенія его къ Долабеллѣ. Не смотря на недавнюю семейную непріятность (разводъ Долабеллы съ дочерью Цицерона и послѣдовавшая вскорѣ смерть Тулліи), отношенія къ нему со стороны Цицерона, повидимому, нимало не измѣнились къ худшему; напротивъ, если мы сравнимъ теперешнія отношенія съ тѣми, которыя имѣли мѣсто немного ранѣе, то мы найдемъ даже значительное измѣненіе къ лучшему. Цицеронъ ведетъ переписку съ Долабеллой [2]) такъ, какъ если бы ничего между ними не произошло,—въ чисто родственномъ духѣ, хотя нетрудно замѣтить въ этой родственной фамильярности что-то искусственное, принужденное, даже какъ будто заискивающее. Особенно бросается это въ глаза въ тѣхъ фразахъ, гдѣ Цицеронъ говоритъ (въ письмахъ къ Долабеллѣ) о «необычайной, несравненной любви къ нему» со стороны Долабеллы. Для читателя, ознакомившагося съ пріемами Цицерона въ его письмахъ, уже одной подобной фразы достаточно, для того что бы заподозрить искрен-

[1]) 636,1. [2]) 537. ad Div. IX. 11.—553. ad Div. IX. 13.—633,1. ad Att. XIII. 47.

ность дружескихъ отношеній въ данномъ случаѣ, потому что самыя восторженныя, самыя пышныя фразы о любви и дружбѣ ему приходилось читать въ письмахъ Цицерона къ такимъ лицамъ, съ которыми онъ былъ, въ дѣйствительности, или въ натянутыхъ, или же прямо во враждебныхъ отношеніяхъ, но съ которыми желалъ поддерживать внѣшнія дружескія отношенія. Такъ что, читатель склоненъ уже a priori подозрѣвать присутствіе извѣстной задней мысли въ этихъ внѣшне родственныхъ дружескихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе что трудно допустить даже *возможность* искреннихъ дружескихъ отношеній со стороны Цицерона по отношенію къ Долабеллѣ, какъ въ виду его недавнихъ холодныхъ отношеній, вслѣдствіе перехода послѣдняго на сторону Цезаря, такъ и особенно въ виду неостывшей еще могилы неутѣшно оплакиваемой имъ нѣжно любимой дочери, безвременная смерть которой произошла, быть можетъ, не безъ вины отвергнувшаго ее мужа. Всего этого вмѣстѣ достаточно для того, чтобы оправдать недовѣріе читателя къ искренности этой дружбы и искать мотивовъ ея въ другой сферѣ, въ сферѣ политическихъ отношеній, въ томъ положеніи, какое занимали и Долабелла и Цицеронъ относительно Цезаря. Что касается до положенія Цицерона, то оно намъ уже извѣстно. Относительно же Долабеллы пока мы знаемъ то, что въ послѣднее время онъ сдѣлался цезарьянцемъ. Теперь мы узнаемъ, кромѣ того,—что въ данную минуту онъ былъ однимъ изъ *вліятельныхъ* цезаріанцевъ, человѣкомъ близкимъ къ Цезарю лично и пользовавшимся довѣріемъ послѣдняго. Какъ на доказательство этого, достаточно указать на два письма Цицерона: 1) къ Долабеллѣ, писанное въ апрѣлѣ изъ Астуры, [1]) и 2) къ Требіану—въ сентябрѣ [2]). Изъ перваго письма мы видимъ, что Цицеронъ считалъ Долабеллу за вліятельное лицо у Цезаря; изъ втораго,—что онъ дѣйствительно былъ таковымъ. Въ первомъ письмѣ Цицеронъ проситъ Долабеллу похлопотать передъ Цезаремъ за нѣкихъ К. Суберина Калена и М. Планія Гереда, «своихъ друзей и закадычныхъ пріятелей нашего друга Лепты», какъ онъ рекомендуетъ ихъ Долабеллѣ,—чтобы Цезарь позволилъ имъ возвратиться въ Римъ изъ Испаніи, куда они «отправились ранѣе вмѣстѣ съ Варрономъ

[1]) 553. ad Div. IX. 13. [2]) 640. ad Div. VI. 11.

и тѣмъ навлекли на себя тѣ бѣды, которыхъ болѣе всего старались избѣжать» [1]). «Устрой имъ возвращеніе», проситъ Цицеронъ Долабеллу [2]), «если только ты любишь меня не менѣе, чѣмъ я думаю. Цицеронъ настолько, значитъ, увѣренъ во вліяніи Долабеллы, что единственное возможное препятствіе для осуществленія своего желанія, просьбы, видитъ только въ возможномъ недостаткѣ доброй воли у Долабеллы. О результатѣ посредничества Долабеллы въ данномъ случаѣ мы ничего не знаемъ. За-то изъ втораго письма [3]) узнаемъ, что дѣйствительно, благодаря посредничеству Долабеллы, было получено согласіе со стороны Цезаря на возвращеніе Требіана, который участвовалъ въ фарсальскомъ сраженіи и затѣмъ въ африканской войнѣ противъ Цезаря, и въ данную минуту жилъ въ изгнаніи.

Во второй половинѣ іюля Цицеронъ готовилъ какое-то сочиненіе политическаго характера, которое хотѣлъ посвятить Долабеллѣ, подобно тому какъ посвятилъ Варрону *Academica*, [4]) согласно желанію послѣдняго [5]). На политическое значеніе этой любезности по отношенію къ одному изъ видныхъ цезарьянцевъ указываетъ косвеннымъ образомъ самъ Цицеронъ въ вышеприведенномъ письмѣ къ Аттику по этому поводу: [6]) «Теперь же я рѣшительно въ недоумѣніи, въ которую сторону мнѣ двинуться. Съ одной стороны, хотѣлось бы удружить Долабеллѣ; но, съ другой стороны, вопервыхъ, является вопросъ: что и какъ? а вовторыхъ, и «стыдно предъ Троянцами»: въ случаѣ чего, мнѣ не избѣжать упрека». (Намъ извѣстно уже изъ предыдущаго смыслъ этихъ выраженій).

Если задача Цицерона заключалась въ томъ, чтобы сохранить благосклонность Цезаря и снискать дружбу со стороны наиболѣе вліятельныхъ цезарьянцевъ, то задача эта была имъ разрѣшена блестящимъ образомъ; въ этомъ случаѣ Цицеронъ одержалъ такую же блистательную дипломатическую побѣду, какъ и ранѣе. Какъ тогда, такъ и на этотъ разъ усилія Цицерона, очевидно, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, если онъ могъ наканунѣ возвращенія Цезаря въ Римъ писать къ Фабію Галлу, въ началѣ сен-

---

[1]) 553. ad Div. IX. 13. [2]) ib. 4. [3]) 640. ad Div. VI. 11. [4]) 602,2. ad Att. XIII. 10. [5]) ib. 605,2. ad Att. XIII. 13. [6]) ib.

тября [1]): «Ни съ чьей стороны не пользуюсь я такимъ вниманіемъ и такой предупредительностью, какъ со стороны самыхъ близкихъ къ Цезарю людей». Изъ этого видно, что отношенія его съ цезарьянцами, установившіяся въ предшествующемъ періодѣ, не потерпѣли за это время измѣненія въ дурную сторону.

То же самое мы видимъ и относительно самого Цезаря. Ничто не указываетъ на то, чтобы прежнія дружески-любезныя отношенія его къ Цицерону измѣнились. Напротивъ, переписка даетъ самыя положительныя указанія на то, что Цезарь не только не выказывалъ никакой враждебности по отношенію къ Цицерону, а, напротивъ, выказывалъ всѣ знаки расположенія и обходился съ нимъ, какъ съ старымъ другомъ. Такъ, узнавъ о постигшемъ Цицерона семейномъ горѣ--смерти Туллін—,онъ спѣшитъ, какъ истый другъ, написать ему утѣшительное письмо—*literas consolatorias* [2]). Нужно замѣтить, что Цезарь былъ въ это время въ Испаніи (письмо Цезаря, полученное Цицерономъ *въ концѣ іюля*, было датировано *29 апрѣля*, изъ Гиспалиса) [3]) и въ такой обстановкѣ, которая, повидимому, не оставляла мѣста для заботъ о личныхъ радостяхъ или печаляхъ людей, находившихся отъ него за тридевять земель. Послѣднее обстоятельство придаетъ важное значеніе этому, всущности ничтожному, факту; оно заставляетъ насъ видѣть въ этомъ письмѣ Цезаря болѣе, чѣмъ простой актъ свѣтской вѣжливости.

Эти дружескія отношенія Цезаря къ Цицерону нисколько не были, повидимому, поколебаны тѣмъ вызывающимъ поступкомъ послѣдняго какимъ было изданіе въ свѣтъ его «Катона». Цезарь, какъ мы видѣли, не показалъ даже тѣни неудовольствія, напротивъ, расхвалилъ произведеніе Цицерона. Правда, похвалы Цезаря относились лишь къ *стилю*; но уже тотъ фактъ, что онъ предпочелъ восхищаться стилемъ направленнаго противъ себя памфлета, чѣмъ возмущаться его содержаніемъ,—достаточно говоритъ за то, что онъ не думалъ измѣнять своихъ отношеній къ Цицерону. Въ пользу того же говоритъ и тотъ фактъ, что потомъ Цезарь предпочелъ—ударъ, напесенный публичнымъ словомъ, отпарировать публичнымъ же словомъ, а не тѣмъ, къ чему обыкновенно прибѣга-

---

[1]) 636. ad Div. VII. 24. [2]) 612,1. ad Att. XIII. 20. [3]) ib. См. также хрон. таб.

ли въ подобныхъ случаяхъ Марій, Сулла и впослѣдствіи—Антоній. Наконецъ, самый рельефный въ этомъ отношеніи фактъ—тотъ, что въ это время Цезарь дѣлаетъ попытку привлечь Цицерона снова къ государственной дѣятельности, вызвать его въ Римъ, въ сенатъ. Правда, на этотъ разъ Цезарь не самъ лично беретъ за это дѣло, а поручаетъ его Лепиду, но это всущности все равно. Въ *сентябрѣ* Цицеронъ получилъ письмо отъ Лепида, [1]) въ которомъ тотъ «настоятельно приглашалъ его въ Римъ, на засѣданіе сената *1 октября*» и прибавлялъ при этомъ, что этимъ Цицеронъ «сдѣлалъ бы пріятное и ему и Цезарю» [2]).

Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ объ одномъ,—о томъ, что Цезарь нисколько не измѣнилъ прежнихъ своихъ дружественныхъ отношеній къ Цицерону, завѣтнымъ желаніемъ котораго было въ это время то, чтобы Цезарь отправился на тотъ свѣтъ по стопамъ Ромула. Чему приписать, чѣмъ объяснить такой фактъ? Тѣмъ, что Цезарь вполнѣ наивно вѣрилъ въ дружбу Цицерона, не догадывался относительно истинныхъ чувствъ послѣдняго и принималъ за чистую монету то, что всущности было лишь результатомъ политическаго разсчета, политическаго такта, «искусной тактики»? Переписка даетъ намъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Не говоря уже о томъ, что образъ дѣйствій Цицерона во все продолженіе гражданской войны долженъ былъ разсѣять всякія сомнѣнія—если таковыя могли быть до того времени у Цезаря—относительно истиннаго образа мыслей Цицерона (образа мыслей, который—прибавимъ въ скобкахъ—онъ еще недавно имѣлъ неосторожность высказать въ своемъ «Катонѣ»),—не говоря уже объ этомъ, мы имѣемъ прямое указаніе на то, что Цезарь, дѣйствительно, ни мало не обманывался на этотъ счетъ. Указаніе это мы находимъ, впрочемъ, не въ разсматриваемомъ нами сейчасъ отдѣлѣ переписки, а въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ Цицерона къ Аттику, относящемся уже къ времени послѣ смерти Цезаря. А именно въ письмѣ отъ *5 апрѣля 710 года* Цицеронъ передаетъ со словъ Брута фразу, сказанную будто бы Цезаремъ въ его присутствіи въ то время, когда Цицеронъ, пришедшій къ Цезарю по дѣлу одного изъ своихъ друзей (быть можетъ,

---

[1]) 633,2. ad Att. XIII. 47. [2]) ib. Срв. 652,3. ad Att. XIII. 42. См. также хрон. таб.

Лигарія или Марцелла), дожидался его въ передней. «И послѣ всего этого, сказалъ будто бы Цезарь, [1]) я сомнѣваюсь еще во враждебности его (Цицерона) ко мнѣ, когда ему приходится столько времени сидѣть, не имѣя ко мнѣ доступа, да къ тому же еще и не изъ-за своего дѣла». (Цезарь, очевидно, зналъ, за какимъ дѣломъ пришелъ къ нему Цицеронъ). «Правда, продолжалъ Цезарь [2]), что если съ кѣмъ легко можно ладить, то это съ Цицерономъ; тѣмъ не менѣе, я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ питаетъ ко мнѣ самую непримиримую ненависть». Ту же фразу мы находимъ въ другой, болѣе лаконической, но и болѣе энергической редакціи, въ другомъ письмѣ къ Аттику, отъ *8 апрѣля* (710 года) [3]). «Буду ли я—сказалъ будто бы Цезарь—настолько глупъ, чтобы считать этого, хотя бы даже и покладистаго человѣка, своимъ другомъ, когда онъ столько времени сидитъ, ждетъ изъ-за моего же дѣла». Очень вѣроятно, что Брутъ подкрасилъ нѣсколько выраженія Цезаря, но ничто не даетъ намъ права предполагать, что онъ *сочинилъ* и самую мысль, въ этой фразѣ заключающуюся, и тотъ эпизодъ, съ которымъ она связана. Изъ этого видно, что Цезарь, что называется, видѣлъ насквозь Цицерона, и что отъ его проницательности не скрылось то, что́ такъ тщательно скрывалъ Цицеронъ отъ его глазъ, и съ чѣмъ такъ коротко знакомитъ насъ его интимная переписка. Если же послѣ всего этого Цезарь продолжалъ хранить прежнія отношенія къ Цицерону, то необходимо предположить, что здѣсь игралъ роль другой мотивъ, мотивъ аналогичный съ той «искусной тактикой», которой слѣдовалъ Цицеронъ въ своихъ политическихъ отношеніяхъ.

---

[1]) 680,2. ad Att. XIV. 1. [2]) ib. [3]) 581,3. ad Att. XIV. 2.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Переписка съ октября 709 г. до февраля 710 г.

Отъ возвращенія Цицерона въ Римъ до послѣднихъ дней жизни Цезаря.
(Пребываніе Цезаря въ Римѣ по возвращеніи изъ Испаніи до его смерти).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

За данный пяти-мѣсячный промежутокъ мы имѣемъ всего *17 писемъ*. Изъ нихъ 14 писемъ Цицерона:

1) къ Корнифицію .... 3 письма.
2) » Аттику ..... 2 »
3) » Курію..... 2 »
4) » Валерію Оркѣ... 2 »

5) Долабеллѣ, 6) Рутилію, 7) Клювію, 8) Авкту (Ацилію?)—*по одному письму.*

Три письма къ Цицерону:

1) отъ Ватинія..... 2 письма.
2) » Курія..... 1 »

Ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ нами отдѣловъ переписки не имѣетъ такого случайнаго характера, какъ настоящій. Его трудно даже назвать *частью переписки*; это просто *нѣсколько писемъ*, писемъ большею частью отъ случайныхъ корреспондентовъ или къ случайнымъ адресатамъ. Кто такой Клювій, кто такой Рутилій, Авктъ, Ватиній?... Никогда они не были и не будутъ болѣе кор-

респодентами Цицерона; никогда не былъ съ ними Цицеронъ ни въ какихъ отношеніяхъ. Письма къ нимъ такъ же случайны, какъ и ихъ адресаты; всѣ они носятъ экстренный характеръ, каждое изъ нихъ написано по какому-нибудь случайному частному поводу. Исключеніе составляютъ только два письма къ Аттику и два подобныхъ же письма къ Курію, съ которыми Цицеронъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Если прибавимъ къ этому крайнюю малочисленность писемъ—17 за 5 мѣсяцевъ—,то мы поймемъ, что отъ нихъ и нельзя ожидать многаго историку.

Что касается возвращенія Цезаря въ Римъ, то ни о времени его, ни о самомъ фактѣ мы ничего не узнаемъ изъ переписки, хотя за октябрь, когда, по свидѣтельству Веллея Патеркула, возвратился Цезарь, [1]) мы имѣемъ сравнительно много писемъ (восемь). И вообще мы не находимъ въ этой перепискѣ почти никакихъ прямыхъ историческихъ свѣдѣній, хотя и встрѣчаемъ косвенныя указанія на нѣкоторые факты этого времени.

Вопервыхъ, мы имѣемъ нѣсколько косвенныхъ указаній на одинъ изъ фактовъ дѣятельности Цезаря по возвращеніи его въ Римъ, именно, на фактъ надѣла землей ветерановъ (о которомъ упоминаетъ, впрочемъ, только Светоній). Мы имѣемъ четыре письма Цицерона, написанныя по этому поводу къ тремъ членамъ комиссіи, которой было поручено Цезаремъ дѣло раздѣла земель между ветеранами—*legati agris dividundis*—[2]): Валерію Оркѣ, М. Рутиліо и Клювію. Цицеронъ ходатайствуетъ передъ этими легатами за отдѣльныхъ лицъ и за цѣлыя общины, земли которыхъ подвергались «опасности» [3]) попасть подъ раздѣлъ. Такъ, Цицеронъ беретъ подъ свою защиту Волатерранцевъ, которые, по выраженію Цицерона, «имѣютъ исключительныя причины—*causam praecipuam*»—для удержанія за собой права на владѣемую ими землю,—причины заключающіяся, вопервыхъ, въ томъ, что «благоволеніемъ безсмертныхъ боговъ ихъ миновала горькая чаша сулланской эпохи—*sullani temporis acerbitas*»—[4]), и, вовторыхъ, что «они были защищены имъ, Цицерономъ, при живѣйшемъ сочувствіи римскаго народа, отъ несправедливѣйшаго закона Рулла» [5]),

---

[1]) Vell. II. 56. См. хрон. таб. [2]) См. Billerb. III. 421. [3]) 642,2. ad Div. XIII. 4. [4]) ib. 1. [5]) ib. 2. Billerb. III. 421.

и потому Цицеронъ «поручаетъ ихъ извѣстной всему свѣту гуманности, справедливости и прямодушію» Валерія Орки, къ которому адресовано письмо [1]).

Подобнымъ же образомъ хлопочетъ Цицеронъ предъ Клювіемъ, который завѣдывалъ раздѣломъ земель въ Gallia Cisalpina, за Ателланцевъ, которые имѣли тамъ свои земли (*ager vectigalis*) [2]).

Съ подобнымъ же ходатайствомъ обращается Цицеронъ вторично къ тому же Валерію Оркѣ [3]) за нѣкоего К. Курція, котораго передъ тѣмъ Цезарь назначилъ въ число сенаторовъ, [4]) и который имѣлъ небольшое имѣнье въ Волатерранскомъ округѣ, куда, по выраженію Цицерона, [5]) «онъ спасъ свои послѣднія крохи, оставшіяся послѣ потерпѣннаго имъ кораблекрушенія»; «лишившись этого послѣдняго имущества, онъ былъ бы не въ состояніи поддерживать честь своего новаго положенія», которое теперь было выше прежняго, между тѣмъ какъ, по имущественному положенію, ему пришлось бы стать ниже [6]).

Точно такъ же хлопочетъ Цицеронъ за нѣкоего Альбина [7]), который имѣлъ помѣстья, купленныя имъ во время проскрипцій Суллы, и которыя, въ силу извѣстнаго закона Цезаря, на который въ данномъ случаѣ ссылается Цицеронъ, [8]) должны были считаться законною собственностью купившаго.

Далѣе, мы находимъ указаніе на извѣстный любопытный фактъ назначенія Цезаремъ консула на нѣсколько часовъ [9]).

Затѣмъ, что касается до назначенія магистратовъ впередъ на нѣсколько лѣтъ, то мы имѣемъ одно указаніе, которое находимъ уже въ позднѣйшей перепискѣ, послѣ смерти Цезаря, [10]) именно, что Цезарь назначилъ консуловъ и народныхъ трибуновъ (только?) на *два года впередъ* [11]).

Затѣмъ, мы имѣемъ указаніе на изданный Цезаремъ въ это время законъ, которымъ санкціонировались всѣ, совершенныя во время проскрипцій Суллы, имущественныя сдѣлки относительно конфискованныхъ имуществъ [12]). Цѣль подобнаго распоряженія ясна сама собой [13]).

---

[1]) ib. 3. [2]) 645. ad Div. XIII. 7. [3]) 643. ad Div. XIII. 5. [4]) ib. 2. [5]) ib. [6]) ib. [7]) 644. ad Div. XIII. 8. [8]) ib. 2. [9]) 653,1. ad Div. VII. 30. См. хрон. таб. [10]) 685,2. ad Att. XIV. 6. [11]) ib. Срв. ч. III, данн. разн. [12]) 644. [13]) ib.

Наконецъ, мы находимъ нѣкоторыя данныя относительно событій въ Иллиріи и Сиріи. Изъ Иллиріи мы имѣемъ за это время два письма Ватинія: отъ *5 декабря 709 года* [1]) и отъ *начала 710 года* [2]): оба изъ Нароны,—письма, которыя и своимъ наивно-грубоватымъ слогомъ и всѣмъ складомъ мыслей выдаютъ въ авторѣ грубаго солдата, довольно тщеславнаго при томъ. Сдѣланный намѣстникомъ Иллиріи, онъ еще въ половинѣ 709 года просилъ у Цицерона письменно его ходатайства относительно *supplicationes pro suis rebus gestis* (письмо изъ лагеря у Нароны, отъ *11 іюля 709 года*) [3]). Въ концѣ того же года, въ письмѣ, отъ котораго до насъ сохранился только отрывокъ (окончаніе) [4]), онъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, исповѣдуется передъ Цицерономъ въ своей «недостойной» неудачѣ и проситъ его заступничества передъ Цезаремъ, который могъ приписать эту неудачу неспособности или нерадѣнію полководца. Въ началѣ слѣдующаго года Ватиній снова обращается къ Цицерону съ подобною же просьбой, [5]) но уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ: Ватиній *жалуется* на Цезаря, который не поспѣшилъ навстрѣчу его, мало оправдываемымъ, тщеславнымъ притязаніямъ. Цезарь обижаетъ его, Ватинія: онъ до сихъ поръ не сдѣлалъ предложенія сенату относительно супликацій въ честь его «далматскихъ подвиговъ», которые, по его, Ватинія, мнѣнію, заслуживали бы даже тріумфа [6])... Прекрасная иллюстрація къ тому, что было выше отмѣчено въ общей формѣ относительно тѣхъ затрудненій, которыя приходилось встрѣчать Цезарю со стороны своихъ же людей, со стороны ихъ личныхъ самолюбій и тщеславныхъ притязаній...

Что касается Цицерона, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же непримиримымъ антицезарьянцемъ, который незадолго передъ тѣмъ высказывалъ искреннее сожалѣніе тому, что прошелъ вѣкъ Брутовъ и Агалъ... «Уже я не прошу тебя, пишетъ Цицеронъ къ Курію, [7]) не убѣждаю возвратиться домой; напротивъ, у самаго у меня одно желаніе, одна завѣтная мечта: вырваться отсюда... вырваться и бѣжать, бѣжать туда,

---

[1]) 649. ad Div. V. 10. extr. [2]) 655. ad Div. V. 10. [3]) 599. ad Div. V. 9. [4]) 649. [5]) 655. ad Div. V. 10. [6]) ib. [7]) въ началѣ 710 г. 653. ad Div. VII. 30.

Гдѣ бы ни имени я Пелопидовъ,
Ни дѣлъ ихъ не слышалъ...

Трудно представить себѣ, до какой степени постыднымъ представляется мнѣ самому мое поведеніе, мое, хотя бы и пассивное, участіе во всемъ этомъ... Ты бѣжалъ отсюда. Право, ты точно предвидѣлъ будущее. Какъ бы ни было прискорбно слышать обо всемъ этомъ, все же сноснѣе слышать, чѣмъ видѣть». Подъ «всѣмъ этимъ» разумѣются, очевидно, вообще всѣ тѣ крупныя и мелкія событія, которыя совершались помимо воли Цицерона, въ разрѣзъ съ его желаніями и идеями, и которыми—къ его огорченію—была такъ богата текущая дѣйствительность [1]). Но въ данномъ случаѣ эта реплика служитъ введеніемъ къ разсказу объ упомянутомъ уже фактѣ назначенія Цезаремъ консула на нѣсколько часовъ. Вполнѣ естественъ и понятенъ тотъ саркастически-негодующій тонъ, въ которомъ пишетъ Цицеронъ объ этомъ фактѣ, объ этомъ поступкѣ Цезаря, въ которомъ Цицеронъ—и не одинъ, конечно, Цицеронъ — могъ усмотрѣть насмѣшку надъ тѣмъ, что въ его глазахъ было святыней,— насмѣшку надъ завѣтами старины, надъ освященною вѣками традиціею, надъ тѣмъ, что связывалось въ его представленіи съ *vetus respulica*, съ *status pristinus*. «Считай себя счастливымъ», пишетъ Цицеронъ тамъ же, «что тебѣ не пришлось быть свидѣтелемъ той сцены, которая имѣла мѣсто недавно на Марсовомъ полѣ. Во второмъ часу (8 ч. утра), когда должны были состояться комиціи для избранія квесторовъ, пришло извѣстіе о смерти Кв. Максима, котораго эти господа называли консуломъ; [2]) курульное кресло было убрано. Цезарь же, который только что получилъ ауспиціи касательно трибутъ-комицій, самовольно обратилъ послѣднія въ центуріатъ-комиціи, и въ 7 часу (2 часа дня) объявилъ о назначеніи консула впредь до 1 января, т. е. до утра слѣдующаго дня». Въ такомъ видѣ передастъ Цицеронъ этотъ фактъ, который онъ тутъ же и комментируетъ съ обычнымъ своимъ сарказмомъ. «Да будетъ тебѣ извѣстно», продолжаетъ Цицеронъ, [3]) «что въ консульство Каннія никто ни разу не позавтракалъ. Впрочемъ, въ его консульство не случилось ни-

---

[1]) ib. 2. [2]) Кв. Максимъ, cos. suffectus, многими не признавался консуломъ. Suet. Caes. 80. [3]) 653.

какого несчастія, ибо онъ выказалъ замѣчательную бдительность: онъ ни разу не спалъ во все продолженіе своего консульства. Тебѣ, быть можетъ, покажетсяэто смѣшнымъ; вѣрю, потому что тебѣ не пришлось быть самому свидѣтелемъ всего этого: въ противномъ случаѣ ты бы не удержался отъ слезъ!...»

Таково же было, въ общемъ, отношеніе Цицерона и къ другимъ актамъ дѣятельности Цезаря въ это время, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ словъ того же письма [1]). «Что тебѣ писать о прочемъ? Подобные факты безчисленны. Право, я не вынесъ бы всего этого, еслибы не укрылся заблаговременно въ тихое пристанище философіи и еслибы не имѣлъ вѣрнаго товарища въ своихъ занятіяхъ въ лицѣ нашего Аттика». Приведенные отрывки могутъ служить прекраснымъ комментаріемъ къ тому, что высказываетъ Цицеронъ коротко въ своемъ трактатѣ De officiis [2]), въ слѣдующей энергической фразѣ: *Caesar omnia jura divina atque humana pervertit propter eum, quem sibi ipse opinionis errore finxerat, principatum.*

Въ извѣстномъ противорѣчіи съ этимъ письмомъ стоитъ другое письмо Цицерона къ тому же Курію — послѣднее письмо Цицерона до Мартовскихъ Идъ [3]). Если тамъ Цицеронъ высказывается съ горечью и ненавистью о своемъ пребываніи въ Римѣ, завидуетъ Курію, что онъ далеко отъ Рима, и самъ «горитъ желаніемъ вырваться изъ Рима»; то здѣсь, напротивъ, онъ настоятельно приглашаетъ Курія возвратиться въ Римъ. «Пріѣзжай», пишетъ ему Цицеронъ, [4]) «пріѣзжай же, пожалуйста, въ Римъ, чтобы не погибло вмѣстѣ съ республикой сѣмя возраждающейся *urbanitas*». По увѣренію Цицерона, [5]) въ Римѣ въ эту минуту дѣйствительно «начинала расцвѣтать старинная urbanitas» [6]).

---

[1]) ib. 2. [2]) III. 82. [3]) 657. ad Div. VII. 31. [4]) ib. 2. [5]) ib. [6]) ib.

МАРТОВСКІЯ ИДЫ

Въ перепискѣ Цицерона.

Въ заключеніе бросимъ взглядъ на событіе 15 марта 710 года и посмотримъ, что даетъ намъ переписка Цицерона касательно этого предмета.—Что касается до эпизодической стороны этого факта, то въ этомъ отношеніи переписка не даетъ ровно ничего. Этимъ, достойнымъ сожалѣнія, обстоятельствомъ мы обязаны, кажется, тому, что первое время послѣ Мартовскихъ Идъ совершенно отсутствуютъ письма Цицерона (равно и *къ* Цицерону), кромѣ одного письма—къ Базилю, [1]) состоящаго всего изъ двухъ строчекъ. А затѣмъ, нѣсколько позднѣе, напримѣръ, въ апрѣлѣ Аттикъ, къ которому адресованы всѣ письма за этотъ мѣсяцъ, если даже онъ и не былъ самъ въ Римѣ въ Мартовскія Иды,—все равно, долженъ былъ уже знать объ этомъ событіи, и потому не могъ нуждаться въ сообщеніяхъ на этотъ счетъ со стороны Цицерона.

Но если переписка Цицерона не даетъ ничего для эпизодической стороны факта, то для *уразумѣнія* его мы найдемъ здѣсь много цѣнныхъ указаній, которыя могутъ пролить свѣтъ на внутренній смыслъ этого факта, по скольку онъ обнаруживается въ тѣхъ мотивахъ и въ тѣхъ идеяхъ, которые руководили и одушевляли къ его осуществленію его виновниковъ. Главный матерьялъ для этого мы находимъ въ письмахъ самого Цицерона. Правда, Цицеронъ, съ одной стороны, не былъ активнымъ участникомъ

---

[1]) 678. ad Div. VI. 15.

событія 15 марта, съ другой—онъ высказывается объ этомъ предметѣ всегда только отъ себя и за себя; но въ сущности это все равно, какъ если бы говорили объ этомъ сами Брутъ и Кассій, потому что, какъ мы сейчасъ увидимъ, Цицеронъ только формулируетъ *ихъ* идеи или, вѣрнѣе,— идеи, которыя у него были общи съ ними. Уже то, что̀ намъ извѣстно было ранѣе относительно образа мыслей Цицерона, позволяло ожидать или предполагать возможность подобнаго единомыслія; но не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія то, что̀ мы узнаемъ изъ словъ самого Цицерона объ его отношеніяхъ къ самому факту и къ его виновникамъ. Если бы мы захотѣли охарактеризовать эти послѣднія отношенія словомъ «солидарность», то это было бы вѣрно относительно *свойства*, качества этихъ отношеній, но неточно—относительно *степени* этого качества: «солидарность» было бы слишкомъ слабымъ обозначеніемъ для того, полнаго энтузіазма, восторженнаго, отношенія, которое высказываетъ Цицеронъ къ виновникамъ событія Мартовскихъ Идъ. Онъ «не можетъ найти достаточно словъ для восхваленія Брутовъ и Кассія» [1]). Онъ называетъ убійцъ Цезаря *героями*—ἥρωες—[2]), даже болѣе. «Нѣтъ, восклицаетъ Цицеронъ въ какомъ-то почти экстатическомъ восторгѣ [3]), нѣтъ, не герои они, а боги, которымъ подобаетъ вѣчная слава!» — Болѣе конкретное выраженіе этой, такъ сказать, принципіальной солидарности мы видимъ въ личныхъ отношеніяхъ Цицерона къ убійцамъ Цезаря и въ особенности въ его отношеніяхъ къ М. Бруту и Кассію.

Что касается перваго, т. е. М. Брута, то еще до событія 15 марта Цицеронъ находился съ нимъ въ довольно близкихъ личныхъ отношеніяхъ, какъ это видно, вопервыхъ, изъ его переписки съ Брутомъ, отъ которой сохранилось, впрочемъ, очень немного писемъ (Цицерона къ Бруту) [4]). Но мы имѣемъ положи-

---

[1]) 694,2. ad Att. XIV. 14. [2]) 683,2. ad Att. XIV. 4.—725,2. ad Att. XV. 12. Срв. 697,2. ad Att. XIV. 15. [3]) 691,1. ad Att. XIV. 11. [4]) 437. ad Div. XIII. 10. (708 г.).—481. ad Div. XIII. 11. (708 г.).—482. ad Div. XIII. 12.—483. ad Div. XIII. 13.—484. ad Div. XIII. 14. (708 г.) Вопреки г. Буассье, мы не считаемъ себя въ правѣ ссылаться на существующую отдѣльно отъ писемъ *ad Diversos* переписку Цицерона съ Брутомъ въ двухъ книгахъ, такъ какъ подлинность послѣдней подлежитъ большому сомнѣнію. См. выше, стр. 27.

тельныя указанія на то, что сохранившіяся до насъ письма составляютъ лишь *часть* дѣйствительной переписки [1]). Мы знаемъ также, что дружеская переписка эта не прерывалась и въ 709 году, хотя мы за это время и вовсе не имѣемъ ни писемъ Цицерона къ Бруту, ни Брута къ Цицерону [2]). Вовторыхъ, о близости Цицерона съ Брутомъ можно заключать изъ того, что въ половинѣ 709 года онъ принималъ довольно близкое участіе въ вопросѣ о женитьбѣ послѣдняго на Порціи, дочери Катона [3]). Сюда же слѣдуетъ отнести фактъ посвященія Цицерономъ Бруту своего философскаго трактата *De finibus* [4]) и посылки ему своей *Laudatio Porciae* [5]). Вообще, мы видимъ, что Цицеронъ принималъ близкое участіе во всемъ, что касалось Брута,—которое выражается часто по болѣе или менѣе незначительнымъ и случайнымъ поводамъ, напримѣръ, по поводу возвращенія послѣдняго изъ своей провинціи Галліи [3]). Мы видимъ, наконецъ, что дружба эта была обоюдная [6]).

Послѣ событія 15 марта дружба эта стала, повидимому, еще болѣе тѣсной, и даже восторженной—со стороны Цицерона по крайней мѣрѣ. Въ письмахъ своихъ къ Аттику и къ другимъ Цицеронъ называетъ его не иначе, какъ «*нашъ Брутъ*»—*Brutus noster* [7]). Цицеронъ категорически заявляетъ о своей восторженной дружбѣ къ этому человѣку «высокаго ума, идеально-нравственному и честному и твердому въ своихъ убѣжденіяхъ» [8]). (Интересно сопоставить съ этимъ характеристику М. Брута, сдѣланную Цезаремъ, какъ ее передастъ Цицеронъ [9]): *Magni refert* — сказалъ будто бы Цезарь о М. Брутѣ,—*hic quid velit: sed quidquid vult, valde vult*). Послѣ Мартовскихъ Идъ Цицеронъ продолжалъ по

---

[1]) 529,1. ad Att. XII. 13.—530,4. ad Att. XII. 14.—538,1. ad Att. XII. 21.—562,1. ad Att. XII. 37.—586,2. ad Att. XIII. 3.—602,3. ad Att. XIII. 10. [2]) 529,1. ad Att. XII. 13.—530,4.—538,1.—562,1. ad Att. XII. 37.—586,2. ad Att. XIII. 3.—602,3. [3]) 606,2. ad Att. XIII. 16.—601,2. ad Att. XIII. 9.—602 3.—607,2. ad Att. XIII. 14. [4]) 613,4. ad Att. XIII. 21. [5]) 615,3. ad Att. XIII. 23. [6]) 535,3. ad Att. XII. 19.—545,3. ad Att. XII. 27. Срв. 547,1. ad Att. XII. 29.—562,1. ad Att. XII. 37.—593,5. ad Att. XIII. 33. [7]) 620,3. ad Att. XIII. 35. 36.—622,1. ad Att. XIII. 38. Срв. 618,2. ad Att. XIII. 25. [8]) 680,2. ad Att. XIV. 1.—698,3. ad Att. XIV. 16.—699,4. ad Att. XIV. 17.—701,1. ad Att. XIV. 19.—702,4. ad Att. XIV. 18.—706,1. ad Att. XIV. 22.—708,2. ad Att. XV. 1. 13.—712,1. ad Div. XII. 1.—713,3. ad Div. XV. 20.—727. ad Att. XV. 16. B. Срв. 850,1. ad Div. XII. 8. [9]) 700,5. ad Div. IX. 14. [9]) 680,2. ad Att. XIV. 1.

прежнему дружескую переписку съ М. Брутомъ, отъ которой, правда, не сохранилось до насъ ни одного письма, но на существованіе которой мы имѣемъ вполнѣ ясныя указанія [1]).

Что касается Кассія, то съ нимъ Цицеронъ велъ уже дружбу тогда, когда имя Брута еще вовсе отсутствуетъ въ перепискѣ [2]). Въ послѣдніе годы гражданской войны Цицеронъ велъ съ нимъ, какъ и съ Брутомъ, довольно оживленную дружескую переписку, отъ которой, впрочемъ, также мало сохранилось писемъ: одно письмо Кассія [3]) и нѣсколько писемъ Цицерона [4]). Переписка эта принимаетъ еще болѣе оживленный и вмѣстѣ—болѣе дружественный характеръ послѣ Мартовскихъ Идъ. Отъ этой переписки сохранилось болѣе писемъ Цицерона [5]) и только два письма отъ Кассія [6]). Послѣ Мартовскихъ Идъ имя Кассія въ письмахъ Цицерона встрѣчается обыкновенно рядомъ съ именемъ Брута, [7]) и вообще Цицеронъ не дѣлаетъ между ними различія, ставитъ ихъ на одну доску, какъ одинаково великихъ героевъ и какъ одинаково близкихъ своихъ друзей.

Но, быть можетъ, самымъ рельефнымъ и яркимъ явленіемъ въ этомъ родѣ служатъ отношенія Цицерона съ другимъ Брутомъ, съ Децимомъ Брутомъ. Д. Брутъ появляется въ перепискѣ только послѣ Мартовскихъ Идъ, появляется какъ-то внезапно, и вдругъ начинаетъ играть въ ней одну изъ первенствующихъ ролей; человѣкъ, котораго имени мы ни разу не встрѣчали до сихъ поръ въ письмахъ Цицерона, становится его близкимъ другомъ. Мы имѣемъ 14 писемъ къ нему Цицерона и 9—его къ Цицерону. Содержаніе переписки само по себѣ для насъ не важно; важно въ данномъ случаѣ отмѣтить свойство тѣхъ отношеній между двумя корреспондентами, которыя открываются изъ этой переписки. Это были отношенія, фамильярныя по формѣ, истинно и искренне-дружескія по существу,—въ которыхъ нельзя найти ни одной фальши-

---

[1]) 704,4. ad Att. XIV. 20.—718,1. ad Att. XV 5. — 723. ad Att. XV. 10. [2]) 241. ad Div. XV. 14. [3]) 523. ad Div. XV. 19. [4]) 424. ad Div. XV. 15.—518. ad Div. XV. 18.—520. ad Div. XV. 17.—522. ad Div. XV. 16. [5]) 712. ad Div. XII. 1. — 763. ad Div. XII. 2.—764. ad Div. XII. 3.—793 ad Div. XII. 4.—795. ad Div. XII. 5.—804. ad Div. XII. 7.—809. ad Div. XII. 6.—850. ad Div. XII. 8.—851. ad Div. XII. 9.—854. ad Div. XII. 10. [6]) 798. ad Div. XII. 11.—817. ad Div. XII. 12. [7]) 712,1.—694,3. ad Att. XIV. 14.—704,4. ad Att. XIV. 20.—718,1. ad Att. XV. 5.

вой нотки, въ которыхъ трудно усмотрѣть какіе-либо иные мотивы, кромѣ личнаго расположенія, личной симпатіи Цицерона къ «драгоцѣнному для него человѣку» [1]) и идейной солидарности съ этимъ «патріотомъ изъ патріотовъ» [2]) и «героемъ», равнымъ М. Бруту и Кассію [3]).

О Каскѣ, который, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ первыхъ, кто поднялъ руку на Цезаря, Цицеронъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ къ Аттику [4]), *«нашъ Каска»* — *Casca noster* —, хотя не видно, чтобы до Мартовскихъ Идъ онъ былъ съ нимъ знакомъ [5]).

А всѣ вообще виновники событія 15-го марта получаютъ въ письмахъ Цицерона общее наименованіе *nostri*—«наши» [6]).

Отношеніе Цицерона къ самому «подвигу» соотвѣтствуетъ вполнѣ восторженному отношенію къ «героямъ-богамъ», его совершившимъ. Дѣло 15-го марта квалифицируется Цицерономъ какъ *прекрасное дѣяніе»*—πρᾶξις καλή—[7]), *«славный* и *великолѣпный подвигъ»* [8]) Одно имя «мартовскихъ Идъ» наполняетъ душу Цицерона радостнымъ восторгомъ. «Что бы ни случилось, пишетъ онъ около мѣсяца спустя послѣ событія 15 марта [9]), что бы ни угрожало, мартовскія Иды останутся для меня утѣшеніемъ. Ничто не доставляетъ мнѣ такого радостнаго утѣшенія, какъ мартовскія Иды» [10]) Цицеронъ идетъ такъ далеко въ выраженіяхъ своего сочувствія «мартовскимъ Идамъ», что высказываетъ даже сожалѣніе по поводу того, что ему самому не пришлось быть дѣятельнымъ участникомъ этого «восхитительнѣйшаго пиршества», какъ онъ называетъ это кровавое дѣло [11]). «Какъ бы желалъ я, пишетъ онъ къ Требонію [12]), чтобы ты пригласилъ меня на это восхитительное пиршество мартовскихъ Идъ...!» *Quam vellem ad illas pulcherrimas epulas me Idibus martiis invitasses!* То же самое къ Кассію [13]): *Vellem Idibus martiis me ad coenam invitasses.* Итакъ — полнѣйшая идеализація событія 15 марта. Дѣло, которое представляется отвра-

---

[1]) 846, 3. ad Div. XI. 21. [2]) ib. Срв. 788, 2. ad Div. XI. 17.—830, 2. ad Div. XI. 15. [3]) 694, 2. ad Att. XIV. 14. [4]) 776, 3. ad Att.. XVI. 15. [5]) Срв. отношенія съ Требоніемъ: 430. ad Div. XV. 21.—713. ad Div. XV. 20.—794. ad Div. X. 28.—715. ad Div. XII. 16. [6]) 711, 4. ad Att. XV. 4.—720,1. ad Att. XV. 6.—723. ad Att. XV. 10. [7]) 692, 1. ad Att. XIV. 12. [8]) 683, 2. ad Att. XIV. 4. [9]) ib. [10]) 685, 1. ad Att. XIV. 6. Срв. 692,1. ad Att. XIV. 12. [11]) 794,1. ad Div. X. 28. [12]) ib. [13]) 793,1. ad Div. XII. 4.

тительнымъ для нравственнаго чувства, Цицеронъ не считаетъ даже нуждающимся въ оправданіи; онъ ни мало не думаетъ признавать его тѣмъ, что мы бы назвали неизбѣжнымъ зломъ, дѣломъ дурнымъ, но находящимъ себѣ извѣстное оправданіе въ цѣли, въ мотивахъ, которые руководили его виновниками; нѣтъ, Цицеронъ приходитъ къ полной безусловной идеализаціи—безъ всякой оговорки: это не преступленіе, заслуживающее снисхожденія, а «прекрасное дѣяніе», достойное вѣчной славы, достойное восхищенія...

Какъ это ни дико, какъ ни возмутительна для нравственнаго чувства подобная идеализація, мы однако можемъ до извѣстной степени *понять* эту послѣднюю, если поймемъ Цицерона. Главное дѣло тутъ, конечно, въ идеяхъ, въ принципахъ. Но на чисто идейной, принципіальной почвѣ была бы невозможна подобная идеализація. Мы должны допустить здѣсь значительную долю вліянія *фанатизма*, того фанатическаго одушевленія, которое, какъ извѣстно, играло большую роль во всей этой кровавой исторіи; а натура Цицерона, какъ мы имѣли уже возможность въ томъ убѣдиться, была не чужда фанатизма, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныя минуты, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, способна была, до извѣстной степени, поддаваться его вліянію. Только благодаря такому вліянію и могло сложиться въ воображеніи Цицерона такое идеальное представленіе о такомъ дѣлѣ, которое многихъ искренно возмущало [1]). Точка зрѣнія Цицерона намъ уже извѣстна: это—*идея свободы*, въ томъ видѣ, какъ она была осуществлена въ «старой республикѣ», идеальный образъ которой вѣчно носился въ воображеніи Цицерона. Теперь эта идея, такъ сказать, фанатизировалась. Она фанатизировалась въ двоякомъ направленіи: въ положительномъ, это—*энтузіазмъ къ свободѣ*, и въ отрицательномъ, это—*ненависть къ тиранніи*. Если прежде, въ началѣ гражданской войны, Цицеронъ колебался одно время просто только «*высказаться*» противъ Цезаря—изъ піэтета къ узамъ дружбы—, то теперь онъ не колеблясь утверждаетъ то положеніе, кровавымъ комментаріемъ котораго было событіе 15 марта. «*Свободу отечества*», говоритъ онъ въ письмѣ къ Манію, который еще давно

---

[1]) 717. ad Div. XI. 28.

ранѣе снискалъ себѣ славу «миротворца»—*auctor otii*—[1]) и который произвелъ такое выгодное впечатлѣніе на Цицерона при первомъ своемъ знакомствѣ съ послѣднимъ въ первое время гражданской войны, въ 705 году [2]), «*свободу отечества слѣдуетъ ставить выше жизни друга*»: *libertas patriae vitae amici anteponenda.* (Любопытенъ отвѣтъ Маціи на это письмо [3]): «Мнѣ говорятъ, что слѣдуетъ предпочитать отечество личной дружбѣ, въ случаѣ если бы гибель друга представлялась полезною для республики... Признаться я не дошелъ до этой степени мудрости. Не послѣдовалъ я за Цезаремъ въ гражданскомъ междоусобіи; но, не сочувствуя его дѣлу, я не оставилъ, однако, его, какъ друга».) Итакъ въ глазахъ Цицерона, событіе 15 марта было «*дѣломъ свободы*». Пусть оно не достигло цѣли [4]); пусть оно не дало той свободы, во имя которой оно было совершено [5]) —это не вина Брута и Кассія [6]): съ своей стороны, они сдѣлали все, что могли, они убили тиранна [7]), они «*тиранно-убійцы*» —τυραννόκτονοι [8]), *tyrannoctoni* —[9]), и, какъ таковые, они оказали «безконечно-великое благодѣяніе республикѣ» —*divinum in rem publicam beneficium* [10]).

Итакъ, логика Цицерона такова:

Цезарь—тиранъ = злой геній свободы = врагъ республики.

Убійцы его — «тираннобійцы» = герои свободы = благодѣтели республики.

Итакъ, убійство Цезаря равносильно для Цицерона освобожденію республики отъ тиранніи. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, онъ дѣйствительно могъ, не сходя съ идейной почвы, назвать убійство Цезаря благодѣяніемъ республикѣ. Но собственно ту идеализацію, тотъ ореолъ, которымъ онъ окружаетъ самое дѣло, самый актъ убійства, этого «восхитительнаго пиршества», равно какъ идущее на встрѣчу этой идеализаціи стремленіе набросить тѣнь на нравственный обликъ Цезаря [11]) и особенно это, высказываемое Цицерономъ, дикое желаніе быть дѣятельнымъ участникомъ этого кроваваго акта—это слѣдуетъ уже приписать, по нашему мнѣнію,

---

[1]) 352,2. ad Att. IX. 11. [2]) ib. [3]) 717,2. ad Div. XI. 28. [4]) 692,1. ad Att. XIV. 12. [5]) 691,1. ad Att. XIV. 11. [6]) 694,2. ad Att. XIV. 14. [7]) 712,2. ad Div. XII. 1.—694,2.—632,2. ad Att. XV. 20.—691,1.—716,8. ad Div. XI. 27.— 712,1. [8]) 685,2 ad Att. XIV. 6. [9]) 697,2. ad Att. XIV. 15. [10]) 794,1. [11]) 712,1. ad Div. XII. 1.

тому фанатическому возбужденію, вліяніе котораго было такъ естественно въ ту пору крайняго ожесточенія политической борьбы, которая уже перестала быть даже и для такихъ людей какъ Цицеронъ, для людей, такъ сказать, гуманистическаго закала,—перестала быть борьбою идей, а превратилась всецѣло въ борьбу страстей.

Что такъ же точно понимали свое дѣло Брутъ и Кассій, это очевидно уже изъ самаго факта этой, такъ сказать, восторженной солидарности съ ними Цицерона. Но мы находимъ и болѣе осязательное доказательство этого въ личномъ признаніи самихъ Брута и Кассія. Къ этому признанію, конечно, мы бы прежде всего и обратились, какъ къ подлинному въ строгомъ смыслѣ этого слова документу, если бы документъ этотъ не былъ такъ отрывоченъ и недостаточенъ, взятый отдѣльно самъ по себѣ; ибо это мѣсто, которое мы имѣемъ въ виду, заключаетъ въ себѣ только косвенный намекъ на то, что у Цицерона формулировано такъ краснорѣчиво и въ такой законченной и ясной формѣ. Мѣсто это — отрывокъ изъ письма Брута и Кассія къ Антонію отъ 4 августа 710 года [1]), которымъ они отвѣчали на угрозы послѣдняго. Заявивъ, что «для свободнаго человѣка не страшны никакія угрозы» [2]), Брутъ и Кассій продолжаютъ [3]): «Самое горячее желаніе наше это то, что бы ты оказался способнымъ жить и дѣйствовать въ *свободной республикѣ*, съ достоинствомъ и съ честью. Мы далеки отъ того, чтобы вызывать тебя на взаимную вражду; но знай, что для насъ дороже *наша свобода*, нежели твоя дружба. А вотъ нашъ тебѣ совѣтъ: подумай серьезно о томъ, что ты затѣваешь; взвѣсь собственныя силы и не о томъ думай, какъ долго жилъ Цезарь, а о томъ какъ недолго *царствовалъ*».—Слѣдовательно, мысль Брута и Кассія такова: теперь, когда Цезарь убитъ, стала возможною «свободная республика»; а убитъ Цезарь за то, что онъ «царствовалъ» и тѣмъ самымъ сдѣлалъ несовмѣстимымъ свое существованіе съ существованіемъ «свободы», которая «дороже личной дружбы», т. е., убійство Цезаря равносильно уничтоженію тираніи, возвращенію свободы и возстановленію республики — та же точка зрѣнія, которую мы видимъ болѣе подробно развитой

[1]) 758,4. ad Div. XI. 3. [2]) ib. 3. [3]) ib. 4.

у Цицерона. И тотъ же самый фанатизмъ, который старается, во чтобы то ни стало, опорочить, загрязнить нравственную личность Цезаря. «Гнусный человѣкъ»—*homo impurus* —, говоритъ о немъ Цицеронъ [1]). «Негодяй изъ негодяевъ»—*nequissimus* —, говоритъ Кассій [2]). Sed homo amens et perditus (Антоній) multoque nequior quam ille ipse (Цезарь) quem tu (т. е. Кассій) *nequissimum occisum esse dixisti...*, etc. Цезарь убитъ. Что жъ? «Убитъ негодяй»: собакѣ и собачья смерть!... Такова была эта философія фанатизма.

Интересно сопоставить съ этимъ страстнымъ, фанатически-восторженнымъ отношеніемъ къ событію 15 марта ту безпристрастную оцѣнку его, которую мы находимъ у самаго же Цицерона, когда текущая дѣйствительность успѣла охладить расходившіяся страсти и заставила взглянуть на дѣло болѣе трезво и отнестись болѣе скептически къ тому, что до сихъ поръ возбуждало къ себѣ безграничный восторгъ. И вотъ къ какому результату пришелъ тогда Цицеронъ: «Въ этомъ дѣлѣ, говоритъ онъ [3]), было столько же истиннаго мужества, сколько самаго дѣтскаго недомыслія»: *Acta illa res est animo virili, consilio puerili.* «Прекрасное, но безполезное дѣло!» — Ὦ πράξεως καλῆς μὲν ἀτελοῦς δέ! [4]) Оно доставило минутную радость и удовлетвореніе накопившемуся раздраженію противъ Цезаря, но —и только [5]), потому что республика о которой мечтали его виновники, не возвратилась вмѣстѣ съ свободой, какъ они разсчитывали [6]). Даже болѣе. Нѣтъ, говоритъ Цицеронъ, «мы и свободы не возвратили, убивши Цезаря» [7]): «*мы освободились только отъ царя, но не отъ царской власти*» [8]); «*Тираннъ умеръ, но жива тираннія*» [9]), потому что тиранпъ оставилъ себѣ наслѣдника въ лицѣ Антонія [10]). И вотъ мы, которые не могли спести господина, рабствуемъ теперь бывшему соучастнику нашего рабства [11]), не освободившись въ то же время отъ Цезаря, который продолжаетъ жить не только въ дѣлахъ своихъ, но даже въ своихъ идеяхъ [12]), которыя —тѣ и другія—роковымъ образомъ продолжаютъ

---

[1]) 712,1. ad Div. XII. 1. [2]) 763,1. ad Div. XII. 2. [3]) 705,3. ad Att. XIV. 21. [4]) 692,1. ad Att. XIV. 12. [5]) ib. [6]) 683,1. ad Att. XIV. 4. [7]) 691,1. ad Att. XIV. 11. [8]) 712,1. ad Div. XII. 1. [9]) 694,2. ad Att. XIV. 14. Срв. 689,2. ad Att. XIV. 9. [10]) 705,3. ad Att. XIV. 21. [11]) 764,2. ad Div. XII. 3. [12]) 699, 6. ad Att. XIV. 17. Срв. 712, 1.

тяготѣть надъ нами, и которыя влекутъ насъ, влекутъ неудержимо въ сторону діаметрально-противоположную нашимъ стремленіямъ [1]), между тѣмъ какъ въ перспективѣ начинаетъ мелькать кровавый силуэтъ новой, еще болѣе ожесточенной, гражданской рѣзни [2]).

Таковъ окончательный итогъ наблюденій и размышленій Цицерона, такова окончательная оцѣнка событія 15 марта, подсказанная ему дѣйствительностью, истинный смыслъ которой никогда не укрывался отъ тонкой наблюдательности Цицерона, когда онъ слѣдовалъ внушеніямъ своего разума, своего яснаго, свѣтлаго разума — *ratio* —, и не отдавался вліянію омрачавшихъ его политическихъ страстей.

---

[1]) 712,1. [2]) 693, 2. ad Att. XIV. 13.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Объ отношеніи переписки Цицерона къ прочимъ источникамъ для даннаго отдѣла исторіи Цезаря.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бѣглый обзоръ источниковъ, сюда относящихся.

Кромѣ переписки Цицерона, мы имѣемъ для исторіи Цезаря еще два ряда литературныхъ источниковъ: это, вопервыхъ, сочиненія позднѣйшихъ историковъ, и, вовторыхъ, записки современниковъ — commentarii.

Къ первой категоріи принадлежатъ сочиненія (въ хронологическомъ порядкѣ):

1) Веллея Патеркула. *C. Vellei Paterculi* Historiae Romanae libri II. (Вышло *въ 30* году) [1]).

2) Плутарха. *Plutarchi* vitae parallelae (βίοι παράλληλοι) C. Iulius Caesar. (Вышло *въ 113 году* въ Херонеѣ) [2]).

3) Светонія. *C. Suetonii Tranquilli* vitae Caesarum: divus Julius. (Вышло *въ 120 году*) [3]).

4) Аппіана. *Appiani* Historia Romana. (Вышло *около 150 г.*) [4])

---

[1]) Schaefer's *Abriss der Quellenunde d. Gr. u. Röm. Gesch.* 2 Abth. S. 86. [2]) G. Dederding's *de Suetonii vita C. Julii Caesaris*, Berol. S. 12. [3]) ib. [4]) Hannak's *Appianus und seine Quellen.* Wien. 1869. S. 6. Также Schaefer, 2 Abth. S. 144.

5) Діона Кассія. *Cassii Dionis Coccejani* rerum Romanarum libr. LXXX. (Вышло *въ 222 году*) [1]).

Къ второй категоріи относятся:

1) Гирція. *A. Hirtii* commentariorum de bello Gallico liber VIII. (Для насъ имѣютъ значеніе только послѣднія главы).

2) Цезаря. *C. Julii Caesaris* commentariorum de bello civili libri tres. И неизвѣстныхъ авторовъ:

3) Bellum Alexandrinum.

4) Bellum Africae.

5) Bellum Hispaniense.

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛЪ.

Сочиненіе самаго близкаго по времени къ Цезарю историка, Веллея Патеркула, есть въ то же время и самое ничтожное по своимъ размѣрамъ. Это собственно не исторія, а *абревіація*, сокращеніе римской исторіи (въ двухъ книгахъ): *opus artatum* [2]), *recisum* [3]), какъ самъ Веллей называетъ свое сочиненіе; періодъ, насъ занимающій, умѣщается у него весь въ десяти главахъ [4]). Понятно, что на такомъ тѣсномъ пространствѣ могло умѣститься лишь самое небольшое количество историческихъ данныхъ. Но такъ какъ Веллей является въ данномъ случаѣ самымъ свѣжимъ источникомъ (онъ писалъ 75 лѣтъ спустя послѣ смерти Цезаря), то значеніе его нельзя считать ничтожнымъ, не смотря на ничтожество его размѣровъ. Вотъ почему важное значеніе получаетъ вопросъ объ его исторической достовѣрности. Вопросъ этотъ занималъ многихъ изслѣдователей римской исторіи въ нашемъ столѣтіи. При этомъ изслѣдователи болѣе ранняго времени, какъ

---

[1]) Fr. Gerlach's *Geschichtschreiber der Römer.* Stuttgart. 1855. S. 222. — Мы не включаемъ сюда Евтропія и Орозія какъ писателей слишкомъ позднихъ и имѣющихъ поэтому, рядомъ съ болѣе ранними, лишь очень условное значеніе. Что до epitom'овъ Флора, то, по своему микроскопическому объему, они ничего не прибавляютъ къ прочимъ источникамъ. Не упоминаемъ также о разныхъ случайныхъ источникахъ, въ родѣ рѣчей Цицерона, „Фарсаліи" Лукана и т. п. Что касается эпиграфическаго матерьяла, то мы нашли удобнымъ воспользоваться имъ лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ для установленія хронологическихъ датъ—во второмъ приложеніи. [2]) II. 86. [3]) ib. 89. [4]) II. 48—56 и 68.

Лемеръ [1]), Краузе [2]), которые обращали преимущественно вниманіе на литературную, ораторскую сторону сочиненія Веллея, представляющую несомнѣнныя достоинства [3]), приходили къ чересчуръ оптимистическому взгляду на него, не только какъ на писателя и оратора, но и какъ на историка и—въ болѣе спеціальномъ смыслѣ—какъ на историческій источникъ. Такъ какъ вопросъ объ исторической достовѣрности сводится главнымъ образомъ къ двумъ вопросамъ—1) объ источникахъ и 2) о характерѣ и роли субъективнаго элемента въ изложеніи и освѣщеніи фактовъ—, то Краузе, напримѣръ, старается доказать, хотя и не удачно, съ одной стороны — полную объективность, безпристрастіе (Краузе выражается, впрочемъ, довольно осторожно: *voluntas ejus vera narrandi* in dubium vocari nequit [4])) и отсутствіе партійности у Веллея [5]); съ другой стороны, онъ выставляетъ положеніе—совершенно, впрочемъ, недоказанное—, что, кромѣ Origines Катона и Annales Гортензія, на которыя самъ Веллей ссылается [6]), онъ пользовался почти всѣми предшествовавшими историками, между прочимъ Ливіемъ и Цицерономъ (въ томъ числѣ, и его перепиской) [7]). Но Краузе идетъ еще дальше. «Быть можетъ, говоритъ онъ [8]), Веллей пользовался также архивными документами—actis tabulisque publicis». Послѣднее предположеніе просто странно, чтобы не сказать смѣшно. Болѣе тщательныя позднѣйшія критическія изслѣдованія Заупне [9]), Перница [10]), особенно же новѣйшее изслѣдованіе Кайзера [11]), посвященное спеціально вопросу объ источникахъ Веллея, ввели въ болѣе тѣсныя границы значеніе его какъ историческаго источника, значительно сузивъ кругъ вѣроятныхъ его источниковъ. Краузе называлъ въ числѣ послѣднихъ Сизенну, Целія Антипатра, Рутилія Руфа, Клавдія Квадригарія, Валерія Антійскаго, *Саллюстія*, *Ливія* (какъ главные источники), Цицерона и, наконецъ, acta tabulasque publicas [12]). Заупне указываетъ на Корн. Непота, Ливія, Саллюстія и Цицерона [13]). Критцъ—

---

[1]) *Dissert. de Vell. Pat.* [2]) *Notitia leteraria de Vell. Pat.* [3]) „Неподражаемый образецъ исторической обревіаціи", Renault, *memoires de l'Acad. des inscr.*, t. XXVIII. p. 611. [4]) p. 40. [5]) ib. [6]) l. § 3. II. 16. § 3. [7]) Krause, p. 42. [8]) ib. [9]) Sauppe, см. у Kaiser'a p. 7. [10]) Pernices, *de Vellei fide historica*, Lipsiae 1862. [11]) Kaiser's *de fontibus Velleii Pat.* Berol. 1884. [12]) Krause, p. 42. [13]) Kaiser, p. 7.

на Корн. Непота, Помпея Трога и Аттика [1]). Перницъ—на Цицерона, Ливія, Саллюстія и Помпея Трога [2]). Кайзеръ, послѣ предварительной провѣрки результатовъ своихъ предшественниковъ, приходитъ къ слѣдующему выводу [3]): Vellejum *tres* potissimum *fontes* in scribendo inspexisse pro certo habemus: primum ad res ante Romam conditam gestas enarrandas, *alterum ad narrationem usque ad bellum civile,* qua in parte libri sui *interdum alio etiam fonte* usus sit, *tertium usque eo, unde, quae ipse vidisset, enarrare potuerit.* Относительно перваго Кайзеръ раздѣляетъ мнѣніе Зауппе, что главнымъ источникомъ для исторіи предшествовавшей основанію Рима, служилъ Веллею Корн. Непотъ (Chronica); вторымъ онъ считаетъ Аттика (Annales). «Другими источниками», которыми Веллей по временамъ пользовался», были, по мнѣнію Кайзера, Цицеронъ, Саллюстій и Ливій, болѣе или менѣе явственные слѣды которыхъ у Веллея открываетъ филологическій анализъ, которому Кайзеръ посвящаетъ главную часть своего изслѣдованія [4]).

Онъ же, вслѣдъ за Перницемъ [5]), съ достаточною ясностью показалъ, до какой степени небрежно и легкомысленно пользовался Веллей своими немногочисленными источниками [6]). Многочисленныя противорѣчія и несообразности, особенно въ области хронологіи, отмѣченныя еще Перницемъ [7]) и болѣе подробно анализированныя Кайзеромъ [8]), привели послѣдняго къ тому заключенію, что Веллей ограничился лишь бѣглымъ просмотромъ своихъ источниковъ [9]), ни мало не заботясь о томъ, чтобы согласовать хронологическія даты различныхъ источниковъ [10]), а прямо переносилъ ихъ въ свое изложеніе, не обращая никакого вниманія на то, что хронологическія данныя въ различныхъ источникахъ были датированы по различнымъ эрамъ [11]). (Въ изложеніи исторіи нашего періода, 703—710 гг., Веллей приводитъ даты по катоновой эрѣ) [12]). Кайзеръ доказалъ также, что Веллей и *не могъ* отнестись болѣе серьезно къ своей задачѣ, вслѣдствіе той крайней спѣшности, съ какою было написано это сочиненіе [13]) (въ чемъ признается и самъ Веллей) [14]). Именно, вслѣдъ за Перницемъ, онъ

---

[1]) ib. [2]) ib. [3]) ib. 27. [4]) Kaiser, pp. 28—16. [5]) Pernices, pp. 4—6. [6]) Kaiser, pp. 10—21. [7]) Pernices, pp. 4—6. [8]) Kaiser, ib. [9]) ib. p. 10. [10]) p. 47. [11]) ib. Срв. Pernices, p. 15—17. [12]) Kaiser, p. 18. [13]) ib. Срв. Pernices, p. 4. [14]) Vell.I. 16. II. 41-108. 124.

указываетъ на то обстоятельство, что все это обширное — если не по своимъ размѣрамъ, то по своей программѣ — сочиненіе было написано Веллеемъ всего въ шесть мѣсяцевъ, въ промежутокъ времени между дезигнаціей консула Виниція (въ іюлѣ) и вступленіемъ его въ должность (въ январѣ) [1]).

Наконецъ, то, что̀ Краузе принялъ за доказательство безпристрастія и отсутствія партійности у Веллея [2]), по наблюденію Перница, оказывается лишь результатомъ совершеннаго отсутствія исторической перспективы у автора [3]) — съ одной стороны, съ другой — слѣдствіемъ того легкомысленно-небрежнаго отношенія его къ своимъ источникамъ, благодаря которому Веллей ни мало не задумывается вносить въ свою исторію взгляды своихъ источниковъ [4]), которые, въ общей сложности, разумѣется, не могутъ быть пріурочены къ міросозерцанію какой-нибудь одной партіи. Слѣдовательно Краузе принялъ за объективность то, что̀ въ дѣйствительности было лишь слѣдствіемъ легкомысленнаго индифферентизма. Чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи для Веллея то обстоятельство, что этотъ панегиристъ имперіи и отъявленный льстецъ Тиберія сплошь да рядомъ переноситъ въ свое сочиненіе взгляды и сужденія ультра-республиканца Цицерона, почти цѣликомъ заимствуя у него даже самыя выраженія [5]). Именно этимъ легкомысленнымъ индифферентизмомъ объясняется, почему рядомъ съ восторженнымъ отношеніемъ къ Цезарю [6]), доходящемъ, въ своемъ реторическомъ выраженіи, до обоготворенія, уживается у Веллея не менѣе восторженное, панегирическое отношеніе къ Помпею [7]) и наивный піэтетъ въ отношеніи къ Цицерону [8]), которому—кстати сказать—онъ вообще отводитъ болѣе видную роль въ исторіи Цезаря, чѣмъ другіе историки [9]). Сюда же слѣдуетъ отнести похвалы по адресу убійцъ Цезаря [10]): обстоятельство, которое Краузе приводитъ, какъ доказательство безпристрастія Веллея [11]).

ПЛУТАРХЪ.

Плутархова біографія Цезаря представляетъ собою уже гораздо болѣе богатый матеріалъ для исторіи Цезаря, чѣмъ сочиненіе

[1]) Kaiser, p. 8. Pernices, p. 4. [2]) Krause, p. 40. [3]) Pernices, p. 10. [4]) ib. pp. 8—10. [5]) Kaiser, pp. 28—35. Pernices, p. 11 и др. [6]) Pernices, p. 26. [7]) ib. p. 24. [8]) ib. p. 28. [9]) ib. См. напр. Vell. II. 45. § 1. [10]) Vell. II. 35. 58. 69. 72. [11]) Krause, p. 40.

Веллея, вопервыхъ, уже вслѣдствіе бо́льшихъ своихъ размѣровъ, вовторыхъ, вслѣдствіе того, что оно спеціально посвящено исторіи Цезаря. Въ нашу задачу входитъ бо́льшая половина плутарховой біографіи, именно гл. 28—66, т. е. 39 изъ 69.

Германъ Петеръ въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи объ источникахъ Плутарха [1]) приходитъ къ слѣдующимъ главнымъ результатамъ:

1) Какъ *біографъ*, Плутархъ пользуется преимущественно тѣми источниками, которые заключаютъ въ себѣ не столько обще-исторической, сколько спеціально-біографическій матерьялъ [2]).

2) Какъ *грекъ*, онъ болѣе начитанъ въ греческой, чѣмъ въ римской исторической литературѣ [3]).

3) Какъ *философъ-моралистъ*, онъ не отличается особенно строгимъ критическимъ отношеніемъ къ своимъ источникамъ [4]) и вообще къ своей задачѣ, какъ историка [5]). Недостатокъ критики возмѣщается отчасти «здравымъ смысломъ»—gesunder Urtheil [6]).

4) Цитаты Плутарха имѣютъ сомнительное значеніе, такъ какъ часто онъ беретъ ихъ изъ вторыхъ рукъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи общему обыкновенію древнихъ историковъ [7]).

Въ общемъ Петеръ насчитываетъ для римскихъ біографій Плутарха массу источниковъ (нѣсколько десятковъ) [8]); въ частности, для той части біографіи Цезаря, которая входитъ въ нашу задачу, онъ пользовался, по мнѣнію Петера, «недурными источниками» [9]), а именно:

1) *Азиніемъ Полліономъ* [10]), на котораго ссылается однажды и самъ Плутархъ [11]).

2) *Ливіемъ*, именно, для исторіи Александрійской [12]) и Африканской [13]) войнъ и смерти Цезаря [14]).

3) *Страбономъ*—о предзнаменованіяхъ предъ смертью Цезаря [15]).

5) *Цезаремъ* же *не* пользовался, хотя въ одномъ мѣстѣ и цитируетъ его Ἐφημερίδες [16]).

---

[1]) Dr. Hermann Peter's *die Quellen Plutarchs*. Halle 1865. [2]) Peter, S. 1. [3]) ib. S. 3. [4]) ib. S. 4. [5]) ib. S. 2. Срв. Carl Peter's *zur Kritik d. Quellen*, S. 125. [6]) Carl Peter, S. 126. [7]) H. Peter, S. 5. [8]) ib. S. 173—174. [9]) ib. S. 120. [10]) ib. S. 123—127. [11]) Plut. Caes. 46. [12]) H. Pater, S. 123. [13]) ib. S. 127. [14]) ib. [15]) ib. S. 127. [16]) Plut. Caes. 22. H. Peter, S. 120. 123.

СВЕТОНІЙ.

Светоній пишетъ свою біографію Цезаря не какъ біографъ-историкъ, а какъ грамматикъ-археологъ [1]). Методъ его—не историческій, а антикварный. Его интересуетъ не столько *исторія* Цезаря, сколько *отдѣльныя подробности* относительно личности Цезаря [2]). И въ этомъ отношеніи нужно отдать справедливость той кропотливости, съ которою онъ собралъ въ своей книгѣ дѣйствительно все, что только можно было собрать изъ литературныхъ памятниковъ и устныхъ преданій [3]). Недавно вышло, правда не особенно солидное, изслѣдованіе по вопросу объ источникахъ Светонія въ его жизнеописаніи Цезаря, принадлежащее Дедердингу, ученику Моммсена [4]). Опираясь на результаты, добытые его предшественниками по разработкѣ даннаго вопроса, Зёльтля, Швейгера и Краузе, Дедердингъ приходитъ къ заключенію, что вѣроятными источниками Светонія могутъ быть признаны:

1) *Ливій*, какъ главный источникъ [5]).

2) *Тиронъ* [6]).

3) *Цицеронъ*, cujus scriptis etsi non saepe, tamen nonnunquam Suetonius usus est. [7]). Дедердингъ указываетъ отдѣльныя мѣста въ біографіи Цезаря, которыя, по его мнѣнію, носятъ на себѣ слѣды вліянія Цицерона [8]).

4) *Веллей Патеркулъ*, именно, свѣдѣнія о тріумфахъ Цезаря (срв. Suet. Caes. 37 и Vell. II. 56.) [9]).

5) *Цезарь*, о сочиненіяхъ котораго говоритъ подробно самъ Светоній [10]).

6) *Азиній Полліонъ* [11]).

6) *Корн. Бальбъ* [12]).

8) *Тануэій* и *Оппій*, хотя относительно этихъ послѣднихъ Дедердингъ не находитъ возможнымъ утверждать положительно, что ими пользовался Светоній [13]).

---

[1]) Gerlach's *die Geschichtschreiber d. Römer*, S. 109—110. [2]) ib. S. 110. [3]) ib. S. 108. [4]) Gustaw Dederding's *de Suetonii vita Caesaris*, Berol. [5]) Dederding, p. 23. 35. 37—38. [6]) ib. 24—27. [7]) ib. p. 20. [8]) гл. 30. 55. 56. 42. 20. 27 и др. Dederd. p. 20—24. [9]) Dederd. p. 33—34. [10]) Suet. Caes. 55—56. Dederd. p. 13—18. [11]) Dederd. p. 43—45. [12]) ib. [13]) ib. p. 15.

АППІАНЪ.

Сравнительно съ Веллеемъ, Плутархомъ и Светоніемъ, сочиненіе Аппіана представляется уже довольно капитальнымъ историческимъ трудомъ, и часть, входящая въ предѣлы нашей задачи, достигаетъ у него уже гораздо болѣе значительныхъ размѣровъ, чѣмъ въ предыдущихъ источникахъ, именно *94 главы* (Emphyll. II. 25—118). При этомъ нужно замѣтить, что историческій матерьялъ распредѣляется у Аппіана до крайности неравномѣрно; можно судить объ этомъ по тому, что 57 главъ изъ 94 приходятся на первые два года гражданской войны (705 — 706 гг.), которая излагается здѣсь дѣйствительно очень обстоятельно; за-то другія части страдаютъ краткостью и отрывочностью, что и не мудрено, такъ какъ на остальную исторію Цезаря приходится всего 37 главъ.

Что касается исторической достовѣрности, то въ этомъ отношеніи Аппіанъ представляетъ самое широкое поле для критики. Слабыя мѣста Аппіана, это — хронологія и географія [1]). Затѣмъ, какъ обращается онъ съ своими источниками? Обыкновенно онъ не трудится надъ переработкой имѣющагося у него матерьяла, но вноситъ его почти цѣликомъ въ свое изложеніе [2]), измѣняя только выраженія [3]). Самостоятеленъ Аппіанъ только въ рѣчахъ и въ реторической обработкѣ фактическаго матерьяла [4]). Далѣе, часто у него замѣчается склонность сокращать свои источники [5]), но эта краткость является часто въ ущербъ точности [6]); не говоря уже о поверхностности (Oberflächlichkeit, Flüchtigkeit) [7]), въ результатѣ не всегда удачнаго сокращенія является нерѣдко произвольное искаженіе историческихъ фактовъ [8]).

Аппіанъ пользовался, несомнѣнно, многими источниками [9]), изъ которыхъ онъ самъ называетъ Клавдія Павла [10]), Кассія [11]) (Геми-

---

[1]) Hannak's *Appianus und seine Quellen*, S. 9 — 10. См. Illyr. 5. Bell. Civ. I. 93. Syr. 70. Mithr. 62 (*хрон. ошибки*); Iber. 6. 7. 17. 3. 12. Bell. Civ. 39. I. 49. 109. V. 103. (*геогр. ошибки*). Срв. C. Peter's *zur Kritik d. Quellen*, S. 128. 144. [2]) Hannak, S. 29. [3]) C. Peter, S. 128. [4]) Hannak, S. 40. [5]) ib. S. 29. C. Peter, S. 128. [6]) Hannak, S. 35. [7]) ib. C. Peter, S. 137. [8]) Hannak, S. 35. [9]) C. Peter, S. 127. [10]) Celt. 1. [11]) ib. 6.

ну?), Цезаря [1]) и Либона (по мнѣнію Карла Петера, быть можетъ, Ливія) [2]). Ганнакъ, впрочемъ, вопреки Герману Петеру [3]), полагаетъ, что комментаріи Цезаря были извѣстны Аппіану только по имени, но что ими онъ не пользовался, какъ источникомъ [4]). Встрѣчающіяся у Аппіана сходныя мѣста съ комментаріями Цезаря онъ находитъ возможнымъ объяснить такимъ образомъ, что первый пользовался такими источниками, которые черпали изъ комментаріевъ Цезаря [5]): слѣдовательно, онъ признаетъ *косвенное* заимствованіе у Цезаря со стороны Аппіана. Къ такому же результату приходитъ Ганнакъ и относительно Тацита, т. е. что послѣднимъ Аппіанъ пользовался такъ же только изъ вторыхъ рукъ. Какія же эти «вторыя руки»? Германъ Петеръ, также Дедерингъ, указываютъ на Азинія Полліона, который для Аппіана служилъ, по ихъ мнѣнію, главнымъ источникомъ, подобно тому какъ Ливій служилъ главнымъ источникомъ для Светонія. Сходство отдѣльныхъ мѣстъ у Аппіана съ нѣкоторыми мѣстами у Плутарха объясняется не заимствованіями перваго у послѣдняго, а общностью ихъ источниковъ, и главнымъ образомъ одного источника, т. е. Азинія Полліона. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія Германъ Петеръ приводитъ цѣлый рядъ параллельныхъ мѣстъ изъ Плутарха и Аппіана:

Аппіанъ.	Плутархъ.	
II. 37.	33.	Вопросъ Фавонія.
» 38.	32.	Переходъ чрезъ Рубиконъ.
» 44.	44.	Упреки Помпею и цитата изъ Цезаря.
» 59.	38.	Попытка Цезаря переправиться обратно въ Брундузій.
» 61.	39.	Пища цезаревыхъ солдатъ подъ Диррахіемъ.
» 62.	»	Цезарь едва спасается послѣ неудачной атаки помпеева лагеря.
» 67.	»	Отзывъ Цезаря о Помпеѣ.
» »	41.	Сравненіе Помпея съ Агамемноном.
» 64.	42.	Взятіе Гомфъ.

---

[1]) ib. 25: ἐν ταῖς ἰδίαις ἀναγραφαῖς. [2]) C. Peter, S. 127. [3]) II. Peter, S 120. 122. [4]) Hannak, S. 131. [5]) ib.

» 68. 43. Благопріятныя презнаменованія.
» 78. 45. Совѣтъ Цезаря воинамъ — наносить раны въ лицо непріятелямъ.
» 81. 45. Бѣгство Помпея и картина разгрома его лагеря.
» 82. » Смерть Крастина.

Что касается до объективности, то никто не испаривастъ ее у Аппіана; Герлахъ же выражается о немъ прямо, что онъ пишетъ mit grosser Unpartheilichkeit [1]). Это, кажется, единственное достоинство, которое удалось открыть у Аппіана его изслѣдователямъ. И если прочіе изслѣдователи не находятъ возможнымъ произнести ему такого суроваго приговора, какой въ послѣднее время сдѣлалъ Карлъ Петеръ, [2]) то, во всякомъ случаѣ, результаты ихъ изслѣдованій далеко не таковы, чтобы поколебать этотъ суровый приговоръ. Герлахъ высказываетъ, правда, сужденіе діаметрально противоположное и очень благопріятное для Аппіана, [3]) но какъ голословное и ничѣмъ не обоснованное, оно само собою падаетъ предъ вѣскими аргументами Петера.

ДІОНЪ КАССІЙ.

Діонъ Кассій, самый поздній въ ряду поименованныхъ нами историковъ, представляетъ въ то же время и самый богатый источникъ для исторіи Цезаря. Объ этомъ можно судить уже по внѣшнимъ размѣрамъ относящейся къ нашей задачѣ части его «Римской Исторіи». Именно, сюда входятъ, вопервыхъ, восемь послѣднихъ главъ 40-й книги, затѣмъ 41-я и 42-я книги цѣликомъ и первыя девятнадцать главъ 43-й, въ общей сложности *148 главъ*. Историческій матерьялъ распредѣляется у Діона гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ у Аппіана; историческое повѣствованіе, на всемъ протяженіи даннаго періода, ведется всюдѣ болѣе или менѣе обстоятельно, хотя полной равномѣрности и здѣсь не замѣчается; напримѣръ, относительно первыхъ двухъ лѣтъ гражданской вой-

[1]) Gerlach. S. 218. [2]) C. Peter. S. 137—138: das Ganze macht Eindruck einer aus den verschiedensten Quellen auf Grund einer mannichfaltigen Lectüre mit Willkür und Leichtfertigkeit (vielleicht zum theil aus dem Gedächtniss) verfassten Compilation, die mit dem grössten Vorsicht zu benutzen ist. [3]) Gerlach, S. 218—219.

ны мы наблюдаемъ здѣсь то же самое явленіе, что и у Аппіана: на нихъ приходится 88 главъ изъ 148.

Насколько безпощадно суровъ приговоръ Карла Петера надъ Аппіаномъ, настолько же благопріятно его сужденіе относительно Діона Кассія. Общій результатъ, къ которому приходитъ въ данномъ случаѣ К. Петеръ, основываясь частію на собственныхъ наблюденіяхъ, частію опираясь на результаты, добытые Вильмансомъ, [1]) можно кратко формулировать въ слѣдующихъ словахъ: хотя Діону Кассію, подобно прочимъ древнимъ историкамъ, не достаетъ строгаго критическаго отношенія къ своей задачѣ [2]), тѣмъ не менѣе онъ стоитъ несравненно выше Аппіана, какъ по своей эрудиціи, [3]) такъ и по зрѣлости сужденія [4]).

Съ другой стороны, относительно источниковъ Діона Кассія, Карлъ Петеръ приходитъ къ столь же выгодному для послѣдняго результату. Хотя самъ Діонъ называетъ только комментаріи Октавіана и acta publica, [5]) но, по мнѣнію Петера, нѣтъ никакихъ основаній не довѣрять утвержденію Діона, что онъ читалъ почти все, что было написано до него по Римской исторіи [6]). Герлахъ говоритъ, что Діонъ hat die besten Quellen benutzt [7]). Въ частности, какъ еще ранѣе К. Петера было доказано Вильмансомъ, [8]) а потомъ Фишеромъ, [9]) Діонъ пользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ Цицерономъ [10]). Ливій также, несомнѣнно, былъ въ числѣ главнѣйшихъ его источниковъ [11]). Помимо общихъ соображеній, предположеніе это подтверждается и остальными наблюденіями. Вильмансъ приводитъ цѣлый рядъ параллельныхъ мѣстъ изъ Діона и Юлія Обсеквента, наглядымъ образомъ указывающихъ на общій у нихъ обоихъ источникъ; главнымъ же источникомъ Обсеквенту служилъ, несомнѣнно, Ливій [12]). Въ числѣ вѣроятныхъ источниковъ Діона можно назвать также не сохранившагося до насъ Азинія Полліона [13]).

Но, съ другой стороны, Діонъ, въ противоположность Аппіану, не чуждъ извѣстной партійности, пристрастія, которое обнаружива-

---

[1]) R. Wilmans' *de fontibus et auctoritate Dionis Cassii*. Berol. 1835. [2]) C. Peter., S. 138. Срв. Wilmans, p. 31. [3]) ib. [4]) ib. S. 144: gesundes Urtheil. [5]) ib. S. 138. [6]) ib. [7]) Gerlach, S. 221. [8]) Wilmans, p. 32—36. [9]) Fischer's *de fontibus et auctoritate Cassii Dionis*, Lipsiae. 1870. [10]) Срв. П. Peter, S. 146. [11]) Gerlach, S. 121.—П. Peter. S. 123.—Dederding, p. 37—39. [12]) Wilmans, p. 14—18. [13]) ib. p. 25.

ется особенно въ его отношеніяхъ къ Цезарю и Цицерону: если къ первому онъ благоволитъ, то къ второму относится съ безпощадной суровостью [1]). Вильмансъ не безъ основанія усматриваетъ тутъ вліяніе Азинія Полліона, котораго М. Сенека называетъ *infestissimus famae Ciceronis*. Блестящее приложеніе и развитіе эти взгляды Діона получили въ послѣднее время въ сочиненіяхъ Друманна и Моммсена; но насколько выиграла историческая истина отъ учености перваго и таланта послѣдняго, это другой вопросъ.

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКОВЪ *).

Бо̀льшую часть исторіи Цезаря за данный періодъ мы имѣемъ въ запискахъ современниковъ, вопервыхъ, самого Цезаря, затѣмъ Гирція и нѣкоторыхъ другихъ неизвѣстныхъ намъ лицъ. Для первыхъ двухъ лѣтъ (703 — 704), предшествовавшихъ гражданской войнѣ, мы имѣемъ нѣсколько главъ въ восьмой книгѣ de bello Gallico (Гирція). Записки самого Цезаря, de bello civili, доводятъ исторію гражданской войны, съ самаго начала, до начала александрійской войны, исторію которой излагаетъ книга неизвѣстнаго автора, bellum Alexandrinum; она продолжаетъ разсказъ и нѣсколько дальше александрійской войны (война съ Фарнакомъ). Затѣмъ книга также неизвѣстнаго автора, bellum Africae, даетъ довольно обстоятельную, хотя и сухую, исторію африканской войны. И, наконецъ, сохранившійся большой отрывокъ изъ книги bellum Hispaniense даетъ почти полную исторію второй испанской войны. Слѣдовательно, мы имѣемъ записки современниковъ, съ небольшими пробѣлами, съ самаго начала нашего періода и вплоть до первой половины 709 года, хотя, какъ это можно видѣть уже изъ самыхъ заглавій поименованныхъ книгъ, они даютъ почти исключительно только военную исторію даннаго времени.

Разумѣется, что отъ записокъ этихъ нельзя ожидать вполнѣ безпристрастнаго отношенія къ ихъ предмету, въ особенности отъ

---

[1]) Gerlach, S. 121—122. Fischer, p. 26. Срв. H. Peter, S. 120.

*) Съ коротенькой монографіей Strenge's *der tendenziöse Character d. Cars. Memoiren v. Bürgerkr.*, Lüneburg, 1873, авторъ познакомился лишь по окончаніи настоящаго соч., а, познакомившись, не счелъ нужнымъ переработывать или измѣнять настоящую главу

записокъ Цезаря, который самъ былъ главнымъ героемъ и виновникомъ описываемыхъ имъ событій. Уже a priori можно предполагать, что записки его, не смотря на всю ихъ кажущуюся объективность, представляютъ собою не простое историческое изложеніе событій, но нѣкоторымъ образомъ собственную апологію Цезаря. Съ перваго взгляда трудно замѣтить въ его запискахъ какую-либо тенденцію. Но тутъ-то и сказывается необыкновенный геній Цезаря, который заставляетъ читателя видѣть образецъ исторической объективности въ своемъ произведеніи, которое въ сущности своей глубоко тенденціозно. Критическій анализъ не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно, именно, *тенденціозности* «комментаріевъ» Цезаря о гражданской войнѣ. *Тенденція самооправданія* у него въ высшей степени искусно замаскирована, и необходимъ тщательный детальный анализъ, чтобы открыть ея присутствіе. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, которые покажутъ, какими пріемами пользуется Цезарь, для того чтобы въ томъ или другомъ случаѣ оправдать свой образъ дѣйствій, выставить его въ выгодномъ свѣтѣ. Главныхъ пріемовъ можно указать три: 1) *умолчаніе* относительно такихъ фактовъ, которые выставляютъ его въ невыгодномъ свѣтѣ; 2) искусственное *освѣщеніе* фактовъ, и, наконецъ, 3) *искаженіе* и *подтасовка* фактовъ.

1) *Примѣры умолчанія.* Умалчиваетъ Цезарь, напримѣръ, относительно факта подкупа имъ Куріона и Павла. (Гирцій, говоря о томъ, что «народный трибунъ К. Куріонъ взялъ на себя защиту дѣла Цезаря и его чести», точно также благоразумно умалчиваетъ о подкупѣ) [1]). Умалчиваетъ объ аналогичной попыткѣ (о которой узнаемъ изъ переписки Цицерона) подкупить консула Лентула (въ 705 г.). Скрываетъ, посредствомъ общихъ и неопредѣленныхъ выраженій, скандальную исторію съ эраріемъ и трибуномъ Метелломъ (въ 705 г.) [2]). Подчеркивая свою гуманность по отношенію къ побѣжденнымъ Массилійцамъ [3]), онъ находитъ болѣе удобнымъ вовсе не упоминать при этомъ той подробности, о которой говоритъ Діонъ, [4]) и которая во всякомъ случаѣ значительно понижаетъ цѣну его великодушія въ данномъ случаѣ.

---

[1]) B. Gall. VIII. 52. [2]) B. Civ. I. 33. [3]) ib. II. 22. [4]) Dio XLI. 25. Срв. Drumann, B. III. S. 757.

2) *Примѣры искусственнаго освѣщенія фактовъ.* Съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ Цезарь факты, представляющіе съ невыгодной стороны его противниковъ. Въ этомъ случаѣ Цезарь, идущій сокрушить старую римскую республику, гримируется въ совершенно неподходящую ему роль ортодоксальнаго «патріота» въ цицероновскомъ смыслѣ, зорко слѣдящаго за каждымъ упущеніемъ со стороны своихъ противниковъ, съ точки зрѣнія традиціонной законности [1]). Часто поэтому изложеніе Цезаря принимаетъ обличительный, полемическій тонъ. Если, съ одной стороны, онъ оставляетъ въ тѣни «неудобные» для себя факты, то, напротивъ, старается выставить, насколько возможно, въ яркомъ свѣтѣ всѣ отрицательныя стороны своихъ противниковъ: ихъ стратегическую неспособность, кровожадные инстинкты, хищническія вожделѣнія и т. п. [2]). Любопытно, что въ этомъ случаѣ Цезарь вполнѣ сходится съ Цицерономъ, который, какъ мы видѣли, безпощадно бичуетъ въ своихъ письмахъ «неспособность», «небрежность», «халатность», «безтактность», «сумасбродство», «жадность» и «жестокость» помпеянцевъ.

3) *Примѣры искаженія и подтасовки фактовъ.* Цицеронъ, читавшій собственными глазами условія, принесенныя Луціемъ Цезаремъ отъ Цезаря, [3]) говоритъ только о двухъ требованіяхъ послѣдняго, это: 1) удаленіе Помпея въ Испанію и 2) распущеніе вновь набранныхъ легіоновъ. Отвѣтъ, какъ передаетъ его Цицеронъ, [4]) былъ таковъ: условія Цезаря принимаются, съ тѣмъ чтобы послѣдній отвелъ свои войска изъ занятыхъ имъ городовъ въ Пиценѣ обратно въ свою провинцію. Точность данныхъ переписки не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Посмотримъ, какъ передаетъ объ этомъ самъ Цезарь. По его словамъ, [5]) отвѣтъ Помпея былъ таковъ: Цезарь долженъ возвратиться въ провинцію изъ занятыхъ имъ городовъ *и распустить войско*; *просьба Цезаря* о томъ, чтобы было назначено личное свиданіе его съ Помпеемъ, *отвергнута.* Легко замѣтить, что отвѣтъ Помпея въ томъ видѣ, какъ его передастъ Цезарь въ своихъ комментаріяхъ, является, вопервыхъ, гораздо болѣе рѣзкимъ (NB: «отвергнута просьба»); во-

---

[1]) См. напр. B. C. I. 6. [2]) См. напр. B. C. I. 83. [3]) См. стр. 162 [4]) См. стр. 164. [5]) B. C. I. 10—11.

вторыхъ, условія, въ немъ предъявленныя, представляются несравненно болѣе тяжкими и неудобопріемлемыми, ибо въ томъ и заключался для Цезаря весь вопросъ, чтобы *не распускать войска*. Кромѣ того, Цезарь говоритъ о требованіи распустить *войско* (все?), тогда какъ въ вышеприведенномъ письмѣ Цицерона идетъ рѣчь лишь о *вновь набранныхъ* (Цезаремъ) *легіонахъ*. Легко понять тенденцію этой подтасовки фактовъ: Цезарю важно было въ данномъ случаѣ свалить всю вину за неудачу мирныхъ переговоровъ на Помпея и eo ipso оправдать свои дальнѣйшія наступательныя дѣйствія [1]).

Въ связи съ этимъ фактомъ является другой, уже гораздо болѣе рельефный, примѣръ искаженія. Если въ только-что приведенномъ примѣрѣ искаженіе является только очень *вѣроятнымъ*, то въ нижеслѣдующемъ оно уже *несомнѣнно*, очевидно. Въ 11 гл. 1-й кн. Цезарь говоритъ, что послѣ того, какъ имъ былъ полученъ вышеупомянутый отвѣтъ Помпея, онъ отправилъ М. Антонія съ пятью когортами въ Аррецій; самъ съ двумя когортами остался въ Аримини и началъ производить наборъ; одновременно съ этимъ заняли Пизавръ, Фанумъ, Анкону — каждый городъ одною когортою». Итакъ, Цезарь утверждаетъ, что онъ занялъ Аррецій, Пизавръ, Анкону только *послѣ* того, когда, будто бы, оказалась тщетною его примирительная попытка. Между тѣмъ изъ переписки выше мы видѣли, что парламентеръ Цезаря, Луцій Цезарь, явился къ Помпею съ предложеніями первый только *23 янв.* [2]), а *17 янв.*—не позднѣе—занятіе Цезаремъ Арреція, Пизавра, Анконы было уже совершившимся фактомъ [3]). Итакъ, занятіе упомянутыхъ городовъ, которое Цезарь въ своихъ комментаріяхъ мотивируетъ неуступчивостью Помпея въ начатыхъ имъ чрезъ Луція Цезаря переговорахъ, оказывается въ дѣйствительности фактомъ *предшествующимъ* упомянутой миссіи Луція Цезаря. Очевидная подтасовка фактовъ. Нужно отдать справедливость Цезарю: онъ *не проговорился*. Въ отвѣтѣ Помпея, какъ мы находимъ его въ перепискѣ, было сказано, что Цезарь долженъ «вывести гарнизоны изъ *тѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ* (т. е. Аримина,

---

[1]) B. C. I. 11. [2]) См. стр. 162. Срв. хрон. таб. стр. 16. [3]) См. стр. 150. Срв. таб. стр. 15.

Анконы Арреція и т. д.), которыя онъ занялъ [1]); Цезарь же самъ говоритъ [2]) лишь о conditio ut Caesar *Arimino* (и только!?) decederet. Въ pendant къ этому слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что Цезарь говоритъ о себѣ, что онъ delectum habere instituit точно также *послѣ* возвращенія Луція Цезаря отъ Помпея съ неудобопріемлемыми условіями [3]), Между тѣмъ изъ переписки намъ извѣстно, что *до* возвращенія Луція Цезаря *во время* мирныхъ переговоровъ, Цезарь acerrime delectum habebat [4]) (То же самое, впрочемъ дѣлалъ вѣдь и Помпей [5]).

Еще примѣръ. Въ 8-й гл. 1 кн. Цезарь, говоря о бѣгствѣ консула Лентула изъ Рима, прибавляетъ, что онъ бѣжалъ *не заперевъ* каземата, aperto aerario. Между тѣмъ не только всѣ историки въ одинъ голосъ говорятъ, что когда Цезарь, явившись въ Римъ послѣ бѣгства Помпея изъ Брундузія, захотѣлъ взять изъ каземата хранившіяся тамъ деньги, то ему пришлось *сломать замки*, которыми *были заперты* двери каземата [6]), но и въ самой перепискѣ находимъ довольно ясные намеки на это послѣднее обстоятельство [7]).

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Въ 24 гл. 1 кн. Цезарь разсказываетъ, что попавшагося ему въ плѣнъ Н. Магія онъ отправилъ къ Помпею (въ Брундузій) съ мирными предложеніями. Судьба зло подшутила надъ Цезаремъ, сохранивъ намъ одно его письмо, которое предательски обличаетъ тенденціозную лживость приведеннаго сейчасъ свидѣтельства его комментаріевъ. Вотъ это коротенькое письмо Цезаря къ Бальбу (отъ 9 марта 705 г.) [8]): *Brundisium veni: ad murum castra posui. Pompejus est Brundisii. Misit ad me Magium de pace. Quae visa sunt respondi.* Кажется дѣло ясно: Цезарь подступаетъ къ Брундузію, Помпей посылаетъ къ нему парламентера съ мирными предложеніями; Цезарь отвѣчаетъ, что онъ ходитъ нужнымъ. Итакъ, починъ мирныхъ переговоровъ принадлежитъ въ данномъ случаѣ вовсе не Цезарю, какъ онъ это представляетъ въ комментаріяхъ, а Помпею, ибо въ приведенномъ письмѣ вполнѣ ясно, что дѣло идетъ не о *возвра-*

---

[1]) 310,3. ad Div. XVI. 12. См. стр. 162. [2]) B. C. I. 11. [3]) ib. [4]) 315,2. ad Att. VII. 18. См. стр. 165. [5]) См. стр. 166. [6]) Plut. Caes. 35. App. II. 41. Div. XLI. 17. [7]) 378,6. ad Att. X. 12.—366,8. ad Att. X. 4. См. стр. 206 и далѣе; срв. ниже—давы. [8]) 354. ad Att. IX. 12 et 13. A.

щеніи Магія къ Цезарю съ *отвѣтомъ Помпея*, а, напротивъ, Магій идетъ съ *предложеніями Помпея*, для того чтобы возвратиться къ нему съ *отвѣтомъ Цезаря*. Итакъ, на этотъ разъ Цезарь, по непредусмотренной имъ злой иронiи судьбы, самъ, собственными своими словами (въ письмѣ), обличаетъ свою лживость въ комментаріяхъ.—Но это не все. Одна ложь ведетъ за собой другую. По комментаріямъ Цезаря выходитъ такъ, что Магія привели къ Цезарю взятаго въ плѣнъ въ то время, когда послѣдній стоялъ лагеремъ подъ Брундузіемъ, а что онъ тотчасъ отправилъ его къ Помпею съ мирными предложеніями. Между тѣмъ переписка даетъ возможность установить, что плѣненіе и освобожденіе Магія Цезаремъ имѣло мѣсто еще *до* прибытія Цезаря въ Брундузій, при чемъ послѣдній не *отправилъ* его къ Помпею «съ порученіями» — *cum mandatis*, какъ читаемъ, а безъ всякихъ порученій и условій, просто *отпустилъ* его на всѣ четыре стороны [1]). Очевидно, что Магій воспользовавшись дарованною ему свободой, ушелъ къ Помпею въ Брундузій, откуда и былъ потомъ отправленъ послѣднимъ, въ качествѣ парламентера, къ Цезарю, подступившему въ это время къ стѣнамъ Брундузія. Во всякомъ случаѣ тутъ несомнѣнно явное искаженіе фактовъ со стороны Цезаря.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ фрагментарную переписку для того времени, которое обнимаютъ записки объ африканской, александрійской и испанской войнахъ; благодаря этому мы лишаемся въ данномъ случаѣ того точнаго и незамѣнимаго критическаго инструмента, который мы имѣли возможность примѣнить къ запискамъ Цезаря для оцѣнки ихъ исторической достовѣрности; Въ данномъ случаѣ мы можемъ лишь констатировать тотъ фактъ, что кто бы ни были эти продолжатели Цезаря—ихъ записки составлены въ томъ же духѣ,—въ духѣ цезаревской апологіи; *общую тенденцію* ихъ легко замѣтить, легко понять, но чтобы отмѣтить, *въ каждомъ данномъ случаѣ*, неточность или искаженіе,—для этого намъ не хватаетъ средствъ. Критическое чутье, *дивинація*, остается въ данномъ случаѣ почти единственнымъ критическимъ орудіемъ; гипотезы, коньектуры—единственно возможными результатами.

---

[1]) 348,2. ad Att. IX. 7. C.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сравненіе данныхъ переписки съ данными прочихъ источниковъ.

Общія замѣчанія объ отношеніи переписки Цицерона къ прочимъ (литературно-историческимъ памятникамъ) источникамъ для исторіи Цезаря были сдѣланы въ первой части; теперь мы обратимся къ детальному сравненію данныхъ разсматриваемаго нами источника съ данными прочихъ источниковъ за данный періодъ (703—710 гг.) Мы полагаемъ вести сравненіе въ такомъ порядкѣ. Сначала отмѣтимъ тѣ данныя, которыя совпадаютъ въ памятникахъ обѣихъ категорій; затѣмъ перейдемъ къ остальнымъ данныхъ не совпадающимъ. При этомъ въ видахъ большей наглядности, намъ представляется цѣлесообразнымъ раздѣлить эти двѣ главныя категоріи данныхъ на болѣе спеціальныя группы; именно первую категорію данныхъ совпадающихъ—на: 1) данныя *согласныя*, 2) данныя *разногласящія* и, 3) данныя *противорѣчивыя*; вторую группу—данныхъ несовпадающихъ—на: 4) данныя *дополняющія* и, 5) данныя *недостающія* (въ перепискѣ).

ДАННЫЯ СОГЛАСНЫЯ.

§ 1. И въ перепискѣ и въ прочихъ источникахъ мы встрѣчаемся на самомъ порогѣ возникающаго спора между Цезаремъ и сенатомъ—съ М. Марцелломъ въ роли передоваго застрѣльщика сенатской партіи.

192. ad Div. VIII. 1. — 223. ad Div. VIII. 8. 198. ad Att. V. 11. — 225. ad Div. VIII. 10. — 202. ad Div. VIII. 2: Marcelli impetus. См. стр. 53. 58. 69. 80. 106. Plut. 29. — B. G. VIII. 53. App. II. 26. Dio XL. 59.

§ 2. Въ частности мы находимъ согласныя указанія, вопервыхъ, на враждебныя Цезарю предложенія Марцелла въ сенатѣ; вовторыхъ, на фактъ произведеннаго имъ насилія надъ однимъ изъ гражданъ Novum Comum, получившихъ отъ Цезаря право римскаго гражданства. (Первая половина 703 г.).

1) 223. ad Div. VIII. 8. 192. ad Div. VIII. 1. См. стр. 53. 57—58. Plut. 28.—Suet. 29. App. II. 26. Dio XL. 95. B. G. VIII. 53. Срв. Liv. epit. 108.

2) 202,2. ad Div. VIII. 2. См. стр. 53. Plut. 29.

§ 3. Что касается до того засѣданія сената, въ которомъ впервые было сдѣлано Марцелломъ предложеніе объ отозваніи Цезаря изъ провинціи и о лишеніи его привилегіи заочной кандидатуры (Hirt. B. G. VIII. 53. Suet. 28 — 29. App. II. 26. Dio XL. 59. Срв. Liv. epit. 108.), то трудно идентифицировать его съ которымъ-нибудь изъ тѣхъ сенатскихъ засѣданій, относительно которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія въ перепискѣ Цицерона. А именно. Относительно засѣданія, предположеннаго на *1 іюня* (192. ad Div. VIII. 1.), мы ничего не знаемъ. Относительно засѣданія *22 іюля* въ храмѣ Аполлона намъ извѣстно положительно, что на этотъ разъ вопросъ о «провинціяхъ Цезаря» не былъ возбуждаемъ (206. ad Div. VIII. 4. Срв. 280. ad Div. VIII. 14.). Далѣе, мы имѣемъ въ письмѣ Целія (223. ad Div. VIII. 8.) копію съ протокола сенатскаго засѣданія *29 сент.*; но въ немъ, какъ припомнимъ, ничего не говорится ни о провинціяхъ, ни о кандидатурѣ Цезаря, хотя имя М. Марцелла фигурируетъ здѣсь въ качествѣ автора принятыхъ сенатомъ предложеній; тѣмъ не менѣе, это не лишаетъ насъ права отождествить предположительно съ этимъ засѣданіемъ то засѣданіе, о которомъ говорятъ историки. Дѣло въ томъ, что, по свидѣтельству Гирція (B. G. VIII. 53.), упомянутое предложеніе Марцелла было *отвергнуто* большинствомъ голосовъ. Слѣдовательно, предложеніе это не было занесено въ протоколъ ни какъ senatus consultum, ни какъ senatus auctoritas; такимъ образомъ, то обстоятельство, что мы не находимъ этого *отвергнутаго* предложенія Марцелла въ числѣ тѣхъ четырехъ *принятыхъ* сенатомъ предложеній послѣдняго, о которыхъ говоритъ Целій,— это обстоятельство ничуть не доказываетъ того, чтобы въ этомъ засѣданіи 29 сент. *не* имѣло мѣста упомянутое предложеніе Марцелла.

§ 4. Что заставило Помпея взять на себя роль вожака сенатской партіи въ этомъ движеніи противъ Цезаря? И переписка и историки даютъ одинаковый отвѣтъ: *соперничество съ Цезаремъ.*

299. ad Att. VII. 8. 300,3. ad Att. VII. 9. См. стр. 85—86. Срв. стр. 61.

Plut. 28. Suet. 28. Dio XL. 59. B. C. I. 4: neminem secum exaequari volebat (Pompejus).

§ 5. Въ частности, Помпей хотѣлъ совершенно уничтожить Цезаря, какъ политическую силу. На это выразительно указываетъ Діонъ Кассій (XL. 59.), говоря, что Помпей желалъ удаленія Цезаря въ частную жизнь. Ту же мысль, хотя въ болѣе дипломатической формѣ, передастъ Цицеронъ *со словъ самого Помпея* (294,4. ad Att. VII. 8.). Помпей не только хотѣлъ отнять у Цезаря войско и провинцію, но не хотѣлъ допустить его и къ консульству. (См. стр. 85—86). Но въ тоже время всѣ историки (кромѣ, конечно, самого Цезаря и Гирція), въ полномъ согласіи съ данными переписки, указываютъ на то, что *соперничество* въ данномъ случаѣ было *обоюдное*: «Цезарь давно думалъ о томъ, чтобы сокрушить (καταλύειν) Помпея, точно такъ же, какъ и Помпей Цезаря».

334. ad Att. VIII. 11. dominatio quaesita ab utroque est. 370,1. ad Att. X. 7. — 346. ad Att. IX. 5. — 351. ad Att. IX. 10. См. стр. 267. 271.

Plut. 29 (приведенныя слова принадлежатъ ему). Suet. 28. Dio XL. 59.

§ 6. Высокомѣрно-пренебрежительное отношеніе Помпея къ Цезарю.

299. ad Att. VII. 8: vehementer hominem contemnebat. См. стр. 88.

Plut. 28: ἐπὶ τούτοις Πομπήϊος ἐχαυνοῦτο etc. Plut. Pom. 57: εἰς ἄκρατον ἐξέπεσε θράσος καὶ περιφρόνησιν τῆς Καίσαρος δυνάμεως. App. II. 31.

§ 7. Вслѣдствіе этого—легкомысленно-небрежное отношеніе Помпея къ военнымъ приготовленіямъ.

317. ad Att. VII. 20: bellum nostri nullum administrant. 309,3. ad Att. VII. 15: sumus flagitiose imparati. См. стр. 158.

Plut. 29. καὶ παρασκευῆς μὲν ἠμέλει στρατιωτῶν ὡς μὴ δεδοικώς. Plut. Pom. 57. App. II. 31. 37. Dio XL. 63: ὁ μὲν Πομπήϊος μηδὲν πράττων ἤνυτε. Plut. 33.

§ 8. Завѣренія Цезаря въ собственномъ миролюбіи находятъ себѣ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ Цицерона. 446,2. ad Div. IX. 6. См. стр. 354.

§ 9. Цицеронъ въ роли *pacifica persona*.

336. ad Att. VIII. 12.—352. ad Att. IX. 11.—372. ad Div. II. 16.—310. ad Div. XVI. 12 308. ad Att. VII. 14.—315. ad Att. VII. 18.—370. ad Div. VI. 6.—334. ad Att. VIII. 11. См. стр. 222 - 223 и др. Письма Цицерона служатъ не только подтвержденіемъ, но имѣютъ и прекрасной иллюстраціей этой роли Цицерона.

Vell. II. 48: unice cavente Cicerone concordiae publicae. Plut. 31: Примирительныя попытки Цицерона.

§ 10. Городской плебсъ заявляетъ свое сочувствіе къ Цезарю и нерасположеніе къ Помпею.

294,5. ad Att. VII. 3. См. стр. 83. Срв. 263,1. ad Div. II. 12. См. стр. 74.

App. II. 27.

§ 11. Выборы магистратовъ на 704 г. совершаются подъ вліяніемъ политической борьбы между Цезаремъ и сенатомъ. (Іюль 703 г.).

См. стр. 71. App. II. 26. Dio XL. 59. Suet. 28. B. G. VIII. Срв. стр. 64. 53.

§ 12. «Дезертирство» Куріона и его тактика.

223. ad Div. VII. 8.—227. ad Div. II. 7.—256,6. ad Att. VI. 2.—257,3. ad Div. II. 13.—242,3. ad Div. VIII. 6. — 267. ad Div. VIII. 11.—262. ad Div. II. 19. См. стр. 64 и далѣе, также 72—73.

Plut. 29. Suet. 29. Plut. Pom. 58. App. II. 26. Dio XL. 60. Срв. B. G. VIII. 52. Liv. epit. 109.

§ 13. Тоже—консула Павла.

264,4. ad Att. VI. 3. (намекъ) См. стр. 68.

Plut. 29. Suet. 29. App. II. 26. Dio XL. 62. Plut. Pom. 58.

§ 14. Бурныя сцены въ комиціяхъ въ началѣ 704 г.

263,9. ad Div. II. 12. См. стр. 73. 75.

App. II. 27.

§ 15. Протесты Куріона въ сенатѣ.

267,3. ad Div. VIII. 11. См. стр. 77—79.

Vell. II. 48. Suet. 29. App. II. 27—28. Dio XL. 60.

§ 16. Проэктъ мирнаго рѣшенія вопроса: Цезарь и Помпей должны оба распустить свои легіоны.

280,2. ad Div. VIII. 14: ut ambo exercitus tradant.

B. G. VIII. 52: discederet uterque ab armis exercitusque dimitteret. Plut. Pom. 58: δυοῖν γὰρ ἡξίου θάτερον· ἢ καὶ Πομπήιον ἀπαιτεῖν, ἢ μηδὲ Καίσαρος ἀφαιρεῖσθαι τὸ στρατιωτικόν. Vell. II. 48. App. II. 27. Dio XL. 62.

§ 17. Эпизодъ: постройки Цезаря наканунѣ гражданской войны.

252,25. ad Att. VI. 1. См. стр. 79.

Suet. 46.

§ 18. У Цезаря отбираются два легіона.

206. ad Div. VIII. 4. — 307. ad Att. VII. 11. См. стр. 54. Срв. стр. 158.

Plut. 29. Plut. Pom. 56. App. II. 29. Dio XL. 65. B. G. VIII. 54. B. C. I. 4.

§ 19. Письмо Цезаря сенату съ мирными предложеніями (Конецъ декабря 704 г.).

301,2. ad Div. XVI. 11. *acerbae et minaces literae.* См. стр. 144 Также хрон. таб.

Vell. II. 49. Plut. 30. Suet. 29. App. II. 32. Dio XLI. 1. B. C. I. 5: *lenissima postulata.*

§ 20. Senatusconsultum ultimum. (7 янв. 705 г.).

301,3. ad Div. XVI. 11. См. выше стр. 145. Также хрон. таб.

Vell. II. 49. Dio XLI. 3. B. C. I. 6. Срв. Liv epit. 109.

§ 21. Бѣгство Антонія и Кассія (вмѣстѣ съ Куріономъ) къ Цезарю. (Январь 705 г.).

301,3. ad Div. XVI. См. выше стр. 145. Также хрон. таб.

Plut. 31. Suet. 31. Dio XLI. App. II. 33. B. C. I. 3.

Примѣчаніе. Куріонъ бѣжалъ къ Цезарю еще ранѣе (въ дек. 704 г.), но затѣмъ явился въ Римъ съ письмомъ Цезаря къ сенату 1 янв. App. II. 31.

§ 22. Сенатъ декретируетъ наборъ по всей Италіи (ок. 12 янв. 705 г.).

301,3. ad Div. XVI. 11: Italiae regiones describuntus, quam quisque tueretur. См. выше стр. 147.

App. II. 32: рѣшено набрать 130.000 рекрутъ. B. C. I. 6: tota Italia delectus habeantur.

§ 23. Наборъ въ Капуѣ между кампанскими колонистами. (Кон. янв. и нач. февр. 705 г.).

307,2. ad Att. VII. 13. — 308. ad Att. VII. 14.— 334. ad Att. VIII. 11.—336. ad Att. VIII. 12.—314,5. ad Att. VII. 17 —311. ad Att. VII. 16.—318. ad Att. VII. 21.—320,3. ad Att. VII. 23. — 326,4. ad Att. VIII. 3.—317. ad Att. VII. 20. См. стр. 165 — 168. Срв. стр. 147. Также хрон. таб.

B. C. I. 14: Capuae delectum colonorum habere instituunt. Срв. Plut. Pom. 59.

§ 24. Бѣгство трибуновъ къ Цезарю и значеніе этого факта, какъ одного изъ casus belli для Цезаря.

301,3. ad Div. XVI. 11. Срв. 300,2. ad Att. VII. 9. См. стр. 89—90.

Plut. 31. Suet. 31. App. II. 33. Dio XLI. 3. B. C. I. 5. Срв. Liv. epit. 109.

§ 25. Рубиконъ. (10—13 янв. 705 г.).

303. ad Att. VII. 10. 302. ad Div. V. 20. (Косв. указ.). См. стр. 149—150. Также хрон. таб.

Vell. II. 49. Plut. 32. Plut. Pom. 60. Suet. 31—33. App. II. 35. Dio XLI. 4. B. C. I. 7. Также Liv. epit. 109.

§ 26. Цезарь овладѣваетъ Пиценомъ. (Янв. 705 г.).

304. ad Att. VII. 11. — 310. ad Div. XVI. 12. — 307. ad Att. VII. 13.—303. ad Att. VII. 10. См. стр. 150.

Suet. 34. App. II. 35. Dio XLI. 4. B. C. I. 11—12. Срв. Plut. 32. B. C. I. 7.

§ 27. Сочувствіе къ Цезарю со стороны итальянскаго населенія.

340. ad Att. VIII. 16. — 354,4. ad Att. IX. 12.—356,3. ad Att. IX. 15. См. стр. 151. 198—199.

B. C. I. 12. Срв. App. II. 35. Dio XLI. 4.

§ 28. Бѣгство Помпея изъ Рима. (18 янв. 705 г.).

303. ad Att. VII. 10. — 304. ad Att. VII. 11. 307. ad Att. VII. 13.—315. ad Att. VII. 18. 318. ad Att. VII. 21.—324. ad Att. VIII. 1. — 325. ad Att. VIII. 2.—326. ad Att. VIII. 3.—330 ad Att. VIII. 7.—331. ad Att. VIII. 8.—331. ad Att. VIII. 11 —338. ad Att. VIII. 14. См. стр. 151 и далѣе.

Vell. II. 49. Plut. 33. Plut. Pom. 61. App. II. 37. Dio XLI. 6: (Πομπήϊος) τὸ ἄστυ ἐξέλιπεν. B. C. I. 14. Срв. хр. т.

§ 29. Бѣгство магистратовъ и сенаторовъ и вызванное имъ замѣшательство въ Римѣ. (19 янв. 705 г.).

304. ad Att. VII. 11. — 305. ad Att. VII. 12. 308. ad Att. VII. 14.—309. ad Att. VII. 15.— 325. ad Att. VIII. 2. Срв. 312. ad Div. XIV. 18. и др. См. стр. 154. Также хрон. таб.

Vell. II. 49. Plut. 34. Plut. Pom. 61. App. II. 37. Dio XLI. 6. 7. 10. B. C. I. 14.

§ 30. Капуя—сборный пунктъ бѣжавшихъ изъ Рима оптиматовъ.

309. ad Att. VII. 15. 305. ad Att. VII. 12. См. стр. 154.

B. C. I. 14: nihil citra Capuam tutum esse omnibus videtur. Capuae primum sese confirmant et colligunt.

§ 31. Переходъ Лабіена на сторону Помпея. (Янв. 705 г.).

305. ad Att. VII. 12. — 304. ad Att. VII. 11. 307. ad Att. VII. 1. — 311. ad Att. VII. 16. — 306. ad Att. XIV. 14. — 325. ad Att. VIII. 2. См. стр. 160 и далѣе. Срв хрон. таб.

Plut. 34: Plut. Pom. 64: ἦλθε δὲ καὶ Λαβιηνὸς ἀπολιπὼν Καίσαρα. Dio XLI. 4. Цезарь умалчиваетъ объ этомъ эпизодѣ.

§ 32. Миссія Л. Цезаря и Росція. (Янв. 705 г.).

307. ad Att. VII. 13.—308. ad Att. VII. 14. — 310. ad Div. XVI. 12. См. стр. 162 и далѣе. Также хрон. таб.

Dio XLI. 5. B.C. I. 8.

§ 33. «Гладіаторы Цезаря» въ Капуѣ и мѣры принятыя относительно ихъ сенатомъ. (Янв. 705 г.).

308,2. ad Att. VII. 14. См. стр. 168—169.

B. C. I. 14.

§ 34. Впбуллій бѣжитъ изъ Пицена къ Домицію въ Корфиній.

321. ad Att. VII. 24. См. стр. 175. Хрон. таб.

B. C. I. 15.

§ 35. Численность домиціева войска.

336. ad Att. VIII. 12. A: двѣнадцать „своихъ“ когортъ, а всего *31 когорта*. См. выше стр. 178 – 179. Срв. 320. ad Att. VII. 21

B. C. I. 15: Домицій набралъ около 20 когортъ; все же войско его состояло изъ *30 слишкомъ когортъ*. ib. 17.

§ 36. Корфинійское дѣло. (Февр. 705 г.).

336. ad Att. VIII. 12. B. и A. — 334. ad Att. VIII. 11. D.—338. ad Att. VIII. 14. — 326,7. ad Att. VIII. 3.—332,3. ad Att. VIII. 9. 336,6. ad Att. VIII. 12.—329,3. ad Att. VIII. 5.—327,3. ad Att. VIII. 4. См. стр. 180—184. Хрон. таб.

Vell. II. 50. Plut. 34. Suet. 34. App. II. 38. Dio XLI. 11. B. C. I. 16 — 23. Срв. Liv. epit. 109.

§ 37. Куріонъ спѣшитъ на помощь къ Цезарю съ двѣнадцатымъ легіономъ.

336. ad Att. VIII. 12. C. См. стр. 183.

B. C. I. 15.

§ 38. Послѣ паденія Корфинія Помпей спѣшитъ въ Брундузій.

338. ad Att. VIII. 14. См. стр. 189—190.

Plut. 35. App. II. 38. B. C. I. 24. Срв. Suet. 34.

§ 39. Намѣреніе Цезаря во что бы ни стало догнать Помпея (въ Италіи).

332. ad Att. VIII. 9. См. стр. 193 и далѣе.

Dio XLI. 12.

§ 40. Брундузійское дѣло. (Мартъ 705 г.).

a) Первый транспортъ войскъ Помпея изъ Брундузія въ Диррахій (съ консулами).

347. ad Att. IX. 6. См. стр. 191 и далѣе.

Plut. 35. App. II. 38. Dio XLI. 12 B. C. I. 25.

b) Цезарь подступаетъ къ Брундузію.

354. ad Att. IX. 12 et 13 extr. — 355. ad Att. IX. См. стр. 198.

Dio XLI. 12. B. C. I. 25.

c) Осадныя работы Цезаря въ Брундузіѣ.

335. ad Att. IX. 14. См. стр. 194.

Dio XLI. 12. B. C. I. 25.

d) Бѣгство Помпея изъ Брундузія.

355,3. ad Att. IX. 14.—356. ad Att. IX. 15. A. См. стр. 195 -196. Также хрон. таб.

Plut. 35. App II. 40. Dio XLI. 12. B.C. I. 28.

Примѣч. 1. Любопытно сравнить эпитеты, которыми характеризуютъ этотъ шагъ Помпея Цицеронъ и Діонъ Кассій (NB: сходство даже въ самыхъ выраженіяхъ).

326. ad Att. VIII. 3: *turpissima fuga*. 325. ad Att. VIII. 2: (Pompejus) *reliquit patriam*.

Dio XLI. 12: δυσκλεεστάτη ἔκλειψις τῆς πατρίδος.

Примѣч. 2. Мѣсто у Плутарха представляющее почти буквальный переводъ изъ одного письма Цицерона:

304,3. ad Att. VII. 11: Fecit idem Themistocles... At idem Pericles non fecit..., cum praeter moenia nihil teneret. Срв. 373.4. ad Att. X. 8: consilium Themistocleum.

Plut. Pom. 63: αἰτιᾶται δὲ καὶ Κικέρων, ὅτι τὴν Θεμιστοκλέους ἐμιμήσατο στρατηγίαν μᾶλλον, ἢ τὴν Περικλέους. Срв. ниже § 53, примѣч. 2 и 3.

§ 41. Дальнѣйшіе планы Цезаря (Испанія).

343. ad Att. IX. 2 extr. См. стр. 190—191. Срв. 356,1. ad Att. IX. 15. См. стр. 204.

App. II. 40. B. C. I. 29—30. Suet. 34.

§ 42. Цезарь оставляетъ гарнизоны въ Брундузіѣ и другихъ приморскихъ муниципіяхъ.

356,1. ad Att. IX. 15. См. стр. 203.

App. II. 40. Dio XLI. 15. B. C. I. 32.

§ 43. Возвращеніе Цезаря въ Римъ. (Ок. 1 апр. 705 г.).

356. ad Att. IX. 15. — 358. ad Att. IX. 17.—359. ad Att. IX. 18. См. стр. 203—204.

Vell. II. 50. Plut. 35. Suet. 35. App. II. 41. Dio XLI. 15. B. C. I. 32. Срв. хрон. таб.

§ 44. Проэктъ посольства къ Помпею съ мирными предложеніями отъ имени сената. (Апр. 705 г.).

363. ad Att. X. 3, См. стр. 204—205.

B. C. I. 33.

§ 45. Цезарь взламываетъ эрарій. Инцидентъ съ трибуномъ Метелломъ. (Апр. 705 г.).

378,6. ad Att. X. 12.—366,8. ad Att. X. 4. См. стр. 207. 209. Срв. выше въ гл. „Записки совр.“ 3.

Plut. 35: ἐκκόπτειν ἐκέλευεν. App. II. 41: τὰ δὲ κλεῖθρα τῶν δημοσίων ἐξέκοπτεν. Dio XLI. 17: τὴν βαλανάγραν διέκοψαν. Срв. Plut. Pom. 62.

§ 46. Цезарь отправляется въ Испанію. (Апр. 705 г.).

373. ad Div. V. 19.—374. ad Att. X. 8.—378. ad Att. X. 12.—379. ad Att. X. 13 и др. См. стр. 210.

Vell. II. 50. Plut. 36. Suet. 34. App. II. 42. Dio XLI. 18. B. C. I. 33. См. хрон. таб.

§ 47. Петрей соединяется съ Афраніемъ.

375,1. ad Att. X. 6. См. стр. 212.

App. II. 42. Dio XLI. 20. B. C. I. 38. Срв Liv. epit. 110. См. хрон. таб.

§ 48. Паденіе Сициліи. (23 Апр. 705 г.).

382. ad Att. X. 16. — 370,3. ad Att. X. 7. См. стр. 212—213.

Dio XLI. 18. B. C. I. 30 — 31. Срв. Dio XLI. 41. См. хрон. таб.

§ 49. Сопротивленіе массилійцевъ. (Май 705 г.).

376. ad Att. X. 10. — 378. ad Att. X. 12. — 380. ad Att. X. 14. См. стр. 210—211. Срв. хрон. таб.

Vell. II. 50. Suet. 34. Dio XLI. 19. B. C. II. 1—22. Срв. ib. I. 34. Liv. epit. 110.

§ 50. «Счастье склоняется на сторону Цезаря».

372,1. ad Div. II. 16. — 374. ad Att. X. 8. B. См. стр. 210. 212.

App. II. 42. Dio XLI. 21. B. C. I. 55.

§ 51. Побѣда Цезаря въ Испаніи.

389,2. ad Div. IX. 9.

B. C. II. 20.

§ 52. Антоній въ роли чрезвычайнаго намѣстника Италіи въ отсутствіе Цезаря. (Съ Апр. 705 г.).

374. ad Att. X. 8. A.—376,2. ad Att. X. 10. Срв. 379,1. ad Att. X. 13. См. стр. 215—216.

App. II. 41: [ὁ Καῖσαρ] ἐφέστη [Ἀντώνιον] τῇ Ἰτακίᾳ καὶ τῷ περὶ αὐτὴν στρατῷ. Dio XLI. 18.

§ 53. Бѣгство Цицерона изъ Италіи къ Помпею (въ Эпиръ). (11 іюня 705 г.).

385. ad Div. XIV. 7. См. стр. 240. Также хрон. таб.

Plut. 38. Dio XLI. 18. B. C. III. 3. Plut. Cic. 38.

Примѣч. 1. Колебанія Цицерона въ вопросѣ о бѣгствѣ къ Помпею.

303. ad Att. VII. 10. — 317. ad Att. VII. 20. — 319. ad Att. VII. 22. — 320. ad Att. VII. 23. — 321. ad Att. VII. 24. — 324,3. ad Att. VIII. 1. — 325,4. ad Att. VIII. 2. — 326. ad Att. VIII. 3. — 334. ad Att. VIII. 11. D. 6. — 339. ad Att. VIII. 15. — 340. ad Att. VIII. 16. — 343. ad Att. IX. 2. — 347. ad Att. IX. 6. — 348,5. ad Att. IX. 7. — 351. ad Att. IX. 10. — 352,1. ad Div. VII. 3. — 356. ad Att. IX. 15. — 360,2. ad Att. IX. 19. — 370,6. ad Div. VI. 6. и др. См. стр. 235 и далѣе.

Plut. Cic. 37: καὶ δῆλός ἐστι τῇ γνώμῃ πολλὰ ῥιπτασθεὶς ἐπ' ἀμφότερα καὶ δυσπαθήσας.

Примѣч. 2. Провѣрка ссылки Плутарха на переписку Цицерона.

Plut. Cic. 37: Γράφει γὰρ ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς διαπορεῖν, ποτέρωσε χρὴ τρέπεσθαι, ὥστ' ἔχειν μὲν ὃν φύγῃ, μὴ ἔχειν δὲ πρὸς ὃν φύγῃ.

330,1. ad Att. VIII. 7: *Ego vero quem fugiam habeo, quem sequar non habeo*; quod enim tu meum laudas et memorandum dicis, malle quod dixerim, me cum Pompejo vinci, quam cum istis vincere, etc.

Примѣч. 3. Другая ссылка Плутарха.

Plut. Cic. 37: Τρεβατίου δέ τινος τῶν Καίσαρος ἑταίρων γράψαντος ἐπιστολὴν ὅτι Καῖσαρ οἴεται δεῖν μάλιστα μὲν αὐτὸν ἐξετάζεσθαι μεθ' αὑτοῦ καὶ τῶν ἐλπίδων μετέ-

314,3—4. ad Att. VII. 17: Trebatius quidem scribit se ab illo (sc. Caesare) IX Kal. Febr. rogatum esse, ut scriberet ad me, ut essem ad urbem: nihil ei me gratius facere posse..... Illud admiror non ipsum ad me

χειν· εἰ δ' ἀναδύεται διὰ γῆρας εἰς τὴν Ἑλλάδα βαδίζειν κἀκεῖ καθήμενον ἡσυχίαν ἄγειν, ἐκποδὼν ἀμφοτέροις γενόμενον· θαυμάσας ὁ Κικέρων ὅτι Καῖσαρ αὐτὸς οὐκ ἔγραψεν, ἀπεκρίνατο πρὸς ὀργήν, ὡς οὐδὲν ἀνάξιον πράξει τῶν πεπολιτευμένων. Τὰ μὲν οὖν ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς γεγραμμένα ταῦτά εἰσιν. См. хрон. таб. *22 января 705 года.* Срв. § 40, примѣч. 2.

scripsisse, non per Dolabellam, non per Caelium egisse: quamquam non aspernor Trebatii literas, a quo me unice diligi scio. Rescripsi ad Trebatium (nam ad ipsum Caesarem, qui mihi nihil scripsisset, nolui), quam illud hoc tempore esset difficile; me tamen in praediis meis esse neque delectum ullum neque negotium suscepisse. In quo quidem manebo, dum spes pacis erit: sin bellum geretur, non deero officio nec dignitati meae: pueros ὑπεκθέμενος in Graeciam.

§ 54. Дѣло Целія. (Мартъ 706 г.).

388. ad Div. VIII. 17. (Намекъ). См. стр. 279—280. Также хрон. таб.

Vell. II. 68. B. C. III. 20—23. Срв. Liv. epit. III.

§ 55. Цезарь окружаетъ Помпея у Диррахія. (Май 706 г.).

389,2. ad Div. IX. 9. См. стр. 278. Хрон. таб.

B. C. III. 41.

§ 56. Цезарь терпитъ пораженіе отъ Помпея. (Іюль 706 г.).

452,2. ad Div. VII. 3. (Намекъ). См. стр. 279. Срв. 391,3. ad Att. XI. 3. См. стр. 279. Хрон. таб.

Vell. II. 51. Plut. 39. Suet. 36, App. II. 61—62. Dio XLI. 52. B. C. III. 66—70. 72. Срв. Liv. epit. 111.

§ 57. Фарсальская битва. (9 авг. 706 г.).

424. ad Div. XV. 15: fatale proelium 452. ad Div. VII. 3: victus turpissime (Pompejus) fugit. См. выше стр. 285.

Vell. II. 52: acies Pharsalica, cruentissimus Romano nomini dies. Suet. 35. Pharsalicum proelium Plut. 42. App. II. 66. Dio XLI. 55. B. C. III. 89—100. См. хрон. таб.

§ 58. Смерть Помпея. (28 сент. 706 г.).

398. ad Att. XI. 6: Pompei exitus. См. стр. 287.

Vell. II. 53: jugulatus est. B. C. III. 104: умерщвленъ въ лодкѣ. App. II. 85: тоже самое. Dio XLII. 4: утопленъ. Срв. Liv. epit. 112: occisus est. См. хрон. таб.

§ 59. Партія Помпея, послѣ Фарсальской битвы, раздѣляется на двѣ фракціи: умѣренныхъ и непримиримыхъ.

464. ad Div. IV. 7. 400,3. ad Att. XI. 7. См. стр. 288.

Dio XLII. 13: Катонъ — глава непримиримыхъ; Кассій — представитель фракціи умѣренныхъ.

§ 60. Цицеронъ, послѣ Фарсальской битвы, возвращается въ Италію и на нѣкоторое время поселяется въ Брундузіѣ. (Съ ноября 706 г.).

395,1 ad Div. XIV. 12.—429. ad Div. XIV. 20. См. стр. 297 и далѣе.

Plut. Cic. 39. Dio XLII. 10. См. хрон. таб.

§ 61. Африка—очагъ «непримиримыхъ».

464. ad Div. IV. 7. 405. ad Att. XI. 10. См. стр. 288.

Plut. 52. Suet. 54—55. Dio XLII. 56. Срв. Liv. epit. 113: Confirmatis in Africa Pompejanis partibus etc.

§ 62. «Умѣренные» идутъ съ повинной къ Цезарю («deprecatores»).

464,3. ad Div. IV. 7.—398,7. ad Att. XI. 6.—ad Att. XI. 14.—425. ad Att. XI. 20. — 424. ad Att. XV. 15. См. стр. 288. 290—291.

Dio XLII. 13.

§ 63. Пораженіе Доминція въ Азіи.

405. ad Att. XI. 10: plaga in Asia. См. стр. 292—293.

Suet. 36. App. II. 91. Dio XLII. 46. B. Alex. 39—40. Срв. Liv. epit. 112.

§ 64. Пораженіе Антонія Октавіемъ въ Иллиріи.

405. ad Att. XI. 10: plaga in Illyrico. См. стр. 293.

Suet. 36. App. II. 41. 47. Dio XLII. II.—B. Alex. 42. Срв. Liv. epit. 110.

§ 65. Дѣло Кассія въ Испаніи.

405. ad Att. XI. 10: plaga in Cassiano negotio. Ib.: Hispania alienata См. стр. 293.

B. Alex. 48.

§ 66. Неудачное дѣло Цезаря съ александрійцами.

411. ad Att. XI. 16: plaga in ipsa Alexandrea. См. стр. 292—293.

App. II. 91. Dio. XLI. 40. B. Alex. 21.

§ 67. Цезарь отправляется въ Азію. (Іюль 707 г.).

426. ad Att. XI. 21. — 425. ad Att. XI. 20. См. стр. 294.

Plut. 49. Suet. 35. App. II. 91. B. Alex. 33. См. хрон. таб.

§ 68. Война съ Фарнакомъ.

426. ad Att. XI. 21.—427,2. ad Att. XI. 22.—424. ad Div. XV. 15. (Намеки). См. стр. 295.

Vell. II. 55. Plut. 50. Suet. 35. App. II. 90—92. Dio XLII. 46—47. B. Alex. 65 и далѣе. Срв. Liv. epit. 113.

§ 69. Африканская война. (Дек. 707 г.—Апр. 708 г.).

465. ad Div. VI. B: Africana causa. (Намекъ). См. стр. 317.

Vell. II. 55. Plut. 52. App. II. 95 и дал. Dio XLII. 58 и дал. B. Afr. 1—98.

§ 70. Битва при Тапсѣ. (6 апр. 708 г.).

440. ad Div. IX. 9: novae res allatae. (Намекъ). См. стр. 317.

Vell. II. 55. Plut. 53. App. II. 97. Dio XLIII. 8 и дал. B. Afr. 81—85. Срв. Liv. epit. 114 и Ovid. fast. IV. 377 слѣд. См. хрон. таб.

§ 71. Возвращеніе Цезаря въ Римъ. (25—26 іюля 708 г.).

446,1. ad Div. IX. 6.—447. ad Div. IX. 7. 448. ad Div. IX. 5.—449,4. ad Att. XII. 5. См. стр. 318.

Plut. 53. Dio XLIII. 14. Afr. 98.

§ 72. Конфискаціи имуществъ «непримиримыхъ» республиканцевъ.

519,3. ad Div. IX. 10: hasta Caesaris. 520,2. ad Div. XV. 17. Срв. 523,3. ad Div. XV. 19: Sulla omnia bona coemit. 464. ad Div. IV. 7: impetus praedonum. См. стр. 320. Dio XLII. 50: αἱ ἐκλογαὶ τῶν κτημάτων.

§ 73. Цезарь въ роли «побѣдителя».

464,4. ad Div. IV. 7. — 450. ad Div. IX 16. — 466. ad Div. IV. 8. См. стр. 320 и далѣе. Dio XLIII. 14.

§ 74. Амнистія осужденнымъ по законамъ Помпея.

523. ad Div. XV. 19. См. стр. 321. Dio XLIII. 27.

§ 75. Цезарь—praefectus moribus.

473. ad Div. IX. 15: noster hic praefectus moribus. См. стр. 321. Suet. 76: praefectura morum. Dio XLIII. 14.

§ 76. Лояльное отношеніе Цезаря къ сенату.

469, 3. ad Div. IV. 4. — 470,11. ad Div. IV. 6. См. стр. 323. Dio XLIII. 27: οὔτ' ἰδιογνομονῶν οὔτ' ἰδιοβουλῶν ἔπραττεν, ἀλλὰ πάντα δὴ πάντως τοῖς πρώτοις τῆς βουλῆς, ἔστι δ' ὅτε καὶ πάσῃ αὐτῇ, ἐπεκοίνου. Діонъ не замѣчаетъ, повидимому, что подъ этой внѣшней лояльностью скрывалось полнѣйшее политическое ничтожество сената.

§ 77. Испанская война. Помпей-сынъ имѣетъ большое войско. (Дек. 708 г.—Авг. 709 г.).

526,1. ad Div. VI. 4: magnae utrimque copiae. Срв. 521,2. ad Div. VI. 18. См. стр. 326. Vell. II. 55. Plut. 56: θαυμαστὴ τῷ πλήθει στρατιά. App. II. 103. Dio XLIII. 30. B. Hisp. I. 1: vis bene magna comparata. Срв. Liv. epit. 113.

§ 78. Секстъ Помпей бѣжитъ изъ Кордубы. (Апр. 709 г.).

562. ad Att. XII. 37. См. стр. 370. Dio XLIII. 39. B Hisp. 32. Срв. Liv. epit. 115: Pompejus Sextus effugit. См. хрон. таб.

§ 79. Кней Помпей въ Картеѣ. (Май 709 г.).

574,4. ad Att. XII. 44. См. стр. 370. App. II. 105. Dio XLIII. 40. B. Hisp. 32.

§ 80. Планы Цезаря относительно Парѳянъ.

587,1. ad Att. XIII. 27: Parthicum bellum. 591,3. ad Att. XIII. 31: iturum ad Parthos. См. стр. 187. Plut. 58: παρασκευὴ δὲ καὶ γνώμη στρατεύειν ἐπὶ Πάρθους. App. II. 110. Dio XLIII. 51.

§ 81. Cato и Anticato.

445,2. ad Att. XII. 4.—449,2. ad Att. XII. 5.—674,1. ad Att. XII. 44.—670,4. ad Att. XII. 41.—567,1. ad Att. XII. 40.—575,3. ad Att. XII. 45.—577,3. ad Att. XII. 47.—629,2. ad Att. XIII. 46. — 637. ad Att. XIII. 50.— Plut. 54: ἔγραψε Κικέρων ἐγκώμιον Κάτωνος ὄνομα τῷ λόγῳ θέμενος Κάτωνα... ἔγραψεν οὖν [Καῖσαρ] πολλάς τινας κατὰ τοῦ Κά-

639,1. ad Div. VII. 25.—636,2. ad Div. VII. 24. См. стр. 372—374. Срв. 537,1. ad Att. XII. 21. — 621,3. ad Att. XIII. 37. —634,2. ad Att. XIII. 48. См. стр. 356.

τωνος αἰτίας· τὸ δὲ βιβλίον Ἀντικάτων ἐπιγέγραπται. Срв. App. 3. II. 99. Dio XLIII. 13. См. хрон. т.

§ 82. Апоѳеозъ Цезаря. (Май 709 г.).

375,3. ad Att. XII. 45: σύνναος Quirino. 588,3. ad Att. XIII. 28: Quirini contubernalis. См. стр. 372.

Plut. 57—58. Suet. 76: templa, aras, simulacra juxta deos. App. II. 106: καὶ νεὼς ἐψηφίσαντο πολλοὺς αὐτῷ γενέσθαι καθάπερ θεῷ. Dio XLII. 45: ἄλλην τέ τινα εἰκόνα ἐς τὸ τοῦ Κυρίνου ναὸν θεῷ ἀνικήτῳ ἐπιγράψαντες... ἀνέθεσαν. Срв. ib. 14 и XLIV. 6.

§ 83. Circensis pompa. (Іюль 709 г.).

267,1. ad Att. XIII. 44: acerba pompa. См. стр. 372. Срв. хрон. таб.

Suet. 76: circensis pompa.

§ 84. Возвращеніе Цезаря въ Римъ. (Іюль 709 г.).

601,2. ad Att. XIII. 9.—603. ad Att. XIII. 11.—607. ad Att. XIII. 14. 609. ad Att. XIII. 17.—603,6. ad Att. XIII. 21.—628. ad Att. XIII. 45.—629,2. ad Att. XIII. 46. См. стр. 371.

Vell. II. 56: Caesar omnium victor regressus in urbem. App. II. 106. Dio XLIII. 41. Cpr. Liv. epit. 116: Caesar ex Hispania... См. хрон. таб.

§ 85. Земельные надѣлы ветеранамъ Цезаря. (Окт. 709 г.).

642. ad Div. XIII. 4.—645. ad Div. XIII. 7. — 643. ad Div. XIII. 5.—644. ad Div. XIII. 8. См. стр. 408—409.

Suet. 38.

§ 86. Право выбора магистратовъ фактически переходитъ въ руки Цезаря.

551. ad Att. XII. 8. 585,2. ad Att. XIII. 2.—579. ad Att. XII. 49. См. стр. 376. 409.

Dio XLIII. 47: οἱ δὲ δὴ ἄλλοι ἄρχοντες λόγῳ μὲν ὑπὸ τοῦ δήμου κατὰ τὰ πάτρια, ἔργῳ δὲ ὑπ' ἐκείνου κετέστησαν.

§ 87. Амнистія бывшимъ противникамъ Цезаря.

559. ad Div. VI. 2.—517. ad Div. VI. 1.—524. ad Div. VI. 3. — 526. ad Div. VI. 4. — 525. ad Div. IV. 10. См. стр. 378.

App. II. 107. Dio XLIII. 50.

§ 88. Проэктъ расширенія Рима.

620. ad Att. XIII. 35. 36. — 612. ad Att. XIII. 20. 593,4. ad Att. XIII. 33. См. стр. 380.

Dio XLIII. 50.

§ 89. Каниній Ребилъ—консулъ на нѣсколько часовъ.

653. ad Div. VII. 30: In campo certe non fuisti, cum H. II comitiis quaestoriis institutis sella Q. Maximi posita esset: quo mortuo nun-

Plut. 58: ὡς καὶ Μαξίμου τοῦ ὑπάτου τελευτήσαντος εἰς τὴν περιοῦσαν ἔτι τῆς ἀρχῆς μίαν ἡμέραν ὕπατον ἀποδεῖξαι Κανίνιον Ῥήβιλον. Suet. 76: Pridie autem Kal. Ian.

ciato, sella sublata est. Ille autem, qui comitiis tributis esset auspicatus, centuriata habuit: consulem II. VII renunciavit, qui usque ad Kal. Ian. esset: quae erant futurae mane postridie. См. стр. 411.

repentina consulis morte cessantem honorem in paucas horas petenti dedit. Dio XLIII. 46: καὶ ἐπειδή γε ὁ Φάβιος τῇ τελευταίᾳ τῆς ὑπατείας ἡμέρα ἀπέθανεν, εὐθὺς ἀντ' αὐτοῦ ἕτερον πρὸς τὰς περιλοίπους ὥρας Γάϊον Κανίνιον Ῥήβιλον ἀνθεῖλετο. Срв. хрон. таб.

§ 90. Острота Цицерона по этому поводу.

653,1. ad Div. VII. 30: Ita, Caninio consule, scito neminem prandisse. Nihil tamen eo consule mali factum est: fuit enim mirifica vigilantia, qui suo toto consulatu somnum non viderit. См. стр. 411.

Dio XLIII. 46: ὅπερ καὶ ὁ Κικέρων διασκώπτων· Τοσαύτῃ, ἔφη, ὕπατον καὶ ἀνδρίᾳ καὶ φροντίδι ἐν τῇ ἀρχῇ κεχρῆσθαι, ὥστε μηδὲ τὸ βραχύτατον ἐν αὐτῇ κοιμῆσθαι. У Плутарха нѣсколько иначе, Plut. 58: Πρὸς ὅν, ὡς ἔοικε, πολῶν δεξιώσασθαι καὶ προπέμψαι βαδιζόντων ὁ Κικέρων· Σπεύδωμεν, ἔφη, πρὶν φθάσῃ τῆς ὑπατείας ἐξελθὼν ὁ ἄνθρωπος.

ДАННЫЯ РАЗНОГЛАСЯЩІЯ.

§ 1. Проэктъ мирнаго рѣшенія спорнаго вопроса: оба соперника, т. е. Цезарь и Помпей, должны каждый распустить свои легіоны. Сущность этого проэкта формулируется историками, какъ мы видѣли выше, вполнѣ согласно съ данными переписки; но въ вопросѣ о томъ, кто былъ авторомъ этого проэкта, наши источники расходятся: переписка категорически указываетъ на Цезаря, историки всѣ, не исключая и современника—Гирція, единогласно называютъ Куріона.

280. ad Div. VIII. 14: Fert (Caesar) illam conditionem, ut ambo exercitus tradant. См. стр. 80.

App. II. 27. Dio XL. 62. B. G. VIII. 52: Nam C. Curio, tribunus pl., saepe erat senatui pollicitus, si... discederet uterque ab armis exercitusque dimitteret, fore eo facto liberam et sui juris civitatem.

§ 2. По Цицерону, Л. Цезарь представился Помпею въ Теанѣ, по Цезарю—въ Капуѣ.

308. ad Att. VII. 14: L. Caesar mandata Caesaris detulit ad Pompejum,, cum is esset cum coss. Teani.

B. C. I. 10: Acceptis mandatis Roscius (cum L. Caesare) a Caesare Capuam pervenit ibique consules Pompejumque invenit. Срв. хрон. таб.

Примѣч. Цезарь (ib. 8 и 10.) и Діонъ (XLI. 5) говорятъ о Л. Цезарѣ и Росціѣ, между тѣмъ какъ въ перепискѣ мы не находимъ даже имени послѣдняго.

§ 3. Выше мы уже имѣли случай отмѣтить довольно существенное разногласіе между Цицерономъ (переписка) и Цезаремъ (комментаріи) касательно содержанія мирныхъ переговоровъ между Цезаремъ и Помпеемъ (Л. Цезарь и Росцій). Какъ было тамъ же замѣчено, есть основаніе подозрѣвать въ данномъ случаѣ сознательное, тенденціозное искаженіе фактовъ со стороны Цезаря. См. стр. 436 и 437.

§ 4. Тамъ же было отмѣчено нами подобное же разногласіе, граничащее съ противорѣчіемъ, которое заключается въ томъ, что тогда какъ по перепискѣ мирные переговоры были начаты послѣ того, какъ занятіе всего Пицена Цезаремъ сдѣлалось уже совершившимся фактомъ, по Цезарю—наоборотъ: занятіе Пицена является какъ бы результатомъ неудачи мирныхъ переговоровъ, какъ бы отвѣтомъ со стороны Цезаря на упорство его противниковъ. Точно также, Цезарь утверждаетъ (тамъ же), что онъ началъ delectum habere также только *послѣ* несостоявшагося примиренія; въ перепискѣ, напротивъ, находимъ категорическія свидѣтельства относительно того, что *во время* самыхъ переговоровъ Цезарь acerrime delectum habebat. См. стр. 437 и 438.

§ 5. Подобный же рядъ разногласій, граничащихъ съ противорѣчіями, пришлось намъ отмѣтить тамъ же по поводу исторіи съ плѣннымъ Магіемъ и мирныхъ преговоровъ, которые велись при его посредствѣ въ Брундузіѣ. См. стр. 438 и 439.

§ 6. Число когортъ Ульцилла Гирра.

334. ad Att. VIII. II. A: *пять*. См. стр. 175. 178. B. C. I. 13: *шесть*.

§ 7. Въ перепискѣ, какъ припомнимъ, много говорится объ «угрозахъ»—minae, sermones minaces—со стороны Помпея и бѣжавшихъ съ нимъ оптиматовъ по адресу тѣхъ, которые не хотѣли за ними слѣдовать. Цезарь и Діонъ также говорятъ о подобныхъ «угрозахъ», но разнорѣчіе въ томъ, что, между тѣмъ какъ эти послѣдніе говорятъ объ угрозахъ при бѣгствѣ Помпея *изъ Рима*, по перепискѣ выходитъ, что «угрожающія рѣчи» впервые стали вырываться изъ устъ помпеянцевъ лишь наканунѣ ихъ бѣгства *изъ Италіи*.

351. ad Att. IX. 10. — 252. ad Att. IX. 11. См. стр. 197. Dio XLI. 6. B C. I. 33.

Примѣч. Можно было бы, повидимому, примирить это разногласіе тѣмъ предположеніемъ, что каждый изъ разногласящихъ источниковъ говоритъ о томъ, о чемъ умалчиваетъ другой, т. е. что—иначе говоря—мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ *двумя различными фактами*, на одинъ изъ которыхъ даетъ указаніе переписка, на другой Цезарь съ Діономъ. Предположеніе это однако не выдерживаетъ критики. Допустивъ его, было бы невозможно объяснить, почему Цицеронъ, потратившій столько краснорѣчія на то, чтобы заклеймить этотъ «позорный» шагъ правительства во главѣ съ Помпеемъ (т. е. ихъ бѣгство изъ Рима), *умолчалъ* объ этомъ обстоятельствѣ («угрозы»), которое давало такую прекрасную пищу его обличительному настроенію. Итакъ, немыслимо допустить, чтобы Цицеронъ умолчалъ объ этомъ фактѣ, еслибы послѣдній *дѣйствительно* имѣлъ мѣсто. — Но и помимо этого, трудно предположить, чтобы онъ имѣлъ мѣсто *въ данную минуту*. Вопервыхъ, бѣгство Помпея и магистратовъ произошло такъ внезапно, такъ быстро и неожиданно, что едва ли было время для того объявленія, которое, по словамъ Цезаря (I 33.) было сдѣлано Помпеемъ въ сенатѣ (NB: слѣд., нужно было еще *созвать сенатъ!*): eodem se habiturum loco, qui Romae mansissent et qui in castris Caesaris fuissent. Вовторыхъ, бѣгство это было—по крайней мѣрѣ въ первый моментъ—результатомъ охватившей всѣхъ паники при извѣстіи о наступательномъ движеніи Цезаря: но возможно ли представить себѣ людей, которые бѣгутъ въ паническомъ ужасѣ и въ тоже время угрожаютъ другимъ?... Не ближе ли къ истинѣ будетъ предположить, что Діонъ и Цезарь говорятъ въ данномъ случаѣ о томъ же самомъ фактѣ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ перепискѣ Цицерона, но только—по недоразумѣнію ли, или преднамѣренно—ставятъ его въ иную историческую связь? Цезарь могъ, по обыкновенію своему, преувеличить фактъ, а Діонъ, пользовавшійся одинаково и комментаріями и перепиской, но склонный всегда отдавать предпочтеніе Цезарю предъ Цицерономъ, вполнѣ естественно послѣдовалъ въ данномъ случаѣ первому.

§ 8. Муниципіи, въ которыхъ Цезарь оставилъ гарнизоны, возвращаясь въ Римъ послѣ бѣгства Помпея изъ Брундузія.

356,1. ad Att. IX. 15: Брундузій, Тарентъ, *Сипонтъ*. См. стр. 203. App. II. 40: Брундузій, Тарентъ, *Гидрунтъ*.

§ 9. Отношеніе Цезаря къ сенату въ первый его пріѣздъ въ Римъ, послѣ бѣгства Помпея изъ Италіи.

366,8. ap Att. X. 4: at ille impendio nunc magis odit senatum. См. стр. 207. 367,1. ad Div. VIII. 16: iratus senatui: См. стр. 209.

Plut. 35: Ἐπεὶ δὲ καὶ τὴν πόλιν εὗρε μᾶλλον ἢ προσεδόκα καθεστῶσαν καὶ τῶν ἀπὸ βουλῆς ἐν αὐτῇ συχνούς, τούτοις μὲν ἐπιεικῆ καὶ δημοτικὰ διελέχθη, παρακαλῶν αὐτούς etc.

§ 10. Различіе во взглядахъ на фактъ бѣгства Помпея изъ Италіи. 1) Въ перепискѣ мы находимъ два различные взгляда. По взгляду самого *Помпея*, шагъ этотъ является, съ одной стороны, результатомъ необходимости, съ другой — сознательнымъ стратегическимъ маневромъ (336. ad Att. VIII. 12. C.). По взгляду *Цицерона*, этотъ шагъ представляетъ собою не отчасти, а исключительно слѣдствіе разсчета, но разсчета не столько стратегическаго, сколько политическаго (334. ad Att. VIII. II. См. стр. 201). 2) Изъ историковъ, *Діонъ* видитъ въ бѣгствѣ Помпея искусный стратегическій маневръ (Dio XLI. 10). По *Ливію*, насколько позволяетъ судить о его взглядѣ на этотъ предметъ краткость эпитомическаго изложенія, выходитъ наоборотъ, что этотъ шагъ Помпея былъ вполнѣ вынужденный, былъ результатомъ внѣшней необходимости—и только; онъ говоритъ даже не о *бѣгствѣ*, а объ *изгнаніи* Помпея изъ Италіи Цезаремъ (Liv. epit. 109: Cn. Pompejum ceterosque partium ejus Italia expulit).

§ 11. Рѣзкое разногласіе между показаніями переписки и свидѣтельствомъ прочихъ источниковъ встрѣчаемъ относительно факта назначенія Цезаремъ магистратовъ на нѣсколько лѣтъ впередъ (въ виду предполагавшагося имъ продолжительнаго похода противъ Парѳянъ). Въ перепискѣ мы имѣемъ одно вполнѣ опредѣленное категорическое указаніе на то, что Цезарь назначилъ «консуловъ и трибуновъ впередъ на *два года*» (685,2. ad Att. XIV. 6). Діонъ говоритъ не менѣе категорически, что магистраты были назначены впередъ на *три года*, такъ какъ столько именно времени предполагалъ Цезарь потратить на предположенную войну съ Парѳянами (Dio XLIII. 51). Аппіанъ называетъ періодъ въ *пять лѣтъ* (App. II. 128). Менѣе опредѣленно говоритъ Свѣтоній: «на *нѣсколько лѣтъ* впередъ» (Suet. Caes 76). Такимъ образомъ показанія историковъ не только идутъ въ разрѣзъ съ сви-

дѣтельствомъ переписки, но также расходятся и между собою. Само собою понятно, что эти разнорѣчивыя показанія позднѣйшихъ историковъ теряютъ всякое значеніе въ виду категорическаго свидѣтельства современника—Цицерона.

685,2. ad Att. XIV. 6. (12 апр. 710 г.): Quid enim miserius, quam ea nos tueri, propter quae illum (sc. Caesarem) oderamus? Etiamne consules et tribunos pl. *in bienniùm*, quos ille voluit?

App. II. 128: ἐς γὰρ πενταετὲς [ὡς ἴστε] καὶ τὰ ἀστυκὰ ὑμῖν καὶ τὰ ἐτήσια καὶ τὰς τῶν ἐθνῶν ἢ στρατοπέδων ἡγεμονίας διετάξατο. Dio XLIII. 51: ὅπως ἐκεῖνος πλείοσιν ὑπηρέταις χρῆσθαι ἔχῃ καὶ ἥ τε πόλις μετ' ἄνευ ἀρχόντων ἐν τῇ ἀπουσίᾳ αὐτοῦ γενηται, μήτ' αὖ καθ' ἑαυτὴν αἱρουμένη τινὰς στασιάσῃ, διενοοῦντο μὲν καὶ ἐς τρία ἔτη αὐτοὺς προκαταστῆσαι· τοσούτου γὰρ χρόνου πρὸς τὴν στρατείαν χρήζειν ἐδόκουν. Suet. 76: Eadem licentia, spreto patriae more, magistratus in *plures annos* ordinavit.

ДАННЫЯ ПРОТИВОРѢЧИВЫЯ.

§ 1. Письмо Цезаря къ сенату (въ концѣ 704 г.).

301,2. ad Div. XVI. 12: *acerbae literae et minaces* См. стр. 144.

B. C. I. 5: *lenissima postulata.* Срв. хрон. таб.

Примѣч. По всей вѣроятности, Цезарь разумѣетъ подъ lenissima postulata именно это письмо свое къ сенату, которое Цицеронъ называетъ acerbae literae et minaces, и о которомъ болѣе подробно говорятъ Діонъ (XLI. 1.) и Аппіанъ (II. 32.); также Плутархъ (Caes. 30.), Свето ній (Caes. 29. Срв. Vell. II. 49. Liv. epit. 109). Ни Цицеронъ, ни Цезарь ничего не говорятъ о *содержаніи* самаго документа *по существу*, а говорятъ только о *характерѣ* его, и вполнѣ понятнымъ образомъ расходятся въ своихъ сужденіяхъ до самаго рѣзкаго противорѣчія. Но въ сущности, разумѣется, каждый изъ нихъ по своему правъ, ибо то, что съ точки зрѣнія Цезаря было «самыми скромными требованіями», то Цицерону могло представляться «дерзостью» и «угрозой». Еслибы мы захотѣли добраться, мимо этихъ субъективныхъ противорѣчій, до объективной фактической истины, то тутъ намъ пришлось бы имѣть дѣло съ новыми противорѣчіями, противорѣчіями между историками. Разборъ этихъ противорѣчій однако не входитъ въ нашу задачу, и мы ограничимся простымъ указаніемъ на нихъ. Показанія Діона и Светонія клонятся въ пользу Цезаря. Если вѣрить послѣднему, то письмо Цезаря было напи-

сано въ самомъ скромномъ, просительномъ тонѣ; Цезарь проситъ сенатъ «не лишать его того, что̀ онъ имѣетъ по милости народа римскаго, или же приказать и прочимъ военачальникамъ распустить свои войска» (Suet. 29). Діонъ передаетъ болѣе подробно содержаніе письма. Во вступленіи Цезарь излагалъ, по словамъ Діона, свои заслуги въ отношеніи республики; затѣмъ оправдывался противъ взводимыхъ на него обвиненій, и наконецъ обѣщалъ съ своей стороны распустить войско, если то же самое сдѣлаетъ и Помпей. (Dio XLI. 1). Если дѣйствительно таково было содержаніе письма Цезаря, то послѣдній имѣлъ полное право назвать свои требованія lenissima postulata. Если послушать Аппіана, то письмо было написано въ гораздо болѣе энергическомъ тонѣ, и въ заключеніе Цезарь будто бы дѣйствительно «угрожалъ», угрожалъ «отмстить», въ случаѣ отказа, «за обиды отечества и за свои собственныя» (App. II. 32).

§ 2. Бѣгство трибуновъ. *Цицеронъ* говоритъ (301, 2, ad Div. XVI. II): Antonius et Cassius, *nulla vi expulsi*, ad Caesarem profecti erant. *Плутархъ*, напротивъ, говоритъ, что консулы τῆς βουλῆς Ἀντώνιον καὶ Κουρίωνα προπηλακίσαντες ἐξήλασαν ἀτίμως (Plut. Caes. 31.). *Аппіанъ* также говоритъ, что консулы ἐκέλευον τοῖς ἀμφὶ τὸν Ἀντώνιον ἐκστῆναι τοῦ συνεδρίου (App. II. 33.). Что до самого *Цезаря*, то онъ говоритъ только о *бѣгствѣ* трибуновъ (B. C. I. 5.: Profugiunt statim ex urbe tribuni pl. seseque ad Caesarem conferunt), но ни о какомъ насиліи, ни о какомъ «изгнаніи» трибуновъ не говоритъ. Слѣд. Цезарь молчаливо соглашается съ тѣмъ, что̀ категорически утверждаетъ Цицеронъ; а одного этого достаточно—кажется намъ—для того, чтобы заподозрить достовѣрность противорѣчащихъ имъ показаній Плутарха и Аппіана; тѣмъ болѣе, что трудно предположить, чтобы Цезарь, не останавливавшійся, какъ мы видѣли, даже предъ явнымъ искаженіемъ фактовъ въ видахъ самооправданія,—чтобы въ данномъ случаѣ онъ умолчалъ о фактѣ, который такъ близко отвѣчалъ бы этимъ его видамъ, еслибы только послѣдній имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности. *Свѣтоній* точно также говоритъ только о бѣгствѣ или точнѣе, объ *удаленіи* трибуновъ изъ Рима (Suet. 31: urbe cessisse), и ни слова объ изгнаніи.

§ 3. Занятіе Сициліи Куріономъ (бѣгство Катона) и возвращеніе Цезаря въ Римъ. Хронологическая послѣдовательность этихъ двухъ фактовъ является обратною въ перепискѣ Цицерона и въ запискахъ Цезаря. Разсказавъ о занятіи Сардиніи Валеріемъ и Сициліи Куріономъ (Caes. B. C. I. 30—31), Цезарь продолжаетъ (ib. 32): His rebus confectis Caesar milites in proxima municipia deducit; ipse ad urbem proficiscitur. Итакъ, Цезарь отправился въ Римъ *послѣ* того, какъ Сицилія была занята Куріономъ. Между тѣмъ въ перепискѣ мы находимъ довольно точныя хронологическія даты того и другаго факта,—даты, изъ которыхъ явствуетъ, что названные факты слѣдовали какъ разъ въ противоположной хронологической послѣдовательности. А именно. Выше, на основаніи данныхъ переписки, намъ удалось довольно точно установить приблизительную дату прибытія Цезаря въ Римъ (послѣ бѣгства Помпея изъ Брундузія): *не ранѣе 30 марта и не позднѣе 1 апрѣля* (см. стр. 203—204.) Для другаго же факта—бѣгства Катона изъ Сициліи—имѣемъ уже вполнѣ точную дату: *23 апр.* того же года (382, 3. ad Att. X. 16. См. стр. 213).

Разумѣется, что подобное вопіющее противорѣчіе такъ же трудно примирить, какъ трудно его разрѣшить въ пользу Цезаря; данныя переписки въ настоящемъ случаѣ неоспоримо достовѣрны, а потому приходится допустить въ данномъ случаѣ у Цезаря одну изъ тѣхъ фактическихъ неточностей, тенденціозные образцы которыхъ приведены были выше.

Примѣч. Въ изложеніи Діона послѣдовательность двухъ упомянутыхъ фактовъ неясна. Правда, о возвращеніи Цезаря въ Римъ онъ разсказываетъ ранѣе (Dio. XLI. 15.), чѣмъ о занятіи Сициліи Куріономъ (ib. 18.), но не видно, чтобы въ данномъ случаѣ литературная послѣдовательность изложенія соотвѣтствовала хронологической послѣдовательности событій.

ДАННЫЯ ДОПОЛНЯЮЩІЯ.

§ 1. Эпизодъ объ ager Campanus. (Май 703 г.).

225, 4. ad Div. VIII. 10. См. стр. 69.

§ 2. Пареянскій вопросъ.

214, 1. ad. Att. V. 18.—225, 1. ad. Div. VIII. 10.—204. ad Att. V 14.—195 ad Att. V. 9.—208, 4 ad Att. V. 16.—280. ad Div. VIII. 14.—250, 3. ad Att. V. 21. См. стр. 69—71. Срв. стр. 80.

Примѣч. У историковъ упоминается вскользь только о пареянской войнѣ (а не вообще о пареянскомъ вопросѣ и вызванныхъ имъ пререканіяхъ). Dio. XL. 65. B. G. VIII. 54. B. C. I. 4.

§ 3. 13 ноября 704 г., какъ крайній срокъ проконсульскихъ полномочій Цезаря. (Іюль 704 г.).

267, 3. ad Div. VIII. 11. См. стр. 76. Срв. хрон. таб.

§ 4. Предложеніе М. Марцелла о переговорахъ съ трибунами по вопросу о Цезарѣ (отвергнуто сенатомъ). (Іюнь 704 г.)

272, 2. ad Div. VIII. 12.—298, 5. ad Att. VII. 7. См. стр. 77—79.

§ 5. Рѣчь Антонія на форумѣ 23 дек. 704 г. (противъ Помпея).

299. ad Att. VII. 8. См. стр. 88. Также хрон. таб.

§ 6. Начало раскола въ партіи Помпея.

296. ad Att. VII—5. См. стр. 92 и далѣе.

§ 7. Настроеніе римскаго общества вообще и земледѣльческаго класса въ особенности наканунѣ гражданской войны.

296. ad Att. VII. 5.—297. ad Att. VII. 6.—298. ad Att. VII. 7. См. стр. 92—94.

§ 8. Организація набора въ Италіи (раздѣленіе Италіи на округи; ἐπίσκοποι).

301, 3. ad Div. XVI. II.—307, 7. ad Att. VII. 13.—320. ad. Att. VII. 23—310, 5. ad Div. XVI. 12. См. стр. 146—147. Также хрон. таб.

§ 9. Цезарь хлопочетъ о возвращеніи Цицерона въ Римъ.

314. ad Att. VII. 17. См. стр. 188. Также хрон. таб.

§ 10. Подробности набора въ Кампаніи. Двукратная командировка Цицерона въ Капую и ея результаты. (Янв. и февр. 705.)

310, 4. ad Div. XVI. 12.—308, 2. ad Att. VII. 14.—334. ad Att. VIII. II. B. 2.—307. ad Att. VII. 13.—311. ad Att. VII. 16.—314, 5. ad Att. VII. 17.—318. ad Att. VII. 21.—320, 3. ad Att. VII. 23. 326, 4. ad Att. VIII. 3.—317. ad Att. VII. 20. См. стр. 165—168. Срв. стр. 146—147. Также хрон. таб.

§ 11. Рессурсы Цезаря и Помпея наканунѣ гражданской войны.

a.) *Рессурсы Цезаря.* 307. ad Att. VII. 13: (Caesar) valet exercitu. 298, 6. ad Att. VII. 7: Legiones XI, equitatus tantum, quantum volet. См. стр. 157.

b.) *Рессурсы Помпея.* 309, 3 ad Att. VII. 15: Sumus flagitiose imparati cum a militibus, tum a pecunia... Urbs nuda praesidio. 307. ad

Att. VII. 11: Spes omnis in duabus invidiose retentis, paene alienis, legionibus. См. стр. 158—160

§ 12. Кассій вытѣсненъ изъ Анконы.

315. ad Att VII. 18. См. стр. 170.

§ 13. Помпей отправляетъ Кассія къ консуламъ, въ Капую, въ февр. 705 г., съ приказомъ «идти немедленно въ Римъ, и захвативъ тамъ изъ священнаго эрарія деньги, немедленно возвращаться обратно».

318. ad Att. VII. 21. См. стр. 173.

§ 14. Второй актъ «повальнаго бѣгства» оптиматовъ—бѣгство изъ Капуи къ Помпею (въ Люцерію, потомъ въ Брундузій). (Февр. 705 г.)

320, 3. ad Att. VII. 23.—321. ad Att. VII. 24.—334. ad Att. VIII. 11. B.—309, 2. ad Att. VII. 15. См. стр. 177.

§ 15. Планъ Помпея (и идея Цицерона).

334. ad Att. VIII. 11. A.—320 ad Att. VII 23.—336. ad Att. VIII. 12. B.—329. ad Att. VIII. 5.—324. ad Att. VII. 1.—325, 3. ad Att. VIII. 2.—326. ad Att. VIII. 3. См. стр. 177—178.

§ 16. Помпей призываетъ Цицерона и консуловъ въ Люцерію.

334. ad Att. VIII. 11. A.—336. ad Att. VIII. 12. A.

§ 17. Корфинійское дѣло. Переписка между Помпеемъ и Домиціемъ наканунѣ и во время осады Цезаремъ Корфинія.

336. ad Att. VIII. 12. B. C. D. См. 179—182. Срв. хрон. Таб.

§ 18. Редэмиграція оптиматовъ въ Римъ наканунѣ паденія Корфинія.

324. ad Att. VIII. 1—340. ad Att. VIII. 16.—341. ad Att. IX. 1. См. стр. 185.

§ 19. Попытка Цезаря подкупить консула Лентула. (Февр. 705 г).

332, 4. ad Att. VIII. 9.—334. ad Att. VIII. 11. C.—339. ad Att. VIII. 15. A. 2.—Срв. 340. ad. Att. VIII. 16 и др. См. стр. 189.

§ 20. Попытка Цезаря привлечь Цицерона къ посредничеству между нимъ и Помпеемъ наканунѣ бѣгства Помпея изъ Брундузія.

348. ad Att. IX. 7. A. B. См. стр. 194.

§ 21. Поворотъ въ настроеніи общественнаго мнѣнія относительно Цезаря и Помпея.

332. 3. ad Att. VIII. 9.—341. ad Att. IX. 1.—340. ad Att. VIII. 16.—347, 1. ad Att. IX. 6.—Срв. 356. ad Att. IX. 15. и др. См. стр. 197—200.

§ 22. Свиданіе Цезаря съ Цицерономъ въ Arpinum'ѣ въ концѣ марта 705 г.

359. ad Att. IX. 18: („age de pace"). См. стр. 204.

§ 23. Попытка Антонія предупредить бѣгство Цицерона изъ Италіи. (Апр. 705 г.).

374, 10 ad Att. X. 8. Также ib. A. и B. См. стр. 239.

§ 24. Данныя для характеристики роли и образа дѣйствій Антонія въ Италіи въ отсутствіе Цезаря.

374. ad Att. X. 8. A.—376, 2. и 5. ad Att. X. 10.—379. ad Att. X. 13. См. стр. 215—216.

§ 25. Распоряженіе Цезаря о недопущеніи *выѣзда изъ Италіи.* (705 г.).

376, 3. ad Att. X. 10. См. стр. 215. Срв. 292. Также ниже § 27.

§ 26. Причины пораженія Помпея (при Фарсалѣ).

446. ad Div. IX—6.—324, 2. ad Div. XV. 15.—452, 2. ad Div. VII. 3.—438, 2. ad Div. V. 21.—304. ad Att. XI. 9. См. стр. 285—286.

§ 27. Распоряженіе Цезаря о воспрещеніи *выѣзда въ Италію* людямъ Помпеевой партіи, за исключеніемъ Цицерона и Лелія. (706 г.).

400. ad Att. XI. 7. См. стр. 292. Срв. выше стр. 215. Также § 25.

§ 28. Возмущеніе 12-го легіона. (Авг. 707 г.).

См. стр. 296. Также хрон. таб.

§ 29. Доступъ къ Цезарю, какъ привилегія (*jus adeundi*).

465. ad Div. VI. 13.—464. ad Div. IV. 7.—680, 2. ad Att. XIV. 1.—481, 3. ad Att. XIV. 2. См. стр. 322.

§ 30. Поведеніе Цезаря въ его новой роли «побѣдителя» (послѣ африк. в.) (Справедливость, безпристрастіе, снисходительность).

469. ad Div. IV. 4.—514. ad Div. VI. 12. См. стр. 323. Срв выше, данн. согл. § 9.

§ 31. Амнистія бывшимъ противникамъ Цезаря (Д. Брутъ, Кассій, М. Марцеллъ, Лигарій и др.) и возвращеніе имъ прежнихъ правъ и почестей.

470, 10. 11. ad Div. VI. 6.—469, 3. ad Div. IV. 14.—475. ad Div. VI. 14. Срв. 481. ad Div. XIII. 11.—482. ad Div. XIII. 12.—484. ad Div. XIII. 14 и др. См. стр. 323.

§ 32. Положеніе сената относительно Цезаря и его политическое значеніе (=ничтожество).

469. ad Div. IV. 4.—473. ad Div. IX. 15. См. стр. 324—326.

§ 33. Эпизодъ изъ испанской в.: заговоръ и казнь Саласса.

521, 2. ad Div. VI. 18. См. стр. 327.

§ 34. Враждебное отношеніе къ дѣлу Помпея-сына въ Испаніи со стороны республиканскихъ патріотовъ.

526, 1. ad. Div. VI. 4.--523, 4. ad Div. XV. 19. См. стр. 327—8.

§ 35. Внезапное и многимъ показавшееся, подозрительнымъ возвращеніе Антонія въ Римъ.

535, 2. ad Att. XII. 19.—536, 1. ad Att. XII. 12. См. стр. 399.

§ 36. Литература политическихъ памфлетовъ противъ Цезаря во время 2-й Исп. в. Кромѣ цицероновскаго «Катона», о которомъ упоминаютъ историки, переписка знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ же произведеній другихъ авторовъ.

634, 2. ad Att. XIII. 48—537, 1. ad Att. XII. 21.—629, 2. ad Att. XIII. 46.—639, 1. ad Div. VII. 25.—636. 2. ad Div. VII. 24.—621, 3. ad Att. XIII. 37. См. стр. 196—198. Также хрон. таб.

§ 37. Новая попытка Цезаря склонить Цицерона къ возвращенію въ Римъ. (Авг. 709 г.)

633, 2. ad Att. XIII. 47. См. стр. 405.

§ 38. Кромѣ приведенныхъ частныхъ данныхъ дополняющихъ, мы имѣемъ въ перепискѣ двѣ отдѣльныя категоріи послѣднихъ, о чемъ уже было говорено выше. Это, вопервыхъ, *данныя хронологическія* и, вовторыхъ, *данныя отношеній*; первыя сведены нами въ хрон. таб., послѣднія сгруппированы въ главахъ второй части, трактующихъ объ отношеніяхъ Цицерона къ событіямъ и партіямъ и къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ.

ДАННЫЯ НЕДОСТАЮЩІЯ.

§ 1. Самовольный поступокъ М. Марцелла: вручаетъ Помпею чрезвычайную власть.

Dio XL. 64: καὶ τήν τε φυλακὴν αὐτῷ τῆς πόλεως καὶ δύο στρατόπεδα πολιτικὰ αὐτὸς καθ' ἑαυτὸν μηδενὸς ἐψηφισμένου ἔδωκεν. App. II. 31: (καὶ ὁ Κλαύδιος) ξίφός τε ὀρέγων τῷ Πομπηίῳ· Κελεύω σοι, ἔφη, κἀγὼ καὶ ὅδε χωρεῖν ἐπὶ Καίσαρα ὑπὲρ τῆς πατρίδος. Cpr. Plut. Pom. 59.

Примѣч. Въ перепискѣ упоминается только о *сенатскомъ постановленіи* этого рода (senatusconsultum ultimum), которое состоялось позднѣе этого самовольнаго распоряженія Марцелла.

301, 3. ad Div. XVI. 11.—B. C. I. 5. Vell. II. 49. Dio. XLI. 3. Срв. Liv. epit. 109. См. стр. 145.

§ 2. Засѣданіе сената *extra urbem*, въ присутствіи Помпея, въ нач. 705 г.

B. C. I. 6.

§ 3. Предложеніе объявить Юбу *socium et amicum* и протестъ М. Марцелла.

Ib.

§ 4. Исторія перехода Цезаря чрезъ Рубиконъ. (10—13 янв. 705 г.)

Vell. II. 49. Plut. 20 и 32. Plut. Pom. Suet. 31—32. App. II. 35. Dio XLI. 4. B. C. I. 7. Срв. Liv. epit. 109.

Примѣч. Слова произнесенныя Цезаремъ:

Suet. 32: *jacta est alea!*

Plut. 32: ἀνερρίφθω κύβος!

App. II. 35: ὁ κύβος ἀνερρίφθω!

§ 5. Миссія Росція.

Dio. XLI. 5. B. C. I. 8—9. Срв. данн. разн. § 2, прим.

§ 6. Занятіе Игувія Куріономъ (бѣгство Терма).

B. C. I. 12.

§ 7. Занятіе Авксима (бѣгство Аттія).

Ib. 12—13.

§ 8. Цезарь отпускаетъ плѣнныхъ Аттія и Пуппія.

Ib. 13.

§ 9. Причина, почему Цезарь не пошелъ прямо на Римъ: онъ понималъ, что Римъ будетъ ἄθλον τοῖς κρατήσουσι.

Dio XLI. 10.

§ 10. Цезарь разсылаетъ по всей Италіи прокламаціи (γράμματα), съ цѣлью склонить на свою сторону населеніе и возстановить его противъ Помпея.

Dio XLI. 10.

§ 11. Цезарь съ двумя легіонами идетъ на Asculum; Лентулъ Спинтеръ бѣжитъ оттуда съ десятью когортами, при чемъ почти всѣ солдаты его оставляютъ.

B. C. I. 15.

§ 12. Исторія взятія Сульмона войсками Цезаря (Антоній).
B. C. I. 18.

§ 13. Исторія осады и взятія Корфинія Цезаремъ.
Vell. II. 50. Plut. 34. Suet. 34. App. II. 38, Dio XLI. 10—11. B. C. I. 18—23. Срв. Liv. epit. 109. См. хрон. таб.

§ 14. Рутилій Руфъ изъ Таррацины съ тремя когортами переходитъ къ Курію.
B. C. I. 24.

§ 15. Подробности бѣгства Помпея изъ Брундузія.
Plut. 35. App. II. 40. Dio XLI. 12. B. C. I. 28. См. хрон. таб.

§ 16. Постройка флота Цезаремъ.
B. C. I. 30.

§ 17. Бѣгство Котты изъ Сардиніи.
Ib. См. хрон. таб.

§ 18. Рѣчь Цезаря въ сенатѣ по возвращеніи въ Римъ (въ 705 г.).
Vell. II. 50. Dio XLI. 15. B. C. I. 32.

§ 19. Экспедиція Куріона въ Африку и его конецъ.
B. C. 23—42. Suet. 36. App. II. 44—45.

§ 20. Исторія испанской войны и осады Массиліи.
Vell. II. 50. Suet. 34. App. II. 42—43. Dio XLI. 19—25. B. C. I. 34—87. II. 1—21. Срв. Liv. epit. 110. Срв. хрон. таб.

§ 21. Цезарь Dictator I.
App. II. 48. Dio XLI, 26. B. C. II, 21.

§ 22. Выборы магистратовъ на 706 г. подъ предсѣдательствомъ Цезаря. Консулы—Цезарь и Сервилій.
Plut. 37. App. II. 48. Dio XLI. 36. B. C. III. 1.

§ 23. Распоряженія Цезаря относительно долговыхъ обязательствъ и оцѣнки недвижимыхъ имуществъ.
Plut. 37: σεισάχθεια. App. II. 48. Dio XLI. 37. B. C. III. 1.

§ 24. Чрезъ одиннадцать дней Цезарь слагаетъ съ себя диктатуру.
Plut. 37. App. II. 48. Dio XLI. 36. B. C. III. 1.
Примѣч. По Аппіану это случилось ранѣе, чѣмъ Цезарь былъ consul creatus.

§ 25. Экспедиція Цезаря въ Эпиръ. Фарсальская битва.

Vell. II. 52. Plut. 37—44. Suet. 35. App. II. 52—62. Dio XLI. 44—55. 62. B. C. III. 6—19. Срв. Liv. epit. 111. Также хрон. таб.

§ 26. Подробности дѣла Целія.

B. C. III. 20—22. App. II. 22. Срв. хрон. таб.

§ 27. Цезарь преслѣдуетъ Помпея послѣ Фарсала.

Vell. II. 53. Plut. 48. Suet. 35. App. II. 83—89. Dio XLII. 6—7. B. C. III. 102. 105—106. Срв. Liv. epit. 112.

§ 28. Цезарь Dictator II. (M. Antonius Mag. eq.).

Plut. 51. Dio XLII. 18—21. Срв. Liv. epit. 112.

§ 29. Исторія Александрійской войны.

Plut. 49—50. Suet. 35. App. II. 88—90. Dio XLII. 7—8. 34—44. B. C. III. 106—112. De B. Alex. liber. Срв. Liv. epit. 112.

§ 30. Война съ Фарнакомъ и дѣла Цезаря въ Азіи.

Vell. II. 55. Plut. 50. Suet. 35. App. II. 91. Dio XLII. 45—48. B. Alex. 34—41. 65—78. Срв. Liv. epit. 113.

§ 31. Возвращеніе Цезаря въ Римъ.

Plut. 51. App. II. 92. Dio XLII. 49. B. Alex. 78. См. хрон. таб.

§ 32. Нововведенія Цезаря въ Римѣ. Такса на предметы потребленія. Увеличеніе числа должностныхъ лицъ. Раздача друзьямъ жреческихъ и государственныхъ должностей на слѣдующій (708) годъ. Назначеніе въ сенатъ офицеровъ.

Dio XLII. 51.

§ 33. Возмущеніе легіоновъ.

Plut. 51. App. II. 92: στάσις τοῦ στρατοῦ. Suet. 70. Срв. Liv. epit. 113: veteranorum seditio.

§ 34. Африканская война.

Vell. II. 55. Plut. 52—54. Suet. 35. App. II. 95—100. Dio XLII. 58. XLIII. 1—13. B. Afr: Срв. Liv. epit. 113: Caesar, cum in Africam trajecisset, contra copias Jubae regis cum discrimine magno pugnavit.

§ 35. Сенатскія постановленія въ честь Цезаря.

Dio XLIII. 14.

§ 36. Цезарь Dictator III. (на 10 лѣтъ).

Suet. 76. Dio XLIII. 14. B. Hisp. 2.

§ 37. Тріумфы, пиры, игры, зрѣлища.

Vell. II. 56. Plut. 55. Suet. 37—39. App. II. 102. Dio XLIII. 19—23. Срв. Liv. epit. 115: Caesar quattuor triumphos duxit: ex Gallia,

ex Aegypto, ex Ponto, ex Africa; epulum et omnis generis spectacula dedit.

§ 38. Новыя мѣры Цезаря.

Сокращеніе числа гражданъ, имѣющихъ право на казенный хлѣбъ. Plut. 55. Suet. 40. App. II. 102. Dio XLIII. 21.—Реформа судопроизводства. Suet. 41. Dio XLIII. 25.—Ius liberorum. Dio XLIII. 25.

§ 39. Ограниченіе срока намѣстничества въ провинціи и командованія арміей.

Ib.

§ 40. Реформа календаря.

Plut. 59. Suet. 40. Dio XLIII. 26.

§ 41. Вторая испанская война.

Vell. II. 55. Suet. 35. Plut. 56. App. II. 103—106. Dio XLIII. 28—42. B. Hisp. Срв. Liv. epit. 115.

§ 42. Почести и почетныя привилегіи, декретированныя сенатомъ Цезарю.

Suet. 84. 86. Plut. 57—58. App. II. 106—107. Dio XLIII. 42—45. XLIV. 4—6. Срв. Liv. epit. 116: plurimi maximique honores a senatu decreti.

§ 43. Цезарь Dictator IV (пожизненно).

Plut. 57. App. 106. Dio XLIV. 8. Срв. Liv. epit. 116: dictator in perpetuum.

§ 44. Новыя мѣропріятія и реформы Цезаря.

Увеличеніе числа сенаторовъ. Suet. 41. Dio XLII. 47. Срв. Suet. 72. 76. 80.—Распродажа обществ. полей и раздача денегъ своимъ приверженцамъ. Dio XLII. 47.—Мѣры для развитія просвѣщенія. Plut. 42. 44.—Мѣры относительно долговыхъ обязательствъ, относительно культа. Ib.—Мѣры касательно правосудія. Ib. 43.—Мѣры къ украшенію Рима; мѣры экономическія и финансовыя. Ib.

§ 45. Заговоръ противъ Цезаря.

Vell. II. 56: *conjuratio.* Suet. 80: *conspiratum est.* Plut. 62—63. App. II. 111—113. Dio XLIV. 12—14. Срв. Liv. epit. 116: *conspiratio.*

§ 46. Торжественный въѣздъ Цезаря въ Римъ во время латинскихъ ферій (26 янв. 710 г.): «царь.»

Plut. 60, Срв. Corp. inscr. lat.: Acta triumph. XXVIII. См. хрон. таб.

§ 47. На праздникѣ Люперкалій Антоній подноситъ Цезарю діадему. (15 февр. 710 г.).

Plut. 61. Suet. 79. App. II. 109. Dio XLIV. 11.

§ 48. Послѣдніе дни Цезаря.
Vell. II. 57. Plut. 63. Dio XLIV. 17. App. II, 114—115.

§ 49. Предзнаменованія предъ смертью Цезаря.
Vell. II. 57: plurima praesagia atque indicia. Plut. 63: σημεῖα θαυμαστὰ καὶ φάσματα. Suet. 81: prodigia evidentia. App. II. 15: σημεῖα φοβερά. Dio XLIV. 17: μάντεις, ὀνείρατα, σημεῖα.

§ 50. Подробности событія 15 марта 710 г.
Vell. II. 56. Plut. 69. Suet. 801 82. App. II. 116—117. Dio XLIV. 8—20. Срв. Liv. epit. 116. См. хрон. таб.

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

Стран.	Строкъ.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
11	8 св.	находили	находимъ
52	2 сн.	705 годъ	706 годъ
54	5 сн.	іюня	іюля
54	3 сн.	іюня	іюля
57		*На этой стр. и далѣе вмѣсто* 30 сентября *слѣдуетъ* 29 сентября.	
105	1 св.	благоговѣніемъ	благоволеніемъ
150	10 сн.	10—15 января	10—13 января
168	17 сн.	Цицеронъ	Цезарь
257	13 св.	уваженію	улаженію
261	15 св.	представляютъ	представаетъ
262	7 сн.	немногочисленностью	многочисленностью
268	10 св.	εὐεργέτες	εὐεργέτης
269	9 сн.	χαίρεια	χαίρειν
269	3 сн.	совершимся	совершившимся
294	8 св.	другому	этому
313	9 св.	49	94
321	4 сн.	Туллію	Тулліи
327	4 и 8 св.	Кв. Салассъ	II. Курцій.
334	9 св.	находящій	едва находящій
351	15 сн.	но	по
371	16 св.	4 сентября	15 сентября
372	1 св.	4 сентября	15 сентября
406	5 св.	.	?
425	4 сн.	обревіаціи	абревіаціи
428	16 св.	gesunder	gesundes
438	2 сн.	даны	данныя согласныя § 45.
414	§ 22	describuntus	describundis
448	§ 52	Ἰτακίᾳ	Ἰταλίᾳ
453	8 и 17 св.	стр. 277	стр. 411.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

БѢГЛЫЙ ОБЗОРЪ ПЕРЕПИСКИ ЦИЦЕРОНА

ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ *).

Acilius. Имѣются только письма къ нему Цицерона. Большинство ихъ относится къ 708 г., т. е. ко времени проконсульства Ацилія въ Сициліи (преемникъ Алліена). Письма *708 г.*: 498—507. **) и *710 г.*: 654. Все это исключительно *рекомендательныя письма*, данныя Цицерономъ своимъ кліентамъ въ Сициліи, и никакого значенія для исторіи Цезаря не имѣютъ.

A. Allienus. Преторъ 705 г. Имѣются только два письма къ нему Цицерона; оба они относятся къ *708 г.* и имѣютъ такой же характеръ, какъ и предыдущія. 435. 436.

T. Ampius Balbus. Ярый помпеянецъ, прозванный цезаріанцами *tuba belli civilis*. Послѣ Фарс. б. удалился въ изгнаніе.—Единственное имѣющееся на лицо письмо къ нему Цицерона, относящееся къ *708 г.* (514.), въ которомъ послѣдній извѣщаетъ его о послѣдовавшемъ отъ Цезаря дозволеніи возвратиться ему на родину, не лишено значенія для характеристики партійныхъ отношеній въ данный моментъ.

M. Antonius. Бѣжавшій къ Цезарю вмѣстѣ съ Куріономъ и Кассіемъ наканунѣ гражд. в., бывшій затѣмъ однимъ изъ самыхъ близкихъ людей Цезаря, впослѣдствіи triumvirъ и виновникъ смерти Цицерона.—Сохранились два письма его къ Цицерону (одно сохранившееся письмо къ нему Цицерона не входитъ въ нашъ отдѣлъ), относящіяся оба къ тому времени, когда Антоній, послѣ отплытія Цезаря въ Испанію въ 705 г., остался къ качествѣ чрезвычайнаго намѣстника Италіи. 374. A. 376,2. Чрезвычайно любопытные документы.

App. Claudius Pulcher. Предшественникъ Цицерона по проконсульству въ Киликіи и одинъ изъ столповъ оптиматской партіи. Имѣются только письма къ нему Цицерона и всѣ они относятся къ времени предшествующему гражд. войнѣ, именно къ *703—701 г.*: 191. 194. 205. 213. 222. 244. 249. 261. 265. 275. 277. Всѣ эти письма имѣютъ характеръ полусвѣтской полудѣловой переписки и, при всей своей сравнительной многочисленности и обширности, мало имѣютъ значенія для исторіи Цезаря, хотя — съ другой стороны — для характеристики самого Цицерона это одинъ изъ богатѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ отдѣловъ переписки.

---

*) Имѣется въ виду переписка съ мая 703 г. до февр. 710 г.

**) Указаны только номера писемъ по изд. Виллербека.

L. Corn. Balbus. Одинъ изъ близкихъ людей Цезаря. Четыре письма его къ Цицерону (одно писано имъ вмѣстѣ съ Оппіемъ) всѣ относятся къ началу гражд. в. 339. A. 348. A. и B. 354. A. Даютъ столько же любопытныя, сколько важныя для исторіи Цезаря указанія; въ частности, представляютъ прекрасный комментарій къ характеристикѣ отношеній между Цезаремъ и Цицерономъ.

M. Brutus. Знаменитый убійца Цезаря—помпеянецъ, получившій послѣ Фарсала амнистію и назначенный Цезаремъ пропреторомъ Цис. Галліи, а потомъ преторомъ въ Римѣ, въ каковой должности и сдѣлался, вмѣстѣ съ Кассіемъ, главою заговора противъ Цезаря. — Дошедшія до насъ пять писемъ Цицерона къ М. Бруту всѣ относятся къ времени проконсульства послѣдняго въ Галліи, въ *708* г.: 437. 481—484. Все это исключительно *рекомендательныя письма*, не имѣющія никакого значенія для исторіи Цезаря.

A. Licinius Caecina. Одинъ изъ помпеянцевъ, получившихъ послѣ Фарсала помилованіе отъ Цезаря.—Имѣются три письма къ нему Цицерона и одно его къ Цицерону. Всѣ они относятся къ *708* г.: 470. 476. 479. (письма Цицерона). 478. (письмо Цецины). Не лишены значенія для исторіи Цезаря, въ особенности первое изъ нихъ, заключающее въ себѣ драгоцѣнныя данныя.

C. Caelius Caldus. Бывшій квесторъ Цицерона въ Киликіи. Единственное сохранившееся письмо къ нему Цицерона, относящееся къ *704* г. (262.), никакого значенія для насъ не имѣетъ.

M. Caelius Rufus. Это одинъ изъ интереснѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ корреспондентовъ Цицерона, яркую и живую характеристику котораго даетъ Буасье въ упомянутой нами выше книгѣ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *перепиской* въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ имѣются на лицо письма какъ Цицерона къ Целію, такъ и послѣдняго къ Цицерону. Переписка тянется на протяженіи трехъ лѣтъ: *703—705*, но бо́льшая часть писемъ относится къ первымъ двумъ *703—704* г., т. е. ко времени, предшествующему гражданской войнѣ. *Письма Цицерона*: 199. 224. 226. 245. 255. 257. 263. 273. 372. *Письма Целія*: 192. 202. 203. 206. 210. 211. 223. 225. 242. 243. 267. 272. 279. 280. 335 367. 388. По богатству данныхъ для исторіи Цезаря это одна изъ важнѣйшихъ частей переписки, преимущественно письма Целія, который былъ не только непосредственнымъ наблюдателемъ тѣхъ событій, съ которыми знакомятъ насъ его письма, но отчасти и дѣйствующимъ лицомъ.

C. Julius Caesar. Сохранилось до насъ три письма Цицерона къ Цезарю: 352. (*705* г.). 514. (*709* г.). 555. (*709* г.). и пять писемъ Цезаря: 1) три къ Цицерону: 347. A. 357.2. 374. B. и 2) два къ Бальбу съ Оппіемъ: 348. C. 354. A. Переписка Цезаря, въ особенности письма его самого, имѣютъ уже совершенно особое, исключительное значеніе. Тутъ Цезарь является для насъ уже не третьимъ лицомъ, о которомъ говорятъ другіе; тутъ мы становимся съ нимъ лицомъ къ лицу, слышимъ рѣчи, обращенныя непосредственно къ нему и—что еще важнѣе—его собственныя рѣчи (при чемъ короткія, лаконическія записки Цезаря представляютъ рѣзкій контрастъ съ многорѣчивыми и реторическими посланіями Цицерона). Понятно, что письма Цезаря, помимо того значенія, которое они имѣютъ наряду съ прочими письмами, входящими въ переписку Цицерона, какъ историческій источникъ, — помимо этого, они представляютъ для историка интересъ, какъ памятники, интересные сами по себѣ, независимо отъ ихъ содержанія, помимо тѣхъ историческихъ свѣдѣній, которыя мы можемъ изъ нихъ почерпнуть,—подобно тому какъ интересенъ, напр., портретъ Цезаря, хотя онъ и не прибавляетъ ничего къ его исторіи.

C. Cassius Longinus. Имѣемъ пять писемъ къ нему Цицерона: 241. (*704 г.*). 424. (*707 г.*). 518. (*709 г.*). 520. (*709 г.*). 522. (*709 г.*) и одно Кассія къ Цицерону: 523. (*709 г.*). Помимо—немногихъ впрочемъ и отрывочныхъ — фактическихъ свѣдѣній, эта переписка Цицерона съ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ лицъ въ исторіи Цезаря заключаетъ въ себѣ много интересныхъ и важныхъ данныхъ для характеристики внутренней политической жизни Рима въ данное время.

M. Porcius Cato. Три письма Цицерона къ Катону: 212. (*703 г.*). 238. (*703 г.*). 278. (*704 г.*) и одно-единственное письмо Катона къ Цицерону: 266. (*704 г.*), представляющія самый живой интересъ для біографа Цицерона, для историка Цезаря не имѣютъ особеннаго значенія.

Q. Tullius Cicero, братъ М. Т. Цицерона. Единственное (за нашъ періодъ) письмо его къ Тирону (313.) чисто семейнаго характера и не имѣетъ никакого отношенія къ исторіи Цезаря.

Cluvius. Одинъ изъ членовъ назначенной Цезаремъ коммиссіи для раздѣла обществ. полей (между ветеранами). — Единственное письмо къ нему Цицерона, написанное по совершенно исключительному частному поводу: 645. (*709 г.*), не лишено значенія для историка Цезаря, какъ косвенное указаніе на одинъ изъ актовъ его дѣятельности.

Q. Cornificius. Одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ цезаріанцевъ. По оконч. Африк. войны Цезарь назначилъ его намѣстникомъ Африки; къ этому времени и относится его переписка съ Цицерономъ.—Имѣются (за данный періодъ) всего три—довольно, правда, большихъ — письма Цицерона къ Корнифиціи: 641. 646. 656. (всѣ *709 г.*). Сообщаютъ нѣкоторыя небезынтересныя фактическія свѣдѣнія, а также не лишенныя значенія данныя для характеристики отношеній Цицерона къ Цезарю; пользоваться этими данными приходится, однако, съ большою осторожностью, въ виду близости адресата къ Цезарю съ одной стороны, а съ другой — въ виду извѣстной натянутости въ тогдашнихъ отношеніяхъ Цицерона съ Цезаремъ.

Crassipes. Первый мужъ Тулліи, дочери Цицерона.—Единственное письмо къ нему Цицерона: 237. (*703 г.*), не имѣетъ никакого историческаго значенія.

C. Curio. Единственное письмо Цицерона къ Куріону: 227. (*703 г.*), писанное незадолго до гражданской в., не лишено извѣстнаго интереса для историка Цезаря.

M. Curius. Богатый оптиматъ, предпочитавшій спокойное наслажденіе благами жизни трудамъ и волненіямъ политической дѣятельности, въ которой не принималъ поэтому никакого участія. — Имѣемъ три письма Цицерона къ Курію: 472. 653. 657., и одно письмо Курія къ Цицерону: 648., всѣ относящіяся къ послѣднимъ тремъ годамъ жизни Цезаря: *708—710*. Послѣднее письмо Цицерона есть вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее въ перепискѣ нашего отдѣла (до Мартовскихъ Идъ 710 г.). Судя по тону писемъ, Цицеронъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ Куріемъ. Всѣ эти письма даютъ, однако, очень мало историку Цезарю.

C. Curtius Peducaeanus. Преторъ 704 г.—Единственное письмо къ нему Цицерона (*рекомендательное*): 247. (*704 г.*), никакого историческаго значенія не имѣетъ.

P. Corn. Dolabella. Второй мужъ Тулліи. Одинъ изъ дѣятельныхъ цезаріанцевъ; между прочимъ, сопровождалъ Цезаря въ его походахъ въ Грецію, въ Африку и затѣмъ въ Испанію. — Имѣются на лицо четыре письма къ нему Цицерона: 519. 537. 553. 650. (всѣ *709 г.*), и одно письмо Долабеллы къ Цицерону: 389. (*706 г.*).

Матерьялъ для характеристики партійныхъ отношеній и въ частности — отношеній Цицерона къ Цезарю.

Cn. Domitius Ahenobarbus. Одинъ изъ тѣхъ немногихъ представителей оптиматской партіи, кому Цицеронъ считалъ возможнымъ дать титулъ „настоящаго" патріота—*vere bonus*, въ отличіе отъ „такъ называемыхъ"—*qui appellantur boni*. Сынъ Л. Домиція, помилованнаго Цезаремъ послѣ взятія Корфиніи и павшаго затѣмъ при Фарсалѣ въ рядахъ помпеева войска. — Единственное письмо къ нему Цицерона: 432. (*708 г.*), представляющее блестящій образчикъ того, что римляне называли *litterae consolatoriae* (Цицеронъ „утѣшаетъ" его въ изгнаніи), прямаго отношенія къ нашей задачѣ не имѣетъ. Гораздо интереснѣе въ историческомъ отношеніи сохранившіяся до насъ письма Помпея къ его отцу. См. Pompejus.

M. Fabius Gallus. Два письма Цицерона къ Фабію Галлу, автору одного изъ „Катоновъ", не лишены извѣстнаго косвеннаго значенія и для исторіи Цезаря. 636. 639. (оба *709 г.*).

T. Fadius Gallus. Единственное письмо къ нему Цицерона: 467. (*708 г.*), не имѣетъ никакого отношенія къ нашей задачѣ.

T. Furfanius Postumus. Тоже, что и предыдущее. 477. (*708 г.*).

Q. Lepta. Бывшій praefectus fabrum Цицерона въ Киликіи. Два письма къ нему Цицерона: 521. 631. (оба *709 г.*), заключаютъ въ себѣ нѣсколько не лишенныхъ значенія данныхъ для исторіи Цезаря.

Q. Ligarius. Помпеянецъ, удалившійся послѣ Фарсала въ изгнаніе. — Два письма къ нему Цицерона: 465. 475. (оба *708 г.*), заключаютъ въ себѣ чрезвычайно важныя данныя для характеристики партійныхъ отношеній, въ особенности же отношеній Цицерона съ Цезаремъ; даютъ и нѣкоторыя, хотя неважныя, фактическія указанія.

L. Lucceius. Одинъ изъ близкихъ людей Цицерона и его политическій единомышленникъ.—Два письма къ нему Цицерона: 558. 569., и одно письмо Луккея къ послѣднему: 568. (всѣ *709 г.*), характерны для партійныхъ отношеній Цицерона и его настроенія въ данную минуту.

C. Claudius Marcellus. Конс. 704. г. Одно письмо Цицерона: 216. (*703 г.*).

C. Claudius Marcellus filius. Три письма Цицерона: 215. 239. (оба *703 г.*). 274. (*704 г.*).

M. Claudius Marcellus. Конс. 703 г. Пять писемъ Цицерона. 217. *703 г.*). 464. 466. 469. (всѣ *708 г.*). 524. (*709 г.*).—Всѣ эти остатки отъ трехъ переписокъ съ Марцеллами имѣютъ лишь косвенное значеніе для характеристики партійныхъ отношеній наканунѣ гражд. в., а послѣднія письма—къ M. Марцеллу—имѣютъ также значеніе и для позднѣйшаго времени.

M. Marius. Изъ двухъ имѣющихся на лицо писемъ Цицерона къ M. Марію: 452. 458. (оба *708 г.*), имѣетъ значеніе для исторіи Цезаря только первое, притомъ имѣетъ знач. для времени болѣе ранняго, чѣмъ то, къ которому относится самое письмо.

Matius et Trebatius. Близкіе къ Цезарю люди, находившіеся въ столь же близкихъ отношеніяхъ и съ Цицерономъ.—Единственное письмо ихъ къ Цицерону: 356. A. (*705 г.*), даетъ нѣкоторыя важныя фактическія указанія.

C. Memmius. Три письма къ нему Цицерона: 197. 259. 260., лишены историческаго значенія.

L. Mescinius Rufus. Одинъ изъ бывшихъ квесторовъ Цицерона въ Киликіи (703 — 704 гг.). — Три письма къ нему Цицерона: 302. 373. (оба *705* г.). 438. (*708* г.) заключаютъ въ себѣ не лишенныя значенія данныя для исторіи Цезаря, въ особенности послѣднее изъ нихъ.

P. Nigidius Figulus. Помпеянецъ, сопровождавшій своего принципала въ Грецію и удалившійся затѣмъ, послѣ Афр. в., въ изгнаніе. Къ этому послѣднему времени и относится единственное сохранившееся до насъ письмо къ нему Цицерона: 463. (*708* г.), представляющее богатый матеріялъ для характеристики настроенія и партійныхъ отношеній Цицерона въ данную минуту.

L. Papirius Paetus. Ученый бонвиванъ - эпикурецъ, предпочитавшій держаться въ сторонѣ отъ треволненій политической жизни; близкій другъ Цицерона. — Непстощимый матеріялъ для характеристики личности Цицерона, письма его къ Пету представляютъ мало интереса для историка Цезаря. Почти вся переписка, отъ которой до насъ дошли только письма Цицерона, сосредоточивается на двухъ годахъ: 708—709. А именно: 246. (*704* г.). 450. 451. 454—457. 473. 474. (всѣ *708* г.). 658. 659. (*709* г.).

L. Aemilius Paulus. Конс. 704 г. Изъ двухъ писемъ къ нему Цицерона: 218. (*703* г.). 240. (*704* г.), имѣетъ значеніе, и то косвенное, только первое.

Cn. Plancius. Помпеянецъ, одинъ изъ близкихъ къ Цицерону людей.—Изъ двухъ писемъ къ нему Цицерона: 433. 516. (оба *708* г.), имѣетъ значеніе только послѣднее, заключающее въ себѣ цѣнныя данныя для характеристики партійныхъ отношеній.

Cn. Pompejus Magnus. Мы имѣемъ 1) два письма къ нему Цицерона: 334. B. D. и 2) шесть писемъ Помпея: два къ Цицерону: 334. A. C., одно къ консуламъ: 336. A. и три къ Домицію: 336. B. C. D.—Одна изъ драгоцѣннѣйшихъ въ историческомъ отношеніи частей сохранившейся переписки Цицерона. О письмахъ Помпея слѣдуетъ сказать, между прочимъ, то же, что было замѣчено относительно писемъ Цезаря. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи письма Помпея еще любопытнѣе, потому что отъ Цезаря мы имѣемъ, кромѣ писемъ, его обширные „комментаріи“; упомянутыя же четыре письма составляютъ все, что сохранилось до насъ отъ „Великаго“ Помпея.

T. Pomponius Atticus. Желающихъ познакомиться съ интересною личностью этого задушевнаго друга и главнаго корреспондента Цицерона отсылаемъ къ упомянутому нами выше соч. г. Буасье.—Переписка Цицерона съ Аттикомъ, отъ которой до насъ дошли только письма перваго, занимаетъ уже совершенно особое, исключительное мѣсто въ перепискѣ Цицерона, какъ по своему объему, такъ и по внутреннему своему характеру. Это—въ полномъ смыслѣ ядро всей сохранившейся до насъ переписки Цицерона, и, какъ историческій источникъ, письма эти имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ вся остальная переписка.

M. Rutilius. Одинъ изъ членовъ коммиссіи по раздѣлу земель.—Единственное письмо къ нему Цицерона: 644. (*709* г.), имѣетъ точно такое же значеніе, какъ и упомянутое выше письмо къ Клювію.

Caninius Sallustianus. Единственное письмо къ нему Цицерона: 271. (*704* г.), не имѣетъ историческаго значенія.

Senatus Romanus. Два оффиціальныя донесенія Цицерона о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Киликіи противъ Парѳянъ: 219. 221. (*703 г.*), не имѣютъ никакого отношенія къ нашей задачѣ.

P. Servilius Vatia Isauricus. Коллега Цезаря по консульству 706 г.; проконсулъ Азіи въ 708 г.; къ времени проконсульства и относятся сохранившіяся до насъ письма къ нему Цицерона: 462. 508. 510. 511. 512. 513. Все это большею частію *рекомендательныя письма*, не представляющія историческаго интереса.

P. Silius. Пропреторъ Понта и Вифиніи въ 703 г. *Рекомендательныя письма.*

Ser. Sulpicius Rufus. Коллега М. Марцелла по консульству 703 г., которому онъ оппонировалъ по вопросу о проконсульствѣ Цезаря. Въ началѣ гражд. в. онъ отпустилъ своего сына къ Цезарю, который послѣ Фарсала назначилъ его проконсуломъ въ Грецію. - Кромѣ писемъ къ нему Цицерона, сохранились также нѣсколько писемъ Сульпиція къ послѣднему.

Письма Цицерона: 365. 371. (оба *705 г.*). 461. 469. 485—497. (всѣ *708 г.*). 565. (*709 г.*). Письма Сульпиція. 557. 566. (*709 г.*).—Одна изъ наиболѣе цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи частей переписки Цицерона.

P. Sulpicius. Одинъ изъ легатовъ Цезаря въ Галліи.—Единственное письмо къ нему Цицерона: 619. (*709 г.*), чисто частнаго характера и историческаго интереса не представляетъ.

Terentia uxor. Письма Цицерона къ женѣ, собранныя всѣ въ одной (XIV) книгѣ, за исключеніемъ немногихъ случайныхъ указаній, не заключаютъ въ себѣ никакихъ историческихъ данныхъ.

Q. Minutius Thermus. Пропреторъ Азіи 703 г. — Шесть писемъ къ нему Цицерона: 230—232. 253. 254. 258., все *рекомендательныя* и потому исторически-безсодержательныя письма.

Tiro. Вольноотпущенникъ и антимный другъ Цицерона; впослѣдствіи собиратель его переписки. — Письма къ нему Цицерона, въ противоположность письмамъ къ Аттику, чисто семейнаго характера, подобно письмамъ къ Теренціи, и, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ мѣстъ, совершенно лишены историческаго содержанія. 285—292. 301. 310. 313.

C. Titius Rufus. Единственное письмо къ нему Цицерона: 248. (*701 г.*),— рекомендательное; историческаго значенія не имѣетъ.

C. Toranius. Помпеянецъ. Жилъ послѣ Фарсала въ изгнаніи (въ Сициліи).— Два письма къ нему Цицерона: 597. 632. (оба *709 г.*), не лишены значенія для характеристики партійныхъ отношеній Цицерона.

A. Manlius Torquatus. Одинъ изъ близкихъ друзей Цицерона. Помпеянецъ, сопровождавшій Помпея въ Эпиръ. Послѣ Фарсала жилъ въ изгн. въ Аѳинахъ, куда и адресованы сохранившіяся до насъ письма къ нему Цицерона.—Четыре письма Цицерона къ Торквату: 517. 524. 526. 559. (всѣ *709 г.*), представляютъ богатый матерьялъ какъ вообще для характеристики партійныхъ отношеній, такъ въ частности—гл. обр. отношеній Цицерона къ Цезарю. Даютъ также нѣкоторыя фактическія указанія, хотя и не первостепенной важности.

Trebianus. Одинъ изъ ревностнѣйшихъ помпеянцевъ, воставшій противъ Цезаря и въ Африкѣ. Послѣ Афр. в. жилъ въ изгнаніи; къ этому времени и относятся сохранившіяся письма къ нему Цицерона: 527. 640. (оба *709 г.*). Первое важно для

отношеніи Цицерона къ Цезарю; второе, кромѣ того, даетъ и нѣкоторыя фактическія указанія.

C. Trebonius. Одинъ изъ легатовъ Цезаря въ Галліи (завѣдывалъ осадой Массиліи). Впослѣдствіи Цезарь назначилъ его городскимъ преторомъ, помимо Целія, добивавшагося этой должности.—Единственное письмо къ нему Цицерона, очень длинное письмо, трактующее о различныхъ теоретическихъ литературныхъ вопросахъ, никакихъ историческихъ данныхъ въ себѣ не заключаетъ. 430. (*707 г.*).

Q. Valerius Orca. Одинъ изъ членовъ коммиссіи по раздѣлу земель.—Два письма къ нему Цицерона: 642. 643., имѣютъ такое же значеніе, какъ письма къ Клювію и Рутилію.

M. Terentius Varro. Знаменитый римскій ученый. Въ началѣ Исп. в. былъ легатомъ Помпея въ Испаніи. Послѣ Фарс. б. получилъ отъ Цезаря амнистію.—Письма къ нему Цицерона: 431. 439. 440. 443. 446—448. (всѣ *708 г.*). 617. (*709 г.*), чрезвычайно характерны для настроенія и партійныхъ отношеній Цицерона въ послѣдніе годы гражд. войны.

P. Vatinius. Консулъ конца 707 г. и проконс. Иллиріи 708 г.—Три письма Ватинія къ Цицерону (одно не цѣлое): 599. 619. 655., и одно письмо послѣдняго къ нему: 617., представляютъ всѣ довольно любопытный историческій документъ.

P. Volumnius. Бывшій praefectus fabrum Цезаря въ Галліи.—Изъ двухъ имѣющихся въ наличности писемъ къ нему Цицерона: 229. (*703 г.*). 471. (*708 г.*), первое не имѣетъ никакого историческаго значенія; послѣднее даетъ кой-какія, хотя и не особенно важныя, указанія для характеристики отношеній Цицерона къ Цезарю въ началѣ гражданской войны.

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Хронологическія данныя *).

Даты, не отмѣченныя никакимъ знакомъ, извлечены исключительно изъ переписки.

Знакомъ * отмѣчены даты, извлеченныя изъ прочихъ источниковъ.

Даты, полученныя изъ сопоставленія двухъ переписки съ данными прочихъ источниковъ, отмѣчены знакомъ †.

Даты гипотетическія заключены въ скобки.

Годъ 703 и. с.

ГОДЪ ЦЕЗАРЯ 49.

Май.

10. Въ письмѣ Цицерона отъ *10 мая* впервые встрѣчаемъ намекъ на антицезріанскую агитацію въ сенатѣ. Ep. 185. ad Att. V. 2. § 3: Nondum enim satis huc allatum est, quomodo Caesar ferret de auctoritate perscripta. См. стр. 53.

10. Цицеронъ въ Trebulanum'ѣ у Понція (по пути въ Брундузій). Ep. 186. ad Att. V. 3. § 1: *A. d. VI. Id. Mai.* veni in Trebulanum ad Pontium.

11. Цицеронъ въ Беневентѣ (и. *Benevento*). Ep. 187. ad Att. V. 4. § 1: Beneventum veni *a. d. V. Id. Mai.*

15. Цицеронъ выѣзжаетъ изъ Венузіи (и. *Venosa*). Ep. 188. ad Att. V. 5: *Idibus Mai.* nos Venusia mane proficiscentes etc.

18. Цицеронъ выѣзжаетъ въ Тарентъ (и. *Taranto*), гдѣ три дня гоститъ у Помпея на дачѣ. Epp. 189. ad Att. V. 6. § 1: Tarentum veni *a. d. XV Kal. Iun.* 190. ad Att. V. 7: Ego cum *triduum* cum Pompejo et apud Pompejum fuissem etc.

20. Цицеронъ пріѣзжаетъ изъ Тарента въ Брундузій(и. *Brindisi*). Ep. 190 ad Att. V. 7: Proficiscebar Brundisium *a. d. XIII Kal. Iun.*

22. Цицеронъ выѣзжаетъ въ Брундузій. Ep. 191. ad Div. III. 3. § 1: *A. d. XI Kal. Iun.* Brundisium cum venissem, Q. Fabius legatus Iunis etc.

---

*) Авторъ не имѣлъ въ виду составить систематическую таблицу хронологическую за данный періодъ, а лишь представить простой сводъ отдѣльныхъ хронологическихъ датъ, по возможности всѣхъ, которыя можно извлечь изъ нашихъ источниковъ.

Іюнь.

1. Вопросъ о провинціяхъ отложенъ М. Марцелломъ до 1 іюня. Ep. 192. ad Div. VIII. 1. § 2: Praeterea Marcellus, quod adhuc nihil retulit de successione provinciarum Galliarum et in *Kalendas Iunias*... eam distulit relationem, sanequam eos sermones expressit etc.

14. Цицеронъ прибылъ въ Акціумъ (н. *C. Punta*). Ep. 195. ad Att. V. 9. § 1: Actium venimus *a. d. XVII Kal. Quint.*

24. Цицеронъ прибылъ въ Аѳины. Ep. 196. ad Att. V. 10. § 1: Ut Athenas *a. d. VII Kal. Quint.* veneram etc.

Іюль.

Въ іюлѣ—выборы новыхъ магистратовъ (на 704 годъ), именно *до 22 іюля*. Epp.: 202. ad Div. VIII. 2. § 2. — 206. ad Div. VIII. 4. См. стр. 71.

6. Цицеронъ отчаливаетъ изъ Пирея. Ep. 200. ad Att. V. 12. § 1: *Pridie Non. Quint.* a Piraeo ad Zostera.

8. Цицеронъ останавливается въ Кеосѣ (н. *Zea* или *Zia*). Ibid.: *A. d. VIII Idus* ad Ceo jucunde.

11. Миновавъ Гіяръ (н. *Dschura*) и Сиросъ (н. *Syra*), Цицеронъ причаливаетъ въ Делосѣ (н. *Dili*). Ibid.

22. Цицеронъ пріѣзжаетъ въ Эфесъ (н. развалины близъ *Ayasaluk'a*). Ep. 201. ad Att. V. 13. § 1: Ephesum venimus *a. d. XI Kal. Sext.*

22. Засѣданіе сената въ храмѣ Аполлона. Вопросъ о легіонѣ, взятомъ у Помпея Цезаремъ, и вопросъ о преемникѣ Цезарю въ провинціи. Ep. 206. ad Div. VIII. 4. § 4: sed cum senatus habitus esset ad Apollinis *a. d. XI Kal. Sext.* et referretur de stipendio Cn. Pompeji, mentio facta est de legione ea, quam expensam tulit C. Caesari Pompejus, quo numero esset, quo appeteretur. Cum Pompejus: „esse in Gallia“: coactus est dicere Pompejus, „se legionem abducturum, sed non statim sub mentionem et convicium obtrectatorum“: inde inferrogatus de successione Caesaris: de qua, hoc est de provinciis, placitum est, ut quam primum ad urbem reverteretur Pompejus, ut coram eo de successione provinciarum ageretur. См. стр. 53—55.

27. Цицеронъ пріѣзжаетъ въ Tralles. Ep. 205. ad Div. III. 5, § 1: Tralles veni *a. d. VI Kal. Sext* См. стр. 48.

31. Цицеронъ прибылъ въ Лаодикею πρὸς τῷ Λύκῳ, первый городъ своей провинціи (съ этого дня онъ считаетъ поэтому время своего проконсульства). Ep. 207. ad Att. V. 15. § 1: Laodiceam veni *pridie Kal. Sext.* Ex hoc die civium anni movebis. Срв. Ep. 250. ab Att. VI. 2. § 6. См. стр. 48.

Августъ.

1. Около 1 авг. Помпей уѣзжаетъ изъ Рима въ Аримининъ (н. *Rimini*). Ep. 206. ad Div. VIII. 4. § 4: Nam Ariminum ad exercitum Pompejus erat iturus: et statim iit. (*Письмо Целія отъ 1 авг.*). См. стр. 54.

3. Цицеронъ выѣзжаетъ изъ Лаодикеи въ Апамею, гдѣ останавливается на три дня. Ep. 207. ad Att. V. 15. § 3: Iter Laodicea faciebam *a. d. III Non. Sext.* Ep. 208. ad Att. V. 16. § 2: Moratus *triduum* Laodiceae, *triduum* Apameae etc. Хотя въ другомъ письмѣ, 228. ad Att. V. 20., Цицеронъ пишетъ: Apameae *quinque* dies morati (sumus), но это, очевидно, ошибка, которая легко объясняет-

ся тѣмъ, что это послѣднее письмо Цицеронъ писалъ около четырехъ мѣсяцевъ спустя (въ дек.) и естественно, могъ запамятовать число дней, прожитыхъ имъ въ Анамеѣ.

5. Цицеронъ выѣзжаетъ изъ Анамеи въ Синнаду, ibid., откуда, послѣ трехдневной остановки, проѣзжаетъ далѣе въ Philomelium; здѣсь останавливается на пять дней, потомъ ѣдетъ дальше, въ Iconium, откуда, послѣ десятидневнаго пребыванія, отправляется въ лагерь. Ibid. § 1: Quod idem dein Apameae *quinque* (?) dies morati et Synnadis *triduum*, Philomelii *quinque dies*, Iconii *decem* fecimus.

13. Предполагалось сенатское засѣданіе по вопросу о провинціяхъ Ep. 206. ad Div. VIII. 4. § 4: Puto *Idib. Sext.* de ea re actum iri. Ep. 211. ad Div. VIII. 9: De provinciis, quod tibi scripseram, *Idib. Sext.* actum iri etc. Срв. Ep. 210. ad Div. VIII. 5. См. стр. 54.

24. Цицеронъ пріѣзжаетъ въ лагерь (подъ Иконіемъ) (въ Ликаоніи, въ югу отъ Laodicea ἡ κατακεκαυμένη). Ep. 228. ad Att. V. 20. § 2: Inde in castra veni *a. d. VII. Kal. Sept.* — Невѣрно у Billerbeck'a v. III, p. 126: „*am 25 August*".

28. Цицеронъ производитъ люстрацію войска у Иконія. Ibid.: *A. d. III* exercitum lustravi apud Iconium.

Сентябрь.

1. Отложенъ до 1 сент. вопросъ о провинціяхъ. Ep. 211. ad Div. VIII. 9: De provinciis, quod tibi scripseram, Idibus Sext. actum iri, interpellat judicium Marcelli consulis designati, in *Kalendas* (*Sept.*) res rejecta est. См. стр. 55.

Въ началѣ сент. Сципіонъ сдѣлалъ предложеніе въ сенатѣ, чтобы 1 марта слѣдующаго (704) года было назначено засѣданіе, исключительно посвященное вопросу о провинціяхъ. Ep. 211. ad Div. VIII. 9. § 5: Scipio hanc (sententiam dixit), ut Kal. Martiis de provinciis, neu quid conjunctim referretur. См. стр. 56.

3. Цицеронъ принимаетъ въ Иконіѣ посольство Антіоха Коммагена. Ep. 212. ad Div. XV. 3. § 1. Cum ad me legati missi ab Antiocho Commageno venissent in castra ad Iconium *a. d. III Non. Sept.* iique mihi nunciassent etc.—Результатомъ этого посольства былъ походъ Цицерона противъ Парѳянъ въ Коммагену. Ep. 213. ad Div. III. 6. § 6. Въ этомъ же мѣсяцѣ Цицеронъ достигаетъ Кибистры, 214. ad Att. V. 18., гдѣ дѣлаетъ привалъ на пять дней, 228. ad Att. V. 20. § 2: Cum *dies quinque* ad Cybistra Cappadociae castra habuissem etc.

29. Засѣданіе сената въ храмѣ Аполлона, на которомъ впервые приняты нѣкоторыя постановленія, направленныя противъ Цезаря. Ep. 223. ad Div. VIII. 8. См. стр. 57—58. (*30 сентября*—опечатка.)

Въ концѣ сентября Помпей все еще находится въ Аримини (куда отправился около 1 авг.). Ep. 220. ad. Att. V. 19: Ex quibus non dubito, quin tu Pompejum exspectaris, dum Arimino rediret etc. (*Письмо Цицерона въ концѣ сентября*).

Октябрь.

5. Цицеронъ подходитъ къ Тарсу (н. *Tarsh* или *Tarsus*). Ep 228, ad Att. V. 20. § 3: Tarsum veni *a. d. III Non. Oct.* (Невѣрно у Billerbeck'a, v. III, p. 126: „*5 October*").—Отсюда направляется къ Аманскому хребту (н. *Almadagh*), ibid.

7. Читается въ сенатѣ донесеніе Цицерона о нашествіи Парѳянъ. Ep. 250. ad Att. V. 21. § 2: Quo autem die Cassii literae victrices in senatu recitatae sunt, id est *Nonis Oct.*, eodem meae tumultum nunciantes.

13. Цицеронъ одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ Пароянами у подошвы Аманскаго хребта и получаетъ титулъ императора. Ep. 228. ad Att. V. 20. § 3: Hic a. d. III Id. Oct. magnum numerum hostium occidimus. Castella munitissima, nocturno Pompeii adventu, nostro matutino cepimus, incendimus. *Imperatores* appellati sumus.—Невѣрно у Billerbeck'a, v. III, p. 126: „*am 11 October*".

Партійные раздоры и споры, вызванные пароянскимъ вопросомъ. Ep. 225. ad Div. VIII. 10. § 2. См. стр. 69—70.

Ноябрь.

Консулъ Павелъ горячо агитируетъ противъ Цезаря. Ibid. §. 3: Paulus porro non humane de provincia loquitur. (*Письмо Целія съ ноябрѣ 703 г.*). См. стр. 67—68.

Цицеронъ осаждаетъ г. Пиндениссъ (въ С.-З. отъ Тарса, у подошвы Аманскаго хребта). Ep. 226. ad Div. II. 10. § 3: Ibi quintum et vigesimum jam diem aggeribus, vineis, turribus oppugnabam oppidum munitissimum, Pindenissum, tantis opibus tantoque negotio, ut mihi ad summam gloriam nihil desit, nisi nomen oppidi.

Декабрь.

17. Пиндениссъ сдается Цицерону. Ep. 228. ad Att. V. 20. § 5: Nos Pindenissum, quod oppidum munitissimum Eleutheroeilicum omnium memoria in armis fuit....., cinximus vallo et fossa, aggere maximo, vineis, turre altissima, magna tormentorum copia, multis sagittariis, magno labore, apparatu, multis sauciis nostris, incolumi exercitu, negotium confecimus. Illura sane *Saturnalia* (=*17 дек.* См. *Fasti Maff.* [C. I. L. I, p. 307.]).

Годъ 704 и. с.

ГОДЪ ЦЕЗАРЯ 50.

Январь.

Долабелла обвиняетъ Аппія Клавдія de ambitu. Ep. 242. ad Div. VIII. 6. § 1: Non dubito, quin perlatum ad te sit, Appium a Dolabella reum factum. (*Письмо Целія въ январѣ 704 г.*).

5. Цицеронъ выѣзжаетъ изъ Тарса въ Лаодикею. Ep. 250. ad Att. V. 21. § 7: Ipse in Asiam profectus sum Tarso *Nonis Ian.*

Съ *конца янв.* или съ *начала февр.* Аттикъ живетъ въ Эпирѣ. Ep. 250. ad Att. V. 21. § 1: Te in Epirum salvum venisse et, ut scribis, ex sententia navigasse, vehementer gaudeo, non esse Romae meo tempore pernecessario submoleste fero. (Онъ возвратился въ Римъ только *20 сент.*, см. ниже).

Февраль.

11. Цицеронъ пріѣзжаетъ въ Лаодикею (ἡ κατακεκαυμένη). Ep. 25. ad Att. V. 20. § 4: Eas (literas) Laodiceae denique, cum eo venissem, *III Id. Febr.* Laenius mihi reddidit. (Невѣрно у Suringar'a, p. 730: „*13 Febr.*"). — Онъ проводитъ въ Лаодикеѣ до *1 мая*. Ep. 254. ad Div. XIII. 57. § 1: Ego in Ciliciam proficisci cogito *circiter Kal. Mai.*

13. Цицеронъ начинаетъ forum agere въ Лаодикеѣ: p. 250. ad Att. V. 21. § 9: *Idibus Febr.* forum institui agere Laodiceae.

Мартъ.

1. Засѣданіе сената, назначенное на это число постановленіемъ 29 сент. 703 г., по всей вѣроятности, имѣло мѣсто нѣсколько позднѣе, б. м. *19 марта*. См. стр. 75.

Апрѣль.

Цицеронъ продолжаетъ forum agere въ Лаодикеѣ. Ep. 253. ad Div. II. 18. — Ep. 254. ad Div. XIII. 57. § 1.

Май.

1. Цицеронъ прекращаетъ forum agere въ Лаодикеѣ. Ep. 254. ad Div. XIII. 57. § 1.—Ep. 256. ad Att. VI. 2. § 4.

7. Цицеронъ отправляется изъ „Азіи“ въ (собственно) Киликію. Ep. 256. ad Att. VI. 2. § 6: *Nonis Mai.* in Ciliciam cogitabam.

Іюнь.

5. Цицеронъ прибылъ въ Тарсъ: ad Att. VI. 4. § 1: Tarsum venimus *Non. Iun.*

Дальнѣйшее развитіе партійной борьбы вокругъ вопроса о провинціяхъ. Ep. 267. ad Div. VIII. 11. § 3: Quod ad rem publicam attinet, in unam causam omnis contentio conjecta est, de provinciis, in quam adhuc incubuisse cum senatu Pompejus videtur, ut Caesar Id. Novembr. decedat. Curio omnia potius subire constituit, quam id pati: ceteras suas abjecit actiones. Nostri porro, quos tu bene nosti, ad extremum certamen rem deducere non audent. См. стр. 77—78.

Предложеніе М. Марцелла о переговорахъ съ дружественными Цезарю трибунами единодушно отвергнуто сенатомъ. Ep. 272. ad Div. VIII. 13. § 2: Nam cum de successione referretur, quae relatio fiebat ex senatus consulto, primaque M. Marcelli sententia pronunciata esset, qui agendum cum tribunis plebis censebat: frequens senatus in alia omnia iit. См. стр. 77—78.

Іюль.

30. Срокъ проконсульства Цицерона. Ep. 256. ad Att. VII. 2. § 6: Annuae enim mihi operae *a. d. III Kal. Sext.* emerentur. Срв. Ep. 207. ad Att. V. 15. См. стр. 48.

Августъ.

Цицеронъ на обратномъ пути изъ Киликіи въ Римъ. Ep. 275. ad Div. III. 12.—Ep. 276. ad Att. VI. 6.—Ep. 277. ad Div. III. 13.—278. ad Div. XV. 6. Срв. стр. 49.

Сентябрь.

19. Аттикъ возвратился въ Римъ. Ep. 282. ad Att. VI. 9. § 1: ac, ne multa, cognovi ex eo, quod ita scripseras, te Romam venisse *a. d. VII Kal. Oct.*

Цицеронъ продолжаетъ свое обратное путешествіе. Срв. стр. 49

Октябрь.

1. Миновавъ Родосъ, Цицеронъ достигаетъ Эфеса (NB: на этотъ разъ онъ избралъ морской путь, между тѣмъ какъ впередъ проѣхалъ всю М. Азію сухимъ путемъ). Ep. 281. ad Att. VI. 8. Срв. Plut. Cic. 36.

14. Цицеронъ прибылъ въ Аѳины. Ep. 283. ad Div. XIV. 5: *Pridie Idus Oct.* Athenas venimus. Также Ep. 282. ad Att. VI. 9. § 1. Ep. 284. ad Att. VII. 1. § 1.

Ноябрь.

2. Цицеронъ оставляетъ Аѳины. Ep. 292. ad Div. XVI. 9. § 1: Nos a te, ut scis, discessimus *a. d. IV Non. Novembr.* (*Письмо Цицерона къ Тирону, который въ это время лечился въ Аѳинахъ*).

4. Цицеронъ прибылъ въ Ализію (въ Акарнаніи, н. *Ponte Candili*). Ep. 286. ad Div. XVI. 2: *Tertio die* abs te ad Alyziam accesseramus.

6. Цицеронъ прибылъ въ Левкаду. Ep. 292. ad Div. XVI. 9. § 1: Leucadem venimus *a. d. VIII Id. Novembr.*

7. Въ Акціумъ. Ibid.: *a. d. VII* Actium, ubi propter tempestatem *a. d VI Idus* morati sumus.

9. Въ Корцару. Ibid.: *a. d. V Idus* Corcyram bellissime navigavimus. — Здѣсь задержанный неблагопріятными вѣтрами, Цицеронъ остается до *15 ноября*. Ibid.: Corcyrae fuimus usque *a. d. XVI Kal. Dec.* tempestatibus retenti.

13. Въ іюнѣ поднятъ былъ въ сенатѣ вопросъ о томъ, чтобы объявить Цезарю *13 ноября*, какъ крайній срокъ его проконсульскихъ полномочій. Ep. 267. ad Div. VIII. 11. § 3: Quod ad rem publicam attinet, in unam causam omnis contentio conjecta est, de provinciis, in quam adhuc incubuisse cum senatu Pompejus videtur, ut Caesar *Id. Nov.* decedat. (*Письмо Целія къ Цицерону въ іюнѣ 704 г.*). См. стр. 76.

15. Цицеронъ оставляетъ Корциру. Ep. 292. ad Div. XVI. 9. § 1.

16. Достигши до Кассіопы, Цицеронъ снова вынужденъ ждать попутнаго вѣтра до *23 ноября*. Ibid.: *A. d. XV Kal. Dec.* in portum Corcyraeorum ad Cassiopen stadia CXX processimus. Ibi retenti ventis sumus usque *a. d. IX Kalendas*.

22. Цицеронъ оставляетъ Кассіопскую гавань. Ib.

23. Цицеронъ причаливаетъ въ Гидрунтъ (н. *Otranto*). Ibid. § 2. Inde austro lenissimo, coelo sereno, nocte illa et *die postero* in Italiam ad Hydruntem ludibundi pervenimus.

24. Цицеронъ прибылъ въ Брундузій въ десятомъ часу (дня). Ibid.: eodemque vento postridie id erant *a. d. VII Kal. Dec.*—hora quarta Brundisium venimus.

Декабрь.

Въ началѣ декабря Цицеронъ въ Trebulanum'ѣ. Ep. 294. ad Att. VII. 3.

10. Около этого числа Помпей выѣхалъ. Ep. 295. ad. Att. VII. 4. § 2.

10. Свиданіе Цицерона съ Помпеемъ, ib.

21. Зажигательная рѣчь Антонія на форумѣ противъ Помпея. Ep. 299. ad Att. VII. 8. § 5: Habebamus autem in manibus Antonii concionem habitam *X. Kal. Ian.*, in qua erat accusatio Pompeji usque a toga pura, querela de damnatis, terror armorum: in quibus ille „Quid censes, aiebat, facturum esse ipsum, si in possessionem reipublicae venerit, cum haec quaestor ejus infirmus et inops audeat dicere. См. стр. 88—89. Ошибочно Drumann, G. R. III, S. 402: „*am 23 December*“.

25. Свиданіе и разговоръ Цицерона съ Помпеемъ о политическомъ положеніи минуты. Ibid. § 4: Quod putasti fore, ut ante, quam istuc venirem, Pompejum viderem, factum est ita. Nam *VI Kal.* ad Lavernium me consecutus est. Una Formias venimus et ab hora octava ad vesperam secreto collocuti sumus. См. стр. 85—86. Ошибочно Drumann, G. R. III, S. 402: „*am 27 December*“.

27.* Цезарь отправляетъ Куріона съ письмомъ къ сенату. Appian. II. 32: ὁ Καῖσαρ ἀπέστελλε τῇ βουλῇ, καὶ τὴν ἐπιστολὴν ὁ Κουρίων, τρισὶν ἡμέραις.... διαδραμών, ἀπέδωκε τοῖς νέοις ὑπάτοις ἐσιοῦσιν ἐς τὸ βουλευτήριον τῇ νουμηνίᾳ τοῦ ἔτους. Слѣдовательно, если Куріонъ прибылъ въ Римъ 1 янв., то онъ выѣхалъ отъ Цезаря *27 dec.* Невѣрно у Drumann'a, B. III. S. 403: „*am 29 December*".

29. Цицеронъ—ad urbem. Ep. 301. ad Div. XVI. 11.

Годъ 705 и. с.

ГОДЪ ЦЕЗАРЯ 51.

Январь.

1.* Засѣданіе сената въ которомъ, по настоянію трибуновъ, читается принесенное Куріономъ письмо Цезаря. Dio XLI. 1: τότε μὲν γὰρ ταῦτ' ἔπραξε, μετὰ δὲ τοῦτο γράμματα παρὰ τοῦ Καίσαρος πρὸς τὴν βουλὴν λαβὼν ἦλθέ τε ἐς τὴν Ῥώμην ἐν αὐτῇ τῇ νουμηνίᾳ ἐν ᾗ δ τε Λέντουλος ὁ Κορνήλιος καὶ ὁ Κλαύδιος ὁ Γάϊος τὴν ἀρχὴν ἀνεστήσαντο, καὶ οὐ πρότερον τοῖς ὑπάτοις αὐτὰ ἀπέδωκε πρὶν ἐς τὸ συνέδριόν σφας ἀφικέσθαι, μὴ καὶ ἔξω που λαβόντες αὐτὰ ἀποκρύψωνται. Appian. II. 32: ὁ Καῖσαρ ἀπέστελλε τῇ βουλῇ καὶ τὴν ἐπιστολὴν ὁ Κουρίων, τρισὶν ἡμέραις... διδραμών, ἀπέδωκε τοῖς ὑπάτοις ἐσιοῦσιν ἐς τὸ βουλευτήριον τῇ νουμηνίᾳ τοῦ ἔτους. Caes. B. C. I. 1: Literis C. Caesaris consulibus redditis, aegre ab iis impetratum est, summa tribunorum pl. contentione, ut in senatu recitarentur. См. стр. 144.

4. Цицеронъ прибылъ въ Римъ. Ep. 301. ad Div. XVI. 11. § 2: Ego ad urbem accessi *pridie Non Ian.* Obviam mihi sic est proditum, ut nihil possit fieri ornatius. См. стр. 143.

7.* *Senatusconsultum ultimum.* Caes. B. C. I. 5. Decurritur ad id extremum atque ultimum senatusconsultum, quo, nisi paene in ipso urbis incendio atque in desperatione omnium salutis, latorum audacia nunquam ante discessum est: dent operam consules, praetores, trib. pl., quique consulares sunt ad urbem, ne quid respublica detrimenti capiat. Haec senatusconsulta perscribuntur *a. d. VII Id. Ian.* Въ этомъ же засѣданіи, вѣроятно, принято было постановленіе de regionibus Italiae describendis. Ep. 301. ad Div. XVI. 11. § 3: Italiae regiones descriptae sunt. (Во всякомъ случаѣ *ранѣе 12 янв.*, ib.). Въ тотъ же день и вслѣдъ за этимъ засѣданіемъ имѣлъ, повидимому, мѣсто и фактъ бѣгства трибуновъ къ Цезарю. Caes. B. C. I. 5: Profugiunt statim ex urbe tribuni pl. seseque ad Caesarem conferunt. Is eo tempore erat Ravennae. Appian. II. 33: Συνέθεον δ' αὐτῷ (Ἀντωνίῳ) Κουρίων τε καὶ Κάσσιος. — οἵδε μέν δὴ τάχει πολλῷ πρὸς Καίσαρα νυκτὸς αὐτίκα λαθόντες ἐχώρουν ἐπ' ὀχήματος μισθωτοῦ, θεραπόντων ἐσθῆτας ἐνδύντες. Dio XLI. 3: (Οἱ δήμαρχοι) τὰ μὲν πρῶτα ἀντέπραττον, ἔπειτα δὲ φοβηθέντες, ἄλλως τε καὶ ἐπειδὴ ὁ Λέντουλος ὑπεξελθεῖν σφισι πρὶν τὰς ψήφους διηνεχθῆναι παρήνεσεν, εἶπόν τε πολλὰ καὶ ἐμαρτύραντο κἀκ τούτου μετὰ τοῦ Κουρίωνος καὶ μετὰ τοῦ Καιλίου ἀπῆραν πρὸς τὸν Καίσαρα, βραχὺ φροντίσαντες ὅτι ἐκ τοῦ βουλευτικοῦ διεγράφησαν.

Orosius VI. 15: Caesar Ravennam sese contulit. M. Antonius et Q. Cassius trib. pl. pro Caesare intercedentes, interdicente Lentulo consule, curia foroque prohibiti ad Caesarem profecti sunt, Curione simul Caelioque comitantibus. Ep. 301. ad Div. XVI. 11. § 2: Antonius quidem noster et Q. Cassius, nulla vi expulsi, ad Caesarem cum Curione profecti erant. (*Письмо отъ 12 янв.*).—Невѣрно у Suringar'a, p. 736: „*6 Ianuar*"; у C. Peter'a, Rom. Zeitt. 6 Aufl. S. 97: „*ad 6 Ianuar*"; также Drumann, G. R. B. III, S. 406: „*ad 6 Ianuar*". Лучшія рукописи даютъ чтеніе „*a. d. VII Id. Ian.*" Нѣкоторые издатели предпочитаютъ другое менѣе твердо завѣренное рукописной традиціей чтеніе: *a. d. VIII Id. Ian.*", на томъ основаніи, что 7 янв. былъ dies comitialis. Этой конъектурѣ слѣдуютъ, очевидно, Друманнъ, Петеръ, Зурингаръ. По нашему мнѣнію, рискованно ссылаться на соображеніе о юридическомъ значеніи dies comitiales въ то время, когда оно не имѣло уже никакой дѣйствительной силы, какъ это мы видѣли выше. См. стр. 59.

[**10—13.+**] Переходъ Цезаря черезъ Рубиконъ (и. *Pisatello*). См. стр. 149 — 150. Если свидѣтельство Плутарха, Caes. 45, о томъ, что Цезарь овладѣлъ Италіей втеченіе *60 дней*, принимать въ буквальномъ смыслѣ, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе позднѣйшей датѣ. Но само собою разумѣется, что число *60* имѣетъ здѣсь значеніе не болѣе, какъ приблизительной круглой цифры.

Предлагаемую Göler'омъ (*Caesars Kriege*, 2 Th. S. 3.) дату, *20 янв.*, можно объяснить только его недостаточнымъ знакомствомъ съ данными источниковъ.

17. Свиданіе Цицерона съ Помпеемъ. Ep. 351. ad Att. IX. 10. § 2: Vidi hominem *XIV Kal. Febr.* plenum formidinis. Illo ipso die sensi, quid ageret.

18.+ „Бѣгство" Помпея изъ Рима. См. стр. 152.

19.+ „Бѣгство" консуловъ и прочихъ магистратовъ. Caes. B. C. I. 14: Cn. Pompejus pridie ejus diei ex urbe profectus=*наканунѣ* того дня, когда бѣжали изъ Рима Lentulus, Marcellus collega et plerique magistratus, ibid. Вѣроятная дата первая приводитъ къ вѣроятной же второй. См. стр. 154.

19. Первые слухи о переходѣ Лабіена къ Помпею. Ep. 304. ad Att. VII. 2. § 1: Quaeso, quid hoc est? aut quid agitur? Mihi enim tenebrae sunt. Cingulum, inquis, nos tenemus: Anconem amisimus. Labienus discessit ab Caesare. Utrum de imperatore populi Romani an de Hannibale loquimur? См. стр. 160.

21. Свиданіе Лентула съ Цицерономъ въ Форміяхъ. Помпей выѣзжаетъ въ тотъ же день изъ Формій въ Larinum (и. *Larino*). 305. ad Att. VII. 12: Vidi Lentulum consulem Formiis *a. d. X Kal.* (*Febr.*), vidi Libonem: plena timoris et erroris omnia. Ille (Pom.) iter Larinum: ibi enim cohortes, et Luceria et Teani reliquaque in Apulia. Ошибочно Drumann, B. III. S. 428: „*am 23*".

22. Лабіенъ представляется Помпею въ Teanum'ѣ (и. *Teano*). Ep. 307. ad Att. VII. 13. § 7: Labienus, vir mea sententia magnus, Teanum venit *a. d. IV Kal.* (*Febr.*). Ibi Pompejum consulesque convenit.—Plut. Caes. XXXVI. 2: Λαβιηνός, ἀνὴρ ἐν τοῖς μάλιστα φίλοις Καίσαρος καὶ πρεσβευτὴς γεγονὼς καὶ συνεγωνισμένος ἐν πᾶσι προθυμότατα τοῖς Κελτικοῖς πολέμοις, τότ' ἐκεῖνον ἀποδρὰς ἀφίκετο πρὸς Πομπήιον. Срв. Plut. LXIV.—Dio XLI. 4. См. стр. 160. Ошибочно Drumann, B. III, S. 428: „*am 24 Ianuar*".

22. Цезарь поручаетъ Требацію просить (письмомъ) Цицерона возвратиться въ Римъ. Ep. 314. ad Att. VII. 17. § 3: Trebatius quidem scribit, se ab illo (sc. Caesare) *IX Kal. Febr.* rogatum esse, ut scriberet ad me, ut essem ad urbem. Срв. Plut. Cic. 37.

23. Л. Цезарь, отправленный Помпеемъ вмѣстѣ съ Росціемъ къ Цезарю для переговоровъ, возвращается къ Помпею (въ Teanum) съ отвѣтными предложеніями Цезаря. Caes. B. C. I. 8: L. Caesar adolescens venit, cujus pater Caesaris erat legatus. Is habere se a Pompejo ad eum privati officii mandata demonstrat. Ibid.: Eadem fere atque eisdem verbis praetor Roscius agit cum Caesare. Ibid.: 10: Acceptis mandatis Roscius cum L. Caesare Capuam pervenit ibique (?) consules Pompejumque invenit. Postulata Caesaris renunciat. Dio XLI. 5: πρέσβεις πρὸς τὸν Καίσαρα Λούκιόν τε Καίσαρα συγγενῆ αὐτῷ ὄντα καὶ Λούκιον Ῥώσκιον στρατηγοῦντα ἀντεπαγγέλτους ἀπέστειλεν, εἴ πως ὁρμὴν αὐτοῦ ἐκφυγών ἔπειτ' ἐπὶ μετρίοις τισὶ συμβαίη. Ep. 308. ad Att. VII. 14. § 1: L. Caesar mandata Caesaris detulit ad Pompejum *a. d. VIII Kal.* (*Febr.*), cum is esset cum consulibus Teani. Ep. 310. ad Div. XVI. 12. § 3: Accepimus conditiones. См. стр. 162 дал.—Ошибочно Drumann, B. III, S. 422: „*am 25 Januar*". Göler, 2 Th. S. 77, вслѣд. какого-то страннаго недоразумѣнія, считаетъ Л. Цезаря посланникомъ Юлія Цезаря, а не Помпея.

Въ этотъ же день Помпей выѣхалъ изъ Teanum'а въ Larinum „къ Аттіевымъ легіонамъ", вмѣстѣ съ Лабіеномъ. Ep. ad Att. VII. 13. § 7: Pompejus ab Teano Larinum versus profectus est *a. d. VIII Kal.* (Febr.).—Ep. 309 ad Att. VII. 15. § 3: Pompejus ad legiones Attianas est profectus: Labienum secum habet.

25. Совѣщаніе въ Капуѣ объ отвѣтѣ Цезарю. Ep. 309. ad Att. VII. 15. § 2: Capuam cum venissem *a. d. VI Kal.*....., consules conveni multosque nostri ordinis. Omnes cupiebant Caesarem, abductis praesidiis, stare conditionibus iis, quas tulisset. Uni Favonio leges ab illo nobis imponi non placebat: sed is haud auditus in consilio. См. стр. 163. Ошибочно Drumann, B. III, S. 423: „*am 27*".

25—28. Первая командировка Цицерона въ Капую въ качествѣ ἐπισκοπος'а (adjuvare delectum). Ep. 308. ad Att. VII. 14: Me Pompejus Capuam venire voluit et adjuvare delectum: in quo parum prolixe respondent campani coloni.—Ep. 309. ad Att. VII. 15. § 2: Capuam cum venissem *a. d. VI Kal.* (Febr.)...., consules conveni multosque nostri ordinis. — Ep. 311. ad Att. VII. 16. § 2: Capua profectus sum Formias *a. d. III Kal.* (*Febr.*).—314. ad Att. VII. 17.

Февраль.

Въ началѣ февраля Помпей *adit cohortes legionum Attianarum*. Ep. 317. ad Att. VII. 20. § 1: Cnaeus autem Luceriae dicebatur esse et adire cohortes legionum Attianarum, non firmissimarum. (*Письмо отъ 5 февраля*).

Въ началѣ февраля Цезарь дѣлаетъ попытку склонить Цицерона къ возвращенію въ Римъ. Ep. 314. ad Att. VII. 17. — 318. ad Att. VII. 21. См. стр. 188—189.

1 7. Вторичная командировка Цицерона въ Капую. Ep. 311. ad Att VII. 16. § 2: Nos a consulibus Capuam venire jussi sumus *ad Non. Febr* Capua profectus

sum Formias a. d. III Kal. (Febr.). — Ep. 317. ad Att. VII. 20. § 1: maximo imbri Capuam veni *pridie Nonas*, ut eram jussus.—Ep. 334. ad Att. VIII. 10. B. (Письмо Цицерона къ Помпею отъ 16 февр.): Iterum, ut erat dictum a consulibus, veni Capuam *ad Non. Febr.* Cum fuissem *triduum*, recepi me Formias.

5. Консулъ Лентулъ является въ Капую. Ep. 318. ad Att. VII. 21. § 1: Veni Capuam *ad Non. Febr.*, ita ut jusserant consules. *Eo die* Lentulus venit sero.

7. Цицеронъ снова возвращается въ Форміи. Ep. 334. ad Att. VIII. 11. B. § 2: Iterum, ut erat dictum a consulibus, veni Capuam *a. d. Non. Febr.* Cum fuissem *triduum*, recepi me Formias.

7. Кассій является въ Капую къ консуламъ съ порученіемъ отъ Помпея—идти немедленно въ Римъ, чтобы захватить оставленную казну. Ep. 318. ad Att. VII. 21. § 2: *VII Id. Febr.* Capuam C. Cassius tribunus pl. venit, attulit mandata ad consules, ut Romam venirent, pecuniam de sanctiore aerario aufferent statim exirent urbe relicta. См. стр. 173.

[9.] Около 9 февраля Домицій съ арміей запертъ Цезаремъ въ Корфиніи (п. развалины близъ монаст. *Pelino*). См. стр. 180—181. По Göler'y, 2 Th. S. 77: *12 февраля.*

[10.] Около этого времени происходитъ „повальное бѣгство“ оптиматовъ изъ Капуи. Ep. 320. ad Att. VII. 23. § 3: Quod quaeris, hic quid agatur: tota Capua et omnis hic delectus jacet. Desperata res est; in fuga omnes sunt. См. стр. 176—177.

[11.] Около этого времени Вибуллій бѣжитъ изъ Пицена съ своими когортами на соединеніе съ Домиціемъ; Цезарь преслѣдуетъ его по пятамъ Ep. 321. ad Att. VII. 24: Ecce postridie Cassio literae Capua a Lucretio, familiari ejus, Nigidium a Domitio Capuam venisse: eum dicere Vibullium cum paucis militibus e Piceno currere ad Cnaeum, confestim sequi Caesarem. См. стр. 175.

13. Помпей отправляетъ письмо къ Цицерону съ приглашеніемъ къ себѣ въ Люцерію. Ep. 334. ad Att. VIII. 11. A. (*Самое письмо Помпея*). См. стр. 177.

Около это же времени Помпей отправляетъ письмо къ консуламъ съ просьбою, какъ можно скорѣе идти къ нему съ новобранцами въ Брундузій. Ep. 336. ad Att. VIII. 12. A. (*Собств. письмо Помпея*): Vos hortor, ut quodcunque militum contrahere poteritis, contrahatis et eodem veniatis quam primum.

Одновременно съ этимъ—письмо къ Домицію, въ которомъ Помпей настоятельно проситъ послѣдняго поспѣшить съ своей арміей къ нему въ Люцерію. Ibid. B. § 2: Quamobrem etiam et etiam te rogo et hortor, id quod non dedisti superioribus literis a te petere, ut primo quoque die Luceriam advenires, antequam copiae, quas instituit Caesar contrahere, in unum locum coactae nos a nobis distrahant. См. стр. 180.

15. Цицеронъ получаетъ вышеупомянутое письмо Помпея изъ Люцеріи отъ 13 февр. Ep. 334. ad Att. VIII. 11. B. § 1: *A. d. XV Kal. Mart.* Formiis accepi tuas literas.

16. Второе письмо Помпея къ Домицію, въ которомъ онъ, не зная ничего объ осадѣ и сдачѣ Корфиніи, повторяетъ прежнія просьбы. Ep. 336. ad Att. VIII. 12. C. § 2: Quamobrem te magno opere hortor, ut quam primum cum omni

copia huc venias. Ibid. § 3: Etiam atque etiam te hortor, ut cum omni copia quam primum ad me venias. См. стр. 180—181.

10.* Паденіе Корфиніи. Домицій сдается Цезарю со всей своей арміей. Dio XLI. 10: Καὶ ἐπὶ Κορφίνιον, ἐπειδὴ οἱ ὑπὸ Λουκίου Δομιτίου κατεχόμενον οὐ προσεχώρει, ὥρμησε καί τινας ἀπαντήσαντας μάχῃ κρατήσας ἐς πολιορκίαν τοὺς λοιποὺς κατέκλεισεν..... καὶ τὸν Δομίτιον ἐκλιπόντα τὸ Κορφίνιον ἀκολουθεῖν οἱ ἐκέλευσεν.... καὶ οἱ μὲν συνεστρατεύοντο αὐτῷ, Δομίτιος δὲ καὶ οἱ ἄλλοι βουλευταὶ ἠτιάθησαν μὲν ὑπ' αὐτοῦ ἐπὶ τῇ ἀντιάξει, ἀπελύθησαν δὲ καὶ πρὸς τὸν Πομπήιον ἀπῆλθον.—Caes. B. C. I. 23: Milites Domitianos sacramentum apud se dicere jubet atque eo die castra movet justumque iter conficit, *septem omnino dies ad Corfinium commoratus.*—Ep. 338. ad Att. VIII. 14. § 1: Eodem enim die video Caesarem a Corfinio post meridiem *profectum esse, id est, Feralibus.* Итакъ Цезарь оставилъ Корфиній въ Фералій, т. е. 22 февраля, а всего въ Корфиніи пробылъ семь дней: слѣдовательно онъ вступилъ въ Корфиній 16 февраля. Drumann, B. III. S. 430: „*am 17 Febr.*“ (?)

16. Цицеронъ отправляетъ Помпею отвѣтъ на его письмо отъ 13 февр. (изъ Люцеріи). Ep. 334 ad Att. VIII. 11. B.

17. Третье письмо Помпея къ Домицію, все съ тѣми же просьбами. Ep. 336. ad Att. VIII. 12. D. § 2: huc quamprimum venias, antequam omnes copiae adversariûm conveniant. См. стр. 181.

20. Помпей въ Канузіѣ. Ep. 334. ad Att. VIII. 11. C. Отправляетъ изъ Канузія новое письмо къ Цицерону съ тою же просьбою—пріѣзжать къ нему, но уже не въ Люцерію, какъ прежде, а прямо въ Брундузій. Ibid.: Censeo, via Appia iter facias et celeriter Brundisium venias.

21. Помпей выѣзжаетъ изъ Канузія въ Брундузій. Ep. 341. ad Att. IX. 1. § 1: Canusio *IX Kal.* (*Mart.*) profectus erat Cnaeus. По другому указанію, Помпей выѣхалъ изъ Канузія въ утро того дня, когда Цезарь оставилъ Корфиній, именно въ праздникъ Фералій, т. е. *22 февр.* Ep. 338. ad Att. VIII. 14. § 1: Eodem enim die video Caesarem a Corfinio post meridiem profectum esse, id est, Feralibus, quo Canusio mane Pompejum. См. стр. 186.

22. Цезарь выступаетъ изъ Корфинія. См. предъидущую цитату. См. стр. 187, также 18—19.

24. Бальбъ Младшій спѣшитъ къ Лентулу съ секретными порученіями отъ Цезаря. Ep. 332. ad Att. VIII. 9. § 4: *VI Kal.* (*Mart.*) vesperi Balbus minor ad me venit, occulta via currens ad Lentulum cos., missu Caesaris, cum literis, cum mandatis, cum promissione provinciae, Romam ut redeat. См. стр. 187—188.

Около этого же времени—новая попытка Цезаря привлечь Цицерона на свою сторону. Ep. 334. ad Att. VIII. 11. См. стр. 189.

25. Помпей прибылъ въ Брундузій. Ep. 351. ad Att. IX. 10. § 8: *Ad Kal. Mart.*, cum ille (sc. Pomp.) *quintum jam diem* Brundisii esset etc. Срв. Ep. 332. ad Att. VIII. 9. § 4: Sed cum haec scribebam *V Kal.* (*Mart.*), Pompejus jam Brun-

disium venisse poterat. Срв. 334. ad Att. VIII. 11. См. стр. 189. Невѣрно у Suringar'a, p. 741: „*22 Febr.*“ Та же ошибка и у Drumann'a, B. III. S. 429. Другая ошибка у Göler'a, 2 Th. s. 77: *26 февраля*. См. стр. 189—190.

27. Цицеронъ получаетъ второе письмо Помпея (изъ Капуи) отъ 20 февр. Ep. 331. ad Att. VIII. 11.

Мартъ.

1. Цезарь въ Arpi (н. развал. на р. *Cesone*). Ep. 334. ad Att. VIII. 11.—Ep. 350. ad Att. IX. 3. § 2: Nam *Kal.* (*Mart.*) Arpis manserat (Caesar).

1. Первый транспортъ Помпеевыхъ войскъ изъ Брундузія въ Диррахій (н. *Durazzo.*). Ep. 347. ad Att. IX. 6. § 3: Pompejus (?) mare transiit cum omnibus (?!) militibus, quos secum habuit..... Conscendisse dicitur *a. d. II Non Mart.* Срв. B. C. I. 25: (Caesar) Brundisium cum legionibus VI pervenit..... Reperit consules Dyrrhachium profectos cum magna parte exercitus, Pompejum remanere Brundisii cum cohortibus XX. См. стр. 191—193.

8. Домицій въ Римѣ. Ep. 350. ad Att. IX. 3. § 1. Домицій-сынъ—въ Форміяхъ, по пути въ Неаполь къ матери. Ibid: Domitii filius transiit Formias *VIII Idus* (*Mart.*) currens ad matrem Neapolim mihique nunciari jussit patrem ad urbem esse.

9. Цезарь подступаетъ къ Брундузію. Ep. 354. ad. Att.IX. 12 et 13 extr. A. (Письмо Цезаря къ Бальбу): *A. d. VII Id. Mart.* Brundisium veni: ad murum castra posui. Pompejus est Brundisii. См. стр. 194.

11.* Проведенъ законъ (плебисцитъ), предоставляющій транспаданцамъ право римскаго гражданства. Въ 1880 г. найденъ въ долинѣ По обломокъ надписи, содержащій въ себѣ отрывокъ изъ этого закона: lex seive illud pl. sc. est, quod L. Roscius *a. d. V eid. Mart.* populum plebemve rogavit. См. Herzog's Gesch. u. Syst. d. Röm. Staatsverf. S. 567.

17.† Помпей, съ остальною частью войска оставляетъ Брундузій. Caes. B. C. I. 27: Prope dimidia parte operis a Caesare effecta, *diebus in ea re consumtis novem*, naves a consulibus Dyrrhachio remissae, quae priorem partem exercitus eo reportaverant, Brundisium revertuntur..... Iis paratis rebus milites silentio naves conscendere jubet.—Сопоставляя настоящую цитату съ непосредственно ей предшествующей, изъ которой мы узнаёмъ, что Цезарь подступилъ къ Брундузію *9 марта* и тотчасъ же началъ свои осадныя работы, получаемъ искомую дату: *17 марта*, дату, которая прямо подтверждается письмомъ Мація и Требація, 356. ad Att. IX. 15. A: Cum Capua exissemus, in itinere audiimus Pompejum Brundisio a. d. XVI Kal. Apr. cum omnibus copiis, quas habuerit, profectum esse.—Невѣрно у Billerbeck'a, III, p. 480: „*am 16 März*“. См. стр. 195; также часть III. § 40, на стр. 446.

18.† Цезарь вступаетъ въ оставленный Помпеемъ Брундузій. Ep. 356. ad Att. IX. 15. A: Cum Capua exissemus, in itinere audiimus Pompejum Brundisio a. d. XVI Kal. Apr. cum omnibus copiis, quas habuerit, profectum esse; *Caesarem postero die in oppidum introisse*; concionatum esse; inde Romam contendisse. См. стр. 203.

19. Свиданіе Цицерона съ Маціемъ (разговоръ о Цезарѣ). Ep. 352. ad Att. IX. 11. § 2: Venit etiam ad me Matius *Quinquatribus* (=*19 марта*)... Quum ille haec non probare mihi quidem visus est! etc. Срв. стр. 189.

20. Около этого времени консулъ Лентулъ находится въ Путеолахъ. Ep. 352. ad Att. IX. 11. § 1: Lentulum nostrum scis Puteolis esse. (*Письмо Цицерона отъ 20 марта*).

25. Цезарь въ Беневентѣ (на возвратномъ пути изъ Брундузія въ Римъ). Ep. 256. ad Att. IX. 15. A: Epistola conscripta, nunciatum est nobis Caesarem *a. d. VIII Kal. Apr.* Beneventi mansurum. См. стр. 203.

26. Цезарь въ Капуѣ. Ibid.: *a. d. VII.* Capuae. См. ib.

27. Въ Синуэссѣ (п. развал. къ зап. отъ *Castel Rocca di Mandragone*). Ibid. *a. d. VI.* Sinuessae. См. ib.

28. Въ Альбанѣ у Куріона. Ep. 256. ad Att. IX. 15. § 1: allatae mihi sunt literae cum (sc. Caes.) in Albano apud Curionem *V Kal.* (*Apr.*) fore. См. ib.

[**28 или 29.**] Въ Arpinum'ѣ; свиданіе съ Цицерономъ Ep. 359. ad Att. IX. 18. См. стр. 203.

[**30.**] Не ранѣе 30 марта Цезарь прибылъ въ Римъ (но не позднѣе 1 апр.). См. стр. 203.

Апрѣль.

[**1.**] Къ 1 апр. Цезарь, по всей вѣроятности, былъ уже въ Римѣ. Ep. 356. ad Att. IX. 15. A: (audiimus) velle (Caesarem) *ante Kal.* (*Apr.*) esse ad urbem. См. стр. 203. Ep. 358. ad Att. IX. 17: Senatum enim velle se frequentem adesse, etiam Formiis praescribi jussit (Caesar). — Caes. B. C. I. 32: His rebus confectis, Caesar, ut reliquum tempus a labore intermitteretur, milites in proxima municipia deducit: ipse ad urbem proficiscitur. Coacto senatu, injurias inimicorum commemorat, docet etc.— Dio XLI. 15: τὸ δὲ δὴ Βρεντέσιον διὰ φυλακῆς τοῦ μή τινα τῶν ἀπηρκότων ἀναπλεῦσαι ποιησάμενος πρός τε τὴν Ῥώμην ἦλθε καὶ τῆς γερουσίας οἱ ἔξω τοῦ πωμηρίου ὑπό τε τοῦ Ἀντωνίου καὶ ὑπὸ τοῦ Λογγίνου παρασκευασθείσης ἐδημηγόρησε πολλὰ καὶ ἐπιεικῆ.— См. стр. 203.

3. Цицеронъ пріѣзжаетъ въ Laterninum къ брату. Ep. 361. ad Att. X. 1. § 1: *Tertio Nonas* (*Apr.*) cum in Laterninum fratris venissem, accepi literas etc.

5. Цицеронъ переѣзжаетъ въ Arcanum, другое имѣнье брата. Ep. 362. ad Att. X. 2. § 1: Ego cum accepissem tuas literas *Non. Apr.*,....., sustinui me in Arcano fratris.

[**7—13.**] Между этими числами Цезарь отправляется изъ Рима (въ Испанію). Ep. 363. ad Att. X. 3.—Ep. 361. ad Att. X. 3. extr. См. стр. 205—206. Срв. Ep. 356. ad Att. IX. 15. A.: (audiimus Caesarem) velle ante Kal. (Apr.) esse ad urbem et *paucos dies* ibi commorari, deinde in Hispanias proficisci.—Dio XLI. 18: καὶ ἐκεῖνα μὲν τῷ Ἀντωνίῳ ἐπέτρεψεν, αὐτὸς δὲ ἐς τὴν Ἰβηρίαν.... ὥρμησεν. Caes. B. C. I. 33: Caesar, frustra *diebus aliquot* consumtis, ne reli-

quum tempus omittat, infectis iis, quae agere destinaverat, ab urbe proficiscitur atque in ulteriorem Galliam pervenit.—По Друманну, B. III, S. 776: *ок. середины апрѣля*; по Абекену, *Cic. in seinen Briefen*, S. 227: *5 апрѣля*; по Гёлеру, *Caesars Krieg*, 2 Th., S. 26: *4 апрѣля* (=*12 февр.* по юліанскому календарю).

Въ половинѣ апрѣля Куріонъ отправляется къ мѣсту своего назначенія—въ Сицилію (противъ Катона). Ep. 366. ad Att. X. 4. § 7: Cum haec scripsissem, a Curione mihi nunciatum est, eum ad me venire. Venerat enim is in Cumanum vesperi pridie, id est, *Idibus* (*Apr.*). Ibid.: Nosti hominem: nihil occultavit; in primis nihil esse certius, quam ut omnes, qui lege Pompeja condemnati essent, restituerentur; itaque se in Sicilia eorum opera usurum. (*Письмо Циц. отъ 14 апр.*).—Ep. 370. ad Att. X. 7. § 1: Facit Hadriano mari Dolabella, Fretensi Curio. Срв. Appian. II. 41: ἐς δὲ τὰ ἔξω, Κουρίωνα μὲν ἀντὶ Κάτωνος ἠρεῖτο ἡγεῖσθαι Σικελίας.—См. стр. 206.

13. Цицеронъ въ Cumanum'ѣ (близъ н. *Fusaro* и *Lago di Patria*). Вечеромъ къ нему является Куріонъ. Ep. 366. ad Att. X. 4. § 7.

16. Цезарь отправляетъ письмо къ Цицерону, настойчиво предостерегающее послѣдняго „отъ всякаго опрометчиваго шага“ (т. е. бѣгства изъ Италіи). Ep. 374. ad Att. X. 8. B: Etsi te nihil temere, nihil imprudenter facturum judicaram, tamen permotus hominum fama scribendum ad te existimavi et pro nostra benevolentia petendum, ne quo progredereris proclinata jam re, quo integra etiam progrediendum tibi non existimasses. — Ibid.: Quod ne facias, pro jure nostrae amicitiae a te peto. — Ibid.: *XV Kal. Mai.* ex itinere См. стр. 261.

23. Куріонъ вытѣсняетъ Катона изъ Сициліи (Катонъ выѣзжаетъ изъ Сиракузъ). Ep. 382. ad. Att. X. 16. § 3: Cato, qui tenere Siciliam nullo negotio potuit, et, si tenuisset, omnes boni ad eum se contulissent, Syracusis profectus est *ante d. VIII Kal. Mai.*, ut ad me Curio scripsit.—Caes. B. C. I. 30: Haec in concione questus (Cato) ex provincia fugit. Ibid. 31: Nacti vacuas ab imperio Sardiniam Valerius, Siciliam Curio.—Dio XLI. 18: ὁ δ' οὖν Καῖσαρ ταῦτά τε οὕτως ἐποίησε καὶ τὴν Σαρδὼ τήν τε Σικελίαν ἀμαχεὶ κατέσχεν ἐκχωρησάντων τῶν τότε ἐν αὐταῖς ἀρχόντων. См. стр. 213. Ошибочно Drumann, B. III, S. 448: „*am 24 April.*“ См. Fischer, R. Z. S. 272.

Май.

Осада Массиліи (н. *Marseille*). Ep. 376. ad Att. X. 10. § 4: De Massiliensibus gratae tuae mihi literae. (*Письмо отъ 3 мая*). Ep. 378. ad Att. X. 12. § 6: Hispanias spero firmas esse. Massiliensium factum, cum ipsum per se luculentum est, tum mihi argumento est recte esse in Hispaniis.—Ep. 280. ad Att. X. 14. § 2: Haec potius conquire, de Hispaniis, de Massilia; quae quidem satis bella Servius affert. (*Всѣ письма относятся къ нач. мая*).—Dio XLI. 19 οἱ μέντοι Μασσαλιῶται μόνοι τῶν ἐν τῇ Γαλατίᾳ οἰκούντων οὔτε συνήραντο τῷ Καίσαρι οὔτε ἐς τὴν πόλιν ἐσεδέξαντο, ἀλλὰ καὶ ἀπόκρισιν αὐτῷ ἀξιομνημόνευτον ἔδοσαν etc.—Caes. B. C. I. 34—36; II. 1—22.—Vell. II. 50.—Suet. Caes. 34. Liv. epit. 110. См. стр. 210—211.

2. Цицеронъ получаетъ *odiosas literas* отъ Антонія, составляющія pendant къ вышеупомянутому письму Цезаря отъ 17 апр., которое было получено Цицерономъ одновременно съ Антоніевымъ, т. е. 2 мая. Ep. 374. ad Att. X. 8. § 10, также ibid. A. и B. См. стр. 239.

Въ началѣ мая Котта еще держится въ Сардиніи противъ Валерія. Ep. 382. ad Att. X. 16. § 3: Utinam, quod ajunt, Cotta Sardiniam teneat! Est enim rumor. (*Письмо Циц. отъ 14 мая*). Срв. Caes. B. C. I. 30: Mittit (Caes.) in Sardiniam cum legione una Valerium legatum. См. стр. 214.

6. Сервій Сульпицій въ Минтурнахъ. Ep. 379. ad Att. X. 13. § 2: Servius *pridie Non. Mai.* Minturnis mansisse dicitur.

7. Сервій Сульпицій въ Laterninum'ѣ у К. Марцелла. Ibid.: *hodie* in Laternino mansurus apud C. Marcellum. *(Письмо Циц. отъ 7 мая).*

8. Сер. Сульпицій въ Cumanum'ѣ у Цицерона. Ibid.: Cras igitur nos mature videbit (Servius) mihique dabit argumentum ad te epistolae. Срв. Ep. 381. ad Att. X. 15.

14. Цицерона посѣщаетъ Гортензій. Ep. 383. ad Att. X. 17. § 1: *Pridie Id. (Mai)* Hortensius ad me venit.

Іюнь.

11. Цицеронъ бѣжитъ изъ Италіи (къ Помпею). Ep. 385. ad Div. XIV. 7. (*Письмо Цицерона къ Теренціи, писанное 11 іюня на кораблѣ въ Гаэтской гавани*). Caes. B. C. III. 3: Pompejus, annuum spatium ad comparandas copias nactus, quod vacuum a bello atque ab hoste otiosum fuerat, magnam ex Asia Cycladibusque insulis.... classem coegerat. — Plut. Cic. 38: Τοῦ δὲ Καίσαρος εἰς Ἰβηρίαν ἀπάραντος εὐθὺς ὡς Πομπήιον ἔπλευσε (ὁ Κικέρων).— Dio XLI. 18: Αὐτὸς δὲ (ὁ Καῖσαρ) ἐς τὴν Ἰβηρίαν.... ὥρμησεν· κἂν τούτῳ ἄλλοι τε βουλευταὶ καὶ ὁ Κικέρων, μηδὲ ἐς ὄψιν τῷ Καίσαρι ἐλθών, πρὸς τὸν Πομπήιον ὡς γε τά τε δικαιότερα πράττοντα καὶ τῷ πολέμῳ κρατήσοντα ἀπεχώρησεν.—Plut. Pom. 64: Κικέρων δὲ καίπερ ἄλλα γεγραφὼς καὶ βεβουλευμένος, ὅπως κατῃδέσθη μὴ γενέσθαι τοῦ προκινδυνεύοντος ἀριθμοῦ τῆς πατρίδος. См. стр. 240. 251.

Августъ.

2.+ Сдача Афранія и Петрея у Илерды. *Fast. Maff.* [C. I. L. I, p. 306.]: *IV Non Sext.* Hoc die Caesar in Hispania vicit. *Fasti Amitern.* (C. I. L. I, p. 324.): *IV Non. Sext.* Feriae, quod eo die C. Caes. C. F. in Hispania Citeriore.... devicit.

Декабрь.

Цезарь возвращается изъ Испаніи въ Италію. App. II. 48: Καὶ τάδε πράξας περὶ χειμερίους τροπὰς περιέπεμπε τὸν στρατὸν ἁπαντᾶν ἐς τὸ Βρεντέσιον· αὐτός τε ἔξήει Δεκεμβρίου μηνὸς Ῥωμαίοις ὄντος. Dio XLI. 39: ἐπ' ἐξόδῳ τοῦ ἔτους. Plut. Pom. 65: ἐν τροπαῖς ἤδη τοῦ χειμῶνος ὄντος.

Годъ 706 п. с.

ГОДЪ ЦЕЗАРЯ 52.

Январь.

1*. Цезарь отчаливаетъ изъ Брундузія. Caes. B. C. III. 6: Caesar, ut Brundisium venit, concionatus apud milites,.... *pridie Non. Ian.* naves solvit, impositis, ut supra demonstratum est, legionibus septem. Plut. Caes. 37: χειμῶνος ἐν τροπαῖς ὄντος, ἑσταμένου Ἰανουρίου μηνός, ἀφῆκεν εἰς τὸ πέλαγος. — Appian. II. 54: ὑπὸ δὲ χειμώνων ἐς τὰ Κεραύνια ὄρη περιαχθεὶς τὰ μὲν πλοῖα εὐθὺς ἐς Βρεντέσιον ἐπὶ τὴν ἄλλην στρατιὰν περιέπεμπεν, αὐτὸς δ' ἦει νυκτὸς ἐπὶ πόλιν Ὧρικον. Dio XLI. 44: μεσοῦντος γοῦν χειμῶνος μέρει τοῦ στρατοῦ ἀπῆρεν (οὐ γὰρ ἦσαν ἱκανοὶ νῆες ὥστε πάντας ἅμα αὐτοὺς περᾶσαι).... ἐπεραιώθη πρὸς τὰ ἄκρα τὰ Κεραύνια ὠνομασμένα. Suet. Caes. 37: A Brundisio Dyrrhachium *hieme* transmisit.

6*. Цезарь пристаетъ съ флотомъ къ Керавнскому мысу. Caes. B. C. III. 6: *Postridie* (*Non. Ian.*) terram attigit. Cerauniorum saxa inter et alia loca periculosa quietam nactus stationem et portus omnes timens, quos teneri ab adversariis arbitrabatur, ad eum! ocum, qui appellatus Palaeste, omnibus navibus ad unam incolumibus, milites exposuit. Срв. предъид. цит. изъ App. и Dio.

Февраль.

Цицеронъ въ лагерѣ Помпея въ Эпирѣ. Ep. 386. ad Att. XI. 1. (*Письмо Циц., писанное изъ Эпира въ началѣ февр.*). Срв. Plut. Cic. 38: Τοῦ δὲ Καίσαρος εἰς Ἰβηρίαν ἀπάραντος, εὐθὺς ὡς Πομπήιον ἔπλευσεν.

Мартъ.

Мятежъ М. Целія Руфа въ Римѣ. Ep. 388. ad Div. VIII. 17. См. стр. 279—280. Срв. Caes. B. C. III. 20: Iisdem temporibus Romae M. Caelius Rufus praetor, causa debitorum suscepta, initio magistratus tribunal suum juxta C. Trebonii praetoris urbani sellam collocavit, et si quis adpellasset de aestimatione et de solutionibus, quae per arbitrum fierent, ut Caesar praesens constituerat, fore auxilio pollicebatur. (*Письмо Целія къ Цицерону, относящееся, по Биллербеку, къ марту 706 г.*).—Vell. II. 68: M. Caelius, vir eloquio animoque Curioni simillimus, sed in utroque perfectior, nec minus ingeniose nequam cum immodica quidem servari posset, quippe pejor illi res familiaris quam mens erat, in praetura novarum tabularum auctor exstitit..... in urbe seditionem haud magis occulte bellicum tumultum movens, primo submotus a rep., mox consularibus armis auctore senatu circa Thurios oppressus est. App. II. 22. Liv. epit. 111. Fischer, R. Z. S. 280., относитъ эти событія къ январю и февралю.

Май.

Цезарь окружаетъ Помпея у Диррархія. Ep. 389. ad Div. IX. 9. § 2: et hoc etiam, quod infimo cuique contigit, illi non posse contingere, ut honeste effugere possit, pulso Italia, amissis Hispaniis, capto exercitu veterano, *cir-*

cumvallato nunc denique: quod nescio an nulli unquam nostro acciderit imperatori. (*Письмо Долабеллы, относимое Бэллербекомъ къ маю 706 г.*).—Caes. B. C. III. 43: Inde, ut loci cujusque natura ferebat, ex castello in castellum perducta munitione, circumvallare Pompejum instituit. — Appian. II. 61: καὶ τῷδε μάλιστα ἀνιαθεὶς ὁ Καῖσαρ ἐπετόλμησεν ἔργῳ δυσχερεῖ τε καὶ παραλόγῳ, πάντα Πομπηίου τὰ στρατόπεδα ἑνὶ τείχει περιλαβὼν ἐκ θαλάσσης ἐς θάλασσαν ἀποτειχίσαι. Vell. II. 51: (Caesar) nihil in mora habuit, quo minus et cum vellet, ipse exercitusque classibus perveniret et primo paene castris Pompeii sua junge, ret, mox etiam obsidione munimentisque eum complecteretur.—Dio XLI. 50: καὶ αὐτῷ ὁ Καῖσαρ ἐπιστρατοπεδεύσας προσέμιξε μὲν ἰὼς καὶ δι' ὀλίγου τὸ χαράκωμα τῷ πλήθει τῶν στρατιωτῶν αἰρήσων, ἐπεὶ δὲ ἀπεκρούσθη, ἐπεχείρησεν αὐτὸ ἀποτειχίσαι. Suet. 35: Pompejum per quattuor paene menses maximis obsessum operibus etc. См. стр. 278.

Іюнь.

Помпей терпитъ крайнюю нужду. Ep. 391. ad Att. XI. 3. § 3: etsi egeo rebus omnibus; quod is quoque in angustiis est, quicum sumus, cui magnam dedimus pecuniam mutuam, opinantes nobis, constitutis rebus, eam rem etiam honori fore. (*Письмо Циц., писанное ок. 13 іюня къ лагерь Помпея*). См. стр. 278.

Іюль.

15. Около этого времени Помпею удалось одержать временный перевѣсъ надъ Цезаремъ. Ep. 392. ad Att. XI. 4. § 2: Quid sit gestum novi, quaeris: ex Isidoro scire poteris; *reliqua non videntur esse difficiliora.* Me conficit sollicitudo, ex qua etiam summa infirmitas corporis: qua levata, ero una cum equi negotium gerit *estque in spe magna.*—Срв. Vell. II. 51: Variatum deinde proeliis, sed uno longe magis Pompejanis prospero, quo graviter impulsi sunt Caesaris milites.—Plut. Caes. 39: ἀεὶ δέ τινες περὶ τοῖς ἐρύμασι τοῖς Πομπηίου μάχαι σποράδες ἐγίγνοντο· καὶ περιῆν πάσαις ὁ Καῖσαρ, πλὴν μιᾶς· ἐν ᾗ τροπῆς μεγάλης γενομένης ἐκινδύνευσεν ἀπολέσαι τὸ στρατόπεδον.—Dio XLI. 50: γενομένου δὲ τούτου ὁ Πομπήιος ἐπιθαρσήσας ἐπεβούλευσε νυκτὸς τῷ περιτειχίσματι, καὶ ἐκείνου τε τι ἀπροσδόκητος προσπεσὼν εἶλε, καὶ φόνον τῶν αὐλιζομένων πρὸς αὐτῷ πολὺν εἰργάσατο. Suet. Caes. 36: pulsus (ad Dyrrhachium), non instante Pompejo, negavit eum vincere scire. Caes. B. C. III. 66 — 67. Liv. epit. 111. См. стр. 278—279.

Августъ.

9.* Фарсальская битва. *Fasti Amiternini* (C. I. L. v. I, p. 324): *Id. Sext.* Soli indigiti in colle Qurinale Fer [iae], q [uod] eo d [ie] C. Caes [ar] C. F. Pharsali devicit.—Liv. epit. 111. Cn. Pompejus,.... translato in Thessaliam bello, apud Pharsaliam acie victus est.—Vell. II. 52: Aciem Pharsalicam et illum cruentissimum Romano nomini diem tantumque utriusque exercitus profusum sanguinis et consilio inter se duo reip. capita efossumque alterum Romani imperii lumen, tot talesque Pompejanarum partium caesos viros non recipit enarrandae hic scripturae modus.—Plut. Caes. 42—45. Dio XLI. 55.—Appian. II. 66.—Caes. B. C. III. 89—100.—Suet. Caes. 35: in Macedoniam transgressus Pompejum, per quattuor paene menses maximis obsessum operibus, ad extremum Pharsalico proelio fudit. См. стр. 285 и далѣе.

Сентябрь.

28.* Смерть Помпея—на 58 году, наканунѣ дня рожденія. Vell. II. 53: duodesexagesimum annum agentis, pridie natalem ipsius, vitae fuit exitus. (На показаніе Плутарха, Pom. 76., что смерть Помпея случилась *на другой день* послѣ дня рожденія, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на недоразумѣніе). Днемъ же рожденія Помпея, по свидѣтельству Плинія, II. N. 37, 2., было *pridie Kal. Octobres*, т. е. *29 сентября*. Срв. *Fischer's* R. Z. s. 160, гдѣ „*am 30-stem Rom. September*" представляетъ собою опечатку, исправленную въ другомъ мѣстѣ (такъ какъ дореформенный сентябрь имѣлъ всего 29 дней. См. ib. S. 293). Ошибочно поэтому Drumann, B. III. S. 524: „*am 29 September*". C. Peter, имѣющій привычку переносить къ себѣ всѣ хронологическія ошибки Друманна, добросовѣстно сохраняетъ и эту послѣднюю ошибку даже въ *шестомъ* изданіи своихъ *Röm. Zeittaf.* S. 99.

Ноябрь.

Цицеронъ, послѣ Фарсальской битвы, возвращается въ Италію. Ep. 395. ad Div. XIV. 12. § 1: Quod nos in Italiam salvos venisse gaudes, perpetuo gaudeas velim. (*Письмо Циц. изъ Брундузія отъ 4 ноября*). Срв. Dio XLII. 10: ἡττηθέντος δὲ τοῦ Πομπηίου.... Κικέρων μέν καὶ ἄλλοι τινὲς τῶν βουλευτῶν ἐς τὴν Ῥώμην παραυτίκα [?] ἀπῆραν. — Цицеронъ оставался въ Брундузіѣ до сент. слѣдующаго года. Ep. 428. ad Div. XIV. 22.—Ep. 429. ad Div. XIV. 20. Срв. Plut. Cic. 39: Γενομένης τῆς κατὰ Φάρσαλον μάχης.... καὶ Πομπηίου φυγόντος, ὁ μὲν Κάτων καὶ στράτευμα συχνὸν ἐν Δυῤῥαχίῳ καὶ στόλον ἔχων μέγαν, ἐκεῖνον ἠξίου στρατηγεῖν κατὰ νόμον καὶ τὸ τῆς ὑπατείας ἄξίωμα προῦχοντα. Διωθούμενος δὲ τὴν ἀρχὴν ὁ Κικέρων καὶ ἅλως φεύγων τὸ στρατεύεσθαι παρ' οὐδὲν ἦλθεν ἀναιρεθῆναι.... Κατασχὼν δ' εἰς Βρεντέσιον ἐνταῦθα διέτριβε, Καίσαρα περιμένων, βραδύνοντα διὰ τὰς ἐν Ἀσίᾳ καὶ περὶ Αἴγυπτον ἀσχολίας. См. стр. 297 и далѣе.

Декабрь.

13. Съ 13 декабря до іюня (707 г.) не было получено въ Италіи ни одного письма отъ Цезаря изъ Александріи. 412. ad Att. XI. 17. § 3: Illum (=Caesarem) ab Alexandria discessisse nemo nunciat, constatque ne profectum quidem illinc quemquam post Idus Mart., nec post *Idus Dec.* ab illo datas ullas literas. (*Письмо Цицерона изъ Брундузія въ іюнь 707 г.*) У Друманна, B. III. S. 535: „*vom Anfange des October 48. bis zum Iuli 47. nach dem unberichtigtem Kalender*":—явное недоразумѣніе, если не опечатка.

Годъ 707 п. с.

ГОДЪ ЦЕЗАРЯ 53.

Мартъ.

27.* Цезарь овладѣваетъ Александріей. *Fasti Maffejani* (C. I. L. v. I, p. 304): *VI Kal. Apr.* Hoc die Caesar Alexand[riam] recepit. Vell. II. 55: Ibi primo varia fortunam expugnavit via inclinataeque hostium copiae. Appian. II. 90: θορυβούντων δ' ἐπὶ τῷδε τῶν Ἀλεξανδρέων καὶ τῆς στρατιᾶς τῆς βασιλικῆς ἐπ'

αὐτὸν ἰούσης, ἀγῶνες αὐτῷ ποικίλοι περὶ τὸ βασίλειον ἐγένοντο.... Τελευταῖον δ' ἀνὰ τὸν Νεῖλον αὐτῷ γίγνεται πρὸς τὸν βασιλέα ἀγών, ᾧ δὴ καὶ μάλιστα ἐκράτει. Liv. epit. 112: Caesar, dictator creatus, Cleopatram in regnum Aegypti reduxit et inferentem bellum iisdem auctoribus Ptolemaeum, quibus Pompejum interfecerat, cum magno suo discrimine vicit. Ptolemaeus dum fugit, in Nilo navicula subsedit.—Suet. Caes. 35: Pompejum.... fugientem Alexandriam persecutus, ut occisum deprehendit, cum Ptolemaeo rege, a quo sibi quoque insidias tendi videbat, bellum sane difficillimum gessit.... Regnum Aegypti victor Cleopatrae fratrique ejus minori permisit.

Въ концѣ марта Лентулъ въ Родосѣ, его сынъ въ Александріи. Ep. 408. ad Att. XI. 3. § 1: P.Lentulum patrem Rhodi esse ajunt, Alexandriae filium. (Письмо писанное въ *концѣ марта*). Около этого же времени К. Кассій выѣхалъ изъ Родоса въ Александрію Ibid.: Rhodoque Alexandriam C. Cassium profectum esse constat. См. стр. 289.

Іюнь.

12. Пріѣзжаетъ къ Цицерону въ Брундузій его дочь Туллія. Ep. 412. ad Att. XI. 17: Tullia mea venit ad me *pridie Id. Jun.*—Ibid.: Tulliam autem, non videbam esse causam, cur diutius mecum tanto in communi maerore retinerem.

14. Съ 13 декабря 706 г. до означеннаго числа не было получено въ Италіи ни одного письма отъ Цезаря, изъ Александріи. Ep. 412. ad Att. XI. 17. § 3. См. цитату выше, на 25 стр.

Іюль.

[17.] Не позднѣе 17 іюля, а м. б. и ранѣе, Цезарь прибылъ въ Азію (въ Антіохію). См. стр. 294 — 295. Срв. Appian. II. 91: τοσάδε μὲν δὴ Καῖσαρ ἐργασάμενος ἐν Ἀλεξανδρείᾳ διὰ Συρίας ἐπὶ Φαρνάκην ἠπείγετο. B. Alex. 33: Sic rebus omnibus confectis et collocatis, ipse itinere terrestri profectus est in Syriam. Plut. Caes. 49: τέλος δὲ.... ὥρμησεν ἐπὶ Συρίας. Suet. Caes. 35: Ab Alexandria in Syriam et inde Pontum transiit, arguentibus de Pharnace nunciis.

Августъ.

2.* Битва при Зелѣ. *Fasti Amiternini* (C. I. L. v. I, p. 324): *a. d. VI Non. Sext.* Feriae, quod eo die Caes(ar) C. F. in Hispan(ia) Citer(iore) et quod in Ponto eod(em) die regem Pharnacem devicit. Ссылка у Петера, R. Z. 6 Aufl. S. 100, на *Fasti Maffejani* (C. I. L. I, p. 304) ошибочна.

12. Получено Цицерономъ письмо отъ Цезаря изъ Александріи. Ep. 423. ad Div. XIV. 23: *Pridie Id. Sext.* redditae mihi tandem sunt a Caesare literae satis liberales ex Aegypto.

27. Около этого времени происходитъ возмущеніе 12-го легіона (Сулла). Ep. 426. ad Att. XI. 21. § 2: Legio XII, ad quam primum Sulla venit, lapidibus egisse hominem dicitur. Nullam putant se commoturam. Ep. 427. ad Att. XI. 22: Sulla, ut opinor, cras hic erit cum Messala. Currunt ad illum (sc. Caes.) pulsi a militibus; qui se negant usquam, nisi acceperint. (*Первое письмо отъ 23 авг., второе отъ 1 сент.*). См. стр. 296.

Сентябрь.

Время вѣроятнаго возвращенія Цезаря въ Римъ. См. стр. 295.

Октябрь.

1. Цицеронъ въ Венузіи, на пути изъ Брундузія въ Римъ. Ep. 429. ad Div. XIV. 20.

Декабрь.

17.* Цезарь причаливаетъ съ флотомъ въ Лилибей (н. *Marsala*). B. Afr. 1: Caesar, itineribus justis confectis, nullo die intermisso, *a. d. XIV Kal. Ian.* Lilybeum pervenit. Срв. Plut. Caes. 52: τῶν δὲ περὶ Κάτωνα καὶ Σκηπίωνα μετὰ τὴν ἐν Φαρσάλῳ μάχην εἰς Λιβύην φυγόντων.... ἔγνω στρατεύειν ὁ Καῖσαρ ἐπ' αὐτούς· καὶ περὶ τροπὰς χειμερινὰς διαβὰς εἰς Σικελίαν etc. Ошибочно Drumann, B. III. S. 580: *„am 19 December."*

25.* Цезарь отплываетъ съ флотомъ изъ Лилибея. B. Afr. 2: Datis mandatis ipse navem conscendit *a. d. VI Kal. Ian.* et reliquas naves statim est consecutus. Ошибочно Drumann, B. III. S. 380: *„am 27 December."*

28.* Цезарь съ флотомъ приближается къ берегамъ Африки. Ibid.: *post diem quartum* cum longis paucis navibus in conspectum Africae venit. Срв. Dio XLII 56: καὶ ἐς τὴν Ἀφρικὴν καίτοι τοῦ χειμῶνος μεσοῦντος ἐπεραιώθη. Cic. de div. II. 24: Caesar.... in Africam *ante brumam*.... transmisit. (NB: *конецъ дек.* по неисправленному календарю былъ все-таки *ante brumam*, такъ какъ въ дѣйствительности онъ соотвѣтствовалъ началу октября). Vell. II. 55: Sequens fortunam suam Caesar pervectus in Africam etc.

Годъ 708 и. с.

ГОДЪ ЦЕЗАРЯ 54.

Январь.

1.* Цезарь разбиваетъ лагерь у Руспины. B. Afr. 6: Itaque eo die castra posuit ad oppidum Ruspinam, *Kal. Ian.* Срв. Vell. II. 55. Suet. 35. Plut. 52. Dio XLII. 56—58. Liv. epit. 113.

3.* Цезарь дѣлаетъ диверсію съ цѣлью обезпечить себя провіантомъ B. Afr. 9: Caesar *a. d. III Non. Ian.* castra movet: Leptique sex cohortium praesidio cum Saserna relicto, ipse rursus, unde pridie venerat, Ruspinam cum reliquis copiis convertit ibique sarcinis exercitus relictis, ipse cum expedita manu proficiscitur circum villas frumentatum oppidanisque imperat, ut plaustra jumentaque omnia sequantur. Itaque magno frumenti invento numero, Ruspinam redit.

25.* Цезарь снимается лагеремъ изъ Руспинъ. Ib. 37: (Caesar) *a. d. VI Kal. Febr.*... vigilia tertia jubet omnes legiones ex castris educi.

Мартъ.

21.* Цезарь производитъ люстрацію войска. Ib. 75: Caesar interim, lustrato exercitu *a. d. XII Kal. Apr.* etc.

Апрѣль.

1.* Цезарь переноситъ свой лагерь къ Тапсу. Ibid. 79: *pridie Non. Apr.* tertia vigilia egressus ab Agar XVI milia nocte progressus, ad Thapsum, ubi Vergilius cum grandi praesidio praeerat, castra ponit. Dio XLIII. 7: ὁ οὖν Καῖσαρ ἐννοήσας ὅτι οὐκ ἂν δύναιτο ἄκοντας αὐτοὺς ὑπὸ τῶν χωρίων ἐς χεῖρας ἐλθεῖν ἀναγκάσαι, πρὸς Θάψον ὥρμησεν, ἵν' ἢ προσβοηθησάντων αὐτῶν τῇ πόλει συμβάλῃ σφισιν, ἢ περιὸόντων ἐκείνην γε ἕλῃ.

6.* Битва при Тапсѣ. *Fasti Praenestini* (C. I. L. v. I, p. 316): *a. d. VIII Id. Apr.* Ludi F(iunt), Q(uod) E(o) D(ie) Caesar C(onsul) F(actus) in Africa regem Iubam vicit.—Ovid. Fast. IV. 377 слѣд.: Tertia lux — memini — ludis *) erat, ac mihi quidam spectanti senior continuusque loco: „Haec" ait „illa dies, Libycis qua Caesar in oris perfida magnanimi contudit arma Iubae". Срв. Liv. epit. 114: Caesar Scipionem praetorem, Afranium Iubamque vicit ad Thapsum, castris eorum expugnatis.—Sueton. Caes. 35: Dehinc Scipionem ac Iubam, reliquias partium in Africa refoventes devicit. См. стр. 317.

Вскорѣ за битвой при Тапсѣ—смерть Катона. Liv. epit. 114: Cato, audita re, cum se percussisset,...., inter ipsam curationem rescisso vulnere exspiravit.

Май.

Въ концѣ мая Гирцій на играхъ въ Пренесте (н. *Palaestrina*). Ep. 442. ad Att. XII. 2. § 2: Ludi interea Praeneste. Ibi Hirtius et isti omnes. Et quidem ludi dies octo. Quae coenae, quae deliciae! Res interea fortasse transacta est. *(Письмо писанное ок. 1 іюня).*

Іюнь.

Впервые является у Цицерона идея сочиненія о Катонѣ (повидимому она была внушена Аттикомъ). Ep. 445. ad Att. XII. 4: O gratas tuas mihi jucundasque literas! Ibid. § 2: Sed de Catone πρόβλημα Ἀρχιμήδειον est. Non assequor ut scribam, quod tui convivae non modo libenter sed etiam aequo animo legere possint. См. стр. 192.

13.* Цезарь отплываетъ съ флотомъ изъ Утики. B. Afr. 98: His rebus gestis, *Id. Iun.* Uticae classem conscendit.

15.* Цезарь пристаетъ съ флотомъ къ Carales (н. *Cagliari*), въ Сардиніи. Ibid.: et *post diem tertium* Caralis in Sardiniam pervenit. Срв. Dio XLIII. 14: (Καῖσαρ) μέχρι μὲν τῆς Σαρδοῦς παντὶ τῷ ναυτικῷ ἔπλευσεν. — Невѣрно у C. Peter'a, Röm. Gesch. 3 Aufl. B. 2, S. 380: *„am 13 Iuni"*. По Fischer'y, R. Z. S. 288: *16 іюня.*

[20—22*.] Цезарь отплываетъ изъ Кальяри въ Италію. B. Afr. 98: *ante diem IV* (по другимъ изд. *III*) *Kal. Quint.* naves conscendit. Ошибочно Drumann, B. III. S. 606: *„am 29 Iuni"*.

Іюль.

Въ началѣ іюля Цицеронъ отправляетъ Тирона навстрѣчу Долабеллѣ, ѣдущему впереди Цезаря. Ep. 449. ad Att. XII. 5. § 4: Ego misi Tironem Dolabellae obviam. Is ad me Idib. revertetur. *(Письмо нис. въ нач. іюля).*

Около этого же времени Цицеронъ принимается писать своего „Катона". Ibid. § 2: Cato me quidem delectat. Срв. Plut. Caes. 54. Appian. II. 99. См. стр. 318.

---

*) *Megalesia*, начало которыхъ падаетъ на 4 апр.; слѣд. третій день будетъ 6 апрѣля.

[25—26.*] Возвращеніе Цезаря въ Римъ. B. Afr. 98: et a Caralibus secundum terram provectus, *duodetricesimo die,* eo quod tempestatibus in portubus cohibebatur, ad urbem Romam venit. Считая съ 27—28 іюня, двадцать восьмой день придется на 25—26 іюля. Срв. Dio XLIII. 14: ἐντεῦθεν (ἐκ Σαρδοῦς) δὲ ἐκείνους μὲν ἔς τε τὴν Ἰβηρίαν καὶ ἐπὶ τὸν Πομπήιον μετὰ Γαΐου Διδίου ἐπεμψεν, αὐτὸς δὲ ἐς τὴν Ῥώμην ἐκομίσθη. Plut. Caes. 55: ἀλλὰ γὰρ ὡς ἐπανῆλθεν εἰς Ῥώμην ἀπὸ Λιβύης, πρῶτον μὲν ὑπὲρ τῆς νίκης ἐμεγαληγόρησε etc.—Appian. II. 101: τοῦτο μέν δὴ καὶ τὸ περὶ Λιβύην Καίσαρος πολέμῳ τέλος ἐγίγνετο, αὐτὸς δ' ἐπανελθὼν ἐς Ῥώμην ἐθριάμβευε τέσσαρας ὁμοῦ θριάμβους. По Fischer'y, R. Z. S. 288: *26 іюля.* По Друманну, B. III. S. 600: „*am Ende des Juli*". Срв. стр. 318.

Сентябрь.

Въ концѣ сент. Цицеронъ возвратился изъ Брундузія въ Римъ. Ep. 461. ad Div. IV. 3.

Ноябрь.

26. Цицеронъ произноситъ предъ Цезаремъ свою рѣчь за Лигарія. Ep. 475. ad Div. VI. 14. *(Письмо Цицерона къ Лигарію):* Ego idem tamen cum a. d. V. Kal. intercalares priores, rogatu fratrum tuorum, venissem mane ad Caesarem, atque omnem adeundi et conveniendi illius indignitatem et molestiam pertulissem; cum fratres et propinqui tui jacerent ad pedes, et ego essem locutus, quae causa, quae tuum tempus postulabat non solum ex oratione Caesaris,...., sed etiam ex oculis et vultu... hanc in opinionem discessi, ut mihi tua salus dubia non esset —Ep. 604. ad Att. XIII. 12. § 2: Ligarianam praeclare vendidisti. Posthac quicquid scripsero, tibi praeconium deferam. Ep 611. ad Att. XIII. 19. § 2: Ligarianam, ut video, praeclare auctoritas tua commendavit. Scripsit enim ad me Balbus et Oppius mirifice se probare; ob eamque causam ad Caesarem eam se orationculam misisse. Plut. Cic. 39. Срв. Quintil. VI. 5. § 10: Infinitum est enumerare, ut pro Ligario se opposuerit (Cicero). См. для срв. стр. 355.

Декабрь.

Цезарь отправляется въ Испанію въ декабрѣ (такъ какъ въ концѣ ноября мы еще видимъ его въ Римѣ, а въ янв. уже въ Испаніи). B. Hisp. 2: Caesar dictator III designatus IV multis itineribus ante confectis, cum celeri festinatione ad bellum conficiendum in Hispaniam venisset, legati Cordubenses... Caesari obviam veniunt. — Appian. II. 103: αὐτὸς δέ, ἤδη τέταρτον ὑπατεύων, ἐπὶ τὸν νέον Πομπήιον ἐστράτευεν ἐς Ἰβηρίαν. Plut. Caes. 56: Συντελεσθέντων δὲ τούτων, ὕπατος ἀποδειχθεὶς τὸ τέταρτον, εἰς Ἰβηρίαν ἐστράτευσεν ἐπὶ τοὺς Πομπηίου παῖδας. Vell. II. 55: Victorem Africani belli Caesarem gravius suscepit Hispaniense..., quod Cn. Pompejus Magni filius.... conflaverat. Dio XLIII. 32: κἂν τοῦτο καὶ ὁ Καῖσαρ μετ' ὀλίγων ἐξαίφνης ἀδοκήτοις οὐχ ὅτι τοῖς περὶ τὸν Πομπήιον ἀλλὰ καὶ τοῖς ἑαυτοῦ στρατιώταις ἐπῆλθεν.—Oros. VI. 16: In Hispanias contra Pompejos, Pompeji filios, profectus, septimo decimo quam egressus ab urbe fuerat die, Saguntum pervenit.

Годъ 709 и. с.

ГОДЪ ЦЕЗАРЯ 55.

Январь.

Цезарь въ Испаніи; его переписка съ Цицерономъ. Казнь II. Курція. Ep. 521. ad Div. VI. 18: De Hispaniis novi nihil. Magnum tamen exercitum Pompejum

habere constat: nam Caesar ipse ad nos misit exemplum Paciaeci literarum, in quo erat, illas undecim esse legiones. Scripserat etiam Messala Q. Salasso P. Curtium fratrem ejus jussu Pompeji, inspectante exercitu, interfectum, quod consensisset cum Hispanis quibusdam, si in oppidum nescio quod Pompejus rei frumentariae causa venisset, eum comprehendere ad Caesaremque deducere. См. стр. 326 и далѣе (NB: *Салассъ*—опечатка, слѣдуетъ *Курцій*).

Февраль.

19.* Атегуа сдается Цезарю. B. Hisp. 19: ita *a. d. XI Kal. Mart.* oppido (Ategua) potitus, imperator est appellatus. Срв. Dio XLIII. 33—35: Ἀττέγουα.

Мартъ.

Внезапное и многимъ казавшееся подозрительнымъ возвращеніе Антонія въ Римъ. Ep. 535. ad Att. XII. 19. § 2: De Antonio quoque Balbus ad me cum Oppio conscripsit, idq. e tibi placuisse, ne perturbarer. Illis egi gratias. Te tamen, ut jam ante ad te scripsi, scire volo me neque isto nuncio esse perturbatum nec jam ullo perturbatum iri. Ep. 536. ad Att. XII. 20. § 1: Nondum videris perspicere, quam me nec Antonius commoverit nec quidquam jam ejusmodi possit commovere. См. стр. 399.

Книга Брута о Катонѣ. Ep. 538. ad Att. XII. 21. § 1: Legi Bruti epistolam eamque tibi remisi... Sed ipse viderit: quamquam illud turpiter ignorat. Catonem primum sententiam putat de animadversione dixisse... Ep. 629. ad Att. XIII. 46. § 2: Legi epistolam: multa de meo Catone, quo saepissime legendo se dicit copiosiorem factum: Bruti Catone lecto se sibi visum desertum. Ср. Suet. 56. См. стр. 375.

5.* Битва при Сорицін. B. H. 27: *a. d. III Non. Mart.* proelium ad Soritiam factum est.

17.* Битва при Мундѣ. B. Hisp. 31: ipsis *Liberalibus* (=*17 марта*) fusi fugatique (Pompejani). Plut. 56: ταύτην τὴν μάχην ἐνίκησε τῃ τῶν Διονυσίων ἑορτῇ, καθ' ἣν λέγεται καὶ Πομπήϊος Μάγνος ἐπὶ τὸν πόλεμον ἐξελθεῖν. (*См. выше. 17 марта 705 г.*).

Цицеронъ въ Астурѣ. Ep. 528. ad Att. XII. 12. См. стр. 385 и далѣе.

Апрѣль.

[12.*] Около этого времени (по по всякомъ случаѣ до 12 апр.) Секстъ и Кн. Помпеи бѣжали изъ Кордуба (н. *Cordova*), при чемъ послѣдній убитъ. B. Hisp. 39: (Cn. Pompejus) saucius et intorto talo, idcirco tardabatur ad fugiendum:—ita ibi interficitur. Cum Caesar Gadibus fuisset, Hispalim *pridie Id. Apr.* caput adlatum et populo datum est ad conspectum. Срв. ib. 32. Также Dio XLIII. 39—40. Plut. Caes. 56. App. II. 105. Oros. VI. 16. Liv. epit. 115. Ep. 562. ad Att. XII. 37. § 4: Hirtius ad me scripsit Sex. Pompejum Corduba exisse et fugisse in Hispaniam.

20.* Вечеромъ получено въ Римѣ извѣстіе о побѣдѣ Цезаря при Мундѣ. Dio XLIII. 42: τά τε Παρίλια (*=21 апрѣля*) ἱπποδρομίᾳ ἀθανάτῳ....διὰ τὴν τοῦ Καίσαρος νίκην, ὅτι ἡ ἀγγελία αὐτῆς τῇ προτεραίᾳ πρὸς ἑσπέραν ἀφίκετο, ἐτιμήθη.

29. Цезарь изъ Гиспалы (н. *Sevilla*) отправляетъ письмо къ Цицерону. Ep. 612. ad Att. XIII. 20. § 1: A Caesare literas accepi consolatorias, datas *pridie Kal. Mai.* Hispali. См. стр. 393. Срв. Dio XLIII. 39.

Май.

23. Сервій Сульпицій встрѣчается съ M. Марцелломъ въ Пиреѣ. Ep. 566. ad Div. IV. 12. § 1: A. d. X Kal. Iun. cum ab Epidauro Piraeum navi advectus essem, ibi Marcellum, collegam nostrum, conveni eumque diem ibi consumpsi, ut cum eo essem.

24. Сер. Сульпицій выѣзжаетъ изъ Аѳинъ въ Беотію. Ibid.: *Postero die* cum ab eo digressus essem eo consilio, ut ab Athenis in Boeotiam irem reliquamque jurisdictionem absolverem: ille, ut ajebat, supra Maleam (in) Italiam versus navigaturus erat.

26. Загадочное убійство M. Марцелла Маріемъ Киѳономъ въ Аѳинахъ. Ibid. § 2: *Post diem tertium ejus diei, quam ab Athenis proficisci in animo haberem*, circiter hora decima noctis, P. Postumius, familiaris ejus ad me venit et mihi nunciavit, M. Marcellum, collegam nostrum, post coenae tempus a P. Magio Cilone, familiare ejus, pugione percussum esse et duo vulnera accepisse, unum in stomacho, alterum in capite secundum aurem; sperare tamen eum vivere posse: Magium se ipsum interfecisse: postea se a Marcello ad me missum esse, qui haec nunciaret et rogaret, uti medicos. Coëgi et e vestigio eo sum profectus prima luce. Cum non longe a Piraeo abessem, puer Acidini obviam mihi venit cum codicillis, in quibus erat scriptum, paulo ante lucem Marcellum diem suum obiisse.—См. стр. 399.

Іюнь.

Книга Гирція въ отвѣтъ на Цицеронова „Катона". Ep. 567. ad Att. XII. 40. § 1: Qualis futura sit Caesaris vituperatio contra laudationem meam, perspexi ex eo libro, quem Hirtius ad me misit, in quo colligit vitia Catonis, sed cum maximis laudibus meis. Ep. 570. ad Att. XII. 41. § 4: Hirtii epistolam si legeris, quae mihi quasi πρόπλασμα videtur ejus vituperationis, quam Caesar scripsit de Catone... Ep. 574. ad Att. XII. 44. § 1: Et Hirtium aliquid ad te συμπαθῶς de me scripsisse facile patior... Illius librum, quem ad me misit de Catone, propterea volo divulgari a tuis, ut ex istorum vituperatione sit illius major laudatio.—См. стр. 373.

[11.] До 11 іюня постановлена статуя Цезарю въ храмѣ Квирина. Ep. 575. ad Att. XII. 45. § 3: De Caesare vicino scripseram ad te, quia cognoram ex tuis literis. Eum σύνναον Quirino malo, quam Saluti.—Ep. 588. ad Att. XIII. 28, § 3: Quid? tu hunc de pompa, Quirini contubernalem, his nostris moderatis epistolis laetaturum putas?—См. стр. 372.

Іюль.

Женитьба Брута на сестрѣ Катона Порціи. Ep. 602. ad Att. XIII. 10. § 3: — Ep. 602. ad Att. XIII. 16. § 2. – Ep. 607. ad Att. XIII. 14. § 2.—Ep. 601. ad Att. XIII. 9. § 2. Срв. Appian. IV. 136: Πορκία δ' ἡ Βρούτου μὲν γυνὴ Κάτωνος δ' ἀδελφὴ τοῦ νεωτέρου. Dio XLIV. 30: καὶ μόνη γε γυναικῶν ἡ γαμητὴ αὐτοῦ (Βρούτου) ἡ Πορκία τὴν ἐπιβουλὴν... συνέγνω.

Въ половинѣ іюля Цицеронъ принимаетъ у себя въ Tusculanum'ѣ (н. *Frascati*) Требація, Курція, Долабеллу и Торквата. Ep. 601. ad Att. XIII. 9. § 1: Commodum discesseras heri, cum Trebatius venit, paulo post Curtius; hic salutandi causa: sed mansit invitatus. Trebatium nobiscum habemus. Hodie mane Dolabella. Multus sermo ad multum diem. Nihil possum dicere ἐκτενέστερον, nihil φιλοστοργότερον..... Εὐκαίρως ad me venit, cum haberem Dolabellam, Torquatus: humanissimeque Dolabella, quibus verbis secum egissem, exposuit. Commodum enim egeram diligentissime: quae diligentia grata est visa Torquato.

31. Цицеронъ получаетъ вышеупомянутое письмо Цезаря, отправленное изъ Гиспалы 29 апрѣля (слѣдовательно письмо шло изъ Испаніи до Италіи ровно *три мѣсяца!*). Ep. 612. ad Att. XIII. 20. § 1: A Caesare literas accepi consolatorias, datas *pridie Kal. Mai.* Hispali. *(Письмо Циц. отъ 21 іюля).*

Августъ.

Laudatio Porciae. Ep. 621. ad Att. XIII. 37. § 3: Laudationem Porciae gaudeo me ante dedisse Leptae tabellario, quam tuas acceperim literas. Eam tu igitur, si me amas, curabis—si modo mittetur—isto modo mittendam Domitio et Bruto. *(Письмо Циц. отъ 6 авг.).* Ep. 634. ad Att. XIII. 48. § 2: Laudationem Porciae tibi misi correctam: atque eo properavi, ut, si forte aut Domitio filio aut Bruto mitteretur, haec mitteretur. Id si tibi erit commodum, magno opere cures velim: et velim M. Varronis et Lollii mittas laudationem. См стр. 375.

12. До 12 Авг.—*circensis pompa.* Ep. 627. ad Att. XIII. 44. § 1: Suaves tuas literas! Etsi acerba pompa. Verumtamen scire omnia non acerbum est, vel de Cotta. Populum vero praeclarum, quod propter malum vicinum ne victoriae quidem ploditur. *(Письмо Циц. отъ 12 авг.).* Срв. Suet. Caes. 76: circensis pompa.—См. стр. 372.

Новая попытка Цезаря склонить Цицерона къ возвращенію въ Римъ *(письмо Лепида отъ авг. 709 г.).* Ep. 633. ad Att. XIII. 47. § 2: Lepidus ad me heri vesperi literas misit Antio; nam ibi erat—habet enim domum, quam nos vendidimus—rogat magno opere, ut sim Kal. (Sept.) in senatu; me et sibi et Caesari vehementer gratum esse facturum. См. стр. 405.

Сентябрь.

[1—15.] Время предполагавшагося возвращенія Цезаря въ Римъ. Ep. 613. ad Att. XIII. 21. § 6: De Caesaris adventu scripsit ad me Balbus, *non ante Kal. Sept.* — Ep. 628. ad Att. XIII. 45. § 1: Fuit apud me Lamia post discessum tuum epistolamque ad me attulit missam sibi a Caesare: quae quamquam ante data erat quam illae Diocharinae, tamen plane declarabat illum (sc. Caes.) *ante ludos Romanos* (=*15 сент.* См. *Fasti Amitern.* [C. I. L. I, p. 324.]) esse venturum.—Срв. также вышепривед. цитату изъ письма Циц. 633. ad Att. XIII. 47:.... ut sim *Kal. (Sept.)* in senatu. См. стр. 371 (NB: *4 сент.*—опечатка).

13.* Цезарь пишетъ завѣщаніе въ Lavicanum'ѣ. Suet. Caes. 83: Postulante ergo L. Pisone socero testamentum ejus aperitur recitaturque in Antoni domo, quod *Id. Sept.* proximis in Lavicano suo fecerat.

14. Долабелла у Цицерона въ Тускуланѣ. Ep. 633. ad Att. XIII. 47. § 2: Dolabella scribit se ad me *postridie Idus (Sept.).*

Октябрь.

Возвращеніе Цезаря въ Римъ, по Веллею Патеркулу. Vell. II. 56: Quippe cum *mense Octobri* in urbem revertisset, Idib. Mart.... interemptus est.—Срв. Appian. II. 106: ὁ δὲ Καῖσαρ ἐς Ῥώμην ἠπείγετο, τὰ ἐμφύλια πάντα καθελών, ἐπὶ φόβου καὶ δόξης οἵας οὔ τις πρὸ τοῦ.—Vell. II. 56: Caesar omnium victor regressus in urbem etc.—Liv. epit. 116. См. стр. 408.

Надѣлъ землей ветерановъ Цезаря. Epp: 642. ap Div. XIII. 4.—615. ad Div. XIII. 7.—613. ad Div. XIII. 5.—644. ad Div.—Suet. 38. См. стр. 408—409.

[13.*] До 13 октября—тріумфы Цезаря, такъ какъ 13 окт. былъ тріумфъ уже его легата Фабія. *Acta triumph.* (C. I. L. I, p. 461): Q. Fabius Q. F. Q. N. Maximus Cos. An. DCCIIX. ex Hispania *III Idus Octo.*

Цицеронъ въ Римѣ. Ep. 657. ad Div. XII. 17. и др. См. стр. 413.

Декабрь.

Неудачныя дѣйствія Ватинія въ Иллиріи. Epp. 649. ad Div. V. 10 extr.—655. ad Div. V. 10.—599. ad Div. V. 9.—См. стр. 410.

13.* Тріумфъ другаго легата Цезаря, Кв. Педія. *Acta triumph.* (C. I. L. I, p. 461): Q. Pedius M. F. Procos. ex Hispania *Idib. Dec.* A. DCCIIX.

31.+ Цезарь назначаетъ выборы консула (Каннинія Гебила) на нѣсколько часовъ. См. часть III, данныя согл. § 89. Срв. также стр. 411.

Годъ 710 и. с.

ГОДЪ ЦЕЗАРЯ 66.

Январь.

26.* Во время торжественнаго въѣзда Цезаря въ Римъ во время латинскихъ Ферій, онъ былъ привѣтствованъ нѣкоторыми изъ своихъ приверженцевъ именемъ царя. Plut. Caes. 60: καὶ καταβαίνοντος ἐξ Ἄλβης Καίσαρος εἰς τὴν πόλιν, ἐτόλμησαν αὐτὸν ἀσπάσασθαι βασιλέα. — *Acta triumphor.* (C. I. L. I, p. 461): C. Iulius C. F. C. N. Caesar IV. dict. III. ovans A. DCCIX. ex monte Albano *VII K. Febr.* Срв. Suet. Caes. 79.

Февраль.

15.* Во время праздника Люперкалій (=*15 febr.* См. *Fast. Maff.* [C. I. L. I, p. 304] Антоній подноситъ Цезарю царскую діадему. Sueton. Caes. 79: et *Lupercalibus* pro rostris a cos. Antonio admotum saepius capiti suo diadema repulerit atque in Capitolium Iovi Optimo Maximo miserit. Plut. Caes. 61. ἡ μὲν γὰρ ἡ τῶν Λουπερκαλίων ἑορτή....Ἀντώνιος δὲ τῶν θεόντων τὸ ἱερὸν δρόμον εἷς ἦν· καὶ γὰρ ὑπάτευεν. ὡς οὖν εἰς τὴν ἀγορὰν ἀνέβαλε, καὶ τὸ πλῆθος αὐτῷ διέστη, φέρων διάδημα στεφάνῳ δάφνης περιπεπλεγμένον, ὥρεξε τῷ Καίσαρι. Appian. II. 109: θεώμενον αὐτὸν ἐν ἀγορᾷ τὰ Λουπερκάλια ἐπὶ θρόνου χρυσοῦ, πρὸ τῶν ἐμβόλων, Ἀντώνιος ὑπατεύων σὺν αὐτῷ Καίσαρι, καὶ διαθέων τότε γυμνὸς ἀληλιμμένος, ὥσπερ εἰώθασιν οἱ τῆδε τῆς ἑορτῆς ἱερεῖς, ἐπὶ τὰ ἔμβολα ἀναδραμὼν ἐστεφάνωσε διαδήματι.—Dio XLIV. 11: ἐπειδὴ γὰρ ἐν τῇ τῶν Λυκαίων γυμνοπαιδίᾳ ἔς τε τὴν βασιλείαν ἐσῆλθε, καὶ ἐπὶ τοῦ βήματος τῇ τε ἐσθῆτι τῇ βασιλικῇ κεκοσμημένος καὶ τῷ στεφάνῳ τῷ διαχρύσῳ λαμπρυνόμενος ἐπὶ τὸν δίφρον τὸν κεχρυσωμένον ἐκαθίζετο, καὶ αὐτὸν ὁ Ἀντώνιος βασιλέα τε μετὰ τῶν συνιερέων προσηγόρευσε καὶ διαδήματι ἀνέδησεν.

Мартъ.

15.* Смерть Цезаря на 56 году жизни. Vell. II. 56: Quippe cum mense Octobri in urbem revertisset, *Idib. Mart.*, conjurationis auctoribus Bruto et Cassio, quorum alterum promittendo consulatum non obligaverat, contra differendo Cassium offenderat, adjectis etiam consiliariis caedis familiarissimis omnium et fortuna partium ejus in summum revectis fastigium D. Bruto et C. Trebonio aliisque clari nominis viris, interemptus est.—Liv. epit. 116: Conspirati-

one in eum facta, cujus capita fuerunt M. Brutus et C. Cassius et ex Caesaris partibus D. Brutus et C. Trebonius, in Pompeji curia occisus est.—Suet. Caes. 80: Conspiratum est in eum a sexaginta amplius; C. Cassio M.—que et D. Bruto principibus conspirationis. Qui.... postquam senatus *Id. Mart.* in Pompeji curiam edictus est, facile tempus et locum praetulerunt.—Ib. 88: Periit *sexto et quinquagesimo aetatis anno.*—Appian. II. 149: Γάϊος Καῖσαρ ἐτελεύτησεν ἐν ἡμέραις [sic!] αἷς καλοῦσιν Εἰδοῖς Μαρτίαις, Ἀνθεστηριῶνος μάλιστα μέσου... ἔτος ἄγων ἕκτον ἐπὶ πεντήκοντα. Plut. Caes. 69: θνήσκει δὲ Καῖσαρ τὰ μὲν πάντα γεγονὼς ἔτη πεντήκοντα καὶ ἕξ.—Dio XLIV. 8—20.—Срв. Ep. 685. ad Att. XIV. 6. § 1: Sed adhuc tamen nihil me delectat praeter *Idus Martias.* — Ep. 683. ad Att. XIV. 4. § 2: *Idus Martiae* consolantur. — Ep. 794. ad Div. X. 28. § 1: Quam vellem ad illas pulcherrimas epulas me *Idibus Martiis* invitasses! (*Письмо Циц. къ Требонію*).—Ep. 793. ad Div. XII. 4. § 1: Vellem *Idibus Martiis* me ad coenam invitasses. (*Письмо Циц. къ Кассію*). Ep. 683. ad Att. XIV. 4. § 2: Nostri ἥρωες... gloriosissime et magnificentissime confecerunt. 692. ad Att. XIV. 12. § 1: O mi Attice, vereor ne nobis *Idus Martiae* nihil dederint praeter laetitiam et odii poenam ac doloris.—694. ad Att. XIV. 14. § 3: et, quemadmodum tu praecipis, contenti *Idibus Martiis* simus. Срв. выше стр. 413 и далѣе.

Поправка: на стр. 14, подъ рубрикой „январь 1“, вмѣсто διδραμών слѣдуетъ διαδραμών.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Характеристика переписки Цицерона какъ литературно-историческаго памятника ..... 5—46

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Данныя переписки для исторіи Цезаря.....47—422

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Переписка съ мая 703 г. до конца 704 года ..... 47—137
Предварительныя замѣчанія..... 47— 52
Фактическія данныя..... 52— 96
Отношенія Цицерона къ Цезарю..... 96—118
Отношенія Цицерона къ Помпею..... 118—137

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Переписка 705 года (январь—іюнь)..... 138—274
Предварительныя замѣчанія..... 138—143
Фактическія данныя..... 143—216
Отношенія Цицерона къ текущимъ событіямъ..... ..... 216—252
Отношенія Цицерона къ Цезарю..... 252—265
Отношенія Цицерона къ Помпею..... 365—274

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Переписка 706 года (февраль—іюль)..... 275—282

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Переписка съ ноября 706 года до декабря 707 года..... 283—312
Предварительныя замѣчанія..... 283—285
Фактическія данныя .... 285—297
Отношенія Цицерона къ текущимъ событіямъ ..... 297—306
Отношенія къ Цезарю въ связи съ отношеніями къ Помпею .... 306—312

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Переписка съ января 708 г. по январь 709 года..... 313—365
Предварительныя замѣчанія..... 313—317

Стран.
Фактическія данныя ..... 317—328
Отношенія Цицерона къ текущимъ событіямъ ..... 328—346
Отношенія Цицерона къ Цезарю и къ политическимъ партіямъ ..... 346—365

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Переписка 709 г. (мартъ—сентябрь) ..... 366—406
Предварительныя замѣчанія ..... 366—369
Фактическія данныя ..... 369—380
Отношенія Цицерона къ текущимъ событіямъ ..... 381—392
Отношенія Цицерона къ Цезарю ..... 392—406

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Переписка съ октября 709 г. до февраля 709 года ..... 407—412

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мартовскія Иды въ перепискѣ Цицерона ..... 413—422

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Объ отношеніи переписки Цицерона къ прочимъ источникамъ ..... 423—468

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предварительныя замѣчанія ..... 423—439
Веллей Патеркулъ ..... 424—427
Плутархъ ..... 427—428
Светоній ..... 429—430
Аппіанъ ..... 430—432
Діонъ Кассій ..... 432—434
Записки современниковъ ..... 434—439

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сравненіе данныхъ переписки съ данными прочихъ источниковъ ..... 440—468
Данныя согласныя ..... 440—453
Данныя разногласящія ..... 553—457
Данныя противорѣчивыя ..... 457—459
Данныя дополняющія ..... 459—463
Данныя недостающія ..... 463—468

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бѣглый обзоръ переписки въ алфавитномъ порядкѣ корреспондентовъ ..... 1—7

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Хронологическія данныя ..... 8—34